

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная
научно-практическая
школа-конференция
молодых ученых (8–9 октября 2019 г.)

История России с древнейших времен до XXI века:

*проблемы,
дискуссии,
новые взгляды*

Сборник статей участников

Москва
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор), С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, Д.Б. Павлов, В.Н. Круглов (ответственный редактор),
А.А. Голубинский, Е.Ю. Начарова, О.А. Плех, С.П. Ким

И90 История России с древнейших времен до XXI века : проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст] : сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (8–9 октября 2019 г.) / [отв. ред. : Ю.А. Петров, В.Н. Круглов] ; Министерство науки и высшего образования РФ ; Институт российской истории РАН ; Совет молодых ученых ИРИ РАН . – Москва : Институт российской истории РАН , 2019 . – 498, [2] с. : табл.

ISBN 978-5-8055-0365-9

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», прошедшей в ИРИ РАН 8–9 октября 2019 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики, медицины, науки, внешней политики и многие другие.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0365-9

© Институт российской истории РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Содержание

Секция I. История России до начала XIX в.

<i>Е.А. Гордеева.</i> Погребальный обряд и искусство в «зверином стиле» как отражение мировоззрения населения Южной Сибири и Средней Азии в древности	9
<i>К.В. Вершинин.</i> Древнейший вид Сказания о трех пленениях Иерусалима	16
<i>И.А. Устинова.</i> Высшая церковная иерархия Русской православной церкви 1620—1640-х гг.	22
<i>В.И. Кузнецов.</i> Отражение международной обстановки в донесениях дьяка К. Нефимонова из Вены (1696—1697 гг.)	28
<i>М.Т. Накишова.</i> А.М. Девиер как первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга (историографический аспект)	34
<i>А.В. Воробьёв.</i> «Известия» В.Н. Татищева о законодательстве Разбойного приказа эпохи Ивана IV	41
<i>М.А. Киселёв.</i> Крымская угроза, слухи и военные тревоги на Юго-Западе Российской империи в середине XVIII в.	49
<i>В.В. Ткаченко.</i> Российский атлас 1760-х гг.: несостоявшееся издание и причины неудачи	57
<i>Е.В. Суровцева.</i> К вопросу об изучении взаимоотношений писателей и властителей в России: на материале «писем царю» в творчестве А.П. Сумарокова (постановка проблемы)	64
<i>О.В. Ларюшкин.</i> Московские купцы греческого происхождения: роль в торговой и общественной жизни города (70-е гг. XVIII — середина XIX в.)	69
<i>О.К. Ермакова.</i> Иностранцы-специалисты и индустриальная идентичность Урала XVIII—XIX вв.: источниковедческий аспект	82

Секция II. История Российской империи (XIX в. — 1917 г.)

<i>О.А. Плех.</i> Ведомственный контроль во второй четверти XIX в. (на материалах ревизий местных учреждений Министерства внутренних дел)	91
<i>З.Ж. Глашева.</i> Особенности взаимодействия государственных и общественных институтов в системе местного самоуправления у горских народов во второй половине XIX — начале XX в.	100
<i>М.С. Шишкина.</i> Культурное пространство Императорского училища правоведения	108
<i>М.А. Виноградов.</i> Окружение волостного старшины Фёдора Куликова по данным метрических книг	115

<i>Т.Г. Павлуцких.</i> Государство и государственные крестьяне Зауралья: взаимонепонимание как причина картофельных бунтов	123
<i>В.А. Болтрукевич.</i> Английские военно-морские станции и торговые порты глазами русских путешественников во второй половине XIX — начале XX в.	131
<i>А.В. Семенов.</i> Монастырская реформа в Царстве Польском 1864 г.: интеграция или русификация?	142
<i>Д.В. Наумов.</i> Проблема материального обеспечения приходского духовенства 1860-х — начала 1870-х гг. в епархиальной периодической печати (по материалам «Воронежских епархиальных ведомостей»)	149
<i>С.С. Сингх.</i> Деятельность православного духовенства на пароходах Добровольного флота в конце XIX в.	155
<i>К.Я. Паромов.</i> От Петербургских религиозно-философских собраний к «Вехам»: религиозно-политические взгляды В.А. Тернавцева и С.Н. Булгакова	162
<i>Е.М. Чигирева.</i> Вопросы материального обеспечения и социального статуса учителей народной земской школы в конце XIX — начале XX в. (на материалах Воронежской губернии)	169
<i>И.В. Печенин.</i> Еврейская пресса в Российской империи в XIX — начале XX в. и ее место в системе российской печати	176
<i>М.Г. Алмазов.</i> Дневник В.Г. Глазова как источник по истории Московского вооруженного восстания 1905 г.	186
<i>А.Н. Гребёнкин.</i> Полицейские подразделения Императорской охраны в контексте создания Собственной Его Величества охраны	195
<i>А.В. Перегудов.</i> Жандарм и реформы в России: опыт изучения социально-профессиональной эволюции (на примере руководящего состава жандармского управления Воронежской губернии, вторая половина XIX — начало XX в.)	203
<i>А.А. Ефимов.</i> Финансирование строительства великокняжеских резиденций и роль августейших заказчиков на примере Михайловской дачи и Владимирского дворца в Санкт-Петербурге ...	208
<i>Е.Ю. Ковальская.</i> Вклад Великой княгини Елизаветы Фёдоровны в развитие кустарного производства в России	216
<i>С.А. Лиманова.</i> 300-летний юбилей Династии Романовых как «аккумулированный опыт» способов организации имперских торжеств	226

Секция III. История России в XX — начале XXI в.

<i>И.А. Концевой.</i> «С левыми эсерами, не отмежевавшимися от своего ЦК, необходимо придерживаться непримиримой тактики»: политика руководства РКП(б) по исключению левых социалистов-революционеров из местных Советов	235
--	-----

<i>Н.В. Кияшко.</i> Чекисты и Русская Православная церковь: роль ВЧК в реализации религиозной политики на Юге в 1920—1921 гг.	242
<i>Т.И. Морозова.</i> Формирование партийно-советской элиты Сибири в 1920-е гг.	250
<i>Ю.С. Филина.</i> Вопросы репродуктивного поведения на страницах журнала «Работница» в 1917—1927 гг.	258
<i>А.В. Чебаковская.</i> Детский дом как основной институт социализации сирот и беспризорных в Карелии в 1920-х — первой половине 1930-х гг.	267
<i>В.Н. Сергеев.</i> «Великий перелом» в жизни Л.С. Боголеповой. К вопросу о реструктуризации системы здравоохранения в Московском регионе в начале 1930-х гг.	276
<i>П.С. Гребенюк.</i> Власть и человек: свободный и несвободный труд на золотых приисках Дальстроя (1930—1940-е гг.)	284
<i>А.С. Мартынов.</i> Украинский коллаборационизм в г. Сталино (Донецке) в начале германской оккупации (1941 г.)	291
<i>Н.Э. Анисимова.</i> Повседневность рабочей молодежи из отдаленных областей и республик на предприятиях СССР в годы Великой Отечественной войны	299
<i>Э.А. Кочерещенко.</i> Второй фронт в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны по материалам газеты «Правда»	308
<i>Е.А. Косован.</i> «На кладбище интервентов и захватчиков»: Тарутинский мемориальный комплекс в исторической политике России (XX—XXI вв.)	318
<i>С.В. Решетников.</i> Участие эмигрантской организации «Союз русских патриотов» в борьбе против восточных войск Вермахта во Франции (1943—1944 гг.)	325
<i>С.П. Ким.</i> Проблема «сибирского интернирования» в работах зарубежных историков	332
<i>В.Н. Круглов.</i> К вопросу о периодизации продовольственных затруднений в СССР в начале 1950-х — первой половине 1960-х гг.	339
<i>Е.А. Воронова.</i> Восприятие статей о семье, разводах и «матерях-одиночках» в письмах советских читателей (1950—1960-е гг.)	348
<i>Р.Ю. Червяков.</i> «Вползает в юные умы микроб коричневой чумы»: (нео)фашизм в советской политической карикатуре 1970—1980-х гг.	357
<i>В.В. Тихонов.</i> «Вправе ли мы вообще вмешиваться в природу...»: дискуссии о генной инженерии в позднем СССР	366
<i>Н.Ю. Пивоваров.</i> Политика ЦК КПСС в отношении советских немцев и крымских татар в годы перестройки	372

<i>С.М. Мусаева.</i> Разногласия в Политбюро ЦК КПСС по вопросу о свободе слова в культуре и СМИ в 1986—1989 гг.	381
<i>С.С. Наумов.</i> Празднования юбилеев сибирских городов в переломную эпоху: историческая политика и память (1985—1993 гг.)	389
<i>М.В. Третьяков.</i> Деятельность Учебно-тренировочного отряда Магаданского управления гражданской авиации в условиях начавшейся перестройки	398
<i>Е.К. Аксёнова, А.М. Иванов.</i> «Павловская» денежная реформа 1991 г. по материалам Смоленской области	408
<i>И.С. Логвенков.</i> Проблема переустройства Союзного государства в августе-декабре 1991 г.	416
<i>М.Д. Пищук.</i> Роль руководителей Миннаца России в формировании российской национальной политики в 1989—2001 гг.	424
<i>Р.Г. Кирсанов.</i> Роль банковской системы в реализации аграрной политики государства в начале XX в. и в современной России	433

Российско-финляндский научный семинар

<i>О.А. Плех.</i> Численность и состав служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в.: источники и их интерпретация	441
<i>М.Г. Загора.</i> Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Н.В. Адлерберг (1866—1881) в оценке историка М.М. Бородкина	450
<i>И.Г. Лиман.</i> «Isoviha» в исторической памяти Финляндии	457
<i>Д.Ю. Хоменко.</i> Дореволюционная история финской колонии Верхний Суэзук в Восточной Сибири	466
<i>Н.И. Николаев.</i> Советская дипломатия на мирных переговорах с Финляндией в Тарту (1920 г.)	473
<i>В.А. Маркова.</i> Энтузиасты социалистической Карелии: финские иммигранты на строительстве Карельской республики (1920—1930-е гг.)	482
<i>Л.А. Будаева.</i> Московский мирный договор 1940 г. между СССР и Финляндией и деятельность советского полпреда в Швеции А.М. Коллонтай. К вопросу о личностном факторе в истории дипломатии XX в.	492

Секция I
**История России
до начала XIX в.**

Погребальный обряд и искусство в «зверином стиле» как отражение мировоззрения населения Южной Сибири и Средней Азии в древности

Аннотация. В статье, автор раскрывает на примере могильника Уйгарак вопросы идеологии у саков Приаралья в VII—V вв. до н.э. Показаны также взаимовлияния традиций погребального обряда между кочевниками Южной Сибири и Средней Азии в древности. Указана роль погребального обряда в формировании религиозного мировоззрения общества в Южной Сибири и Средней Азии в древности.

Ключевые слова: Южная Сибирь; «звериный стиль»; саки; погребальный обряд; курган; кочевники; могильник Уйгарак.

The funeral rite and art in the “feral style” as a depiction of people’s world view in Southern Siberia and Central Asia in antiquity

Abstract. In the article, the author the discovered reveals of the questions of the ideology of the saks of Aral Sea region, on the example of the Uygarak burial ground in the VII—V B.C. There has shown also the inter influences of the traditions of the funeral rite between nomads of the South Siberian and Central Asia. Showed a role of the funeral rites in formation of the religion work-view of the society in the South Siberia and Central Asia in antiquity.

Keywords: South Siberia; “feral style”; saki; funeral rite; burial mound; nomads; burial ground Uygarak.

Во многих регионах степной Евразии во второй половине V в. до н.э. наблюдались изменения в погребальном обряде. Связано это с миграцией кочевых и полукочевых племен. Стали проследиваться такие изменения, как возникновение захоронений в могильных ямах с подбоем вдоль длинной стенки, преобладание умерших с южной ориентировкой головы с отклонениями, увеличение погребений в ямах с заплечиками, расположение в могиле костных останков барана (передняя нога с лопаткой, грудинка).

Появление погребений в Южном Приуралье с южной ориентировкой головы покойного связано с приходом кочевников с востока (Восточный Туркестан) [11, с. 126, 127].

* Елена Анатольевна Гордеева — базовый докторант Института истории Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан). e-mail: helena-gordeeva@inbox.ru

Yelena A. Gordeeva — Doctoral student in the Institute of History, Uzbekistan Academy of Sciences (Tashkent, Uzbekistan).

Этнокультурные процессы в степях Южного Урала оказали определенное влияние на общество, жившее в Южном Приаралье и Устюрте в V—IV вв. до н.э. Самый ранний памятник кочевников Устюрта относится к VII—IV вв. до н.э. Это погребения в виде курганов с каменными ящиками на древнем горизонте [17, с. 47]. В целом период культуры погребений на горизонте под курганной насыпью хронологически относится ко V—II вв. до н.э. Известно, что она имеет следующие типы: в каменном ящике, в пределах каменного кольца или спирали или в склепах на горизонте для многоактных захоронений. Указанная культура относится к культуре скотоводческих племен, которые использовали плато Устюрт и приближенные к нему территории как пастбищные и зимовочные районы, а летом уходили в степи Южного Приуралья [12, с. 73].

Присутствие южноуральских кочевников на Устюрте усилилось с начала IV в. до н.э. В целом в основе тесных связей между кочевниками Южного Приуралья и Древнего Хорезма лежит «сарматский кочевой цикл» или, объемнее, пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона [15, с. 37; 16, с. 78]. На рубеже IV—III вв. до н.э. в левобережный Хорезм проникли ранние сарматы Южного Урала из Устюрта — носители прохоровской культуры [2, с. 34; 3, с. 161, 163, 247].

Миграционные процессы повлияли не только на экономические и политические аспекты развития и изменения древнего общества Евразии, но также и на духовные и мировоззренческие стороны. Раскрыть представления общества помогает изучение погребальных обрядов, которые отражают веру в бессмертие души, жизнь в потустороннем мире, культ мертвых и культ предков. В качестве примера возьму могильник Уйгарак, который отражает культурную взаимосвязь между кочевниками Южной Сибири и Средней Азии.

Расположенный в низовье Сырдарьи (Узбекистан), данный памятник относится к раннесакскому времени. его изучение привело к открытию еще одного региона на евразийском континенте, где распространилось искусство «звериного стиля» (под влиянием казахско-сибирского варианта этого искусства), а также сформировались определенные элементы погребального обряда, характерные для культуры кочевых племен. Факт существования «звериного стиля» на территории современного Узбекистана свидетельствует о взаимовлиянии культур Сибири и Средней Азии в древности.

Теперь несколько слов о самом могильнике Уйгарак и традициях погребального обряда. Могилы имеют полусферическую форму, покрывались песчаными насыпями. Существовало три основных типа могил: большие прямоугольные ямы, близкие к квадрату; могилы без грунтовых ям на древнем горизонте; прямоугольные узкие ямы со скругленными углами.

Первый тип имеет несколько вариантов: а) могилы с округлыми ямками по углам дна, умершего клали на земляной «стол»; б) могилы с канавкой по периметру дна или вдоль стенок ямы. М.И. Артамонов сообщает, что «канавки вдоль стен на дне могильных ям служили обычно для закрепления нижних концов вертикальных бревен, облицовывавшие стены ямы» [1, с. 138]. В Уйгараке следы деревянной облицовки не обнаружены, зато там найдены предметы погребального инвентаря. Для первого типа могил характерна квадратная яма без ямок в углах или канавки по дну.

Для второго типа могил прослеживаются следующие варианты их устройства: а) погребение совершено в легких деревянных каркасных постройках (в плане круглые, овальные и прямоугольные со скругленными углами); б) захоронения проведены на площадках и небольшими ямками, которые в ряде случаев имитировали погребальные каркасные постройки (в плане овальные, круглые и прямоугольные); в) кенотаф.

Независимо от типа могил, по традиции дно устилали камышом. В основном все захоронения одиночные. Положение умерших — вытянутое на спине, руки вдоль туловища или немного согнуты в локтях. Голова ориентирована на запад с некоторыми отклонениями на юг и юго-запад [4, с. 64]. Среди кочевников Самаро-Уральского региона также наблюдалась западная ориентировка головы, но уже с V—IV вв. до н.э. преобладает южная ориентировка [6].

Во многих случаях в погребальном обряде Уйгарака прослеживается культ огня. Он проявился в обряде трупосожжения с наземными сооружениями, где огонь рассматривался «как средство перенесения души умершего к небесному огню и великому божеству — Солнцу» [18, р. 68]. Однако при ритуале в грунтовых ямах огонь никакой роли не играл. В Южном Приуралье в V—IV вв. до н.э. существовала традиция разжигать погребальные костры как у края свежeverытой могилы, так и на перекрытии могил. Костры разжигались до создания насыпи, чтобы совершить тризну по умершему (на ее проведение указывают битые черепки от посуды из глины, обожженные кости домашних животных). При погребении знатных савроматов совершали жертвенное сожжение животных. Кроме того, присутствовали такие обряды, как засыпка покойника горячим углем с погребального кострища и разведение костра на теле умершего. Такие погребальные обряды характерны для Южного Приуралья [10, с. 96—100].

С представлениями о загробной жизни связан обычай класть вместе с покойником различные предметы, одежду, головной убор, заупокойную пищу. В Уйгараке в могилу мясо не клали. Захоронение коня заменялось погребением конской сбруи. Жертвенники устанавливались справа у груди или у головы (в женских погребениях). В Южном Приу-

ралье особенно в обряде, связанном с трупосожжением, использовались кости лошади (задняя нога, бок). При этом, голова лошади (или барана) не являлась заупокойной пищей. Ее приносили в жертву божествам, которые относились к заупокойным культам. В некоторых случаях в качестве заупокойной пищи употребляли мясо и яйца птицы (гусь).

Обряд совершения тризны совершался до возведения насыпи. На Уйгараке могил с дромосом не найдено, но данный тип могил был характерен для курганов Тагискена V в. до н.э.

В целом по типу могил и их оборудованию, в ориентировке умерших и в определенных элементах ритуала можно заметить сходство саков Сырдарьи с савроматами Южного Приуралья. Общие черты таковы: а) использование настила из камыша, веток и коры поверх перекрытия и вокруг ямы; б) преобладание западной ориентировки головы; в) расположение умершего на спине, в некоторых случаях с согнутыми коленями; г) проявление культа огня в сожжении перекрытия могил, а также укладывания камыша поверх остывшего погребального кострища, на котором затем возводили курганную насыпь. Причиной сходства погребальных обрядов видится то, что в основе культуры данных племен лежала андроновская культура [9, с. 5].

Для понимания погребальных традиций Средней Азии в эпоху раннежелезного века необходимо рассмотреть обряд погребения савроматов. Их религиозные представления вытекали из мировоззрения кочевников. В них сочетались ранние формы религии (магия, анимизм, тотемизм), в которых совершались определенные религиозные действия, которые в последующем стали культурами (мертвых, предков). Родственников обычно хоронили рядом. Определенной ориентировки могил не придерживались, наоборот старались хоронить вблизи могилы «предка». Существовала традиция располагать на курганах «каменные бабы», которые были божествами и оберегали умерших.

Покойников почитали и боялись. Страх перед умершим заставлял заботиться о нем (одевание в лучшую одежду, размещение погребальной пищи в могиле, обустройство погребального сооружения). Над некоторыми могилами устанавливали деревянные перекрытия, чтобы не допустить возвращения его души в «мир живых». Во избежание вреда от умершего иногда его меч сначала разламывали и только потом укладывали в могилу. Возможно, это связано с верой в наличие души у предметов, принадлежащих покойному. Сломав вещь, они «отпускали» ее душу вслед за погребенным в «царство мертвых».

Савроматы жившие в каменистых районах приуральских степей, почитали камни и горы. Камни из священных скал либо располагали у входа в погребальное помещение, либо клали под голову покойному, или делали на могиле выкладку из камней. Таким образом, духи камней и гор охраняли покой умершего. Существовали и культы

воды/реки, животных и т.д. Был распространен культ Солнца, о чем свидетельствуют каменные кольца — оградки, окружающие могилы.

Утварь и конская сбруя, обнаруженные в погребениях низовий Сырдарьи и Южного Приуралья, содержат зооморфные изображения, выполненные в зверином стиле. Известно, что «Звериный стиль» характерен в основном для степных и горных районов Евразии в скифо-сарматское время. Расцвет этого стиля относится к V в. до н.э. Основными его мотивами считаются изображения хищной птицы, хищных и копытных животных.

За VII—V вв. до н.э. в скифо-сибирском искусстве чаще всего встречаются изображения головы птицы из Майэмирской степи или грифона. У савроматов этот образ относился к религиозной символике. Например, орел считался покровителем конных воинов. На предметах Уйгарака встречаются образы хищной птицы, но не грифона, что является спецификой этого могильника. У саков Приаралья, как и у всех народов евразийских степей, в раннескифское время существовал культ хищной птицы, который связывают с культом Солнца [14, с. 112—126]. Свидетельствам этого являются бляшки в виде солнечного колеса с головками хищной птицы, изображения на предметах конской сбруи солярных знаков. У номадов Южной Сибири орел ассоциировался с солнцем, был поборником света [13, с. 98].

К следующей группе хищных животных относятся преимущественно кошачьи, изображавшиеся чаще всего лежащими, стоящими и свернувшимися в кольцо. В могильнике Уйгарак найдено изображение свернувшейся в кольцо пантеры. Фигуры кошачьих хищников датируются VII—VI вв. до н.э. Изображения свернувшихся в кольцо хищников или животных с кольцевидными лапами и концом хвоста указывают на связь с культом огня и Солнца. Этот образ употреблялся в VII—IV вв. до н.э. от Северо-Западного Причерноморья до Северного Китая [8, с. 63], в том числе на территории Южной Сибири и в дельте Сырдарьи встречаются.

Среди копытных диких животных встречаются олень, горный баран, лось, кабан и домашние животные — лошадь и верблюд. Скульптурки оленей, стоящих на кончиках копыт, найдены в восточных районах (Алтай, Тува и Минусинская котловина) и относятся к VI в. до н.э. В искусстве евразийских степей часты изображения кабана. Изображение верблюдов встречается у савроматов Южного Приуралья и в Южной Сибири. Уйгаракское изображение верблюда считается наиболее ранним для скифского периода. Оно датируется VI в. до н.э. Важно отметить, что уйгаракские зооморфные изображения стоят в один ряд с архаическими образцами скифо-сибирского звериного стиля.

Звериный стиль отражал не только некоторые особенности скифо-сибирского искусства, но и религиозные представления жителей

степей, гор и предгорий. Фигуры хищных животных и птиц (в некоторых случаях отдельные части тела) являлись амулетами и придавали особую силу коню или оружию [7, с. 67].

Из выше сказанного следует, что мировоззрение саков Приаралья и савроматов в раннескифский период имело определенные параллели, которые отразились на традициях погребального обряда и искусстве в «зверином стиле». Выявлено, что сакские памятники имеют западную, приуральскую ориентировку, но с содержанием азиатских черт (образ пантеры). Кроме того, саки могли быть посредниками в передаче культурного стиля между районами Азии. Определено, что некоторые мотивы изобразительного искусства Передней Азии могли попасть в искусство Алтая и Южной Сибири в скифское время через Среднюю Азию [5, с. 44].

Список литературы

1. Артамонов М.И. Этногеография Скифии // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. — 1949. — № 85. — С. 129—171.
2. Вайнберг Б.И. Экология Приаралья в древности и средневековье // Этнографическое обозрение. — 1997. — № 1. — С. 23—41.
3. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности, VII в. до н.э. — VIII в. н.э. — М.: Вост. лит. РАН, 1999. — 358с.
4. Вишневская О.А. Культура сакских племен Низовьев Сырдарьи в VII — V вв. до н.э. — М.: Наука, 1973. — 159 с.
5. Мошков М.Г. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1992. — 493 с.
6. Мышкин В.Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI—V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2013. — Т. 15. — № 1. — С. 219—225.
7. Погребова Н.Н. Грифон в скифском искусстве // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1948. — Вып. 22. — С. 62—67.
8. Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «Зверином стиле» // Российская археология. — 1994. — № 4. — С. 63—78.
9. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. — Вып. Д 1—9. — М.: АН СССР, 1963. — 39 с.
10. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М.: Наука, 1964. — 379 с.
11. Таиров А.Д. О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II региональной научно-практической конференции. — Челябинск: Рифей, 2004. — С. 127—129.
12. Таиров А.Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V—IV вв. до н.э. // Российская археология. — 2006. — № 1. — С. 71—78.
13. Штейн В.Ф. Сцены жертвоприношений обожествленным хищникам на Сибирских пластинах // Древняя Сибирь. — Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 94—103.

14. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. — Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. — XVI, 572 с.
15. Ягодин В.Н. Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов всесоюзного научного совещания. — Ташкент: Фан, 1979. — С. 37—38.
16. Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Барнияз на Устюрте // Археология Приаралья. — Вып. I. — Ташкент: Фан, 1982. — С. 39—81.
17. Ягодин В.Н. Устюрт и Приаральская дельта (некоторые итоги археологических исследований 1971—1975 гг.) // Общественные науки в Узбекистане. — 1976. — № 11. — С. 45—52.
18. James E.O. The Ancient Gods. The history and diffusion of religion in the Ancient Near East and the Eastern Mediterranean. — N.Y., 1960. — 359 p.

Древнейший вид Сказания о трех пленениях Иерусалима

Аннотация. В статье изложены новые сведения, касающиеся Сказания о трех пленениях Иерусалима — памятника древнерусской хронографии. Введен в научный оборот малоизвестный его список — единственный, сохранивший текст в архетипном виде и содержащий рассказ о взятии города Титом из еврейской хроники «Иосиппон». Высказываются соображения в пользу ранней (домонгольской) датировки Сказания.

Ключевые слова: Сказание о трех пленениях Иерусалима; древнерусская литература; славянская переводная литература; хронография; «Иосиппон»; хроника Георгия Амартола

New facts about the Tale of the Three Captures of Jerusalem

Abstract. The paper represents a number of new facts about the Tale of the Three Captures of Jerusalem — a piece of Old Russian chronographical literature. It introduces a poorly known copy of the Tale that is the only one to preserve the archetype of the text and to contain the account of the city's capture by Titus derived from the Jewish chronicle named Josippon. The author proposes an early (pre-Mongol) dating of the Tale.

Keywords: Tale of the Three Captures of Jerusalem; Old Russian literature; Slavic translated literature; chronography; Josippon; Chronicle of George Hamartolus

Сказание о трех пленениях Иерусалима (или «Книга Плены Иерусалимли») относится к числу слабо исследованных хронографических произведений книжности Древней Руси. Между тем этот памятник требует к себе самого пристального внимания.

До сих пор Сказание было известно в семи списках XV—XVI вв. Три из них, открытые В.И. Срезневским [18, с. 109—123; см. также 12, с. 7—13] и Н.А. Мещерским [9, с. 213—214], входят в состав сборника, получившего в литературе (по месту хранения первой обнаруженной рукописи) название Академического хронографа (далее — Акад. Хр.). В состав Акад. Хр. входят библейские книги (Восьмикнижие, Царства и Есфирь), «Плены Иерусалимли», «Александрия» и ряд более мелких статей. Следует заметить, что хронографом этот сборник

* **Константин Владимирович Вершинин** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории Российской академии наук (г. Москва, Россия). e-mail: ver-sh-kv@yandex.ru
Konstantin V. Vershinin — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center for Source Studies of Russian History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

может называться лишь с долей условности. Фактически он распадается на несколько текстов, не связанных между собой никакими редакторскими «скрепами». Еще один список «Пленов» читается в описанном О.В. Твороговым [20, с. 74—76] хронографическом сборнике конца XV — начала XVI в., близко сходном с Акад. Хр.: сюда входят те же Восьмикнижие, «Плены», «Александрия», но кроме них здесь читается также Троицкий хронограф. Два списка попали в Великие минеи четы: в Успенском комплекте текст помещен под 29 февраля [14, л. 776—889], в Царском — под 17 января [13, л. 757—929]*. Существует, наконец, отдельный список Сказания [11].

«Плены Иерусалимли» — обширная историческая компиляция, составленная из готовых переводных текстов и повествующая о трех пленениях Святого Града — при Навуходоносоре, Антиохе Эпифане и Тите. Ее главная мысль «заключается в том, что пока евреи уповали на Господа, город был неприступен» [1, с. 37]. Целый ряд источников «Пленов» установил В.М. Истрин [5]. Среди них — библейские книги, хроники Амартола и Малалы. Однако при этом в той части памятника, что повествует о взятии Иерусалима Титом, вместо оригинальной компиляции механически переписан текст «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенной с греческого в Древней Руси. Завершаются все известные до сих пор списки «Рыданием» Иоанна Евгеника о падении Константинополя в 1453 г., ошибочно расцененным как плач по Иерусалиму. Очевидно, потому что все они восходят к одному протографу второй половины XV в.

Н.А. Мещерский отметил [9, с. 216—218] наличие в «Пленах» фонетических и синтаксических гебраизмов и явных следов использования в некоторых местах еврейской хронографической компиляции X в. «Иосиппон» (составленной на основе «Иудейской войны», но далеко ушедшей от оригинала). Еще к двум фрагментам М. Таубе подыскал параллели в мидрашах [21]. Перечисленными наблюдениями исследования «Пленов Иерусалимлих» исчерпываются.

Напомню, что полный перевод «Иосиппона», осуществленный в Древней Руси, не сохранился. Другой и самый обширный его фрагмент — рассказ о взятии Иерусалима Титом — присутствует (однако с интерполяциями из Амартола) в Еллинском летописце 2-й редакции (далее — ЕЛ-2) и Тихонравовском хронографе (далее — Тих. Хр.). Еще один небольшой фрагмент читается в Ипатьевской группе списков Повести временных лет под 1110 г. [8, с. 132—153]. Объем переведенно-

* Февральский том из Софийского комплекта, где, вероятно, также читался наш памятник, — утрачен. Минейные списки отличаются от прочих наличием дополнений со ссылкой на «Еллинский хронограф», которые мы здесь не рассматриваем.

го текста неясен. Как показал Таубе, доступные фрагменты перевода сближаются, но отнюдь не до полного тождества, с особой краткой редакцией «Иосиппона», сохранившейся в единственной дефектной рукописи XV в. из коллекции Р. Хантингтона [22]*. Время перевода также остается предметом дискуссии («летописный» фрагмент отсутствует в Лаврентьевском и родственных ему списках и противники ранней датировки указывают возможность более поздней вставки в протограф Ипатьевской группы). Вместе с тем датировка, предлагаемая Таубе — XV или, «возможно», XIII—XIV вв. [22, р. 249] — представляется слишком ранней. В отрывке о третьем пленении Иерусалима несколько раз [7, с. 240, 242—243] встречается болгаризм «сынъ» ‘башня’, не отмеченный на Руси за пределами узкой группы текстов XI—XII в. (среди них — перевод Флавия). Из других архаизмов отметим также «дъргъ» или «дъргъ» ‘вельможа (?)’ в сочетании «дерговъ людских» [7, с. 228] — еще один редкий болгаризм не вполне определенной этимологии, непонятный переписчикам уже в XIII—XIV в. [19, с. 156—160].

В начале 2019 г. Т.В. Анисимова обнаружила в сборнике XVI в. статью «Иосифа Матафеина о пленении Иер(у)с(а)л(и)ма, како плени и Тить, с(ы)нъ Есписианов римска(о) ц(а)ря» [16, л. 453—491 об.], представляющую (как определила исследовательница) в сущности тот же текст, что помещен в ЕЛ-2 и Тих. Хр., но еще не содержащий вставок из Амартола и сохранивший больше языковых архаизмов**. В рукописи он предваряется окончанием рассказа о втором пленении Иерусалима, совпадающим с текстом «Пленов»***. Дополнительные разыскания, проведенные автором этих строк, выявили еще три относящихся к XVI в. списка статьи «Иосифа Матафеина» [10, л. 59; 13, л. 702 об.; 17, л. 289 об.]. В первых двух случаях она также переписана рядом с фрагментами «Пленов», в третьем входит в состав полного списка памятника. Замечу, что самый поздний, Воскресенский список в перечне народов, осаждавших Святой Град, сохранил исконный гебраизм (очевидно, с пропущенным инициалом): «1. итимъ» [13, л. 703]. Здесь без труда узнается слово «киттим» (כִּיִּטִּים), обозначающее в этом случае римлян и читающееся именно здесь в рукописи Хантингтона [22, р. 255]. Во всех прочих списках в этом месте значится «римъ» или «римляне»; исправление на «римляне» сделано и в самой Воскресенской рукописи поздним читателем.

* Учитывая найденные Таубе параллели из мидрашей, нельзя исключать, что еврейский оригинал перевода «Иосиппона» содержал какой-то дополнительный «конвой».

** Сердечно благодарю Т.В. Анисимову за указание на эту рукопись.

*** Рукопись была известна В.М. Истрину, издавшему по ней фрагмент о втором пленении [5, с. 327—330]. Однако статью «Иосифа Матафеина» ученый почему-то проигнорировал.

Список «Пленов» из собрания ЦГАДА заслуживает более подробного комментария*. Кроме нашего памятника, в рукописи помещается Пятикнижие (а не Восьмикнижие, как в Акад. Хр.), причем в поздней редакции XV в. [3, с. 24]. Такая подвижность «Пленов» подтверждает их былую независимость от рукописной традиции библейских книг. Сам текст «Пленов» в Архивском списке обнаруживает многочисленные, но определенные следы псковского протографа (мену ц/ч, з/ж) — очередное подтверждение большой роли местной письменной традиции в сбережении древних текстов: «заечишь», «порочи», «зазгоша», «изъжижете», «очта» [17, л. 287, 301, 307 об., 318 об., 329 об.] и др.

До статьи «Иосифа Матафеина» состав «Пленов» в Архивской рукописи полностью (а в рукописях [10, 13, 16] — в пределах помещаемых там фрагментов) совпадает с известными ранее списками. Статья эта начинается именно в том месте, где в последних располагается текст «Иудейской войны». Таким образом, предположение Мешерского [8, с. 154—155; 9, с. 218] о вторичности Флавия в Акад. Хр., заместившего здесь рассказ «Иосиппона» о взятии Иерусалима Титом, оказывается верным.

Но фрагментом «Иосиппона» текст не заканчивается. Вслед за ним читается небольшой фрагмент из «обычного» Флавия [17, л. 311—315 об.], затем следует авторское отступление [17, л. 315 об.—316] с ремарками, подобными тем, что отметил Истрин в рассказе о первых двух пленениях. Ниже находим [17, л. 316—328 об.] обширные выписки из хроники Амартола (отмечаются их границы согласно страницам и строкам издания Истрина [4]; мелкие сокращения не учитываются): 267.13—280.7, 280.24—281.4, 286.7—291.11, 298.17—22, 300.6—301.9. Наконец, далее помещена авторская речь, укоряющая иудеев и славящая Христа; к сожалению, она обрывается из-за утери последних листов рукописи [17, л. 328 об.—331 об.].

Едва ли можно сомневаться, что весь описанный текст Архивской рукописи составлен одной рукой. Так, отмечая, что о Титовом походе «мнози прор(о)ци прорекоша», составитель обещает: «прор(о)чествие же их инде скажемь, мало четше, егда боудет время и место» [17, л. 316]. Действительно, в выписках из Амартола присутствует подборка пророческих цитат на тему судьбы Иерусалима. Одна из пророческих цитат (Ос. 1:4—5) ошибке попала не на свое место и читается сразу после заглавия рассказа «Иосифа Матафеина»: «Первое [начя] прор(о)чествовати... Иосея г(лаго)ля о погыбели града...» [17, л. 289—290; 12, л. 703]**. Книжник ссылается сам на себя: «Преже гл(агол)ана быша и

* В дополнение к описанию И. Л. Жучковой [6, с. 63—66] следует отметить, что в конце рукописи листы перепутаны: 326 и 327 должны располагаться между 319 и 320.

** Взятое в скобки слово пропущено в рукописи [17] и восстановлено по [13].

паки пишем и гл(агол)емъ яже о пленении Иерусолимъстемъ, паче на Жиды, яко того ради прииде на нихъ великое пленение Титово, понеже восташа на Сп(а)са...» [17, л. 315]. Термин «Великое пленение Титово», не встречающийся ни в каких других памятниках, имеется и в другом авторском фрагменте: «Великое пленение Титово на Иерусолимъ и на вся Жиды» [17, л. 330 об.]. Очевидно и место составления компиляции, так как в упомянутых оригинальных пассажах налицо лексические ризмы: «думца» ‘советник’, «думу думасте» [17, л. 329—329 об.].

Фрагмент «Пленов», сохранившийся только в Архивской рукописи, позволяет пролить некоторый свет и на время составления памятника. Как давно предполагалось исследователями, подборка пророческих цитат из Амартола о судьбе Иерусалима бытовала в отдельном виде и отразилась в «Слове о законе и благодати» Илариона и летописной «Речи философа», помещаемой в Повести временных лет под 986 г. Анисимовой удалось обнаружить эту подборку в составе Тих. Хр. [2, с. 15—30]. Крайне важно, что некоторые чтения в нашей рукописи совпадают не с полным текстом Амартола, а с упомянутой подборкой [2, с. 142—143; 17, л. 319 об., 326]: «нес(ть) ми хотения у вас» (вместо «нес(ть) ми воля»), «святая моя осквернисте» (вместо «оскверни»). Цитата из Осии, ошибочно помещенная в начале рассказа «Иосифа Матафеина», вводится фразой («Первое [начя] прор(о)чествовати... Иосея»), вовсе отсутствующей у Амартола, но имеющейся в «Речи философа». Была она, вероятно, и в Тих. Хр., где остались незаполненными места для заголовков [2, с. 142]. При этом ниже [17, л. 319 об.] цитата помещена еще раз, но уже без разночтений с Хроникой. Складывается впечатление, что составитель располагал двумя источниками — полным Амартолом и отдельной подборкой цитат из пророков, — которые контаминировал в своей компиляции.

Следы глубокой архаики в подобранных составителем источниках и полное отсутствие цитат из более поздних переводных текстов вполне согласуются с общим языковым обликом «Пленов Иерусалимлих». На протяжении всего памятника обычен имперфект третьего лица с приращением —*ть*, постепенно выходящий из употребления в течение XIII в. и исчезающий в XIV в.: «идеж(е) бяшетъ оже проповедашеть», «питахуть», «даяхуть», «бъяхуться», «падахуть и умаляхуться» [17, л. 246, 268, 269, 292, 309] и мн.др. Орфография во всех списках весьма слабо затронута вторым южнославянским влиянием: так, чрезвычайно многочисленны примеры полногласия (первого и второго), относящиеся, несомненно, к раннему этапу истории текста. Взятые все вместе, перечисленные признаки позволяют предполагать, что «Плены Иерусалимли» были составлены не позднее XIII в., а вероятно и раньше.

Список литературы

1. Алексеев А.А. Септуагинта и другие источники ветхозаветного текста у православных славян // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры: сборник докладов XXIII международных Кирилло-Мефодиевских чтений. — Минск, 2018. — С. 35—43.
2. Анисимова Т.В. Тихонравовский хронограф. Исследование, публикация текста. Часть 1 // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013—2014. — М.; СПб., 2015. — С. 3—161.
3. Грищенко А.И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. — М., 2018. — 176 с.
4. Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Пг., 1920. — Т. I. — XVIII, 612, IV с.
5. Истрин В.М. Хронограф Академии Наук № 45.13.4 (Из Вологды) // Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете. — Одесса, 1905. — Т. XIII. — С. 313—341.
6. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Выпуск 1: Апостол — Кормчая. — М., 2006. — 592 с.
7. Летописец Еллинский и Римский. — Т. I. Текст. — СПб., 1999. — 512 с.
8. Мешерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. — М.; Л., 1958. — 578 с.
9. Мешерский Н.А. К вопросу о составе и источниках Академического хронографа // Летописи и хроники. 1973 г. — М., 1974. — С. 212—219.
10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 770. Сборник. XVI в. 429 л.
11. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Собрание Московской духовной академии (фундаментальное). № 217. Книга «Плены Иерусалимли». XVI в. 374 л.
12. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. — Т. 3. — Вып. 1. Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги. — Изд. 2-е, доп. — М.; Л., 1959. — 706 с.
13. Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Воскресенское собрание. № 154-бум. Хронографический сборник. Конец XVI в. 1431 л. (в 2 т.)
14. Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Синаодальное собрание. № 178. Великая минея четья на январь. Сер. XVI в. 1731 л.
15. Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Синаодальное собрание. № 991. Великая минея четья на февраль. Сер. XVI в. 1340 л.
16. Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Чудовское собрание. № 350. Толковая Палея с добавлениями. Середина XVI в. 528 л.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 188 (Рукописное собрание ЦГАДА). № 790. Пятикнижие с добавлениями. Первая четверть XVI в. 333 л.
18. Срезневский В.И. Отчет Отделению русского языка и словесности Императорской Академии Наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (Июнь 1902): [Продолжение] // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. — 1903. — Т. 8. — Кн. 4. — С. 99—139.
19. Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. — М., 2012. — 655 с.
20. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. — М., 1975. — 322 с.
21. Taube M. On some Unidentified and Misidentified Sources of the Academy Chronograph // Russian Philology and Literature presented to Prof. Victor D. Levin on his 75th birthday. — Jerusalem, 1992. — P. 365—375.
22. Taube M. On the Third Capture of Jerusalem by Titus and its sources // Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt. — Bloomington, Indiana, 2014. — P. 247—264.

Высшая церковная иерархия Русской православной церкви 1620—1640-х гг.

Аннотация. В статье анализируется состав и динамика высшей церковной иерархии русской православной церкви (патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы) второй трети XVII в. как специфической группы русского духовенства, наделенной властными полномочиями, финансовыми и административными возможностями, представители которой участвуют в высшем церковном и государственном управлении.

Ключевые слова: русская православная церковь, высшая церковная иерархия, патриарх, митрополит, архиепископ, епископ.

Higher church hierarchy of the Russian Orthodox Church (1620—1640)

Abstract. The article analyzes the composition and dynamics of the higher church hierarchy of the Russian Orthodox Church (patriarch, metropolitans, archbishops, bishops) of the second third of the 17th century. as a specific group of Russian clergy endowed with authority, financial and administrative capabilities, whose representatives participate in the highest church and state administration.

Keywords: Russian Orthodox Church, supreme church hierarchy, patriarch, metropolitan, archbishop, bishop

История русского общества XVII в. до настоящего времени остается слабо исследованной. В последние десятилетия появились работы, посвященные приказной бюрократии, отдельным сословным группам и чинам торговых и служилых людей. Между тем, многие группы русского общества не привлекали исследовательского внимания. Среди них — русское духовенство, которое является одним из наиболее пестрых в социальном, экономическом, социокультурном отношении чинов Московского государства. Безместное, крестцовое, приходское, ружное, вотчинное, монастырское, московское, соборное белое духовенство, насельники малых, средних и больших монастырей, монастырские власти, настоятели, игумены и архимандриты сотен русских монастырей, наконец, «князья церкви» — епископы, архиепископы, митрополиты, патриархи — это далеко не полный перечень групп и прослоек русского духовного сословия XVII в. Задачи

---

* **Ирина Александровна Устинова** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (г. Москва, Россия). e-mail: ilustinova@yandex.ru

Irina A. Ustinova — Candidate of Historical Sciences, Senior researcher in the Centre of history of Russian feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

исследования их правового и финансового положения, особенностей менталитета и образования сохраняют актуальность.

В отношении русского духовенства весьма затруднительно проведение просопографических исследований ввиду отсутствия достаточной источниковой базы, а также характерной для церковной жизни анонимности, сопутствующей принятию сана. Однако в отношении таких групп, как архиереи, архимандриты, игумены и настоятели монастырей, подобные изыскания возможны. Просопографическое исследование предполагает рассмотрение социальной группы в ее целостности и динамике развития. В отношении высших церковных иерархов и настоятелей монастырей первичная работа была проделана дореволюционными исследователями — Амвросием (Орнатским), П.М. Строевым, Н.Н. Дурново и др. [1, 3, 8]. Однако обладание списками русских иерархов недостаточно для оценки особенностей реального функционирования и положения этой группы в обществе.

В рамках настоящей статьи предметом анализа выступают «служебные» биографии и деятельность русских архиереев — «князей церкви», занимавших высшие позиции в церковном управлении и облеченных властью (патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы). В документах эпохи термин «иерархия» не употребляется. Для обозначения высшего духовенства в источниках используются формулы: «Освященный собор» (с различными эпитетами); «патриарх со всеми властями», «патриарх, с митрополиты, со архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и протопопы» (используется разная длина формулы). Во всех этих случаях правящие архиереи не выделены особо (термин «власти» употребляется и в отношении настоятелей монастырей).

Между тем, архиереи представляли собой специфическую группу духовенства. Во-первых, все они обладали значительным объемом власти на территории своей епархии, обширными материальными и административными ресурсами. Во-вторых, они были вовлечены в процессы церковного и государственного управления (участие в заседаниях Земских и церковных соборов, придворных церемониях). Смена архиерея была возможна в связи с разными обстоятельствами: смерть, уход «на покой», удаление с епархии (без церковного разбирательства), церковный суд и лишение епархии. В этой связи в большинстве случаев возникают вопросы о месте архиереев в существовавшей конфигурации власти, влиянии светской власти на персональный состав правящих архиереев, соотношении случаев естественной смены архиереев и оставления кафедр под давлением обстоятельств, спешность замещения вакантных кафедр и проч.

В рамках настоящей статьи эти вопросы рассматриваются в отношении группы архиереев 1620—1640-х гг. Данный хронологический

отрезок представляет собой особый период в истории русской церкви XVII в. Он ограничен двумя чрезвычайно масштабными и сложными явлениями — Смутным временем с одной стороны и церковной реформой патриарха Никона — с другой. На эти годы пришлось три патриаршества: Филарета Романова (1619—1633), Иоасафа I (1634—1641), Иосифа (1642—1652). Нижняя хронологическая граница для большинства епархий ограничена 1619—1620 гг. (Патриаршая, Новгородская, Ростовская, Вологодская, Тверская, Сибирская кафедры), когда по окончании Смуты и возвращении из плена Филарета были замещены вдовствующие кафедры, открыта новая Сибирская епархия. Для Казанской митрополии хронологические границы исследования определены архиерейством владыки Матфея (1615—1646), для Коломенской — владыки Рафаила (1618—1652). Для Астраханской епархии послесмутный период начинается с поставления архиепископа Онуфрия, первым занявшего этот пост с момента открытия епархии (первый рукоположенный астраханский архиепископ Феодосий умер по дороге на кафедру в 1606 г.). За рамки исследования вынесено управление Крутицкой епархией владыкой Ионой (Архангельским), который в 1613—1619 гг. был местоблюстителем патриаршей кафедры — его деятельность относится к эпохе Смутного времени.

Верхняя хронологическая граница для большинства епархий колеблется в диапазоне 1649—1653 гг. (смена владык в Патриаршей, Новгородской, Ростовской, Сибирской, Тверской, Суздальской, Псковской, Коломенской епархиях). Для Казанской и Вологодской кафедр исследование целесообразно ограничить соответственно 1646 и 1645 гг., поскольку в эти годы были поставлены новые архиереи, деятельность которых оказалась связанной с историей русской церкви периода реформ. Наиболее поздняя хронологическая граница обусловлена для Астраханской епархии смертью в 1656 г. владыки Пахомия (1641—1656) — автора знаменитого Хронографа, посвященного истории русской церкви первой половины XVII в. [7]. В целом, состав архиерейского корпуса определился в первые годы после Смуты и был стабилен вплоть до конца 1640-х гг. С одной стороны, это обусловлено занятием всех вакантных кафедр и упорядочением церковного управления после Смуты, а в другой — начавшейся сменой архиерейского состава, обусловленной церковными реформами и патриаршеством Никона.

В рамках настоящей работы всегда в тождественных значениях используются термины «архиерейство» в значении завершеного периода возглавления какой-либо епархии/всей церкви одним человеком; «смена архиерея» — факт смерти, оставления или лишения епархии ее предстоятеля. Всего в рассматриваемый период к высшей русской иерархии (архиереи) относится 32 персоналии. Учитывая мобильность архиереев между кафедрами, в рассматриваемый пери-

од состоялось 36 архиерейств: митрополит Киприан (Старорусенков) занимал последовательно Сибирскую, Крутицкую и Новгородскую кафедры; владыка Иоасаф был поставлен в патриархи с Псковской кафедры; владыка Павел занимал последовательно Псковскую и Крутицкую кафедры. Из 36 архиерейств смертью предстоятеля окончились 23 (64%), переводом в другую епархию (повышением) — 4 (11%), удалением на покой либо лишением епархии — 7 (19%).

Единственным случаем лишения кафедры посредством суда стал эпизод с Суздальским архиепископом Иосифом (Курцевичем) в 1634 г. (он был лишен сана, отлучен и сослан в Антониев-Сийский монастырь, где умер в 1642 г.) [2]. Однако и уход «на покой» владык не всегда был добровольным: вероятно, под давлением оставил Новгородскую кафедру в 1649 г. митрополит Аффоний (был отправлен на покой в Спасо-Хутынский монастырь, где скончался в 1652 г. Новгородскую кафедру после него занял Никон, факт оставления Аффонием кафедры разбирался на суде против Никона в 1666 г.), удаление с кафедры в 1649 г. архиепископа Псковского Левкия (умер в 1654 г. в Москве), вероятно, было связано с обострением политической обстановки в городе. Оставили кафедры архиепископы Варлаам Вологодский (1626, умер в Великоустюжском Михайло-Архангельском монастыре), Арсений (Грек) Суздальский (1626, вскоре после чего умер в возрасте 76 лет), Нектарий (Теляшин) Сибирский (1640, удалился в Нило-Столбенскую пустынь, умер в Москве в 1667 г.), Рафаил Коломенский (1652, умер в 1653 г.). В то же время, просьба царю об отставке Суздальского архиепископа Серапиона в 1647 г. не была удовлетворена [9]. Таким образом, несмотря на общую стабильность иерархии, влияние текущей политической обстановки и интересов светских властей на персональный состав архиерейского корпуса в рассматриваемый период не являлись редкими. В период с 1619 по 1652 гг., исключая замещения и освобождения кафедры по нижним и верхним хронологическим границам, зафиксировано 24 факта смены архиерея на кафедрах.

Средняя продолжительность предстоятельства на одной кафедре (включая патриархов) в рассматриваемый период составила около 10 лет. На протяжении рассматриваемого периода не менялись архиереи в двух епархиях: Рафаил, епископ Коломенский, занимал кафедру 34 года; митрополит Варлаам, преемник Филарета Романова на Ростовской кафедре (1619—1652), — 33 года. Казанская кафедра возглавлялась митрополитом Матфеем на протяжении 30 лет. На всех остальных кафедрах смена владык происходила за треть века три-четыре раза. Наименьшим срок архиерейства (один год) оказался у возвращенного из ссылки и вторично занявшего Вологодскую кафедру архиепископа Нектария (Грека). Более 30 лет длились три архиерейства, от 10 до 20 лет — 11 архиерейств, от 5 до 10 лет —

12 архиерейств, менее 5 лет — 11 архиерейств. Периоды вдовства кафедр были минимальны и редко выходили за рамки установленных каноническими правилами трех месяцев. Наиболее длительно вдовела патриаршая кафедра в 1641—1642 гг., что было связано с выбором подходящего кандидата на престол.

Рассматриваемый период был временем затишья в работе церковных соборов. В 1619—1652 гг. (с начала патриаршества Филарета и до начала патриаршества Никона) состоялось несколько соборов. Соборы 1620—1621 гг. были связаны с решением проблем, унаследованных от времени отсутствия патриарха. На них были пересмотрены церковные приговоры, вынесенные местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Крутицким Ионой, состоялся суд над самим Ионой за неправильное решение о принятии иноверцев в православие одним лишь миропомазанием, и, наконец, было принято решение об обязательном перекрещивании иноверцев, переходящих в православие. С политической точки зрения это были наиболее значимые решения церковных соборов за рассматриваемый период. Лишь в 1649—1651 гг. вновь были созваны два церковных собора, на которых были поставлены внутренние церковные проблемы (в частности, вопрос единогласия). В рассматриваемый период также состоялись два собора, на которых были поставлены патриархи (1634 и 1642 гг.) и один суд (над Суздальским архиепископом Иосифом Курцевичем в 1634 г.). Таким образом, за 30 лет в русской церкви церковные соборы заседали семь раз. Кроме того, принимались текущие решения о занятии вакантных кафедр. Высшее духовенство также принимало участие в Земских соборах.

Подавляющее большинство иерархов 1620—1640-х гг. были поставлены из настоятелей региональных монастырей (Псково-Печерского (трое), Тихвинского Успенского (трое), Новгородского Спасо-Хутынского (трое), Казанского Спасо-Преображенского, Костромского Богоявленского, Кирилло-Белозерского, Нижегородского Дудина, Рязанского Спасского, Ярославского Толгского, Владимирского Рождественского), всего 21 человек (66%). Московские монастыри и обитель пресвятого Сергия представлены лишь шестью иерархами (19%). Трое владык (9%) были поставлены, не имея опыта настоятельства — из иеромонахов (Иосиф Рязанский), иноков (Филарет Романов, Моисей Рязанский). Двое (6%) имели епископский сан за пределами Русской православной церкви (Нектарий (Грек), архиепископ Охридский, потом Вологодский; Иосиф (Курцевич), епископ Владимиро-Волынский и Брестский, потом Суздальский). Такое внимание к настоятелям немосковских монастырей, как представляется, может быть объяснено, с одной стороны, «кадровым голодом», вызванным Смутой, а с другой — оживлением межрегиональных связей, вызванных активным участием

городов и монастырей в борьбе за освобождение Москвы. Показательно, что во второй половине XVII в. большинство иерархов стали избираться из настоятелей московских и кремлевских монастырей.

Среди архиереев второй трети XVII в. было немало выдающихся церковных деятелей. К таковым можно отнести политиков Киприана (Старорусенкова), Рафаила Рязанского, книжников Моисея Рязанского (автор росписи новгородским святым [4]), Пахомия Астраханского (автор Хронографа [5]), Серапиона Суздальского [6]. Двое владык — Аффоний Новгородский и Нектарий (Теляшин) были впоследствии причислены к лику святых.

В целом, архиерейский корпус отличался крепостью, спаянностью и неподвижностью. Сходны ранние этапы судеб, сходны и концы биографий, это своеобразный срез поколения церковных иерархов, сформированного Смутой и уничтоженного реформами Никона. После перипетий Смутного времени в русской церкви наступило затишье, состав высшего церковного руководства оставался стабильным. Некоторые епархии — Рязанская, Казанская, Коломенская, Ростовская — управлялись одним архиереем на протяжении всего периода. Лишь на рубеже 1640—1650-х гг. началась череда кадровых перестановок, вызванных не только преклонным возрастом некоторых архиереев, но и новой кадровой политикой власти — как светской, так и церковной.

Список литературы

1. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. — Ч. 1—6. — М., 1807—1815.
2. Горбатов Е.Н. Новые материалы по делу архиепископа Иосифа (Курцевича) // Вестник церковной истории. — 2017. — № 1—2. — С. 5—45.
3. Дурново Н.Н. Девятисотлетие русской иерархии. 988—1888: епархии и архиереи. — М., 1888.
4. Забелин И.Е. Описание Новгородских святынь в 1634 г. // Чтения в обществе истории и древностей российских. — М., 1862. — Кн. 4. Отд. 5. Сمْесь. — С. 50—56.
5. Зиборов В.К. Пахомий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1998. — Вып. 3. Ч. 2. — С. 25—26.
6. Зиборов В.К. Серапион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1998. — Вып. 3. Ч. 2. — С. 336—337.
7. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. — М., 1869. — С. 315—321.
8. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. — СПб., 1877.
9. Устинова И.А. Русский епископ в диалоге с царем: одна неудачная просьба об отставке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2017. — № 3. — С. 143—144.

Отражение международной обстановки в донесениях дьяка К. Нефимонова из Вены (1696—1697 гг.)

Аннотация. В статье представлены основные события европейской политики 1696—1697 гг., о которых дьяк Нефимонов сообщал в Москву в своих донесениях. Заключая союзный договор с Священной римской империей германской нации от лица России, К. Нефимонов внимательно следил за изменениями обстановки в Европе, предоставляя Москве подробную картину политических и военных событий, оказывавших влияние на союзников.

Ключевые слова: Священная лига, история дипломатии, К. Нефимонов, Аугсбургская лига, Петр I, Азовские походы.

European politics as reported by dyak K. Nefimov from Vienna (1696—1697)

Abstract. The article presents the main events of European politics in 1696—1697, which dyak Nefimov reported to Moscow in his fact sheets. Concluding an alliance agreement with the Holy Roman Empire of the German nation on behalf of Russia, K. Nefimov closely monitored the changes in the situation in Europe and provided Moscow with a detailed picture of political and military events that influenced the allies.

Keywords: Holy League, history of diplomacy, K. Nefimov, Augsburg League, Peter the I, Azov campaigns.

Участие России в войне Священной лиги против Османской империи претерпело качественное изменение с 1686 г. После подписания «Вечного мира» с Речью Посполитой стало причиной двух Крымских походов князя Голицына [2, с. 39—44], которые, несмотря на существенные человеческие потери, не принесли существенных выгод, став одной из причин падения царевны Софии и ее сторонников. Участие в войне понималось как обязанность, в первую очередь, перед Польшей, которая признавала переход Левобережной Украины и Новгород-Северских земель под власть Москвы [1, с. 40]. Однако с 1695—1696 гг. Россия перешла к активному наступлению как на днепровском, так и на донском театре военных действий, переосмыслив

---

* **Василий Иванович Кузнецов** — аспирант Института российской истории Российской академии наук, преподаватель истории Лицея Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). e-mail: vasi-kuznecov@yandex.ru

Vasily I. Kuznetsov — Post-graduate of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, history lecturer in the Lyceum of the Higher Schools of Economics (Moscow, Russia).

собственные задачи в рамках Священной лиги и стремясь обеспечить себе место полноправного члена этой международной коалиции.

В октябре 1695 г., после неудачи первого Азовского похода, в Вену была направлена грамота, в которой сообщалось о взятии двух каланчей по берегам Дона, которые запирали казакам путь в Азовское море, также об уроне, нанесенном самому городу. Успехи Б.П. Шереметева на Днепре описывались скромнее: «А другим путем наши ж государские войска их же турецких знатных городом Казы-Керменем, на Днепре стоящим, с иными тремя городами: Мустрим-Керменем и Мубарек-Керменем и Аслан-Керменем, при той же Божией помощи, жестокими приступами, чрез оружия наши, июля в 30 день добыв... и тем на Черное море запорожским нашим козаком путь отворили» [3, с. 987]. Примечательно, что обе грамоты подчеркивают важность военных побед русского оружия в контексте обеспечения свободного доступа к морю казаков, что свидетельствует об осознании российским правительством новой амбициозной цели — выхода к теплому морю.

28 ноября издан указ о направлении в Вену «в посланниках» дьяка К. Нефимонова [3, с. 994]. Тайный наказ, данный ему, раскрывал позицию России относительно ситуации внутри Священной лиги: поляки соблюдают союзнические обязательства «велми слабо» и «зело поздними походами неприятелю никакой шкоды не чинят». России и остальным союзникам необходимо «союзное учинить обязательство, на таких статьях, что того неприятеля обще и единомысленно со всяким радельным усердием согласно и ранними походами воевать» [3, с. 1008—1013]. Срок действия нового договора был ограничен пятью годами и предполагал общее наступление Венеции, империи Габсбургов и России против Османской империи там, где каждому союзнику это будет удобно. Для успешного наступления российских войск от Леопольда I требовали направить в Россию 6—7 военных специалистов, в том числе «инженеров, бамбардиров, минеров, подкопщиков» [4, с. 1013].

30 марта 1696 г. Нефимов был на официальной аудиенции у Леопольда I, после чего дьяка ждали десять этапов переговоров, результатом которых стало заключение 8 февраля 1697 г. союзнического договора на следующих условиях [4, с. 416—417]:

1. Стороны договаривались о ведении наступательной войны против османов и татар всеми имеющимися у них средствами «сухим путем и морем».
2. Все стороны будут применять все имеющиеся у них средства дипломатического и военного воздействия, чтобы по итогам войны были учтены интересы всех сторон.
3. Союзники обязывались не заключать сепаратного мира с противником, а также ставить друг друга в известность о мирных предложениях со стороны противников.

4. В случае если неприятель обратит наступление всеми силами против одного из союзников, то все остальные должны на своих театрах военных действий провести наступление, тем самым силы неприятеля «мужественно рвать».
5. Договор заключен на три года с момента его подписания. При этом каждая сторона может выступить инициатором его продления по собственной инициативе.
6. Данный договор никак не нарушает Вечного мира с Польшей, а также договоров заключенных Польшей с другими членами союза.
7. Срок ратификации договора главами государств, кроме Речи Посполитой, определялся в четыре месяца.

Уникальность положения Нефимонова определялась позицией реального руководителя Посольского приказа думного дьяка Е.И. Украинцева, который, стремясь сохранить в тайне ход второго Азовского похода, не обновлял указаний для посланника. Об этом свидетельствуют грамоты, присланные в Вену: начиная от запоздалого объявления о кончине царя Ивана (29 января 1696 г.), заканчивая грамотой от 10 мая, предписывающей поступать соответственно с наказом от 25 января [4, с. 161—162]. Подход Украинцева, соответствовавший нормам приказной системы, входил в противоречия с требованиями нового времени, которые в письме к брату жены Украинцева А.А. Виниусу прямо выразил Петр I: «Что чево он (Украинцев — В.И.) не допишет на бумаге (Нефимонову через почту для объявления при императорском дворе — В.И.), то я допишу ему на спине» [5, с. 89—90].

Сам Нефимонов при этом регулярно направлял в Москву информацию о международных делах, которою ему удавалось собрать в Вене. Так, в начале апреля 1696 г. дьяк сообщал, что императорские войска предпримут наступление на турок под г. Темишвар (Тимишоара) ранее обычного срока начала боевых действий. Кроме того, часть войск будет находиться в «Венграх и Семиградской земле», чтобы предупредить действия турок там. Относительно войны в Западной Европе дьяк писал: «Против Француза Аглинской король да курфистр Баварской, а с цесарскими войски князь Баден, а ныне он в Вене и выйдет после Святой недели» [4, с. 84]. Папа Римский и датский резидент в Вене изменили свою позицию относительно войны Аугсбургской лиги и теперь выступали за разгром французских войск. Однако 3 апреля в Вену прибыл португальский посол, чей въезд на 60 каретах был организован «стройно и богато: было у него 60 корет, все о шти возниках» [4, с. 85]. Он, по информации Нефимонова, имел поручение о посредничестве в заключении мирного договора с Людовиком XIV.

Также дьяк писал, что на смену погибшему Ветерани («и войска с 6000 погубил») в Семиградье направлен князь Ведомонд. Турки, по его информации, собирались наступать в Венгрии, упредив императорские войска в занятии Темижвара. Нефимонов также сообщал, что из Семиградской земли приходили известия о татарском набеге на казацкие города на Украине, что завершилось полным поражением крымчан. Из Неаполя были новости о разгроме отряда турок в 2000 человек [4, с. 85].

26 апреля Нефимонов писал, что А. Стилла (переводчик) и И. Курц (гонец, а затем посланник в Москву) говорили, что отпуска от Леопольда I скоро не будет, «чтоб его неприятели, Француз и Турок, ведая от Цар. Вел-ва во Г-рю их присылку и бытие его в Вене, имели от Цар. Вел-ва страх, и не так на его цесарские войска напирались» [4, с. 90]. Экстренно вернувшийся из Речи Посполитой резидент К.Ю. Седлницкий привез известие о тяжелой болезни Яна III Собеского, которая не позволит польской армии активно выступить против турок: «Разве де выдут по прежнему ко Львову и то поздно» [4, с. 93]. Он же размышлял, что в условиях межкорольевья в Польше для России и Священной Римской империи представляется актуальным вопрос о заключении оборонительного союза не только против турок и татар, но и против любого другого противника, «восстающего» на оба государства.

10 июня Стилла сообщил посланнику, что войска Леопольда I успешно упредили турок под Темижваром, а против Людовика XIV под Турин направлено войско в 30 тыс. человек [4, с. 144]. На Рейне против французских войск выставлено 50 тыс. солдат под командованием князя Баденского, к которому французские солдаты бегут по причине голода, а в Нидерландах 79 тыс. союзных войск под командованием курфюрста Баварского вынудили войска Людовика отступить «у своим краям Петомским, не дав бою» [4, с. 144].

Из Венгрии через письма сообщалось, что под Темижваром Саксонскому курфюрсту сдался турецкий ага, который показал, как осушить рвы вокруг города, что позволит взять город в течение ближайших двух недель. При этом сама турецкая армия переживает не лучшие времена, т.к. ужесточение налогового бремени, связанного с расходами на войну привело к мятежам, против которых султану приходится посылать войска. Стилла также сообщал о совете, который султан устроил, чтобы разгадать свой сон. Расшифровать сон смог константинопольский патриарх, но за дурное предзнаменование был казнен [4, с. 146]. По этому поводу, а также по поводу смерти родной сестры императора Марианны Австрийской (матери испанского короля Карла II) и смерти Яна III, о которой ему сообщил Седлницкий, Нефимонов отписал в Москву.

5 июля Нефимонов сообщал, что в Вену прибыл сын князя Лотарингского, который направлялся в Венгрию с собственным отрядом в 300 человек. В Вене горячо радовались известиям о соединении 60 000 украинских войск под командованием Лизогуба с московскими полками под Азовом. Также сообщалось, что запорожские казаки, выйдя в море на своих чайках, разбили отряд турецких галер и захватили в плен турецкого командующего [4, с. 169]. Активные действия русских против Азова вынудили турок перебросить часть войск под командованием Каллатикулы из Венгрии под Азов, что также позитивно воспринималось венским двором. Султан же находится на р. Ниссе, но продвижение его чересчур медлительно.

Взятие Азова подтолкнуло Вену к заключению союзного договора с Россией, т.к. данный успех гарантировал расширение участия в войне российских войск, главную цель которых теперь определяло не союзное обязательство перед Речью Посполитой, а самостоятельная независимая политика, направленная не на консолидацию дедовских отчин в руках московского царя, а на выход к морю. Подобное изменение было опасно для Вены, т.к. успехи русского оружия могли спровоцировать османов заключить с Россией мир, чтобы добиваться реванша в условиях нового кризиса Вестфальской системы, который начался в 1700 г., после смерти Карла II. Аугсбургская лига, эффективно противостоявшая Бурбонам, не могла оказывать такого же активного противодействия на Балканах, поэтому союз с Россией гарантировал Габсбургам безопасность в условиях конфликта в Европе.

Леопольду I нужны были мир на Балканах, а также дополнительные силы, которые бы связывали османов в условиях нового противостояния Бурбонам в Западной Европе. Петр I, построив флот и тем самым придав военным действиям России против турок качественно новый характер, несомненно, обеспечивал решение данной задачи. Однако стоит признать, что Леопольд и венская дипломатия в целом продолжали рассматривать Россию в качестве переменной за пределами Вестфальской системы, стремясь использовать ее внешнеполитические претензии как разменную карту в собственной большой игре [6, с. 36].

На системном уровне в подходах Вены и Москвы к развитию собственной внешнеполитической линии проявилось различие: если Габсбурги продолжали укреплять свой статус в качестве лидеров католического мира, то Петр I осознавал главную задачу в превращении континентальной страны в мощную державу Нового времени, для чего был необходим новый *status quo* как в Восточной Европе (что было достигнуто Вечным миром), так и в бассейне Черного моря, чего Петр надеялся достигнуть в ходе войны против

Турции. Дьяк Нефимонов, находясь в Вене, направлял в Москву все новости, которые касались международных отношений, осознавая, что противостояние в Западной Европе оказывает непосредственное влияние на развитие ситуации на Балканах, на которую, в свою очередь, влияли днепровский и донской театры военных действий.

Список литературы

1. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. — М.: Издательство восточной литературы, 1963. — 374 с.
2. Мерзанова А.В. Дипломатические отношения России и Священной Римской империи германской нации в 1683—1686 гг. Вечный мир как условие русско-турецкой войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2014. — № 4. — С. 39—44.
3. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: В 40 т. — Т. 7. — СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. — 763 с.
4. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: В 40 т. — Т. 8. — СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. — 799 с.
5. Письма и бумаги императора Петра Великого. — Т. 1 (1688—1701). — СПб., 1887. — 998 с.
6. Санин Г.А. Петр I — дипломат. Великое Посольство и Ништадский мир // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. — М.: Международные отношения 1992. — С. 32—56.

А.М. Девиер как первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга (историографический аспект)**

Аннотация. Данное исследование представляет собой обзор историографии, посвященной государственной деятельности первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга А.М. Девиера, а также его формальным и неформальным отношениям с представителями петровской элиты. В результате автор приходит к выводу о необходимости пересмотра некоторых аспектов деятельности Девиера, проверки «белых пятен» на основе нового источникового материала.

Ключевые слова: А.М. Девиер; генерал-полицмейстер; полицмейстерская канцелярия; государственное управление; XVIII в.; историография.

A.M. Devieir as the first general chief of police of St Petersburg (historiographic aspect)

Abstract. This research represents the review of the historiography devoted to state activity of the first general chief of police of St Petersburg A.M. Devieir and to his formal and informal relations with the members of elite. As a result the author comes to a conclusion, that there is necessity of revision of some aspects and filling of “white spots” on the basis of new sources.

Keywords: A.M. Devieir; general chief of police; chancellery of police; public administration; XVIII century; historiography.

Эпоха Петра I на протяжении нескольких столетий остается одним из наиболее актуальных периодов для исторических исследований. Тем не менее, в изучении обширных политических преобразований, затронувших все сферы жизни общества, до сих пор существуют определенные лакуны, не позволяющие в полной мере понять, как принимались политические решения и осуществлялось государственное управление. В стремлении осмыслить механизмы, поддерживающие столь активную реформаторскую деятельность, исследовательский интерес обращается не только к личности самого Петра, но и к его ближайшему окружению — «птенцам гнезда Петрова»,

* **Марина Тазабаевна Накишова** — младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург, Россия). e-mail: m-nakishova@mail.ru

Marina T. Nakishova — Junior researcher of the Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда по теме «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики» (Соглашение № 18-78-10093).

чьи взаимоотношения и личные амбиции непосредственно влияли на управление Российским государством. Среди соратников царя находилось немало людей, обладавших выдающимися способностями, талантливых военачальников и администраторов. Однако некоторые из них до сих пор остаются в тени ярких образов более успешных и влиятельных современников.

Одним из таких малоизвестных петровских сподвижников был португалец еврейского происхождения Антонио Мануэль де Виера (António Manuel de Vieira, 1682—1745), получивший при поступлении на русскую службу имя Антон Мануилович Девиер. В Амстердаме в 1697 г. Девиера, юнгу на голландском корабле, заметил Петр Великий и привез в Россию, где португальцу удалось сделать успешную политическую карьеру: со временем он стал царским денщиком, затем достиг чина генерал-майора и звания генерал-адъютанта, а в 1718 г. был назначен первым генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга. Казалось бы, администратор такого уровня, пользовавшийся особым доверием государя, должен был привлечь пристальное внимание исследователей. Но, как мы увидим в ходе обзора историографии, это не совсем так.

Более-менее целостные биографические очерки о государственной деятельности А.М. Девиера можно пересчитать по пальцам. Первый из них появился еще в XVIII в. и принадлежал перу секретаря саксонского посольства Г. фон Гельбига, подготовившего на основе дворцовых слухов серию исторических очерков о государственных деятелях России [24, с. 76—79]. Несколько страниц в своем «Словаре достопамятных людей» посвятил Девиеру Н.И. Бантыш-Каменский, но и его исследование опирается на источники («Анекдоты о Петре Великом» Г. Штелина, «Записки» Г. Манштейна), достоверность которых вызывает сомнение, так как оба автора увлеклись пересказом слухов [4, с. 190—193]. На качественно ином уровне в 1892 г. в «Историческом вестнике» вышла небольшая статья о генерал-полицмейстере, написанная многолетним редактором вестника С.Н. Шубинским [31]. Основываясь на историографических материалах и дневниках очевидцев, а также привлекая законодательство и опубликованные письма Девиера к А.Д. Меншикову, историк восстановил жизненный путь сановника. Тем не менее, он не подверг должной критике ни оценки коллег по цеху, ни сведения современников событий. Частично переработав текст статьи, но не исправив ее недостатков, Шубинский в 1905 г. опубликовал очерк о Девиере в «Русском биографическом словаре» [9].

К сожалению, за последующие сто лет не было написано ни одного целостного очерка, посвященного государственной деятельности Девиера. А работы современных авторов недалеко ушли от исследований Шубинского: они представляют собой либо обобщение историографических фактов без привлечения новых источни-

ков (Я.Н. Длуголенский [8], В.А. Кудрин и П.Д. Николаенко [12], В.В. Черных [32]), либо произведения жанра скорее историко-публицистического, нежели научного (Л.И. Бердников [5], Н.А. Синодальский [29], J. Milhazes [34], W. Rougle [35]).

Помимо отмеченных исследований государственная деятельность Девиера описывалась в работах, касавшихся развития полицейской службы в России XVIII в. Однако, несмотря на долгую и успешную службу на посту генерал-полицмейстера (1718—1727, 1743—1744) имя Девиера упоминается мимоходом, без существенных подробностей. Так, детально разбирая законодательную основу его полномочий, законотворческие инициативы, хозяйственное обеспечение полицмейстерской канцелярии и ее штат, исследователи — прежде всего, историки права, (И.Н. Божерянов [6], И.П. Высоцкий [25], Н.В. Михайлова и Н.Л. Фадеева [15; 16], П.Н. Петров [21], Д.О. Серов [26], М.И. Сизиков [27; 28]) — оставляют вне поля своего зрения вопросы, касающиеся реализации норм закона на практике, личного вклада Девиера в функционирование полицейской службы, эффективности его деятельности. Подобная фрагментарность характерна и для работ, касающихся проблем благоустройства Санкт-Петербурга в петровское время. Например, как авторы первого тома «Очерков истории Ленинграда» [18] и историк С.П. Луппов в своей монографии 1957 г., посвященной истории строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. [14], так и современные исследователи О.Г. Агеева [1], Е.В. Анисимов [3], О.Е. Кошелева [10] хотя и привлекают отдельные «казусы» из повседневной жизни населения Санкт-Петербурга, характеризующие взаимодействия государства в лице полицмейстерской канцелярии и общества, все же лишь эпизодически упоминают Девиера в контексте интересующих их проблем.

Говоря о государственной деятельности А.М. Девиера, особенно, в период, когда он занимал должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, нельзя обойти вопрос о том, как реконструировались историками его взаимоотношения с другими представителями петровской элиты. В этом плане центральным сюжетом являются отношения Девиера с Меншиковым, поскольку двух соратников Петра связывали не только должностные обязанности (с 1703 г. Меншиков занимал пост губернатора Санкт-Петербурга), но и родственные узы. Начиная с небольшого раздела, посвященного Девиеру, в «Словаре достопамятных людей» Бантыш-Каменского, заканчивая трудами современных авторов, транслируется описание женитьбы Девиера на младшей сестре князя Анне Даниловне [4; 5; 8; 9; 12; 17; 29; 31—35]. В планы Меншикова подобный брак не входил: когда Девиер явился в княжеский дом просить руки своей возлюбленной, уже находившейся в то время в положении, Александр Данилович

пришел в страшный гнев и «собственноручно дал ему несколько пощечин и, не довольствуясь этим, позвал своих челядинцев и велел им бить на смерть непрошенного жениха» [31, с. 428]. В результате, свадьба состоялась после вмешательства Петра, которому Меншиков никак не мог отказать.

Подобный рассказ о семейных перипетиях Меншикова не вызывает у исследователей сомнений, хотя ни один из них не дает ссылки на достоверный источник. Лишь В.П. Наумов, описывая повседневные практики петровского окружения, указывает на книгу «Русские избранники» Г. фон Гельбига [17, с. 161; 24, с. 76—77]. Гельбиг, как известно, не был современником описанных событий, так как прибыл в Российскую империю в 1787 г. и, следовательно, мог записать обстоятельства женитьбы только с чьих-то слов. Помимо этого, возникают проблемы с датировкой: в большинстве работ сюжет представлен без хронологической привязки. Исследование И.Н. Юркина, попытавшегося определить дату рождения первого сына Девиера Петра Антоновича, отчасти объясняет подобную историографическую лакуну. Хотя обнаружить точную дату свадебного обряда историк так и не удалось, на основе косвенных данных он обозначает промежутки времени, в который мог родиться Петр Антонович — не раньше 1709 г. и не позже 1712 г. [33, с. 13]. Соответственно, и свадьба Анны Даниловны и Девиера происходила примерно в тот же период.

Отсутствие первоисточника и точно датировки, тем не менее, не мешает именно из нежелательной женитьбы выводить давнюю ненависть Меншикова к Девиеру и Девиера к Меншикову, которая, по мнению П. Бушковича, доверяющего донесениям Г.-И. фон Кайзерлинга, осложнялась еще и тем, что новоявленный зять «обратил внимание царя на некие, не означенные точно, злодеяния фаворита» [7, с. 293]. В противоречие с этим вступают редкие упоминания Девиера среди меншиковских корреспондентов [19, с. 240—241; 23], на основе которых представляется возможным предположить, что отношения генерал-губернатора и генерал-полицимейстера Санкт-Петербурга были совсем не так однозначны. Кроме того, удивительно, как, несмотря на якобы очевидный конфликт с Меншиковым, под чьим огромным влиянием находилось политическое развитие петровской и после-петровской России, первый генерал-полицимейстер смог в течение многих лет находиться в высших эшелонах власти и не потерять доверие императора. Может быть, ему все-таки удалось найти важный баланс между собственными амбициями и государственными интересами, выстроить механизмы политического сотрудничества со своим могущественным родственником? К сожалению, в историографии до сих пор отсутствуют аргументированные ответы на данные вопросы.

Многолетней враждой с Меншиковым объясняют также и участие Девиера в ставшем для него роковым (по приговору он был сослан в Сибирь, откуда возвращен лишь при Елизавете в 1743 г.) судебно-следственном процессе 1727 г., который в историографии принято обозначать «дело Девиера—Толстого». Говоря о степени участия генерал-полцимейстера в тех событиях, исследователи придерживаются двух позиций. Часть из них, прежде всего, Бантыш-Каменский, а затем классик советской и российской исторической науки Н.И. Павленко видели в деле Девиера—Толстого придворный заговор. Бантыш-Каменский отводил равную роль в организации противодействия планам Меншикова всем участникам — П.А. Толстому, А.М. Девиеру, И.И. Бутурлину, Г.Г. Скорнякову-Писареву, А.И. Ушакову, А.Л. Нарышкину — однако, излишне доверяя запискам Манштейна, ошибочно переносил действия в 1726 г., когда «заговорщики» якобы уговорили императрицу подписать указ об аресте Меншикова по пути из Курляндии [4, с. 192]. Павленко, опираясь уже на материалы судебно-следственного дела, утверждал, что именно Девиер инициировал разговоры, привлекал к участию новых лиц и охотнее всех давал показания во время следствия, правда, исключительно на дыбе [20, с. 217—218].

Напротив С.М. Соловьев [30, с. 73—77], С.Н. Шубинский [31, с. 441—446], Е.В. Анисимов [2, с. 134] и И.В. Курукин [13, с. 129] ставили под сомнение существование придворного заговора как такового, поскольку обвиняемым не удалось создать «партию» единомышленников, готовых сделать что-то большее, чем разговоры на общие темы. Более того, ведущую роль в «переговорах и обсуждениях» они отводили не Девиеру, а вице-канцлеру Толстому, который больше всех хотел избежать расплаты за дело царевича Алексея. Девиер же, поддерживая разговоры, затеянные Толстым, по мнению Соловьева, стремился получить место в Верховном тайном совете [30, с. 73], а по мнению Шубинского — панически боялся Меншикова и был согласен на все [31, с. 412]. К минимуму сводит участие генерал-полцимейстера в деле и К.А. Писаренко, для которого неожиданная опала Толстого и Девиера объяснялась политическими амбициями Елизаветы Петровны. Роль Девиера, по мнению историка, заключалась лишь в том, что он в нужный для царевны момент был несдержан в выражениях [22, с. 33—34]. Таким образом, вопрос, кто же все-таки был «злым гением» в этом деле (и был ли таковой вообще), до сих пор остается открытым.

Подводя итог, стоит сказать, что государственная деятельность А.М. Девиера имеет фрагментарное отражение в историографии. Чаще всего, о португальском соратнике Петра I вспоминают в контексте более общих проблем, касающихся повседневных практик

Санкт-Петербурга XVIII в., взаимоотношений власти и общества, процесса становления полицейской службы в России и т.д. Суждения о первом генерал-полицейстере в большинстве своем носят оценочный характер, который проистекает из множества мифологизированных штампов, нуждающихся в тщательной верификации. Наиболее перспективным, на наш взгляд, выглядит стремление выяснить специфику взаимоотношений Девиера с другими соратниками русского императора как в ходе осуществления им служебных обязанностей, так и в ходе личных, неформальных контактов. При привлечении нового комплекса источников, прежде всего, эпистолярного характера, представляется возможным определить место Девиера среди петровской элиты и обозначить его роль в процессе строительства государства Нового времени в России.

Список литературы

1. Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. — 344 с.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725—1740. — СПб.: Лениздат, 1994. — 496 с.
3. Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 366 с.
4. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. — М.: Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1836. — Ч. 2. — 459 с.
5. Бердников Л.И. Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. — М.: Издательство АСТ, 2018. — 384 с.
6. Божерянов И.Н. С-Петербург в Петрово время. — СПб.: Знаменская типография, Х. Краузе и М. Финикова, 1903. — 238 с.
7. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). — СПб.: Дмитрий Булавин, 2008. — 342 с.
8. Девиер Антон Мануилович // Руководители Санкт-Петербурга. — СПб., М.: Нева, Олма-Пресс, 2003. — С.164—166.
9. Дивиеры // Русский биографический словарь. — Т. 6. — СПб., 1905. — С. 370—376.
10. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. — М.: ОГИ, 2004. — 288 с.
11. Князьков С. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское общество при Петре Великом. — СПб.: Типография Г. Шумахера и Б. Брукера, 1914. — 81 с.
12. Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицейстер северной столицы А.М. Девиера // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 1. — С. 13—22.
13. Курукин И.Н. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725—1762 гг.). — СПб.: Наука, 2019. — 757 с.

14. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. — М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. — 186 с.
15. Михайлова Н.В., Феднева Л.Н. А.М. Девиер и законотворчество в сфере полицейского права: общее управление и надзор за градостроительством // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 5. — С. 28—30.
16. Михайлова Н.В., Феднева Н.Л. А.М. Девиер у истоков (и законотворчество в сфере) полицейского права в России: обеспечение безопасности, охрана порядка и борьба с преступностью // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 3. — С. 8—11.
17. Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 448 с.
18. Очерки истории Ленинграда. — Т. 1. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. — 896 с.
19. Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 399 с.
20. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. — М.: Мысль, 1985. — 332 с.
21. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города. — СПб.: Типография Глазунова, 1884. — 1110 с.
22. Писаренко К.А. Елизавета Петровна. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 462 с.
23. Письма и выписки из писем Санкт-петербургского генерал-полицеймейстера Девиера к князю А.Д. Меншикову. 1719—1727 // Русский архив. — 1865. — С. 273—318.
24. Русские избранники и случайные люди. Составил Георг фон-Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II, 1787—1796 // Русская старина. — 1886. — № 4.
25. С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703—1903. — СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. — 590 с.
26. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. — М.: Зерцало-М, 2009. — 488 с.
27. Сизиков М.И. О судебно-следственных функциях полицмейстерских канцелярий России в первой четверти XVIII в. // Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института. — Свердловск, 1970. — Вып. 11. — С. 87—93.
28. Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. — Свердловск, 1975. — С. 5—39.
29. Синодальский Н.А. И смех, и слезы, и любовь... Евреи и Петербург: триста лет общей истории. — М., СПб.: Центрполиграф, Русская тройка, 2014. — 318 с.
30. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. X. История России с древнейших времен. — Т. 19—20. — М.: Мысль, 1993. — 751 с.
31. Шубинский С.Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. — 1892. — Т. 48. — № 5. — С. 427—448.
32. Черных В.В. Первый генерал-полицмейстер России А.М. Девиер и его полицейская деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института Министрства внутренних дел. — 2017. — № 2. — С. 161—171.
33. Юркин И.Н. Первые Девиеры: генеалогические заметки и дополнения // Известия Русского генеалогического общества. — Вып. 10. — СПб., 1999. — С. 13—17.
34. Milhazes J. António de Vieira: Le favori portugais de Pierre le Grand. — Aix-en-Provence: Le Poisson Volant, 2013. — 109 p.
35. Rougle W. António Manuel de Vieira na Corte Russa no Século XVIII. — Lisboa: Ministério da Educação, 1983. — 119 p.

«Известия» В.Н. Татищева о законодательстве Разбойного приказа эпохи Ивана IV

Аннотация. Статья посвящена изучению некоторых «известий» В.Н. Татищева о законодательстве России середины XVI в. В данной работе выявляются предполагаемые источники сведений Татищева, а также определяется степень их достоверности. Кроме того, в статье указывается на одну из опубликованных Татищевым правовых норм, которая малоизвестна в историографии и не вошла в академическую публикацию законодательных актов XVI в.

Ключевые слова. В.Н. Татищев; законодательство; Судебник 1550 г.; губные старосты; губные грамоты; Разбойный приказ.

Vasily Tatishchev's information on Felony Chancery Law of the time of Ivan IV

Abstract. The article deals with Vasily Tatishchev's original data on the Russian law in the middle of the 16th century. In this paper I try to reveal the sources that Tatishchev used and endeavour to evaluate the veracity of his information. In addition to this, I highlight a legislation novella that was published long ago by Tatishchev and is little-known to historians.

Keywords: Vasily Tatishchev; The Law; Sudebnik of 1550; guba elders; guba charters; Felony Chancery.

Оригинальные «известия» В.Н. Татищева, не подтверждающиеся сохранившимися источниками, давно являются предметом оживленной полемики. К сожалению, главное внимание в дискуссии об их достоверности до сих пор приковано к данным из «Истории Российской» и мало затронуло другие его труды, среди которых комментированное издание Судебника 1550 г. с дополнительными указами и другими памятниками**. Между тем, рассмотрение и критическое изучение ряда замечаний Татищева и недошедшего списка Судебника позволяет в ряде мест дополнить наши знания о законодательстве эпохи Ивана IV.

Судебник 1550 г. и подавляющее большинство дополнительных указов к нему были подготовлены к публикации Татищевым по «манускрипту Бартеиевского», считающемуся утраченным. Кроме пу-

* Александр Владимирович Воробьёв — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: aleksandr_vorobe@mail.ru
Aleksandr V. Vorobyev — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center of the history of Russian feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

** Среди последних работ подобного рода следует указать на статьи К.В. Баранова и В.А. Аракчеева [5, 4].

бликаций этих материалов, среди которых встречаются оригинальные источники, не известные по другим спискам, Татищев снабдил почти каждую статью или указ своими комментариями. Их содержание представляется весьма интересным.

Прежде всего, в комментариях к нескольким статьям Судебника есть оригинальные сведения, не удостоившиеся внимания историков и не осмысленные должным образом. Приведем их в той формулировке, в которой они фигурируют в редакции 1750 г.:

1. «Они (окольничьи — *А.В.*) имели в смотреии границы и суд пограничный, как в его (Ивана IV — *А.В.*) Наказе губных старост написано, что им в пограничные суды не вступать, а отсылать к окольничим...» [13, с. 288]. (Комментарий к статье 1)
2. «В наказе губных старост написано о сместном суде, что обом судьям шшедшись, где ответчик ведом, обще судить...» [13, с. 299]. (Комментарий к статье 30).
3. «...в наказе им (губным старостам — *А.В.*) было включено детей боярских поместных без ведома воевод* не судить и не розыскивать» [13, с. 311]. (Комментарий к статье 60).

Комментарии Татищева дошли до нас в четырех редакциях: 1) середины 1730-х гг., 2) 1740 г., 3) в 1744—1746 гг. Татищев создает «Лексикон», в котором в статье о губных старостах он предлагает новую интерпретацию первого известия, поэтому я выделяю ее в отдельную третью редакцию [12, с. 250]. 4) начала 1750 г. 5) первой половины 1750 г. В ней историк отредактировал некоторые дополнительные указы Судебника, не имеющие отношения к интересующим нас сообщениям.

Из трех приведенных татищевских известий легко подтверждается второе. Здесь Татищев, скорее всего, пользовался наказом белоозерским губным старостам 1571 г.** или другими подобными документами. В них речь шла о том, что если жителя опричной территории поймут на разбое или татьбе в земщине, то земские губные старосты должны были ехать к опричным губным старостам и там же судить вместе с ними обвиняемого. Подобным же образом поступали и с земскими людьми, схваченными в опричнине [9, с. 77—78].

Сложнее с первым и третьим пунктами. Рассмотрим сначала случай, когда говорится о необходимости поставить в известность наместника перед началом следственных действий в отношении какого-либо помещика. Данный пассаж не подтверждается ни из-

* Под воеводами здесь Татищев понимает наместников. Оба эти понятия в его текстах равнозначны.

** А.И. Андреев также полагал, что Татищев пользовался одной из грамот «типа наказа белоозерским губным старостам и целовальникам от 12 марта 1571 г.» К сожалению, исследователь не обосновал свое мнение [2, с. 292].

вестными губными грамотами, ни наказами губным старостам, но норма, упоминаемая Татишевым, не выглядит фантастично. Некоторые земские уставные грамоты, выданные населению ряда территорий, устанавливали совместный порядок ведения суда губными старостами и земскими властями [9, с. 132, 139, 144; 3, с. 290—291]. Известны и другие формы взаимодействия губных старост и наместников. Например, согласно наказу губным старостам Кирилло-Белоозерского монастыря (1549), они должны были судить татей вместе с кормленщиками, которым полагался и штраф («продажа») с уличенного вора [9, с. 66—67]. Судебник 1550 г. [11, с. 162] и февральский приговор 1549 г. [14, с. 296] устанавливали подсудность детей боярских наместникам по жалованным «вопчим» грамотам, в том числе в разбое и татьбе. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о подсудности детей боярских по тяжким уголовным преступлениям в XVI в., заметим, что сообщение Татищева в контексте данных фактов представляется нам достаточно правдоподобным. Правительство, создавая смесный суд в отношении татей и помещиков, амортизировало потерю кормленщиками судебных полномочий.

Самым необычным по содержанию и сложным для интерпретации является первое сообщение. Нельзя не заметить, что комментарий к преамбуле Судебника, где Татищев дает определение чину окольников, появляется раньше всего в редакции середины 1730-х гг., но не содержит упоминания о наказе губных старост. При этом здесь уже звучит не согласующая с историческими реалиями мысль о том, что окольничие «имели суд пограничный и надзирали» меж. В редакции 1740 г. появляется интересующее нас сообщение, и Татищев прямо указывает на его источник — «древний указ губным старостам». Если ранее окольничие, по Татищеву, контролировали неприкосновенность меж и пограничный суд, то в этой редакции губной староста не имеет права судить и преследовать «окольных» или «заграничных» людей, а должен отсылать их к окольничему. Следующая интерпретация неизвестного нам источника сделана в «Лексиконе» (редакция 1744—1746 гг.): губной староста для ареста преступника на «границе» должен был получить разрешение окольничего. В четвертой редакции 1750 г., сделанной незадолго до смерти, историк полагает, что губные старосты в случае «пограничного суда» должны передавать дело окольничему. Здесь Татищев определяет источник своих сведений как наказ губным старостам.

Интересующее нас сообщение, хотя и с трудом, но все же поддается разъяснению. Как было выяснено ранее, наказ губным старостам мог появиться у Татищева не ранее 1744—1746 гг., а значит, все источники, из которых он черпал и растолковывал сведения, были у него на руках к 1740 г., но не ранее времени составления первой

редакции середины 1730-х гг., где в комментариях нет ни слова о губных старостах. Таким образом, Татищев при составлении данного свидетельства располагал двумя актами: первый стал источником определения полномочий окольных в пограничном суде и надзоре за межами, а второй как раз говорил о губных старостах. При этом сам историк столкнулся с серьезными трудностями в толковании обоих документов. Это видно из того, что во всех редакциях комментариев есть смысловые отличия, хотя ключевыми остаются вопросы о юрисдикции окольных и губных старост, о границах-межах и пограничном суде.

По нашему мнению, первым источником, с которым Татищев ознакомился уже к середине 1730-х гг., вполне мог являться одним из рязанских актов, принадлежащих самому историку, А.П. Волинскому, или С.Д. Голицыну. Известно, что в рязанских актах имел хождение архаический термин «околица», обычно обозначавший границы владения имуниста [6, с. 52]. Вероятно, ученый «зацепился» за созвучие околица (у Татищева «околичность») — окольных и высказал догадку в форме твердого утверждения в комментарии вступления. Около 1740 г. к нему попадает «указ древний губных старост». Его содержание я рассматриваю ниже, сейчас же важно, что там, скорее всего, упоминался окольных. Данный документ историк привлек для интерпретации первого источника. Однако опыт этот оказался не очень удачен, что побудило автора к пересмотру и уточнению своих выводов в 1744—1746 и 1750 гг. Итак, выясняя, каковы были функции окольного, Татищев в своей комментарии создал сложную и запутанную контаминацию из двух источников.

Что же до второго источника, полученного ко времени составления редакции 1740 г., то это, по всей видимости, была неизвестная нам указная грамота губным старостам, в которой упоминалось о необходимости ссылаться с окольным губному старосте*. Скорее всего, имелся в виду некий окольных, возглавлявший Разбойный приказ.

Теперь осталось понять, если наша гипотеза верна, в каком случае губной староста вел переписку с приказом (т.е. «отсылать к окольным»), о чем прямо говорилось во втором источнике, которым располагал Татищев. Разгадка, по нашему мнению, может лежать в уставной грамоте старицкого князя Владимира Андреевича жителям Вохонской волости. Выборные судьи из местного населения должны были вести расследование тяжких уголовных преступлений вместе с губными старостами, но при этом им запрещалось вершить дела, где

---

* О том, что приказные судьи часто имели чин окольного, Татищеву было прекрасно известно: «Окольные хотя выше видно, что судьями в приказе были» (Комментарий «а» к статье 10 Судебника [13, с. 292]).

ответчиками были жители другой судебной территории. Тогда было необходимо провести обыск и для вынесения приговора отправить его материалы, истца и ответчика в Москву к дворецкому Большого дворца [9, с. 140]. Думается, подобный порядок мог быть и на других территориях, с той лишь разницей, что в Разбойный приказ к окольничему или другому судье отсылали, если истец был подсуден не земским или иным судьям, а наместнику. В целом ситуация, обрисованная в одной из норм уставной грамоты Вохонской волости, во многом идентична той, что имеет в виду сам Татищев.

Теперь важно еще раз четко обозначить круг используемых им источников. Сам историк не давал ясного ответа на этот вопрос. Актовый материал он называет весьма общо — «указ древний губным старостам», «древние наказания губным старостам», которые Татищев также однократно именует губными грамотами, хотя настоящие уставные губные грамоты ему были неизвестны. Все эти обозначения, скорее всего, носят собирательный характер. Как нам удалось с большой вероятностью установить выше, одним из документов являлся наказ губным старостам времени опричнины. Вторым могла быть не дошедшая до нас указная грамота (на что в том числе указывает и татищевская формулировка «указ древний»). Сложнее всего определить, что представлял собой третий акт, где говорилось о смешанном суде губных старост и наместников. Здесь приходится ограничиваться догадками и выбирать между различными типами наказов и указных грамот.

Завершая рассмотрение оригинальных свидетельств Татищева, я прихожу к выводу об абсолютной достоверности одного из них, поскольку известен его предполагаемый источник (с той лишь оговоркой, что историк интерпретировал норму, имевшую временных характер, как постоянную и толковал ее расширительно). Другое сообщение, о необходимости контроля наместниками губных старост во время суда над помещиками, не противоречит и даже соответствует реалиям того времени, хотя прямо не подтверждается документально. Последнее известие наиболее необычно и, вероятно, является плодом контаминации Татищевым двух разных актов. Проведя источниковедческий анализ, я установил его предполагаемое первоначальное содержание. Оно довольно правдоподобно и не входит в конфликт с известными документами (но и не подтверждается ими прямо).

В свете тех данных, что приводит в своей статье А.А. Аракчеев [4], и материалов нашего исследования, методы работы Татищева с законодательными актами представляются еще более определенными. Толкуя источники, Татищев пытался хоть как-то прояснить их не только для читателя, но и для себя. Будучи неспособным понять исторические реалии отдаленной от него более чем столетием эпохи, он смо-

трел на них с помощью своеобразного микроскопа, роль линз в котором играли многочисленные нормы законодательства XVII—XVIII вв. Естественно, что подобный «взгляд» складывался из взаимных наложений разновременных законодательных новелл и приводил к созданию соответствующих, полных контаминаций комментариев.

Однако изучение работ Татищева не исчерпывается для нас только его комментариями. Как известно, историк располагал уникальным списком Судебника 1550 г. и другими недошедшими до нас материалами. Один из таких документов мы рассмотрим в оставшейся части этого раздела.

Так называемый приговор о губных делах 22 августа 1556 г. полностью приведен только в Уставной книге Разбойного приказа 1555—1556 гг. Большинство же его статей были давно известны в составе дополнительных указов к Судебнику. Сводная академическая публикация этого приговора с разночтениями по другим спискам и печатным изданиям была предпринята в 1986 г. в законодательных актах Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Текст был подготовлен Р.Б. Мюллер, а комментарии к нему написаны Н.Е. Носовым.

Вызывает интерес третья статья указа от 22 августа 1556 г., изложенная во втором издании Судебника 1550 г. Татищева с важным дополнением, отсутствующим в других списках данного законодательного акта. По неизвестному нам недоразумению, Мюллер не поместила это любопытную норму в подстрочных примечаниях среди разночтений [8, с. 36]. По-видимому, об этом дополнении не знал Носов, который также комментировал приговор и не истолковал эту норму [10]. Не попала она и в поле зрения авторов первой полной публикации приговора. Справедливости ради, надо заметить, что оно указано в списке разночтений в Актах исторических и в хрестоматии В.Ф. Владимирского-Буданова [1, с. 254; 7, с. 6—7]. Как хорошо видно из приведенного ниже сравнения, оригинальная норма из издания Татищева, выделенная нами курсивом, по смыслу является отдельной статьей, а не продолжением статьи 3.

Пытаясь дать интерпретацию норме, встречающейся только у Татищева, Владимирский-Буданов в хрестоматии по истории русского права обратил внимание на первую статью из «восьми указов о судопроизводстве» от 11 января 1628 г., запрещавшую истцу и ответчику покидать Москву до тех пор, пока не будет решено судебное дело [7, с. 6—7, 136—137; 8, с. 36]. Владимирский-Буданов указывал, что татищевское добавление в чем-то близко по смыслу к этой норме, ведь в случае отъезда из столицы до вынесения приговора участники тяжбы могли начать уговаривать обыскных людей или скупать их голоса, хотя об этом в статье не говорится ни слова. Нельзя не за-

Статья 3 с оригинальным дополнением (выделено курсивом) в публикации В.Н. Татищева.	Статья 3 без оригинального дополнения в других списках.
<p>А которой ищя или ответчик, тяжутся перед бояры и во всех приказах, а шлются в обыск на многие люди безименно, и в тех делех да пошлют бояре обыскивати с Москвы к старостам и целовальником, и велети ездити обыском многим людем и лучшим всем, князем, детем боярским, их прикащиком и крестьяном, архимандритом, игуменом, попом и диаконом, а из градов с посадов лучшими людьми обыскивати с лица на лицо, а за очи обыскных людей не писати, а речи бы свои обыскные люди писали сами; а которые люди писать умеют и те бы и руки прикладывали; а которые не умеют, ино отцы из духовные к тем речам руки прикладывали.</p> <p><i>А ищяе и ответчику и их людем и приятелем у обысков не быти, и обыскных людей не обжежжати и не уговаривати; а сыщется про то, что он обжежжал и уговаривал, и он тем и виноват</i> [13, с. 337-338].</p>	<p>А которые люди ищяи и ответчики тяжутца перед бояры и во всех приказах, а шлютца в обыск на многие люди безимянно, и в тех делех пошлют бояре обыскивати с Москвы к старостам и к целовальником, и старостам и целовальником велети ездити к обыском мнигим людем и лутчим всем, князем, и детем боярским, и их прикащиком, и крестьяном, и архимандритом, и игуменом, и попом, и дяконом; а из городов с посаду лутчими людьми обыскивати с лица на лицо; а за очи обыскных людей не писати. А речи бы свои обыскные люди писали сами; а которые люди грамоте умеют, те бы руки прикладывали, а отцы б их духовные к тем речем руки прикладывали ж [8, с. 36].</p>

метить, что сходство между ними весьма отдаленное и условное, тем более учитывая их текстологические различия.

В добавочной норме, которая есть только у Татищева, речь идет о запрещении истцу и ответчику присутствовать при процедуре обыска и уговаривать или склонять каким-либо образом на свою сторону лиц, участвующих в обыске. Если же судьям становилось известно о подобных действиях, то они были обязаны признать виновным человека, нарушившего положение.

Можно ли считать дополнительную татишевскую норму достоверной? Думается, да. В публикации Татишевым Судебника достаточно других оригинальных законодательных норм, встречающихся только в его списке и признанных достоверными нашей наукой. Наконец, содержание самой нормы не противоречит известным нам источникам середины XVI в. и соответствует реалиям того времени.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. — Т. 1.

2. Андреев А.И. Переписка В.Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. — Т. VI. — М.-Л., 1951. — С. 292-3. Анхимюк Ю.В. Уставная грамота рязанской ямской слободе 1557 г. // Русский дипломатарий. — Вып. 7. — М., 2001. — С. 286-292.
4. Аракчеев В.А. Соборное уложение 9 марта 1607 г.// Российское государство в XIV—XVII вв. Сборник научных статей, посвященных Ю.Г. Алексееву. — СПб., 2002. — С. 98—114.
5. Баранов К.В. Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // Сообщения ростовского музея. — Ростов, 1998. — С. 31—44.
6. Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. — М.: Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, 1926.
7. Владимирский—Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Вып. 3. — СПб., Киев: Н.Я. Оглобин, 1889.
8. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. — Л., 1986.
9. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства XVI в. — М.: Историко-филологический факультет Императорского Московского университета, 1909.
10. Носов Н.Е. Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1983. — Т. IV. — С. 23—49.
11. Судебники XV—XVI веков. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952 12. Татищев В.Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979.
13. Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 7. — М.: Ладомир. 1996.
14. Шмидт С.О. Продолжение хронографа 1512 г. // Исторический архив. — 1951. — Т. 7. — С. 254—299.

Крымская угроза, слухи и военные тревоги на Юго-Западе Российской империи в середине XVIII в.**

Аннотация. Статья посвящена феномену военных тревог на Юго-Западе Российского государства в середине XVIII в., т.е. комплексу мобилизационных мероприятий, вызванных ожиданием возможного нападения со стороны Крымского ханства и стоявшей за ним Османской империи. Рассматривается механика возникновения военной тревоги и роль слухов в этом процессе.

Ключевые слова: Российская империя; Крымское ханство; Украинская линия; военные тревоги.

Crimean threat, rumors and military alerts in the South-West of the Russian Empire in the middle of the XVIIIth century

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of military alerts in the South-West of the Russian state in the middle of the XVIII century, i.e. complex of mobilization measures caused by the expectation of a possible attack from the Crimean Khanate and the Ottoman Empire. The mechanics of the emergence of military alert and the role of rumors in this process are considered.

Keywords: Russian Empire; Crimean Khanate; Ukrainian line, military alert.

В 1762 г. канцлер М.И. Воронцов в записке Екатерине II сообщал, что «Россия принуждена для обороны и безопасности своей содержать против» Крымского ханства и стоявшей за ним Турцией «линии с знатным числом войска, и пребывать и посреди миру, равно как бы во время войны, во всякой осторожности, тем более, что на добрую веру их отнюдь полагаться не можно» [2, с. 308—309]. Однако, несмотря на такую характеристику — «посреди миру, равно как бы во время войны», — после окончания русско-турецкой войны 1735—1739 гг. нападений крымских татар на земли Российской империи не происходило. Тем не менее, в 1740—1750-е гг. правительство тратило немалые средства на систему обороны Юго-Запада от возможного вторжения, ключевыми элементами которой были Украинский ландмилицейский корпус и Украинская линия [1, с. 121—128].

* **Михаил Александрович Киселёв** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета (г. Екатеринбург, Россия). e-mail: m.a.kiselev@urfu.ru

Mikhail A. Kiselev — Candidate of Historical Sciences, associate professor of Department of Russian history, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

** Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00083.

В историографии можно встретить упоминания, что в этот период «неоднократно во время обострения отношений с Турцией и Крымом Украинский ландмилицкий корпус приводился в боевую готовность, как это было, например, в 1751 г.» [4, с.152]. Однако при этом описания таких обострений отсутствуют. Соответственно, возникает вопрос, в связи с чем именно приводились в боевую готовность пограничные войска и насколько серьезной была военная угроза с юга. В настоящей работе я с целью поиска ответа на этот вопрос рассмотрю механику приведения российских вооруженных сил в боевую готовность на Юго-Западе на примере военной тревоги рубежа 1746—1747 гг.

В 1746 г. скончался командовавший Украинским ландмилицейским корпусом и Украинской линией А.П. Дебрины. На его место был прислан генерал-лейтенант М.И. Философов, который по прибытии на линию отправил в Крым для разведки под видом купца отставного ландмилицейского хорунжего «волоской нации» А. Круцескула. Он вернулся из поездки 1 декабря и сообщил, что видел военные приготовления, в том числе прибывшие из Турции корабли с боеприпасами. Кроме того, он известил о своих беседах в Бахчисарае с неким ханским служителем, которого знал еще до этой поездки. Этот служитель якобы сказал ему: «Как у турок, так и у татар с Персией войне минувшею зимою зделалось примирение и все распущены и находятся в их домех, и с того времени поныне войны ни с кем не имеют, только де ныне как турки, так и татары к войне приуготовление чинить начали в намерении итить войною [1] 1747 году весною на Россию, для чего и в Крым вышепомянутые карабли с воинскими припасами присланы и хан Крымской по повелению турецкого салтана для совету о том отъедет в Царьград». Помимо этого, приходили извещения о возможном нападении со стороны Персии и из других источников [7, л. 25—25 об.].

Эту информацию М.И. Философов 16 декабря 1746 г. отправил в Петербург. Ее рассмотрели в Сенате 7 января 1747 г., а 9 января состоялось сенатский указ, которым Военной коллегии предписывалось велеть «как от крымской и кубанской, так и от персидской сторон и от внезапных либо откуда нападений иметь накрепчайшую... предосторожность и о том з довольным наставлением во все состоящие от означенных сторон российские пограничные места и команды строгими указами почасту подтверждать» [7, л. 28].

Коллегия иностранных дел в ответ на сведения от Философова сообщала в Сенат 16 января 1747 г., что мир между Турцией и Персией действительно заключен. По вопросу же «о слухе в Крыму о намерении Порты к розрыву мира с Россией и о согласии в том с шахом» сообщали, что не могут этого подтвердить. В то же время давали та-

кую рекомендацию: «Что... до предосторожности от той стороны, она и всегда потребна и толь наипаче ныне, когда сии обе соседние немалые державы в мире и во всякой свободности находятся, на которые и никогда в постоянном от них содержании соседственной дружбы твердо обнадеяться и неукреплены и без обороны границы оставить невозможно» [7, л. 65—65 об.]. В Сенате, получив это донесение, 20 января приняли решение перестраховаться и снова «в Военную коллегияу подтвердить еще накрепчайшим указом, велеть как от крымской и кубанской, так и персидской стороны в российских границах иметь накрепчайшую предосторожность». Сенаторы также повелели Военной коллегии «немедленно рассмотреть пограничные с тех сторон крепости, в надлежащем ли к обороне состоянии находятся и, если окажется, что «крепости требуют какого поправления и починки или прибавки артиллерии и аммуниции и артиллерийских служителей, оное все исправить». Дополнительно предписывалось «в самой крайней скорости» укомплектовать «крепости святыя Анны гварнизонные полки, как людьми, так ружьем, мундиром и аммуницією» [7, л. 75].

Итак, сенаторы, не имея достоверной информации о турецких, крымских и персидских военных приготовлениях, все же посчитали за необходимое заняться срочным усилением границ. Это было не самое дешевое мероприятие. Только для ремонта построенных в годы русско-турецкой войны 1736—1739 гг. шести днепровских рентраншементов Украинской линии (Биркуцкого, Самарского, Каменского, Ненасыцкого, Малышевского, Хортицкого), а также редутов при р. Самаре и Запорожской Сечи требовалось, по расчетам инженера капитана фон Гревенца, 2484 работных людей, 654 плотника, 56 пильщиков и 55 кузнецов, не считая материалов [7, л. 95].

Пока в Петербурге обсуждали декабрьское доношение Философова, последнему поступала новая информация о крымско-турецких военных приготовлениях. Так, донской войсковой атаман Д.Е. Ефремов писал ему, что крымские татары «против России приготавлиются» [7, л. 95 об.]. Затем 28 декабря 1746 г. прибыло из Крыма на Никитинскую заставу несколько купцов. Один из них — грек Ф. Фотов — сообщил, что «видел он сам, что привезено ис Царяграда на одном карабле» в Козлов (Евпаторию) пушки с «их припасы» и что «приехал из Царяграда грек и сказывал ему, что он слышал от цареградских обывателей турков... что с Россиею будет война». Малороссийские купцы Я. Белуха, Ф. Сущенко и И. Лукьяненко подтвердили факт привоза пушек. Правда, при этом они заявили, что, по словам бывших в Крыму русских невольников, «татара между собою тревожутца и от России имеют опасение, чтоб Россия не поднялась на низ войною». Далее, уже 19 января 1747 г., в Запо-

рожскую Сечь «вышел ис плену из города Кинбурха грузинец Иван Дмитриев», которого стали расспрашивать «о крымских обращениях». Он сообщил, что «нагайские татара имеют великое опасение от России и всегда находятца в страже и говоря де между собою, егда де российское войско пойдет на Крым войною, то де мы, все оставя, побегим в горы, а сами они с Россиею к войне никакова намерения не имеют» [5, л. 4—5].

Полученная информация позволяла сделать вывод, что в Крыму, скорее, опасаются вторжения российских войск, нежели планируют нападение. Тем не менее, Философов написал в Военную коллегия: «Хотя о тех намерениях, подлинно ль оныя производимы будут, обстоятельно еще неизвестно, однако по состоянию тамошняго пограничного места, а особливо соседского легкомыслия, к пристойному охранению крайня осторожности и полкам частыя подтверждения от него, генерала-лейтенанта Философова, читятца» [6, л. 1]. Соответственно, уже 15 декабря 1746 г. он предписал, что «по всей Украинской линии и на низднепровских ретнанжментах надлежит иметь наикрепчайшую предосторожность и все худыя и поврежденныя места, как скоро возможно, рогатками или другим чем укрепить» [7, л. 95 об.].

Военачальник исходил из того, что сама специфика *тамошнего пограничного места*, связанного в том числе с *соседским легкомыслием*, требовала повышенной бдительности. С учетом этого вполне понятно, что слухи о нападении, которые иногда выглядели довольно фантастичными, находили благодатную почву. Так, в Очаков были посланы для разведки некие малороссияне, которые по возвращении сообщили, что «по известию тамошних людей показано, что с Российской... империею с турецкой и крымской сторон подлинно разрыв миру и к войне приуготовлении чинятца, для чего в службе находящимся быть к походу во всякой готовности, а от Царяграда собранного войска башняков и арнаутов восемьдесят тысяч под команду сераскер Магмут паша, генваря в последних числах выступя, следуют, а намерение имеют идти на Бендеры, а из Бендер в Польшу, где, совокупясь с польским войском, намерение ж имеют идти войной на Киев» [5, л. 16]. Конечно, никакого польского войска, готового выступить в поход на Киев в союзе с турецким войском, быть не могло. Тем не менее, эта информация все же заставляла нести службу по охране границы не без беспокойства.

Правда, помимо таких тревожных сообщений Философову доставлялись и сведения иного рода. Так, «вышедшей де ис плену ис Крымской области великороссийского города Карачаева житель однодворец Козьма Музалевской объявил, что, идучи дорогою, во многих городех и селах Крымской области слышал от многих турков и татар, что оныя боятца и находятца в страхе, чтоб Россия на Крым

сама войны не зачала, а они де никогда воевать не будут, а ежели Россия сама зачнет войну, то де они все пойдут в покорность, им де и прежняя война скучила» [5, л. 16—16 об.]. Понятно, что в ситуации, когда поступала противоречивая информация, Философов желал получить более достоверные сведения, для чего организовал отправку разведчиков в Крым.

Во-первых, 19 января 1747 г. «для проведывания» было отправлено из Новосеченской крепости два «умеющих татарскому и турецкому языкам» запорожских казака — П. Черной и И. Швиткой, которые вернулись из поездки 18 февраля. Они сообщили, что сперва «прибыли к городу Перекопу и стояли внутры Перекопа при башне, покамест скажут об них каймакану, чтоб их пропустил, и один из работников малороссиянин Григорей Сова, которой служыт у перекопского жителя Бикиреуст, пришедши к ним, говорил, чево вы теперь сюда приехали, ибо у нас ежеденно говорят татаре на Русь по ясир итить». Согласно документу, казаки «ему сказали, что татаре о том может шутя говорят то». Однако им было отвечено «с крепким подтверждением, что конечно не шутя говорят, ибо напредь сего татарам по всему Криму был приказ, чтоб татаре кормили коней к походу». Затем казаки сообщали, что их принял каймакан, который «стал их спрашивать, не слышали ли у вас росмиру и войско московское в собрании или нет». Кроме того, во время пребывания в Перекопе казаки заметили, что «воинскою исправность приуготовляют». Уже 25 января они покинули город и, «едучи дарогою везде по селам и деревням, слышали они, гаворят татаре все о розмире, и везде по селам видели нагайских татар, каторые перегнаны в Крым с Кубанской староны и все поселены жильем и поселом того ради, чтоб оные Криму не изменилы и к Росии не прыклонилысь, а числом оных нагайцов уповательно де что больше будет дватцати тысяч». 28 января казаки прибыли в Бахчисарай, где «слышали от турков и татар, что говорят все об размиру». После этого 1 февраля под предлогом «взятья своих долгов» они отправились в Ак-Мечеть, где смогли встретиться с конюшим калги, который был до принятия ислама запорожским казаком. Его «подпоили выном» и он заявил: «Вы ничего не знаете, а я де подлинно знаю, и тепере де к калге султану пришел из Станбула указ, что турецкое войско выступало в поход на цесаря, и надеемся де, что и масковское войско за цесаря вступица». После этого казаки отправились в обратную дорогу, и, вновь проезжая Перекоп, осведомились у тех же малороссийских работников, «что у вас слышно». Один из них сообщил, что часть татар перешла Перекоп с целью «напасть на российские границы... но током еще отложили до ханского прибытия». Затем казаки узнали, что «разговарывают крымския обыватели, что с Персиєю Порта заподлинно

мир заключыла и чтоб обоим войскам Крымскому и Персицкому совокупясь итить к российским границам» [5, л. 2—4].

Во-вторых, 20 января 1747 г. из Гетманской Украины, получив наставления от миргородского полковника В.П. Капниста, «для проведения о крымских и турецких обращениях» был отправлен казак И. Лубенец, который возвратился 26 февраля. Он сообщил, что в Крыму идут военные приготовления. Так, согласно его донесению, во время пребывания в Бахчисарае «прибыл от крымского хана Челай мурза... с указами в такой силе, чтоб они были во всякой готовности», после чего «сто тритцать предложеней о бытии в поход в готовности разослали по всему Крыму». При этом сам Лубенец «видел, что по силе тех предложеней в Крыму мурзы и все татары держат лошадей своих в конюшнях на добром корме и покупкою на базаре оружей, сабель, сагайдаков поспешно справляются». Ему рассказали, что при хане «имеетца ныне в собрании турецкого войска янычар до пятисот человек, а скоро де по траве имеет к нему прибыть немалое число турецкого войска и сераскеров, а иные сказывают, якобы при том войске будет сам везирь». Наконец, казак и сам наблюдал, как в Козлов (Евпаторию) прибывали подводы для транспортировки прибывшей артиллерии из Стамбула в Перекопскую крепость [7, л. 122—123 об.].

Получив всю эту информацию к началу марта 1747 г., Философов пришел к выводу, что «татары и турки к войне подлинное приуготовление и намерение имеют», в связи с чем предписал привести войска Украинской линии в состояние повышенной боевой готовности [7, л. 118]. При этом, готовясь к отражению возможного нападения, он решил мобилизовать и выдвинуть к границе несколько иррегулярных полков, прежде всего из Слободской Украины, в связи с чем сделал такое распоряжение: «Молдавскому гусарскому полку, из нынешних настоящих квартир выступя, следовать Украинской линии к крепости святого Михаила и расположитца как при оной, так Слобоцкой, Танбовской и святого Петра крепостях, где больше всех мест опасность состоит по равному числу, слобочким же полкам и самому ближнему к линии малороссийскому Полтавскому, выступя, следовать и расположитца по близости к границе, яко то слобочким Острогожскому от Бахмута до Лугани, Изюмскому от Донца до Бахмута, Харьковскому по близости к крепости и к слободе Спевановке, Сумскому и Ахтырскому и малороссийскому Полтавскому к Украинской линии в ближних тех полков и способных местах к выступлению готовыми содержать» [7, л. 128 об.—129].

Примечательно, что в это самое время, как отмечает Р. Михнева, Франция с целью отвлечь Россию от войны за австрийское наследство (1740—1748) пыталась «создать напряженность в отношениях

России с Османской империей». Так, «в январе 1747 г. французский дипломатический агент в Петербурге послал в Стамбул... письмо с ложными сведениями о том, что в России проводится для войны на юге рекрутский набор в 50 тыс. человек. На границе русские власти задержали это письмо», в связи с чем русскому резиденту в Стамбуле А.И. Неплюеву было предписано «уведомить Порту», что рекруты набираются из-за шедшей тогда войны за австрийское наследство. При этом Неплюев, «чувствуя настороженность Порты, сам решил уверить ее, что некоторое увеличение численности полков на Украине происходит потому, что туда из-за дешевизны провианта пересылаются военные части, но только на зимовку». Примечательно: если русская сторона опасалась крымско-турецкого нападения, то в Турции были обеспокоены военной активностью со стороны России, в связи с чем также предпринимали меры предосторожности. Одной из них, похоже, и была доставка пушек для Перекопской крепости, которую Философов воспринял как подготовку к нападению. Однако турецкая сторона не собиралась воевать. И уже в апреле была заключена русско-турецкая конвенция, которая в том числе позволила России открыто вмешаться в войну за австрийское наследство (Рейнский поход) [3, с. 94, 95—96].

Итак, на рубеже 1746—1747 гг. на Украинской линии случилась военная тревога — комплекс мобилизационных мероприятий, вызванных ожиданием возможного нападения со стороны Крымского ханства и Турции. Войска русско-крымского пограничья были приведены в состояние повышенной боевой готовности, в том числе отобилизованы иррегулярные казачьи полки Слободской Украины, а также начался ремонт военных укреплений на пространстве от Днепра (нижнеднепровские ретраншементы) до Дона (крепость св. Анны). При этом, как видно из источников, одним из факторов, приведших к запуску механизма военной тревоги, оказались *слухи*, которые через посредников — торговцев, беглых пленников — привозились из северного Причерноморья. Конечно, часть из этих *слухов* опиралась на факты. Правда, к ним добавлялись разного вида домыслы, из-за чего происходило преувеличение опасности.

Российские власти пытались проверять получаемую информацию, отправляя разведчиков. Однако последние при посещении Крымского ханства зачастую также вынуждены были довольствоваться обрывочной информацией, часть из которой оказывалась домыслами. Как видно из документов, у России в это время так не было сформировано устойчивой разведывательной сети в ханстве, которая могла бы более точно проверять слухи о готовящихся нападениях. В итоге получение обрывочной информации приводило к тому, что как местные, так и центральные власти предпочитали пе-

рестраховаться и запускали механизм подготовки к отражению нападения. Как результат, это приводило к тому, что на Юго-Западе Россия в середине XVIII в. находилась «посреди миру, равно как бы во время войны».

Список литературы

1. Анисимов М.Ю. Россия и Северное Причерноморье в первой половине и середине XVIII в. Начало освоения Новороссии // История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — С. 109—150.
2. Архив князя Воронцова. — Т. 25. — М.: Университетская тип., 1882. — 514 с.
3. Михнева Р.А. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739—1756). — М.: Наука, 1985. — 183 с.
4. Пенской В.В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке // Вопросы истории. — 2000. — № 10. — С. 147—153.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 113. Д. 982.
6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 992.
7. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 998.

Российский атлас 1760-х гг.: несостоявшееся издание и причины неудачи

Аннотация. В рамках статьи на основе неопубликованных материалов архива Российской академии наук освещается процесс подготовки исправленного переиздания Российского атласа 1745 г. Отдельное внимание уделяется процессу сбора географических сведений в 1760-е гг.: запросам в государственные учреждения, рассылке географических анкет, снаряжению экспедиций. В ходе исследования выявляются причины, по которым это издание так и не смогло состояться.

Ключевые слова: Академия наук; Сухопутный шляхетный корпус; Российский атлас; Ломоносов.

Atlas of Russia (1760s): unsuccessful publication and the reasons for failure

Abstract. The article, based on unpublished materials from the archives of the Russian Academy of Sciences, highlights the process of preparing a corrected reprint of the Russian Atlas of 1745. Special attention is paid to the process of collecting geographic information in the 1760s: requests to government agencies, geographic questionnaires, expeditions. The study reveals the reasons for which this publication could not take place.

Keywords: Academy of Sciences, Land Cadet Corps, Atlas of Russia, Lomonosov.

Рассуждая о становлении отечественной науки в XVIII в., принято уделять основное внимание ее достижениям, открытиям, изобретениям и прочим успехам. Неудавшиеся проекты, замышлявшиеся, но каким-то причинам не претворенные в жизнь, сравнительно редко становятся предметом исследования. Вместе с тем, их изучение не менее интересно и показательно, поскольку наглядно демонстрирует объективные трудности и преграды, с которыми приходилось сталкиваться научному сообществу той или иной эпохи в своей работе.

Одним из таких неудавшихся проектов была подготовка исправленного переиздания Российского атласа 1745 г., начатая в 1759 г. географическим департаментом Академии наук под руководством М.В. Ломоносова. Затянувшись более чем на 10 лет, она так и не привела к

---

* **Виктория Владимировна Ткаченко** — специалист по учебно-методической работе кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: victoria.tkachenko@gmail.com

Victoria V. Tkachenko — Specialist in educational and methodical work, Department of Russian History until the beginning of the XIX century, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

желаемому результату, несмотря на поддержку этой инициативы со стороны Сената, ее общественную и государственную значимость. В рамках данной работы будут рассмотрены некоторые из причин неудачи.

Изучение Российской империи, ее населения, территории, хозяйства и природных ресурсов было одним из ключевых направлений работы Академии наук с момента ее создания. Публикация атласа 1745 г. явилась важным результатом ее деятельности на этом поприще, значимым событием в истории русской географии и картографии. Вместе с тем, атлас не был совершенен, содержал многочисленные ошибки. Так, в нем «не были указаны важные географические объекты; густо населенные области были изображены как необитаемые, а положение их часто указано неправильно» и т.д. [1, с. 447]. Несмотря на то, что недостатки атласа были сразу же признаны его издателями [3, с. 153], работы по его исправлению протекали довольно вяло.

В исследованиях историков географической науки, изучавших деятельность Географического департамента Академии наук в XVIII в. [1; 3; 5], отмечается период «замирания картографических работ» [3, с. 58] после 1746 г. По мнению В.Ф. Гнучевой, к 1757 г. департамент, возглавлявшийся Г.-Ф. Миллером, «практически перестал функционировать» [3, с. 66]. Но и после прихода к его руководству Ломоносова (с 1757 по 1765 г.) АН не издала ни одной карты [3, с. 77]. За этим внешним отсутствием результатов, тем не менее, скрывается достаточно активная внутренняя работа, проводившаяся в эти годы. Пролить свет на ее ход помогают документы, сохранившиеся в архиве Академии (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10, 10а, 10б).

С момента вступления Ломоносова на пост руководителя Геопартамента подготовка переиздания Российского атласа была обозначена как его «главное дело... обществу столь нужное» [3, с. 186]. Однако ревизия имеющихся в департаменте карт показала, что карты московской губернии к «поправлению российского атласа весьма негодны и ежели их употребить к сему делу, то тогда неисправные карты издавать» [8, л. 5]. То же касалось и других регионов России. Таким образом, основной задачей Академии становился сбор «достоверных известий», отражающих «нынешнее состояние» империи [8, л. 8а].

В ходе заседаний было разработано три возможных пути получения таких сведений: 1) запросы данных из государственных учреждений и ведомств, которым их следовало «иметь в силу данного... регламента» [8, л. 38]); 2) рассылка географических опросов по всем губерниям; 3) подготовка экспедиций. Как показала практика, ни один из этих способов не оказался в полной мере эффективным.

Можно предполагать, что обращение в государственные ведомства первоначально казалось академикам наиболее быстрым способом получения необходимой информации. С этой целью в мае 1759 г. канце-

лярия АН подготовила доношения в Синод и Сенат. У первого запрашивался список «всем синодальным строениям», а именно соборным и приходским церквям и монастырям, с уточнением наличия каменного строения и ограды. Кроме того, Академия просила указать местоположение монастырей («стоят при каких реках и при каких городах в каком от оных расстоянии и на которую сторону»), и, при наличии, прислать их исторические описания «от времени построения оных для сочиняющейся российской истории» [8, л. 8а]. Из Сената рассчитывали получить данные о количестве сел и деревень в каждой губернии и провинции и численности населения в них («чтобы на карте не обозначить малого, а не пропустить большого места» [8, л. 8а об]).

Полученные ответы едва ли оправдали надежды ученых. 26 июня 1759 г. из Синода было сообщено, что «означенного описания планов при Святейшем Правительствующем Синоде неимеется». Академии предлагалось самой послать в монастыри «землеописателей» («понеже в таком деле искусных людей при синоде, архиерейских домах и монастырях неимеется» [8, л. 14—14 об]) для снятия планов и списывания копий с исторических книг, если они будут обнаружены. Затянулась длительная переписка. В повторном запросе Ломоносов справедливо уточнял, что «от Святейшего Синода Академия планов не требовала», что необходимы лишь сведения о том, «в каком расстоянии от какого города» расположен монастырь, которые, по его мнению, не только настоятель, но и «каждой монах знает и скажет», что отправить геодезистов и писцов по монастырям «было б весьма излишне» и т.д. Уповал он и на то, что создаваемое Академией географическое описание призвано не только принести «пользу и славу» отечеству, но «и самому Святейшему Синоду... не без надобности быть может» [8, л. 18—18об]. Все было безрезультатно.

Более благосклонно повел себя Сенат. Запрос о численности населения сел и деревень был перенаправлен им в Камор-коллегию [8, л. 38], где Академии удалось добиться доступа к копированию переписных книг второй ревизии (Копирование это, однако, осуществлялось силами десяти школьников московской гарнизонной школы, которые писали медленно, «весьма худо и неисправно» [8, л. 152], и не было доведено до конца).

Кроме того, Сенат согласился разослать в губернские и воеводские канцелярии разработанный АН географический опросник с указанием предоставить ей все необходимые сведения «с крайнею исправностью и с возможным поспешением» [2, с.18]. Эта анкета включила в себя 30 вопросов о топографии города (вопросы 1—3), местных промыслах и торговле (4—10), транспортных водных и сухопутных путях (11—18), границе (19), сельском хозяйстве (21—24), населении (30). Кроме того, запрашивались чертежи городов (25), летописцы (29), сведения о старых

городищах (26) и засохших руслах рек (27), а от северных сибирских городов — об островах на Ледовитом море и добыче морского зверя (28) [2, с. 22—32]. Геодепартамент, на обсуждение которого выносились вопросы, принял решение, что указанные пункты «к исправлению географии весьма довольны быть могут» («Разсудили мы за благо в оные ничего не применить» [8, л. 21]). Лишь Миллер предлагал исключить вопросы, касающиеся Сибири, поскольку сам был готов дать на них «полный ответ» («Для того что Сибирь уже довольно мною описана») [8, л. 22]. Но они были оставлены. В январе 1760 г. было напечатано 600 экземпляров анкеты [8, л. 30—31], после чего их разослали по городам.

Заметим, что вдохновленный первоначальным успехом этого предприятия Ломоносов запрашивал и Синод о том, «благоволит ли» он «по примеру Правительствующаго Сената» отправить аналогичные указы на места [8, л. 18 об]. Синод сперва ответил, что «в какой силе от Сената указы посланы, о том в Святейшем Синоде неизвестно» [8, л. 23] и запросил копию сенатского указа, а после того, как указ был, наконец, отправлен [8, л. 37], переписка и вовсе прервалась.

Ответы из губернских канцелярий начали поступать в Академию с весны 1760 г. В большинстве своем они были неполными. Сказывалось нежелание чиновников выполнять навязанную им работу. В частности, канцелярии отговаривались от вопросов, связанных с измерением расстояний, неимением геодезистов. Это, в свою очередь, вызывало протест Академии, уверенной, что в вопросах «нет таких трудностей, где бы надобны были геодезисты, но все, что требуется, измерить и описать могут люди, знающие грамоте и разумеющие саженную и аршинную меру, каковые не токмо во всяком городе, но и по деревням довольно сыскаться могут» [8, л. 102 об]. Исторические известия о городах умалчивались за незнанием или утратой нужных сведений [14] (в Орле в ходе регулярных затоплений «полоу водою с рек Оки и Орла» все «дела прошлых лет, кои имели в архиве», помокли [13, л. 2 об]. Казанский архив сгорел в 1749 г. [11, л. 2 об]). Из многих городов ответы не пришли вовсе.

Дело осложнилось тем, что 1 апреля 1760 г. вслед за сенатским указом по губернским канцеляриям был разослан указ Главной канцелярии артиллерии и фортификации за подписью П.И. Шувалова, согласно которому на пункты, касающиеся планов, состояния и устройства городских крепостей, было «никакого объяснения давать не велено» [9, л. 1]. Это привело к тому, что отвечать на них отказались не только пограничные города (Архангельск [9, л. 1], Нарва [10, л. 1 об] и др.), но и некоторые из городов, расположенных внутри страны (например, Казань [12, л. 1 об]).

Еще более сильный удар, подкосивший весь сбор анкетных данных, был нанесен в декабре 1760 г. Его началом послужило высказанное Су-

хопутным шляхетным корпусом намерение сочинить учебник по географии для кадетов. 11 сентября 1760 г. в Академию был отправлен запрос, сохранившийся в архиве корпуса: «В шляхетном кадетском корпусе для обучения кадет сочиняетца география, что же касаетца до России, то достаточных известий недовольно. А без сумнения в Академии наук надобно, чтоб ото всех городов известия были. А по штату шляхетного кадетского корпуса положено, чтоб всякия книги и карты в Академии наук для корпуса переводить и печатать, того ради сие и требуетца чтоб в силу оногo штата все что до российской географии касаетца Академии наук в кадетской корпус соблаговолила сообщить» [6, л. 1].

Вероятно, ответ Академии оказался чересчур резким. В нем сообщалось, что «кроме изданных печатанием географических известий нет», и хотя по указу Сената «известия ныне из городов и присылаются, однако они еще недостаточны к сочинению Российской географии, затем что присланы по большей части из малых городов». Кроме того, сообщалось что «Академия наук сама старается о сочинении Российской географии, которою по издании на свет и шляхетной кадетской корпус пользоваться может», о чем обязалась известить кадетов [6, л. 2].

Реакция на этот отказ не заставила себя долго ждать. Уже 2 декабря за подписью директора кадетского корпуса Великого князя Петра Федоровича в Сенат было послано доношение о начале кадетами собственного сбора сведений [6, л. 3], а 15 декабря кадетский опросник, мало чем отличавшийся от академического, был разослан по всем губерниям Сенатским указом [2, с. 20—32].

Ломоносов негодовал. Ему казалось, что все это было сделано специально, «внушением господина Миллера» [3, с. 187], с которым он давно враждовал. Произошедшее «учинило» в деле «не только препятствие, но и самую остановку» [8, л. 180]. И без того затягивавшие с ответами губернские канцелярии окончательно запутались в требованиях властей. Кто-то отправлял известия в Академию, кто-то — кадетам, думая, «что сие дело как при Академии, так и в кадетском корпусе производится общим трудом» [8, л. 180]. В действительности же, АН тщетно требовала передачи в ее руки собранных кадетами известий [6, л. 27], обращая внимание на то, составление географии она начала первой, и что Географический департамент был специально для этого создан, «а при шляхетном кадетском корпусе неуповательно чтоб довольно было людей к тому способных» [8, л. 180об]. Корпус, напротив, требовал известий академических, сообщая, что позволит только скопировать свои (т.к. их «для некоторой надобности выдать из корпуса невозможно»), но не ранее, чем «Академия наук взаимное снисхождение иметь к нему будет» [6, л. 28]. Препирательства затянулись на годы. Лишь в 1769 г. все кадетские сведения все же были отосланы в АН [6, л. 38].

Не получила успеха и организация академических экспедиций, задуманных еще в феврале 1760 г. для измерения долготы и широты крупнейших русских городов. Три экспедиции, по северу, западу и юго-востоку европейской части России, должны были возглавить Н.И. Попов, А.Д. Красильников и Я.-Ф. Шмидт. Однако замысел оказался слишком масштабным и дорогим. Дело застопорилось после утверждения маршрутов и предоставления руководителями списков необходимого им оборудования [8, л. 44—60]. Академия не имела достаточного количества астрономических инструментов, а их заказ и доставка «из-за моря» требовали времени [7, л. 144]. К сентябрю 1760 г. количество планируемых экспедиций было сокращено до двух. Но Шмидт ехать уже отказался, ссылаясь на проволочки в организации и то, что «по контракту» он к поездке «не обязан» («А думать надлежит, что мне не все равно, могу ли снести чрез два или четыре года трудности в поездке» [8, л. 113—113 об]). Н.И. Попов, напротив, отправился в Сибирь для наблюдения «явления Венеры в Иркутске и Селенгинске» и вернулся оттуда только в 1762 г. В \$4763 г., по признанию Ломоносова, работа над посылкой географических экспедиций «совсем остановилась» [3, с. 187]. А в 1764 г. было и вовсе предложено перенести их на 1769 г., когда должно было произойти «явление Венеры в Солнце» [4, с. 256].

Значительно усложняли работу и межличностные конфликты внутри Академии. В \$4762 г. Ломоносова из-за болезни едва не отстранили от руководства Географическим департаментом (по его мнению, это стало результатом интриг Миллера и И. Тауберта и делалось «хитростью для некоторых частных намерений»). В \$4763 г. ему снова пришлось отстаивать свое дело, когда Екатерина II вознамерилась остановить работу над «Российским атласом» ради составления «Карты продуктов российских» [3, с. 81—84].

Одна из последних попыток «сдвинуть с места» застопорившийся сбор сведений была предпринята в 1764 г. Ломоносовым предложил использовать «в пользу географии Российской и сочиняющагося нового Атласа» ресурсы, задействованные при проведении третьей ревизии (начатая в 1762 г., она к этому времени уже подходила к концу). Посылаемым для переписи офицерам предлагалось передавать в АН сведения о числе душ во всяком селе и деревне, наличии в них деревянных или каменных церквей, рек, крупных дорог, обозначить ближайшие к ним города и их удаленность, особенности ландшафта [8, л. 1] — иными словами, собрать почти все те же сведения, которых Академия никак не могла добиться от губернских канцелярий. Ломоносов уверял, что, если «всемилоостивейше повелено будет», можно будет «лет в пять сочинить и напечатать... такой российской атлас, которым похвалиться можно пред всею Европою, и которой принесет великую славу Ея Императорскому Величеству, сильное вспоможение в правление

государства и всему отечеству несказанную пользу и удовольствие» [8, л. 1 об]. Однако и эта инициатива не получила одобрения.

В 1765 г. Ломоносов скончался, так и не добившись результатов в начатом им деле. В дальнейшем, после передачи Академии кадетских материалов, часть из них была обработана и издана Л.И. Бакмейстером в качестве «Топографических известий» (1771) [2]. Но и это издание остановилось на первом томе. «Новая генеральная карта России» была издана в 1776 г., новый Атлас Российской империи — только в 1792 г.

Таким образом, подготовка географического описания Российской империи выявила немало сложностей. Часть из них была внутренними проблемами АН, часть — проблемами функционирования государственного аппарата. Среди них — изначально слишком грандиозные, трудоемкие и дорогостоящие планы, несогласованность действий государственных ведомств, попытка возложения сбора сведений на не заинтересованные в этой работе местные власти, недостаток квалифицированных кадров, конфликты внутри научного сообщества и т.д. Преодоление препятствий требовало времени и развития не столько географической науки, сколько возможностей государственного аппарата и поиска новых подходов к решению столь масштабных задач.

Список литературы

1. Багров Л.С. История русской картографии. — М.: Центрполиграф, 2005. — 523 с.
2. Бакмейстер Л.И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи. — СПб.: при Императорской Академии наук, 1771. — 103 с.
3. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. — М.; Л.: АН СССР, 1946. — 446 с.
4. Гнучева В.Ф. Ломоносов и Географический департамент Академии наук // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — М.-Л.: АН СССР, 1940. — С. 244—266.
5. Дик Н.Е. Деятельность и труды М.В. Ломоносова в области географии. — М.: МГУ, 1961. — 210 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1—2. Д. 3050.
7. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 531.
8. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 18.
9. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 2.
10. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Д. 1.
11. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Д. 11.
12. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Д. 56.
13. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Д. 137.
14. Ткаченко В.В. Исторические известия о древних русских городах в географических анкетах Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса 1760 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. — Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. — М: Издательство Московского университета, 2019. — С. 302—307.

К вопросу об изучении взаимоотношений писателей и властителей в России: на материале «писем царю» в творчестве А.П. Сумарокова (постановка проблемы)

Аннотация. В статье на материале эпистолярного наследия А.П. Сумарокова ставится вопрос о необходимости изучения особого эпистолярного жанра — жанра «письма царю» — в русской литературе XVIII века в целом и в творчестве данного литератора, перечисляются основные исследования, посвященные письмам избранного периода, кратко характеризуются тематика, количество и временные рамки писем, направленных Сумароковым высокопоставленным адресантам.

Ключевые слова: А.П. Сумароков, письмо, эпистолярный жанр, «письмо царю», жанр, русская литература, XVIII век.

Studying the relationship between writers and rulers in Russia: on materials of «letters to Tsar» in the works of A.P. Sumarokov (statement of the problem)

Abstract. The article raises on epistolary heritage by A.P. Sumarokov question of necessity of study of special epistolary genre — genre of «Letter to Tsar» in Russian literature of XVIII century in General and in works by this author, lists main studies on letters of chosen period, briefly described the scope, number and timing of letters sent by Sumarokov to senior sender.

Keywords: A.P. Sumarokov, letter, epistolary genre, «Letter to Tsar», genre, Russian literature, XVIII century.

Один из ценнейших источников для изучения истории взаимоотношений власти и литературы — эпистолярный жанр, находящийся — если говорить об авторах-писателях — на грани между литературным явлением и бытовым фактом (отметим, что в XVIII веке такие тексты являлись полноценной частью литературного процесса [1, с. 33]). Именно особый эпистолярный жанр «письма властителю», представленный двумя инвариантами — «письмом царю» и «письмом вождю» — и является объектом нашего исследования. Данный жанр включает в себя целый ряд подразновидностей: письмо-жалоба/

---

* **Екатерина Владимировна Суrowцева** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: surowceva-ekaterina@yandex.ru

Ekaterina V. Surowtseva — Candidate of Philology, Senior researcher in the Laboratory of General and computer lexicology and lexicography, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

просьба/оправдание, письмо-декларация, письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчет, письмо-инвектива, письмо-памфлет, письмо-донос (краткое обоснование темы и обзор проанализированного нами материала, относящегося к XIX—XX вв., см. в [6]).

Множество писем данного жанра принадлежит перу А.П. Сумарокова — из 119 известных нам писем во властные структуры направлены 77 [5]. В число высокопоставленных адресатов входят императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II; сановники Г.Г. и В.Г. Орловы, И.И. Шувалов, Г.А. Потемкин, К.Г. Разумовский, Н.И. Панин, С.С. Козьмин; а также официальные инстанции — Главная полицеймейстерская канцелярия, Канцелярия и Комиссия Академии наук, Каширская воеводская канцелярия, Правительствующий Сенат. Даже при самом кратком обзоре материала становится понятно, почему письма Сумарокова не анализируются в контексте дружеских писем XVIII в. [3] (но, разумеется, вписаны в общий литературный контекст эпохи [4]) — этого литератора можно по праву считать мастером «письма царю». Даже предварительный анализ материала свидетельствует о распространении этого жанра и в русской литературе XVIII в. [7] Чтобы выявить специфику жанра в творческом наследии Сумарокова, необходимо прежде всего составить список высокопоставленных адресатов и количество обращенных к ним писем.

Список высокопоставленных адресатов А.П. Сумарокова и количество направленных им писем

№	Адресант	Количество писем
1.	Императрица Екатерина II	31
2.	Императрица Елизавета Петровна	1
3.	В.Г. Орлов	2
4.	Г.А. Потемкин	8
5.	Г.Г. Орлов	2
6.	И.И. Шувалов	21
7.	К.Г. Разумовский	1
8.	Н.И. Панин	1
9.	С.С. Козьмин	2
10.	Главная полицеймейстерская канцелярия	1
11.	Канцелярия Академии наук	2
12.	Каширская воеводская канцелярия	1
13.	Комиссия Академии наук	3
14.	Правительствующий Сенат	1

Важнейший и труднейший аспект — тематический анализ писем, отличающихся большим разнообразием. По справедливому мнению исследователя, послания Сумарокова автобиографичны, в них нет разделения жизненных фактов на «низкие» и «высокие» [1, с. 33], он пишет о театре и литературе — и о быте и деньгах зачастую даже в рамках одного и того же текста.

Письмо Елизавете Павловне (1758) связано с задержкой жалования.

Говоря о специфике, в том числе тематической, посланий Сумарокова Екатерине II (именно ей и Шувалову посвящена главная часть писем за 30 лет — с 1747 по 1777 гг.; первое послание императрице датировано 1762 г., последнее — 1777 г.), современный ученый справедливо замечает: «Сумароков обращается к Екатерине II по всяким волнующим его делам, считая себя вправе требовать от императрицы вмешательства как в его конфликты с родственниками, так и с московским главнокомандующим по делам театра... он соединяет воедино рассуждения о русском театре, его нуждах, необходимых реформах и бытовые горькие рассказы о реальном положении актеров, о практике репетиций, о вмешательстве в театральные дела вельмож и знатных “смотрителей”; сведения о своих семейных делах и гневные сообщения о безнаказанных действиях взяточников и казнокрадов, которые воруют на глазах у всех. Сквозная тема писем — рассказ о своем творчестве, о том, что пишет, что переделывает, что задумал, о трудностях издания своих сочинений, о невозможности писать правду о порядках в России» [4, с. 31].

Письмо Разумовскому (1747) содержит просьбу рассмотреть и в случае одобрения распорядиться напечатать трагедию «Хорев».

Тематика эпистолярных обращений к Шувалову, охватывающих период с 1757 по 1761 гг., весьма разнообразна — это и проблемы новорожденного русского театра (см. также [2]), и материальные затруднения литератора, и его непростые взаимоотношения с литературной и театральной средой (вплоть до «отброшения от театра»), в частности, с М.В. Ломоносовым и К.Е. Сиверсом, и желание получить ученое звание, и происки против него «академических немцев», и высокие жалования иностранных театральных артистов.

Два письма Г.Г. Орлову (до мая 1763 г. и 25 января 1769 г.) и Козьмину (1767, 1773) также связаны с материальными затруднениями литератора. В.Г. Орлову направлены письма (8 сентября 1768 г. и 2 октября 1769 г.) с просьбой приказать напечатать комедии «Лихоимец» и «Три брата совместника» (дабы Кабинет напечатал пьесы, необходимо было распоряжение директора Академии наук).

В обращении к Панину (1770) высказывается просьба поместить в Павловскую больницу сумароковского мужика, сошедшего с ума.

Из восьми писем Потемкину пять (1774—1775) касаются материальных затруднений литератора, два (1775) — конфликта с москов-

ским губернатором П.В. Урусовым по поводу постановки трагедии «Димитрий Самозванец» и одно (1777) — обстоятельств личной жизни литератора, когда возникли затруднения с заключением третьего брака.

Три письма в Комиссию АН (1768) представляют собой просьбы распорядиться о публикации произведений — трагедии «Вышеслав», комедии «Ядовитый», сборника «Разные стихотворения». Письма в Канцелярию АН посвящены сумароковскому журналу «Трудолюбивая пчела» — в первом из них литератор просит дать ему разрешение на издание журнала (1758), во втором — сменить нерадивого цензора, попутно донося на него (1759). Обращение в Правительствующий Сенат (1762) представляет собой донос на президента Штатс-конторы Шишкина, который под надуманными предложениями задерживает Сумарокову жалование и пообещал выкинуть его в окно. Послание в Каширскую воеводскую канцелярию (1772) является доносом на конфликтующих с Сумароковым соседей. Эпистола в Главную полицеймейстерскую канцелярию (1774) — также донос на представителей судебной системы.

Отметим, что в письмах Сумароков нередко рассуждает о своем таланте, заслугах перед отечественной словесностью, месте в обществе. Так, в письме в Сенат он высказывает мысль, что может принести пользы больше Шишкина, и это не самомнение, как может показаться. «Говоря о своих заслугах, Сумароков требовал уважения к поэту, говорил о его важности, значительности роли, которую он играет в жизни общества» [1, 37]. В текстах анализируемого жанра отразились, разумеется, и личные качества их автора: «Почти все писавшие о нем отмечали его горячность, вспыльчивость, неукротимость» [1, с. 39], и эти личные качества Сумарокова определили особенности как эпистолярного стиля, так и общественного поведения.

Таким образом, на основе анализа жанра «письма царю» в творчестве Сумарокова можно значительно уточнить и скорректировать наши представления о взаимоотношениях власти и литературы в XVIII в. в целом и власти и данного литератора, о его жизненном пути и его мировоззрении, его творческом пути и стиле.

Список литературы

1. Бухаркин П.Е. Письма М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова в истории русской литературы // Малые жанры в русской и советской литературе. — Киров: КГПИ, 1986. — С. 31—41.
2. Грот Я.К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову. Материалы для истории русского образования // Записки императорской Академии наук. — Т. 1. Приложение № 1. — СПб.: Академия наук, 1862. — 52 с.

3. Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореферат дисс. ... кандидата филологических наук. — Л.: Ленинградский ордена трудового красного знамени государственный педагогический институт имени А.И.Герцена, 1972. — 19 с.
4. Макогоненко Г.П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века / Публикация В.П. Степанова. — Л.: Наука, 1980. — С. 3—41.
5. Письма русских писателей XVIII века / Публикация В.П. Степанова. — Л.: Наука, 1980. — 473 с.
6. Суровцева Е.В. «Письмо властителю» в русской литературе XIX—XX веков и его жанровые модификации // Жанрово-стилевые искания в художественной литературе. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 25 апреля 2019 г.) / Сост.: Г.Г. Исаев, А.А. Боровская, Л.В. Спесивцева, Т.Ю. Громова; под ред. Е.Е. Завьяловой. — Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. — С. 13—18.
7. Суровцева Е.В. «Письмо царю» в XVIII веке: Постановка проблемы // Проблемы коммерциализации и конкурентноспособности современной российской науки. — Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. — В печати.

Московские купцы греческого происхождения: роль в торговой и общественной жизни города (70-е гг. XVIII — середина XIX в.)

Аннотация. В статье автор повествует о малоизученной странице истории московского купечества, а именно: о существовании богатой и сплоченной общине греков-торговцев, основная масса которых прибыла из города Нежин в конце XVIII — первой половине XIX в. В исследовании рассмотрен предмет их торговли, участие в городском управлении, характер взаимоотношений с местной средой и соотечественниками, а также вопросы брака.

Ключевые слова: греки; купечество; миграция; Москва; община; торговля.

The Moscow merchants of the Greek origin: the participation in the trade and public life of the city (1770s — mid 1850s)

Abstract. The author has researched one of the unknown page of Moscow merchant class' history, namely the existence of the rich and cohesive community of the Greek merchants, who had arrived from the city of Nezhin in the end of XVIII — the first half of XIX centuries. The article studies an object of the merchant activity, a participance in the city management, a character of the relation with the Moscow citizens and compatriots, and the marriage specifics too.

Keywords: Greeks, merchants, migration, Moscow, community, trade

С последней четверти XVIII в. наблюдается активный рост вступления иностранцев в купечество российских городов. Москва, будучи важным торгово-промышленным центром, особенно привлекала иностранных купцов. Представители более двух десятков наций были зачислены в городское купечество в конце XVIII — начале XIX вв. Наиболее многочисленными среди них были западноевропейцы — немцы и французы. Следующими по численности шли греки. Историография по западноевропейцам в Москве богата исследованиями, в то время как пребывание греков в московском купечестве в историографии почти не отражено. Имеются исследования по расселению греков в России, по отдельным ее регионам (в Новороссии, на Кавказе, в г. Нежине) [1, с. 307—314; 2, с. 641—678; 3, с. 85—95; 7,

* **Олег Викторович Ларюшкин** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: laryuschkin@yandex.ru
Oleg W. Laryuschkin — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center of the history of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

с. 46—64; 37; 38; 39; 40]. Автор в 2014 г. сделал попытку отразить деятельность греческих купцов в Москве за период с 1780-х гг. по 1811 г. [8, с. 85—89]. Но в ходе более глубокого и детального изучения проблемы был выявлен ряд новых данных, которые необходимо ввести в научный оборот. Кроме того, настоящее исследование охватывает более продолжительный период, до середины XIX в., тем самым позволяя проследить судьбы вступивших в купечество в довоенное время и ввести данные о прибывших после 1812 г.

Выявление греков стало возможным при изучении дел о причислении в купечество, хранящихся в Центральном Государственном архиве Москвы в фондах Московского городского магистрата и Купеческого отделения дома Московского градского общества, а также по данным ревизий, опубликованных Н.А. Найденовым [10—14]. Изучение книг объявленных капиталов и отдельных объявлений, размещенных в выпусках газеты «Московские ведомости» [20—25], позволило уточнить предмет торговли. Участие в городском управлении отражено в приговорах московского купеческого общества [15—19].

Мне удалось установить, что за период, с 1775 по 1858 г. в купечество Москвы вступило 129 греков (не считая членов их семей). 90 купцов ранее состояли в Нежинском купечестве, у 28 греков не удалось установить предыдущее место проживания, 11 человек до приезда проживали в других городах (в основном прибыли сразу из Греции) и двое ранее состояли в Таганрогском купечестве. Таким образом, московскую греческую купеческую общину формировали выходцы из Нежина.

Греческие купцы появились в городе в 1657 г. Они приехали вместе с духовными лицами, которые привезли из Палестины «многоцелебные мощи и иконы, а купцы привезли золото, серебро и узорочные камни» [26, с. 75]. Преимуществом Россией греческой культуры и вероисповедания предопределила особый статус поселенцев и доброжелательное отношение к ним правительства. Благосклонность выражалась и в оценке их торговли, прописанной в утверждении грамот, данных греческому братству от 10 февраля 1775 г.: «Оные же греки торгами, производимыми ими... в сборе пошлин государственных не малое приносят приращение и составляют знатную ветвь тамошней коммерции» [29, с. 49—52]. По жалованной грамоте Петра I от 11 марта 1710 г. они получили автономные права в судопроизводстве («все дела кроме розыскных они могли решать внутри своей общины»), духовной жизни (им было разрешено иметь своего священника, неподчиненного Нежинскому протопопу и Киевской митрополии), наследовании имущества (им могли распоряжаться только члены общины). Также греки были освобождены от обременительных повинностей (воинские постои и сбор лошадей в подводы) [27, с. 481—482].

Именно эти автономные права и льготы «послужили к развитию в них духа корпорации... привлекавшей в их общество новых деятельных членов» [38, с.9]. Периодически на местном уровне происходили нарушения даруемых им льгот, и греки подавали прошения и жалобы в Сенат. Их права и льготы подтверждались законодательно еще 7 раз [28, с. 395—399; 29, с. 709; 31, с. 49—52; 32, с. 447; 33, с. 665; 34, с. 872]. Однако до 1775 г. им запрещалось производить беспошлинную торговлю на ярмарках, также они не могли вступать в купечество других городов. В 1775 г. греческому нежинскому братству дана была грамота на свободную торговлю внутри России. И именно в 1775 г. [29, с. 49—52] в московское купечество записываются первые греки. Во 2-ю гильдию вступил С.И. Цыцынено [35], а в следующем, 1776 г., Г.А. Янков [10, с. 210] и К.Н. Франкопуло [56]. Из них лишь Янков с сыновьями состояли в купечестве более трех десятков лет, после чего в 1813 г. они окончательно выбыли в мещанство. Франкопуло пробыл в купечестве около 20 лет и в 1795 г. поступил на службу в первый московский гарнизонный батальон. Судьба Цыцынено, состоявшего в купечестве 1782 гг., неизвестна.

Динамика вступления греков в московское купечество свидетельствует о его неуклонном росте до Отечественной войны. Так, в 1770-е гг. в него вступило всего три грека, а в 1780-е гг. — девять: Г.Ю. Венецианов, П.Ф. Драншев, И.Д. Кошкамба, И.К. Ленже, Е. Деаментович, И.М. Куцевский, А.Ю. Болецов, Т. Хаджиянин, К.П. Муцо. В 1790-е гг. в купечество вступило 19 греков. В период с 1800 по 1809 гг. статус купца приобрел еще 31 грек. Таким образом, до войны 1812 г. оказалось причислено более 60 греков, ранее проживавших в Нежине [74, с. 250]. Причиной их оттока во «внутренние» города, в частности в Москву, является утрата Нежиным прежнего коммерческого значения, вызванная выходом России к Черному морю и перемещением торговых путей на Северное Черноморское побережье [3, с. 89]. Кроме того процесс объяснялся «мелочной завистью и корыстью членов греческого магистрата по отношению к богатым и прогрессивным грекам» [38, с. 16], почительствовавшим своим соотечественникам, находившимся под турецким гнетом, но при этом недостаточно уделявшим внимание магистрату.

В 1810-е гг. состав купечества Москвы пополнили всего 10 греков, что, вероятно, обуславливалось общим экономическим спадом в жизни города. В 1820-е гг. наблюдался резкий рост (30 человек), но затем процесс пошел на спад: в 1830-е гг. причислено 16 человек, в 1840-е гг. — 4, в 1850-е гг. — 6. Если в довоенное время греки в основном записывались в купечество на постоянной основе, то прибывшие после 1812 г. предпочитали причисляться временно на пра-

вах иногороднего купечества. В капитальных книгах 1820-х гг. их могли упоминать в качестве гостей, однако это определение неверно по отношению к Москве, т.к. оно распространялось на иностранцев, торговавших в портовых и приграничных городах [35, с. 971]. Москва была для них центром сбыта товаров, но не местом, в котором они стремились укорениться. Вероятно, характер их пребывания во многом зависел и от характера торговли.

Среди московских греков было немало представителей привилегированных купеческих гильдий: в 1-й гильдии изначально состояло 13 человек; во 2-й — 29. Впоследствии ряд купцов 3-й гильдии перешли в первые две гильдии: И.М. Бостанжогло, М.П. Псалида, Х.Д. Спиридонов и А. Харитов — в 1-ю; Г.М. Венецианов, И.К. Шляхта, И.М. Денкогло, А.П. Комазопулов — во 2-ю. Несколько купцов имели привилегированный статус потомственных почетных граждан: упомянутый Спиридонов, З.П. Зосим, И.Н. Денкогло, И.Г. Хаджи-Коста.

Известен предмет торговли у 49 греков (т.е. около 40% от всех состоявших в купечестве). Из них почти половину (22) составляли торговцы пушниной, имевшие лавки в большом ветошном ряду. О пушнине как о значимом предмете торговли нежинских греков отмечено в исследованиях В.Н. Захарова [6], Е.К. Чернухина [70]. Стоит добавить, что ряд московских купцов был связан с торговой компанией Г.И. Шелехова, организованной в 1775 г., преемницей которой стала Российско-американская компания, просуществовавшая с 1799 по 1867 г.

Три года (1796—1799) в купечестве Москвы состоял Е.И. Деларов [58; 63] — мореплаватель, именем которого названа группа островов в составе Алеутских островов, а также гавань на Аляске. В 1760—1790-е гг. он «находился в разных морских вояжах кампании», занимаясь «охотой на морских зверей» на Тихоокеанском побережье. А когда в 1799 г. была основана Российско-Американская компания, переехал в Санкт-Петербург и был членом ее Совета директоров до смерти в 1806 г. [75]

Одним из компаньонов Деларова был грек И.К. Ленже [9, с. 226], состоявший в купечестве 1-й гильдии с 1792 г. до смерти в 1805 г. Однако, по данным 6-й ревизии 1811 г., его вдова и дети уже числились в 3-й гильдии, а на 7-ю ревизию (1815) семейство состояло в мещанстве [68, л. 154 об.].

Акционером Российско-Американской компании был торговец пушниной, Х.Д. Спиридонов, причисленный к купечеству в 1802 г. Источники свидетельствуют о прогрессивной и энергичной деятельности этого купца не только в торговле, но и на городской службе. Он прожил долгую жизнь (на 10-ю ревизию 1858 г. ему шел 81 год), из них более 50 лет в Москве. Он занимался торговлей в ветошном

ряду, состоя в 3-й гильдии. С 1820-х г. уже числился во 2-й гильдии, а с 1832 г. и до смерти — в 1-й. В 1833 г. он стал потомственным почетным гражданином, чему способствовали не только успехи в торговле. В 1816—1819 гг. Спиридонов состоял в должности бургомистра 2-го департамента городского магистрата [16, с. 71], в 1829—1832 — экономом Московского коммерческого училища [17, с. 77], в 1840—1843 г. — первоприсутствующим сиротского суда [18, с. 158]. В 1844 г. его избрали членом Московского отделения Коммерческого совета [18, с. 382]. Известно и о его благотворительности. Так, накануне вторжения Наполеона он вошел в группу купцов, пожертвовавших на оборону города 500 тыс. руб. [15, с. 484]. В декабре 1831 г. им было внесено пожертвование на сумму 5000 руб. ассигнациями на расширение дома Коммерческого училища, а еще ранее — принесено в дар 1000 руб. ассигнациями [17, с. 176—177]. Ввиду этих заслуг в 1855 г. он был избран почетным членом Совета училища [19, с. 224]. Кроме того, он и его сын Владимир предоставляли приют бедным и малообеспеченным гражданам в принадлежавших им домах, которые так и назывались — Спиридоновские. Также они были попечителями Александро-Мариинского приюта, находившегося в Протопоповском переулке [76].

Говоря о благотворительной деятельности, вкладе в развитие образования и культуры, следует упомянуть имя именитого гражданина, уроженца Эпира, некоторое время прожившего в Нежине, торговца шелком Зойи Павловича Зосимы. Он был удостоен орденов св. Анны и св. Владимира, греческого ордена Спасителя за вклад в распространение греческой культуры (создание Эллинской библиотеки), внес значительные пожертвования Московской медико-хирургической и Коммерческой академиям, Московскому университету и губернской гимназии [38, с. 16—17]. Однако он умер в 1827 г. бездетным, как и его два брата, Анастасий и Николай, оставшиеся в Нежине и отличившиеся подобными благодеяниями на местном уровне. Зосим был похоронен в греческом некрополе, расположенном на территории внутреннего кладбища Донского монастыря, на участке за апсидами Малого собора. Долгое время его захоронение считалось среди проживающих в Москве греков национальной святыней [41, с. 22].

Сыном грека, торговавшего в Москве пушниной, был выдающийся художник А.Г. Венецианов. Их фамилия фигурирует в источниках по московскому купечеству с 1780-х до 1850-х гг. [10, с. 30; 14, с. 17]. Гаврила Юрьевич Венецианов в 1786 г. был избран купеческим старостой [15, с. 46], в 1801 г. — городским старостой. А его сын Алексей, памятуя о купеческом происхождении и в знак своего уважения и признательности подарил московскому купеческому обществу картину, «изображающую Государя Императора Петра

Великого с князем Меншиковым, графом Головиным и другими сановниками в ту минуту, когда он изыскивал удобное место для построения Санкт-Петербурга» [18, с. 432]. Имя родного брата художника, Ивана, несколько раз фигурирует в приговорах купечества: с 1825 по 1827 г. он был помощником старосты по 3-й гильдии [18, с. 249], а в 1827 г. баллотировался кандидатом в торговую депутацию. Их двоюродный брат, Юрий Михайлович, с 1816 по 1819 г. был старостой по 2-й гильдии [18, с. 71]. Последнее упоминание о нем содержится в капитальной книге купцов 3-й гильдии Голутвенной слободы за 1850 г. [47, л. 13], где он фигурирует как «отыскивающий дворянство». Сыновья Ивана Гавриловича, Клавдий и Сергей, были в мещанство, Аркадий в 1837 г. был исключен ввиду получения профессии лекаря [13, с. 17].

Торговлей пушниной в конце XVIII — начале XIX вв. занималось семейство Манцовых. Христофор Леонтьевич был причислен в 3-ю гильдию в 1792 г. [49]. После его смерти в 1806 г. вдова Марья Ивановна, на иждивении которой оставались трое несовершеннолетних детей, смогла сохранить купеческий капитал, не переходя в мещанство. В 1818 г. Манцовой уже производили торг в серебряном ряду [44, л. 16], а с 1820-х гг. Никифор Христофорович содержал трактир [45, л. 1 об.]. Однако его торговля развивалась неблагополучно, в 1842 г. он числился в списке несостоятельных должников [42, с. 112], а в 1847 г. ему пришлось перейти в мещанство. Затем дела, очевидно, пошли на поправку, поскольку Манцов с семейством упоминался в десятой ревизии по московскому купечеству [14, с. 150]. Однако этому роду не было суждено устояться ввиду того, что единственный потомок мужского пола, Никифор, умер в 20-летнем возрасте, не создав собственной семьи.

Неудачно складывалась торговая деятельность в послевоенное время у ряда других московских греков, промышлявших пушниной. Около 30 лет (с 1781 по 1810 г.) во 2-й гильдии состоял П.Ф. Драншев, производивший торг в большом ветошном ряду. В Москву он прибыл, вероятно, несколькими годами ранее, т.к. в приговорах купечества за 1779 г. упомянут жертвователем на устройство богадельни [15, с. 30]. Однако после его смерти в 1810 г. сыновья не стали продолжать семейное дело.

В довоенное время нежинские греки, торговцы пушниной, братья Антон и Яков Павлович Базилевичи состояли во 2-й гильдии. В ноябре 1810 г. Антон был избран от купечества в словесные судьи сроком на три года [15, с. 427], в феврале 1812 г. получил звание коммерции советника [60]. Фамилия его фигурирует в списке жертвователей на нужды обороны города [15, с. 384], но из-за войны он понес убытки на сумму 2000 р. [25] и через 5 лет братья выбыли в мещанство [12, с. 207].

Еще больше разорился в 1812 торговец пушниной Михаил Иванов Гобровали. В списке просителей около его фамилии указана сумма 4000 р. [16]. Примечательно, что сам он состоял в купечестве в общей сложности четыре года — с 1791 по 1794 г., и в последние годы жизни, с 1831 по 1832 г. [13, с. 160]. Его сыновья, Иван, Дмитрий и Никифор несколько лет состояли в купечестве, справляя комиссии, а затем выбыли в мещанство [46, л. 6].

Трагичной оказалась судьба И.Д. Буюкли. Он вступил в л купечество в 1820-е гг., скупая сибирские меха, продавал их в Лондоне, а также торговал драгоценными цветными камнями, привозимыми из Индии. В мемуарах промышленника Н.А. Варенцова [4] описаны его злоключения, произошедшие в Индийском океане, где корабль, на котором он плыл, попал в сильный шторм и затонул. Тем не менее, Буюкли был одним из немногих спасшихся. В его отсутствие сгорел его дом. А после возвращения начались судебные тяжбы с побратимом по фамилии Мазурин, которому Буюкли до поездки отдал ларец с драгоценностями для обеспечения содержания жены и дочери на два года его отсутствия, которые Мазурин отказывался им выдавать. В итоге Буюкли был привлечен к уголовной ответственности за вымогательство и провёл остаток своих дней в тюрьме.

Московская ветвь рода Бахчевановых, торговцев пушниной, не только смогла сохранить купеческий капитал, но и предмет торговли. Самойло Данилов Бахчеванов вступил в купечество 3-й гильдии Кошельной слободы в 1802 г. вместе с сыном Николаем. У последнего был сын Петр, который упоминается и в ревизской сказке 1858 г. [12, с. 112], и в посемейном списке 1874 г. [50, л. 213 об. — 214]. Однако на тот момент он был бездетным в возрасте 48 лет, и, вероятно, на нем московская ветвь рода Бахчевановых пресеклась.

Большую часть греческой купеческой общины в 1780—1820-х гг. составляли торговцы пушниной, связанные с компанией Шелихова и с Российской-американской компанией на начальных этапах ее существования. Но через 20 лет после ее возникновения в главном правлении представителей купечества постепенно вытеснили чиновники высшего ранга (генералы и адмиралы) [5, с. 10]. Неизвестно, насколько перестановки в руководстве компании, являвшейся крупным поставщиком пушнины, могли повлиять на деятельность греков, но именно в этот период наблюдается активный спад их деятельности, переход в мещанство, либо переориентация на другой предмет торговли. Другим событием, отрицательно повлиявшим на состояние капитала ряда семейств, явилась война 1812 г.

Следующим по распространенности предметом торговли московских греков являлась виноторговля. Ею было занято 12 купцов: И.Д. Кошкамба, братья И.Д. и К.Д. Критские [65; 71, л. 12 об.],

С.Л. Раховиц-Калаорнев (Калагорьев) [43, л. 19], Т. Хаджиянин [11, с. 430], А.А. Бубликов [71, л. 8], С.А. Бубликов [71, л. 61 об.], Т.С. Зограф [71, л. 35], Ю.И. Манцов [71, л. 4 об.], Ф.Д. Мурант-Стронильов [71, л. 40], таганрогский купец Х.И. Волсомаки [11, л. 674].

Табак как основной предмет торговли зафиксирован у 6 купцов: нежинских уроженцев М.И. Бостанжогло, С.А. Догранлеева, М.П. Псалида, М.П. Тринга, К.С. Филитиса, выходца из Таганрога Ф.Е. Кордио. В рекламных объявлениях газеты «Московские ведомости» указывался ассортимент товара, продаваемого в их лавках. Так, Кордио владевший лавкой на Никольской улице подле Владимирской церкви в доме графа В. Г. Орлова, торговал турецкими курительными крошеными на листах табаками, голландским 1-го сорта рульным табаком, нюхательным на французский манер, виргинским мелким, крупным и амафорским крепким, курительным китайским коробочным и вак-штабом гамбургским [25, с. 107—108]. Продажу табака он совмещал с торговлей кондитерскими изделиями, причем в последние годы его пребывания в купечестве эта категория товаров стала основной. У него продавались «конфеты с девизами, варенья и сиропы, киевские фрукты, также вновь полученные цареградские цитроны в тираже и в сиропе, а из Нежина соленые вишни со специями в боченках ведерных, полуведерных и четвертных». Его соотечественник Псалида имел связи с Османской империей и в своем магазине на Лубянке продавал кофе из Яффы, бальзам «Демек», розовое масло и турецкий «самый лучший» курительный табак [23, с. 2288; 24, с. 853]. Хорошо известно в среде торговцев табаком было имя Бостанджогло. В 1820 г. им на Старой Басманной улице была основана табачная фабрика, просуществовавшая до революции [49, л. 40]. Именно она первой в России стала выпускать папиросы, создав серьезную конкуренцию курительным трубкам.

И.П. Бубука (1810—1812) и К.П. Муцо (1788—1814) торговали овощами. В овощной лавке Бубуки на Маросейке продавались ананасы, персики, груши, слива французская, бергамоты, оливая слива, цукаты в сиропе, ягодное варенье: шиповник английский самый крупный, вишня белая французская, вишня шанская, морошка и малина белая, малина красная, смородины трех родов, крыжовник, вишня владимирская; сиропы ананасные и лимонный, вишневый, барбарисный, абрикосный и белой малины и т.д. [24, с. 303].

Помимо занятий торговлей, каждый приписанный к градскому обществу купец должен был принимать участие в городском управлении, либо платить за неслужение сумму. Это касалось и купцов иностранного происхождения и законодательно закреплялось Городовым положением 1785 г. [30, с. 382]. В биографии Х.Д. Спиридонова заметно добросовестное исполнение обязанностей, возло-

женных на него градским обществом. В общественных приговорах за разные годы упоминаются имена других греков, избранных для участия в городских службах: Ф. Моцевато в 1810—1813 гг. был бургомистром 2-го департамента Московского магистрата [15, л. 407]. Н.М. Почимади избран от иногороднего (Нежинского) купечества в присяжные поверенные на 3 года с 1810 г. [15, л. 407], в том же году его соотечественник И.К. Буба — ратманом 1-го департамента магистрата [15, л. 407]. С 1831 по 1834 г. бургомистром 3-го департамента магистрата был А.Г. Горголи [17, с. 152].

В начале XIX в. существовала практика выбора гласных в Московскую шестигласную городскую думу от представителей наиболее многочисленных наций, состоявших в купечестве — немцев, французов, итальянцев и греков. В 1802 г. таковым был избран купец М.П. Псаида [68, л. 107], в 1804 г. — Ф. Мурант-Стронильов [73, л. 147].

Одним из способов изучения характера взаимодействия купцов иностранного происхождения как с местной средой, так и с соотечественниками является статистический анализ их поручительств при вступлении в купечество. Каждый вступающий заручался свидетельством нескольких местных купцов в отсутствии штрафов и подозрений, а также в своевременной уплате процентов с капитала. В противном случае недоимки должны были выплачивать поручители. По характеру взаимодействия внутри этноконфессиональной группы и с местным населением поручительства условно можно разделить на три группы: 1) поручительства, в которых представлены только соотечественники; 2) смешанный тип, включающий как соотечественников, так и купцов русского происхождения; 3) поручительства от местного купечества. Соответственно факт взаимосвязи с соотечественниками или единоверцами возможно зафиксировать у купцов, включенных в первые две группы, а взаимосвязь с местной средой — у включенных во вторую и третью группы. Разумеется, по отдельной взятой персоналии мы можем лишь фрагментарно представить круг общения и связей, но при общем статистическом анализе можно выявить определенную тенденцию.

Итак, при разборе и составлении схем поручительства окажется, что практически все московские греки были знакомы между собой. Например, купец 3-й гильдии овощной торговец К.П. Муцо был поручителем у пяти греков при их записи в купечество: торговцев пушниной М.И. Габровали [51], виноторговцев Ю.И. Манцова [60] и С.Л. Раховица-Калаорнева [54], торговца табаком М.П. Псалиды [61] и кондитера Я.Ф. Тумазаки [62]. У виноторговца Манцова, помимо Муцо поручителями были торговцы пушниной А.П. Базилевич и И.К. Ленже [49]. Последний был поручителем при вступлении в купечество Е.И. Деларова в 1795 г. [58], из дела о котором выясняется, что

Деларов и Ленже в 1760-х гг. были компаньонами и занимались охотой на крупного морского зверя в водах Тихого океана. Кроме того, Ленже был одним из опекунов имущества малолетних детей и вдовы умершего грека торговца мехом Г.А. Янкова [70, л. 367—367 об.].

В биографии купца Х.И. Волсомаки [51] не прослеживается связь с выше перечисленными купцами. Возможно, это объясняется тем, что его «путь в Москву» не пролегал через г. Нежин. Он был уроженцем о. Кефалония, венецианским подданным, в конце 1770-х гг. переехал в Таганрог, где был приказчиком у ветерана русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Е.Д. Краниотова, который также состоял в московском купечестве в 1790-е гг. [71, л. 28 об.]. Его поручителями были трое купцов русского происхождения: Ф.В. Бакин, И.Н. Евдокимов, мещанин И.И. Шубин [55]. Такая практика была нередкой. Например, у Габровали только один поручитель греческого происхождения (Муцо), остальные — местные (Я.А. Курносков, С.И. Захарьев, В.Н. Ермаков, Н.В. Красиков) [52]. Их объединяла торговля пушниной в ветошном ряду. У Раховица-Калаорнева поручителями было двое греков: Дранцев и Муцо, а третий, Е.С. Максимов, — русский [54]. Русским по происхождению был купец Д. Липенский, также торговавший в ветошном ряду и состоявший вместе с Ленже опекуном над малолетними детьми и вдовой купца Янкова [70, л. 367—367 об.]. То есть греки действовали не только и не столько в составе семейных торговых фирм, сколько в компании с другими, зачастую русскими купцами [6, с. 80—81].

Наблюдается взаимосвязь греков с представителями грузинской общины в Москве. Янков и Базилевич поручились при записи в купечество торговцев пушниной братьев П.С. и Н.С. Зуравых [57]. Манцов при записи в купечество в 1796 г. доверил «иметь хождение за делом» грузину Н.И. Кафтаарадзеу [60].

Данные о поручительствах у греков свидетельствуют о наличии сплоченной общины. У 61% греков в составе поручителей и среди тех, за кого они поручились, фигурируют соотечественники. При этом была разветвой и связь с местным купечеством: у 84% поручителями были «природно» русские купцы, связанные с греками общими торговыми интересами.

Рассматривая миграцию греков в Северное Причерноморье, Л.Г. Арш оценивает экономический фактор как этноконсолидационный в отношении данного направления миграции — вопреки тому, что экономическая необходимость, наоборот, зачастую ведет к ассимиляции и разрыву национальных связей [3, с. 89], как это произошло с греками, осевшими и «омалоросившимися» в Нежине, к середине XIX в. [38, с. 29]. В отношении московских греков можно наблюдать факторы как и этноконсолидационные, так и этнодивер-

гентные (т.е. в данном случае ведущие к обрусению). Здесь следует обратиться к данным о браках с местным населением.

На данный момент собраны сведения о 16 греках, вместе с которыми в купечество были записаны их жены, однако только у половины (7) известно происхождение жен. У шести из них жены — русско-го происхождения: у Янкова — Авдотья Кондратьева из отпущенных на волю от княжны А.М. Долгоруковой [11, с. 367—367 об.], у Венецианова — Анна Лукьяновна, дочь московского купца Л.А. Калинина [10, с. 30], Ленже был женат на Надежде Ивановне, дочери прапорщика Ефимова [11, С. 383], Габровали — на дочери калужского купца Д. Потапова Наталье [70, л. 442]; Деларов — на Прасковье Михайловне, дочери сержанта Толстоухова [58; 71, л. 1 об.]. Я.Ф. Тумазаки — на Анисье Ивановой [62]. В браке со своей соотечественницей, дочерью грека И. Карамари, состоял Раховиц-Калаорнев [70, с. 408]. Вероятно, недостаток соотечественниц не оставлял выбора и московские греки вступали в брак с местными уроженками.

Подводя итоги изучению пребывания греков в московском купечестве, следует сделать следующие выводы. Большая их часть ранее состояла в купечестве г. Нежин, имевшего до 1780-х гг. важное торговое значение. Миграция греков в Москву из Северного Причерноморья практически не наблюдалась. Вместе с тем, Москва как «внутренний» российский город и торговый центр представляла интерес для ряда фамилий, жизнь которых была органично связана с новым местом, в котором греки поддерживали деловые отношения как с соотечественниками, так и с местным населением, активно вели торговую деятельность и принимали участие в общественной жизни.

Список литературы

1. Араджиони М.А. Греки Алушты и окрестных сел в последней четверти XVIII в. // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). — Киев, 2004. — С. 307—314.
2. Араджиони М.А. Греки Крыма: к истории формирования общины в период позднего средневековья — нового времени. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. 13. — Симферополь, 2007. — С. 641—678.
3. Арш Л.Г. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX в. // Советская этнография. — 1969. — № 3. — С. 85—95.
4. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. Глава 7. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1033898/10/Varencov_Slyshannoe_Vidennoe_Peredumannoe_Perezhitoe.html
5. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799—1871 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Кемерово, 2013.

6. Захаров В.Н. Греческие купцы в торговле Российской империи XVIII столетия // Греческое предпринимательство и торговля в Северном Причерноморье XVIII—XX столетия. — Киев, 2012. — С.79—93.
7. Кокаева А.В. Появление греков на территории Северного Кавказа // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. — 2010. — № 1. — С. 46—64.
8. Ларюшкин О.В. Греки в составе московского купечества (1782—1811 гг.): интеграция в русскую среду // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. — 2014. — № 3. — С. 82—87.
9. Лыхин Ю.П. К своим истокам. — Иркутск, 2007.
10. Материалы для истории московского купечества. — М., 1883—1889. — Т. 3.
11. Материалы для истории московского купечества. — М., 1883—1889. — Т. 4.
12. Материалы для истории московского купечества. — М., 1883—1889. — Т. 5.
13. Материалы для истории московского купечества. — М., 1883—1889. — Т. 7.
14. Материалы для истории московского купечества. — М., 1883—1889. — Т. 8.
15. Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. — М., 1889—1912. — Т. 1.
16. Материалы ... — Т. 2.
17. Материалы ... — Т. 3.
18. Материалы ... — Т. 4.
19. Материалы ... — Т. 6.
20. Московские ведомости. — 1808. — № 85.
21. Московские ведомости. — 1808. — № 87.
22. Московские ведомости. — 1808. — № 88.
23. Московские ведомости. — 1808. — № 91.
24. Московские ведомости. — 1812. — № 10.
25. Московские ведомости. — 1815. — № 5.
26. ПСЗ—1. — Т. 2. — № 659.
27. ПСЗ—1. — Т. 4. — № 2260.
28. ПСЗ—1. — Т. 9. — № 6614.
29. ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8656.
30. ПСЗ—1. — Т. 12. — № 16187.
31. ПСЗ—1. — Т. 20. — № 13397, № 14247.
32. ПСЗ—1. — Т. 22. — № 16250.
33. ПСЗ—1. — Т. 24. — № 18071.
34. ПСЗ—1. — Т. 25. — № 20094а.
35. ПСЗ—1. — Т. 29. — № 22418.
36. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 291. Оп. 1. Д. 17926.
37. Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой. Очерки истории пос. Александровка с древнейших времен до нач. XX в. — Одесса, 1999.
38. Сторожевский Н.К. Нежинские греки. — Киев, 1863.
39. Теохарди Т.Ю. Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та початку XIX століття // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук. — Ч. 4—6. — Одесса, 1930.
40. Филевский А.П. Переселение греков в Таганрог. Из книги «История города Таганрога». — М., 1898.
41. Федотов А.Я. Греческий некрополь второй половины XVIII — первой половины XIX вв. на территории Донского монастыря в Москве. Описание и опыт атрибуции эпиграфики // Греческая культура в России. (XVIII—XX вв.). — М., 1999.

42. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3464.
43. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 77.
44. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 417.
45. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 940.
46. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1280.
47. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2051.
48. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2662.
49. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2667.
50. ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 2. Д. 686а.
51. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 4254.
52. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 5188.
53. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 6661.
54. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2339.
55. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2713.
56. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2978.
57. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 3145.
58. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 3532.
59. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 3874.
60. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 4143.
61. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 4301.
62. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 5377.
63. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 6564.
64. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 4252.
65. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 5498.
66. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 9246.
67. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 8234.
68. ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 8. Д. 153.
69. ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 8. Д. 155.
70. ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61.
71. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124.
72. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 170.
73. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 178.
74. Чернухин Е.К. Греки Нежина и торговое мореходство: постановка проблемы и источники // Греческое предпринимательство и торговля в Северном Причерноморье XVIII—XX столетия. — Киев, 2012.
75. Деларов, Евстратий Иванович. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1790167>
76. Купцы // Международный институт генеалогических исследований. URL: <https://geno.ru/article/kupcy/>

Иностранные специалисты и индустриальная идентичность Урала XVIII—XIX вв.: источниковедческий аспект**

Аннотация. Статья посвящена одной из групп ключевых акторов формирования «индустриальной идентичности» Урала — иностранным специалистам. На основе источниковедческого анализа контрактов с иностранцами в длительной временной динамике показана эволюция статуса наемных специалистов и укрепление социальной общности иностранцев как одной из системообразующих страт индустриальной идентичности территории. Представлены этапы развития внутренней формы договоров (формуляра) и их содержательного наполнения.

Ключевые слова: индустриальная идентичность; иностранные специалисты; контракт; социально-правовой статус; техническая элита.

Foreign specialists and the industrial identity of the Urals in the XVIII—XIXth centuries: the primary source studies aspect

Abstract. The article deals with one of the groups of key actors which had formed the “industrial identity” of the Ural region — foreign specialists. Based on the analysis of contracts with foreigners using the methodology of primary source studies in the long-term dynamics, the paper shows the evolution of the hired specialists’ status as well as strengthening of the social community of foreigners as one of the backbone strata of the industrial identity of the territory. The author reveals the stages of the development of the inner form of contracts (formular) and their content.

Keywords: industrial identity; foreign specialists; contract; social and legal status; technical elite.

«Индустриальная идентичность» Урала, основанная не на этнической, конфессиональной или территориальной принадлежности, а обусловленная специфической конфигурацией хозяйственного уклада, формировалась разными группами акторов. Горнозаводская

* **Ольга Константиновна Ермакова** — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия). e-mail: ermakovaok@mail.ru

Olga K. Ermakova — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Department of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

** Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII—XX вв.»

специализация региона, особенно в период зарождения, требовала привлечения большого количества специалистов из Западной Европы. Интегрировавшись в структуру локального социума и со временем превратившись в своеобразную элитарную группу, иностранцы-специалисты сыграли важную роль в формировании социальных ландшафтов заводских поселков, бывших основой будущих городов нового типа — индустриальных, выросших вокруг заводского производства (феномен, совершенно неизвестный российской традиции градообразования).

Иностранные специалисты выступали одной из трех системообразующих страт индустриальной идентичности такого рода поселений. Однако статус, который позволил бы им укорениться в этом качестве, приобретался в результате относительно длительного и непростого взаимодействия с русскими властями, заинтересованными в их присутствии, но изначально, в силу разницы правовой и политической культуры, не готовыми отступить от традиционного отношения к иностранцам, когда приезжий специалист воспринимался исключительно как функция, его личные потребности не учитывались, а сам всецело зависел от воли государя.

Поле взаимодействия, на основе которого происходил поиск взаимоприемлемого компромисса, выступал контракт со специалистом. Его форма и содержание эволюционировали по мере того, как сама Россия все более приобретала черты современного государства. Понимание процесса превращения иностранных специалистов в устойчивый элемент и фактор «индустриальной идентичности» русского промышленного города (феномена, который сам по себе лишь формировался в XVIII—XIX вв.) ставит перед исследователями проблемы источниковедческого характера. Ключевой из них является источниковедение контракта, изучение эволюции его формуляра и содержащихся правовых норм, что обусловлено высокой информативностью и полисемантической данностью данного вида источника.

Всплеск государственной активности по приглашению иностранных специалистов в области горного дела приходится на 1720-е гг., когда Берг-коллегия направила на Урал экспедицию во главе с В.Н. Татишевым и И.Ф. Блиером. За ней последовало интенсивное строительство заводов и развитие казенного горнозаводского комплекса. Договоры с иностранными мастерами 1720-х гг., однако, нельзя отнести к начальному этапу практики контрактования. Очевидно, что они вобрали в себя опыт двух предшествующих десятилетий, когда Петром I не просто была интенсифицирована политика приглашения иностранцев на российскую службу, но и сделана общепринятой практика найма иноземцев по контрактам. Часть контрактов данного периода представляла собой продление предыду-

щих договоров, поскольку среди приехавших на Урал иностранцев были те, кто ранее служил на Олонецких заводах [10, с. 89—90]. Тем не менее, новые соглашения представляют собой полноценные контракты, а не просто уведомительные документы о пролонгации существующих договоров.

Следуя методологии анализа внутренней формы актов, предложенной С.М. Каштановым [8, с. 26—47; 9, с. 170, 191—192], можно выявить основные элементы «условного формуляра», представленные в индивидуальных формулярах конкретных контрактов, а также сравнить договоры 1720-х гг. с первыми петровскими контрактами начала XVIII в. Первое заметное отличие заключается в отсутствии такого элемента, как «*invocatio*» (инвокация, «богословие»). Контракты начала века, как правило, открывались инвокацией: «Во имя Господне», «Во имя Божие» [11, л. 2, 4 об.], что отсылает к традиции средневековых актов. В составе начального протокола раннепетровских контрактов такой элемент встречается довольно часто, однако уже к середине 1710-х гг. фигурирует в текстах реже, а договоры с техническими мастерами, заключенные после 1720 г., утрачивают «*invocatio*» и начинаются с «*notificatio*» (нотификация, публичное объявление). Так, первый элемент контракта с машинными мастерами Фридрихом Кондратом и Иоганном Георгом Кейзерами 1722 г. звучит следующим образом: «Ведомо сим да будет, что» [1, л. 213].

Вообще, договор с Кейзерами демонстрирует образец контракта данного периода, причем довольно развернутого и подробного для того времени. Начальный протокол договора содержит указание на контрагентов: Государственная Берг-коллегия с одной стороны, и «машинные мастера» Кейзеры — с другой [1, л. 213]. Выделить среди них «*intitulatio*» (лицо, от которого исходит документ) и «*inscriptio*» (адресат) не представляется возможным. В данном случае, контрагенты идентичны в своих ролях договаривающихся сторон. Хотя можно предположить, что контрагентом, от которого исходит инициатива заключения контракта, является Берг-коллегия, а адресатами — иностранные специалисты. Примечательно, что с точки зрения формуляра анализируемый контракт являет собой пример сформировавшегося акта, т.е. юридически закрепленных отношений двух сторон, тогда как характерные для начала XVIII в. контракты с иноземцами в виде «договорных писем» и «капитуляций» по замыслу подразумевали эти отношения, но по форме представляли собой односторонние обязательства, а потому их, скорее, можно было считать еще не актом, а промежуточной, пред-стадией его формирования, или еще не развитым актом (по формуляру).

Капитуляции начала XVIII в., как правило, «учинялись» иноземцами. Текст строился от лица нанимаемого специалиста и содержал

его обязательства и условия, на которых он готов (согласен) поступить на службу. В капитуляции монетного мастера Бекера 1710 г. сказано: «Понеже его царское величество всемилостивейше в службу свою меня Филипа Христофора Бекера его цесарского величества дворового манетного мастера из Вены на год принять изволил манетное дело по немецки заводить и манетные стемпелы резать, сего ради капитуляцью в последующих статьях учинил» [12, л. 1]. Между тем, контракт с бергмейстером Иоганном Гейденрейхом, принятым на уральские заводы в 1722 г., также назван «капитуляцией». Однако в нем очевидны черты полноценного акта: «Ведомо сим да буди, что сегодняшнего числа между меня ассесора Государственной Берг-коллегии Винцента Райзера да пред сего секретарем бывший нанятии г-на Ягана Готфрида Гейденрейха, по силе всемилостивейше имеюшаго... следующии капитуляция вновь заключен и договорено...» [3, л. 94]. Пункты договора содержат обязательства как бергмейстера, так и Берг-коллегии, что свидетельствует об эволюции «капитуляции» как разновидности контракта с иностранным специалистом. В подобной форме заключены соглашения с восемью саксонцами («Яган Готфрид Рихтер с товарищи»), принятыми в горную службу в 1744 г. [2, л. 205].

Возвращаясь к элементам формуляра контракта XVIII в., следует отметить, что в «основную часть» (по терминологии Каштанова, или «текст» — в западной дипломатике) [9, с. 170], как правило, входили «dispositio» (распоряжения по существу) и «sanctio» (запрещение нарушения документа) [9, с. 170]. Диспозиция содержит собственно условия договора. Среди них можно выделить следующие тематические группы: о характере установленных отношений, чине и должностных обязанностях, обучении русских учеников, жаловании, обеспечении казенной квартирой и дровами, путевых издержках, работниках, инструментах, дополнительных работах и торговле, обеспечении семейства, свободе вероисповедания, освобождении от податей и повинностей, отпуске из России. Такая содержательная основа сохранялась до конца XVIII в., а в первой половине XIX в. была расширена за счет новых пунктов. Санкционный элемент в XVIII в. обычно сводился к обязательству ненарушения договора, не предусматривая условий досрочного расторжения или наказаний за ненадлежащее исполнение: «Сей договор долженствует во всех пунктах накрепко содержать» [1, л. 214].

В первой четверти XIX в. содержательное наполнение контрактов расширяется за счет конкретизации условий. К примеру, четко определялось место службы иностранца. Если существовала необходимость в поездках специалиста с одного завода на другой, это прописывалось отдельным пунктом, тогда как договоры, заключенные

в первой половине XVIII в., чаще всего предписывали «служить на том месте, где нужда будет», указывалось лишь, что иноземец принимается «на казенные заводы» [2, л. 205—205 об.], а на практике его могли отправлять на разные заводы: от Олонецких до Нерчинских [3, л. 92; 4, л. 137; 13, л. 82]. В договоре с английским «корабельным архитектором» Джеймсом Карром, принятым с командой механиков в 1846 г. для заведения судостроения на Урале, говорится: «Джеймсу Йозуа Карру, кроме Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, без его собственного согласия, не будет назначаемо иного местопребывания, как Камско-Воткинский завод» [16, л. 12].

Наряду с уточнением места службы появляются и другие дополнительные условия: право на отпуск для поездки на родину в течение срока службы, поощрительные выплаты и пособия от казны (за обучение русских учеников, переработки), освобождение от налогов и рекрутской повинности, права и обязанности относительно перемещений внутри Российской империи, обязательство обеих сторон заблаговременно (за четыре — шесть месяцев) предупреждать о намерении расторгнуть контракт раньше установленного срока, расширенное описание должностных функций. Служебные обязанности иностранного специалиста также могли быть прописаны в отдельной инструкции. Поездки на родину в течение срока службы обязательно предполагали профессиональные цели — ознакомление с новейшими западноевропейскими достижениями. Так, один из пунктов контракта с британским инженером И. Тальботом (1849) гласит: «По заключении контракта дозволяется ему... отлучиться в Англию, сроком на два месяца, для приобретения сведений по предмету новейших улучшений в выделке оружия и для приискания опытного пудлевщика, необходимого для успешного производства работ на Воткинском заводе» [7, л. 5].

В этом же контракте отражено развитие элемента «*sanctio*». В специальном разделе договора, наряду с обязательством британцев исполнять «с должным рвением» свою работу, прописаны действия заводского начальства в случае несоответствия Иосифа Тальбота или его помощника, Генриха Броуна, их должностным функциям: «Буде кто из них окажется неисправным, то об удалении его представляет (заводское начальство — *Е.О.*) по команде с объяснением, когда и в каких неисправностях и упущении замечен и почему признается к продолжению службы неспособным» [7, л. 5 об.]. В ответ иностранцы могли представить свои оправдания, а решение о расторжении контракта возлагалось на «высшее начальство». Показателен в этом отношении также фрагмент контракта с англичанином Ульрихом Ротом, принятым на Воткинский завод в 1815 г.: «Если же в продолжении двух лет, кои обязывается служить в сем

заводе по сему заключенному с ним условию, Заводское Начальство усмотрит нерадение, ленность и беспечность к выполнению его надлежащим образом вышеизъясненной его обязанности, а с сим вместе уже и не будет надеяться от него получать должной пользы и выгоды для сего завода, то в сем случае Заводское Начальство вправе ему Роту от службы по сему заводу отказать прежде окончания вышеупомянутого двухлетнего срока» [15, л. 4—8 об.]. В то же время, прекращение договора могло произойти в случае вступления иностранца в российскую гражданскую службу.

Вместе с тем, в XIX в. развивается содержание контракта с точки зрения социального обеспечения иностранных специалистов. Контракты определяли порядок действий в случае смерти иностранца в течение срока службы в России. Вдове выплачивалось жалование мужа за текущий период времени, компенсировались издержки, необходимые для возвращения на родину. Если же иностранец обзавелся семьей уже в России, то его жене и детям выплачивались пенсии. Российское правительство оказывало семейству погибшего иностранца различную поддержку: обеспечивало беспрошленный вывоз имущества за границу или способствовало наиболее выгодной продаже имущества иностранца [6, л. 138; 5, л. 3—6].

Эволюция формуляра и содержания контракта отражает эволюцию отношений между государством и наемными специалистами и показывает, что к середине XIX в. статус иностранцев укрепился. Расширение смысловой наполненности договора способствовало тому, что реже возникали спорные ситуации, тогда как в начале изучаемого периода текст контракта не был лишен недосказанности в силу недостаточной проработки отдельных условий. В петровскую эпоху соблюдение контракта (на который иностранцы уповали как на гарант юридической защиты) вовсе не воспринималось российской стороной в качестве строгого обязательства. Скорее, важен был сам факт заключения договора, что означало успешную вербовку того или иного специалиста. Что же касается четкого следования всем условиям соглашения — это зависело от воли государя и конкретных потребностей административных структур или отраслевых ведомств, к которым иностранец относился по роду службы.

Постепенно ситуация менялась, и уже в начале XIX в. разрыв в правовой культуре двух сторон договора был не так очевиден. Изменился и статус иностранца. Об этом свидетельствует сама процедура контрактования и трудности, с которыми сталкивались российские посредники и вербовщики при найме специалистов. Так, будущему директору Златоустовской фабрики Александру Эверсману пришлось пойти на колоссальные уступки в процессе найма немецких мастеров в 1813—1814 гг. [14, л. 122—123, 220—223]. В результате, ино-

странцы образовали влиятельную социальную группу, долгое время оставаясь в привилегированном статусе «иностранцев мастеров» и сформировав в пределах всего горнозаводского комплекса Урала свою собственную идентичность, основанную на особом укладе жизни: с одной стороны, обусловленном общей хозяйственной спецификой территории, а с другой — сохранением национальных традиций и культуры, чему способствовала многочисленность и обособленность диаспоры.

Список литературы

1. Государственный архив Свердловской области (ГА СО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 10.
2. ГА СО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253.
3. ГА СО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
4. ГА СО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193.
5. ГА СО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
6. ГА СО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1309.
7. ГА СО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1347.
8. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. — М.: Наука, 1970. — 502 с.
9. Каштанов С.М. Русская дипломатика. — М.: Высшая школа, 1988. — 231 с.
10. Кортина С.Б., Наймушин А.В., Черноухов А.В. Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке // Документ. Архив. История. Современность. — Вып. 3. — Екатеринбург, 2003. — С. 88—99.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 12.
12. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1710 г. Д. 7.
13. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 180.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 11. Д. 62.
15. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР) Ф. 212. Оп. 1. Д. 742.
16. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592.

Секция II
История Российской империи
(XIX в. — 1917 г.)

Ведомственный контроль во второй четверти XIX в. (на материалах ревизий местных учреждений Министерства внутренних дел)

Аннотация. В статье рассматриваются ведомственные ревизии местных учреждений при Николае I. На материалах Министерства внутренних дел предпринята попытка отразить особенности, порядок проведения и итоги ведомственных ревизий, а также значение ревизионной практики в системе ведомственного контроля над местными учреждениями. Автор приходит к выводу, что ведомственные ревизии стали важным инструментом, позволявшим, с одной стороны, прямо контролировать подчиненные учреждения и оперативно реагировать на злоупотребления и беспорядки, а с другой — получить достоверные сведения о состоянии местных учреждений.

Ключевые слова: ведомственный контроль; ревизии; местное управление; губернская администрация; местные учреждения; Министерство внутренних дел; А.А. Закревский; Л.А. Перовский.

**Institutional control in Russia in the second quarter of the XIXth century
(according to materials of revisions of the local institutions of the Ministry of
Internal Affairs)**

Abstract. The article deals with the documents of institutional revisions of local institutions under Nicholas I. Based on archival materials of the Ministry of Internal Affairs the article attempts to reflect features, regulations, results of institutional revisions and to define significance of revisions in a system of institutional control over local institutions. The author concludes that local institutions became an important instrument which allowed, on one hand, to set direct control over the subordinated institutions and to swiftly prevent malpractices and unrests, on the other — to obtain true information about state of the local institutions.

Keywords: institutional control; revisions; local government; provincial administration; local institutions; Ministry of Inner Affairs; A.A. Zakrevsky; L.A. Perovsky.

Во второй четверти XIX в. ведомственный контроль в местном управлении претерпел качественные изменения, проявившиеся как в усилении отчетности, так и в активном обращении к ревизионной практике. В литературе эти вопросы, к сожалению, до сих пор еще

---

* **Олеся Анатольевна Плех** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: plekh@mail.ru
Olesya A. Plekh — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

не получили широкого освещения. Конечно, исследователи обращают внимание на отдельные аспекты этой проблемы. В частности, определенное представление можно составить об эволюции губернаторского отчета, его роли и значении в процессе взаимодействия центральной и местной власти [2; 3]. Что же касается ведомственных ревизий местных учреждений, то они в литературе рассматриваются довольно редко [1]. Между тем эта форма чрезвычайного контроля при Николае I приобрела особое значение в системе контроля центральной власти за деятельностью местных учреждений. В первую очередь, она была направлена на получение достоверных сведений о состоянии провинциального аппарата управления.

Ввиду того, что тема ведомственных ревизий по сей день остается своего рода целиной, определить точное количество проверок, осуществленных в изучаемый период, не представляется возможным. Сами министерства не вели подобного рода статистику, а в научных публикациях едва ли можно найти обобщенные данные даже по отдельным ведомствам (исключение составляет фундаментальное исследование Н.М. Дружинина, подсчитавшего количество ревизий, проведенных с 1838 по 1856 г. по Министерству государственных имуществ, о которых сохранилась информация в архивных фондах [10, с. 85]). Поэтому судить об интенсивности, масштабах и итогах ревизий мы можем только на основании довольно отрывочных сведений, которые, впрочем, немногочисленны и не содержат исчерпывающей информации. Не ставя задачи охарактеризовать ревизионную практику по всем ведомствам (это должно составить предмет отдельного, более масштабного исследования), ограничусь рассмотрением материалов по Министерству внутренних дел, которые позволяют проиллюстрировать особенности ревизий второй четверти XIX в. МВД выбрано в качестве объекта исследования неслучайно. Подведомственные ему местные учреждения играли ведущую роль в системе местного управления. Кроме того, в изучаемый период это Министерство активно обращалось к ревизионной практике.

Если в первой четверти XIX в. ведомственные проверки по линии МВД носили, главным образом, характер частных поручений, то во второй они приобрели качественно иное содержание, что, по всей видимости, связано со значительным усилением влияния министров в системе государственного управления, а также с развитием внутриведомственного взаимодействия. В 1829 г. А.А. Закревский, «воспользовавшись разрешенным отпуском», лично обревизовал присутственные места в 20 губернских и уездных городах, после чего распорядился по всем департаментам затребовать от губернаторов подробные сведения «о движении дел, числе бумаг, арестантов, штатных положений на содержание присутственных мест, образцы форм,

бланок бумагам и прочее» [4, с. 253—254]. В 1830 г. Николай I поручил Закревскому лично на местах «приводить в исполнение» меры по борьбе с холерой. Наблюдая за работой подведомственных присутственных мест в разных губерниях (Симбирская, Казанская, Нижегородская, Тамбовская, Тульская и др.) [18, стб. 377] и вникая «в обязанность каждого лица и в способы исполнения оных», министр для себя отметил «затруднения, которые встречаются губернские и уездные начальства в прохождении своих должностей», и те недостатки, «которые неминуемо должны быть исправлены для восстановления самой необходимой службы» [19, л. 1]. Это нашло отражение в хорошо известной исследователям докладной записке «О недостатках и затруднениях по губернскому управлению» [4, с. 360—367; 19, л.1—20 об.].

В сентябре 1841 г. министром стал Л.А. Перовский. Уже в 1842 г. он обратил особое внимание на то, что «действительное состояние подведомственных Министерству частей не было ему доселе известно в настоящем виде, потому что сведения об этом ограничивались одними письменными донесениями местных начальств» [5, с. 674]. Между тем министр справедливо полагал, что «для управления какою-либо частью необходимо знать ее истинное состояние: без этого все распоряжения основаны будут на одних только предположениях и умозрениях, или же на донесениях от мест и лиц, кои в своем деле не всегда могут быть беспристрастными судьями» [12, с. 315]. По его мнению, решение проблемы неосведомленности центрального правительства требовало проведения регулярных общих и частных ведомственных ревизий. Эта инициатива получила «высочайшую» поддержку: Николай I распорядился по всем отраслям ведения МВД учредить «осмотры» на месте, которые положено было производить через директоров департаментов, «вновь определенных при министре» шесть чиновников особых поручений, кандидатов на должности военных и гражданских губернаторов и других находящихся при Министерстве чиновников [12, с. 315].

Практика инициированных Перовским проверок позволяет выделить два их типа: 1) «общие обозрения» подведомственных учреждений, «обнимающие все части местного управления»; 2) частные осмотры отдельных учреждений (врачебные управы, заведения приказов общественного призрения, запасные хлебные магазины и т.п.).

Судя по материалам всеподданнейших отчетов министра внутренних дел, за восемь лет (с 1842 по 1850 г.) общие ревизии были проведены в 28 губерниях и одном градоначальстве [16, с. 354; 17, с. 319]. Выявленные в ходе исследования материалы позволяют судить об особенностях их проведения.

Во-первых, эти проверки не были внезапными. После решения о проведении таковой из МВД на имя губернатора поступало офици-

альное уведомление с предписанием оказать содействие в исполнении возложенного на министерского чиновника поручения. К этому уведомлению прилагалась инструкция, в соответствии с которой должно было осуществляться обследование присутственных мест [9, л. 1—1 об.]. К моменту прибытия проверяющего местные учреждения готовили всю необходимую документацию, а также обустроивали его рабочее место.

Во-вторых, все мероприятия осуществлялись при тесном взаимодействии ревизора с губернской администрацией. Обо всех передвижениях и действиях столичный чиновник сообщал начальнику губернии, который, в свою очередь, информировал подчиненные ему учреждения, которые должны были «без малейшего промедления» исполнять все законные требования ревизора [8, л. 3, 5, 6—6 об., 11].

В-третьих, в ходе общих ревизий помимо обследования собственно учреждений (губернское правление, врачебная управа, комиссия народного продовольствия, приказ общественного призрения и его заведения, городские думы и ратуши, городские полиции, квартирные комиссии, дорожные комиссии, земские суды, станковые управления) командированные чиновники оценивали состояние зданий присутственных мест, запасных хлебных магазинов, пожарной части, почтовых станций, тюремных замков, дорог, мостов и перевозов [21, прил., с. 54—118].

В-четвертых, перед ревизорами ставилась задача осуществить весь комплекс мероприятий в максимально сжатые сроки. Они, как правило, составляли 1—2 месяца, но в некоторых случаях могли быть и более продолжительными. Скорость и темпы проведения проверок зависели и от размеров губернии, и от количества и состояния присутственных мест. Если площадь была большой, а расстояния между губернским и уездными городами — значительным, то, конечно, львиную долю времени ревизор находился в пути. Приступал он к работе сразу же после приезда. Дольше всего пребывал в губернском центре, в уездных же городах проводил не более 1—2 дней. Так, в 1844 г. на ревизию Вологодской губернии князю М.А. Урусову потребовалось 35 дней, из которых на ревизию присутственных мест в губернском центре потребовалось 13, в уездных городах — 9, остальное время заняла дорога [8, л. 7, 8, 15, 25—26 об., 32].

В-пятых, направляемые в губернии министерские чиновники особое внимание обращали не только на нарушения в работе местных учреждений, но и на жалобы (письменные и словесные), поступавшие от населения, большое количество которых сигнализировало о неблагоприятном состоянии местного управления. На завершающем этапе ревизии министерский чиновник сообщал губернатору о замеченных недостатках по каждому учреждению и пре-

доставлял «реестр» поступивших жалоб с тем, чтобы в кратчайшие сроки получить «подробные сведения» по каждому пункту нарушений и каждой жалобе [8, л. 39—41 об., 59—61 об.]. Вся эту информацию вместе с итоговым отчетом о проделанной работе он должен был предоставить в Министерство по возвращении в столицу.

Не менее интересно подведение итогов общих ревизий, а, точнее, реакция министра на полученные с мест сведения. Первые проверки, проведенные в 1842—1843 г., почти повсеместно обнаружили значительные нарушения: «Отступления от законного порядка, медленность и в особенности слабость действий полиции и неисправность в содержании заведений приказов [общественного] [призрения], тюремных замков и пожарной части» [13, с. 415]. По мнению Перовского, «действия начальников губерний и прочих лиц губернского и уездного управлений далеко не соответствовали видам правительства» [5, с. 677].

В качестве примера, пожалуй, следует обратиться к отчету чиновника, командированного для осмотра Архангельской губернии в 1842 г. Привести полностью это красочное описание беспорядков не представляется возможным, но некоторые выдержки из документа будут весьма показательны. Упуская моменты, связанные с безобразным состоянием зданий и помещений присутственных мест, обратимся к характеристике делопроизводства, которое ревизор представил как «совершенное отсутствие установленного канцелярского порядка». Все документы (настольные регистры указам Сената, журналы и протоколы, входящие и исходящие регистры и проч.) составлялись со значительными нарушениями, без засвидетельствования и надлежащих отметок о получении, исполнении, просмотре губернским прокурором и уездными стряпчими. Денежная отчетность оказалась «неудовлетворительна», а, кроме того, с неоговоренными «подчистками и поправками». Дела подшивались настолько беспорядочно, что «конец бумаги следует через несколько листов или находится в начале дела», сопровождалась «неверными надписями о содержании и времени начатия дела» [21, прил., с. 58—59].

Весьма удручающими оказались канцелярские порядки, устоявшиеся в главном органе местной власти — губернском правлении. В частности, «дела по правлению» производились «крайне медленно и безотчетно», нашлись таковые, по которым предложения архангельского военного губернатора заслушаны только через год после их получения, «другие остались без всякого движения по году, по два, по три и более». Выявились и дела, неоконченные в течение 13 лет. Документы хранились в таком беспорядке, что ревизору пришлось их извлекать из шкафов, из стола секретаря, из сторожевой комнаты и даже с чердака. Причем в данном случае речь шла о те-

кущих делах. Что же касается архива, то он находился в еще более безобразном виде: «Тесен, темен и сыр, отчего дела и в июне месяце найдены покрытыми плесенью. Они размещены не по порядку и сдаются иногда еще до окончания их. В трех связках, на удачу взятых, оказалось 15 неоконченных дел и 6 зачисленных решенными» [21, прил., с. 60]. В деле надзора за подчиненными местами правление фактически бездействовало: в случае неисполнения той или иной бумаги ограничивалось лишь повторными предписаниями (коих число могло достигать «до 15 и 19-ти раз»), также не имевшими никакого воздействия; не настаивало на «присылке донесений касательно получения указов» и не заботилось о доставлении срочных рапортов и ведомостей. Последние из некоторых мест вовсе не доставлялись, а те, которые все-таки поступали, надлежащим образом не рассматривались и не проверялись.

Естественно, при такой работе губернского правления ожидать выполнения установленных законом процедур от подчиненных мест не следовало. И, как обнаружил ревизор, почти по всем учреждениям беспорядки стали нормой (причем, судя по представленным сведениям, это продолжалось уже не первое десятилетие) [21, прил., с. 62—72]. Более того, многие бумаги, в первую очередь требующиеся для отчетности, откровенно фальсифицировались: и относительно числа нерешенных дел (которое вовсе нельзя было выявить «до приведения в известность неразобранных бумаг»), и относительно денежных сумм и казенного имущества (к примеру, по бумагам комитета народного продовольствия в 1840 г. числились хлебная недоимка с рассрочкой на 6 лет и денежная с рассрочкой на 10 лет, а в документах за 1841 г. уже о хлебной недоимке нет ни слова, а «о денежной донесено, что счета по ней запутаны» [21, прил., с. 62]).

Ревизоры, направленные в другие губернии в 1842—1843 гг., также сталкивались с нарушениями канцелярского порядка, которые не только не позволяли произвести полноценное обследование учреждений, но и запутывали самих же чиновников [21, прил., с. 54—118].

Отметим, что в тех губерниях, где были обнаружены «значительнейшие» злоупотребления (Таганрогское градоначальство, Астраханская, Тамбовская и Курская губернии), Перовский предложил продолжить обследование местных учреждений уже в рамках сенаторских ревизий [6, с. 143; 11, с. 506; 13, с. 415]. В прочих губерниях министр рассчитывал навести порядок силами своего ведомства. При этом были предприняты решительные меры. Во-первых, о замечаниях ревизоров сообщалось всем начальникам губерний: «циркулярные объявления» о последствиях каждой ревизии направлялись во все губернии. На практике это выражалось в том, что каждый губернатор получал циркуляр, к которому прилагались «выписки из обзрений

присутственных мест и учреждений», и предписание «принять зависящие меры» к исправлению беспорядков и упущений, замеченных ревизорами, если таковые имеются [21, с. 35]. Во-вторых, Министерство назначало 6-месячный срок для исправления выявленных беспорядков, по истечению которого начальники губернии должны были предоставить подробный отчет о предпринятых мерах. В-третьих, «для обеспечения быстрого и правильного течения дел... начальникам губерний вменено в обязанность публиковать ежемесячно в губернских ведомостях о ходе дел в присутственных местах», а также, что более важно, в тех случаях, когда имелись достаточные сведения о причинах беспорядков, предоставлялось право подвергать виновных законным взысканиям «без предварительного истребования объяснений» (речь, конечно, шла только о лицах, служивших в подчиненных губернатору учреждениях) [13, с. 415—416]. В-четвертых, виновные в упущениях лица получили выговоры либо были уволены [5, с. 677; 6, с. 224]. При этом взысканиям подвергались и сами губернаторы, как главные ответственные за состояние управления. В этом вопросе Перовский придерживался жесткой позиции: «По поводу дошедших до Министерства в[нутренних] д[ел] сведений о разных беспорядках и злоупотреблениях в некоторых губерниях, начальники оных представляли в свое оправдание, что к ним никаких жалоб по сим предметам не поступало. Как к прямой обязанности каждого начальника губернии относится неослабное наблюдение за искоренением всякого злоупотребления при самом его начале, не ожидая, чтоб обиженные приносили о том жалобы, и как беспорядки, кои могли дойти до сведения Министерства, конечно должны бы гораздо прежде того сделаться известными тому местному начальству, где они происходили, то вышесказанные отзывы начальников губерний не могут быть признаваемы уважительными» [21, с. 35]. В связи с этим для ряда губернаторов ведомственные ревизии закончились увольнением или «строгим Высочайшим выговором» [5, с. 677]. Так, по результатам вышеописанной ревизии Архангельской губернии 19 декабря 1842 г. был издан циркуляр, в котором значилось, что император «повелеть соизволил: архангельского гражданского губернатора действительно статского советника Степанова уволить от службы» [7, л. 4.].

Меры, предпринятые после первых ревизий, сказались на работе местных учреждений положительно. И если в 1844 г. Перовский отмечал, что «не все местные начальства равно пекутся об исправлении беспорядков и упущений... несмотря на неоднократное указание на оные в разосланных обозрениях многих губерний» [21, с. 35], то уже в 1845 г. писал, что губернаторы стали более деятельны при исправлении своих должностей, усилился контроль начальства за подчиненными местами и лицами, «произвола и беспорядка

в той степени, как они оказывались при первых ревизиях, уже более не открывалось» [6, с. 224]. Конечно, это вовсе не означало, что путем ведомственных проверок удалось добиться устранения всех недостатков. Более того, многие проблемы были напрямую связаны с недостаточным материальным обеспечением, что, по сути, являлось фактором, мало зависевшим от деятельности губернской администрации. Для МВД эта проблема стала еще более очевидной по результатам ревизии 224 городов 27 губерний, осуществленной в 1847 г. Эти «местные исследования» открыли неудовлетворительное состояние городского полицейского управления, причем даже в губернских городах [6, с. 348—349]. Все это во многом являлось следствием бедности подавляющего большинства городских поселений [20, с. 385—386].

Помимо общих ревизий важное практическое значение имели и частные, которые могли осуществляться как внезапные для расследования «под рукою» дошедших до Министерства сведений о злоупотреблениях на местах (сигналом служили прошения и жалобы, «на высочайшее имя приносимые», жандармские донесения, нарушения и несоответствия, обнаруженные в отчетах и других бумагах, поступивших с мест, и т.п.), а могли выступать в роли регулярных. В отчетах такие ревизии в полной мере не отражались; можно найти лишь отрывочные сведения об особо значимых плановых ревизиях. Например, о результатах обследования по медицинской части: так, директор медицинского департамента в 1842 г. обследовал врачебные управы в 22 губерниях, в 1844 — 13, в 1845 — 6, в 1846 — 10, 1848 — 8 [6, с. 143; 12, с. 315; 14, с. 410; 15, с. 449; 16, с. 354].

Подводя итог, отмечу, что для МВД ведомственные ревизии стали важным инструментом, позволявшим не только установить прямой контроль за деятельностью подчиненных учреждений и оперативно реагировать на имевшие место нарушения, но и оценить «свойства и степень способности» лиц, занимавших разные должности, и получить «верные и точные» сведения о состоянии местного управления. С учетом результатов разрабатывались нормативные правовые акты, внедрялись изменения в деятельность учреждений, регулировалось финансовое обеспечение, пересматривались штатные расписания и проч. В частности, итоги ревизий убедили министра в необходимости корректировки ряда положений, введенных административно-полицейской реформой 1837 г. По заверениям Перовского, Учреждение для губернских правлений 1845 г. основывалось уже «не на умозрительных рассуждениях, а на положительных данных» [6, с. 224].

Список литературы

1. Афанасьев П.А. Использование ревизионных форм контроля в горном округе Западной Сибири в XIX веке // Исторический ежегодник. — Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. — С. 155—168.
2. Бикташева А.Н. Губернаторский отчет как персональный текст (первая половина XIX в.) // Власть. — 2011. — № 3. — С. 167—169.
3. Вакилев Т.Р. Отчеты губернаторов в системе местного управления России во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6. Ч. II. — С. 47—50.
4. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. — Ч. 3, кн. 1. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. — 777 с.
5. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. — Ч. 3, кн. 2. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. — 746 с.
6. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. — Ч. 3, кн. 3. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. — 725 с.
7. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф.18. Оп.1. Д.971.
8. ГА ВО. Ф.18. Оп.1. Д.1048.
9. ГА ВО. Ф.18. Оп.1. Д.1049.
10. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. — Т.2: Реализация и последствия реформы. — М.; Л.: АН СССР, 1958. — 615 с.
11. История Правительствующего сената за двести лет, 1711—1911 гг.: в 5 т. — Т. 4 / Сост. И.А. Блинов, В.А. Гаген, С.К. Гогель [и др.]. — СПб.: Сенатская тип., 1911. — 529 с.
12. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1842 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. — 1844. — Ч. 5. — С. 313—344.
13. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1843 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. — 1845. — Ч. 11. — С. 414—454.
14. Краткий обзор Правительственных действий Министерства внутренних дел за 1845 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. — 1846. — Ч. 16. — С. 409—454.
15. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1846 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. — 1847. — Ч. 20. — С. 449—482.
16. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1848 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. — 1849. — Ч. 28. — С. 349—428.
17. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1849 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. — 1850. — Ч. 32. — С. 315—413.
18. Краткое биографическое воспоминание о графе А.А. Закревском // Русский архив. — 1865. — Вып. 3. — Стлб. 371—380.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 5. 1831 г. Д. 903.
20. Рындронский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. — М.: АН СССР, 1958. — 559 с.
21. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. — Т. 1. — СПб.: Типография Д. Кесневля и компании, 1854. — IV, 329, 656 с.

Особенности взаимодействия государственных и общественных институтов в системе местного самоуправления у горских народов во второй половине XIX — начале XX в.

Аннотация. В статье исследуется формирование системы местного самоуправления, которая сложилась в процессе интеграции горских народов в политическое и социокультурное пространство Российского государства. Основной задачей созданной системы управления сельскими обществами, стало обеспечение административного и полицейского контроля и своевременного поступления налогов с населения. Основная цель статьи сводится к тому, чтобы познакомить исследователей с особенностями формирования и дальнейшего развития местного самоуправления на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, российская администрация, местное самоуправление, положение, сельский старшина, сельский сход, округ.

Peculiarities of interaction between state and public institutions in the system of local self-government of the highland peoples in the second half of the XIX — early XX century

Abstract. The article examines the formation of a local government system that has developed in the process of integration of mountain peoples into the political and sociocultural space of the Russian state. The main task of the created system for managing rural societies was to ensure administrative and police control and timely tax payments from the population. The main goal of the article is to familiarize researchers with the peculiarities of the formation and further development of local self-government during the second half of the XIX — early XX centuries.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Russian administration, local government, position, rural foreman, rural gathering, district.

Вхождение горских народов в состав Российского государства проходило сложно, в течение длительного периода. Местное население должно было интегрироваться в новую социально-политическую систему. В этих условиях реформу сельского самоуправления

---

* **Зулейха Жамботовна Глашева** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (г. Нальчик, Россия). e-mail: zu-20.80@list.ru
Zuleikha Zh. Glasheva — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Institute for Humanitarian Studies — a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russia).

пришлось проводить с осторожностью. Наряду с новыми российскими административными структурами сохранялись традиционные институты управления. Это привело к тому, что процесс интеграции проходил две стадии: сначала включение народов в состав государства, а затем перестраивание социально-политических, поземельных и хозяйственных интеграционных связей между местными этническими сообществами [10, с. 4]. Административное переустройство горского села «изначально составляло предмет особого внимания кавказских властей, однако эта сторона жизни местного населения долго обходилась без соответствующего законодательно-правового оформления» [6, с. 13].

Традиционно управление осуществлялось сельским владельцем и народным сбором. Развитие местного самоуправления оказалось тесно связано с политическими процессами в целом по стране. Перед российской администрацией на Кавказе во второй половине XIX в. возникла необходимость создания соответствующих органов сельского самоуправления, которые ограничивали бы власть местных владельцев. Вводились выборные должностные лица, подведомственные военным властям. Разработанная организация начала занимать с 1850-х гг. Поначалу исходили из необходимости осторожного воздействия на местное население, присматриваясь к местным особенностям, прибегая к сочетанию традиционных форм с новыми правилами. Первым своеобразным экспериментом по внедрению в практику управления «мирными горцами» принципов «военно-народного» управления явилось создание военно-административного управления, получившего название Чеченского. Положение «Об устройстве управления в Большой и Малой Чечне» 5 ноября 1852 г. [11, с. 648] учреждало должность «начальника Чеченского народа». При этом начальнике учреждалось для суда и разбора дел между мирными чеченцами народное судилище «Махкама Чачани». Одним из важных пунктов реформирования местного самоуправления стало появление выборных старшин. Это был первый сельский административный институт, учрежденный российскими властями. Новые должностные лица избирались администрацией «с согласия владельцев и почетных жителей» аулов для управления ими.

В 1860-х гг. полномочия по формированию института аульных старшин были предоставлены сельским сходам. Первые проекты организации такого управления явились попытками адаптировать принципы общероссийского государственного администрирования к привычному для горских обществ жизнеустройству. В первое время «после покорения Кавказа русская администрация для проведения тех или других реформ прибегала к содействию самих тузем-

цев, собирая представителей горских племен на большие народные собрания. Такие всенародные общественные собрания функционировали у чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, карачаевцев и др. принося значительную пользу населению как зачатки широкой общественной самостоятельности» [18, с. 74—75].

Завершение Кавказской войны изменило соотношение политических сил в регионе, выдвинув на повестку дня задачу включения присоединенных земель в хозяйственно-экономическую систему государства. В 1857 г. кавказским наместником А.И. Барятинским была упразднена Кавказская оборонительная линия [12, с. 987—988]. В рамках дальнейших административных преобразований приказом Барятинского по Кавказской армии от 8 февраля 1860 г. правое крыло Кавказской линии, занимавшее бассейн р. Кубани, было переименовано в Кубанскую область, а Левое, занимавшую бассейн р. Терек, — в Терскую. Пространство, расположенное к северу от Главного хребта кавказских гор и включавшее территории двух областей и Ставропольскую губернию, стали именовать Северным Кавказом [13, с. 122]. Подготовка местного населения к интеграции в политическое и социально-экономическое пространство российского государства осуществлялась с привлечением представителей горских народов к участию в органах местного самоуправления. Это отразилось на организации управления сельскими обществами, участками и округами, сформированными в системе военно-народного управления.

Модели и формы реализации реформы самоуправления формировались постепенно. Обладая общими принципами организации, они имели определенные различия в различных районах Северного Кавказа, а также отличались определенными особенностями в реализации, характерными для каждого народа. В инструкции для окружных начальников левого крыла Кавказской линии, утвержденной Барятинским в марте 1860 г., говорилось о новом порядке управления в аулах, где главным ответственным лицом становился сельский (аульный) старшина, выбираемый для наведения полицейского порядка, в помощь которому назначались помощники. В составленном в 29 мая 1862 г. «Проекте правил по управлению Терской областью» [14, с. 497—509], одобренном командующим Кавказской армией, содержался порядок выбора, утверждения и, в случае необходимости, смещения «главных старшин», который осуществлялся только начальником округа. Область делилась на три военных отдела, которые, в свою очередь, подразделялись на округа. Для регулирования судебной части учреждался Главный народный суд из почетных лиц по выбору народа. Положение «Об управлении горцами Кубанской области», принятое 20 января 1866 г. [15, с. 41—46], вво-

дилось по примеру существующих в Терской и Дагестанской областях военных округов. Все горские народы Кубанской области разделились на пять округов.

Российские власти предполагали в каждом населенном пункте для «управления оными по полицейской части» ввести должности главного старшины и десятских («почетных стариков», «выборных старшин»). Сельский старшина избирался начальником округа «из людей, наиболее преданных правительству, известных своим умом, честностью и справедливостью» [10, с. 19]. Проблемы в ходе выборов аульных старшин убеждали администрацию в неготовности горских сельских обществ бесконфликтно избирать себе главы.

Устройство аульных обществ горского населения Кубанской и Терской областей и общественного их управления установил указ Александра II Правительствующему Сенату (1869 г.). Наместнику кавказскому предписывалось постепенно применить по отношению к горцам те правила Положения 19 февраля 1861 г., которые окажутся соответствующими обычаям и правам населения. Эти требования получили свое отражение в положении, подготовленном под председательством начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова «Положении о сельских (аульных) обществах в горском населении Терской области», утвержденном наместником Кавказа 30 сентября 1870 г. «Положение об аульных общественных управлениях» [19, л. 1—7 об], начало действовать с 1868 г. Преобразования, затронувшие управление горскими народами, были регламентированы в Положении от 30 декабря 1869 г. [16, с. 412—415], которое вводило новое административно-территориальное устройство, согласно которому учреждалось семь административно-территориальных округов.

Особенностью преобразований явилось уничтожение раздельности административного управления и в подчинении окружным начальникам как горского, так гражданского и казачьего населения, входящих в территорию каждого округа. С 1 января 1871 г. вступило в силу новое «Положение о сельских (аульных) обществах и общественных управлениях в Кубанской и Терской областях» [9, с. 1—22]. Оно еще больше сблизило принципы организации и характер деятельности общинного самоуправления горских народов с аналогичной системой в Центральной России. «Положение» 1871 г. было одной из редакций временного «Положения об аульных общественных управлениях» 1868 г. [32, л. 1—7 об]. Оно зафиксировало порядок назначения старшин главой области по представлению начальника округа, без привлечения общинных сходов. За ними, впрочем, сохранялось право избрания остальных должностных лиц правления. «Положение» регламентировало жизнь сельских обществ: порядок их образования, состав, круг деятельности, права и обязанности чи-

новников сельского управления и сельского суда. Оно превратило общину в низшую административную единицу.

К преобразованиям на Северном Кавказе правительство приступило после проведения в регионе реформы по освобождению зависимых сословий, начавшейся с Кабардинского округа в 1866 г. В отличие от Центральной России, в регионе земельно-крестьянская реформа проводилась в несколько этапов. Первый заключался в размежевании земель и определении их юридического статуса, второй — в ликвидации рабства и освобождении крестьян от личной зависимости. В рамках реформы предполагалось провести упорядочение земельных отношений, размежевание земель и наделение горцев правами пользования и владения землей. Земельная реформа на Северном Кавказе носила не только социально-экономический характер, но и политический [3, с. 70].

Аульный сход по «Положению» 1871 г. получал широкие полномочия [5, с. 142]. Он решал все вопросы, связанные с экономической и политической жизнью жителей селения. Избирал сельских должностных лиц, выносил приговоры об удалении из сельского общества вредных и порочных членов, временно отстранял провинившихся жителей от участия в сходе. Он же в случае необходимости мог защитить общинника от различного рода притеснений со стороны администрации. Имели место случаи, когда общество оказывало покровительство своим членам. Распоряжался общественными земельными угодьями, принадлежащими сельскому обществу, которые находились в общем владении, рассматривал вопросы, связанные с земельными спорами, семейными разделами, о выделении новым членам общества земельных наделов (паев), отбывании повинностей и т.д. Проверял работу должностных лиц, назначал им жалованья или другие вознаграждения, принимал меры к взысканию недоимок. Назначал ссуды из сельских запасных магазинов. Приговоры, принятые сходом, выходящие за рамки его полномочий, считались недействительными.

Решения сельского схода признавались законными только тогда, когда на сходе присутствовали сельский старшина и не менее половины домохозяев, имеющих право участвовать на сходе. Если при голосовании общество разделялось на две равные части, то вопрос решался так, как голосовал старшина. По каждому обсуждаемому вопросу составлялся приговор, который письменно фиксировался. Большую роль на сходе играли члены сельского правления и «почетные старики». В «Положении» совет старейшин не был закреплен, но существовал на практике. Старейшины играли важную роль в народном собрании, их мнение имело решающее значение по всем вопросам общественной жизни [1, с. 77]. «Власть старейшин проявлялась, прежде всего, в их влиянии на общественное мнение, которое

само по себе играло важную роль фактора установления социального порядка» [2, с. 25]. Совет старейшин выполнял некоторые судебные функции [3, с. 222].

Усиление административной регламентации общественной жизни и введение земских повинностей к концу XIX в. вызвало недовольство местного населения. В связи с этим в 1896 г. был утвержден проект «Положения о сельских (аульных) обществах», введенного в действие после того, как двумя годами ранее было принято положение «О сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей» [20, л. 60—73]. Оно регламентировало механизм взимания с местного населения казенных и земских повинностей, в числе которых были подымная подать, денежные сборы взамен воинской службы, содержание трактовых дорог, мостов, переправ, почты и т.д. Кроме того, жители отбывали общественные мирские повинности. В 1901 г. рассматривался проект нового «Положения о сельских (аульных) обществах», разработанной специально созданной при Терском областном правлении комиссией, куда вошли все окружные начальники [21, л. 1—14 об].

События начала XX в. вынудили кавказскую администрацию ввести новый порядок выборов старшин. Это стало следствием восстановления 26 февраля 1905 г. Кавказского наместничества [17, с. 149]. Обновленная администрация искала пути преодоления трудностей в управлении горскими народами. Эту же цель преследовала и реорганизация сельских сходов. На сельском сходе избирались выборщики, которым было предоставлено право избирать сельских старшин посредством голосования с помощью шаров. По существу, это был очередной этап административной унификации, сопровождавшей процесс интеграции горского самоуправления в систему управления Российской империи на Кавказе.

Подводя итоги, отмечу, что с окончанием Кавказской войны начался период реформ, который в отличие от предшествующих и последующих правительственных преобразований в регионе носил наиболее интенсивный, многоплановый характер. Преобразования коснулись самых разных сфер жизни местного населения. Здесь и административное устройство Терской и Кубанской областей, и система судебных органов власти, и общественное управление в станицах и аулах, и порядок управления казачьими войсками. Административные, политические преобразования на Северном Кавказе совпали с социально-экономическими изменениями, крестьянской и земельной реформами в остальной России. Властям удалось заложить на фундамент такой модели управления, который позволял как решать текущие задачи по управлению регионом, так и добить-

ся политической стабильности, формирования единого Российского государства [8, с. 46]. В результате реформы самоуправления существовавшее ранее раздельное управление для горского, гражданского и казачьего населения упразднилось. Претерпевала существенные изменения социальная база реформ — прежде всего за счет роста численности и влияния гражданского населения, причем не только сельского, но и городского, что нашло выражение в постепенном переходе к управлению на основе общероссийских установлений. В горском обществе власти пытались создать себе массовую опору, развивая местное общинное самоуправление и ограничивая права, местной феодальной знати и духовенства [7, с. 268].

В результате местное самоуправление проделало путь от власти аульных владельцев до выборных должностных лиц, которые выполняли полицейские, фискальные и общественные функции. В течение всего пореформенного периода правительство стремилось совмещать различные социокультурные системы в отдельно взятых этнических границах.

Список литературы

1. Аджиева З.И., Дармилова Э.Н., Джазаева И.А. Историко-правовые аспекты местного самоуправления дореволюционной России (на примере Северного Кавказа) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 4. — С. 75—78.
2. Аккиева С.И. Местное самоуправление горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX (на основе «Положений об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской области и их общественном управлении») // Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Всероссийской научной конференции 28—30 октября 2010 г. — Карачаевск, 2010. — С. 24—26.
3. Глашева З.Ж. Сельское самоуправление в балкарском селе во второй половине XIX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2016. — № 6. — С. 221—227.
4. Глашева З.Ж. Социально-экономические факторы переселения карачаевцев и балкарцев в Турцию во второй половине XIX — начале XX века // Исторический вестник. — 2012. — Вып. XI. — С. 68—86.
5. Канукова З.В. Система внутреннего управления в пореформенном осетинском селе // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). — Нальчик, 1989. — С. 140—152.
6. Кобахидзе Е.И. От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX — начало XX в.) // — Известия СОИГСИ. — 2012. — № 8. — С. 13—28.
7. Мальцев В.Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции (г. Краснодар, 16—18 мая 1994 г.) — Краснодар, 1995. — С. 267—271.

8. Мучукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX — начало XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2004. — 226 с.
9. Положение «О сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинности Государственных и общественных в горском населении Терской области». — Владикавказ, 1871.
10. Прасолов Д.Н. Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX в. — Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. — 136 с.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. II. — 1852. — Т. XXVII. Отд. 1. № 26740. — СПб., 1853.
12. ПСЗ РИ. — Собр. II. 1857. — Т. XXXII. Отд. 1. № 32529. — СПб., 1858.
13. ПСЗ РИ. — Собр. II. 1860. — Т. XXXV. Отд. 1. № 35421. — СПб., 1862.
14. ПСЗ РИ. — Собр. II. 1862. — Т. XXXVII. Отд. 1. № 38326. — СПб., 1865.
15. ПСЗ РИ. — Собр. II. 1866. — Т. XLI. Отд. 1-е. № 42913. — СПб., 1868.
16. ПСЗ РИ. — Собр. II. 1869. — Т. XLIV. Отд. 1. № 47847. — СПб., 1873.
17. ПСЗ РИ. — Собр. III. 1905. — Т. XXV. № 25891. — СПб., 1908.
18. Цаликов А.Т. Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. — М.: издание М. Мухтарова, 1913. — 185 с.
19. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 888.
20. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 52. Д. 276.
21. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 680.

Культурное пространство Императорского училища правоведения

Аннотация. В статье рассматривается культурное пространство Императорского училища правоведения. Анализируются такие компоненты культурного пространства как занятия музыкой, литературой и сценическим искусством. Делается вывод о том, что культурное пространство училища правоведения оказало значительное влияние на становление личности правоведа и их отношение к искусству.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения, культурное пространство; закрытое учебное заведение; принц П.Г. Ольденбургский; А.Н. Апуктин; А.М. Жемчужников; А.Н. Серов.

Cultural space of the Imperial School of Law

Abstract. This article deals with the cultural space of the Imperial School of law. It presents the analysis of such components of cultural space as music, literature and stage art. Author comes to conclusion that the cultural space of the School of law had a significant impact on the formation of the personality of lawyers and their attitude to art.

Keywords: Imperial School of law; cultural space; boarding educational institution; Prince P. G. Oldenburg; A. N. Apukhtin; A. M. Zhemchuzhnikov; A. N. Serov.

Императорское училище правоведения, созданное в 1835 г. по инициативе принца П.Г. Ольденбургского, являлось одним из самых привилегированных учебных заведений своего времени. Оно носило закрытый характер: будущие юристы поступали в него в возрасте 12—15 лет и в течение семилетнего курса могли покидать стены училища только в выходные дни и на время каникул. Правоведы, подобно воспитанникам военно-учебных заведений, жили в условиях относительной изоляции от внешнего мира [4, с. 68]. Поэтому училище было для них не только школой, но и родным домом. Руководители заведения и педагоги, понимая, какое колоссальное влияние они могут оказать на становление личности подопечных, стремились к тому, чтобы будущие государственные деятели покидали училище не только высокообразованными, но и всесторонне развитыми людьми. Благодаря усилиям

---

* **Мария Сергеевна Шишкина** — аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (г. Орёл, Россия). e-mail: maschakutaf@mail.ru

Maria S. Shishkina — Post-graduate student in the Department of Russian history, Orel State University named after I. S. Turgenev (Orel, Russia).

нескольких поколений наставников в училище образовалась уникальная культурная среда, в основу которой были положены занятия музыкой и танцами, самодеятельная драматургия, чтение художественной и научной литературы. При этом первостепенное значение имели не уроки пения или рисования, которые далеко не всегда удавалось избавить от влияния схоластической рутинности, а индивидуальные и групповые занятия, проводившиеся с желающими во внеучебное время.

Главная роль в культурном развитии правоведов отводилась изящным искусствам, не позволявшим будущим юристам и чиновникам превратиться в очерстевших душой бюрократов. «В Училище правоведения со времени основания в течение пятнадцати лет музыка занимала исключительное место в жизни воспитанников» [5, с. 46]. Это был бесспорной заслугой руководителей заведения — принца Ольденбургского и первого директора С.А. Пошмана, страстных меломанов. Большой вклад в становление музыкальных традиций училища внес и учитель музыки К. Карель. Он не отличался выдающимися способностями и навыками игры на музыкальных инструментах владел далеко не в совершенстве — однако самозабвенно любил свою деятельность. Способствовало формированию музыкальной культуры и то, что в училище поступали мальчики из состоятельных дворянских семей, многие из которых еще до поступления были знакомы со скрипкой, роялем, флейтой. Задача училища заключалась не в том, чтобы обучить известное число воспитанников игре на определенных инструментах с целью сформировать оркестр заведения, а в том, чтобы поддержать в своих питомцах стремление продолжать заниматься музыкой для собственного удовольствия, периодически выступая перед публикой.

Энтузиазм юных музыкантов передавался их товарищам, которые также начинали осваивать какой-либо инструмент. Известный музыкальный и художественный критик В.В. Стасов, окончивший училище в 1843 г., вспоминал: «Большинство воспитанников играли на чем-нибудь, и, глядя на других, даже самые деревянные и прозаичные выбирали себе который-нибудь инструмент и ревностно хлопотали над ним» [10, с. 345]. Руководство училища не имело ничего против неофициальных музыкальных вечеров, которые обычно устраивались вечером после ужина. Именно на таких импровизированных концертах впервые дал о себе знать талант правоведа первого набора А.Н. Серова, впоследствии ставшего известным композитором. Он стал душой товарищеского музыкального кружка, виртуозно играл на фортепиано и виолончели, и послушать его собирались 30—40 учащихся из разных классов. Эти блестящие выступления немало способствовали тому, что музыка стала визитной карточкой училища. Принц Ольденбургский, восхищенный игрой Серова, незадолго до выпуска подарил юноше пюпитр из красного дерева.

Большое место в культурном заполнении досуга правоведа отводилось пению. На этом настаивал сам принц: «Музыка вообще, а в особенности пение составляли всегда предмет его заботливости» [9, л. 7]. Учащиеся, в свою очередь, смотрели на пение как на приятный отдых после напряженных занятий. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев вспоминал, как во время его обучения в училище правоведения вечерами в спальнях исполнялись цыганские и немецкие песни: «Раден принимается за песню: “Laurettia, liebe Laurettia mein”, но плохо выходит, потому что у него совсем нет слуха, и Пейкер одерживает над ним победу в состязании певцов» [8, с. 647]. Необходимо отметить, что вкусы правоведа отличались эклектикой. С одной стороны, полувоенный уклад жизни обуславливал интерес к заливчатским песням Д. Давыдова. С другой стороны, представители аристократии имели хорошее представление об ариях из опер итальянских композиторов и пытались их исполнять.

Обучение танцам включалось в расписание занятий в качестве обязательного элемента подготовки. Выполнять классические балетные движения правоведам было скучно. Но когда начиналось обучение вальсу или кадрили, юноши оживали и с интересом включались в танец. Эти навыки оказывались необходимыми в светской жизни: отличный танцор быстро становился полноправным членом блестящего общества, легко и непринужденно обзаводился знакомствами. Стасов отмечал, что «правоведы уже и с наших времен глубокой древности славились как страстные и ловкие бальные танцоры» [10, с. 343].

Правовед также должен был быть и интересным собеседником, хорошо знакомым с литературой, историей, новейшими научными открытиями. Никому не хотелось прослыть невеждой, поэтому чтение являлось излюбленным занятием воспитанников. За книгами правоведа проводили большую часть свободного времени. Начальство и педагогический коллектив в отношении руководства чтением заняли достаточно либеральную позицию: «Училищное начальство вовсе не заботилось собственно о самом чтении нашем» [10, с. 330]. Правильнее было бы сказать, что директора и педагоги не стремились ограничить круг чтения воспитанников какими-либо рамками, а, напротив, создавали благоприятные условия для самостоятельного выбора книг сообразно склонностям и интересам каждого. С первых лет существования училища в нем имелась обширная библиотека, содержащая книги на разных языках, которой могли пользоваться как преподаватели, так и учащиеся. Количество книг, преимущественно иностранных, ежегодно увеличивалось как путем покупки частных собраний, так и за счет подарков попечителя и императора. Со временем библиотека стала играть заметную роль в воспитании. И если начальство не контролировало складывание

книжных предпочтений у правоведов, то воспитатели, которые из всего персонала учебного заведения имели наиболее тесные отношения с воспитанниками, оказали прямое влияние в том числе и на их представления о культуре: «Превосходные, симпатичные люди, еще более всех остальных разговаривавшие с нами о книгах, литературе и даже искусстве. Многие из нас (в том числе и я) всего более обязаны именно им своим образованием» [10, с. 309].

Конечно, фундаментальная библиотека училища, в которой обладали книги научного содержания, не могла удовлетворить запросы воспитанников младшего и среднего возрастов. Кроме того, в николаевскую эпоху руководство крайне осторожно пополняло библиотечный фонд литературными новинками. Выходом из ситуации стало учреждение классных библиотек. Правоведы отнеслись к этому делу со всей серьезностью и из своего состава избрали библиотечный совет, выбиравший книги для приобретения и организовывал их покупку, следил за их состоянием и своевременным возвратом. Из иностранной литературы правоведы покупали преимущественно В. Гюго, А. Дюма, В. Скотта, Д.Ф. Купера, У. Шекспира. При этом произведения французских авторов приобретались в оригинале, а английских — в переводе на французский.

Особое место в личной библиотеке правоведов занимали русские писатели. Эти предпочтения были веянием времени, в кадетских корпусах мальчики также «знали наизусть Пушкина, Гоголя, Лермонтова и пытались им подражать» [4, с. 90]. «Скоро после смерти Пушкина вышло “Полное собрание его сочинений”»; наш класс в первый же день купил один из самых первых экземпляров (так точно потом было и с I томом “Мертвых душ”») [10, с. 333]. Это собрание за короткий срок было зачитано буквально до дыр и книги пришлось отбирать силой у класса, для того, чтобы сделать им новый переплет. Любимыми произведениями правоведов стали «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». «Гоголя мы полюбили еще гораздо больше, и тут уже у нас было (наверное, как и в доброй половине России) настоящее маленькое помешательство» [10, с. 336]. В его произведениях воспитанников привлекали юмор, оригинальные типажи героев, поэтичность языка. Интересны мальчикам были и исторические статьи Николая Васильевича: «Средние века», «Шлёцер, Миллер и Гердер». По воспоминаниям правоведов, именно они, а не училищные лекции, привили любовь к истории. И даже в заданных преподавателями сочинениях воспитанники пытались подражать Гоголю.

Нередко воспитатели читали своим подопечным вслух литературные новинки. Так, Стасову особенно запомнилось, как в одно из воскресений преподаватель словесности А.С. Андреев читал мальчикам только что вышедшую в журнале «Современник» повесть

«Нос»: «С каким мастерством он воспроизводил нам речи и размышления майора Ковалева! Какой голос он ему придавал! Серьезный, важный, чиновничий, полувойенный, немножко надменный, немножко трусоватый, глупый и подчас подобострастный! Мы были в глубоком восхищении» [10, с. 338]. Большим счастьем для правоведа было попасть на постановку «Ревизора». Спектакль произвел неизгладимое впечатление, и увиденное на сцене стало предметом жарких споров как друг с другом, так и с педагогами.

Воспитанники читали не только книги, но и «толстые» журналы. Наиболее популярными были «Отечественные записки», в которых печатали стихи Лермонтова и статьи В.Г. Белинского. «Я помню, с какою жадностью, с какою страстью мы кидались на новую книжку журнала, когда нам ее приносили еще с мокрыми листами» [10, с. 384]. В 1840-е гг. все эти авторы воспринимались не только как новаторы слога, но и как настоящие революционеры русской литературы. Отношение консервативного начальства к ним было настроженным, и, хотя прямого запрета не существовало, периодически их произведения у воспитанников изымались: «Сегодня в обед директор ходил по классам и отнял у нас многие книги, как то Гоголя, Отеч. Записки и пр. ...у меня поймал инспектор стихи Лермонтова, однако оставил их и советовал держать у Бушмана (воспитателя): “конечно, Лермонтов поэт, но он умер нехорошею смертью”» [4, с. 639]. Изымались и книги фривольного содержания, тайком пронесенные в училище, например романы П. де Кока.

Под влиянием прочитанных статей правоведа пробовали издавать свои журналы. В них воспитанники помещали стихотворения, пьесы и рассказы. Большую роль в организации ученической журналистики сыграл профессор русской словесности П.Г. Георгиевский, рекомендовавший правоведам больше практиковаться в написании литературных работ. Именно в училище впервые проявился талант А.М. Жемчужникова, будущего создателя Козьмы Пруtkова. Во время обучения он был одним из редакторов газеты своего класса.

В 1849 г. культурное пространство училища претерпело серьезные изменения. Причастность одного из учеников к делу Петрашевского вызвала гнев императора, который распорядился «подтянуть» заведение, чтобы изгнать из его стен революционную заразу. Большая часть воспитателей оказалась заменена офицерами, уклад жизни приблизился к армейскому, от былой академической свободы не осталось и следа, музыкальные вечера и училищные концерты отошли в область преданий. Однако нельзя сказать, что культурная жизнь полностью остановилась. Именно в 1850-е гг. раскрылся литературный талант А.Н. Апухтина. Он являлся редактором рукописной газеты «Училищный вестник», где охотно публиковались его

товарищи, в том числе и П.И. Чайковский [6, с. 34]. В 1854 г. Апухтин написал стихотворение на смерть адмирала Корнилова, которое было высоко оценено не только руководством училища, но и самим императором. «Этот первый успех решил участь литературного творчества Апухтина. Он себя уверил, что его призвание лирическая поэзия» [7, с. 34]. Правоведы по-прежнему много читали. Однако, в отличие от большинства других учебных заведений, училище избежало увлечения социалистическими идеями: «По странной случайности наше училище в последний год моего пребывания, 1857-й, совсем игнорировало Герцена: я не помню, чтобы где-либо его читали или чтобы мы о нем говорили» [7, с. 68].

Николаевская реакция оказала и определенное благотворное влияние на нравы правоведов, в первые годы существования училища весьма схожие с таковыми у офицеров гвардии. Так, в годы «мрачного семилетия» из училища исчезли песни сомнительного содержания. Больше внимание стало уделяться религиозному воспитанию, в училище появился прекрасный церковный хор. В нем первые три года своего пребывания в училище певчим состоял Чайковский. Регентом при хоре всегда назначался воспитанник старшего I класса, способный удерживать авторитет среди товарищей и организовать работу певчих. Правоведы все так же не оставались в стороне от искусства, с интересом посещая театральные спектакли и оперные концерты. Выпускник училища В.Н. Герард писал: «В то время в Михайловском театре (до его перестройки) существовал балкон на 52 места. Нам не разрешали ходить в кресла, и случалось, особенно в бенефисы любимых артистов, что все 52 места балкона были заняты правоведами» [3, с. 31].

Начало эпохи Великих реформ повлекло за собой ликвидацию казарменных порядков. Военная муштра и мелочный контроль навсегда исчезли из стен училища, и даже жесткая образовательная политика Александра III не привела к их реанимации. П.П. Менделеев вспоминал: «Всегда могли поехать в театры, на бал, в гости. Немало развлечений было и в самом училище» [2, л. 5]. Характеризуя увлечения воспитанников своей школьной поры, он писал: «Были среди нас завязтые кутилы, были безумные любители карт, очень много театралов и еще больше склонных к светским развлечениям — балам, вечерам, визитам» [2, л. 8]. По-прежнему процветало увлечение литературой и самодеятельной журналистикой. Регулярно выходил рукописный журнал «Классный вестник», в котором помещались не только стихотворения и пьесы, но и заметки по поводу политических событий в стране. Многие воспитанники стали активно пробовать себя в игре на музыкальных инструментах и сочинении мелодий. Г.В. Немирович-Данченко, вспоминая о своем пребывании в училище уже в 1900-х гг., писал: «То, что три великих русских ком-

позитора — Чайковский, Серов и Лишин — были воспитанниками училища, налагало на нас серьезные обязательства. Культ музыки был настолько развит в училище, что только незначительное меньшинство правovedов не имело к ней отношения, т.е. не пело и не играло на каком-нибудь инструменте» [1, л. 12].

Начиная с 1886 г. в училище стало развиваться сценическое искусство. Руководство поддерживало любовь к театру и разрешило занятия театральной самодеятельностью. С конца 1880-х гг. ежегодно ставились спектакли как по пьесам известных авторов, так и по собственным сочинениям. На эти представления приглашались выпускники училища, с большим радушием общавшиеся после спектакля со своими младшими товарищами в неформальной обстановке.

Таким образом, в Императорском училище правovedения благодаря деятельности руководства и активности самих воспитанников сформировалось особое культурное пространство, в рамках которого «с самого начала... поощрялось занятие искусствами, музыкой, литературой, оказывалось покровительство проявившимся воспитанниками талантам» [1, л. 2]. Уникальная культурная среда оказывала колоссальное воздействие на мировоззрение правovedов. Следствие этого было то, что среди выпускников училища мы видим не только представителей высшей бюрократии, но и известных литераторов, музыкантов, театральных критиков.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5971. Оп.1. Д.13.
2. ГА РФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 16.
3. Герард В.Н. // Воспоминания о П.И. Чайковском. — М.: Музыка, 1979. — С. 31—32.
4. Гребёнкин А.Н. Традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы в российских военно-учебных заведениях (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2017. — 182 с.
5. Демченко Е.Н. Любительское музицирование в Императорском Училище правovedения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2007. — №2. — С. 45—49.
6. Маслов Ф.И. Воспоминания друга // Воспоминания о П.И. Чайковском. — М.: Музыка, 1979. — С. 33—35.
7. Мещерский В.П. Мои воспоминания. — Т. 1. — СПб., 1911. — 453 с.
8. Победоносцев К.П. Отрывки из дневника // Русский архив. — 1907. — Вып. 4. — С. 635—652.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 678. Оп. 1. Д. 966.
10. Стасов В.В. Училище правovedения сорок лет тому назад // Стасов В.В. Избранные сочинения в трех томах. Живопись. Скульптура. Музыка. — Т. 2. — М.: Искусство, 1952. — 774 с.

Окружение волостного старшины Фёдора Куликова по данным метрических книг

Аннотация. В статье реконструируется круг общения крестьянина Фёдора Куликова, занимавшего пост волостного старшины Московской губернии в царствования императоров Александра II и Александра III. На основе метрических книг в статье показаны родственные, соседские и деловые контакты главного деятеля волостной администрации.

Ключевые слова: крестьянство; крестьянское самоуправление; волость; волостной старшина; волостной писарь; метрические книги.

Surrounding of the volost foreman Fedor Kulikov according to metric books

Abstract. The article reconstructs the social circle of the peasant Fedor Kulikov, who held the post of volost foreman of the Moscow province in the reign of the emperors Alexander II and Alexander III. The article based on the metric books shows the relative, neighbour and business contacts of the main figure of the volost administration.

Keywords: peasantry; country self-government; volost; volost foreman; volostclerk; metric books.

Жизнь и деятельность должностных лиц крестьянского самоуправления в пореформенной России можно реконструировать не только на основе делопроизводственной документации сельского, волостного, уездного и губернского уровней. Другие архивные материалы (метрические книги, исповедные ведомости, хозяйственные переписи), а также фотографии и воспоминания позволяют выявить дополнительную информацию для создания картины функционирования сельского и волостного самоуправлений. Общая характеристика всех указанных видов источников была дана в работах, посвященных жизни и деятельности волостного старшины Порецкой волости Можайского уезда Московской губернии Ф.Е. Куликова (1842—1889) [5; 6].

Метрические книги — важный источник по истории крестьянства. Создаваемые в стенах приходских храмов, они фиксировали основные вехи жизненного пути крестьян Российской империи (рождения, браки, смерти). Фиксируя имена восприемников при крещении младенцев и поручителей на свадьбе, метрические кни-

* Михаил Анатольевич Виноградов — кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ «Школа № 1797 «Богородская»» (г. Москва, Россия). e-mail: mavingrad@mail.ru

Mikhail A. Vinogradov — Candidate of Historical Sciences, teacher of history at “Bogorodskaya” School № 1797 (Moscow, Russia).

ги фактически определяли ближайшее окружение того или иного крестьянина, выделяя его родственников и друзей. В данной статье сделана попытка определить ближайшее окружение Куликова по данным метрических книг церкви с. Поречья [2—4; 7; 9—23; 27], в приходе которой он родился, жил, работал и скончался. Ближе к дому Куликова находился храм в селе Острицы, метрические книги которого также упоминают имена Федора и его близких [1].

Наиболее полный по хронологическому охвату комплект метрических книг церкви с. Поречье хранится в Центральном государственном архиве Москвы (1842, 1855—1889 гг.) [7; 9—23]. Наиболее полный комплект источников, совпадающих со временем пребывания Куликова на посту волостного старшины, находится в Архивном отделе Управления делами администрации Можайского городского округа Московской области (1879—1889 гг.) [2—4]. Там хранятся, например, метрические книги за 1880, 1885 и 1888 гг., дубликатов которых нет в Москве [2; 4], а также копии метрических книг с. Острицы [1], оригиналы которых отправлялись в губернский город Смоленск.

Наиболее раннее упоминание Федора Куликова в метрических книгах — запись о его рождении 10 февраля 1842 г. в д. Заполье [7, л. 1377 об.]. Родители мальчика — крепостные крестьяне С.С. Уварова Ермолай Афанасьев (1818—1848) и Марья Гаврилова (1819—1894). Крестные родители — житель соседней «экономической» д. Песочни Иван Кононов и тетка младенца по отцовской линии Марья Васильева, жена Антона Афанасьева (1807—1888).

Дальнейшие упоминания Федора, разумеется, связаны с крестинами, в которых он мог выступать восприемником (к церковному обряду допускались дети). 31 августа 1855 г. в возрасте 13 лет он крестил младенца Архипа — сына Аввакума Стефанова и Марьи Александровой [9, л. 1453 об.]. Аввакум Куликов (1815—1884) — троюродный брат его отца. Через два года, 25 августа 1857 г., Федор выступил восприемником при крещении Александра — сына крестьян д. Глядково Кирилла Гаврилова и Епистимии Ивановой [11, л. 1503 об.—1504]. Кирилл Гаврилов Потемкин (так фамилия указана в источнике) — его дядя по материнской линии, а Александр, таким образом, являлся двоюродным братом 15-летнего подростка. Оба крестника Федора скончались в младенчестве. Таким образом, вплоть до свадьбы имя Куликова встречается в контексте его родственных связей как по отцовской, так и по материнской линии.

17 января 1860 г. 18-летний Федор сочетался браком с 16-летней крестьянской девицей из д. Медведки Ксенией Яковлевой (1844—1928) [12, л. 1470 об.—1471]. Поручителями, в основном, были родственники жениха по отцовской линии, представители большого рода Куликовых: Антон Афанасьев, Парфен Петров (1821—1878)

и Аввакум Стефанов. Четвертым поручителем был крестьянин д. Старая Тяга Владимир Васильев (1809—1884) — другом семьи Куликовых [8, л. 1460 об.—1461, 1463 об.—1464]. Следует отметить, что в числе поручителей не встречаются родственники невесты, у которой были живы отец и двое старших братьев. Возможно, это связано с материальными трудностями в ее семье, на фоне чего Куликовы смотрелись более достойно.

Через пять дней (22 января) сам Федор вместе со своим дядей Антоном выступал поручителем на свадьбе Афанасия Емельянова (1840—1897) и Вассы Федоровой [12, л. 1471 об.—1472]. Афанасий Емельянов проживал рядом с домом Куликовых, а его крестной была Марья Гаврилова — мать Федора.

4 мая того же года Федор Куликов вместе с дядей по материнской линии Панфилом Гавриловым был поручителем на свадьбе своей 17-летней двоюродной сестры Прасковьи Кирилловой [12, л. 1476 об.—1477], крестной матерью которой также была Марья Гаврилова. Мужем Прасковьи стал Василий Иванов (1840—1889), проживавший в холмовском имении графа Уварова.

1 января 1863 г. у Ф.Е. Куликова родился первенец Иван [27, л. 1383 об.]. Крестными младенца стали дьякон церкви в Поречье Алексей Васильев и Евдокия Афанасьева (1814—1870) — тетка Федора, не вышедшая замуж. До 1877 г. у Куликова родились еще четыре сына, но до настоящего времени соответствующие метрические записи не выявлены. 21 июля 1863 г. Федор выступил поручителем на свадьбе своего дяди Кирилла Гаврилова, женившегося вторым браком на вдове Анисье Ивановой [27, л. 1427 об.—1428].

В 1870-е гг. начинается «карьерный рост» Куликова. Видимо, этому способствовала его дружба с Парфёном Куликовым — двоюродным братом его деда Афанасия Ефимова. 16 января 1872 г. тот заключил второй брак с крестьянской девицей из д. Ягодино Евдокией Федотовой [13, л. 297 об.—298]. В числе поручителей были родственники жениха: Федор Ермолаев, Антон Афанасьев и Михай Петров (1819—1890). Федор крестил сыновей Парфёна и Евдокии: Сергея (4 октября 1872 г.) и Ивана (12 ноября 1875 г.) [13, л. 288 об.—289; 14, л. 23 об.—24]. Однако в записях о крещениях младших сыновей Парфёна, Павла (1877 г.) и Андрея (1878 г.), имя Федора уже не встречается [1, л. 258 об.; 16, л. 211]. 1 ноября 1877 г. Куликов вступил в должность волостного старшины «из кандидатов» [24, титул; 26, л. 4].

В это время он поддерживал тесный контакт с живущим рядом Мироном Феоктистовым (1828—1897). 15 января 1875 г. Федор был поручителем при заключении второго брака Мирона с крестьянкой д. Никитино Еленой Афанасьевой [14, л. 31 об.—32]. 19 сентября 1876 г. Федор был поручителем на свадьбе 17-летней дочери Мирона

Анны и своего родственника Дмитрия Савельева Куликова (1858—1892) [15, л. 188 об.—189]. 1 октября 1877 г. Федор Ермолаев вместе с Анной Мироновой крестил в с. Острицы сына Мирона, Сергея [1, л. 192 об.].

За несколько месяцев до крещения, 6 июня 1877 г., у самого Куликова родились две дочери-близнецы — Акилина и Анна. Они были крещены также в Острицах, что было исключением, т.к. деревня Заполье исстари относилась к церковному приходу в Поречье. Восприемниками дочерей Федора и Ксении стали Анна Миронова, Малахий Антонов (1821—1879) и его невестка Прасковья Феофанова [1, л. 183 об.]. Малахий был крестником Феодосии Григорьевой, бабушки Федора Ермолаева. Прасковья Феофанова — жена приемного сына Малахии Антонова Владимира Егорова. Две метрические записи из церкви в Поречье сообщают о погребении 12 августа младенцев-близнецов Акилины и Анны [16, л. 279].

26 августа 1879 г. была крещена третья дочь Федора Ермолаева Наталья [2, л. 15 об.—16; 17, л. 180 об.], избранного за полгода до этого старшиной [25, л. 17—20 об.]. Крестными родителями младенца стали мать старшины Марья Гаврилова и можайский мещанин Сергей Семенов Комаров, который занимал пост волостного писаря и скончался в 1882 г. С 1879 г. имя волостного старшины Куликова на страницах метрических книг встречается ежегодно.

15 сентября 1880 г. его старший сын Куликова Иван (1863—1939) женился на крестьянской девице из д. Астафьево Марье Пименовой [2, л. 88 об.—89]. Поручителями со стороны жениха были Федор Ермолаев и Михей Петров. Сторону невесты представляли ее отец Пимен Артемов и дядя Семен Артемов. Семья П.А. Русскова (фамилия упоминается в более поздних документах) состояла с Федором Куликовым в дальнем родстве по линии Феодосии Григорьевой, его бабушки.

В метрической книге села Поречья за 1881 г. имя Федора встречается трижды. 9 февраля он вместе с женой помощника ученого управляющего Прасковьей Карловной Биорк, дочерью знаменитого лесовода К.Ф. Тюрмера, крестил младенца Дмитрия — сына своей двоюродной сестры Прасковьи Кирилловой [18, л. 479 об.—480]. 3 июня был поручителем на свадьбе крестьянского сына из д. Глядково Владимира Иванова и девицы из д. Введенской Марии Герасимовой [18, л. 511 об.—512]. Метрические книги 1880-х гг. указывают на связь Владимира Иванова с представителями семьи Уваровых. 20 июля был крещен шестой сын Федора Ермолаева Илья, крестными родителями которого стали волостной писарь С.С. Комаров и жена псаломщика Пелагея Михайлова Левицкая [2, л. 138 об.; 18, л. 489 об.—490].

12 июля 1882 г. младенец Илья скончался от золотухи [19, л. 560 об.—561]. 7 сентября 1882 г. в порецкой церкви был крещен седьмой сын Федора Ермолаева Сергей [3, л. 15 об.—16; 19, л. 518 об.—519]. Крестными родителями младенца стали священник Василий Васильев Ростокинский, а также жена дворянина и волостного писаря Екатерина Алексеева Халютина. Младенец Сергей скончался 25 ноября [3, л. 43 об.; 19, л. 568 об.—569]. 26 сентября Федор Ермолаев вместе с девицей из д. Астафьево Анной Абрамовой крестил Пелагею, дочь крестьянин соседней д. Песочни Петра Петрова Ястребова и Соломонида Абрамовой (1856—1906) [19, л. 519 об.—520], своей троюродной сестры. Соломонида — крестница матери Федора М.Г. Куликовой, дочь ее двоюродной сестры Прасковьи Абрамовой [10, л. 592 об.]. Что касается Анны Абрамовой, вышедшей в 1886 г. замуж за астафьевского крестьянина Матвея Логинова, то отношения с ней Федора, видимо, были менее активными в силу большей разницы в возрасте.

В 1883 г. Куликов выступил крестным отцом дважды. 1 мая он вместе с Василисой Ильиной крестил младенца Ивана, родившегося у крестьян из д. Межутино — Ивана Яковлева и Дарьи Васильевой [3, л. 54 об.—55]. 3 июля вместе с женой арендатора мельницы Марьей Ивановой Ветчинкиной был восприемником Марии, дочери писаря Н.Т. Халютина (девочка скончалась 10 декабря того же года от простуды) [3, л. 60 об.—61, 98 об.—99]. Судя по данным метрических книг, калужские крестьяне Ветчинкины были связаны с семьей полицейского урядника Михаила Кириллова и служителями Уваровых Мялицыными.

В 1884 г. должность волостного писаря досталась крестьянину д. Тарханово Рузского уезда Алексею Гаврилову Слезкину. Метрические книги, как и ранее, свидетельствуют о тесных контактах между главными должностными лицами волости. 31 декабря того же года Куликов вместе с крестьянкой Т.А. Щавелевой крестил Василия, сына Алексея Гаврилова и Анны Тимофеевой Слезкиных [20, л. 19 об.—20]. Следует отметить, что Татьяна Абрамова была женой крестьянина д. Дор Ефима Иванова Щавелева (1837—1897), связанного с кандидатом волостного старшины Николаем Петровым, священником В.В. Ростокинским и семьей дьякона Н.Н. Ренского.

В 1885 г. имя Куликова в метрических книгах упоминается трижды. 9 марта он вместе с дочерью Карла Тюрмера Анной крестил Алексея, сына своей двоюродной сестры Прасковьи Кирилловой и ее мужа Василия Иванова [4, л. 5 об.—6]. Метрические записи 1881 и 1885 гг., упоминая дочерей Тюрмера, позволяют предположить, что Василий Иванов мог состоять на службе у графов Уваровых. Еще в 1861 г. крестным отцом его первенца был дворянин Б.С. Веселов-

ский, служивший у А.С. Уварова управляющим. 22 июня 1885 г. у Федора родился восьмой сын Павел, скончавшийся через месяц [4, л. 11 об.—12, 41 об.—42]. Крестными родителями выступили писарь А.Г. Слезкин и жена псаломщика П.М. Левицкая.

18 августа 1886 г. Федор Ермолаев вместе с вдовой из д. Глядково Дарьей Ефимовой крестил младенца Александра — сына глядковских крестьян Андрея Ионова и Мавры Потаповой [21, л. 453 об.—454].

30 марта 1887 г. старшина вместе с девицей д. Горки Марией Яковлевой крестил Георгия, сына своих давних друзей Мирона Фектистова и Елены Афанасьевой [22, л. 150 об.—151].

5 апреля 1888 г. был крещен девятый сын Куликова Родион [4, л. 145 об.—146]. Крестными родителями, как и в 1885 г., стали Слезкин и Левицкая. Через неделю, 13 апреля, в порецкой церкви крестили и сына Алексея Гаврилова Георгия [4, л. 145 об.—146]. Как и в 1884 г., крестными родителями младенца стали Куликов и Щавелева.

В 1889 г. имя Федора упоминается в метрических книгах один раз (запись о его смерти 5 ноября): «Деревни Заполье крестьянин Федор Ермолаев, 47 лет, от удара» [4, л. 246 об.—247; 23, л. 341 об.—342]. Порецкий волостной старшина был погребен священником Василием Петровым в Поречье 8 ноября. Другие архивные материалы и семейные предания удачно дополняют лаконичную информацию о смерти Куликова [6, с. 98].

Итак, в метрических книгах сохранилось более 30 записей с упоминанием имени волостного старшины Куликова. Метрические книги почти во всех случаях определяют Федора Ермолаева (в ранних записях — Ермиева) как «крестьянского сына» или «крестьянина» д. Заполье, в которой он родился и умер. Однако некоторые записи нарушают традиционные формулировки. Фамилия старшины встречается в метрических книгах трижды: на свадьбе его сына Ивана (1880 г.), а также при крещении сыновей Слезкина (1884 г.) и Василия Иванова (1885 г.). Даже в записи о смерти 5 ноября 1889 г. он указан без фамилии. В волостной же документации конца 1870-х — конца 1880-х гг. фамилия Куликова встречалась, в отличие от церковных материалов, повсеместно. Только в одной метрической записи (9 марта 1885 г.) Федор Ермолаев указан не только с фамилией, но с и должностью.

Записи о крещениях и свадьбах, состоявшихся с участием Куликова, позволяют реконструировать его ближайшее окружение. До избрания волостным старшиной, он контактировал, в основном, со своими многочисленными родственниками и соседями в д. Заполье и Глядково, как правило, значительно превосходящими его по возрасту. В период пребывания на посту старшины же он проя-

вил себя не только как семьянин и друг, но и как главное должностное лицо крестьянской администрации. Записей, подтверждающих эту двойственность, практически одинаковое число. Более того, в ряде случаев сложно судить однозначно: семья двоюродной сестры Прасковьи Кирилловой могла входить в окружение графов Уваровых, а трое волостных писарей, скорее всего, были и друзьями старшины.

Реконструировать полный список родственников, друзей и коллег Куликова по метрическим книгам к настоящему времени не представляется возможным, т.к. источник сохранился не в полном объеме. В большей степени это касается периода 1865—1869 гг. Судя по дошедшим свидетельствам, Федор Ермолаев вел активную жизнь, будучи самым тесным образом связанным с семьями своих родственников (Антон Афанасьев, Парфена и Михея Петровых, Аввакума Стефанова, Дмитрия Савельева, Кирилла Гаврилова, Прасковьи Кирилловой и Соломонида Абрамовой), соседей (Афанасия Емельянова, Мирона Феокистова, Малахии Антонова), коллег по работе в волостном правлении и друзей (Сергея Комарова, Никифора Халютина, Алексея Слезкина, Владимира Иванова, Ивана Яковлева, Андрея Ионова и Татьяны Щавелевой), а также местного духовенства (А.В. Соколова, В.В. Ростокинского, П.М. Левицкой). В метрических книгах нет сведений о его контактах с братьями жены Аксиньи Яковлевой и их семьями, проживавшими в д. Медведки, хотя отношения с ними поддерживали его сыновья [18, л. 491 об.—492; 23, л. 301 об.—302]. Некоторые должностные лица волости, например, кандидаты старшины (Николай Петров и Терентий Кириллов) в связи с именем Куликова не встречаются. Они, скорее всего, воспринимались Федором Ермолаевым как конкуренты. После его смерти в 1889 г. Кириллов и Петров стали следующими волостными старшинами Поречья, продолжив дело крестьянского самоуправления на севере Можайского уезда Московской губернии.

Список литературы

1. Архивный отдел Управления делами Администрации Можайского городского округа Московской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46.
2. Архивный отдел Управления делами Администрации Можайского городского округа Московской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52.
3. Архивный отдел Управления делами Администрации Можайского городского округа Московской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53.
4. Архивный отдел Управления делами Администрации Можайского городского округа Московской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.

5. *Виноградов М.А.* Жизнь и деятельность волостного старшины Федора Куликова (обзор источников) // Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Э.М. Шагина. — М.: МПГУ, 2018. — С. 322—326.
6. *Виноградов М.А.* Жизнь и деятельность волостного старшины Федора Куликова в свете исторических источников // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых. — М.: ИРИ РАН, 2018. — С. 91—99.
7. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА г. Москвы). ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1588.
8. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1868.
9. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1952.
10. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1982.
11. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 2010.
12. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 2095.
13. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1138.
14. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1146.
15. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1149.
16. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1151.
17. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1158.
18. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1161.
19. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1164.
20. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1174.
21. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1180.
22. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1185.
23. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1187.
24. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 493. Оп. 1. Д. 343.
25. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 437.
26. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 1362.
27. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 592. Оп. 2. Д. 35.

Государство и государственные крестьяне Зауралья: взаимонепонимание как причина картофельных бунтов

Аннотация. В статье рассматриваются причины картофельных бунтов в Зауралье в 1840-е гг. Автор пытается рассмотреть эти события с точки зрения мышления русского крестьянства. Исследуется роль слухов, неспособность бюрократии понять особенности сознания крестьян и истоки ненависти крестьян к властям. В заключении автор приходит к выводу, что главной причиной возникновения бунтов стало взаимное непонимание государственной власти и государственных крестьян.

Ключевые слова: реформы графа Киселёва; картофельные бунты; Зауралье; русское крестьянство; сельское управление.

The State and state peasants of the Trans-Urals: mutual misunderstanding as a reason of potato riots

Abstract. The article deals with the causes of potato riots in the Trans-Urals in the 1840s. The author tries to consider these events from the point of view of the thinking of the Russian peasantry. The role of rumors, the inability of the bureaucracy to understand the peculiarities of the consciousness of peasants and the origins of the peasants' hatred of the authorities are investigated. As the result, the author concludes that the main reason for the riots was the mutual misunderstanding of authorities and state peasants.

Keywords: count Kiselev's reforms potato riots, Trans-Ural region, russian peasantry, rural authorities

Абсолютистская монархия ставит одной из своих задач установление детальной регламентации всех сторон жизни общества. Николаевская Россия в этом смысле являла ярчайший пример бюрократической монархии, где развитие абсолютизма совпало с волей и характером царя, любившего четко установленный порядок во всем. Хорошо известны слова шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, сделанные им в докладе Николаю I, о том, что чиновничество и управляет Россией, поскольку только ему известны «все тонкости бюрократической системы». В целом император и не возражал против такой системы, поскольку после восстания декабристов он не

---

* Тимофей Геннадьевич Павлуцких — аспирант кафедры истории и документоведения Курганского государственного университета (г. Курган, Россия). e-mail: dobro_rg45@mail.ru

Timofey G. Pavlutskiikh — Post-graduate student in the History and Documentation Department, Kurgan State University (Kurgan, Russia).

доверял русскому дворянству и делал опору на чиновничество, в состав которого допускались выходцы из других сословий. Выходцы из дворян на службе были прежде всего чиновниками, а уж потом дворянами [14, с. 148].

Николай I в целом разделял взгляды бабки, Екатерины II, и брата, Александра I, на функции самодержавной власти, которые обычно определяют как просвещенный абсолютизм. Известный либеральный историк А.А. Корнилов даже утверждал, что николаевская правительственная система была одной из самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма», а сам Николай I «неоднократно высказывал, что он почитает себя первым слугой государства» [10, с. 193]. Император делал ставку на представителей просвещенной бюрократии — таких как М.М. Сперанский, С.С. Уваров, П.Д. Киселев. Именно последнему он доверил упорядочивание системы отношений государства и государственных крестьян.

Следует отметить, что таковые составляли более 40% всего крестьянского населения России, а в северных, восточных и сибирских губерниях — абсолютное большинство [13, с. 103]. Реформирование государственной деревни преследовало несколько целей. Необходимо было упорядочить управление на местах, отрегулировать податную систему, содействовать развитию начального образования. В качестве более отдаленной цели ставилось перенесение опыта реформы в отношении государственных крестьян на частновладельческих (крепостных) [13, с. 104]. Подготовка и реализация реформы, проведенной графом Киселевым, детально освещены в фундаментальном труде академика Н.М. Дружинина [5]. Несмотря на то, что многие выводы, сделанные в этой работе устарели, фактологическая составляющая остается актуальной и в наши дни.

В конце 1837 г. было образовано Министерство государственных имуществ (МГИ) во главе которого встал Киселев. Вскоре в каждой губернии создавались палаты государственных имуществ. Кроме того, были сформированы округа, куда в зависимости от количества государственных крестьян входили один или несколько уездов. Округа делились на волости, в каждой из которых крестьянами на три года избиралось волостное правление, состоявшее из волостного головы и двух заседателей. Волости подразделялись на «сельские общества», которые фактически совпадали с исторически сложившимися границами общины-мира. Главным органом самоуправления там становился сельский сход, куда входили представители от каждых пяти дворов. Сход избирал на три года сельского старшину в помощь ему и для выполнения полицейских функций сотских (одного от 200 дворов) и десятских (одного от 20 дворов). Кроме того,

были изданы полицейский и судебный уставы [5, т. 1, с. 505]. Фактически эта часть реформы узаконила те структуры крестьянского самоуправления, которые и так фактически существовали, причем не только у государственных, но и помещичьих крестьян [3, с. 155—161].

Важным связующим звеном между центральным аппаратом Министерства и общиной должны были стать губернские палаты (отделения) и крестьянские начальники. По мысли Киселева и его сподвижников, просвещенное чиновничество на местах должно было вводить прогрессивные мероприятия среди крестьянства, которое представлялось темной, неграмотной и нуждавшейся в опеке массой. Именно эта опека, во многих случаях мелочная, была одним из важных аспектов реформы [5, т. 1, с. 629].

Администрация МГИ должна была помогать крестьянам в исполнении законов и полицейских функций, отправления правосудия (в рамках компетенции общины) защищать от несправедливости и произвола со стороны других представителей власти. В числе других функций можно назвать распространение в крестьянских хозяйствах передовых агрономических методов земледелия, разведение новых сельскохозяйственных культур, улучшение пород домашнего скота и организацию выставок продукции, произведенной крестьянами [6, с. 793].

В административном аспекте реформа реализовалась сравнительно легко [13, с. 104]. Во многом это объясняется, на наш взгляд, тем, что она не затрагивала основ организации общины, а лишь легализовала и упорядочивала ее институты. Однако в одном аспекте реформа встретила довольно активное сопротивление, особенно в тех губерниях, где государственные составляли подавляющее большинство крестьянского населения (Вятская, Пермская, Оренбургская). Речь идет о том, что представители сельского самоуправления (волостные писари и старшины) становились как бы частью администрации, хотя формально они, конечно, ею не были. Внешним атрибутом этого стали разного рода знаки и нашивки, которые носили должностные лица волости и села. Крестьяне восприняли это как превращение односельчан в чиновников, которым они платили жалование как должностным лицам. Это обстоятельство, а также вполне разумные (но непродуманные) меры по предотвращению голода в Предуралье и Зауралье стали одной из причин так называемых картофельных бунтов 1842—1843 гг.

Следует отметить, что немногочисленные авторы, изучавшие их, делали акцент прежде всего на социальные причины волнений и только в конце XX в. наметились изменения в понимании этого сложного явления. Более подробно характеристика историографии

дана в статье И.С. Меншикова и Т.Г. Павлуцких [11]. Источники же указывают, что именно иррациональные страхи крестьян и распространившиеся слухи стали не только поводом, но и одной из причин бунтов [12, с. 147—148].

Напомню в общих чертах ход волнений в Зауралье в 1842—1843 гг. Они достаточно однотипны. Ранней весной, во время великого поста, среди крестьян Шадринского и Камышловского уезда Пермской губернии распространились слухи о том, что волостные головы, писари и священники вопреки воле царя «запродали» их «под барина», свидетельством чему является некая «запродажная грамота». Взамен, по мнению крестьян, волостное начальство получило не только деньги, но и специальную форму, которая делает их государственными чиновниками. «Неслучайно гнев крестьян во время волнений 1842—1843 гг. был направлен на волостных голов и писарей. В глазах крестьянина форменный кафтан, в который намеревалось обрядить крестьянских должностных лиц правительство, стал ненавистным символом разрушений традиций крестьянского самоуправления» [15, с. 155]. Крестьяне собирались около церкви или волостного правления, захватывали писарей, членов правления, священников и требовали от них «запродажной записи». Поскольку ее не существовало, то и предоставить ее никто не мог. Тогда бунтовщики переходили к пыткам, которые многие не выдержали и погибли. И только применение регулярной армии позволило подавить выступления. Название «картофельные бунты» было дано известным краеведом А.Н. Зыряновым, поскольку, согласно его точке зрения, одним из поводов к восстанию послужило распоряжение о посадке картофеля.

Итак, если оставить в стороне слухе о «запродаже», в числе причин волнений выступают две: «казенные кафтаны» волостного правления и картофель.

Зауральские государственные крестьяне, так же как в других регионах, выбирали волостное правление и писаря. Однако дефицит грамотных людей в этой части Пермской губернии приводил к тому, что особого выбора у крестьян не было, и зачастую эту должность занимали не лучшие люди. А.Р. Черносвитов, давая показания о картофельных бунтах в Шадринском уезде отмечал, что народ особо ненавидит писарей «потому что они, делаясь начальниками, делаются, — как выражаются крестьяне, — чиновниками, мироедами и действительно злоупотребляют своей властью» [18, с. 48]. МГИ стремилось бороться с этими пороками: стремилось повысить статус членов волостного правления и писаря, показать, что они являются частью государственного аппарата. С этой целью им были выданы форменные медные пуговицы, галуны и другие детали одежды. Чер-

носвитов писал, что это новшество вызвало гнев крестьян. Зырянов высказался еще более точно: «Народ изумился при виде форменных кафтанов с галунами и светлыми пуговицами, надетых на писарей и мужиков-начальников» [8, с. 271]. Особое недовольство вызывало то, что эти кафтаны с галунами и пуговицами, а также и жалование, назначаемое начальникам и писарям, выделялись за счет общины, на что она не давала согласия [8, с. 273]. Галуны и форменные пуговицы упоминаются во многих сообщениях о протестах, поскольку с их точки зрения начальство окончательно отрывалось от общины [11, с. 148].

Таким образом, зауральские крестьяне испытывали по отношению к чиновникам неприязнь, переходящую в ненависть. Обычно их окунали в прорубь или протаскивали подо льдом между двумя прорубями. Но были и более изощренные издевательства. Так в селе Крестовском писаря раздели догола, бросили на битое стекло и начали катать по нему, а под конец прибили гвоздями к его же забору [9, с. 604—605].

В том, что касается картофеля, необходимо отметить, что существует заблуждение относительно того, что крестьяне взбунтовались из-за того, что их заставляли сеять и есть картофель, а они не знали, как это делать. Картофель был известен в Зауралье, хотя еще и не получил широкого распространения. Особенно не любили его многочисленные в регионе старoverы [8, с. 270].

Опасаясь голода на фоне неурожаев 1839—1840 гг., МГИ разослало циркуляры об обязательном посеве картофеля. В тех селениях, где была казенная запашка (т.е. обрабатываемая земля, которая принадлежала непосредственно казне, а не общине), необходимо было отводить специальные участки для посева картофеля. Там же, где этого не было, было приказано отводить под посевы по одной десятине на волость. Считать эту меру тяжелой обузой для крестьян сложно, с другой стороны собранного едва хватало бы на семена. В циркулярных письмах Пермской губернской палаты МГИ сельским старостам предписывалось объявить прилюдно о необходимости посадки картофеля [2, л. 44]. Затем последовало новое предписание: произвести посадку картофеля в огородах, а затем «показать количество посаженного... Особо донести о крестьянах, которые отличились перед другими посадкой картофеля» [2, л. 45].

Таких циркуляров рассылалось по волостям Шадринского уезда в 1841—1842 гг. очень много. Были крестьяне, которые восприняли их всерьез. Так, Аксентий Ушаков посеял «для пользы общества» за свой картофель (1 десятина), за что был награжден серебряной медалью и 50 руб. серебром. Это вызвало недовольство односельчан, на «передовика» были совершены нападения [1, л. 317—325, 386].

Однако большинство отнеслось к требованиям настороженно. Таким образом, нельзя утверждать, что именно посадки картофеля послужили непосредственным поводом или причиной крестьянских выступлений.

Как обычно бывает в таких случаях, совпало несколько причин. Главной из них, на мой взгляд, была уверенность крестьян, что их «передали под барина». Имея самое смутное представление, кто такой граф Киселев и что такое Министерство (в слухах они фигурируют под именами «барина Кисилева», «Министерова», «Министера»), восставшие восприняли предпринятые властями меры как прелюдию к закрепощению. Более того, среди зауральских крестьян даже спустя годы после подавления бунтов бытовало убеждение, что если бы они не восстали, их бы перевели в крепостные: «Только вот что говорят еще наши мужики: что если бы они не бунтовали в 1843 году, то чисто бы ушли все под барина, а то вот и отстоялись эту заворохую» [8, с. 305].

Крестьянские волнения подавлялись при помощи регулярных войск. Примечательно, что бунтовавшие в 1842 г. в бунтах 1843 г. не участвовали [7]. Реакция властей на бунт 1843 г. была более решительной. В Шадринском, Камышловском и некоторых других зауральских уездах Пермской губернии были учреждены военные суды, рассмотрение дел в которых заняло некоторое время [17, л. 20—30]. Приговоры были вынесены довольно суровые, но Николай I счел за благо явить милость и даровать амнистию за исключением зачинщиков и тех, кто был непосредственно замечен в убийствах (около 150 человек), которые были наказаны шпицрутенами, а затем сосланы на каторгу или отданы в солдаты. Около 40 активных участников мятежа были приговорены к 100 ударам розгами с запретом занимать какие-либо должности, а прочим приказано сделать внушение [8, с. 303—304].

Примечательно, что в соседних с Пермской губернией Курганском и Ялуторовском округах (уездах) Тобольской губернии волнения прекратились, едва начавшись. Это можно объяснить не только быстрой реакцией Западносибирского генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова, который оперативно выехал к месту событий [18, с. 47], но и тем, что эти регионы считались уже Западной Сибирью и не попадали под юрисдикцию МГИ. Также следует сказать, что Горчаков всемерно препятствовал распространению реформ Киселева на подчиненную ему территорию, тем более что и кадров чиновничьих в Сибири постоянно не хватало [16, л. 4—8].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что одной из основных причин картофельных бунтов стало взаимное непонимание государственной власти и государственных крестьян. Граф Киселев и

петербургская бюрократия были убеждены, что своими реформами они не только упорядочивают, но и улучшают крестьянскую жизнь. По их мнению, крестьянство не знает, что для него лучше, этим свойством обладает только просвещенное и образованное чиновничество, поэтому «сельские обыватели» нуждаются в постоянной, порой мелочной опеке, а объяснять и растолковывать смысл готовящихся изменений совершенно необязательно. Это привело к полному непониманию действий администрации со стороны крестьян и спровоцировало волнения, что отлично понимали многие исследователи и в XIX в. Так, П. Деви, изучавший картофельные бунты, писал, что бюрократические меры попечения о крестьянах и планы, которые составлялись в канцеляриях, хотя и казались благотворными, не были согласны с действительностью, а их исполнители держались в стороне от крестьянства, почти ничего о нем не знали и имели цель только выполнить приказы начальства [4, с. 87].

С другой стороны, крестьянство испытывало острое недоверие и неприязнь ко всякого рода «чиновникам», начиная с волостного писаря. В условиях отсутствия крепостного права в Зауралье именно этот слой в известной степени занял место помещиков в качестве эксплуататоров и объекта ненависти. Неудивительно, поэтому, что восставшие отказывались верить словам писарей и волостных старшин об отсутствии «запродажной грамоты» и подвергали их пыткам и истязаниям. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов природный консерватизм крестьянства. Бунтующие требовали уничтожить «запродажную запись», отослать назад «кабальные яблоки» (т.е. картофель), после чего продолжать жить с ними «по-старому» [9, с. 608]. Действия, которые по мысли авторов реформ, должны были улучшить положение государственных крестьян, вызвали их недоверие и недовольство, перешедшие в бунты. Очень точно подметил это исправник Чернозитов, который сам принимал участие в подавлении волнений: «Главную причину беспорядков были крутые меры нововведений, которые русский народ не скоро усваивает, и вместе с тем совершенно не понятый народом метод управления. В жалобах своих, высказываемых в час мятежа, желали они остаться по-старому... Вот понятия народа!» [18, с. 48].

Список литературы

1. Государственный архив города Шадринска (ГА ГШ). Ф. 72. Оп. 1. Д. 50.
2. ГА ГШ Ф. 204. Оп. 1. Д. 28.
3. Громыко М.М. Мир русской деревни. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 269 с.
4. Деви П. Картофельный бунт в Пермской губернии. 1842. Рассказ крестьянина Гурина // Русская старина. — 1874. — Т. 10, № 5. — С. 86—120.

5. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: в 2 т. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946—1958.
6. Иванова Е.Ю. Из опыта законодательного оформления управленческой реформы (на примере реформы государственной деревни 1837—1841 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2011. — № 12—2. — С. 792—804.
7. Зырянов А.Н. Шадринский уезд в апреле 1842 года (Из воспоминаний очевидца) // Пермский сборник. — Кн. 2. Отдел IV. — Пермь, 1860. — С. 13—21.
8. Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Х Зыряновские чтения». — Курган, 2012. — С. 270—305.
9. Кокосов В. Картофельный бунт. (Рассказ покойной матери) // Исторический вестник. — 1913. — Т. 132. — С. 600—608.
10. Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. — М.: Высшая школа, 1993. — 446 с.
11. Меншиков И.С., Павлуцких Т.Г. Особенности сознания русских крестьян и картофельные бунты 1842—1843 гг. // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24. — № 1. — С. 146—150.
12. Меншиков И.С., Павлуцких Т.Г. Причины картофельных бунтов в Зауралье в 1842—1843 гг. // Наука сегодня: реальность и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. — Вологда: Научный центр «Диспут», 2018. — С. 84—86.
13. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. — М.: Мысль, 1990. — 235 с.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): в 2 т. — Т. 2. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. — 583 с.
15. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. — Омск: Издательство Омского университета, 1995. — 237 с.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп.1. Д. 202.
17. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 1843.
18. Показания Р.А. Черносивтова о «картофельных бунтах» в Шадринском крае // Шадринская старина. Краеведческий альманах. — Шадринск, 1998. — С. 42—48.

Английские военно-морские станции и торговые порты глазами русских путешественников во второй половине XIX — начале XX в.

Аннотация. Во второй половине XIX — начале XX в. одной из самых важных для Великобритании морских коммуникаций являлся путь из Средиземного моря на Восток — в Индию и Китай. Статья посвящена рассмотрению характерных особенностей основных военно-морских станций, расположенных на этом маршруте, в восприятии, посетивших их в указанное время русских путешественников (морских офицеров, представителей сухопутной армии, дипломатов, коммерсантов, публицистов и проч.).

Ключевые слова: военно-морские станции; Порт-Саид; Аден; Перим; Бомбей; Калькутта; Сингапур.

English naval stations and commercial ports through the eyes of Russian travelers in the second half of XIX — early XX century

Abstract. In the second half of XIX — beginning of XX century one of the most important for Britain's sea communications was the way from the Mediterranean sea to the East — to India and China. The article is devoted to the consideration of the characteristic features of the main naval stations located on this route, in the perception of Russian travelers who visited them at the specified time (naval officers, representatives of the land army, diplomats, merchants, publicists, etc.).

Keywords: naval stations; Port said; Aden; Perim; Bombay; Calcutta; Singapore.

После Крымской войны в сознании значительной части русского общества сложилось представление о том, что основным соперником России является Британская империя. Свое подтверждение эти настроения находили в регулярных кризисах русско-английских отношений, имевших место на протяжении второй половины XIX — начала XX в. Одним из столпов мирового могущества Англии в тот период являлось ее господство на просторах мирового океана. Его зримым воплощением были Королевский флот и его военно-морские станции, обеспечивавшие коммуникации между метрополией и колониальными владениями, разбросанными по всему земному шару.

* **Василий Анатольевич Болтрукевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (г. Москва, Россия). e-mail: tikuma@mail.ru
Vasily A. Boltrukevich — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center of Military history of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Неудивительно, что при таких обстоятельствах одним из основных инструментов воздействия на английскую политику становилась угроза использования русских крейсеров против торговли своего потенциального противника. Надобно отметить, что подобные мысли являлись достаточно распространенными в военно-морских кругах. Как пример можно привести такое высказывание: «Ахиллесова пята наших морских противников... колонии, населенность берегов и широко развитая морская торговля» [12, л. 13]. Воздействуя на них, «мы можем удобно и без неровных потерь сражаться с ними» [20, л. 16]. Эти идеи вполне укладывались в рамки «теории крейсерской войны», на протяжении долгого времени остававшейся одним из основных направлений морской политики. Она проводилась практически на официальном уровне и имела многочисленных и влиятельных сторонников среди профессионального военно-морского сообщества России.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть, как воспринимались английские порты, являвшиеся как военно-морскими базами, так и торговыми центрами, русскими путешественниками, посетившими их во второй половине XIX — начале XX в. Одной из важнейших английских морских коммуникационных линий являлся путь в Индию. Учитывая это, представляется логичным остановиться на характеристиках расположенных на ней отдельных военно-морских станций. Это такие порты, как Александрия, Порт-Саид, Аден и Перим, Коломбо (Цейлон), Бомбей и Калькутта. Кроме того, нельзя не учитывать такие важные центры, как военно-морская база Сингапур и Гонконг — важнейшие торгово-перевалочные пункты Тихого океана.

Начну рассмотрение с Александрии. Древний город, основанный еще до Рождества Христова, один из главных поставщиков хлеба в Римскую империю, к середине XIX в. значительно растерял былую роскошь, но сохранял высокий статус. Один из русских журналистов даже дал ему титул «второй столицы Египта» [9, с. 450]. Обладая выгодным географическим положением, этот город являлся важным торговым центром по своему значению мог претендовать на второе место в Средиземном море после Марселя: «Превосходное местоположение, прекрасные и вполне обеспеченные гавани, — все содействовало тому, чтобы сделать ее центром громадной торговли... Александрия поглощала почти все торговое движение Египта около 94%, судя по официальным отчетам 1879 г.» [10, с. 27]. Подобное положение сохранялось и в начале XX в. Так, в отчете о деятельности особой экспедиции для изучения рынков Ближнего Востока, организованной Министерством торговли и промышленности в 1912 г., указывалось: Александрия — это «мировой порт, сосредотачива-

ющий всю внешнюю торговлю Египта» [19, с. 36]. Между прочим, одним из важных товаров порта являлся такой важный продукт, как хлопок, которого в конце 1870-х — начале 1880-х гг. было вывезено на «баснословную сумму в 408 миллионов» [10, с. 27]. Стратегическая важность хлопка как сырья связана, прежде всего, с тем, что он являлся (наряду с селитрой) одним из важнейших ингредиентов для производства пороха.

Немаловажно также, что Александрия была связана коммуникациями с другими морскими портами Египта. Например, Г. Швейнфурт вскоре после открытия Суэцкого канала отмечал, что Александрия соединена дорогой с Хартумом, гавань которого «оживлялась сотнями судов» [27, с. 301].

Еще одним плюсом было чрезвычайно выгодное со стратегической точки зрения местоположение. Не случайно в разгар Египетского кризиса 1882 г. «Русский вестник» опасался, что если она перейдет под английский контроль, то «новый Гибралтар может воздвигнуться на берегах Суэцкого канала... Таким образом и вход и выход из Средиземного моря будет под пушками Англии» [9, с. 451]. Действительно, завладев не только Гибралтаром и Мальгой, но и Александрией, Британская империя превращала Средиземное море в свое внутреннее озеро.

Еще одним важным опорным пунктом, расположенным в Египте, являлся Порт-Саид, основанный незадолго до открытия Суэцкого канала: «творение Лессепса — имеющее огромное значение в мировой торговле» [23, с. 34]. О характере этого города, выстроенного близ северного конца канала, можно судить по ёмкому высказыванию писателя и публициста П.Н. Краснова: «Порт-Саид — это именно “порт” и только. “Саид” никакого значения не имеет, и не будь вместе с тем “порт”, он был бы немислим. Это гостинный двор пароходов и кораблей, идущих из Европы и в Европу» [17, с. 67]. При всем том, он существовал исключительно благодаря торговле, «широко поддерживаемой там пароходами всего земного шара, проходящими через Суэцкий канал» [28, с. 28]. Дополнительно надо учитывать, что поддержание бесперебойности торговых сообщений являлось жизненной необходимостью для этого населенного пункта. «Выйдите за пределы этих чистых улиц, обогните маленький сквер с бюстом Лессепса, строителя канала, и дальше — бедные жалкие улицы арабского квартала, а потом пески... Тут ничего нет. Нет ни финиковых пальм, ни бананов, не растут пышные олеандры, не проливают ароматы мандарины и померанцы. Песок не родит ни картофеля, ни капусты, и Порт-Саид живет привозом: мясо из Александрии и Австралии, овощи из Багдада, картофель из Аравии, молоко из Ясса, лес из Одессы, виноград и финики из Палестины.

Явился большой пароход, забрали на него всю провизию, и город голодает до завтрашнего дня, рынки закрыты» [17, с. 67, 68]. Зависимость от снабжения извне отразилась даже на графике работы магазинов, увязанных с приходом и уходом пакетботов [17, с. 67].

Кроме того, этот «сорный ящик мировой дороги» [30, с. 6], несмотря на важнейшее стратегическое положение в начале одной из торговых коммуникаций, соединявших Запад и Восток, был очень уязвим. Достаточно перерезать коммуникации, по которым доставлялась в него провизия, и он быстро бы сдался. Единственная гарантия предотвращения этого для его владельцев — необходимость поддерживать господство на море (как глобальное во всем средиземноморском бассейне, так и локальное — вблизи египетского побережья).

Если северный конец Суэцкого канала опирался на Порт-Саид, то южный, выходящий в Красное море, контролировался двумя английскими военно-морскими станциями. Первая — Аден, расположенный на оконечности одноименного полуострова. Он традиционно являлся важным торговым центром, занимая в прежнее время место «посредника между Западом и Востоком». После открытия канала его значение выросло. Поэтому вполне справедливо мнение военного корреспондента М.П. Федорова, называвшего его «Гибралтаром Красного моря» [26, с. 58]. Интересно отметить, что это сравнение было использовано еще в 1870-х гг. писателем В.А. Соллогубом [25, с. 38]. Значимость этого порта выражалась также и в том, что, «служба для Англии первоклассной морской станцией с обширными запасами каменного угля, Аден в то же время является опорным пунктом для распространения английского влияния на всем Аравийском полуострове, и кроме того в нем сосредотачиваются все торговые сношения между восточной Африкой и Аравией» [26, с. 58].

Однако, при всей важности этого места для поддержания английского морского могущества, «это самый безотраднейший город земного шара» [28, с. 39]. Не случайно С.Н. Южаков характеризовал его как «ничтожный обломок пустыни» [30, с. 228]. Вдобавок ко всему он отличался полной безжизненностью и отсутствием естественных источников воды [5, с. 30; 13, с. 53]. Как констатировал Ф.Р. Остен-Сакен, «в Адене... где пароход пристает на полдня, кроме голых скал, ничего нет» [21, с. 43]. Один из путешественников недоумевал, почему британцы не устроят там специальные опреснители воды [28, с. 44].

Другая английская база — остров Перим, «откуда англичане сторожат вход в Суэцкий канал» [29, с. 305]. По своей безжизненности он не уступал Адену: «Пустынная страна, забытая Богом, но оты-

сканная воинствующим человечеством» [30, с. 337]. Однако в этой пустыне были организованы огромные склады угля, построены телеграфная станция и артиллерийские батареи, устроены маяк и створы для облебления входа кораблей в бухту острова. Отсутствие подходящей воды компенсировалось установкой опреснителя [30, с. 322, 323, 335].

Таким образом, «есть территория, очень жалкая, конечно», но «на ней воздвиглась прочная, грозная правительственная власть, со всеми ее атрибутами и органами, но притом не хватает безделицы — народа, общества, промышленности, культуры, торговли... Зачем же это сильное организованное правительство?.. Чем оно, это правительство, управляет и что оно охраняет? Очевидно одно, что дело никак не в острове... Отсюда возможно прервать морское сообщение Запада с Востоком» [30, с. 336, 337]. При всем том в руках другой державы (например, России или Германии) «владение Перимом было бы совершенной нелепостью», потому что он, «снабжаемый из метрополии всем до последнего куса хлеба и обломка топлива, конечно, не может служить базой для военно-морских действий флота, есть тот и без того не господствует на море» [30, с. 337, 338].

Таким образом, обе рассмотренные нами военно-морские базы в Красном море без поддержки метрополии в случае начала боевых действий явились бы легкой добычей для неприятеля.

Следующий регион — Индия. Одним из опорных пунктов Великобритании здесь являлся Бомбей. Уже в самом названии (от порт. *Bombahia* или англ. *Bombay* — «хорошая бухта») содержится указание на высокий потенциал этого места для строительства порта. «Промышленное царство, шумная суета европейской деловой жизни, устроенной на английский лад», — вот что представлял он собой в конце XIX в. [24, с. 79]. Важность этого торгового центра подтверждалось тем, что он был соединен железнодорожной сетью с городами, расположенными внутри страны [24, с. 80]. Не случайно М.И. Венюков на рубеже XIX—XX вв. называл его западными воротами Индии [2, с. 103].

При всем том у этой выгодно расположенной гавани был один недостаток, могущий стать роковым: «Красота Бомбейского залива далеко, однако, не искупает, со стратегической точки зрения, слабостей этого порта. Эта слабость, которую, впрочем, никто, кроме специалиста, никогда бы и не заметил, странно указывается самими же Англичанами. И с чужестранцами толкуют они о ней, и рассуждают об этом в газетах, и даже горько жалуются на нее в своих “гидах”», — писал обозреватель «Русского Вестника» [22, с. 11]. Это — слабость обороны Бомбея. Один из британцев, по всей видимости, служивший в тамошнем гарнизоне, отмечал: если с сухопут-

ной стороны «форт наш может быть и силен», то с морской стороны «он совсем подгулял. Беззащитнее этого форта трудно себе что и представить... К тому же, пролив своей узковатостью способен затруднить неприятельский флот разве что в самом устье; а замок форта Сент-Джорджа, построенный еще Португальцами, напоминает одностенные, плоские замки на оперной сцене: на нем не имеется даже порядочного парапета. Самая же крепость (коммерческая часть города) не защищена даже и простой стеной. Зато она загромождена до самого берега старыми, полусгнившими фабриками, заводами и на скорую руку построенными амбарами и частными жилищами... При первом же пушечном выстреле наш знаменитый форт развалится как карточный дом» [22, с. 12].

Интересно отметить, что большая важность Бомбея для английского владычества в Индии и его уязвимость для угрозы извне были известны еще за полвека до путешествия Радды-Бай. Английский офицер граф Э. Варрен, служивший в Индии, указывал, что именно из Бомбея русский царь может нанести смертельный удар английской власти. Уничтожение этого президентства — гибельнее для англичан, чем разрушение Калькутты. Это связано с тем, что Бомбей — «их точка соприкосновения с Европой посредством пароходов: похитив ее, вы прервете им пути сообщения, истощите самые обильные, самые лучшие их источники: Ост-Индская Компания делается тогда обезглавленной змеей, которой тело будет еще несколько времени извиваться, но уже в судорожных движениях смерти» [1, с. 466].

Не менее важным из индийских портов была Калькутта. Варрен называл ее «складочным торговым местом, посреди народов изнеженных и слабодушных, равно неспособных ни сопротивлению, ни приверженности» [1, с. 465]. Спустя более чем семьдесят лет, в начале XX столетия, А. Жирмундский отзывался о ней как об «одном из главных городов всего Востока» [11, с. 87].

О возможных проблемах с обеспечением безопасности приморских городов было известно достаточно давно. Например, секретарь Лондонского географического общества К. Маркгэм в докладе о состоянии Британской Индии в 1871—1872 гг. указывал, что «оборона богатейших портов британской Индии от возможных атак с моря оставляет желать много». Однако он подчеркивал: «Англичане находят, что об этом жалеть нечего. В случае войны успеют возвести временные сооружения; а воздвигать дороги постоянные, при нынешних быстрых усовершенствованиях в способах атаки, неблагоприятно и дорого» [3, с. 361].

Еще один морской торговый центр в Южной Азии, на который хотелось бы обратить внимание — Коломбо. Этот город имеет удач-

ное местоположение, так как «стоит на перепутье всех судов, идущих в Индию, Китай, Зондский архипелаг и Австралию» [15, с. 310]. В таком случае вовсе не странно, что его гавань всегда переполнена торговыми судами всех наций [11, с. 120; 30, с. 215]. Интересно отметить, что она являлась одной из традиционных угольных станций для пароходов «Добровольного флота», совершавших плавания на Дальний Восток [30, с. 215].

Необходимо отметить, что, по подсчетам М.П. Федорова, остров Цейлон занимал в начале XX в. четвертое место в азиатских владениях Великобритании [26, с. 55]. Таким образом, если собрать воедино все эти характеристики, а затем добавить райскую природу, то становится понятной справедливость наименования Коломбо «жемчужиной Индийского океана» [16, с. 358].

Одним из основных центров военного, политического и экономического влияния Англии в Юго-Восточной Азии был Сингапур. Оттуда управлялись Малаккские колонии — наиболее важные (после Индии) английские владения [16, с. 49]. Как писал М.П. Федоров, эти территории «представляют... лучшую жемчужину в императорской короне Великобритании, ибо, обладая громадными природными богатствами, большой береговой линией и прекрасными портами, они в тоже время не причиняют метрополии тех тяжелых забот по управлению, какими дарит ее Индия» [26, с. 52]. В свою очередь один из представителей русских военно-морских кругов, капитан-лейтенант А.Е. Конкевич, писал, что это «еще очень молодая, но уже солидно устроившаяся английская колония. Она по справедливости может считаться и считается драгоценнейшим алмазом британской короны» [14, с. 57].

Столь высокое значение в административном отношении обуславливалась чрезвычайно выгодным географическим положением. Англичане (в отличие от голландцев, раньше них пришедших в этот район земного шара) «предвидели широкое развитие торговых сношений Европы с востоком Азии и стали твердой пятой в таком пункте, который коммерция обойти не может до тех пор, пока будет существовать Малаккский пролив. В этом выборе места и заключается секрет быстрого развития английских колоний вообще и Сингапура в особенности» [14, с. 58]. Кстати, удивительно быстрый рост этого порта отмечался многими. Так, например, путешественник и публицист А.В. Вышеславцев, посетивший Сингапур в конце 1850-х гг., писал, что он сразу же, с момента своего основания, «между всеми портами отдаленного Востока... занял самое выгодное положение» [4, с. 121]. Тогда же и контр-адмирал Д.И. Кузнецов восторженно отмечал: «Давно ли Сингапур существует, и что за город! Англичане — великолепные колонизаторы» [18, с. 133]. Естественно, что он

стал «станцией между Европой и дальним Востоком» [23, с. 90]. Интересное сравнение дал Ф.А. Шевченко: «Как Порт-Саид является неминущей стоянкой для всех судов, идущих из Европы в страны Великого Востока, так и Сингапур неминущем для судов, идущих в Австралию и на Дальний Восток» [28, с. 55].

Иными словами, военные корабли и торговые суда всех наций (включая и российские) идущие на Дальний Восток или возвращавшиеся в Европу не могли миновать этот порт, где они могли пополнить уголь или те или иные припасы [7, с. 97; 8, с. 2; 15, с. 313; 23, с. 90]. К слову сказать, такое русское пароходство, как «Добровольный флот», имело в Сингапуре собственную пристань [28, с. 55].

Однако при всех блестящих качествах, Сингапур имел существенные недостатки. Одним из них была его большая уязвимость для атаки с моря, несмотря на все усилия англичан компенсировать это затратами на его оборону. «Предприимчивое, смелое и сильное неприятельское судно, напав нечаянно с рейда, или высадив десант на северном берегу острова, где укреплений нет», сможет добиться успеха [14, с. 58]. В качестве дополнения к этому утверждению можно привести интересный эпизод. В самом начале 1880-х гг. обстоятельства сложились так, что по ряду причин в Сингапуре одновременно собралось несколько русских крейсеров (кто-то шел из Кронштадта на Дальний Восток, кто-то возвращался в Европу). Это настолько сильно испугало местных жителей (индусов и малайцев), что они, в ожидании бомбардировки, собирались бежать из города. Только после того, как губернатор вызвал из Пенанга местный гарнизон, туземцы успокоились [8, с. 26, 27]. «Не правда ли как это курьезно и характерно... Хороший все-таки урок нечаянно задали мы англичанам; такой случай может нам когда-нибудь послужить на пользу» [8, с. 27].

Еще одним недостатком являлся нездоровый климат (в том числе и нестерпимая жара) этой военно-морской станции [7, с. 98]. Правда, впоследствии, благодаря принятым мерам (в частности, мелиорации), эта проблема была так или иначе решена [5, с. 37].

Перейдем к китайским владениям Великобритании. Одним из наиболее замечательных являлся Гонконг. Краснов характеризовал его как «оригинальный англо-китайский городок, выросший на пустынном, скалистом острове, благодаря позорной торговле опиумом, навязанной англичанами китайцам». При этом «наши моряки и туристы, попадая в Гонг-Конг, обыкновенно приходят в восторг от деятельности сынов туманного Альбиона — и удивляются, как это в короткое время на мертвенной скале они сумели создать цветущий европейский город» [16, с. 313]. На необычно быстрый рост этого английского порта указывал и Вышеславцев, посетивший его через 16 лет после основания: «Вот точно ударом волшебного жезла

выросли из его камней дворцы, готические башни, сады... Выросли магазины, фактории; флаги всевозможных наций развиваются на высоких мачтах». В гавани стоят блокшивы, «инвалидные военные корабли», которые под деревянными навесами кончают свой век, «между тем как новое поколение, фрегаты и клипера, суетятся около них, стучат своими винтами, наполняют воздух черными струями дыма, свистят и действуют» [4, с. 172].

Причина того, что англичане остановили взгляд на этом голом острове, традиционна — географическое положение. «Торговое значение Гонконга громадно; он служит посредником в торговле Европы, Южной Азии, Австралии, Китая, Японии и Соединенных Штатов, и обороты его, не считая товаров, проходящих через его порт транзитом, доходят до 450 миллионов рублей» [26, с. 53]. При всем том Гонконг «такой же узел пароходных сообщений Тихого океана, как Коломбо для Индийского» [15, с. 320]. Учитывая значение и местоположение этого острова, неудивительно, что в его столице Виктории имелся порт с прекрасными доками и сильными укреплениями [26, с. 53]. Однако при всех своих положительных качествах он имел существенный недостаток: «Гонг-Конгский порт превосходит, если бы не тайфуны» [18, с. 134]. С другой стороны, этот порт (как и Шанхай) не пришелся по душе Де-Ливрону: «Оба эти порта показали нам настолько не интересными, что все единодушно желали никогда больше в них не приходить. Скука смертельная и развлечений никаких, если не считать кегель-бана в Шанхае» [6, с. 33].

Подведу итоги. На основе свидетельств современников продемонстрировано, что представляли собой во второй половине XIX — начале XX в. военно-морские станции, расположенные на одной из главных английских коммуникационных линий — наиболее коротком морском пути из Европы на Восток. Их общая черта — то, что при их основании (или захвате у других владельцев) англичане смотрели главным образом на стратегическую выгоду местоположения, а не на какие-нибудь удобства или комфортные условия. Пустынная песчаная коса, голый скалистый утес посередине пролива или тропический остров — все это могло стать местом устройства военно-морской станции для Королевского военно-морского флота, лишь бы эта точка располагалась на существующих (или предполагаемых в будущем) торговых путях и обеспечивала бы контроль над ними. При этом англичан, видимо, не смущало, что иные из опорных пунктов целиком и полностью зависели от внешнего источника снабжения, а другие практически не имели источников воды. Нет собственных ресурсов — будем завозить извне; отсутствует питьевая вода — установим опреснитель. На мой взгляд, такая позиция, учитывая морское могущество Великобритании, вполне справедлива.

В то же время необходимость обеспечивать безопасность колоний была тяжелым бременем для британцев и «в трудности удержания всех этих колоний скрывается ахиллесова пята английского владычества в Азии» [26, с. 61]. Это утверждение также достаточно справедливо: нельзя быть сильным всегда и везде. Однако это означает, что, даже обладая могущественным военно-морским флотом, Британия не смогла бы полностью обеспечить безопасность своих владений в случае открытия против нее боевых действий со стороны других держав (таких, например, как Российская Империя).

Список литературы

1. Варрен [Уоррен] Э. Английская Индия в 1843 году. Сочинение графа Эдварда Варрена, служившего офицером королевско-английской армии в Индии (Мадрасское президентство): в 3 ч. — Ч. 3. — М.: П. Голубков, 1845. — 524 с.
2. Венюков М.И. Иностранцы об Индии // Русская Мысль. — 1900. — № 6. — С. 103—111.
3. Венюков М.И. Современное военно-политическое положение Индии // Военный сборник. — 1873. — № 12. — С. 341—362.
4. Вышеславцев А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. — СПб.: типография Морского министерства, 1862. — 600 с.
5. Гловецкий Р.И. Обзор заграничного плавания крейсера «Азия» с 1879 по 1883 год. — СПб.: типография Морского министерства, 1885. — 152 с.
6. Де-Ливрон А.К. Корвет «Калевала» (Воспоминания старого моряка) // Морской сборник. — 1909. — № 9. — С. 33—64.
7. Де-Ливрон А.К. Корвет «Калевала» (Воспоминания старого моряка) // Морской сборник. — 1909. — № 11. — С. 97—110.
8. Де-Ливрон А.К. Отрывки воспоминаний о плавании на клипере «Стрелок» в 1880—1882 гг. — СПб.: типография Морского министерства, 1913. — 46 с.
9. Египетские дела // Русский Вестник. — 1882. № — 7. Современная летопись. — С. 448—463.
10. Жика [Жаклар Ш.-В.] О том, как баран сделался львом (Политическая и социальная хроника) // Дело. — 1882. — № 9. — С. 23—48.
11. Жирмундский А. Вокруг Азии. Путевые очерки, эскизы, заметки. Япония. Бирма. Индия. Египет. — М.: типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1914. — 154 с.
12. Записка Н.[М]. Баранова по вопросу о строительстве броненосцев для русского флота // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 425. Л.1—17.
13. Кованько А.В. На «Варяге» в Персидском заливе в 1901 году. Из воспоминаний капитана 1-го ранга А.В. Кованько // Морские записки. — Нью-Йорк, 1952. — № 1/2. — С. 53—65.
14. К[онкевич] А.Е. Русский транспорт в кругосветном плавании // Русское судоходство. — 1887. — № 7/8. — С. 54—67.
15. Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия. — СПб.: типография М. Меркушева, 1898. — 660 с.
16. Краснов А.Н. По островам Дальнего Востока. Путевые очерки. — СПб.: редакция «Недели», 1895. — 443 с.

17. Краснов П.Н. Казаки в Абиссинии. — СПб.: типография И. Гольдберга, 1900. — 472 с.
18. Кузнецов Д.И. Первый Амурский отряд // Гангут. — Вып. 53. — СПб., 2009. — С. 126—143.
19. Линден М.В. Условия морского транспорта на Ближнем Востоке // Лисенко В.К. Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров. (Отчет о деятельности, организованной в 1912 году Министерством Торговли и Промышленности экспедиции для изучения рынков Ближнего Востока). — СПб.: типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1913. Приложение 1. — С. 1—50.
20. Мысли об употреблении флота на постоянную деятельную службу, с сохранением всех флотилий на сравнительно меньшие деньги // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 318. Л. 1—22.
21. Остен-Сакен Ф.Р. Заметки о Цейлоне // Известия Императорского Российского Географического общества. — 1866. — № 2. Географические заметки. — С. 41—56.
22. Рада-Бай. Из пещер и дебрей Индостана // Русский вестник. — 1883. — № 1. Приложение. — С. 1—64.
23. Раде Г.И. 23.000 миль на яхте «Тамара». Путешествие Их Императорских Высочеств Великих Князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890—1891 гг. Путевые впечатления: в 2 т. — Т. 1. — СПб.: типография Э. Гоппе, 1892. — 228 с.
24. Раде Г.И. 23.000 миль на яхте «Тамара». Путешествие Их Императорских Высочеств Великих Князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890—1891 гг. Путевые впечатления: в 2 т. — Т. 2. — СПб.: типография Э. Гоппе, 1893. — 211 с.
25. Соллогуб В.А. Новый Египет. Публ[ичный] отчет и путевые впечатления. — СПб.: типография Скарятина, 1871. — 164 с.
26. Федоров М.П. Соперничество торговых интересов на Востоке. — СПб.: электро-типография Н.Я. Стойковой, 1903. — 474 с.
27. Швейнфурт Г.А. Внутри Африки. Три года путешествий и приключений в неисследованных странах Центральной Африки. 1868—1871 // Из-за моря. Сборник путешествий. — СПб.: «Всемирный путешественник», 1876. — С. 289—591.
28. Шевченко Ф.А. Из Одессы во Владивосток морским путем. Путевые очерки Ф.А. Шевченко. — Одесса: типография Акционерного Южнорусского Общества печатного дела, 1900. — 73 с.
29. Экспедиция действительного члена А.В. Григорьева на пароходе «Норденшельд». Из письма А.В. Григорьева к секретарю Общества из Иокогамы // Известия Императорского Российского Географического общества. — 1878. — № 4. Мелкие известия. — С. 302—310.
30. Южаков С.Н. Добровolec «Петербург». Дважды вокруг Азии. Путевые впечатления. — СПб.: типо-литография Б.М. Вольфа, 1894. — 349 с.

Монастырская реформа в Царстве Польском 1864 г.: интеграция или русификация?

Аннотация. В статье рассматриваются два возможных сценария реализации монастырской реформы в Царстве Польском в 1864 г.: русификация и интеграция, личности реформаторов и причины выбора именно первого сценария.

Ключевые слова. Великие реформы; Царство Польское; русификация; монастырская реформа; секуляризация; просвещенная бюрократия

Monastic reform in former Kingdom of Poland (1864): integration or Russification?

Abstract. After the fall of the January Uprising in 1863, the Polish territories became just an imperial province. It caused a dramatic transformation of all the system of religious policy. Monastic reform on these lands was a mixture of two big trends: European secularization and deep transformation in Russian empire known as Great reforms. There were two possible scripts of carrying out the reform: fast Russification and mild integration. The paper is focused on the reformers and reasons due which the first script was realized.

Keywords: Great reforms; secularization; Russification; Kingdom of Poland; monastic reform, Jasna Góra Monastery

В 1864 г. имперские власти приняли решение провести в Царстве Польском масштабную реформу всех «духовных дел римско-католического исповедания». Первые изменения коснулись монастырей, которые по Высочайшему указу от 14 (28) июля 1864 г. считалось «невозможным оставить далее... в том исключительном положении, которое представлялось им доселе по особому снисхождению Правительства, т.к. в большей части римско-католических государств Европы давно уже приняты меры к подчинению иноков общему епархиальному начальству».

Несмотря на то, что Январского восстание открыто поддержало сравнительно небольшое число духовных лиц, в основном проживавших в Варшаве [1, s. 373], монастыри все же рассматривались им-

---

* **Анна Вадимовна Семененко** — аспирант Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, методист отдела новой истории Центрального военно-морского музея Министерства обороны РФ (г. Санкт-Петербург, Россия). e-mail: aleteia@mail.ru

Anna V. Semenenko — Post-graduate student in the Department of the Modern history of Russia, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Methodologist in Scientific and educational Department of the Central Naval Museum (St Petersburg, Russia)

перской администрацией как рассадники антиправительственных идей. Возможно, причиной этого было отсутствие в католичестве «белого духовенства» (то есть все священники одновременно являлись и монахами, приписанными к определенному монастырю). Второй возможной причиной была активная помощь, которую монастыри оказывали участникам еще Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. Как бы там ни было, перемены в монастырской жизни после подавления очередного восстания были неизбежны.

Общее руководство реформой должен был осуществлять Комитет по делам Царства Польского, созданный 25 февраля 1864 г. Возглавил его император Александр II, сам комитет являлся высшим негласным совещательным органом при императоре. В него вошли высшие сановники империи — такие, как председатель Комитета министров П.П. Гагарин (который замещал императора в его отсутствие), статс-секретарь по делам Царства Польского Н.А. Милютин [10, с. 391] и министр внутренних дел П.А. Валуев. Управляющим делами Комитета стал статс-секретарь С.М. Жуковский. Комитет должен был заняться обсуждением и приведением в исполнение масштабных реформ в области гражданского управления, способствующих объединению Царства Польского с империей [14, с. 78]. Гласным он стал после публикации именного указа 1 декабря 1866 г. [6, с. 316]. Таким образом, на протяжении почти двух лет Комитет являлся «несистемным» органом власти, формально не связанным с прочими министерствами и ведомствами, хотя на самом деле он изначально был теснейшим образом в эту систему интегрирован.

Члены Комитета назначались по выбору императора, поэтому в его состав вошли те, кто уже зарекомендовал себя в период Великих реформ. Гагарин, Жуковский и Милютин активно участвовали в работе по подготовке отмены крепостного права. Так, Гагарин состоял в Секретном комитете по крестьянскому вопросу, а позднее — в Главном комитете по крестьянскому делу. Милютин, в свою очередь, находясь с 1859 г. на должности товарища министра внутренних дел, возглавил подготовку крестьянской реформы. Под его руководством в 1863—1864 гг. была составлена работа по статистике, финансам и политическому управлению «Исследования в Царстве Польском». Жуковский с 1863 г. был правителем дел Особого комитета для рассмотрения проектов Милютина «об устройстве крестьян в Царстве Польском». Валуев участвовал в проведении Земской реформы 1864 г.

Работа Комитета сосредоточилась на разработке реформ, проведением их в жизнь на месте, в Варшаве, занимался Учредительный комитет в Царстве Польском, созданный 2 марта 1864 г., который возглавил наместник Ф.Ф. Берг. В состав этого комитета вошло несколько политиков, известных своими славянофильскими взгляда-

ми: Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский (он занимался реализацией крестьянской реформы, был директором правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском), сенатор В.А. Арцимович. Руководивший работой Учредительного комитета граф Милютин ввел в его канцелярию еще одного ревностного славянофила, ученого-слависта А.Ф. Гильфердинга [19, с. 98].

Неминуемый конфликт между «теоретической разработкой» и «практической» реализацией реформ был в законодательном смысле осложнено отсутствием четкого разграничения полномочий между Комитетом по делам Царства Польского и Учредительным комитетом. Однако все члены комитетов в той или иной степени поддерживали идеи русификации и интеграции польских земель, поэтому были вынуждены искать пути продвижения именно своей точки зрения в основном путем вербовки сторонников и поиска влиятельных покровителей.

В этом смысле показательным поведением Милютина. Напряженные отношения с министром внутренних дел не помешали ему конфликтовать и с наместником в Царстве Польском: в своей переписке с князем Черкасским, он крайне неместно отзывается о «любви» к панам Берга, который всеми силами пытается заблокировать «варшавскую» программу реформ [9, с. 27]. Для осуществления реформ в Царство Польское начали командировать русских чиновников, которые, как предполагалось, должны были заменить поляков в том числе на высших административных должностях. Им полагались привилегии, в том числе повышенные оклады и пенсии [5, с.27]. «Кадровая русификация» в первую очередь распространялась на комитеты по крестьянской реформе, но очень быстро захватила и другие ведомства.

Варшавский комитет проработал до 1871 г., после чего «дела по спорам о пределах власти между административными и судебными местами и между сими последними и духовными властями» [7, с. 843] перешли в ведение Петербургского комитета, а после упразднения последнего 29 мая 1881 г. его полномочия перешли в ведение Комитета министров [12, с. 224.].

Возвращаясь к монастырской реформе, необходимо отметить, что в Варшаве в июне 1864 г. была учреждена специальная секретная комиссия о монастырях, возглавляемая князем Черкасским, члены которой частично назначались наместником, а частично — самим императором [2, с. 59]. Закрытию подлежали все монастыри, в которых проживало менее 8 монахов (монахинь) «как лишенные средств к поддержанию порядка», и все, принявшие участие в восстании, — вне зависимости от числа монахов. При этом количество монахов считалось по количеству тех, кому исполнилось не менее 30 лет [13, л. 5]. Отмечу, что это правило устанавливалось для православного (!)

монашества согласно «Духовному регламенту всепресветлейшего, державнейшего государя Петра I, императора и самодержца Всероссийского» 1720 г. Оставшиеся монастыри были разделены на штатные (получавшие содержание от казны) и заштатные. Последние должны были быть закрыты, как только в них окажется менее 8 монахов.

При этом монастырская реформа не была изолированным проектом. Основываясь на списке реформ, участвовавших в ее разработке и реализации, можно утверждать, что она является частью Великих реформ. Это особенно заметно на примере реформы церковного и монастырского землевладения, входившей в комплекс мероприятий по ликвидации крепостного права. Основным источником данных для ее проведения были данные «табельных списков» (spis tabellaryczny), которые составлялись в течение 45 лет, с 1818 по 1863 г., отдельно по каждому монастырю и включали сведения о недвижимом имуществе монастырских землях, доходах и капиталах. Однако даже сами составители сводной описи 1864 г. отмечали, что сведения этих «списков» явно неполны и неточны (поскольку многие монастыри годами не присылали актуальных сведений), особенно при оценке ежегодных доходов и недвижимого имущества [15, л. 1 об—2]. В результате этой реформы все недвижимое имущество и капиталы были переданы в казну, а взамен духовенству и монахам было назначено ежегодное денежное содержание. Кроме всего прочего, эта мера косвенно гарантировала лояльность духовенства властям, поскольку теперь жалование становилось важнейшим (а в некоторых случаях едва ли не единственным) источником доходов этого сословия.

Все монастыри передавались под управление общего епархиального начальства, а подчинение их орденам упразднилось. Так, например, было ликвидировано подчинение всех монастырей католических монашеских орденов на территории Российской империи орденским генералам, находившимся в Риме, а также запрещены любые отношения с ними. При этом епископы отвечали не только за соблюдение монахами духовно-нравственных норм, но и за «способ распоряжения... предоставленными им доходами и имуществом» [17, л. 10 об.]. Таким образом, теперь епископ обладал всей полнотой ответственности за все духовенство своей диоцезии (как за белое (ксендзов), так и за монашествующее). Это вполне соответствовало порядку управления православной церковью, с той лишь разницей, что главной всех католиков по-прежнему оставался Папа.

22 ноября 1866 г. Александр II расторг конкордат, заключенный 3 августа 1847 г., и отозвал российского посланника в Ватикане Н.Д. Киселева, объявив о разрыве отношений со Святым Престолом [21]. Причиной этого послужила жесткая позиция, которую занял Папа Пий IX относительно действий России в Царстве Польском.

В 1864 г. он проводил публичные молебны и процессии в защиту польских повстанцев, а 29 октября 1866 г. в публичном выступлении резко заявил о лишениях, переносимых католической церковью в Польше и России. Обращения же Министерства иностранных дел, в которых содержалась информация о помощи, оказываемой духовенством повстанцам, в курии игнорировались [20, с. 167]. 10 октября 1867 г. был опубликован указ, по которому представители католической Церкви в Российской империи могли общаться «с римским двором» не иначе как при посредничестве Департамента духовных дел иностранных исповеданий и не имели права исполнять ни одну из папских булл, энциклик (окружных посланий местным католическим епископам) и прочих инструкций без разрешения правительства [8, с. 4]. В ответ Папа 27 октября того же года опубликовал энциклику «Levate», в которой прямо обвинил российские имперские власти в попрании канонов и законов католической церкви, а также в узурпации духовной власти Папы путем учреждения 22 мая 1867 г. Римско-католической духовной коллегии, рассматривавшей «прошения, касающиеся вопросов веры и совести» и, в случае одобрения их министром внутренних дел, отсылавшей их в Рим. Коллегия была объявлена Папой нелегитимной и он призвал верных католиков не подчиняться ее решениям и не направлять туда прошения [11]. Таким образом отношения Петербурга и Рима прервались до начала 1880-х гг. Когда в 1872 г. в Рим был направлен русский дипломат П.А. Капнист с целью налаживания отношения со Святым Престолом, Папа предпочел уклониться от определенных ответов [4].

В качестве примера реализации монастырской реформы можно привести Куявско-Калишскую епархию, в которой располагался самый крупный и знаменитый монастырь в российской части Польши — Ченстоховский Ясногорский. Императорским указом от 22 ноября (4 декабря) 1864 г. за епархией было закреплено 12 штатных монастырей [16, л. 7об.] (всего в епархии был 41 монастырь: 37 мужских и 4 женских [15, л.27]), в число которых вошел и Ченстоховский. В монастыре, по данным на 1863 г. было 64 монаха — из них 46 полноправных братьев, 14 ксендзов и 4 брата-послушника [15, л.4]. Теперь по штату в монастыре могли проживать только 24 монаха, на содержание монастыря из казны ежегодно выделялось 3 тыс. руб. серебром [17, л. 92 об.]. При этом отчитываться о «штатных суммах» и о пожертвованиях следовало по особым правилам, утвержденным Комитетом по делам Царства Польского 20 апреля 1874 г. Такое длительное (фактически десятилетнее) движение документа по инстанциям может говорить о том что, завершив реформу монастырского землевладения, государств не было особенно заинтересовано к контроле еще и над этой сферой финансовой жизни обитателей.

После монастырской реформы монастыри не имели единоличного начальства: они одновременно подчинялись визитатору монастырей епархии, местному епископу (в случае Ясногорского монастыря — куявско-калишскому), варшавскому генерал-губернатору, а через него — начальнику Департамента духовных дел иностранных исповеданий и, наконец, в духовном отношении — Римской курии и Папе (контакты с которыми были разрешены только через Департамент духовных дел). Таким образом, монастырь оказывался теснейшим образом включен в систему властных отношений в регионе, и, весьма вероятно, являлся в этой системе одним из ключевых звеньев. На примере обители можно не проследить только эффективность применения различных мер по обеспечению лояльности католических монастырей империи, но и понять механизмы принятия решений, а также выявить столкновение интересов различных ведомств при их выработке.

В целом же, как можно наблюдать на примере «Секретной записки о делах римско-католического исповедания в Царстве Польском», написанной в 1870—1871 гг. заведующим духовными делами иностранных исповеданий в Царстве Польском А.С. Мухановым, многие государственные деятели (в том числе и он сам) считали реформу не доведенной до конца и требующей, в конечном итоге, полного закрытия всех монастырей в польских губерниях — уже не только и, возможно, не столько как центров потенциальных заговоров, но скорее как рассадников лени и всяческих пороков. Особенно сложно было контролировать обители еще и потому, что доступ туда светским чиновникам был фактически закрыт — они не имели полномочий перепроверять информацию, сообщенную визитатором, кроме как в исключительных случаях. Муханов очень сожалел что «тогда казалось необходимым принимать в расчет и такие посторонние обстоятельства, пред коими не считают более нужным останавливаться» [3, л. 58].

Список литературы

1. Banaszak M. Historia Końcioia katolickiego. — Т. III: czasy nowoïtne 1758—1914. — Warszawa, 1991. — 442 s.
2. Вербицкий Д.А. Князь В.А. Черкасский и конфессиональная политика в царстве польском в 1864—1867 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 6, ч. 1. — С. 58—61
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 547. Оп. 1. Д. 169 (Донесения разных лиц из Рима, Вены и Варшавы, записки и протокол совещания об отношениях России с Римской католической церковью и о положении римо-католического вероисповедания в России и Польше).

4. Григулевич И.А. Папство. Век двадцатый. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/ATH/parasy.txt> (дата обращения: 23.05.2017).
5. Гурак А. Привилегии чиновников русского происхождения в администрации Царства Польского после Восстания 1863 г. // Поляки в России: эпохи и судьбы. — Краснодар, 2009. — С. 21—41.
6. Именной указ, объявленный Сенату министром юстиции, «Об учреждении Комитета по делам Царства Польского. 1 декабря 1866 г. (№ 43924) // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 2-е. — Т. 41, ч. 2. — СПб., 1868. — 765 с.
7. Комитет по делам Царства Польского // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. XVa: Коала—Конкордия. — СПб., 1895. — 501 с.
8. Кудрявцев С. История католической церкви в XX веке. — Иркутск, 2004. — 26 с.
9. Максимов А.И. Положение российского реформатора в Царстве Польском в 1864 году // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2016. — Т. 22. — С. 25—28.
10. Морозова Е.Н. П.А. Валувев: пути формирования образа «Министра-бюрократа» // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. — 2016. — Т. 16, вып. 4. — С. 391—398.
11. Папа Пий IX Окружное послание об оскорблениях, наносимых Церкви (Levate). URL: <http://www.unavoce.ru/library/levate.html> (дата обращения: 23.05.2019).
12. Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 3-е. — Т. 1. — СПб., 1885. — 614 с.
13. Рапорт наместнику главного директора внутренних дел № 17 по делу о римско-католических монастырях // AGAD. Ф. 203 (Namiestnik i Głównodowodzący wojskami w Królestwie Polskim; Наместник и главнокомандующий армией в Царстве Польском). Д. 101.
14. Раскин Д.И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917: в 4 т. — Т. 1. — СПб., 2000. — 332 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 628 (Ведомости и справки о количестве римско-католических монастырей и духовных лиц в Царстве Польском в 1863—1864 гг.).
16. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 79 (Законодательные акты, папские грамоты, журналы заседаний комитетов и постановления наместника в Царстве Польском о порядке устройства и управления католической церкви в Царстве Польском).
17. РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 303 (Дело о выработке правил о денежной отчетности Ченстоховского Ясногорского монастыря).
18. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3 (Преобразование порядка управления духовными делами римско-католиков).
19. Сиесс-Кжишковский Ст. Гражданский шрифт для польского языка. Эпизод из истории просвещения в Королевстве Польском // Про книги. — 2007. — № 1. — С. 101—109.
20. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи в Российской империи в последней трети XVIII — начале XX. — СПб., 2007. — 352 с.
21. Штурбабин С. История Церкви: Конкордат 1847 года и открытие Тираспольской епархии // Труды Саратовской православной духовной семинарии. — Вып. 1. — Саратов, 2008. URL: http://old.eparhia-saratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5107&Itemid=323 (дата обращения: 24.03.2019).

Проблема материального обеспечения приходского духовенства 1860-х — начала 1870-х гг. в епархиальной периодической печати (по материалам «Воронежских епархиальных ведомостей»)

Аннотация. В статье рассматривается проблема материального обеспечения православного духовенства 1860-1870-х гг. на материале «Воронежских епархиальных ведомостей». Представители духовенства использовали местные церковные периодические издания для публикации своих мнений и предложений по наиболее волновавшим их вопросам. В ходе церковных реформ Александра II стало очевидным недостаточное материальное обеспечение и условия жизни приходского духовенства.

Ключевые слова: материальное обеспечение православного духовенства; «Воронежские епархиальные ведомости»; церковные реформы Александра II.

The problem of financial support to the parish clergy 1860—1870 in diocesan periodicals (based on publications of «Voronezhskie eparchialnye vedomosti»)

Abstract. The paper deals with the problem of financial support to orthodox clergy 1860-1870 on materials of «Voronezhskie eparchialnye vedomosti». The clergy representatives used local church periodicals to publication his opinions and propositions about the most actual problems. During the church reforms by Alexander II it is became clear lack of financial support and living conditions of clergy.

Keywords: financial support of orthodox clergy; «Voronezhskie eparchialnye vedomosti»; the church reforms by Alexander II.

Вторая половина XIX в. — время трансформации многих аспектов жизни Российской империи. Все сословия пришли в движение: изменялись их социальное положение, набор прав и обязанностей, взгляд на собственное место в структуре общества. Русское православное духовенство, естественно, не могло остаться в стороне от этого процесса, его также коснулись перемены.

Церковная реформа 1860—1870-х гг. в отечественной историографии изучена недостаточно и явно уступает по степени известности

---

* **Дмитрий Владимирович Наумов** — аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия). e-mail: dimasgreat1@gmail.com
Dmitry V. Naumov — Post-graduate student in the Department of Russian history, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

и разработанности другим преобразованиям Александра II. К числу наиболее видных исследователей данного вопроса можно отнести историков С.В. Римского [8] и В.А. Федорова [10]. Также вопрос церковных реформ и материального обеспечения духовенства рассматривался в работах Н.М. Никольского [6], Б.Н. Миронова [5], С.А. Иконникова [2]. При этом духовное сословие не только занимало важное место в системе сословных отношений империи, но и выполняло ряд важных, в том числе государственных функций., а потому представляют значительный интерес. С 1860-х гг. Русская церковь начала публиковать большое количество периодических изданий, призванных транслировать ее позицию в общественное пространство. Особое место среди них занимают местные епархиальные ведомости, выходявшие практически повсеместно. Они были призваны отражать, преимущественно, местную жизнь, однако изменения в жизни духовного сословия не могли быть проигнорированы церковной печатью. Авторы публикаций поднимали актуальные и острые вопросы, предлагали варианты их решения или же стремились запустить процесс обсуждения.

«Воронежские епархиальные ведомости» выходили с 1866 г. Издание, среди прочего, публиковало мнения приходского духовенства, испытывавшего наибольшие трудности. «Сигналы с мест» помогают увидеть объемные и широкие проблемы под более конкретным и узким углом — и понять, как рассматриваемый вопрос виделся автору. Однако епархиальные ведомости только вводятся в научный оборот и представляют собой большое поле для научных исследований. Без привлечения данного источника изучение церковных преобразований как 1860-х — 1870-х гг., так и многих других вопросов, связанных с деятельностью русского православного духовенства будет неполным.

Крестьянская реформа 1861 г. требовала дальнейших преобразований, которые не могли не затронуть духовенство. К этому времени стал очевидным тот факт, что духовенство, в особенности приходское, испытывает множество проблем. Главной из них и наиболее актуальной являлось материальное обеспечение. Духовенство получало материальные блага, по сути, только из двух источников: государственного субсидирования и плат от прихожан за исполнение церковных обрядов. Однако государственное финансирование было недостаточно и не только не могло решить проблему, но даже ее существенно облегчить. Духовенство по уровню своих доходов в первой половине XIX в. уступало офицерству и чиновничеству в 1,5—2 раза [5, с. 104]. Необходимость перемен отмечалась на самом высоком уровне. Обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой в отчете за 1869 г. отмечал, что «теперь более, чем когда-нибудь, заявляет о себе и настоятельно

требует решения вопрос об улучшении материального быта православного духовенства». Без его решения прочие аспекты реформ не могли принести желаемого результата. «Только тогда будут жизненны и плодотворны эти последствия, когда материальная обстановка служения церкви будет соответствовать высокому назначению, к которому призывается священнослужитель как пастырь, учитель и духовный руководитель народа» [9, с. 908].

Тем временем, приходское духовенство, не имея других источников дохода, вынуждено было рассчитывать на деньги, получаемые от прихожан, иначе прокормиться было очень тяжело. Этот доход был отнюдь не гарантированным и был связан с большими унижениями для духовенства [5, с. 104]. Не стоит забывать также, что сами прихожане зачастую не горели желанием расставаться с деньгами в пользу священника, а потому ему приходилось идти на разнообразные уловки и ухищрения: заискивания, заигрывания, закрывание глаз на нарушение правил благочестивой жизни и др. В качестве примера можно привести рассказ священника о том, как приходится добиваться платы за исполнение обряда бракосочетания. «Мужичок всегда придерживается старых обычаев: он твердо знает, что покойный священник, живший лет 20 или 30 назад тому, взял когда-то за свадьбу его или его брата и желает дать и теперь за свадьбу сына своего столько же, сколько с его отца взяли 30 лет тому назад. При таких обстоятельствах, что же остается делать духовенству? Настоятельно требовать противозаконно и при первой жалобе как раз попадешь под суд; это прихожанин уже очень хорошо знает; еще отец его знал, что духовенство должно жить добровольным подаянием, а не требовательным вымогательством». В такой ситуации священнику приходилось проводить едва ли не целый ритуал, который носил название договора на свадьбу. Суть его такова: «По обычаю, заведенному тоже изстари, проситель принес водки, начинает угощать оною; но духовенство при подобных случаях старается поусерднее пригостить просителя, хотя его же добром подвеселить... а потом уже начинает своими убеждениями распаивать доброту сердца мужика». Сначала использовалось расхваливание невесты: ее красоты и дородности, либо же умения работать и содержать в порядке хозяйство. Затем комплименты адресовались уже домашнему хозяйству просителя и ему лично, что «он всегда был самый добрый прихожанин к духовенству». «Наконец, духовенство, вспотевши раз по пяти, истощается в убеждениях и оканчивает эту добровольную сделку согласием с мужичком... Смешно и вместе грустно! Сколько тут нужно вытерпеть? Ведь подобные договоры продолжают иногда часов до трех и более; а что остается делать, без этого не обойдется: мужик приучен к этому изстари и как нарочно старается всегда

как можно менее дать; он с удовольствием готов повенчать своего сына за рубль и без убеждений к прибавке сам он никогда не заплатит прилично, т.е. 5 или 6 рублей» [4, с. 249].

Очевидно, что такое положение дел не только не способствовало повышению авторитета священника в среде прихожан, но наоборот, выставляло его в не самом приглядном свете. Наставник сельской школы И. Алферов сравнивал священника с нищим, вынужденным просить подаяния. Разница, по его мнению, заключалась лишь в том, «что нищий имеет право просить милостыню в другом и третьем селении, а духовный — только в одном своем приходе» [1, с. 343]. В результате священник не имел возможности исполнять свои обязанности надлежащим образом — зависимость от прихожан лишала его возможности морального воздействия на них: «Прихожанин вообще смотрит на духовного как на бесполезного лишнего нахлебника в своем семействе, и, давая ему с неудовольствием коробку хлеба, или другое что, всегда с пренебрежением и гордостью принимает от него низкие поклоны. После этого как может духовный пастырь высказать своему прихожанину какое-либо замечание относительно беспорядочности или порочности его жизни? Это значило бы оскорбить его, а оскорбивши, лишиться насущного пропитания» [1, с. 343]. Материальная зависимость от прихожан зачастую вынуждала духовенство идти вразрез со служебными обязанностями. «Не странно ли, например, видеть, как священник, сегодня в проповеди каравший порок пьянства, на завтра сам является к прихожанам, на дележе леса, с ведром водки» [3, с. 334]. Материальные вопросы легко могли вбить клин между священником и его прихожанами: «Если где мирные отношения между пастырем и пасомыми нарушаются, то почти безошибочно можно сказать, что причиной этому были материальные интересы» [4, с. 333].

При этом крестьяне зачастую имели неверные представления об обязанностях и доходе священника. «Каждый видит, как священник берет с того и с другого за ту потребу и за другую: как тут не подумать, что он выручает тысячи! С другой стороны, проводя параллель между трудом духовенства и своим собственным, чернорабочим (а других примеров для сравнения он не знает), крестьянин находит вознаграждение за первый сравнительно высоким; немудрено, что это сравнение внушает ему порой не совсем выгодный образ мыслей о духовенстве» [4, с. 335]. Одним из возможных выходов из такой ситуации, по мнению священника Д. Кириллова, мог бы стать ежегодный фиксированный сбор со всех прихожан в пользу церковного причта. Подобная практика устранила бы необходимость для священника «просить подаяние» у прихожан за исполнение церковных обрядов. Прихожане бы получили четкое представление о дохо-

дах причта и узнали истинное положение вещей, т.к. «теперь почти все вопят о бедности, отчего нельзя узнать, кто истинно беден, и кто жалуется на несостоятельность, только вторя общественному голосу» [4, с. 336]. Однако возможность осуществления этой меры автор оценивал как «*pia desideria*» — как благие намерения, далекие от воплощения в жизнь.

Материальные затруднения, судя по публикациям «Воронежских епархиальных ведомостей», испытывали не только приходские священники, но и другие представители клира — причетники и псаломщики. Положение последних оказывалось хуже. Причетник, «этот недоученный и не слишком развитый клирик», рассматривал свое место как пожизненное и сразу принимался за устройство быта. «Не имея денег, он женился, брал небольшое приданое, устраивал на него себе домишко и жил с грехом пополам, не претендуя на лучшую обстановку». Псаломщик же имел образование, а значит, «понятие о приличии, об удобствах жизни, — и сознает в себе некоторые духовные потребности, ему нужны, особенно в деревенской глуши, и книга, и какой-либо журнал». При этом он не получал от прихода жилого помещения, а обустроить свой быт по примеру причетника для него не имело смысла, поскольку его положение было временным. Единственным выходом являлся наем жилья — поселиться в крестьянской избе и «начать свою в полном смысле прозябающую жизнь» [7, с. 102]. Близость к крестьянской жизни со всеми ее верованиями и представлениями представляла серьезную опасность с духовной точки зрения: псаломщик мог утратить интерес к нравственно-религиозным обязанностям и потребностям. «В нем необходимо должны отразиться мрачные свойства той среды, которой он будет окружен и с этими-то свойствами он должен будет получить звание пастыря и руководителя христианских душ к вечному спасению!» [7, с. 103]. Такие жизненные перспективы не могли привлечь в духовное сословие не только выходцев из других сословий, но и зачастую отбивали желание к служению у выпускников духовных семинарий.

Юридически потеряв сословную закрытость, на деле духовенство продолжало оставаться наследственным. Представители других сословий, особенно дворянского, в большинстве своем не стремились переходить в него. С другой стороны, дети духовенства стремились выйти из сословия и искать счастья на светском пути. Наиболее способные семинаристы, несмотря на довольно трудные вступительные экзамены, пытались поступить в университет. Одной из главных причин подобного «бегства» можно назвать именно материальную неустроенность жизни приходского духовенства. Дети священника с ранних лет видели всю эту безрадостную картину, а потому тяжело

было рассчитывать на то, что, повзрослев, они захотят избрать себе тот же путь. В результате в духовном звании оставались лишь «самые посредственные воспитанники из духовного звания» [7, с. 103] — малоспособные и малообразованные, не только не способные к духовному служению, но и не желавшие его.

Материальное обеспечение духовенства было далеко не единственной проблемой, волновавшей представителей духовного сословия, однако оно являлось центральной. Неустроенность жизни и быта влияла на качество исполнения священниками своих обязанностей, отношения с прихожанами. С развитием церковной периодической печати духовенство получило возможность открыто обсуждать свои проблемы. Зачастую, авторы ограничивались лишь обозначением и констатацией таковых. Тем не менее, это позволяет выявить наиболее острые вопросы, которые подлежало решить в ходе реформ.

Список литературы

1. Алферов И. Что препятствует полезному влиянию сельского духовенства на нравственность своих прихожан // Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям. — 1869. — № 16. — С. 342—348.
2. Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX — начала XX века. Социокультурная характеристика: дисс. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2015. — 416 с.
3. Кириллов Д., свящ. Наблюдения и заметки священника // Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям. — 1867. — № 11. — С. 330—340.
4. Корыстин И., свящ. О настоящем положении духовенства // Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. — 1871. — № 6. — С. 249—255.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). — Т. 1. — СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин». — 568 с.
6. Никольский Н.М. История русской церкви. — М.: АСТ, 2004. — 604 с.
7. Предложение гласного, священника Молчанова, об улучшении быта православного духовенства, сделанное рязанскому губернскому земскому собранию 16 декабря 1869 г. // Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям. — 1870. — № 6. — С. 101—105.
8. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. — 567 с.
9. Толстой Д. Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1869 г. // Воронежские епархиальные ведомости. Официальная часть. — 1871. — № 21. — С. 894—908.
10. Фёдоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700—1917). — М.: Русская панорама, 2003. — 480 с.

Деятельность православного духовенства на пароходах Добровольного флота в конце XIX в.

Аннотация. Данная статья посвящена малоизвестной странице истории — деятельности священнослужителей на пароходах Добровольного флота. Автором были изучены особенности служения судовых священников: организация богослужений, церковного хора и внебогослужебное взаимодействие с паствой.

Ключевые слова: Добровольный флот; судовой священник; духовенство на флоте; богослужение на корабле; православные священники на пароходах Добровольного флота.

Activities of the Orthodox clergy on vessels of the Dobroflot at the end of the XIXth century

Abstract. This article is devoted to a little-known page of history — the activities of clergy on the vessels of Dobroflot. The author examined the features of the ministry of the navy chaplains: the organization of worship, the church choir and non-service interaction with the flock.

Keywords: navy chaplain; navy clergy; divine service on the ship; orthodox clergy on the vessels of Dobroflot.

С конца XX в. привлекают все больше внимания исследователей вопросы, связанные с деятельностью военного и морского духовенства. Служение священников на пароходах Добровольного флота (далее — ДФ) — одна из самых неизученных тем в данном направлении отечественной историографии. ДФ — судоходное общество, основанное в 1878 г. на добровольные пожертвования. Его суда «в случае войны обязательно поступают по распоряжению правительства на военные надобности в качестве крейсеров; в мирное же время служат целям торговым» [10, с. 24]. В конце XIX в. пароходы ДФ в основном осуществляли регулярные грузопассажирские перевозки на восточном направлении (из Одессы во Владивосток), а в начале XX в. были открыты несколько новых линий [2, с. 20]. К 1898 г. судами ДФ «было перевезено в общем до 200 000 солдат, свыше 73 000 переселенцев и больше 30 000 ссыльных» [2, с. 10].

* **Созонт Сукхдевович Сингх** — студент 2-го курса магистратуры исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, преподаватель истории и обществознания в Гимназии «СВЕТ» (г. Москва, Россия). e-mail: sozont@inbox.ru

Sozont S. Singh — 2-year student of the Master's program at the Faculty of History, St Tikhon's Orthodox University, teacher of history and social studies in Gimnazia "SVET" (Moscow, Russia).

Перевозки заключенных и военнослужащих морским транспортом — сложная логистическая задача, детали которой прорабатываются заранее. Поскольку в Российской империи военнослужащие и ссыльные большей частью были православного вероисповедания, то на пароходы, осуществлявшие их перевозку, назначались священнослужители «для исполнения пастырских обязанностей» [14, л. 125] — совершения богослужений и духовного руководства, окормления вверенной им паствы. Больше всего пароходами ДФ перевозились переселенцы, однако информация о назначении священников специально для их сопровождения отсутствует. На данный момент удалось найти лишь одно упоминание о старом иеромонахе, сопровождавшем переселенцев на пароходе «Хабаровск» [26, с. 435].

На данный момент существует лишь две работы [3; 9], в которых содержатся упоминания о духовенстве на пароходах ДФ. Но авторы не ставили перед собой цель проанализировать его деятельность. Между тем служение священнослужителей на судах ДФ отличалось от деятельности судовых священников на кораблях Российского императорского флота. В данной статье сделана попытка раскрыть его особенности на основе записок судовых священников и других письменных источников.

Во время планирования перевозки заключенных Главное тюремное управление обращалось в Святейший Синод с просьбой назначить на пароход священнослужителя. В случае новобранцев Главный штаб обращался с аналогичной просьбой к протопресвитеру военного и морского духовенства. Пароходы с каторжанами отправлялись из Одессы на о. Сахалин два раза в год: в марте и августе [11, с. 241]. Перевозка партий новобранцев осуществлялась несколько раз в год. Например, в 1898 г. планировалась перевозка 6 887 военнослужащих на шести пароходах [14, л. 13] и на каждый было необходимо назначить священника. Хотя в документах Севастопольского порта упоминается, что на два парохода мог назначаться один священнослужитель [12, л. 31], однако пока не удалось найти информацию о том, как это было организовано.

Безусловно, главная задача священнослужителя на борту — совершение богослужений. К концу XIX в. большинство кораблей военно-морского флота были снабжены судовыми церквями, представлявшими собой разборный иконостас с необходимым имуществом. Поскольку подобные церкви на пароходы не выделялись, священнослужителю было необходимо найти место для проведения служб и согласовать его использование с командным составом, изыскать материалы для создания импровизированного храма. Положение усугублялось тем, что на один и тот же пароход каждый раз мог назначаться новый священник, а ситуация с судовыми помещени-

ями складывалась по-разному. Импровизированный храм на «Саратове» иерей Г. Левитский, бывший судовым священником этого судна в трех рейсах, описал так: «Какого-либо складного иконостаса при пароходе нет; алтарь обыкновенно закрывался от ветра щитами и завешивался флагами. Образа приносились из команды и кают» [4, с. 529]. Будучи назначенным на пароход «Орел», он отметил, что выделенное под богослужение место «не представляло тех удобств, приспособлений и той изолированности, как это было на “Саратове”». Был предоставлен лишь тент для защиты от солнца [5, с. 86]. Важно отметить, что создание временного помещения из подручных материалов (тентов, флагов и т.п.) было обычным явлением на флоте и происходило не только для богослужения, но и для светских мероприятий, например, для приемов, балов или концертов [13, л. 92].

Для подготовки судового храма, как и для самого богослужения, священнослужителю были необходимы помощники. На судах ДФ количество пассажиров (не считая личного состава) могло превышать 1700 человек [4, с. 528]. Это также являлось особенностью деятельности священников — ведь, например, личный состав самых крупных броненосцев не превышал 900 человек. Благодаря этому священнослужителю на пароходе ДФ неизменно удавалось найти помощников для богослужения. Однако уделять должное внимание такому количеству людей было проблематично.

Богослужения совершались с разрешения командира [4, с. 529] в указанное им время и установленные дни: воскресенье, канун и сам день большого церковного праздника [6, с. 428]. Левитский упомянул, что на них «всегда бывали почти все пассажиры, между ними даже католики и лютеране» [4, с. 528], вероятно, потому что богослужение и сопровождавшее его церковное пение в открытом море вызывало у людей особые чувства. Архимандрит Сергей (Страгородский) так описывает службу на палубе парохода «Кострома»: «И вот под непрерывный стук винта среди потемневшего уже моря далеко-далеко понеслось наше пение. Редко случалось молиться так, как в этот раз. Днем слишком светло в море. Невольно себя отделяешь от него. Теперь же, когда море только шумело невидимое, когда только чувствовалась его близость и бесконечность, как-то сливаешься с ним. Точно бы и оно участвует в нашем слабом, замирающем среди волн пении» [15, с. 27].

Организация церковного пения, то есть создание судового хора было важным делом. Левитский, например, отметил, что это оказалось его «первой заботой» при вступлении в должность [6, с. 427]. На кораблях ВМФ существовала традиция петь вечерние и утренние молитвы, а также молитвы перед принятием пищи. Частично эта практика перешла на пароходы ДФ [8, с. 502]. Кроме того, пла-

вание неизменно начиналось с молебна [7, с. 276], пение на котором также было желательным. Священнослужитель мог пригласить церковный певческий коллектив с берега, как сделал, например, иерей А. Ливанский [8, с. 500], бывший судовым священником парохода «Саратов» в 1896 г., но это лишь ненадолго отсрочило бы необходимость создавать собственный хор. В большинстве случаев он подбирался из пассажиров, но, например, на обратном рейсе «Саратова» в 1895 г. состоял из команды и старшего механика [6, с. 435].

Было бы преувеличением считать, что забота о хоре на всех судах всецело лежала на священниках. Нередко на помощь приходили моряки и пассажиры, обладавшие необходимыми знаниями и навыками. Некоторые из них даже становились регентами: на одном из рейсов «Орла» им стал пассажир-фармацевт [5, с. 86], на «Саратове» — пассажир-новобранец [8, с. 502].

Основной и практически единственный вид работы с хором — хоровая репетиция (спевка) — проводилась священником [4, с. 530], а при наличии — регентом. Певчие подбирались в первую очередь из пассажиров. Поскольку хор был мужским, то при перевозке новобранцев подбор проходил легче. Во время перевозки заключенных на «Ярославле» в 1893 г. для пасхального богослужения хор составили «несколько человек арестантов, которые предварительными спевками подготовились к этому» [11, с. 308].

С разрешения командного состава совершались богослужения по требованию (требы): разнообразные молебны, панихиды и т.п., чаще всего связанные с заботой об умерших. Причем это касалось не только скончавшихся за время плавания, но и тех, кто умер в прошлых рейсах, ведь суда этого общества из года в год заходили в одни и те же порты. Смерть на борту была нередка: умирали и моряки, и пассажиры; в источниках отмечены смерти не только взрослых, но и детей. Так, в 1896 г. при плавании «Орла» из Владивостока в Одессу родилось 9 детей и столько же умерло, причем умерли не новорожденные, а дети, принятые на борт еще в пункте отправления [5, с. 91]. Несмотря на традицию хоронить умерших в море, как в ВМФ [1, л. 7 об.], так и на ДФ [5, с. 87], были случаи погребения и на суше. Поскольку плавания были международными, они как правило, делались на христианских кладбищах в иностранных портах. Священники старались служить панихиды либо на судне, в месте, где тело было опущено в воду, либо на суше. Например, иерей Левитский отслужил панихиду по умершему в 1895 г. врачу «Костромы» во время остановки в Сингапуре [5, с. 87, 88].

Внебогослужебное взаимодействие с паствой на пароходах, перевозивших каторжан, заключалось в первую очередь в их ежедневном обходе священнослужителем и чтении с ними молитв: «День арестантов в плавании начинается обыкновенно с 6 часов утра. В это

время отделение заключенных обходит иеромонах и читает утренние молитвы» [11, с. 302]. Вероятно, при обходе каторжане могли задать какие-то вопросы, спросить духовного совета, но прямых указаний на это в источниках пока встретить не удалось. Кроме того, священнослужитель должен был «исправлять требы» заключенных [15, с. 94]. Вечером, между 7 и 8 часами, «по отделениям читаются иеромонахом вечерние молитвы. Этим и заканчивается “арестантский день”» [11, с. 304].

На кораблях ВМФ судовой священник должен был проводить духовные беседы с паствой хотя бы раз в неделю, а желательно и чаще. На пароходах ДФ священнослужители также стремились к их проведению, в первую очередь для пассажиров, однако у них возникали различные проблемы. К примеру, иерей Ливанский, бывший судовым священником «Саратова» в 1896 г., отмечал, что ему не удалось устроить на судне «правильные собеседования» ввиду неудобства «помещений, а также вследствие особых условий морской жизни» [8, с. 503]. У служившего ранее на этом корабле иерея Левитского возникли те же проблемы. Во время рейса 1894 г. беседы для пассажиров организовать не удалось, однако в следующем, несмотря на сложности с помещением, расписанием дня и т.п., они состоялись [6, с. 430]. Сменивший его Ливанский заменял «правильные» духовные беседы частными встречами и чтением брошюр религиозно-нравственного и исторического содержания [8, с. 503]. Причем священнослужитель отметил, что матросы «охотно читали эти брошюры и сами приходили ко мне за “божественной книжкой”. Приятно было видеть, как около какого-нибудь грамотея собиралась кучка человек в пять-десять и с интересом слушали, что он читал им вслух» [8, с. 503].

Чтение было одним из любимых занятий людей, оказывавшихся на борту парохода. Хотя в книге «Добровольный флот», вышедшей в 1915 г., упоминается, что на пароходах имеются читальни [2, с. 24], вероятно, они не могли обеспечить книгами всех пассажиров. Поэтому судовые священники нередко сами организовывали библиотеки. Их основу составляли личные книги священнослужителя [8, с. 503], подобранные [6, с. 430] и купленные за его счет до и во время плавания [4, с. 531]. Нередко единственным человеком, кто мог помочь ему в создании библиотеки, был протопресвитер военного и морского духовенства, поскольку тот лично назначал на корабли и суда клириков и старался принимать посильное участие в их службе [8, с. 503]. К концу рейса священнослужитель раздавал пастве литературу, а неграмотным — иконки. За один рейс могло быть роздано до 1000 экземпляров книг, брошюр и иконок [6, с. 429]. Кроме корабельной паствы, священник мог оставлять книги соотечественни-

кам, находившимся недалеко от мест остановки парохода. Например, иерей Ливанский оставил книги «в госпиталях Адена и Сингапура для русских больных, находившихся на излечении» [8, с. 503].

Обратный рейс из Владивостока в Одессу был «с заходом» в китайский город Ханькоу «за грузом чая» [6, с. 434; 7, с. 279; 11, с. 309]. Как правило, в таких рейсах пассажирами были крестьяне, партии «запасных нижних чинов с семьями, окончивших срок действительной службы», «жены с детьми умерших на Сахалине каторжных» и т. д. [5, с. 90; 11, с. 309]. Поэтому на борту нередко было очень много детей, и служение судового священника превращалась в деятельность приходского «со всеми ее требами и другими молитвословиями». Левитский во время плавания старался уделять много внимания детям: размещал их ближе к себе, беседовал, а перед приходом в Одессу раздал им «крестики и иконы» [5, с. 90].

Служение духовенства на пароходах ДФ сходно с деятельностью судовых священников Российского императорского флота, однако имело свою специфику. Рейс, как правило, длился не более двух месяцев, пассажиры каждый раз были разные, на один и тот же пароход могли назначаться разные священники, которым приходилось заново организовывать хор, находить место для проведения богослужения, отыскивать помощников и выстраивать отношения с моряками и пассажирами. Несмотря на значительное количество паствы, священнослужители стремились не только регулярно совершать богослужения, но и беседовать с людьми, заботиться о досуге верующих, организовывать для них библиотеку, что требовало немало физических и духовных сил. Пароход ДФ оказывался для них настоящим жизненным вызовом.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 77.
2. Добровольный флот. — Б.м.: Типография товарищества «Художественная Печатня», 1915. — 136 с.
3. Копылов С.Н. Повседневная служба священников русского флота в конце XIX — начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2019. — № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-sluzhba-svyaschennikov-russkogo-flota-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 02.08.2019).
4. Левитский Г., свящ. Впечатления и воспоминания священника, сопровождавшего партию новобранцев из Одессы во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Саратов» весной 1894 г. // Вестник военного духовенства. — 1894. — № 17. — С. 528—534.
5. Левитский Г., свящ. Поездка священника во Владивосток в 1896 году на пароходе Д. Ф. «Орел» // Вестник военного духовенства. — 1897. — № 3. — С. 86—91.

6. Левитский Г., свящ. Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д. Ф. «Саратов» весной 1895 // Вестник военного духовенства. — 1896. — № 14. — С. 427—436.
7. Левитский Г., свящ. Поездка священника во Владивосток с новобранцами на пароходе Д.Ф. «Саратов» весной 1899 // Вестник военного духовенства. — 1900. — № 9. — С. 275—281.
8. Ливанский А., свящ. Священник на пароходе Добровольного Флота «Саратов» (Впечатления и заметки) // Вестник военного духовенства. — 1896. — № 16. — С. 500—504.
9. Ливенцев Д.В. Рейсы судов Добровольного флота на Сахалинскую каторгу // Известия ВГПУ. — 2015. — № 3. — С. 90—95.
10. Начало Добровольного флота: Материалы для истории Материалы для истории Русского добровольного флота / Ред. А.Е. Носа [Известия Общества для содействия русскому торговому мореходству. Вып. 40]. — М.: Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1890. — 99 с.
11. Щербак А.В. Перевозка ссыльнокаторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник. — 1893. — № 6. — С. 239—242; № 7. — С. 268—273; № 8. — С. 300—309.
12. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 920. Оп. 7. Д. 133.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1289. Оп. 2. Д. 149.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 4. Д. 1674.
15. Сергей (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. — 382 с.

От Петербургских религиозно-философских собраний к «Вехам»: религиозно-политические взгляды В.А. Тернавцева и С.Н. Булгакова

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению программных текстов — первого выступления В.А. Тернавцева на Петербургских религиозно-философских собраниях, открывшего собрания со стороны интеллигенции (1901), и статьи С.Н. Булгакова из сборника «Вехи» (1909). Отмечается идейная близость этих выступлений. Ставится вопрос о влиянии доклада Тернавцева на статью Булгакова. Автор пытается понять, знал ли Булгаков текст Тернавцева и если знал, то почему открыто не сослался на него.
Ключевые слова: Петербургские религиозно-философские собрания, «Вехи», В.А. Тернавцев, С.Н. Булгаков, Церковь, интеллигенция.

From the Petersburg religious-philosophical meetings to “Vekhi”: religious and political views of V.A. Ternavtsev and S.N. Bulgakov

Abstract. The paper is devoted to the comparison of two program documents. The first one is the report by V.A. Ternavtsev on the Petersburg religious-philosophical meetings (1901). The second one is the article by S.N. Bulgakov in the collected papers “Vekhi” (1909). The similarity of these documents is noted. The question about the Ternavtsev’s report’s influence on the Bulgakov’s article is raised. The author tries to comprehend whether Bulgakov knew the Ternavtsev’s text and if he did, why didn’t refer to it.

Keywords: Petersburg religious-philosophical meetings, “Vekhi”, V.A. Ternavtsev, S.N. Bulgakov, Church, intelligentsia.

В жизни России начала XX в. велика роль различных политических, правовых, социально-экономических, религиозно-философских идей, чье влияние заметно едва ли не на всех уровнях — «больших» и «малых». Исследовательский интерес вызывают возникновение, бытование, попытки воплощения идейных комплексов, пересечения и взаимодействия их составляющих. Рассмотрим один из таких гипотетических контактов. Речь пойдет о схожести проблематик первого выступления В.А. Тернавцева на Петербургских религиозно-философских собраниях (опубликованного в декабре 1902 г., затем в собранских «Записках», из-

---

* **Кирилл Яковлевич Паромов** — соискатель кафедры истории России XIX века — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия). e-mail: kirill.paromov@yandex.ru

Kirill Ya. Paromov — Post-graduate student in the Department of Russian history of the XIX — early XXth century, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

данных в 1906 г.) и знаменитой «веховской» статьи С.Н. Булгакова (рубеж 1908—1909 гг., впервые опубликована в марте 1909 г.).

В центре вниманиях обоих авторов — церковь, интеллигенция, государство, их взаимная разобщенность. Главная проблема видится одинаково. Она — в отношениях Церкви и интеллигенции: сил учителей, но волею исторических судеб противоборствующих и друг друга не понимающих и не принимающих всерьез, однако могущих, в случае чаемого взаимопроникновения, преобразить не только русскую, но и даже мировую действительность (тезис Тернавцева). Настоящее положение обеих неудовлетворительно и для решения «национальных» задач. Интеллигенция испытывает кризис в отсутствие подлинно религиозного стержня, могущего пронизать ее идеалистическое мировосприятие, коренящуюся в нем практическую деятельность. Церковь, не нашедшая возможности объясниться с этим численно растущим и единственным политически активным социокультурным слоем, живет в народной (бытовой) традиции, не умея соответствовать вселенским заветам, хранимым, но не раскрытым ею. В исполнении этой спасительной задачи помощь должна прийти от интеллигенции, попусту растрачивающей драгоценный зазор во внецерковных потоках общественного спасения. Та может идейно вернуться в Церковь, со всей силой интеллигентского воодушевления встревожиться ее проблематикой, которую составляет и забота об общественном благе. Все усилия секулярной (по утрированным западным образцам) общественности в этом направлении терпели неудачу только потому, что коренились не в родной такому исканию церковной почве. Именно в Церкви надо ждать подлинного (т.е. церковного) решения социальных вопросов (и вообще всех вопросов), чего не замечают ни ее служители, ни представители светской общественности — внешне друг другу противоположные, но единые инерцией быта и кастовой косностью [11, с. 5—19].

Те же мысли, но при ином пафосе встречаем у Булгакова: «Пока интеллигенция всю силу своей образованности употребляет на разложение народной веры, ее защита с печальной неизбежностью все больше принимает характер борьбы... против просвещения, раз оно в действительности распространяется только через интеллигенцию, — обскурантизм становится средством защиты религии». Ситуация затягивается, «вырабатываются привычные ходы мысли, исторические ассоциации идей, которые начинают рассматриваться и сторонниками и противниками их как внутренне обязательные и нерасторжимые... Устанавливаются по этому уродливому масштабу фактические группировки людей на лагеря, создается соответствующая психологическая среда, консервативная, деспотическая». Центральная идея «веховской» статьи такова: «Церковная интеллигенция, которая подлинное христианство соединяла бы с просвещенным и ясным пониманием

культурных и исторических задач (чего так часто недостает современным церковным деятелям), если бы таковая народилась, ответила бы насущной исторической и национальной необходимости» [1, с. 71].

Сразу отметим разницу в темпераменте. Тернавцев азартен — «оптимист», увлеченно предвкушает перемену, отсюда такой размах в постановке проблемы. Другое дело, что опыт хорошо выстроенной, убежденной мысли, возникшей, в том числе, в связи с темами Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, довлел у него над исторической конкретикой. «Заметим, что не на все вопросы стоит и нужно отвечать», — обмолвился В.В. Розанов [13, с. 193]. Тернавцев, напротив, именно в полном соответствии «запросов современности», достигших небывалой остроты («внутреннее положение России... представляется... безысходным», полно «неразрешимых противоречий, как в просвещении, так и в государственном устройстве» [11, с. 5]), возможностям Церкви, видел не только выход из местного кризиса, но долгожданный черед «открыть сокровенную в христианстве правду о земле — учение и проповедь о христианском государстве. Религиозное призвание светской власти, общественное во Христе спасение — вот о чем свидетельствовать теперь наступает время» [11, с. 19]. Речь шла уже не о том, что «улучшение социальной жизни несомненно входит в обязанность Церкви и ее членов, создавая также весьма обширную область попечения» [15, с. 80—81]. Или о том, что «более всего бессилие казенной церкви познается в области современных социальных отношений» [3, с. 12]. Подобные заявления могли служить лишь прологом к заветным мыслям «богослова-эрудита, пламенного православного» [6, с. 218]. Велико впечатление, что глубина кризиса даже преувеличивалась им с тем, чтобы уж точно оказаться под стать разрешительной силе Церкви. Только церковное сознание могло вместить означенную «безысходность», церковное действие — преобразить безутешную действительность, что и «совершится “в устроение полноты времен”, как говорит Апостол, дабы все “небесное и земное соединить под главою Христом” (Еф. 1, 10)» [11, с. 19]. «От пророка у него было очень много, когда вдруг зажегся он заветной какой-нибудь мыслью», — вспоминала З.Н. Гиппиус [6, с. 218—219].

Булгаков, вновь и вновь переживая опыт закономерно провалившейся революции, наступившей реакции, — «пессимист» [14, с. 182]. Он видел, что выход из глубокого мировоззренческого, идеологического, поведенческого тупика, в котором оказалась русская общественность, — во встрече названных сил: подлинно исторических, ибо единственно творческих. Но представляя их современный человеческий состав, сомневается в возможности таковой. Характерен упрек, сделанный о. Сергием весной 1923 г. в Константинополе: «Царь взыскал пророка, говорил я себе не раз, и его ли вина, если,

вместо пророка, он встретил хлыста. В этом трагическая вина слабости Церкви, интеллигенции, чиновничества, всей России» [4, с. 96]. Тяжесть ответственности переносилась с политической системы (априори совершенно порочной, как казалось Булгакову накануне и в пору 1905—1906 гг., где-то до II Думы, завершившейся «столыпинской чашкой чая», символом той трансформации, которую могла бы претерпеть эта система, еще недавно представлявшаяся безнадежной) на Церковь, бюрократию и общественность.

Для Тернавцева интеллигенция есть величина положительная по своему потенциалу, для Булгакова — отрицательная в своей реальности. Водоразделом стал опыт 1905—1907 гг. Однако идейная близость авторов такова, что вопрос об использовании Сергеем Николаевичем наработок Валентина Александровича напрашивается сам собой. Пытаясь объяснить отсутствие имени Тернавцева в веховской статье Булгакова, посмотрим, кто же им упомянут. В тексте названо около 30 имен. Все, кроме, пожалуй, бывшего архим. Феодора (Бухарева) и В.А. Кожевникова, символичны — принадлежат «звездам» первой величины. Оно и понятно — программный текст должен быть веским и доступным широкой интеллигентной аудитории. Ссылки даны на самого Булгакова, Достоевского (большинство), В.Г. Белинского (письмо к Гоголю), Т. Карлейля, В.О. Ключевского и Кожевникова. Причем, работа последнего «Христианское подвижничество в его прошлом и настоящем» еще только готовилась к печати. Так Сергей Николаевич делал рекламу старшему товарищу по «новоселовскому» «Кружку ищущих христианского просвещения». Вряд ли он выполнял какой-то «заказ» (хоть М.А. Новоселова [7, с. 384]), пропагандируя автора, родного сообществу «ищущих». Кожевников на всех производил сильное впечатление глубиной интересов и обширностью познаний. «Он знает все и еще кое-что», — говорил про него Булгаков [7, с. 385], смотревший на него «снизу вверх». Показательно, как дорожил он согласием Кожевникова с идеями статьи и его мнением о поднявшейся вокруг «Вех» полемике [12, с. 365; 5, с. 193, 198].

Очевидно, все персонажи «веховской» статьи важны — и для автора, и для читателя в их мировоззренческом становлении (реальном и желаемом). Что же касается Тернавцева, то кто он такой на фоне лиц, помещенных в булгаковский текст? Один из инициаторов РФС, синодальный чиновник (принятый на службу К.П. Победоносцевым) — все это отдает Мережковскими и даже «обскурантизмом». Текст тернавцевского выступления «Русская Церковь перед великою задачей», открывшего собрания со стороны интеллигенции, впервые увидел свет в «Гражданине» (1902. 12 мая). Причем, изданный анонимно, был приписан князем В.П. Мещерским перу И.И. Колышко. Напомню, что разрешение на издание журнала, пу-

бликовавшего материалы собраний, было получено благодаря знакомству Мережковского с Мещерским, ходатайствовавшим перед министрами внутренних дел Д.С. Сипягиным и В.К. Плеве. Последний выказал «положительное отношение» [8, с. 149].

Знал ли об этих частностях Булгаков? В любом случае, положительная отсылка к тернавцевскому докладу ставила «Вехи» в один ряд с петербургскими собраниями. Посвященный интеллигенции сборник оказался бы здесь вторичен. Что могло порадовать круг Мережковских, но никак не «веховцев», желавших сказать новое, пореволюционное слово о старых проблемах русской общественности. На взгляд авторов сборника, один из эпизодов революционного гротеска как раз и стремилось гальванизировать, по возвращении в Россию, «трио» Мережковских-Философова.

Сам Булгаков относился к Тернавцеву с явной симпатией, но несколько свысока. Вероятно, они познакомились в 1904—1905 гг. во время издания в Петербурге обновленного С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым и Г.И. Чулковым «Нового пути», в январе 1905 г. ставшего «Вопросами жизни». Возможно, Валентин Александрович помог Сергею Николаевичу в пору личного религиозно-политического кризиса, связанного с депутатством во II Думе [5, с. 123, 144—146]. Все же, характерным представляется пражский отзыв Булгакова о Тернавцеве: «Его о. Сергей очень любит, но мало ценит в религ. смысле: “я не могу блестящую игру его таланта принять за пророчества” (об его толковании Апокалипсиса)» [10, с. 85]. Тернавцев был близок с М.А. Новоселовым, но и тот воспринимал его не без улыбки. Дневниковая запись А.В. Ельчанинова от 8 апреля 1909 г. передает оценку В.И. Иванова: «Тернавцева он считает малообразованным и неясно мыслящим; даже заподозривает его мистичность» [9, с. 61]. Вячеслав Иванович мог повлиять в этом смысле и на Булгакова.

Любопытно, что имя Тернавцева отсутствует и в нелегальной булгаковской публицистике, современной РФС и о них говорящей. Можно только гадать, что сказал бы Сергей Николаевич в «Письмах из России» (Освобождение. 1902. № 3—6), если бы обратил внимание на «царелобивые» места первого выступления Валентина Александровича. Так, «Иудушкой новейшей формации» назван Мережковский, пустившийся в «Мире искусства» рассуждать «о мистическом характере самодержавия» [3, с. 18], хотя то, что он говорил на эту тему в пору собраний, далеко уступало в «мистическом» и «верноподданническом» отношениях докладу Тернавцева. Допустимо предположить, что ко времени работы над «письмами» тернавцевский текст не был знаком Булгакову, ссылавшемуся на «нововременские» отчеты о собраниях [3, с. 19]. Вполне вероятно, что он, заслоненный другим более актуальным чтением, так и остался ему неизвестен.

Впрочем, критикуя в «Вехах» пореволюционное направление лично ему не близких Мережковских, Сергей Николаевич мог сверяться со стенограммами РФС, изданными в 1906 г. Тем более, что сам Дмитрий Сергеевич настоятельно подчеркивал — генеалогия нового общества идет от РФС самого начала века (темы те же, опыт иной — участники повзрослели, развились общественно и лично). Так, один из самых запоминающихся пассажей «Героизма и подвижничества», направленный против супругов, их деклараций и присных («Подобный христианствующий интеллигент, иногда неспособный по-настоящему удовлетворить средним требованиям от члена “исторической церкви”, всего легче чувствует себя... пророчествующим носителем нового религиозного сознания» [1, с. 61]), мог быть обязан своим появлением уверенности Тернавцева: «“Прихожанами-обывателями” эти люди не станут никогда» [11, с. 17]. Отметим еще, что использованная Мережковским в ходе собранской полемики мысль В.Г. Белинского о глубинном, лишь подернутом пленкой суеверий народном атеизме [11, с. 24] приведена Булгаковым в качестве образчика типично интеллигентского представления о народе и его главной ценности — вере [1, с. 66]. Принимая во внимание общую проблематику доклада и статьи, можно счесть намеренной неочевидную параллель: «Проповедники Русской Церкви... наставлены в вере в большинстве односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знают и еще меньше понимают всю значительность мистической и пророческой стороны христианства... Единственно, что они хранят как истину для земли и о земле, — это самодержавие как некий начаток нового порядка и как бы “новой земли”» [11, с. 7] — «“Освободительное движение” не привело к тем результатам, к которым должно было привести, не внесло примирения, обновления, не привело пока к укреплению государственности (хотя и оставило росток для будущего — Государственную Думу)» [1, с. 28]. Возможно, именно такой спор с Тернавцевым состоялся во время работы над «Героизмом и подвижничеством», причем союзником Валентина Александровича, привезшего на московскую «сцену хилизм с самодержавием, католицизм, римский империализм и многое другое “неудобовразумительное” для малосведущих в области, лежащей “ни здесь, ни там”», выступил Кожевников [5, с. 185].

Необходимо признать «веховскую» осторожность, сугубую направленность «Героизма и подвижничества» против узостей религиозного и политического радикализма в интеллигентском исполнении. Ведь эсхатологизм (обязательно увязывающий мировую судьбу с Россией — «узлом истории»), был присущ Булгакову не в меньшей мере, чем Тернавцеву [11, с. 6; 2, с. 114]. Впрочем, нужно учесть те влияния, что испытывал Булгаков во время работы над «веховским» текстом. Архим. Феодор (Поздеевский) (давний критик идей, высказанных на РФС большинством интеллигенции), Самарин, Ко-

жевников — авторитеты «Кружка ищущих христианского просвещения», при всей своей корректности, одним присутствием навевали «холодок», вынуждали к максимальной обстоятельности, ответственности в постановке и решении вопросов, критичности, в т.ч. и самокритике. Увлекаться было трудно [4, с. 89].

И все же вполне автономное существование двух идейно столь оригинальных и близких текстов программного характера, причем нашумевших (конечно, в разной мере), чьи авторы были связаны многолетней приязнью, невольно вызывает удивление, заставляя думать о «штучности» религиозно-политических манифестаций начала прошлого века.

Список литературы

1. Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. — М.: Издательство «Новости» (АПН), 1990. — С. 27—73.
2. Булгаков С. Русские думы // Русская Мысль. — 1914. — № 12. — С. 108—115.
3. Булгаков С.Н. Письма из России. II. Самодержавие и православие // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. 2 / Подгот. изд. В.В. Сапова. — М.: «Наука», 1997. — С. 7—20.
4. Булгаков С.Н. Пять лет (1917—1922) // Булгаков С.Н.: pro et contra. — Т. 1 / Сост. И.И. Евлампиева. — СПб.: РХГИ, 2003. — С. 84—102.
5. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. / Сост. В.И. Кейдана. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 752 с.
6. Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Книга II / Сост. Е.Я. Курганова. — Тбилиси: «Мерани», 1991. — 384 с.
7. Дурьлин С.Н. В своем углу / Сост. В.Н. Торопова. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 879 с.
8. Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. — Л.: Издательство писателей, 1930. — 302 с.
9. Ельчанинов А.В. Встречи с Вячеславом Ивановым (Из дневника 1909—1910 гг.) // Вестник РХД. — 1984. — № 142. — С. 60—65.
10. Ельчанинов А.В. На педагогическом съезде в Праге (1924 г.) (Из письма к жене) // Вестник РХД. — 1984. — № 142. — С. 82—86.
11. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901—1903 гг.) / Общ. ред. С.М. Половинкина. — М.: Республика, 2005. — 543 с.
12. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» 1902—1909. — СПб.: «Алетейя», 1996. — 375 с.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений. В чадую войны (Статьи и очерки 1916—1918 гг.) / Общ. ред. А.Н. Николюкина. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. — 621 с.
14. Струве П. А.И. Гучков и Д.Н. Шипов // Русская Мысль. — 1912. — № 11. — С. 182—184.
15. Тихомиров Л. Личность, общество и церковь. — М., 1904. — 87 с.

Вопросы материального обеспечения и социального статуса учителей народной земской школы в конце XIX — начале XX в. (на материалах Воронежской губернии)

Аннотация. В статье исследуются проблемы престижности профессии, материальной обеспеченности и социальной защищенности учителей народной школы на примере Воронежской губернии. Анализируются факторы, отталкивающие учителей от профессии, рассматриваются меры по поддержанию педагогов, осуществляемые земскими органами местного самоуправления. Представленные в работе данные позволяют проследить эволюцию системы поддержки народных учителей и составить представление и результативных методов повышения уровня образования учащихся и престижа профессии.

Ключевые слова: учитель; народная школа; земство; учительская семинария; педагогические курсы; Воронежская губерния.

Issues of material support and social status of the zemstvo schools' teachers during late XIX — early XX centuries (Voronezh province)

Abstract. The article analyses the issues of job prestige, material affluence and social security of teachers of public schools illustrated by an example of Voronezh province. It analyzes the factors that push away teachers from their job, it considers the measures are carried out by zemstvo local self-government to support the teachers. The represented data allow us to see the development of support system for public teachers and form a view about the effective methods of improving the level of education of students and job prestige.

Keywords: a teacher; a public school; zemstvo; a teachers' training college; teacher training courses; Voronezh province.

Душой школы, по словам великого педагога К.Д. Ушинского, во все времена был и остается учитель — проводник детей и юношества в мир знаний. Именно качество педагогических кадров определяет успешность развития системы национального образования и самого государства. В настоящее время доказано, что эффективны образовательные системы тех стран, которые сделали ставку на усиление

---

* Елена Михайловна Чигирева — кандидат исторических наук, помощник руководителя Центра русского языка Воронежского государственного университета; преподаватель истории средней школы № 8 (г. Воронеж, Россия). e-mail: Tchigireva89@yandex.ru

Elena M. Chigireva — Candidate of Historical Sciences, Associate director of Russian Language Centre, Voronezh State University; teacher of History in secondary school № 8 (Voronezh, Russia).

педагогического состава, повышение престижности профессии учителя и улучшение его материального обеспечения. Поиск решения проблемы современного кризиса в сфере педагогики приводит к необходимости изучения истории становления народной школы и начала формирования страты профессиональных педагогов не только во всероссийском, но и в региональном масштабе.

По словам выдающегося педагога, «учителя учителей», воронежского земского гласного Н.Ф. Бунакова, основная задача школы в том, чтобы готовить (воспитывать и обучать) людей, ей вверенных, к предстоящей им человеческой жизни, — хоть маленьких и простых людей, вышедших из чернорабочей среды, но все-таки людей в полном смысле слова, хоть, может быть, и к бедной трудовой жизни, которая будет наполнена грубой мускульной работой, но все-таки истинно человеческой жизни [2, с. 5]. Учитель может научить только тому, что знает сам. Воспитатель может развить в детях только те душевные качества, которые носит в себе самом [6, с. 66]. В исследуемое же время (вторая половина XIX — начало XX вв.) педагоги находились в состоянии материальной нужды, зависимости положения, «приниженности». По этим причинам ощущалась нехватка талантливых и интеллектуально развитых педагогов. Отдельные и редкие исключения, конечно, были, но они не влияли на общее состояние дела, «понимая всю горечь своего положения, но устав бороться, махнули на все рукой и предались апатии» [6, с. 72].

Именно поэтому с самых первых дней существования органов местного самоуправления народная школа, по словам самих гласных, была их любимым детищем, которому уделялось всестороннее внимание [10, с. 75]. Так, в Воронежской губернии, на одном из первых собраний земских учреждений, созданных реформой 1864 г., ставился вопрос подготовки педагогических кадров. «Пора нам убедиться, что учителем народной школы не может быть первый встречный грамотей — солдат, дьячок или писарь, — и что школа должна дать ученику нечто большее, нежели один механизм чтения или письма», — говорил гласный П.П. Готов, выражая убежденность, что учителей нужно готовить на педагогических курсах за счет земских средств [8, с. 24]. В первые годы подготовка педагогических кадров осуществлялась на двуклассных курсах, стоивших земству 29 тыс. руб. Для особо успевающих слушателей выделялось 24 стипендии [16, с. 29]. Однако качество учительских кадров оставляло желать лучшего. Нередки были случаи не только профессиональной некомпетентности, но и грубости, рукоприкладства, распущенности. Например, учитель истории и географии из Острогожского народного училища по причине пьянства пропустил за учебный год 248 уроков из 364 [3, л. 5].

Подавляющее большинство сельских школ было одноклассными: их строительство было доступно земству и крестьянским плательщикам. Для подготовки учителей этого типа училищ открылись 4-классные учительские семинарии: к концу 1870-х — началу 1880-х гг. их насчитывалось 52 (разных ведомств, но в основном Министерства народного просвещения). По подсчетам земств, подготовка персонала в таких семинариях обходилась слишком дорого: их содержание могло доходить до 30—35 тыс. в год — столько же, сколько 7- или 8-классного среднего учебного заведения [5, с. 159—160]. В Воронежской губернии первая учительская семинария была открыта в 1875 г. К 1910 г. окончили ее с правами учителей городских и сельских училищ 618 человек, среди них до 70% — крестьян и казаков, из городских сословий — 14,4%, детей дворян и чиновников — 4,7%. Однако педагогическое поприще выбрало из них всего 57% (не считая еще 10%, которые продолжили обучение) [16, с. 73].

Почему же столь многие из выпускников семинарии не решились связать свою жизнь со школой? Ответ необходимо искать, в первую очередь, в стесненных материальных условиях жизни семинариста, а затем народного учителя. В основном ими были выходцы из крестьянской среды, не обладавшие необходимыми средствами для самосодержания. Ютились они на самых окраинных улицах, в дешевых квартирах. В одной небольшой комнате жили по 4—5 человек. Квартира со столом в таком случае обходилась в 10 руб. в месяц. Однако многим приходилось искать жилье на 2—3 руб. и довольствоваться сухоядением [1, с. 19]. 21 октября 1910 г. директор семинарии Ф.С. Дарский даже возбудил вопрос о необходимости принять меры для улучшения питания воспитанников семинарии в виду частых жалоб на недомогание, слабость, головокружение и т.п. Он просил у земского собрания ассигновать на горячие завтраки для воспитанников по 3—4 коп. в день на человека, всего — 700 руб. на весь учебный год [13, с. 763].

Материально-социально-экономическое положение составляло «старый, наболевший вопрос, благоприятного разрешения которого, по-видимому, придется ждать долго» [17, с. 248]. Вот как описывалась жизнь педагога после выпуска: «Молодой учитель выступает на дело со свежими силами, со скромной надеждой принести пользу... Проходит год, другой, пять, десять, по прошествии которых всякий учитель может сказать о себе следующее: мне тяжело. Жизнь в этом темном углу отечества становится невыносимой. Чувствую, что не выдержу, запью. Я не обеспечен в настоящем и перебиваюсь со дня на день, здоровье мое слабеет. Нет у меня никакой надежды на будущее. О семейной жизни не приходится думать — русский народный учитель холостяком должен умереть... Наконец, как бы в награду за все мое терпение и перенесенные страдания, я стою в

общественном мнении ниже всякого, на меня все ноль внимания... Этими или подобными словами обрисует вам свою личность наш народный учитель» [16, с. 82].

Места работы описывались в мрачных красках: «Состоял я народным учителем в Воронежском уезде около 12 лет и имел возможность ознакомиться почти со всеми школами в уезде. Результаты крайне неутешительны: практически все школы уезда представляют собой оципаннные, ободранные, загрязненные, дымные, смрадные, с душливой атмосферой здания, крайнее неряшество, пыль, сырость, в зимнее время угар, а вместе с тем холод... школа является главным передаточным пунктом заразных болезней» [9, с. 142]. Отмечалась неудовлетворительность гигиенических условий, приводившая к ухудшению здоровья. Так, 12 ноября 1896 г. ученики земской школы и крестьяне с. Макашевка проводили в могилу прах своего любимого учителя М.Н. Петрова. Окончив курс Воронежской учительской семинарии, он за 3 года до этого был назначен учителем. «Не жалея молодых сил и здоровья, он всецело отдался своему делу и от чрезмерной работы заболел чахоткой, которая и унесла его в могилу. Не взирая на тяжкую болезнь, Петров только накануне своей смерти, когда уже нельзя было подняться с постели, перестал заниматься с учениками. Вдали от родных, он умер на руках училищного сторожа, который и принял его последний вздох!» [18, с. 12].

Некоторые выпускники умирали в первый же год своей деятельности (Н. Филевский, М. Чехов, С. Тамаровский, Г. Дронов, И. Кириллов и др.), некоторые — из-за эпидемических заболеваний, иногда заражаясь от учеников (например, И. Волоткин — от сыпного тифа). Порой «запивали мертвую чашу» и покидали учительское поприще по причине полной непригодности (Н. Архиппов, Е. Устиновский, И. Алабушев). Становились жертвами бессердечия окружающих: Н.Г. Капустин поступил учителем в сл. Казинку Валуйского уезда, но вскоре сильно заболел. Чтобы избавиться от лишних хлопот, хозяйка квартиры заставила его в зимнюю пору перебраться из дома в холодное и сырое помещение училища. Он еще больше простудился и вскоре умер. Общество крестьян похоронило его за счет мирских сумм, т.к. у умершего не оказалось ни родственников, ни денег [4, л. 37].

Проблема материального обеспечения и низкого социального и правового статуса педагогов была одной из самых болезненных. Неопределенность и произвол — характерные черты положения народного учителя, которые делали профессию малопривлекательной. «Обучение грамоте народ считал далеко не трудной работой, а потому труд учителя ценил дешевле, чем труд всякого простого рабочего» [20, с. 88]. Некоторые крестьяне смотрели на учителя как на лежебоку, получающего жалование ни за что [19, с. 37]. Немецкие публицисты,

посетившие голодающие районы России в конце 1890-х гг., рядом с крестьянскими страданиями увидели постоянно голодающих обездоленных сельских учителей: «Чтоб быть в России народным учителем, надо много идеалистического самопожертвования» [15, с. 171].

Формально народный учитель считался чиновником 14-го класса, но получить действительный чин мог только после 12 лет службы; если он не выслуживал этого срока, то возвращался в то податное сословие, откуда вышел. Отметим, что по действовавшему в XIX в. законодательству учитель начальных народных училищ не получал никакого обеспечения на случай потери им места вследствие болезни и старости. Вследствие отсутствия пенсии и эмеритуры семейство умершего оставалось без средств к существованию. Таким образом, не только сумма оплаты труда, но и его бесперспективность, правовая незащищенность заставляли учителей менять профессию.

Обратимся к вопросу заработных плат учителей народных школ пореформенной эпохи. В 1870 г. Воронежское губернское собрание определило жалование учителям 12 школ жалование в 180 руб. Такой же оклад был положен учителям школ, при которых создавались квартирные помещения [21, с. 485]. Улучшение положения народных учителей наметилось в конце 1890-х гг., когда некоторые уездные земства увеличили содержание учителей из окончивших курс в семинарии до 300 руб. и приняли училища в свое ведение. Дальнейшие улучшения в деле народного образования и в положении народных учителей последовали в 1900-х гг. Была учреждена пенсионная касса народных учителей и учительниц, земства установили периодические прибавки к их содержанию, разработали планы школьного строительства (постройка школьных зданий с квартирами для учителей), первоначальный оклад учителя был доведен до 360 руб. Земства начали практиковать выдачу учителям пособий на воспитание детей, самообразование, увеличили финансирование школьных библиотек.

Взгляд местного общества на учителей постепенно начал меняться: в них стали видеть полезнейших культурных работников. К концу века в начальных школах уездов Воронежской губернии жалование учителей и учительниц колебалось от 200 до 300 руб. [7, с. 51]. Возросли расходы губернского земства на содержание стипендиатов: так, в 1905 г. для 20 учащихся учительской семинарии были выделены 2550 р. Увеличились расходы на уплату взносов в пенсионную кассу народных учителей и учительниц — 35000 р., на устройство общеобразовательных курсов для учителей земских школ — 8000 р. [11, с. 267]. Большое внимание стало уделяться повышению квалификации учителей. Так, в 1909 и 1910 гг. земство ассигновало 8000 р. на командирование 150 учащихся (41 учитель и 108 учительниц) в Москву на общеобразовательные курсы, проводившиеся Обществом воспитательниц и учительниц [12, с. 489].

Как следствие, постепенно росло число лиц, желавших поступить в семинарию. В 1880-х гг. число кандидатов колебалось в пределах 40—50 человек, в 1890-х — 55—70, в 1900-х — свыше 100, в 1910 г. — уже 134 человека [13, с. 318].

На 1 января 1908 г. в губернии насчитывалось 1478 земских школ с 83875 учащимися. На одного преподавателя в среднем приходилось 56,8 учеников, причем из них учителей — 385, учительниц — 918, помощников — 175 [12, с. 439]. Отмечу, что размер жалования по уездам значительно колебался — от 100 (в Бобровском уезде) до 700 руб. (в Воронежском). Среднее жалование составляло 328 руб. По данным переписи 1911 г., мало соответствовавшим действительности, зарплата городских учителей составила 528 руб., учительниц — 447, сельских — соответственно 343 и 340 [15, с. 65]. В результате опроса учителей народных училищ, проведенного земцами в 1910 г., было высказано пожелание относительно размера жалования, необходимого в физическом, материальном и моральном отношении — 360 руб. Помимо этого желательными были названы прибавки через каждые три года по 60 руб. [17, с. 248—249]. Важнейшими условиями достойного обеспечения опрошенные назвали оплату предоставляемого жилья, возмещения расходов на лечение, обучение детей и переезды. Также опрошенные высказались за расширение своих прав с лицами, состоящими на государственной службе [17, с. 254]. Достаточным ли было жалование учителя можно судить на основании статистики цен на основные продукты потребления и товары первой необходимости. Для примера возьмем цены по г. Воронеж 1914 г.: фунт ржаного хлеба — 2,5 коп., мясо говядины — 20 коп., сало — 20 коп., масло коровье — 40 коп., яйца — 16 коп., чай — 200 коп., молоко — 20 коп., картофель — 35 коп., рис — 14 коп., дрова — 18 коп. за пуд, керосин — 4,5 коп., сахар — 15 коп., и пр. [14, с. 198].

Таким образом, к началу XX в. отмечалось повышение статуса учителей народной школы, земские органы постепенно увеличивали финансирование школ, заботилось о материальной обеспеченности учителей и повышении их культурного и профессионального уровня, росли престижность педагогического образования и уважение населения. Однако сохранялась и проблема материальной стесненности и социальной незащищенности учителей народных школ.

Список литературы

1. Антонов М. Про тяжелую долю учителя. Старый вопрос // Дон. — 1899. — № 66. — С. 14—29.
2. Бунаков Н.Ф. Школьное дело. Учебный материал, проработанный на учительских съездах и курсах за тридцать лет (1872—1902 г.). — СПб.: Издание М.М. Гутзаца, 1906. — 230 с.

3. Государственный архив Воронежской области (ГА ВО). Ф. И-64. Оп. 1. Д. 221.
4. ГА ВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 41.
5. Гартвиг А.Ф. Подготовка учителей и учительниц для начальных училищ // Доклады Первого Общеземского Съезда по народному образованию 1911 года. — Т. 2. — М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1911. — 604 с.
6. Еще о положении учителей средней школы // Вестник воспитания. — М., 1900. — № 5. — С. 73—92.
7. Журнал Богучарского уездного земского собрания очередного созыва с 7 по 13 октября и чрезвычайного созыва 23 ноября 1897 года. — Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1897. — 344 с.
8. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1866 год. Издание Воронежского губернского земства. — Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1867. — 773 с.
9. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1898 год. Издание Воронежского губернского земства. — Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1899. — 948 с.
10. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1899 год. Издание Воронежского губернского земства. — Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1900. — 998 с.
11. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1905 год. Издание Воронежского губернского земства. — Воронеж: Типография товарищества «Н. Кравцов и Ко», 1906. — 586 с.
12. Журналы Воронежского губернского дворянского собрания очередной сессии 1908 года. Издание Воронежского губернского земства. — Воронеж: Типография товарищества «Н. Кравцов и К^о», 1909. — 996 с.
13. Журналы Воронежского губернского дворянского очередной сессии 1910 года. Издание Воронежского губернского земства. — Воронеж: Типография товарищества «Н. Кравцов и К^о», 1911. — 1254 с.
14. Журналы Воронежского губернского дворянского очередной сессии 1917 года. Издание Воронежского губернского земства. — Воронеж: Типография товарищества «Н. Кравцов и К^о», 1917. — 983 с.
15. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. — М.: Мысль, 1981. — 285 с.
16. Литвинов В. Воронежская учительская семинария (1875—1910) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 год. Издание Воронежского губернского статистического комитета. — Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1911. — С. 21—97.
17. О положении учащихся начальных народных училищ. Доклад Грязовецкой Уездной земской управы Вологодской губернии // Доклады Первого Общеземского Съезда по народному образованию 1911 года. — Т. 2. — М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1911. — С. 256—294.
18. Памяти М.Н. Петрова. Макашевка Новохоперского уезда // Воронежский телеграф. — 1897. — № 6.
19. По поводу школьной жизни // Дон. — 1890. — № 137. — С. 34—41.
20. Съезд в г. Новгороде учителей народных школ // Русская школа. — 1883. — № 10. — С. 80—97.
21. Щербина Ф.А. Воронежское земство. 1865—1889 гг. Историко-статистический обзор. — Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1891. — 795 с.

Еврейская пресса в Российской империи в XIX — начале XX в. и ее место в системе русской печати

Аннотация. В статье рассмотрена структура дореволюционной еврейской печати, состоявшей из трех языковых подгрупп: на идише, на иврите и на русском языке. Между этими подгруппами наблюдалось внутреннее единство, проявлявшееся в общности авторско-редакторского коллективов, общей тематике публикаций, перекрестных ссылках и взаимной рекламе. Аналогичные связи можно заметить между еврейской и общерусской печатью. Это свидетельствует о том, что еврейская печать была интегрированной частью русской прессы.

Ключевые слова: исторические источники; система печати; еврейская пресса; периодическая печать; идиш; иврит; еврейский вопрос.

Jewish press in the Russian Empire in the XIX—XX centuries and its place in the Russian press system

Abstract. The structure of the pre-revolutionary Jewish press, consisted of three clusters in Yiddish, Hebrew, and also Russian, is considered in the article. We can see the internal unity between these three clusters. There was an internal unity between them, expressed in common authors' and editors' teams, general subject of publications, cross references and reciprocal advertisements. Similar contacts can be seen between the Jewish and All-Russian press. This suggests that the Jewish press was an integrated part of the Russian press.

Keywords: historical sources; press system; Jewish press; periodicals; Yiddish; Hebrew; the Jewish question.

В ходе систематизации еврейских периодических изданий за XIX—XX вв. нами выявлено более 520 наименований, среди которых около 160 — на русском языке, более 260 — на идише и около 100 — на иврите. Исследователи еврейской периодики определяют группы изданий по языковой принадлежности. Так поступил У.Г. Иваск, выделяя в своей незаконченной библиографии печать на иврите, идише и русском, а также некоторое количество изданий на польском языке [7, с. XIV, 4]. Д.А. Эльяшевич посвятил отдельные главы своей монографии разным языковым подгруппам [28]. Зачастую исследо-

* **Илья Викторович Печенин** — кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела комплектования Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва, Россия). e-mail: pechenin81@mail.ru

Ilya V. Pechenin — Candidate of Historical Sciences, Chief librarian in the Acquisition Department, State Historical Public Library (Moscow, Russia).

вание посвящено лишь одной из подгрупп печати, что дало повод Дж. Клиеру заметить, что русско-еврейская пресса изучается гораздо больше, нежели подгруппы печати на иврите и на идише [12, с. 58]. Данная статья будет посвящена анализу еврейской прессы как составной части общерусской печати.

С целью терминологического разграничения мы будем пользоваться понятием «общерусская печать», понимая под ним совокупность всех периодических изданий, не являвшихся национальными органами печати отдельных народов Российской империи. В качестве характерных примеров общерусских изданий можно назвать «Современник», «Русское слово», «Голос», «Нива» и т.п. При выделении русско-еврейской печати нужно осознавать ее отличие от общерусской прессы, учитывать характерные признаки. Царские цензоры опрометчиво относили несколько общерусских изданий («Биржевые ведомости», «Жупел», «Новости», «Вестник права», «Новости дня») к разряду русско-еврейских, основываясь на том, что их «редакторами или издателями... состоят евреи» [28, с. 404]. Выделение русско-еврейской прессы — важная методологическая проблема, в основе которой лежит понимание процессов аккумуляции российского еврейства, в результате чего сформировалась особая русско-еврейская культура [11; 13; 17].

Языковые группы еврейской прессы делились на подгруппы иного характера. Это детские, юношеские, спортивные и прочие «отраслевые» издания. Как отмечают источниковеды, «процесс возникновения новых групп и разновидностей внутри вида отражает более общую тенденцию дифференциации источников, рост их качественного многообразия» [3, с. 8].

В этом отношении русско-еврейская печать выделялась как наиболее развитая по сравнению с периодикой на еврейских языках. Она характеризуется большим разнообразием. Среди узкоспециализированных изданий можно выделить «Вестник еврейского просвещения» (1913—1916 гг.), «Еврейский медицинский голос» (1908—1911 гг.). Несколько изданий были нацелены на студенческую аудиторию. Выходило три журнала под названием «Еврейский студент»: в 1909 г., в 1913—1914 гг. в Берлине и в 1915—1916 гг. в Петербурге. Журнал «Еврейское студенчество» выходил в Петербурге в 1914 г.

В то же время и печать на идише, стремительно развиваясь, отличалась не меньшим разнообразием изданий и наличием узкоспециализированной периодики. Появлялись первые издания, адресованные женской аудитории. В Вильне в 1906 г. вышел один номер журнала «Ди моде» («Мода»). В Варшаве в 1914 г. предпринята попытка издания журнала «Фроен вельт» [«Дамский мир»].

Непродолжительными оказались лодзинские издания «Эрште идише шах-цайтунг» («Первая еврейская шахматная газета») и «Эрште идише спорт-цайтунг» («Первая еврейская спортивная газета»). Редакторы первой Г. Салва и М. Кришен и редактор второй А. Моргенштерн специально подчеркивали, что их издания являлись первыми органами еврейской печати такого рода. Но это было новое явление и для всей прессы Российской империи. Например, первая специализированная шахматная газета на русском языке появилась лишь спустя 22 года. Наличие подобных изданий свидетельствует о высокой степени развитости системы еврейской периодической печати, ее ориентации на разные слои населения.

Остановимся на детских и юношеских изданиях. Педагог А.М. Конштам рассмотрел два журнала: «Колосья» и «Грининке беймелех» («Зелененькие деревца», идиш) [14]. Последний журнал был назван по строчке из стихотворения Х.-Н. Бялика о еврейских детях, размещенного на обложке журнала. В начале XX в. выходило несколько русско-еврейских детских изданий: «Юный Израиль» (1909—1912), «Цветник Иудеи» (1912—1913), «Колосья» (1913—1918). Можно говорить о формировании подгрупп еврейской прессы, ориентированных на определенные возрастные сегменты аудитории.

Наряду с дифференциацией еврейской печати следует отметить, что для нее была характерна и определенная общность, проявляющаяся в нескольких аспектах: сходство авторско-редакторских коллективов разных изданий; единая тематика; ссылки одних изданий на другие; публикация объявлений о подписке в одних изданиях на другие; семантическое единство наименований.

Общность авторско-редакторских коллективов выражалась в том, что одни и те же журналисты сотрудничали и в русско-еврейских изданиях, и в прессе на еврейских языках. Языковой преграды в таких случаях не существовало. Поэт С.Г. Фруг публиковался в газете «Фрайнд» (1903—1913) на идише, а также в русскоязычных изданиях: «Восход» (1881—1906), «Будущность» (1899—1904) и др. С. Ан-ский* писал статьи в журналах «Еврейская старина» (1909—1930), «Еврейский мир» (1909—1911) на русском языке, в то же время его стихотворение на идише «Ди швуе» («Клятва») стало гимном Бунда. Сионистский деятель М.М. Усышкин писал в русскоязычных изданиях «Будущность» (1899—1904 гг.), «Еврейская жизнь» (1904—1907 гг.), «Еврейская мысль» (1906—1907 гг.), а также на иврите в «Гашилоах» («Послание») (1896—1910 гг.) и «Гаолам» («Мир») (1908—1914 гг.). М. Мойхер-Сфорим** одним из первых стал публи-

* Псевдоним Шлоймэ-Занвля (Соломона) Раппопорта (1863—1920).

** Псевдоним Шолома-Янкева Абрамовича (1836—1917).

ковать художественные произведения в периодике на идише. До 1864 г. он был идейным приверженцем иврита и ему оказалось не просто решиться разместить свою рукопись на идише «Дос кляйне менчеле» («Маленький человечек») на страницах «жаргонного» журнала «Коль-Мевассер» [1, с. 150]. Художественно-публицистические произведения отдельных авторов, в том числе и в переводах, появлялись на страницах изданий разных языковых подгрупп. Например, рассказы Ш. Аша, Шолом-Алейхема* и других публиковались как в оригинале в прессе на идише, так и в переводах в русско-еврейской периодике [8; 27]. В статье «Печальный юмор. К приезду Шолом-Алейхема в Россию» в русскоязычном журнале «Еврейское студенчество» приведены стихи поэта на идише [24, с. 9].

Среди редакторов еврейских газет и журналов также фигурируют одни и те же лица. После того, как один печатный орган закрывался, его издатель основывал другой. Например, Ш.-Я. Яцкан (1875—1936) в качестве редактора и издателя причастен к выпуску многочисленных газет и журналов на идише: «Ди бин» («Пчела») (1906), «Идишес вохнблат» («Еврейская еженедельная газета») (1906—1914), «Идишес тагеблат» («Еврейская ежедневная газета») (1906—1911), «Идишес фольксблат» («Еврейский народный листок») (1906—1911), «Унзер лебен» («Наша жизнь») (1906—1917), «Гайнт» («Сегодня») (1908—1939), «Дер идишер гайз-доктор» («Еврейский домашний врач») (1912—1914). Еврейский поэт, публицист и писатель А. Рейзен (1876—1953) редактировал журналы и сборники-альманахи на идише «Прогрес» («Прогресс») (1904), «Дос идише ворт» («Еврейское слово») (1905), «Кунст ун лебен» («Искусство и жизнь») (1908—1909), «Фрайе тег» («Свободные дни») (1910) и литературный отдел журнала «Эйропеише литератур» («Европейская литература») (1910), а его произведения публиковались в альманахе «Файерлах» («Огоньки») (1910).

Как правило, редакторы ограничивались лишь одной языковой подгруппой еврейской прессы. А.Е. Ландау, например, был издателем и редактором русскоязычных журналов «Еврейская библиотека» (1871—1880, 1901—1903), «Восход» (1881—1906) и газеты-приложения к нему под названием «Недельная хроника Восхода» (1882—1897). Лишь изредка они заведовали изданиями на разных языках. Например, А. Цедербаум (1816—1893) являлся основателем первых газет на иврите «Гамелиц» («Заступник») (1860—1904) и на идише «Коль Мевасер» («Голос возвещающий», иврит) (1862—1873). Также он выпускал газету на идише «Идишес фольксблат» («Еврейский народный листок») (1881—1890). Историк С.М. Дубнов был редактором журна-

* Псевдоним Соломона Наумовича (Шолома Нохумовича) Рабиновича (1859—1916).

ла на русском языке «Еврейский мир» (1909—1911), его продолжения на идише «Ди идише велт» («Еврейский мир») (1912—1913), а также русскоязычного журнала «Еврейская старина» (1909—1930). Хотя подобных примеров не так уж много, тем не менее можно говорить об определенной общности не только авторского, но и редакторского коллективов всех трех подгрупп еврейской прессы.

Взаимосвязи еврейской прессы обусловила тематика публикаций. Их внимание было сосредоточено почти исключительно на еврейском вопросе в самых разных его проявлениях — начиная от наиболее общих проблем дальнейшего развития еврейского общества (модернизации, аккультурации) и кончая злободневными вопросами отмены черты оседлости, кровавого навета, службы в царской армии и т.п.

Общность системы еврейской периодики проявлялась в многочисленных ссылках одних изданий на другие, чему не мешали идеологические и языковые расхождения. Обычно издания одной политической направленности ссылались друг на друга, хотя это не исключало возможности ссылок на политических оппонентов. Так, бундовское «Наше слово» цитировало сионистскую «Хронику еврейской жизни» [4, с. 10], рассматривая вопрос о классовых и национальных интересах еврейских масс.

Издания различных языковых подгрупп также ссылались друг на друга и писали друг о друге. К примеру, Я. Каценельсон в напечатанной в июне 1900 г. библиографии с большим вниманием разбирал многие издания на иврите: «Гашахар» («Утренняя заря»), «Габокер-Ор» («Утренний свет»), «Гашилоах» («Послание»), «Гаасиф» («Жатва»), «Сефер га-шана» («Годовая книга») [10]. Он отмечал: «Гаасиф» пользовался в публике весьма хорошей репутацией и являл собой пример интересного и серьезного литературного еврейского периодического издания, послужившего образцом и для некоторых других, вышедших впоследствии сборников на еврейском языке» [10, с. 122]. В начале 1906 г. Н.А. Переферкович приветствовал появление очередного номера «Гашилоах» («Послание», иврит) [23, с. 162]. Различные издания цитировали друг друга. Журнал «Еврейский мир» ссылался на статью в «Дос найе лебен» («Новая жизнь», идиш) [22, с. 170]. В русскоязычном журнале «Кадима» («Вперед», иврит) приводилась цитата из статьи Б. Бруцкуса о социально-экономических отношениях в еврейском обществе, опубликованной в «Книжках Восхода», причем на той же странице читателям дан совет ознакомиться также со статьей на эту тему в «Еврейской жизни» [26, с. 3]. В журнале «Еврейское студенчество» при обсуждении вопросов школьного образования цитируется издание на идише «Ди Цайт» («Время») [15, с. 25]. В русскоязычных изданиях встречаются цитаты

на иврите и на идише, что придавало русско-еврейской печати национальную специфику.

О тесной связи между еврейскими изданиями красноречиво свидетельствует постоянный раздел «Отзывы о книгах», публиковавшийся на страницах «Вестника еврейского просвещения», начиная с № 29 за 1914 г. Среди рецензируемых изданий фигурируют: «Вестник еврейского просвещения», «Еврейская старина», «Еврейское студенчество», «Новый Восход», «Рассвет», «Газман» («Время», иврит), «Гаолам» («Мир», иврит), «Гацефира» («Рассвет», иврит), «Ди идише вельт» («Еврейский мир», идиш), «Дос лебен» («Жизнь», идиш), «Ди цукунфт» («Будущее», идиш) и др. [21; 25] Назван широкий круг изданий, выходивших на разных языках и составлявший ядро еврейской прессы того времени.

Свидетельством определенной общности еврейской прессы является публикация во всех еврейских органах печати объявлений о подписке на другие издания. Здесь также не существовало языковой преграды: в русскоязычных журналах можно встретить набранные на еврейских языках объявления о подписке на издания, выходившие на идише или иврите. Соответственно, в журналах на иврите публиковались набранные по-русски объявления на русскоязычные издания и объявления о «жаргонных» изданиях, набранные на идише. Существовала практика предварительной публикации содержания первого номера, например, в журнале «Гамоин» («Масса») размещено подробное объявление о подписке на журнал «Гашахар» («Утренняя заря») [20, с. 83].

Обычно издания одного идеологического направления предпочитали публиковать объявления о подписке на издания того же направления. К примеру, в «Еврейской рабочей хронике» публиковались объявления о подписке на журнал «Молот». Оба русскоязычные издания были органами Поалей-Цион. В издававшемся в Москве Д.Ш. Кумановым журнале «Война и евреи» (1914—1915) помещено объявление о подписке на его же журнал «Русский еврей». В газете «Ди идише фолк» («Еврейский народ») дано объявление о подписке на русскоязычные издания «Еврейская жизнь» и «Хроника еврейской жизни». Все три они были сионистскими, у них был один редактор — А. Идельсон (1865—1921). Примечательно, что подписка на «Еврейскую жизнь» стоила 4 руб., на «Хронику еврейской жизни» — 6 руб., на оба издания со скидкой — 9 руб.

Наименования еврейских изданий говорят о едином семантическом поле. Национальный характер подчеркивался в заголовке: «Еврейская жизнь», «Еврейская мысль», «Еврейский календарь», «Кнесет-Израэль», «Ди идише вельт», «Идише библиотек», также мог отмечаться в подзаголовках («Орган русских евреев») или лозун-

ге «Самобытность и земля для еврейского народа», характерном для сионистских изданий.

Национальная принадлежность подчас выражалась через особые названия, апеллирующие к национальным и религиозным чувствам евреев, к библейской истории. Речь идет о таких изданиях, как «Га-Кармель», «Сион» «Пардес» («Рай»), «Га-Ярден» («Иордан»), «Питом верамсес» («Питом и Рамсес»*), «Маце шмуре» («Сохраненная маца»**), «Шфойх гамасеха» («Излей гнев твой», Псалом 68:24)***. Однако все же такие названия встречаются нечасто и представляют собой скорее экзотику. Иудейские коннотации еврейской прессы объясняются тем, что их читатели зачастую были набожными иудеями, да и лексикон подчас ограничивался словами иудейского богослужения. Встречаются такие названия русско-еврейских органов — «Молодая Иудея», «Цветник Иудеи», «Юный Израиль» и т.п. Таким образом, обращение к национальным и религиозным чувствам с помощью ярких, броских названий органов прессы характерно для всех трех подгрупп еврейской периодики.

Имели место случаи, когда издание выходило на одном языке, а название было на другом. Так, в Чите в 1917 г. выходил на русском языке сионистский орган «Даркэйну» («Наш путь», иврит). Еженедельное русскоязычное сионистское издание, выпускавшееся в 1913—1914 гг. в Одессе, называлось «Кадима» («Вперед», иврит). В 1903 г. в Петербурге выходил журнал на идише «Газман» («Время», иврит). Два издания на идише (в 1862—1873 гг. и в 1892 г.) назывались «Коль Мевассер» («Голос возвещающий», иврит). Такого рода «языковое замещение» несет в себе особый культурно-идеологический подтекст и говорит об общности еврейской прессы.

Существовала преемственность наименований периодических органов. Выходило несколько изданий под заголовком «Рассвет». Довольно популярными были названия «Восход», «Сион», «Еврейский мир», «Молодая Иудея» и др. Издатели новых органов присваивали старые наименования, уже известные читающей публике, неслие мощный культурно-идеологический заряд и служившие своеобразным пиаром. Дубнов вспоминал, что в 1912—1913 гг. его партия «Фольспартей» стала выпускать печатный орган «Ди идише вельг» вместо прекратившего издаваться русскоязычного «Еврейского мира». То есть был сделан просто перевод заглавия на идиш [6, с. 322].

* Древние города в Египте, согласно библейской книге Исход, построенные евреями во время египетского плена.

** Особый обычай оберегать собранный урожай пшеницы от малейшего контакта с водой, чтобы избежать брожения. Маца, приготовленная из такой пшеницы, подавалась на пасхальную трапезу.

*** Молитва из пасхального седера. Данное издание выходило на Пасху.

По аналогии связей между отдельными подгруппами еврейской печати, наблюдаются перманентные связи еврейской прессы с общерусской периодикой. Они проявляются, в частности, в общности авторских коллективов. Зачастую русско-еврейские интеллигенты сотрудничали и в общерусских изданиях. Так, А.Г. Горнфельд был критиком в «Русском богатстве» и одновременно литературным обозревателем в органах русско-еврейской печати [16, с. 159]. Как правило, тот или иной еврейский поэт, писатель или публицист начинал свою профессиональную деятельность в общерусских изданиях, а затем переходил в русско-еврейские.

Еще один важный показатель общности — объявления о подписке в еврейских изданиях на общероссийские и наоборот, в общероссийских изданиях на еврейские, что встречалось довольно часто. В «Восходе» в 1885 г. печаталась реклама о подписке на журналы «Изящная литература», «Художественный журнал», «Нива» [18], в 1897 г. — на «Таганрогский вестник», «С.—Петербургские ведомости», «Екатеринославские губернские ведомости», «Петербургскую жизнь» и другие общерусские издания [19]. Подобные объявления на русском языке можно увидеть даже в изданиях на идише и иврите (как правило, на последних страницах). Редакции еврейских органов стремились предоставить своим подписчикам информацию об общерусских изданиях, познакомить их с произведениями известных писателей.

Наиболее наглядно общность еврейской и общерусской печати проявлялась в текстах: цитатах, ссылках одних изданий на другие, причем как еврейские издания заимствовали тексты из общерусских, так и наоборот, российские издания ссылались и цитировали еврейские. Например, газета «Арбайтер Цайтунг» («Рабочая жизнь», идиш) представляла собой переработанный перевод народовольческой газеты «Рабочая жизнь», выходившей под редакцией А.И. Желябова. Р.М. Кантор приводит тексты передовиц и других текстов обеих газет, совпадающие почти дословно [9]. Еврейская партийная печать была известна левым политическим партиям и связана с партийной прессой. Так, в статье Бурцева «За террор» в сборнике «Народоволец» (№ 4 за 1903 г.) цитировалась статья из официального органа Бунда «Арбайтер-штиме» («Голос рабочих», идиш) [2, с. 89, 289].

Наименования дореволюционных периодических изданий были достаточно однотипными. По замечанию А.Г. Голикова, «в десятках названий встречаем: “почта”, “новости”, “курьер”, “телеграф”, “обозрение”, “дневник”, “слово”, “голос”, “молва”, “речь”, “мысль”, “правда”, “эхо”, “отклики”, “заря”, “утро”, “день”, “минута”, “жизнь”, “время”, “земля”, “край» [5, с. 297]. Подобные типичные названия были характерны и для русско-еврейской прессы:

«Еврейская хроника», «Еврейская жизнь», «Последние известия», «Еврейское слово». Аналогичные названия были также характерны для прессы на идише и на иврите, с переводом на эти языки: «Газман» («Время», иврит), «Га-Цофе» («Наблюдатель», иврит), «Ди цайт» («Время, идиш), «Дер Момент» («Момент», идиш), «Найес» («Известия», идиш), «Идише ворт» («Еврейское слово», идиш) и др.

Таким образом, еврейская пресса была неразрывно связана с общерусской и являлась ее частью. Система еврейской печати представляется пронизанной многочисленными внутренними связями, игравшими немаловажную роль и определявшими как ее внутреннюю структуру, так и место в системе общерусской прессы. Развитие еврейской прессы сопровождалось непрерывным взаимодействием трех ее групп, и их со всей системой российской периодики, в разных формах и на разных уровнях.

Список литературы

1. Cohen N. The Yiddish press and Yiddish literature: a fertile but complex relationship // *Modern Judaism*. — 2008. — № 2. — P. 149—172.
2. Geifman A. *Thou shalt kill. Revolutionary terrorism in Russia. 1894—1917*. — New Jersey, 1993. — XII, 376 p.
3. Архангельская И.Д., Воронкова С.В., Воронцова Е.А., Орлова Е.В. Периодическая печать России начала XX века. — М., 1992. — 140 с.
4. Вейнштейн Л. Объединение с Российской социал-демократической рабочей партией и национальный вопрос // *Наше слово*. — 1906. — № 7. — С. 6—10.
5. Голиков А.Г. Система периодической печати Российской империи в конце XIX — начале XX в. (историко-географический аспект) // *Россия в XIX—XX вв. Материалы II научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина*. — М., 2002. — С. 290—300.
6. Дубнов С.М. *Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени*. — СПб., 1998. — 661 с.
7. Иваск У.Г. *Еврейская периодическая печать в России. Материалы для истории еврейской журналистики*. — Вып. 1. Издания на русском языке. — Таллин, 1935. — XV, 104 с.
8. Из рассказов Шолома Аша. Перев. с жаргона. Ю.Б. // *Еврейская жизнь*. — 1905. — № 1. — С. 34—46.
9. Кантор Р.М. «Арбейтер Цайтунг» 1881 года // *Еврейская летопись*. — Т. 3. — М.; Л., 1924. — С. 197—204.
10. Каценельсон Я. Библиография // *Книжки Восхода*. — 1900. — № 6. — С. 121—123.
11. Кельнер В. Русско-еврейская интеллигенция: генезис и проблемы национальной идентификации (вторая половина XIX — начало XX века) // *Вестник Еврейского университета в Москве*. — 1996. — № 3. — С. 4—20.
12. Клиер Дж. «Откуда и куда идем»: Изучение дореволюционной истории российского еврейства в Соединенных Штатах в XX веке // *История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы*. — М., 2004. — С. 40—65.

13. Кобринский А. К вопросу о критериях понятия «русско-еврейская литература» // Вестник Еврейского университета в Москве. — 1994. — № 1. — С. 100—114.
14. Конштам А.М. Журналы для еврейских детей // Вестник еврейского просвещения. — 1915. — № 32. — С. 27—46.
15. Л.М. Мысли об идишизме // Еврейское студенчество. — 1914. — № 3—4. — С. 25.
16. Львов-Рогачевский В. Русско-еврейская литература. — М., 1922. — 165 с.
17. Маркиш Ш. Русско-еврейская литература: предмет, подходы, сценки // Новое литературное обозрение. 1995. — № 15. — С. 217—250.
18. Объявления // Восход. — 1885. — № 1. Ч. II. — С. 57—60.
19. Объявления // Восход. — 1897. — № 12. Ч. II. — С. 57—60.
20. Объявления // Дер Гамоин. — 1903. — № 1. — С. 82—83.
21. Отзывы о книгах // Вестник еврейского просвещения. — 1914. — № 29. Ч. II. Еврейское библиотечное дело. — С. 21—30.
22. Перельман А. Формальный национализм против национального движения // Еврейский мир. — 1910. — № II—III. — С. 161—173.
23. Переферкович Н.А. Библиография // Книжки Восхода. — 1906. — № 3. — С. 162.
24. Печальный юмор. К приезду Шолом-Алейхема в Россию // Еврейское студенчество. — 1914. — № 3—4. — С. 3—9.
25. Хроника библиотечной жизни // Вестник еврейского просвещения. — 1914. — № 30. Ч. II. Еврейское библиотечное дело. — С. 25—32.
26. Шварцман М. Сионизм и интересы еврейского народа // Кадима. — 1906. — № 3. — С. 1—13.
27. Шолом-Алейхем. Гodelь: Совершенно новая история молочника Тевье, приключившаяся с ним в самое последнее время и пересказанная дословно Шолом-Алейхемом // Книжки Восхода. — 1906. — № 3. — С. 101—115.
28. Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797—1917: очерки истории цензуры. — СПб., 1999. — 792 с.

Дневник В.Г. Глазова как источник по истории Московского вооруженного восстания 1905 г.

Аннотация. В статье рассматривается дневник помощника командующего войсками Московского военного округа В.Г. Глазова в качестве исторического источника по истории Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. Автор приходит к выводу, что данный документ является одним из базовых документов по изучению механизма подавления этого социального движения.

Ключевые слова: генерал-губернатор, «Военный совет», Московский военный округ, Н.Н. Малахов, вооруженное восстание, Пресня.

V.G. Glazov's diary as a source for the history of the December armed uprising of 1905

Abstract. The article deals with the diary of Lieutenant General Glasov, the assistant of the commander of the Moscow Military District, as a source for the history of the December armed uprising. The author draws to the conclusion that this document is one of the base materials for studying the mechanism of suppression of this social movement.

Keywords: Governor-General, "Military Council", Moscow military district, N.N. Malakhov, armed uprising, Presnya.

Целью настоящей статьи является рассмотрение дневника помощника командующего войсками Московского военного округа генерал-лейтенанта В.Г. Глазова в качестве источника по истории Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. и выяснение значимости содержащейся в нем информации для изучения данной темы. Для достижения этой цели предполагается решить ряд задач: дать краткую характеристику дневника, установить круг затронутых в нем сюжетов, имеющих отношение к Декабрьскому восстанию, проанализировать приведенную в них информацию и сделать вывод о ее ценности для исследования. Стоит отметить, что авторы работ, посвященных истории Декабрьского вооруженного восстания и его подавления, вообще не привлекали этот дневник в качестве источника [3; 10; 12; 16; 17; 19; 20; 23; 24; 25].

Для начала следует сказать несколько слов о личности и судьбе автора. В.Г. Глазов родился в 1848 г. в дворянской семье. В 1867 г. окон-

---

* **Михаил Григорьевич Алмазов** — аспирант кафедры истории России XIX — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: vnm128@mail.ru
Michail G. Almazov — Post-graduate of the Department of the Russian History of the XIX and the beginning of the XX centuries, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

чил Константиновский межевой институт, а в 1876 г. — Николаевскую академию Генерального штаба. В 1869 г. молодой дворянин связал себя с военной службой и вскоре отличился на полях русско-турецкой войны 1877—1878 гг. После нее карьера Глазова развивалась успешно, увенчавшись должностями начальника штаба Гвардейского корпуса (1895—1899 гг.) и Финляндского военного округа (1899—1901 гг.), начальника Академии Генерального штаба (1901—1904 гг.). Однако самый высокий пост в его карьере связан с гражданским ведомством: в 1904 г. генерал-лейтенант был назначен сначала управляющим Министерства народного просвещения, а затем и министром. После полутора года бесплодной борьбы с разраставшимся студенческим движением и профессорской оппозицией Глазов вернулся на родное поприще. 21 октября 1905 г., после издания Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» он занял пост помощника командующего войсками Московского военного округа (на котором пребывал до 1909 г.). Одновременно в 1906—1909 гг. он занимал должность командира 17-го армейского корпуса. В 1907 г. Глазов получил высший воинский чин в своей карьере — генерала от инфантерии. Наряду со своими прямыми обязанностями военный в 1897 г. он закончил Санкт-Петербургский археологический институт и впоследствии активно занимается раскопками. Не был чужд генерал и политике: в 1901 г. он вступил в консервативную просветительскую и политическую организацию «Русское собрание» [21]. Таким образом, Глазов являлся фигурой, весьма заметной в военной и политической сфере Российской империи.

Рассматриваемый дневник хранится в личном фонде генерала в Российском государственном историческом архиве. До нас дошли записи за 1891—1895 и 1902—1918 гг., составляющие 21 единицу хранения описи. В составе фонда сохранились и записные книжки за 1885—1892 и 1898 гг. Надо отметить, что и дневники Глазов вел на страницах специальных записных книжек. Велся дневник от руки, мелким и с трудом поддающимся расшифровке почерком. До настоящего времени опубликован лишь один его фрагмент за 1904 г., в котором описываются беседы с министром внутренних дел В.К. Плеве при назначении генерала управляющим министром народного просвещения [6]. Я использовал дело, содержащее записи за 1905 г. [15].

Дневник отличают стилистическая лапидарность и сжатое протоколирование событий. Они также свидетельствуют о педантизме автора: наряду с сообщениями о важных заседаниях или беседах Глазов тщательно фиксировал различные бытовые подробности: посылки или форму, в которой он представлялся московскому генерал-губернатору вице-адмиралу Ф.В. Дубасову [15, л. 348—348 об.]. В силу этого редки эмоционально окрашенные высказывания или оценки (один из немногих примеров — аттестация мнения царского эмисса-

ра генерал-лейтенанта Г.К. Штакельберга и специально посланного императором генерал-адъютанта Б.А. Мейендорфа о массовой трусости и безынициативности московских военачальников во время восстания как «довольно подлого и несправедливого») [15, л. 379 об.]. Не пытался Глазов и сколько-нибудь глубоко рефлексировать как о сути политической ситуации, так и о сослуживцах [15]. Наконец, в силу командировки в Петербург с 1 по 13 декабря 1905 г., автор был лишен возможности фиксировать происходившее в Москве [15, л. 340—347].

Но недостатки источника оборачиваются его достоинствами: невысокая эмоциональность способствует большей беспристрастности при изложении событий. Виден и довольно высокий уровень осведомленности: в силу должности генерал принимал участие в разработке мер против «мятежников» и был собеседником лиц, занимавших ключевое положение во властном аппарате Первопрестольной (Ф.В. Дубасова, командующего войсками МВО Н.Н. Малахова, начальника штаба МВО барона Е.А. Рауш фон Траубенберга, генерал-квартирмейстера штаба округа С.М. Шейдемана, начальника Гренадерского корпуса М.Ф. Ореуса). Его дневник бесспорно заслуживает внимания.

Какие же сюжеты освещает Глазов и насколько полезна сообщаемая им информация?

Прежде всего, в его записях содержится ценный материал по истории «Военного совета» — консультативного органа, образованного Дубасовым для объединения действий начальства МВО и администрации при планировании и реализации операций против «мятежников». Другие источники повествуют о нем крайне скупно: упоминание об организации данных форумов 14—15 декабря, о придании им ежедневного характера и о повестке заседания 15 числа содержится в дневнике самого Дубасова [18, с. 54, 56], сохранился также принятый на нем план занятия московских железных дорог [17, с. 112]; об обсуждении на совещании 16 декабря плана предстоящего захвата Пресни — в специальной справке штаба МВО и в телеграмме градоначальника барона Г.П. Медема управляющему МВД от того же числа [14, л. 193—193 об.; 5, л. 114]; об определении на совещании 15 декабря в качестве первоначальной цели для прибывшего Семеновского полка 2-го участка Арбатской части — в докладе его командира Г.А. Мина военному министру [4, с. 729]. Неудивительно, что в историографии история «совета» практически не получила освещения: глухое упоминание о его заседании 15 декабря есть лишь в работе Н.В. Шатиной [20, с. 131]. На этом фоне понятно и «объединение» Ю.С. Воробьевой «Военного совета» с «Гражданским» — площадкой для взаимодействия администрации и общественности [3, с. 364].

Дневник помогает получить о «Военном Совете» более цельное представление. Например, полную хронологию его совещаний: со-

гласно записям, они происходили 14, 15, 16, 17, 19 и 20 декабря [15, л. 348—348 об., 365, 367, 368, 369 об., 371, 372—373 об.], причем относительно заседания 14 числа указано, что оно было первым, подтверждая специальную отметку в дневнике Дубасова под этой датой о «Военном совете» [15, л. 348; 17, с. 54]. В некоторых случаях записи дают представление о повестке дня заседаний: 14 декабря обсуждались итоги состоявшейся в тот день экспедиции под командованием полковника А.А. Зурова против революционеров, закрепившихся в трамвайном парке и Промышленном училище в Сущевской части, а также планы на следующий день [15, л. 348 об.]; 15 декабря — предстоящие действия по занятию Московско-Рязанской железной дороги (одного из оплотов революционеров) и 2-го участка Арбатской части (подтверждающее данные дневника Дубасова и доклада Мина и вкупе с ними позволяющее опровергнуть мнение Шатиной, что Пресненская экспедиция была подготовлена уже 15 числа [15, л. 365 об.; 20, с. 131]), 19 декабря — «мелкие посылки» войск [15, л. 371]; 20 числа — инцидент с открытием вторичного артиллерийского огня по Прохоровской мануфактуре (цитадели дружинников Пресни), фактически сорвавшего операцию по занятию района, предстоящие действия отряда Мина в этом районе и итоги карательной экспедиции командира 3-го батальона Семеновского полка полковника Н.К. Римана по Московско-Рязанской железной дороге [15, л. 372—373 об.].

В дневнике приводится состав участников совещаний 14—15 числа: в первый день упомянуты Малахов, Рауш фон Траубенберг, Шейдеман, начальник охраны Москвы командир 3-й гренадерской дивизии генерал Яковлев, генералы Н.И. Говоров и А.Ф. Крузенштерн, начальники отрядов, действовавших против «мятежников»: генерал С.Е. Дебеш и полковники П.Н. Симанский и А.А. Зуров, исполнявший должность губернатора В.Ф. Джунковский, градоначальник Медем; во второй — Малахов, Рауш, Шейдеман, Медем, Джунковский, прибывшие в Москву Штакельберг и Мин, а также специально приглашенные жандармские чины и железнодорожное начальство — начальник Московского узла И.Д. Сытенко и товарной станции Рязанской дороги И.А. Шибанов [15, л. 348 об, 365 об.].

Глазов фиксировал противоречия между гражданской и военной властью, выявившиеся на совещаниях. 14 декабря Дубасов подверг резкой критике тактику повального артиллерийского обстрела домов, причинявшую немалые неудобства мирному населению и не наносившую особого ущерба революционерам (что проявилось сполна во время экспедиции Зурова) [15, л. 348 об.]. По словам Глазова, на следующем заседании генерал-губернатор «открыто говорил о бесполезности» подобного подхода [15, л. 366]. Учитывая, что еще 13 числа вице-адмирал обращался к военным с призывом ограничить применение «расстрель-

ной» тактики [17, с. 112], становится ясно, что этот вопрос имел для главы Первопрестольной серьезное значение. Это объясняет, почему в приказ начальнику артиллерийской бригады о действиях во время занятия Пресни генерал-квартирмейстер Шейдеман внес пункт о прекращении расстрела зданий в случае бегства «мятежников» [4, с. 688].

Еще более острый спор вспыхнул 14 числа при обсуждении планов на следующий день. Если Дубасов был сторонником активных действий против революционеров, то его оппонент генерал Яковлев, очевидно, в силу малочисленности и утомленности гарнизона, отстаивал план, предполагавший лишь постепенное занятие Сушевской части и захват Рязанского вокзала. По словам Глазова, конфликт дошел до того, что Дубасов был «разозлен» и в итоге «заявил категорически» о предстоящем прибытии Мина и Штакельберга, «назначенного в его распоряжение» (что, видимо, означало его грядущую независимость от московских генералов) [15, л. 348 об.]. Таким образом, можно заключить, что на «Военном совете» выявились достаточно острые разногласия по вопросам тактики. Именно в их свете становится понятна филиппика Дубасова в разговоре с управляющим МВД П.Н. Дурново: «Система неверна и вне моего контроля... Следует занимать отдельные кварталы и очищать... Нельзя на каждый удар отвечать ударом... Надо вести борьбу не с мертвыми зданиями, а с живыми людьми. Колоть и расстреливать» [18, с. 56].

Упомянул Глазов и о недостатках «Военного совета»: очень позднем сроке проведения совещаний, что обусловило спешность организации экспедиции на Пресню 17 декабря и устранение ряда военных начальников (Ореуса и Малахова) от руководства отрядом Мина [15, л. 368 об., 382], и нерегулярном посещении заседаний ключевыми фигурами командования: 16 декабря на совете отсутствовали Рауш и Глазов, 17 — Глазов и Малахов [15, л. 367, 368 об.].

Данные других источников подтверждают эти свидетельства. Согласно вышеупомянутой справке МВО, совещание 16 декабря, обсуждавшее план захвата Пресни, затянулось далеко за полночь и на нем отсутствовал один из ключевых фигурантов предстоящей экспедиции — начальник 2-го имени генерал-фельдмаршала Брюса артиллерийской бригады гренадерского корпуса генерал В.И. Гиппиус, что привело к неосведомленности последнего о своих обязанностях и отдаче им днем 17 декабря приказа о вторичной бомбардировке района, сорвавшей наступление отряда Мина [14, л. 193—193 об.]. Спешка при подготовке наступления на последний оплот восстания привела к проблемам со связью с занимавшей Пресню группой войск [22, с. 396—397; 8, с. 50, 175; 4, с. 732—733].

Дневник Глазова позволяет также сделать выбор между двумя версиями провала этой операции. Согласно рапорту генерала Гип-

пиуса от 27 декабря, он в половине второго дня отдал приказ о вторичном открытии огня ввиду донесения, что первая бомбардировка не достигла цели (по его словам, снаряды пускались с осторожностью, чтобы не попасть в солдат Мина, в результате чего не долетали до цели — спален рабочих Прохоровской мануфактуры), и приказа генерал-квартирмейстера Шейдемана вновь пустить в ход артиллерию. По свидетельству генерала, именно эту версию он изложил на «Военном совете», но Дубасов и генералы, решившие сделать из него «стрелочника», не стали слушать [22, с. 396—397]. В справке же штаба МВО говорится, что неосведомленный Гиппиус открыл огонь по собственной инициативе, а приказ Шейдемана сводился к возвращению отправившейся в казармы артиллерии на прежнее место — у Николаевских казарм. На совещании у Дубасова же Гиппиус давал уклончивые ответы, стремясь избежать ответственности за провал операции [14, л. 193 об.]. Глазов в дневнике практически дословно подтверждает вторую версию [15, л. 372—372 об.], что вкупе с другими фактами (например, противоречиями в рапорте Гиппиуса) делает более предпочтительными данные справки штаба МВО.

Следовательно, дневник генерал-лейтенанта — один из базовых источников по истории «Военного совета», подтверждая и дополняя свидетельства других источников, а в ряде случаев предоставляя уникальную информацию.

Глазов касался взаимоотношений между генерал-губернатором и военными во время Пресненской экспедиции, ознаменовавшейся превращением Дубасова в фактического главнокомандующего. Помощник командующего МВО свидетельствует, что его шеф, генерал Малахов, принципиально решил «предоставить все распоряжение» генерал-губернатору, что выразилось не только в лидировании последнего в «Военном совете», но и в даровании ему штабом округа права сноситься с отрядом Мина «без посредников», что и выразилось в посылке генерал-губернатором полковнику указаний и получении непосредственно от него донесений [15, л. 382; 17, с. 115—129]. По словам Глазова, Дубасов принимал и непосредственно военные решения: 17 числа он «нашел нужным» объединить действовавших на Пресне солдат Семеновского и Ладожского полков под началом Мина [15, л. 367].

В дневнике затрагивается и кадровая политика генерал-губернатора. Известно, что Дубасов был недоволен бездеятельностью московского градоначальника Медема и после восстания ходатайствовал о его замене казанским губернатором А.А. Рейнботом [1, с. 470]. Судя по записям Глазова, проблема выбора нового главы полиции беспокоила генерал-губернатора уже в заключительный период восстания, поскольку 17 числа он сделал предложение о занятии этой должности одному из самых деятельных борцов с мятежом — гене-

рал-квартирмейстеру Шейдеману (правда, тот ответил уклончиво) [15, л. 366 об.—367]. Таким образом, глава Первопрестольной, как только представилась возможность, озабочился выдвижением хорошо себя зарекомендовавших сотрудников.

В дневнике раскрывается один из важных мотивов, почему в Петербурге затягивали присылку подкреплений в Москву. Прибывшие в Первопрестольную Мин и Штакельберг были поражены численностью действующих сил московского гарнизона («здесь в 9 пехотных полках 1300 штыков») [15, л. 365 об.]. Вкупе со свидетельством дежурного генерала штаба МВО М.С. Тюлина (также приведенного в воспоминаниях этот разговор) [11, л. 15] данный факт демонстрирует неосведомленность правящих сфер относительно реального состояния вооруженных сил в Москве.

Дневник проливает свет на миссию царского эmissара Штакельберга, присланного вместе с Семеновским полком 15 декабря [13, с. 441]. В письме министру двора и начальнику Императорской Главной квартиры барону В.Б. Фредериксу Дубасов указывал, что генерал помогал ему составлять проект «преобразования военного и гражданского управления» и оказывал помощь в силу «обширного военного знания и опытности» [17, с. 139]. Рассматриваемый дневник позволяет раскрыть последний пассаж. Глазов свидетельствует, что Штакельберг обсуждал с Дубасовым итоги военных экспедиций, в частности Мина, и «претендовал на отсутствие надлежащей связи» между подразделениями. При этом отмечено, что сам эmissар, по всей видимости, лично руководил экспедициями [15, л. 368 об.—369]. Под 21 декабря в дневнике имеется запись, что на Штакельберга было возложено «совещание по завтрашним предприятиям» (очевидно, войск) [15, л. 373 об.]. Это сообщение можно понимать по-разному: либо к Штакельбергу переходило руководство «Военным советом» (очевидно, превращавшимся уже в чисто военную инстанцию), либо он должен был решать вопросы отправки частей единолично. Записал Глазов и «деликатную» сторону его миссии: генерал наблюдал за действиями местных воинских начальников и нашел их поведение пассивным, что вызвало горячее несогласие автора дневника как с ним, так и с другим царским посланцем — генерал-адъютантом Мейендорфом [15, л. 380, 382—382 об.].

Не обходит вниманием Глазов и деятельность другого консультативного органа, созданного Дубасовым в период борьбы с восстанием, — «Гражданского совета». Со слов Малахова, входившего в его состав, автор дневника сообщил интересные подробности о ходе его заседания 21 декабря. Председатель губернской земской управы Ф.А. Головин запросил Дубасова о пределах ответственности лиц, приглашаемых на совещания, за действия войск, на что получил «резкий» ответ, что раз «гражданская власть оказалась несостоятель-

ной», за действия военных отвечает лишь он «и никаких посредников не признает». Такой же ответ получил другой участник, интересовавшийся справедливостью слухов о массовых расстрелах без суда [15, л. 375 об.—376]. Данная информация, показывающая, что Дубасов ставил четкие пределы вмешательству общественности в дела администрации, позволяя несколько скорректировать впечатление о его исключительно доверительном и благожелательном отношении к членам «Гражданского совета», сложившееся в историографии под влиянием воспоминаний В.Ф. Джунковского [3, с. 364].

Наконец, в дневнике встречаются пусть не цельные и многочисленные, но любопытные и достоверные штрихи к портретам руководителей борьбы с мятежом. Дубасов представлен резким и вспыльчивым человеком, что соотносится с отзывами современников [7, с. 110; 9, с. 38], но, в то же время, показано, что при надобности он мог сдерживаться (как это было на обсуждении действий Гиппиуса) [15, л. 372 об.]. Сам же виновник срыва захвата Пресни представлен жалким неврастеником [15, л. 372—372 об., 381 об.—382]. Человеком с явным расстройством нервов предстает «усмиритель» Рязанской железной дороги Римап [15, л. 373—373 об.]. В то же время, представляется, что нуждается в проверке утверждение Глазова о достойном поведении большинства московских командиров [9, л. 14].

Таким образом, рассматриваемый дневник дает информацию по ряду ключевых вопросов истории подавления Декабрьского восстания: о работе «Военного совета» при генерал-губернаторе, взаимоотношениях гражданской и военной власти, сотрудничестве московского и имперского руководства, кадровой политике главы Первопрестольной, взаимодействию администрации и общественности, личностных качествах действовавших лиц. Эти сведения, частью уникальные, частью дополняющие и развивающие данные других источников, позволяют сформировать целостное представление о механизме подавления Декабрьского вооруженного восстания.

Список литературы

1. Адмирал Ф.В. Дубасов — палач или человек чести? // Московский архив: историко-краеведческий альманах. — Вып. 2. Вторая половина XIX — начало XX в. — М.: Мосгорархив, 2000. — С. 458—484.
2. Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) восстания: дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2000. — 277 с.
3. Воробьева Ю.С. Фёдор Дубасов в декабре 1905 года // Вестник архивиста. — 2001. — №4—5. — С. 360—368.
4. Высший подъем революции. Вооруженные восстания: ноябрь-декабрь 1905 года. Ч. 1 // Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет. 1905—1955. — М., 1955. — 950 с.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233а. Д. 1350. Ч. 26.
6. Два разговора (Из дневников В. Глазова) // Дела и дни. — 1920. — Кн. 1.
7. Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. — Т. 1 [1905—1915 гг.]. — М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. — 733 с.
8. Из истории московского вооруженного восстания. Документы и материалы / Сост.: Г. Костомаров, В. Симоненко и А. Дрезен. — М.: Московский рабочий, 1930. — 232 с.
9. Киреев А.А. Дневник, 1905—1910 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — 472 с.
10. Куксин А.И. Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века, 1904—1913 гг. По материалам Московского военного округа: дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2001. — 230 с.
11. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4.
12. Первая революция в России. Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин и С.В. Тютюкин. — М.: Памятники исторической мысли, 2005. — 602 с.
13. Письма Николая II Ф.В. Дубасову // Красный архив. — 1925. — Т. 4—5. — С. 440—442.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 922. Оп. 1. Д. 10.
16. Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний / Под ред. Н. Овсянникова (Материалы по истории пролетарской революции. Сборник 3-й). — М.: Государственное издательство, 1920. — С. 60—207.
17. Сторожев В.Н. Ф.В. Дубасов и Г.А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным секретного отделения канцелярии московского ген.-губернатора) // Голос минувшего. — 1918. — № 4—6. — С. 107—141.
18. Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905—1907 гг. Документальные свидетельства / Сост., ред. и предисл. А.П. Ненарокова, П.Ю. Савельева (отв. ред.) и А.А. Чернобаева. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 38—67.
19. Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. — М.; Л.: Московский рабочий, 1926. — 242 с.
20. Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией (На примере Москвы): дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1989. — 227 с.
21. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Биобиблиографические справки. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — 936 с.
22. Штурм Пресни // Красный архив. — 1925. — Т. 4—5. — С. 387—397.
23. Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. — М.: Госполитиздат, 1957. — 549 с.
24. Asher A. The revolution of 1905. Russia in disarray. — V. 1 — Stanford (California): Stanford university press, 1988. — 450 p.
25. Bushnell J. Mutiny amid repression: Russian soldiers in the revolution of 1905—1906. — Bloomington: Indiana university press, 1985. — IX, 334 p.

Полицейские подразделения Императорской охраны в контексте создания Собственной Его Величества охраны

Аннотация. В статье на основе неопубликованных документов из фондов Российского государственного исторического архива прослежено развитие полицейских подразделений императорской охраны в России в 1860—1880-е гг. Особое внимание уделено функционально обусловленным организационно-штатным изменениям. Автор показывает роль подполковника Е.Н. Ширинкина в реформировании полицейской части охраны в контексте создания в 1881 г. единой системы обеспечения российского императора и его семьи — Охраны Его Величества.

Ключевые слова: Российская империя, Охрана Его Величества, Дворцовая полицейская команда, Охранная стража, Дворцовая полиция, Е.Н. Ширинкин.

Police units of the Imperial Guard in the context of establishing His Majesty's own guard

Abstract. This article, based on unpublished documents from the Russian state historical archive traces the development of police units of the Imperial guard in Russia in 1860s — 1880s. Special attention is paid to function due to organizational changes. Author shows the role of Lieutenant Colonel E. N. Shirinkin in reforming of the police protection unit in the context of the creation in 1881 of a unified system of ensuring the Russian Emperor and his family — the Protection of His Majesty.

Keywords: Russian Empire, Protection Of His Majesty, Palace police team, Security guards, Palace police, E.N. Shirinkin.

1881 г. стал важной вехой в истории развития органов государственной охраны России. Гибель Александра II от рук террористов в центре столицы, в двух минутах езды от Зимнего дворца, наглядно показала необходимость немедленной кардинальной перестройки системы охраны — даже для тех, кто еще недавно со скептической улыбкой наблюдал за постепенным увеличением численности казаков конвоя, сопровождавших императора в поездках. Пугающий

---

* **Алексей Николаевич Гребёнкин** — доктор исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Орёл, Россия). e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Alexey N. Grebenkin — Doctor of History, Associate Professor of Department of theory of state and law, Central Russian Institute of management — branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration (Orel, Russia).

размах деятельности народовольцев не оставлял сомнений в том, что жизнь царя и его семья может быть гарантирована лишь при условии полного пересмотра форм и методов осуществления охраны. Красавцы казаки, выполнявшие преимущественно представительские функции, должны были отойти на второй план, уступив место не столь приметным внешне, зато обладавшим большим профессионализмом в деле охраны сотрудникам специальных полицейских формирований.

Попытки создания полицейской охраны предпринимались с 1861 г., когда для охраны Зимнего дворца была создана команда полицейских городских стражей численностью 30 человек [3, л. 154]. Городовые стражи несли посменную службу возле восьми подъездов дворца, а следить за порядком в окрестностях дворца им помогали особые конные и пешие воинские патрули. Главной обязанностью команды городских стражей было предотвращение попыток прорыва в Зимний дворец толпы («сборища»): крайне напряженная обстановка, порожденная условиями освобождения крестьян, заставляла опасаться повторения событий «бунташного века», когда доведенные до отчаяния подданные врывались на царский двор, чтобы лично побеседовать с монархом. В команду вошли лучшие городовые из числа отставных гвардейских унтер-офицеров, а также околоточные надзиратели петербургской полиции. Общее руководство ею осуществлял комендант Императорской Главной квартиры флигель-адъютант полковник А.М. Рылеев, непосредственным же начальником являлся пристав Адмиралтейской части Санкт-Петербурга.

Круг обязанностей городских стражей постепенно расширялся: «Независимо несения службы на постах вокруг Императорского Зимнего дворца... вновь сформированные стражи несли службу на всех экстренных съездах во Дворец, а также при съездах во дворцы великих князей и принца Ольденбургского; точно так же назначались в наряд в Летний и Александровский сады» [3, л. 161]. В 1862 г., когда императорская семья переехала в Царское Село, 21 дворцовый страж был командирован туда для охраны Большого дворца. Летом того же года стражи последовали за высочайшим двором в Петергоф, где заняли посты возле дворца, в Верхнем и Нижнем садах. Городовые стражи получали содержание в размере 413 руб. 46 коп. в год, а также особые суммы на приобретение теплой одежды и обуви, необходимых для несения постовой службы.

В 1862 г. городовые стражи стали именоваться «городовыми унтер-офицерами полицейской команды, состоящей при Зимнем дворце». Постепенно в обиход вошло новое наименование подраз-

деления — Дворцовая полицейская команда, однако статус официального оно получило только в 1881 г.

Численность команды дворцовых унтеров долгое время оставалась неизменной. Между тем расширение круга задач и увеличение числа постов властно диктовали необходимость привлечения новых сотрудников. Лишь в декабре 1879 г., когда «охота» народовольцев на Александра II была в разгаре, команду по высочайшему повелению увеличили до 42 человек, а унтерам присвоили содержание околоточных надзирателей столичной полиции — 550 руб. в год.

В 1866 г., после покушения Д. Каракозова, по инициативе нового шефа жандармов П.А. Шувалова была учреждена Охранная стража Третьего отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, которая должна была объединить постовую службу и ведение сыска. Однако отсутствие опыта, скудное финансирование и хроническая нехватка кадров не позволили этой службе внести сколько-нибудь существенный вклад в обеспечение безопасности императора. Сам факт существования этой структуры, призванной функционировать преимущественно в скрытом режиме, быстро стал достоянием общественности. Методы деятельности стражи вызывали большие нарекания: на покушения они реагировали с вопиющей беспомощностью. Так, 2 апреля 1879 г. беспрепятственно пропустили на Дворцовую площадь во время утренней прогулки императора народника А.К. Соловьева, вооруженного огромным револьвером, а в момент нападения находились на таком расстоянии от охраняемого лица, что Александр II был вынужден спастись бегством от преследовавшего его террориста.

Лихорадочные попытки перестройки системы императорской охраны, предпринимавшиеся в 1880—1881 гг., почти не затронули деятельности полицейских подразделений. Ротмистр К.Ф. Кох, возглавлявший Охранную стражу с 1879 г., открыто обвинял в этом М.Т. Лорис-Меликова, якобы игнорировавшего его предложения о повышении эффективности охранных мероприятий [1, л. 3—4 об.]. Подполковник Отдельного корпуса жандармов Е.Н. Ширинкин, сыгравший ключевую роль в реформировании императорской охраны, дал страже нелестную характеристику: «Обязанности охранников состояли в наблюдении около дворцов и по путям следования Их Величеств. При императорских вояжах некоторые стражники откомандировывались для сопровождения высочайших особ. Стражники совершенно были чужды сысчного дела, они даже только случайно имели сведения о лицах разыскиваемых, в редких случаях видели фотографические карточки государственных преступников, а потому в действительности могли лишь исполнять службу подвижных городовых. Привлечение в охранную стражу полезных сысчных

агентов не могло быть достигнуто при неимоверно ничтожных окладов содержания, а без агентов-сыщиков охранная стража не достигает цели» [5, л. 1]. Впрочем, Ширинкин полагал, что из 45 имевшихся налицо стражников 17 были пригодны для сыскного дела, еще 9 требовалась длительная практика.

Ахиллесовой пятой Охранной стражи был хронический некомплект сотрудников. Весьма скромное жалованье (35 руб. в месяц с перспективой его увеличения максимум до 45 руб.) не соответствовало тяжелой работе: стражники должны были находиться на наружных постах по 10—14 часов в сутки, без праздников и выходных, в любую погоду. Поэтому текучка кадров была большой, а списочная численность стражников обычно колебалась между 20 и 45, в то время как по штату их полагалось иметь 80 человек. Ширинкин предложил увеличить число чинов до 70 и разделить их на два отряда, один из которых должен был вести сыскную деятельность в местах пребывания императорской семьи, а другой — заниматься наружным наблюдением, знакомясь в то же время и с методами сыскной работы. Кроме того, по его мнению, следовало увеличить оклады жалованья: сыскным агентам охраны до 80 руб. в месяц, а агентам наблюдения — до 60 руб.

Охрана в Петергофе должна была быть перестроена следующим образом: сыскных агентов следовало распределить по городу и его окрестностям небольшими группами по 2—4 человека, закрепив за каждой группой конкретный район. Собранные ими сведения обо всех замеченных подозрительных лицах передавались инспектору охраны. Агенты наблюдения были «обязаны тщательно выполнить цепное хождение, т.е. на путях возможного следования высочайших особ агентура эта передвигается на всем протяжении постепенно один за одним в близком расстоянии» [5, л. 3]. Если такой агент замечал подозрительное лицо, он должен был незаметно дать знать об этом полиции. Наблюдательные агенты, по мнению Ширинкина, должны были служить источником пополнения рядов агентов сыска: они посменно привлекались к сыскной деятельности, и оказавшиеся способными к этой работе переводились в сыщики.

8 июня 1881 г. Ширинкин составил еще одну записку, содержащую ряд предложений относительно реформирования Охранной стражи. Он, как и прежде, отмечал, что этот компонент императорской охраны находится в крайне плачевном состоянии: «Охранная Его Величества стража, в настоящем ее виде, не удовлетворяет ни одному из своих назначений: ни охранять государя во время его поездок в местностях неоцепленных среди публики, так как всякий безошибочно может указать стражника по его внешнему виду; ни добыть сведений о нахождении лиц неблагонадежных в политическом отношении, так как среди настоящего состава стражи, за

немногими исключениями, нет людей, способных исполнить самостоятельно обязанности агентов» [5, л. 6]. Ключевой мерой, направленной на обеспечение эффективности деятельности Охранной стражи, Ширинкин считал отделение агентуры от охранной стражи в узком смысле (или личной охраны). Эту идею, высказанную в предыдущей записке, он постарался развить, наметив основные контуры организации как агентурной работы, так и личной охраны.

Агентов было предложил разделить на старших и младших с тем, чтобы первые действовали самостоятельно, а вторые помогали бы им. Старшие агенты, работавшие в окрестностях императорской резиденции, маскировались под состоятельных дачников, путешественников и т.п. Их количество не должно было превышать 10, а для того, чтобы они были в состоянии работать «под прикрытием», им следовало назначить жалованье в размере от 100 до 250 руб. в месяц. Их помощники — младшие агенты — нанимались дворниками, швейцарами, лакеями (разумеется, работодатели не должны были знать об их принадлежности к охране) и вели наблюдение за подозрительными личностями. Их оклад должен был составлять 30—50 руб.; за успешное выполнение поручений они получали наградные деньги. Кроме того, младшие агенты могли свободно располагать своим жалованьем за работу по найму. Наконец, в окрестностях загородных резиденций старшие агенты могли прибегать к услугам специально нанятых агентов из числа прислуги в гостиницах, ресторанах и частных домах. Платить этим «сверхштатным» агентам полагалось сравнительно немного — 15—20 руб. в месяц.

Для удобства ночного наблюдения за дорогами, ведущими к загородным резиденциям, Ширинкин предлагал нанимать или заводить своих извозчиков.

Стражники охраны должны были быть тщательно замаскированы под публику и не раскрывать своей принадлежности к охране даже полиции, к которой им следовало в случае крайней необходимости обращаться как частным лицам. Ставка делалась не на количество, а на качество: стражников должно было быть не 60, а 15—20, им следовало назначить «содержание, достаточное для приличной обстановки, т.е. в размере от 100 до 200 р. в месяц» [5, л. 6 об.]. 2—3 стражника должны были уметь хорошо ездить на лошади, но не в целях сопровождения или преследования императорского экипажа, а для патрулирования окружающей местности под видом верховой прогулки. Стража должна была быть вооружена револьверами и кастетами, однако пускать их в ход разрешалось лишь в крайних случаях, даже тогда действуя под видом частного лица.

Александр III, ознакомившись с запиской, скептически оценил возможности реализации содержащихся в ней предложений, оста-

вив на первой странице прочитанного экземпляра карандашную помету: «Все это весьма разумно, но где найти способных на эту службу людей» [4, л. 1]. Тем не менее, через три дня, 11 июня 1881 г., подполковник Ширинкин был назначен начальником Охранной стражи. Вскоре разработка схемы реорганизации службы была завершена. 11 августа Александром III были утверждены положение об Охране Его Императорского Величества и штаты ее отдельных частей. Последних насчитывалось четыре: 1) гвардейский пехотный отряд почетного конвоя, 2) дворцовая полицейская команда, 3) секретная часть и 4) железнодорожная инспекция.

Численность Дворцовой полицейской команды, призванной играть ключевую роль в обеспечении безопасности императорских резиденций, была увеличена с 42 до 100 человек. 96 дворцовых городских должны были посменно занимать посты у дворцов (10 — у Зимнего, 22 — у Аничкова), еще 2 предназначались для передачи приказаний. Кроме того, в команде предполагалось иметь 2 околоточных надзирателей — старшего и младшего.

На содержание Дворцовой полицейской команды предполагалось отводить 66 360 руб. в год. Эти расходы включались в смету Министерства императорского двора. Жалованье старшего полицейского надзирателя (которому по должности был присвоен 14-й класс) составляло 960 руб. в год, младшего (ему присваивался тот же класс) — 720 руб. Все городские, независимо от выслуги, получали по 660 руб. в год. Во время командировок чинам Дворцовой полицейской команды выплачивались суточные деньги из сумм Министерства императорского двора.

Городские и полицейские надзиратели несли службу в форме, присвоенной Санкт-петербургской городской полиции. При исполнении своих обязанностей в петербургских дворцах команда подчинялась офицеру, состоявшему в распоряжении Главного начальника охраны.

Секретная часть в Собственной Е. И. В. охране, пришедшая на смену Охранной страже, была организована в соответствии с планом Ширинкина. В ее состав должны были входить 10 агентов (3 старших и 7 младших) и 15 стражников (5 старших и 10 младших). Деятельность агентов должна была «клониться к открытию посягательства на особу Его Величества» [4, л. 4], стражники же играли роль личной охраны (правда, державшейся на значительном удалении от охраняемого лица). Если император находился в столице, агенты принимали на себя обязанности стражников, а осуществление сыскных мероприятий передавалось агентам, подведомственным Департаменту полиции и градоначальнику. Возглавлять Секретную часть должен был жандармский штаб-офицер (каковым и являлся Ширинкин), а его помощником мог быть как

офицер, так и гражданский чиновник. Расходы на содержание личного состава Секретной части должны были составлять 34 977 руб. в год, а секретные расходы, сопряженные с ее деятельностью, — примерно 20 000 руб. в год. Начальник Секретной части получал значительное жалование: из сумм Департамента государственной полиции — 1777 руб. в год, из сумм Министерства императорского двора — 3000 руб., из сумм интендантства — 531 руб. в год. Кроме того, от интендантства начальник Секретной части получал 192 руб. на содержание прислуги и квартирные в размере 500 руб. Помощник начальника получал 900 руб. в год из сумм Департамента полиции и 1200 руб. — из сумм Министерства двора. Старшие стражники, не состоявшие на службе, а числившиеся по вольному найму, получали по 1200 руб. в год из сумм Департамента полиции, оплата труда младших стражников была несколько скромнее — 900 р. Более значительным, в полном соответствии со второй запиской Ширинкина, был разрыв между содержанием старших и младших агентов: первые, нуждавшиеся в солидных представительских расходах, должны были получать 2400 руб. в год, вторые, нанимавшиеся дворниками и швейцарами, довольствовались 700 руб. в год. Жалование писаря составляло 500 руб. в год. При загородных командировках руководство Секретной части и стражники получали суточные от Министерства двора. Агентам эти выплаты не полагались.

В сентябре 1881 г. была введена должность начальника Дворцовой полицейской команды [4, л. 15]. Ей был присвоен 6-й класс, т.е. она являлась полковничьей. 1 октября император утвердил его оклад — 5000 руб. жалования и 500 руб. квартирных в год из сумм Министерства императорского двора. 15 октября на этот пост был назначен начальник резерва санкт-петербургской полиции, состоявший по армейской пехоте подполковник П.В. Зиновьев, вскоре произведенный в полковники.

Талант и энергия Ширинкина, быстро поставившего деятельность секретной охраны на прочную основу, не остались незамеченными. 18 сентября 1884 г. должность начальника Дворцовой полицейской команды была упразднена, а П.В. Зиновьев — уволен в отставку. Его обязанности стал выполнять Ширинкин, сохранивший за собой и руководство Секретной частью в Охране Е. И. В. По Высочайшем утверждении всеподданнейшего доклада он стал именоваться начальником Дворцовой полиции [5, л. 39]. Была изготовлена и новая печать с надписью его должности вокруг орла.

В результате этой «унии» *de facto* произошло слияние Дворцовой полицейской команды и Секретной части в одно целое — Дворцовую полицию. Однако *de jure* это объединение никак оформлено не было, и лишь в конце 1893 г. Ширинкин озаботился составлением

штата Дворцовой полиции. 10 мая 1894 г., по Высочайшем утверждении всеподданнейшего доклада Главного начальника Охраны Е. И. В. П.А. Черевина от 10 мая 1894 г., статус Дворцовой полиции получил юридическое закрепление. 22 мая того же года был утвержден ее штат. Структура спецслужбы сохранялась, с косметическими изменениями (так, в 1906 г. городовые были переименованы в полицейских надзирателей, должности которых был присвоен 14 класс [2, л. 8]), вплоть до событий февраля-марта 1917 г.

Список литературы

1. Записки бывшего начальника императорской охраны ротмистра Коха. 1881 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 21.
2. О переименовании городских Дворцовой полиции в полицейские надзиратели и писарей в чиновников для письма и о нагрудных знаках за службу в полиции. 1906—1916 гг. // РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 446.
3. О принятии мер предосторожности по Зимнему дворцу и о командировании воинских чинов для охранения императорских особ в местах их пребывания; циркуляр по Министерству императорского двора и приказ военного министра. 1861—1880 гг. // РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1.
4. Об учреждении охраны императора и об установлении штатов охраны. 1881—1896 гг. // РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 4.
5. Штаты Дворцовой полиции. 1881—1915 гг. // РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37.

Жандарм и реформы в России: опыт изучения социально-профессиональной эволюции (на примере руководящего состава жандармского управления Воронежской губернии, вторая половина XIX — начало XX в.)

Аннотация. На региональном материале автор предлагает проследить эволюцию социального и профессионального облика губернского жандарма в пореформенный период. Изменения носили широкий характер и затронули такие разнообразные аспекты, как образование, национальные и возрастные критерии, складывание жандармских династий. В совокупности они были направлены на повышение эффективности местного аппарата политической полиции. Вместе с тем, выявлено, что одним из следствий Великих реформ стала тенденция к сословной демократизации жандармских офицеров, а также их массовое обеднение.

Ключевые слова: жандарм; Великие реформы; формулярные (послужные) списки; Воронежская губерния.

Gendarme and reforms in Russia: experience in studying social and professional evolution (through the example of the overhead personnel of the Voronezh province gendarme department)

Abstract. Using the local content the author suggests retracing the evolution of the social portrait of a provincial gendarme during post-reform times. Wide-ranging changes took place during that period. They affected various aspects of education, national and age criteria, the extension of gendarme dynasties. In conjunction, the aim of these changes was to increase the efficiency of the local gendarmerie. Besides, among the results of the Great Reforms was a tendency to the estate democratization of gendarme officers, and their impoverishment.

Keywords. gendarme; Great Reforms; service records; Voronezh province.

Одним из главных источников, позволяющим реконструировать служебную биографию жандармских офицеров и их социальный портрет, являются послужные списки. Как правило, они хранятся не только в федеральных, но и региональных архивах. Их выявление,

---

* Александр Викторович Перегудов — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории исторического факультета Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия). E-mail: peregudov@hist.vsu.ru

Aleksandr V. Peregudov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in the Department of Political History, Faculty of History, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

изучение, сопоставление позволяет получить ценные сведения и вывести исследователя на новые интересные обобщения.

Раскрыть заявленную тему представляется возможным на материалах одного из регионов Центрального Черноземья, в частности Воронежской губернии. Государственный архив Воронежской области располагает богатым фондом губернской жандармерии, который насчитывает около 3,5 тыс. единиц хранения [1, с. 47]. Особое место среди них занимают формулярные и послужные списки офицерского состава, в том числе руководителей жандармского управления за разные годы. Коллекция, к сожалению, неполная. Наибольшие пробелы ожидаемо относятся к раннему, дореформенному периоду функционирования управления жандармского штаб-офицера в губернском Воронеже. Несмотря на это, собрание формулярных (с начала 1860-х гг. — послужных) списков позволило составить коллективный служебный портрет руководителей воронежской жандармерии и вместе с тем проследить его эволюцию во времени, сравнив две эпохи, водоразделом между которыми стали Великие реформы императора Александра II [2, с. 216—256].

Одним из главных изменений стало ужесточение правил отбора в жандармское ведомство. Это было связано с рядом причин. В частности, после подавления польского восстания 1863—1864 гг. доступ в Корпус жандармов оказался окончательно закрыт католикам и женатым на католичках. Как следствие, во второй половине XIX — начале XX в. в Воронеже не было ни одного начальника-католика — тогда как в дореформенный период пост занимал Ф.Т. Загорский (1854—1861) [3, л. 1].

Повысился образовательный ценз. От поступающих в жандармерию требовалось не только общее образование (гражданские заведения или кадетские корпуса), но и средне-специальное, которое давали военные и юнкерские училища. К сожалению, в силу ряда обстоятельств, высшее образование среди жандармских офицеров не получило должного развития. Лишь один начальник Воронежского губернского жандармского управления (ГЖУ) — К. Хартулари — имел высшее военное образование, окончив Михайловскую артиллерийскую академию, за что был отмечен соответствующим знаком отличия [4, л. 95].

Тем не менее, по уровню образования жандармские офицеры, пусть и не обладая энциклопедическими знаниями, во многом превосходили чиновников среднего звена, особенно полицейских служащих. Об этом говорит тот факт, что среди начальников двое в свое время были связаны с педагогической деятельностью в учебных заведениях закрытого типа. В частности, подполковник Н. Скачилов (1861—1864) почти полтора десятка лет прослужил в воронежском Михайловском кадетском корпусе, где обучал кадет географии;

полковник М. Завьялов (1885—1891) преподавал математику и эволюцию в штурманском полуэкипаже — среднем военно-техническом учебном заведении, находившемся в Кронштадте, которое он сам когда-то окончил. Помимо преподавания и оба они отправляли функции офицеров-воспитателей. [4, л. 48 об., 57; 5, л. 3].

Повышение образовательного ценза было связано с новой профессиональной ролью, которую предстояло играть жандармам в эпоху Великих реформ. Как известно, по закону от 19 мая 1871 г. на них было возложено осуществление дознаний по государственным преступлениям — из сторонних наблюдателей они превращались в следователей. Это требовало специальной подготовки, что привело к учреждению при штабе Корпуса жандармов в Петербурге теоретических подготовительных курсов. Их организация была личной инициативой графа П.А. Шувалова. В мае 1871 г. для чтения лекций по уголовному праву армейским офицерам, желающим перейти на службу в жандармерию, был приглашен слушатель старшего выпускного класса Военно-юридической академии Н.П. Хитрово. В течение двух месяцев им были прочитаны 30 лекций. После успешного сданного всеми слушателями экзамена комиссии, возглавлял которую лично Шувалов, капитану Хитрово в качестве вознаграждения был назначен годовой оклад жалованья, а также поступило предложение самому перейти на службу в Корпус (которое он, впрочем, отклонил) [6, с. 383—384, 390].

Документы, отложившиеся в архивных фондах штаба Корпуса жандармов и Департамента полиции МВД (ГА РФ, г. Москва), в частности, различного рода отчеты и рапорты, поступавшие с мест и составлявшиеся жандармскими офицерами — подлинная энциклопедия русской дореволюционной жизни. Отражая многочисленные аспекты общественно-политической и социально-экономической действительности, они актуальны для историков, в центре внимания которых находятся совершенно разные сюжеты.

В силу новых профессиональных обязанностей и более активной роли принимались ограничения по возрасту для перевода на службу в жандармерию. Рамки возрастного коридора составляли от 24 до 33 лет. И если нижняя граница была обозначена с самого момента учреждения жандармского корпуса при графе А.Х. Бенкендорфе (во избежание попадания в ряды ведомства людей недостаточно нравственно сформированных), то верхняя граница официально была закреплена лишь в начале XX в., в новой редакции правил о приеме в жандармерию (1913). Однако на практике ведомственные нормативные акты предусматривали возможность перевода в Корпус офицеров в чине не старше капитана, средний возраст которых редко превышал 35 лет. Как следствие, в рассматриваемый период времени не стало, как в дореформенное время, вступающих в жандармы

в зрелом возрасте — 42, 46 и даже старше 50 лет. В результате кадры существенно помолодели.

Отметим, что начиная с 1870-х гг. комплектование Корпуса осуществлялось исключительно армейскими строевыми офицерами, а не как ранее, из отставных чинов или других видов служб, и в пореформенный и поздний имперский периоды именно армия стала «колыбелью» жандармских кадров. В условиях снижения престижности строевой службы (в том числе из-за ряда военных неудач), недостаточности денежного содержания младшего и среднего офицерского состава, крайне медленного чинопроизводства армия столкнулась с оттоком молодых офицеров, искавших лучшей доли. Служба в Корпусе жандармов, на которую многие молодые офицеры смотрели как на достойную альтернативу рутинному армейскому быту, не могла вызывать у руководства Военного ведомства никаких других чувств, кроме зависти, раздражения и неприкрытой враждебности.

Милитаризация Корпуса в позднеимперский период стала ахиллесовой пятой этого государственного института, поскольку veterанные армейские офицеры в большинстве своем скептически относились к новым методам политического сыска (в частности, внутренней агентуре), активно внедрявшимся Департаментом полиции, и при возможности противодействовали их применению на практике. Осознавая это, власть, тем не менее, по-прежнему делала ставку на военных людей, политическая благонадежность которых не вызвала сомнений. Видимо, это качество ценилось больше, чем профессиональная эффективность: «Нерассуждающий, исполнительный офицер представлялся [русским императорам] наиболее надежной и психологически понятной фигурой» [7, с. 36].

Наряду с ужесточением требований к кандидатам, наблюдается демократизация личного состава офицерского жандармского корпуса. Среди начальников Воронежского ГЖУ уже не встречалось выпускников, например, Пажеского корпуса или Царскосельского лицея, какими были подполковник А. Козлов (1843—1850) и полковник А. Каверин (1850—1854) соответственно [3, л. 30—35, 36—36 об.]. Существенно меньше стало представителей гвардии. Это связано с общим увеличением численности Корпуса, а также тем, что на первый план вышли такие качества, как образование и профессионализм, в то время как богатство, знатность рода, протекция постепенно отошли на второй план.

Также среди жандармских офицеров в пореформенный период уже не все принадлежали к дворянскому сословию. К примеру, хорошую карьеру сделал сын священника из Пензенской губернии Д. Померанцев, в 1880-е гг. начавший службу адъютантом ГЖУ в Воронеже, позднее здесь же служивший помощником начальника, а

завершивший ее в 1916 г. генерал-майором во главе Московского ГЖУ — одного из главных и наиболее престижных подразделений во всем ведомстве [4, л. 36; 8, с. 51, 216]. Таким образом, для этой категории разночинцев Корпус выступал в качестве не только профессиональной, но и социальной лестницы.

Анализ послужных списков говорит и о повсеместном обеднении жандармов в пореформенную эпоху. Получаемое на службе содержание стало для них единственным источником дохода. Нет собственности в виде заводов, земель и крестьянских душ. К тому же приобретению собственности (например, дома), помимо общей нехватки средств, препятствовал и сам характер служебной деятельности, связанный с постоянной ротацией личного состава и перемещением по разным губерниям. Еще в 1830-е гг. было взято за правило не назначать офицера в ту губернию, уроженцем которой он являлся, дабы не смешивать личные интересы с государственными, ведь по долгу службы жандарм — сторонний наблюдатель.

В пореформенный период прослеживается складывание жандармских династий, когда в Корпусе служили сначала отец, затем сын (на примерах Воронеже — это семьи Ковалинских, Завьяловых) или одновременно братья (Панфиловы), что позволяет говорить об определенной престижности профессии.

В заключении отмечу, что благодаря наличию такого вида источника, как послужные списки, у исследователей есть возможность реконструкции служебной биографии жандармских начальников, а через их призму — выход на анализ и обобщение тех изменений, которые происходили в местном аппарате политической полиции и сопровождались историческим контекстом.

Список литературы

1. Государственный архив Воронежской области: путеводитель / Под общ. ред. В.В. Гурьева. — Воронеж, 2010.
2. Страхов Л.В., Перегудов А.В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. — 280 с.
3. Государственный архив Воронежской области (ГА ВО). Ф. И—1. Оп. 3. Д. 372.
4. ГА ВО. Ф. И—1. Оп. 3. Д. 336.
5. ГА ВО. Ф. И—1. Оп. 3. Д. 391.
6. Хитрово Н.П. Мои отношения к штабу Отдельного корпуса жандармов в 1871 году, шефу жандармов графу Шувалову и известному публицисту славянофилу Аксакову // Русская старина. — 1914. — Т. 158. — № 4—6. — С. 383—391.
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 608 с.
8. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 1 июля 1915 г. — Ч. 1—2. — Петроград, 1915. — 807 с.

Финансирование строительства великокняжеских резиденций и роль августейших заказчиков на примере Михайловской дачи и Владимирского дворца в Санкт-Петербурге**

Аннотация. Статья ставит своей целью сопоставить каким образом конечные заказчики-великие князья проявляли финансовое участие в создании резиденций. Использование в качестве примеров Михайловской дачи и Владимирского дворца в Санкт-Петербурге дает автору возможность оценить влияние произошедшего в промежутке между их строительством изменения подходов к возведению великокняжеских дворцов. В статье показана и общая черта для обоих проектов — стремление выполнить все пожелания будущих августейших владельцев.

Ключевые слова: великий князь; финансирование; резиденция; Министерство императорского двора; строительство.

Financing of construction of the Grand Ducal residences and part of the August customers by the case of Mikhailovskaya Dacha and Vladimirskiy Palace in St Petersburg

Abstract. The article aims to compare how grand dukes as the end customers financially supported construction of their residences. The author by appealing to the history of Mikhailovskaya Dacha and Vladimirskii palace studies the influence of the reform of palace construction system. The article outlines the common feature of both projects, tendency to fulfill all the wishes of future august owners.

Keywords: grand duke; financing; a residence; the Ministry of the Imperial Court; construction.

Министерство императорского двора (МИДв) активно участвовало в формировании архитектурного облика имперской столицы и ее пригородов. В первую очередь здесь стоит упомянуть о великокняжеских

---

* **Андрей Александрович Ефимов** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). e-mail: aaefimov5@gmail.com

Andrei A. Yefimov — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Scientific and Historical Archive, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

** Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук № МК-175.2019.6

резиденциях, ставших неотъемлемой частью Санкт-Петербурга, Петергофа, Царского Села, которые строились в подавляющем большинстве случаев под прямым управлением чиновников Придворного ведомства. При этом необходимо отметить, что строительная деятельность Министерства двора — комплекс вопросов, включающий в себя систему нормативно-правовых актов, регулировавших строительство; появление и эволюцию органов управления этой сферой; взаимоотношения с контрагентами (чиновниками других ведомств, архитекторами, поставщиками, подрядчиками), сам процесс строительства. Особенное место занимает проблема взаимодействия и взаимоотношений членов Императорской фамилии с чиновниками Министерства на этапе подготовки к строительству и непосредственного возведения комплексов великокняжеских дворцов. Не менее важно изучить и взаимодействие между членами царской семьи, в первую очередь, великими князьями, для которых строились многочисленные резиденции, и императорами. Обе эти проблемы можно объединить как исследование внутренних взаимоотношений высшей элиты Российской империи — представителей династии Романовых — и их контактов с бюрократическими кругами, представленными чиновниками Министерства двора, созданного и работавшего для финансового обеспечения и обслуживания в первую очередь членов императорской фамилии.

Нельзя сказать, что проблема взаимодействия августейших особ, служащих МИДв, архитекторов, подрядчиков и поставщиков совершенно не освещена в историографии. Вопрос взаимоотношений членов дома Романовых и архитекторов неоднократно привлекал внимание исследователей. Специально он рассмотрен в работе А.С. Лосевой [3] и статье Е.А. Борисовой [1], затрагивается в книге В.А. Резвина [4]. Однако представление о роли великих князей в строительстве остается неполным. В первую очередь по причине фокусировки на линии «член императорской фамилии — архитектор», когда основное внимание уделяется влиянию художественного вкуса августейших заказчиков на экстерьер и интерьер будущих резиденций; а также из-за искусственной ограниченности источниковой базы, поскольку многие авторы не привлекают архивные документы. При этом вне поля зрения остаются проблемы участия членов императорской фамилии (через пожелания и указания) в подготовке проектно-сметной документации, приготовлениях к строительству, проведении самих строительных работ и принятии решения о поощрении тех или иных лиц, трудившихся для возведения дворцовых комплексов (как архитекторов и их помощников, так и подрядчиков и поставщиков).

В представляемой статье на основании документов Российского государственного исторического архива на примерах Михайловской дачи и Владимирского дворца в Санкт-Петербурге будет рассмотрено

участие великих князей в финансировании возведения собственных резиденций и влияние на это произошедшей в середине 1860-х гг. корректировки подходов к дворцовому строительству. Предваряя предметное рассмотрение вопроса, стоит отметить, что августейшие заказчики всегда так или иначе вмешивались в проведение строительных работ. При этом каждое такое вмешательство влекло за собой изменение общей стоимости проекта в сторону увеличения. Однако вплоть до 1860-х гг. эти расходы практически не касались самих великих князей.

Создание резиденции для великого князя Михаила Николаевича началось в 1857 г. Согласно первоначальным сметам, утвержденным летом того же года, «на постройку Большого дворца, Малого дворца, Кавалерского дома, кухонного корпуса с флигелем для придворных служителей, прачечной и гладильни; конюшенного двора; кузницы с баней при Конюшенном дворе и помещением водоподъемной паровой машины для снабжения всех строений водой, а также на жалование архитектору и прочим лицам» предусматривалось выделение 843 545 руб. с добавлением 40 000 руб. на непредвиденные расходы и 249 000 руб. на меблировку. Однако вскоре по рекомендации министра императорского двора В.Ф. Адлерберга произошла замена главного архитектора — вместо И.И. Шарлеманя был выбран Г. Боссе. Произошли и коррективы в части финансовой документации, частично обусловленные пожеланиями августейшего заказчика. Непосредственно строительные работы теперь стоили 862 544 руб., меблировка — 210 300 руб., на вознаграждение архитектору и лицам административно-технического надзора полагалось 54 700 руб., сумма непредвиденных расходов осталась прежней [8, л. 7—9]. Таким образом, еще на этапе согласования смет проект подорожал более чем на 35 000 руб. Однако, поскольку непосредственно строительные работы еще не начались, эта корректировка была без каких-либо проблем принята и Строительной конторой МИДв, и Департаментом уделов, из средств которого должно было финансироваться строительство.

В дальнейшем воплощение пожеланий конечного заказчика не просто привело к тому, что к ноябрю 1859 г. выделенные на непредвиденные расходы денежные средства оказались не просто потрачены, но образовался значительный перерасход. При этом министр двора в письме великому князю подчеркивал, что дополнительные расходы неизбежно возникнут уже при окончательной отделке дворцовых зданий, что также потребует ассигнований, точный размер которых неизвестен. Главную сложность представляло отсутствие у Департамента уделов возможности немедленно перечислить необходимую сумму. Ассигнования могли быть произведены только начиная с 1862 г. В такой ситуации глава Придворного ведомства считал возможным выполнить на Михайловской даче лишь работы по дворцовым зданиям

и обустроить прилегающую к дворцу часть парка, тогда как монтаж водопровода и бассейна, а также благоустройство остальной части парка перенести как минимум на 1864 г., когда появятся свободные средства. До этого момента следовало полностью рассчитаться с подрядчиками за уже осуществленные работы с учетом возможных пени за просрочку выплат в размере 6% [16, л. 52, 55—56 об.].

Финансовые трудности Удельного ведомства не могли не отразиться на производстве работ. Уже упоминавшееся ранее активное назначение великим князем Н. Тарасову и И. Смирнову, получившим подряд на строительство на Михайловской даче, сверхсметных работ вкупе с задержкой с ассигнованиями и базовыми условиями контракта, не предусматривавшего доплат за неучтенные проектной документацией работы, привело к нехватке у подрядчиков оборотных денежных средств для продолжения возведения резиденции. О возникших затруднениях они сообщили в Придворное ведомство, и им было дано обещание, что по окончании строительства при окончательном расчете дополнительные расходы постараются возместить по мере возможности [9, л. 66—67]. Однако деньги требовались немедленно, а назначенных императором к выдаче из Министрства двора средств уже не хватало.

Подрядчики были вынуждены обратиться за кредитами к конечному заказчику — Михаилу Николаевичу. В середине августа они подали прошение о выдаче ссуды в размере 35 000 руб., которые предполагалось возратить после получения положенной выплаты от Придворного ведомства. Контора двора Его высочества направила в Строительную контору отношение, в котором уведомляла о готовности удовлетворить эту просьбу при условии согласия последней возратить деньги с доплатой в размере 5% годовых. Контора отвечала, что в отсутствие ассигнований точные сроки возврата этой суммы неизвестны. Для решения вопроса чиновники связались с руководством министерства. Окончательно вопрос о ссуде от великого князя был снят 9 сентября 1861 г., когда Александр II разрешил конторе выдать требуемые 35 000 руб. из ее операционных сумм, а Придворной конторе Его высочества сообщено об отсутствии потребности в переводе этих средств великим князем [16, л. 83—84 об., 86, 86 об.].

Несогласованность между назначением со стороны великого князя дополнительных работ и ассигнованием средств на эти расходы из Придворного ведомства привели к тому, что для выплаты мастерам и рабочим подрядчику требовалась значительная сумма в 40 000 руб. В начале октября 1861 г. почетный гражданин Смирнов вторично обратился за финансовой поддержкой в Придворную контору Михаила Николаевича. Эти средства были ему отпущены к 10 октября с условием их возмещения как вычет из будущей выплаты из Строительной

конторы. При этом последнюю уведомили об этом лишь спустя два месяца. Вероятно, подобное ассигнование в конце календарного года оказалось невозможным для Придворного ведомства, и указанная сумма была перечислена в конце января следующего года [8, л. 23—23 об.; 9, л. 67; 16, л. 87, 103—104 об.]. В итоге «устройство Михайловской дачи по самым умеренным ценам» обошлось в общей сложности в 1 352 600 руб., что превысило суммы контракта на 191 070 руб. Указанный перерасход был частично погашен как благодаря выделенным по решению императора 75 000 руб., так и ссуде от самого великого князя в размере 40 000 руб. Имевшийся убыток подрядчиков в 76 070 руб. был на рубеже 1861—1862 гг. по решению Александра II возмещен благодаря ходатайству Строительной конторы МИДв из сумм Департамента уделов [9, л. 67 об.—69].

Таким образом, несмотря на отдельные трудности с ассигнованием средств, в общем и целом, обустройство Михайловской дачи в финансовом плане практически не затронуло августейшего заказчика. Однако произошедшие вскоре изменения значительно повлияли на положение дел в этом вопросе.

Завершение строительства резиденций великих князей Николая и Михаила Николаевичей, в частности Михайловской дачи, практически совпало с завершением процесса корректировки подходов к созданию новых дворцов для великих князей. Так в 1862 г., когда на повестке дня оказался вопрос возведения резиденций для сыновей Александра II, Строительная контора выступила с предложением об уменьшении размеров новых дворцов для членов императорской семьи. Причинами этого были названы соображения экономии как на самом строительстве, так и на последующем ремонте и содержании [5, л. 7—7 об.]. Принятие решения о принципах возведения новых резиденций для великих князей затянулось на несколько лет. Над рассмотрением этого предложения, получившего предварительное одобрение императора, работала специально сформированная комиссия, в которой состояли обер-гофмаршал граф А.П. Шувалов, бывший президент Конюшенной конторы генерал-адъютант барон Е.Ф. Мейендорф, генерал-адъютанты Н.В. Зиновьев и Г.Ф. Гогель. В результате этой деятельности была составлена программа конкурса проектов дворцов для детей Александра II, предусматривавшая в качестве потолка расходов сумму в 750 000 руб. непосредственно на строительные и отделочные работы. По результатам этого конкурса было предварительно отобрано два проекта [7, л. 88—90 об.], однако ни один из них не получил полноценного одобрения. Для окончательного решения вопроса о масштабах нового дворцового строительства была сформирована новая комиссия [5, л. 17—18].

В 1865 г. идея о снижении расходов на обеспечение помещением великих князей и их придворного штата была поддержана гене-

рал-адъютантом графом Б.А. Перовским, участвовавшим в конкурсной комиссии. Высказанные им предложения можно назвать радикальными. Он полагал возможным вовсе отказаться от строительства новых дворцовых зданий, ограничившись реконструкцией или ремонтом существующих построек, а именно дома графа И.И. Воронцова-Дашкова, Запасного дворцового дома и дома Каратыгиной для великих князей Александра, Владимира и Алексея Александровичей соответственно. Кроме того, генерал-адъютант считал необходимым воздержаться от строительства манежей при новых дворцах, домовую церковь сделать общей для братьев, а также снизить расходы на оборудование служебного за счет сокращения штата придворных и прислуги жилья [14, л. 7—8 об.]. Государем были приняты более умеренные предложения Строительной конторы, не вносившие столь радикальных изменений в принципы строительства [6, л. 69 об.]. По распоряжению Александра II на строительство будущих великокняжеских резиденций, следовало отпускать из Удельных сумм 600 000 руб. [10, л. 77—78; 11, л. 1—1 об.; 13, л. 5—7].

Новые параметры были учтены архитектором А.И. Резановым при проектировании дворца для Владимира Александровича. Предполагалось, что при возведении главного корпуса по Дворцовой набережной, гофмейстерского флигеля по Миллионной улице, а также части служебных построек будут использованы фундаменты и капитальные стены существующих зданий, тогда как с нуля возводить планировалось лишь конюшни и поперечный корпус во дворе [2, с. 12].

На протяжении всего срока строительства ее будущему владельцу ежегодно предоставляли финансовые отчеты. За 1867—1871 гг. они подавались на рассмотрение в конце января — первой половине февраля следующего года. Общий отчет за весь период проведения работ, с 1 мая 1867 г. по 1 ноября 1872 г. совместно с ведомостью расходов, произведенных в ноябре-декабре 1872 г. уже после полной приемки дворца, был подан Его Высочеству 21 февраля 1873 г. В состав отчета вошли и раскладка казенных ассигнований и дополнительные поступления на строительство, и перечень расходов. На 1 ноября 1872 г. постройка обошлась в 899 637 руб., из которых 185 794 руб. были выделены из личных средств великого князя [12, л. 1—3 об., 18, 27, 28, 37—39, 49, 51, 62, 63, 73, 74], по утверждению графа Б.А. Перовского, без обращения к императору за дополнительными ассигнованиями [11, л. 2].

В дальнейшем ввиду продолжавшихся и после официальной сдачи-приемки резиденции строительно-отделочных работ, обустройства помещений, приобретения предметов обихода (в том числе кухонной утвари, посуды и белья) и другого имущества совокупная стоимость по окончательным справкам середины 1870-х гг. значи-

тельно превзошла все предыдущие расчеты и составила более 1,5 млн руб., из которых непосредственно возведение резиденции обошлось приблизительно в 880 000 руб. При этом, по подсчетам чиновников Конторы двора Владимира Александровича, общая сумма государственных ассигнований на тот момент равнялась около 917 000 руб. Таким образом, последних полноценно хватило лишь на само возведение резиденции. Остальные расходы были большей частью погашены из собственных средств Его Высочества [15, л. 342—343].

Владимир Александрович считал такое обширное материальное участие в создании собственного дома обременительным. Он поручил своему гофмейстеру Г.Т. фон Боку обратиться к главе Придворного ведомства графу А.В. Адлербергу и, уведомив последнего о финансовых вложениях, просить «обратить благосклонное внимание на финансовое положение Его Высочества». Проект отношения был составлен в октябре 1875 г. Его автор отмечал, что уже на тот момент «постройка и обзаведение дома Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича, несмотря на самые скромные размеры штату Двора Его Высочества вызвали... расход, на покрытие которого сверх отпущенных сумм пришлось употребить из сумм Его Высочества 347 570 руб. и, сверх того, предвидятся еще разные расходы на обзаведение до 100 000 руб. ... итого передержки, в общей сложности, около 450 000 руб., не считая расходов на содержание и ремонт дома, которые покрываются из средств Его Высочества». При перечислении дополнительных расходов составители документа в первую очередь отмечали возведение галереи, которая «по неимению во дворце кругового хода, вызвана крайней необходимостью», то есть указывали на фундаментальный, как им виделось, недостаток базового проекта резиденции, исправление которого вынужденно обеспечивалось не из государственного бюджета, а суммами великого князя. При этом специально указывалось на еще один, на этот раз концептуальный просчет, по которому предполагалось «устроить жизнь великого князя как частного человека», однако тот «ни по рождению, ни по воспитанию, ни по самому положению его, не повел такую жизнь, какая проектировалась для него». Небезосновательно утверждалось, что «его положение... вызывает его на многие расходы, от которых частное лицо и с большими средствами совершенно избавлено» [15, л. 337—338].

Однако, поскольку сведений о действительном предоставлении этого обращения на суд Адлерберга обнаружить не удалось, основательно утверждать о поступлении просимых возмещений из бюджета на данный момент невозможно.

Произошедшие в правление Александра II изменения в подходе к возведению новых резиденций сильно повлияли на участие вели-

ких князей в финансировании собственных дворцов. Указом императора сумма расходов на эти цели была четко зафиксирована на уровне, как минимум вдвое меньшем реально произведенных расходов на эти цели для любой из прежних резиденций. При реализации проекта будущего Владимирского дворца эта сумма оказалась совершенно недостаточной. Серьезное финансовое вмешательство со стороны великого князя обуславливалось не столько техническими причинами, сколько и сохранением прежнего восприятия резиденции как представительного сооружения и потакания желаниям августейшего заказчика. При этом Его Высочеству удалось, как минимум частично, добиться возмещения своих потерь от Министерства двора, что во многом свело на нет усилия по сокращению размеров строящихся дворцов.

Уже при следующем императоре Александре III для обеспечения жильем великих князей в соответствии с новой редакцией Учреждения об императорской фамилии в 1886 г. нормативы денежного обеспечения обустройства резиденций были скорректированы. Установленная тогда сумма единовременной выплаты в 1 000 000 руб. для детей императора и в 600 000 руб. для внуков больше соответствовала реальной ситуации в дворцовом строительстве.

Список литературы

1. Борисова Е.А. К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. — М.: Наука, 1994. — С. 234—298.
2. Величенко М.Н., Миролубова Г.А. Дворец великого князя Владимира Александровича. — СПб.: Белое и черное, 1997. — 191 с.
3. Лосева А.С. «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 138 с.
4. Резвин В.А. Архитекторы и власть. — М.: Искусство — XXI век, 2013. — 311 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 480. Оп. 1. Д. 10.
6. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 14.
7. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 36.
8. РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875.
9. РГИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939.
10. РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1.
11. РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 703.
12. РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1266.
13. РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 541.
14. РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 777.
15. РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 781.
16. РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314.

Вклад Великой княгини Елизаветы Фёдоровны в развитие кустарного производства в России

Аннотация. В ситуации, когда промышленная революция привела к кризису традиционных крестьянских ремесел, российские благотворительные учреждения стремились поддерживать кустарное производство, чтобы дать заработок промысловикам. В статье рассматривается деятельность в этой сфере великой княгини Елизаветы Федоровны, в первую очередь её покровительство Складу кустарных изделий, стремившемуся наладить производство и сбыт кустарной крестьянской продукции. Особое внимание уделено фигурам Е.П. Ермоловой и С.Д. Самариной, осуществлявшим непосредственное руководство работой Склада.

Ключевые слова: кустарное производство; благотворительность; великая княгиня Елизавета Федоровна; Е.П. Ермолова; С.Д. Самарина; Склад кустарных изделий.

The contribution of Grand Duchess Elisabeth Fedorovna to the development of the handicraft production in Russia

Abstract. In a situation when the industrial revolution led to a crisis of traditional peasant crafts, Russian charitable institutions sought to support handicraft production in order to earn money for craftsmen. The article is dealing with the activities in this area of Grand Duchess Elisabeth Fedorovna, primarily her patronage of the Company (Sklad) for selling handicraft products, which sought to establish production and marketing of tradition peasant products. Particular attention is paid to the figures of E.P. Ermolova and S.D. Samarina, who directly supervised the work of the Company.

Keywords: handicraft production; charity; grand duchess Elisabeth Fedorovna; E.P. Ermolova; S.D. Samarina; the Company (Sklad) for selling handicraft products.

В 1890-е гг., в разгар промышленной революции, кустарное производство в силу естественных причин переживало кризис. Ограниченные возможности малого бизнеса, вытеснение его продукции промышленными товарами, структурные изменения потребительского спроса заставили промысловиков искать новые экономические «ниши». Те из них, кто продолжал работать в традиционных отраслях, постепенно сужали сферу деятельности или находились на грани разорения. В кустарном производстве в основном были заняты крестьяне, многим из

* Елена Юрьевна Ковальская — аспирант Центра «История России XIX — начала XX в.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). ekovalskaya@mail.ru

Elena Y. Kovalskaya — Post-graduate student of the Center “The Russian History in the XIXth and early XXth centuries”, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

которых оно давало жизненно необходимый заработок. Для их поддержки необходимы были как финансовые дотации, так и содействие в приобретении материалов и сбыте продукции, переориентирование их на нужды рынка. На помощь кустарям-крестьянам приходило не только государство, но и общественность в лице различных земств и влиятельных персоналий. В ряду известных покровителей крестьянских ремесел стоит имя великой княгини Елизаветы Федоровны.

Она непосредственно столкнулась с проблемами кустарных промыслов в 1891—1892 гг. Тогда, в связи охватившим Центральную Россию голодом, в Москве был открыт Комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. В состав руководящего органа комитета, который возглавила Елизавета Федоровна, вошли первые лица Москвы. Работники комитета обратили внимание на бедственное положение кустарей из местностей, пострадавших от неурожая. Было принято решение об оказании не только разовой финансовой помощи, но и содействии кустарям в сбыте их продукции. Инициатива исходила от сотрудников великой княгини. С.Д. Самарина, заведующая одним из отделов Склада для приема пожертвований вещами, открытом при Комитете, и в тоже время помещица, пострадавшей от неурожая в Самарской губернии, предложила оказать помощь крестьянам путем продажи их изделий при складе. Ее идею поддержали руководительницы склада Е.П. Ермолова и княгиня Н.Б. Трубецкая, которые довели это предложение до великой княгини и ее супруга, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Те поддержали инициативу, поставив во главе нового дела Ермолу [22, с. 2].

Изделия от кустарей поступали на склад без посредства скупщиков, причем их доставляли бесплатно по железным дорогам по специальному разрешению, выданному Комитету. В итоге на складе, представлявшем собой уже торговую фирму, товары продавались по ценам кустарей (без начисления процентов за продажу). На поддержку кустарного промысла в конкретных местах было выделено 8000 руб. Помимо этого Елизавета Федоровна передала 500 руб. пяти дамам-благотворительницам, осуществлявшим посредничество между кустарями и складом. На эти деньги они закупали кустарные изделия, выручка от продажи которых снова запускалась в оборот склада [1, с. 33—34]. Одна из дам, М.Н. Пальчикова, на выданные ей деньги организовала производство по изготовлению ковров в Лебедянском уезде Тамбовской губ. Результат превзошел ожидания: в 1900 г. на Парижской выставке ковры этой мастерской были удостоены серебряной медали [41, с. 3].

Незадолго до закрытия Комитета Ермолова обратилась к великокняжеской чете с предложением о реорганизации склада под

новым названием — «Склад кустарных изделий». В 1893 г. Сергей Александрович и Елизавета Федоровна исходатайствовали Высочайшее разрешение на открытие учреждения, и великая княгиня взяла его под покровительство, назначив председателем правления Ермолову, казначеем — Н.К. фон Мекка. Им были переданы 500 руб. на устройство и непроданные кустарные изделия на сумму 1757 руб. На содержание склада великокняжеская чета назначила 2000 руб. в год из средств бывшего Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Министерство двора безвозмездно предоставило в пользование склада помещение в доме Государственного коннозаводства [31, с. I—II].

Склад работал вплоть до 1917 г. Начав с продажи самых разнообразных кустарных изделий, со временем он стал специализироваться на товарах ткацкого производства и женского рукоделия. Кустарям поставляли высококачественные нити, современные выкройки, делали заказы, выкупали их продукцию*. В 1900 г. Министерство земледелия выдало складу ссуду 3000 руб. на развитие шелкового и кружевного кустарного промысла [19, с. 3]. Торговля шла как в собственных помещениях, так и на специальных выставках, приуроченных к главным христианским праздникам: Рождеству Христову и Пасхе. Выставки стали проводить с 1892 г. Об успехе организации свидетельствует выручка, которая возросла с 10709 руб. в 1892 г. до 76682 руб. в 1915 г. Всего за 26 лет было продано товара на сумму 904183 руб. [36, с. 12]. В 1892 г. со складом сотрудничали 46 поставщиков из 19 губерний, в 1899 г. — 100 из 31 губерний [22, с. 2], 1915 г. — 143 из 30 губерний [36, с. 16—23]. Товары продавали по ценам кустарей. С 1894 г. стали взимать комиссию 5% с целью накопления капитала на содержание склада и покупки товаров [6, с. 3].

На выставках помимо сотрудников склада торговали кустари, музеи отдаленных губерний, школы министерства, частные лица, земства, что позволяло им устанавливать непосредственные связи с заказчиками. С 1899 г. склад стал устраивать выставки в других российских городах (Одессе [17, с. 3; 45, с. 22], Санкт-Петербурге, Киеве [34, с. 4]. В 1902 г. были проведены выставки в Берлине и Париже, в 1906 г. — в Лондоне, в 1908 г. — в Риме [44, с. 6]. В 1912 г. склад отправлял товар на выставку женского труда в Копенгаген, на передвижную выставку в Англию, на выставку кружев в Роттердаме [47, с. 5]. В Буэнос-Айресе, Париже, Берлине товары продавали частные лица, предлагавшие складу свое посредничество [44, с. 6]. Первая мировая война резко сократила доходы, однако уже в 1915 г. торговые обороты не только

---

* Например, в 1899 и 1911 гг. склад отправлял своих представителей в Елец — центр кружевного производства — для покупки кружев [15, с. 3; 46, с. 4].

восстановились, но и значительно выросли (для сравнения: в 1913 г. — 54126 руб., 1914 г. — 44100 руб., 1915 г. — 76682 руб. [36, с. 12]).

Участие в этой деятельности Елизаветы Федоровны как покровительницы склада выразилось в нескольких формах. Это, прежде всего, функции учредителя: принятие решений о реорганизации склада, назначении на руководящие должности (председательницы, казначея, членов правления, заведующей складом). В 1911 г., после смерти Ермоловой, по решению великой княгини склад возглавила Самарина, казначеем стал В.И. Барманский [46, с. 3]. В 1912 г. склад был вторично реорганизован: его подчинили специально созданному под покровительством великой княгини Обществу распространения и улучшения кустарных изделий. Согласно уставу, капитал Общества пополнялся, в том числе, и за счет ежегодных взносов его членов [48, с. 5]. Привлечение новых членов было одной из важных задач организаторов. На основании показателей численности (в 1913 г. — 13 чел. [34, с. 3], в 1915 г. — 145 чел. [36, с. 3]) очевидно, что организация была относительно популярна в общественных кругах. Во многом это объясняется тем, что жертвователи получали возможность контактов с великой княгиней, например, во время общих ежегодных собраний членов общества [35, с. 3].

Елизавета Федоровна и ее супруг оказывали финансовую поддержку организации. Помимо средств, выданных в 1892—1893 гг., в 1894 г. чета передала 1000 руб. (из средств бывшего Комитета) [32, с. VII], Сергей Александрович в 1895 г. — 4000 руб. (из средств Комитета по призрению сирот и оказанию пособий семействам умерших от холеры) [33, с. 2]. В 1909 г. по распоряжению Елизаветы Федоровны из средств конторы ее двора был выдан кредит 1200 руб. (в том же году погашен) [44, с. 10]. Отметим, что этой поддержки было недостаточно для организации, открывшейся без основного капитала и не ставившей для себя приоритетной целью получение прибыли. Необходимо было изыскивать другие источники дохода. Большое значение имела ежегодная финансовая поддержка от Министерства земледелия и государственных имуществ — субсидии в размере 2000 руб. и жалованье заведующему складом 800 руб. [33, с. 2; 37, с. 8; 38, с. 5; 39, с. 10; 40, с. 8; 41, с. 4; 42, с. 6; 43, с. 6; 44, с. 10; 45, с. 12; 46, с. 8; 47, с. 20; 34, с. 20; 35, с. 32—33; 36, с. 34—35]. Помимо этого Министерство оказывало единовременные пособия. Например, 9 марта 1899 г. по ходатайству Елизаветы Федоровны была выдана беспроцентная ссуда 3000 руб. на развитие шелкового и кружевного дела [40, с. 3]; единовременные пособия были оказаны в 1906 г. — 10000 руб. [41, с. 4] и 1914 г. — 5000 руб. (на ремонт склада) [35, с. 4]. Не менее трех раз в чрезвычайных ситуациях склад получал ссуды в размере 5000 руб. от Общества трудовой помощи, состоявшего под

покровительством императрицы Александры Федоровны [41, с. 10; 44, с. 10; 47, с. 20]. Наконец, финансировали организацию и ее непосредственные руководители. Так, средства в кредит давали: казначей Н.К. фон Мекк — 1000 руб. [39, с. 10], помощник казначая В.В. фон Мекк — 2000 руб. [43, с. 6], Самарина — 1000 руб. (1912), 4200 руб. (1913), 2000 руб. (1914) [47, с. 20—21; 34, с. 20—21; 35, с. 34—35]; товарищ председателя Н.Я. Эрихсон — 3300 руб. (1913), 2600 руб. (1914) [34, с. 20—21; 35, с. 34—35]. В основном кредиты были погашены. Из приведенных данных очевидно, что в успешном развитии организации была заинтересована не только великая княгиня, но и ее ближайшие помощники.

Елизавета Федоровна контролировала текущую деятельность склада: утверждала ежегодные отчеты, председательствовала на заседаниях (в т. ч. приглашала к участию в них тех или иных лиц) [4, л. 125—125 об.], посещала сам склад [11, с. 3; 24, с. 4; 25, с. 4] и организуемые им выставки-продажи [5, с. 3; 7, с. 3; 8, с. 4; 9, с. 3; 10, с. 3; 12, с. 3; 13, с. 3; 16, с. 2—3; 18, с. 3; 20, с. 3; 25, с. 4; 26, с. 4]. О ее визитах сообщали «Московские ведомости» с очевидной целью привлечь внимание общества к деятельности склада благодаря популярности самой великой княгини. Причем сообщалось и о покупках, и об отзывах покровительницы. Так, в 1892 г., согласно «Московским ведомостям», Елизавета Федоровна обратила внимание «на платья некоторых дам-продащиц, сшитых из шерстяных материй кустарей, до того хорошо выработанных, что на первых порах трудно различить, что это: крестьянское рукоделие или фабричное производство» [5, с. 3]. В 1899 г. великая княгиня отметила шитые золотом воздухи, елецкие кружева, шелковые материи и вышивки шелком и бумагой по сукну [16, с. 2—3]. Заметим, что в 1898 г. в программу царских визитов было включено посещение Склада кустарных изделий императрицей. Ее сопровождала Елизавета Федоровна, показывала выставку Ермолова [14, с. 3]. Конечно, в глазах общества это был особый знак внимания к организации.

Несомненно, с великой княгиней были согласованы решения о смене помещения для склада*, о месте проведения выставок-продаж**. В 1901 г., когда встал вопрос о выходе организации на иностранный рынок, Елизавета Федоровна назначила князя С.М. Голицына «уполномоченным на предмет изыскания развития экспорта в Германию и Францию русских кустарных изделий» [21, с. 2].

* В 1892 г. склад был открыт при складе Дамского комитета в здании Государственного коннозаводства, в 1895 г. переведен на ул. Большая Никитская, д. Мещериновой, в 1901 г. — на ул. Арбат (свое здание).

** С 1896 по 1901 г. выставки проходили в Императорском Строгановском училище — главном центре подготовки специалистов кустарного ремесла.

В 1902 г. великая княгиня сама приобретала вещи для базара, устраиваемого складом за границей, причем у ведущей структуры, развивавшей в то время кустарное производство, — кустарного музея Московского губернского земства [24, с. 2].

Елизавета Федоровна не работала с поставщиками лично, но в отдельных случаях принимала некоторых из них, так, например, выходца из известного с. Мстеры Владимирской губернии кустаря А.И. Цепкова [23, с. 2]. В роли поставщиков выступали не только крестьяне, но и помещики, взявшие на себя функции посредников на местах. Постепенно они сами организовывали собственное производство. Помимо упомянутой выше М.Н. Пальчиковой (изготавливавшей ковры в Лебедянском уезде) надо назвать М.В. Каткову*, княгиню М.А. Урусову**, А.Н. Нарышкину, С.Д. Самарину, Н.К. фон Мекка [6, с. 3; 22, с. 2]. Склад тесно сотрудничал с гончарной мастерской С.И. Мамонтова в Абрамцево [6, с. 3; 14, с. 3]. Всех этих людей Елизавета Федоровна знала лично.

Фактической главой склада вплоть до своей кончины в декабре 1910 г. была инициатор этого проекта Е.П. Ермолова. Именно по ее просьбе великая княгиня ассигновала пяти лицам 500 руб. на оборотные средства. Она же обращалась в Министерство земледелия, в Общество трудовой помощи, к Сергею Александровичу за финансированием. В письме к великому князю от 23 декабря 1898 г. она сообщала: «Спешу выразить Вам свою глубокую благодарность за новую милость Складу, за помощь в размере 2000 руб. Н.Г. Львов явился в Склад с этой приятной вестью, и конечно, застал моих дам, потому что нынче последний день выставки. Дорога нам Ваша поддержка делу, полезному крестьянам, вытекшему прямо из нужды их в неурожайный год и под покровительством Великой Княгини и с Вашей поддержкой постоянно расширяющим свою деятельность» [28, л. 28—28 об.].

Именно Екатерина Петровна была ответственна за выставки-продажи за границей [29, л. 24 об.]. Она же инициировала развитие кружевного дела по русским образцам. Благодаря ей было налажено производство ковров в Лебедянском уезде Тамбовской губернии [45, с. 4—8]. Она лично встречала великую княгиню во время ее визитов на склад и выставки, давала пояснения, как и где организованы кустарные работы, каким образом склад помогает кустарям на местах. При ее посредстве Елизавета Федоровна знакоми-

---

* М.В. Каткова сначала сама выучилась ткать материи, а затем основала «Знаменскому производству» материй и пледов в Подольском уезде Московской губернии. Вскоре Знаменское кустарное производство приобрело широкую известность.

** В 1892 г. она основала Сычевский ткацкий промысел в Смоленской губернии.

лась с проблематикой кустарного дела. Ермолова была связующим звеном между великой княгиней и Складом кустарных изделий. Через нее великая княгиня передавала свои поручения. Например: «Могу ли я быть настолько нескромной, чтобы просить Вас выставить вышивки, выполненные греческими крестьянами — этим после войны они зарабатывают себе на хлеб. Можно было бы поместить эти вышивки в Строгановском музее в те дни, когда будут выставляться работы русских кустарей» [27, л. 27—28]. Через великую княгиню Екатерина Петровна «напоминала» о складе императрице. Из письма к Е.П. Ермоловой: «Передам зонтик моей сестре от Вас — какая оригинальная кустарная работа» [27, л. 5—5 об.].

Несколько слов о самой Екатерине Петровне. В московском великосветском обществе она как камер-фрейлина занимала особое положение, на значительных общественных мероприятиях была «главой» городских дам. К Ермоловой очень хорошо относилась императрица Мария Александровна, жена Александра II, и потому ей нередко доводилось бывать на «маленьких интимных вечерах» царской семьи. Как следствие, у нее сложились теплые отношения с царскими детьми, в особенности — с великим князем Сергеем Александровичем, который ласково называл ее «тетей Катей» [30, л. 59 об.—60]. Много лет они состояли в переписке, делились личными переживаниями [28]. После переезда в Москву в 1891 г. в связи с назначением на пост генерал-губернатора Сергей Александрович не только регулярно принимал Ермолову в своей резиденции, но и ездил к ней сам [30, л. 60]. Они подолгу беседовали — оба были убежденными монархистами и глубоко верующими людьми [2, с. 701]. Можно с уверенностью сказать, что их связывала многолетняя дружба. На наш взгляд, главным образом поэтому Ермолова стала одной из главных помощниц Елизаветы Федоровны в благотворительной сфере: участвовала в жизни восьми организаций, находившихся в ведении великой княгини, причем в шести из них являлась ее заместителем*. В 1910 г., незадолго до кончины Екатерины Пе-

* Е.П. Ермолова была членом Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая (1891—1892), заведующей Складом кустарных изделий (1892—1911), членом Комитета в пользу сирот, пострадавших от холеры в Московской губ. (1893); основательницей и заведующей приюта-ясли в д. Рогожина в Москве (1894), товарищем председателя Главного комитета кустарного отдела на Всемирной выставке в Париже (1900); помощницей председательницы Склада вел. кн. Елисаветы Федоровны в Москве по сбору пожертвований на помощь раненым и нуждающимся вследствие войны на Дальнем Востоке (1904—1905); помощницей председательницы и членом правления Московского местного дамского комитета РОКК (1904); помощницей председательницы Общества помощи погорельцам в г. Москве и Московской губернии [3, с. 631—632].

тровны, когда та уже была без сознания, великая княгиня приезжала навестить ее [9, л. 60 об.], затем была на похоронах, причем не только отстояла заупокойную литургию (которую, кстати, совершил ее духовник протоиерей Митрофан Сребрянский), но и проводила гроб Екатерины Петровны до места захоронения.

После кончины Ермоловой в 1910 г. склад возглавила ее племянница и крестница Софья Дмитриевна Самарина (1863—1934), фрейлина императрицы Александры Федоровны. Она также стояла у истоков создания склада — именно ей принадлежала идея его открытия. С 1892 г. она была одной из главных поставщиц и в то же время правой рукой Екатерины Петровны в ведении дел. Из писем Софьи Дмитриевны тете: «Очень рада, что вы взяли новую продавщицу. Желая вам с ней успеха. Не забудьте про ковры. Кажется, они очень хороши» (10 мая 1893) [29, л. 8]; «Радуюсь заграничным выставкам кустарным. Мы наводним Дармштадт и Лондон дешевыми подушками, которые теперь ткут 11 учениц! Подошьем набойкой и будет echt-russisch [действительно по-русски — нем.]» (13 октября 1906) [29, л. 24 об.]. Таким образом, назначение Софьи Дмитриевны на пост председателя правления в 1911 г. вполне объяснимо как ее многолетним опытом, так и родственными связями с Ермоловой. Обратим внимание на то, что склад, деятельность которого в течение семи лет (1904—1910) находилась в состоянии спада (в 1906—1910 гг. выручка снизилась с 49818 руб. до 42066 руб.), с третьего года правления Самариной увеличил обороты (в 1913 г. — 54126 руб.) [35, с. 12].

Деятельность Елизаветы Федоровны в сфере поддержки кустарного производства отнюдь не ограничивалась покровительством складу. Наряду с этим она занималась организацией экспозиций ремесел русской деревни на международных выставках, покровительствовала Строгановскому училищу, выпускавшему мастеров множества специальностей кустарного производства и т.д. Однако всё это были лишь разовые проекты; руководство же складом продолжалось более четверти века и сыграло заметную роль в развитии кустарного производства в России.

Список литературы

1. III отчет состоящего под председательством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны Московского комитета для сбора пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. — М.: Городская Типография, 1893.
2. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: документы и материалы (1884—1909 гг.) / Авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. — СПб.: Алетейя, 2009. — 847 с.

3. Великая княгиня Елисавета Феодоровна: документы и материалы (1905—1918 гг.) / Авт.-сост. Е.Ю. Ковальская: в 2 т. — Т. 2: 1914—1918. — М.: Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), 2016. — 776 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1019. Оп. 1. Д. 1196.
5. Московские ведомости. — 1892. — 9 апреля. № 97.
6. Московские ведомости. — 1894. — 29 марта. № 87.
7. Московские ведомости. — 1895. — 10 апреля. № 97.
8. Московские ведомости. — 1895. — 9 декабря. № 339.
9. Московские ведомости. — 1896. — 1 мая. № 118.
10. Московские ведомости. — 1897. — 22 марта. № 80.
11. Московские ведомости. — 1897. — 15 октября. № 284.
12. Московские ведомости. — 1897. — 22 декабря. № 352.
13. Московские ведомости. — 1898. — 21 марта. № 79.
14. Московские ведомости. — 1898. — 21 августа. № 229.
15. Московские ведомости. — 1899. — 24 марта. № 82.
16. Московские ведомости. — 1899. — 27 марта. № 85.
17. Московские ведомости. — 1899. — 15 апреля. № 104.
18. Московские ведомости. — 1899. — 21 декабря. № 351.
19. Московские ведомости. — 1900. — 23 марта. № 82.
20. Московские ведомости. — 1901. — 11 марта. № 69.
21. Московские ведомости. — 1901. — 19 ноября. № 319.
22. Московские ведомости. — 1902. — 7 марта. № 65.
23. Московские ведомости. — 1902. — 20 апреля. № 107.
24. Московские ведомости. — 1902. — 9 октября. № 278.
25. Московские ведомости. — 1903. — 3 апреля. № 92.
26. Московские ведомости. — 1903. — 19 декабря. № 347.
27. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 93. Ед. хр. 146.
28. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 253. К. 9. Ед. хр. 4.
29. ОР РГБ. Ф. 265. К. 177. Ед. хр. 1.
30. ОР РГБ. Ф. 265. К. 234. Ед. хр. 16.
31. Отчет в приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада, состоящего под покровительством Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Елисаветы Феодоровны с 1-го октября 1892 года по 1-е января 1894 года. — М.: Печатня С.П. Яковлева, 1894.
32. Отчет в приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада, состоящего под покровительством Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Елисаветы Феодоровны с 1 января 1894 года по 1 января 1895 года. — М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1895.
33. Отчет в приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада, состоящего под покровительством Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Елисаветы Феодоровны за 1895 год. — М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1896.
34. Отчет Склада кустарных изделий в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством Ее Им-

300-летний юбилей Династии Романовых как «аккумулированный опыт» способов организации имперских торжеств**

Аннотация. В статье рассматривается 300-летний юбилей династии Романовых как итоговый опыт способов организации имперских торжеств. Выявляются традиционные элементы и привнесенные новшества. Анализируются организационно-распорядительные документы из фонда Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Делаются выводы об эффективности династического юбилея.

Ключевые слова: Романовы; юбилей; 1913; Николай II; комитет; организация торжеств; империя.

The Romanov Dynasty's 300th Anniversary and the organization of Imperial celebrations: accumulated experience

Abstract. The article considers the 300th anniversary of the Romanov dynasty as the final experience of the Imperial celebrations. Traditional elements and introduced innovations are revealed. The organizational and administrative documents from the Fund of the Committee for the celebration of the 300th anniversary of the reign of the Romanov Dynasty, stored in the Russian state historical archive, are analyzed. Conclusions about the effectiveness of the dynastic anniversary are made.

Keywords: Romanovs, anniversary, 1913, Nicholas II, Committee, organization of celebrations, Empire.

К изучению 300-летнего юбилея династии Романовых, широко отмечавшемуся в Российской империи в 1913 г., исследователи обращались не раз [1; 3; 8; 9; 23] и будут продолжать делать это в дальнейшем. На то есть несколько причин. Во-первых, хронологически это был последний юбилей Российской империи. В 1914 г. началась Первая мировая война, в 1917 г. династия пала. Во-вторых, это было действительно одно из наиболее ярких и самое масштабное из череды юбилейных празднеств начала XX в. В-третьих, существует огромный пласт источников, относящихся к династическому юбилею. Он включает делопроизводствен-

* Светлана Андреевна Лиманова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-информационного центра Архива Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: serovasvetlana@mail.ru

Svetlana A. Limanova — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Scientific Information Center, Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00080 мол_a

ную документацию, многочисленную прессу, юбилейную литературу, публицистику, дневники, письма, воспоминания и др. [4]. Наконец, разнообразная источниковая база дает возможность братья за широкую исследовательскую проблематику: от имперской репрезентации до коммеморативной практики, от разработки планов торжественных мероприятий до их реализации, от замысла организаторов до впечатлений участников и др. В данной статье юбилей династии Романовых будет рассматриваться как «аккумулированный» (т.е. накопленный и переосмысленный, наработанный) опыт организации официальных торжеств царствования Николая II и более ранних периодов имперской истории.

Династический юбилей изначально готовился как событие особо важного государственного значения. Для организации торжеств был создан специальный юбилейный комитет. Такая практика являлась обычной при подготовке предыдущих юбилеев, ближайшими из которых были празднования 200-летия Полтавской битвы (1909) и 100-летия Отечественной войны (1912). Только в этот раз комитет сформировали с большим запасом времени — за три года до проведения самого юбилея. Главой комитета в апреле 1910 г. был назначен член Государственного совета гофмейстер А. Г. Булыгин, известный проектом «Булыгинской думы» (1905). Заседания комитета проходили в здании Министерства внутренних дел. Выделение денежных средств осуществлялось через Министерство финансов. В состав комитета вошли представители различных министерств и ведомств — Императорского двора и уделов, Внутренних дел, Финансов, Военного, Морского, Юстиции, Народного просвещения, Путей сообщения, а также Духовного ведомства православного исповедания и Государственного контроля. Внутренние и организационные вопросы решались комитетом самостоятельно, а требующие принятия определенных мер или получения высочайшего соизволения от императора — вносились на рассмотрение Совета министров.

Главные задачи Комитета для устройства празднования заключались в составлении программы юбилейных торжеств и руководстве их проведением, а также в рассмотрении предложений местных общественных установлений и частных лиц с целью оказания им содействия в реализации юбилейных мероприятий. Сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве документы Комитета (в частности, журналы заседаний) позволяют проследить основные направления его деятельности и выявить, какие сведения были полезны на разных этапах разработки программы торжеств.

Сразу следует сказать, что организаторы использовали как европейский, так и отечественный опыт. В деле по выработке торжественного церемониала [11] можно обнаружить «Церемониал празднования двухсотлетнего юбилея существования Прусского Королевства» (1901)

на немецком языке, программу этого юбилея, перевод вступительной статьи к «Путеводителю по Гогенцоллернскому Музею во дворце Люнбиху» (1906), различные выписки и заметки; здесь же имеется разрешение на работу сотрудника Комитета в Собственной Е. И. В. библиотеке с целью сбора материалов по составлению программы торжеств. Статус мероприятия обязывал провести его на достойном международном уровне. В то же время хорошо заметно стремление сохранить торжество в памяти потомков — отсюда интерес к музею в честь династии. В дальнейшем он выразился в создании проекта Романовского музея в Москве [7; 10], который так и не был реализован.

Отсылки к отечественному опыту встречаются гораздо чаще. В основном они связаны с уже упомянутыми юбилеями Полтавы и Отечественной войны: порядок выработки и принятия решений, рассмотрение инициатив от представителей на местах, организация увеселений и т.д. [13, л. 2; 16, л. 335—336]. Одним из важнейших вопросов который специально и неоднократно рассматривался Комитетом, стал вопрос об обеспечении порядка при проведении праздничных гуляний [15; 17; 18]. В этом сказался печальный опыт Ходынки [5]. Места гуляний решено было рассредоточить и заблаговременно проверить на пригодность, отказаться от дарового угощения, усилить меры безопасности. При составлении сметы на фейерверк учитывались сведения об устройстве иллюминаций и фейерверков в Петергофе с 1880-х гг. [16, л. 1] Уделялось внимание вопросам устройства столовых с чайными и кухнями, пунктов врачебной помощи и освещения мест гуляний [18, л. 7—8, л. 16—17]. К участию в празднествах привлекались учащиеся и представители военных учреждений.

Сама реализация юбилея 1913 г. показала основные направления развития способов организации имперских торжеств, включая их традиционные элементы и «приметы времени». В торжествах начала XX в. продолжала наблюдаться тенденция к децентрализации. Если коронация традиционно являлась торжеством центростремительным (представители со всей страны и гости из иностранных держав собирались в Москве, где происходило основное действие), то юбилеи дали возможность «растянуть» празднование во времени и пространстве.

Отправной точкой при составлении программы торжеств стал выбор даты празднования [12]. Рассматривались три варианта: 21 февраля — день избрания Земским собором в Москве Михаила Федоровича Романова на царство, т.е. воля (выбор) народа; 14 марта — день принятия Михаилом в Костроме прибывшего посольства, т.е. царское волеизъявление (согласие); 11 июля — день венчания Михаила на царство в Москве, т.е. закрепление, божественное освящение его прав на престол. В результате продолжительных дискуссий главным днем празднования было выбрано 21 февраля. Но при этом предложено было не

ограничиваться только лишь торжествами в столичном Петербурге (21—24 февраля). Итоговая программа торжеств включала царскую поездку по городам Верхней Волги (Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Ростов, Переславль-Залесский, с 15 по 24 мая) и посещение Москвы (24—27 мая). Представленный маршрут отражал события 300-летней давности — сбор и передвижение ополчения, стремившегося освободить Москву от поляков. Осенью празднования продолжились в Крыму. Таким образом, торжества в Петербурге давали старт череде романовских празднеств по всей империи.

О проведении имперских торжеств принято было оповещать заранее. Однако в случае с династическим юбилеем дело не ограничилось публикацией в периодических изданиях Высочайшего Манифеста и расписания торжеств. Практически весь 1913 г. «Романовский юбилей» использовался прессой как главный информационный повод. Печатались статьи обо всем, что касалось деятельности представителей династии Романовых в прошлом и настоящем. Сначала — в преддверии юбилея, затем — подробнейшим образом освещались все перемещения императорской семьи и проведенные празднества, после их завершения — писали о впечатлениях и возведении памятных сооружений в честь юбилея.

Много внимания уделялось декорированию городского праздничного пространства и развлечениям горожан. В качестве уличных украшений использовались флаги и материи национальных цветов, стяги, гирлянды зелени, временные сооружения в виде мачт, арок,obelisks, шатров, павильонов, колонн с коронами и парящими имперскими орлами, щитами и вензелями, надписи «Боже, Царя храни!», «1613—1913». Все вместе это создавало необходимый имперский колорит. Декоративное пространство персонифицировали изображения и лепные бюсты императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, а также украшенные цветами медальонные портреты самых выдающихся правителей за 300 лет российской истории. Вечернее убранство отличалось красотой и разнообразием световых решений: многочисленные лампочки, арки со световыми эффектами, прожекторы, проекционные фонари, иллюминация и фейерверки. Для народных забав и увеселений в отведенных под празднования местах устраивались карусели, перекидные качели. На эстрадах выступали клоуны, песенники. На бульварах играли оркестры. По всему маршруту Высочайшего пути вокзалы, пристани, улицы, дома украшались флагами, драпировками, вензелями, арками с зеленью и надписями: «Добро пожаловать!» и «Боже, Царя храни!» [6].

Для сохранения юбилея в памяти потомков члены Комитета сосредоточили усилия на подготовке юбилейных изданий. В результате появилось две книги — популярная история «Россия под скипетром Романовых» и роскошная художественно-историческая монография «Бояре

Романовы и воцарение Михаила Федоровича». Кроме того, была подготовлена «народная картина», на которой изображалась встреча Михаилом Романовым московского земского посольства у ворот Ипатьевского монастыря. Ее копии предполагалось растиражировать в количестве 1 млн экземпляров [13, л. 112 об.—115 об.]. Неоднократно обсуждалась необходимость выпустить юбилейные знаки — медали и рубли. В «главных основаниях» празднований было обозначено: «Выпуск особых настольных юбилейных медалей для поднесения их высочайшим особам и чеканка юбилейных рублей для раздачи нижним чинам тех частей войск, которые будут принимать участие в юбилейных парадах в высочайшем присутствии» [21, л. 16]. Выпустили также медаль «В память 300-летия царствования дома Романовых» — для награждения более широкого круга лиц, имевших отношение к празднованию юбилея, однако предложение Комитета распространить их «в народ» не получило высочайшего одобрения [14, л. 8].

По случаю династического юбилея преимущественно в городах высочайшего посещения происходила реставрация исторических зданий, возводились новые церкви и монастыри (например, собор Федоровской иконы Божией Матери в Петербурге), памятники (закладка памятника Минину и Пожарскому в Нижнем Новгороде, 300-летию Дома Романовых в Костроме, освещение приюта для сирот в память 300-летия в Ярославле и др.), устраивались тематические выставки. Издательства и предприниматели неплохо заработали на выпуске юбилейных книг, брошюр, императорских портретов, фотографий, открыток, многочисленных сувениров с юбилейной символикой. Велась съемка кинохроники юбилейных торжеств, было выпущено два юбилейных фильма — «Воцарение дома Романовых» (фирмы А. Ханжонкова) и «300-летие царствующего дома Романовых. 1613—1913. Исторические картины» (фирмы А. Дранкова). Здесь сказалось европейское влияние. Так, в Великобритании в конце XIX в. широко праздновались золотой (1887) и бриллиантовый (1897) юбилеи королевы Виктории, сопровождавшиеся выпуском юбилейных медалей, монет, подарочных брошек и значков, закладкой по всей стране мемориальных сооружений.

Для дальнейшего закрепления опыта проведения торжеств общеимперского масштаба и отчета о проделанной работе Комитет собирался подготовить подробное сочинение. Оно должно было содержать сведения о непосредственной деятельности Комитета, подробные описания празднований в городах высочайшего посещения, а также отчеты о проведении торжеств в других городах и местностях по всей империи. Необходимые для этого материалы были собраны, и даже велась работа по подготовке издания, но осуществить его не успели [19; 20].

Анализ периодики и документов личного происхождения (переписки, дневников, воспоминаний) позволяет сделать вывод, что

наибольший позитивный отклик из всех Романовских торжеств имело высочайшее путешествие по городам Верхней Волги, называемое еще «царским паломничеством» (из-за частого посещения соборов и церквей). Эти «площадки» торжеств были не так многочисленны по сравнению с городами-миллионниками Петербургом (2 млн) и Москвой (1,5 млн), насчитывали всего от 8 (Суздаль) до 111 (Нижний Новгород) тысяч жителей, что позволяло лучше спланировать празднования, несмотря на постоянную необходимость принятия чрезвычайных мер безопасности [2; 22]. Зрители там были настроены более лояльно, в отличие от пресыщенных торжествами столичных жителей, которые подвергали критике все — от обилия царской охраны до «трафаретности» уличных декораций, от неудавшегося фейерверка до однообразия праздничных развлечений [6]. В итоге общее впечатление от торжеств 1913 г. осталось довольно противоречивым, хотя внешний блеск на время затмил более взвешенные суждения.

Как показывают документы Комитета, не нашли поддержки многие инициативы от верноподданных, желавших выказать свою причастность к имперским торжествам. Например, из-за нехватки необходимых средств осталось нереализованным ходатайство П.М. Кошкина «ознаменовать юбилей учреждением Романовских Домов или подворий для учащих и учащихся» [13, л. 20—22 об.], чтобы подробнее ознакомиться с историей, усиливать патриотические чувства, устраивать чтения, лекции, проводить занятия в кружках и т.д. Сделать их предлагалось в стиле терема, в каждом из которых располагался бы свой музей и архив, а все вместе они олицетворяли бы собой пантеон или хранилище русских традиций. Были и другие оригинальные идеи: руководитель по устройству хоров Пермского губернского комитета Попечительства о народной трезвости предложил приспособить для постановки в сельских театрах сцены из оперы «Жизнь за Царя» «без сопровождения музыкальных инструментов» [13, л. 156 об.—157]. Однако такая инициатива была сочтена плохо продуманной и трудно исполнимой.

С точки зрения устроителей торжеств, при проведении династического юбилея были задействованы все основные способы организации: заблаговременная подготовка, информационное оповещение и сопровождение, обеспечение безопасности, тематическое декорирование, разнообразные увеселения, издание юбилейной литературы, выпуск сувенирной продукции. Монархическая периодика того времени стремилась создать образ «идеального» во всех смыслах юбилея. Однако во всей этой праздничной «полифонии» как будто полностью отсутствовала современность, «дух прогресса»; за декорациями и панегирическими лозунгами терялась актуальность происходящего. Прошлое затмевало настоящее и довлело над будущим, смутен был вектор дальнейшего развития.

И тем не менее юбилейные торжества выполнили две основные функции — популистскую и коммуникативную. Это четко проявилось в следующем 1914 г., когда толпы народа восторженно приветствовали императора Николая II, объявившего о вступлении России в войну с Германией и ее союзниками.

Список литературы

1. Вортман (Уортман) Р. Николай II и популяризация его образа в 1913 году // Новое литературное обозрение. — 1999. — № 4. — С. 978—103.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 242 (ОО). Д. 121 Д.Р. Т. 1.
3. Карнишин В.Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2013. — № 1. — С. 5—10.
4. Лиманова С.А. Корпус источников о 300-летнем юбилее династии Романовых: источниковедческий анализ // Вестник архивиста. — 2013. — № 4. — С. 94—107.
5. Лиманова С.А. «Теперь не старое время, когда толпа в 100 тысяч человек была в диковинку»: Ходынская катастрофа и ее влияние на организацию столичных торжеств в начале XX в. // VI Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды». — М., 2018. — С. 166—174.
6. Лиманова С.А. Трехсотлетие дома Романовых // Лиманова С.А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. — М.: Кучково поле, 2017. — С. 270—300.
7. Мальцева Н.А. Российский Исторический музей и вопрос об учреждении национального музея имени 300-летия Дома Романовых // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. — М., 1995. — С. 30—41.
8. Немиро О.В. Из истории празднования 300-летия Дома Романовых // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. — Вып. 5. — СПб., 1996. — С. 245—261.
9. Перегудова З., Пушкарева И., Тютюнник Л. Празднование трехсотлетнего юбилея Дома Романовых в Москве // Дом Остроухова в Трубниках. — Вып. I. — М., 1995. — С. 292—308.
10. Проект музея в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых. — М., 1914.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1320. Оп. 1. Д. 14.
12. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 20.
13. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 30.
14. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 54.
15. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 60.
16. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 70.
17. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 108.
18. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 114.
19. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 149 б.
20. РГИА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 150 а.
21. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 569. Оп. 17. Д. 128.
22. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1678.
23. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. — 2005. — № 11. — С. 98—108.

Секция III
История России
в XX — начале XXI в.

**«С левыми эсерами, не отмежевавшимися
от своего ЦК, необходимо придерживаться
непримиримой тактики»:
политика руководства РКП(б) по исключению
левых социалистов-революционеров
из местных Советов**

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие большевиков и левых социалистов-революционеров в местных органах власти после событий 6 июля. Анализируются методы удаления левых эсеров из советов и точки зрения руководства РКП(б) и ее местных представителей по вопросу о совместной работе большевиков и левых эсеров на региональном уровне.

Ключевые слова: левые эсеры; большевики; советы; политическая борьба, местные органы власти

“The tactic against Left Socialist Revolutionaries, that didn’t condemn their Central Committee, must be uncompromising”: RCP(b) drive for Removal of Left Socialist Revolutionaries from the Soviets

Abstract. The article deals with the interaction of the Bolsheviks and the Left Socialist revolutionaries in local authorities after the events of July 6. The article analyzes the methods of removing the Left Socialist Revolutionaries from the Soviets and points of view of the leadership of the RCP(b) and its local representatives on the issue of joint work of the Bolsheviks and the Left Socialist Revolutionaries at the regional level.

Keywords: the Left Socialists-revolutionaries; the Bolsheviks; Soviets; political struggle, local authorities

Левозеро́вское восста́ние 6 июля 1918 г. имело значительные последствия для политической жизни регионов Европейской части России, в которых, как и в высших органах власти РСФСР, преобладающее положение занимали две советские партии — большевиков и левых эсеров. Конфликт между их лидерами привел к изменению отношения со стороны РКП(б) к левозеро́вской партии. Переход недавних союзников в разряд противников отразился на взаимодействии региональных представителей РКП(б) и ПЛСР(и).

* **Илья Анатольевич Концевой** — кандидат исторических наук, специалист 1-й категории Государственного архива РФ (Москва, Россия). e-mail: ilkontsevoy@gmail.com
Илья А. Kontsevoy — Candidate of Historical Sciences, specialist of the 1st category in the State Archive of Russian Federation (Moscow, Russia).

На региональном уровне в период левоэсеровского восстания в Москве ПЛСР(и) имела довольно сильные позиции. К лету 1918 г. в губернских исполкомах представителями РКП(б) были 70% членов исполкомов, а левыми эсерами — 26% [14, с. 222]. На уездном уровне левые эсеры также имели значительный политический вес. По подсчетам исследователей, на 96 уездных съездах, состоявшихся в 31 губернии в апреле-мае, большевики составляли 48% делегатов, левые эсеры — 24% [9, с. 144]. В уездных исполкомах левоэсеровские фракции были еще более внушительными. По данным П.Н. Соболева, на основании сведений о партийном составе 47 исполкомов 16 губерний Центральной России в начале июля большевики составляли 52,4%, а левые эсеры — 34,6% от общего числа членов исполкомов [14, с. 210].

Арест членов левоэсеровской фракции, поддержавших убийство немецкого посла В. Мирбаха, поставил крест на существовании системы двухпартийности в Советской России. Перед руководством РКП(б) встал вопрос об отношении к левым эсерам, не поддерживавшим политику своего ЦК. В ходе работы V Всероссийского съезда Советов, сразу после левоэсеровского восстания, большевики выступили с острой критикой бывших союзников. Съезд принял резолюцию фракции РКП(б), в которой восстание левых эсеров называлось заговором и говорилось, что, «поскольку те или иные части этой партии солидаризируются с попыткой вовлечь Россию в войну путем убийства Мирбаха и восстания против Советской власти, этим организациям не может быть места в Советах» [10, с. 208]. Таким образом, сразу после восстания большевистское руководство заняло по отношению к левым эсерам непримиримую позицию и выдвинуло против них обвинения в покушении на советскую власть.

В последний день работы съезда дискуссия продолжилась. От группы левоэсеровской партии выступил Г.Д. Закс, который подчеркнул необходимость расследования восстания и заключил, что нужно определенное постановление, чтобы «на местах не было никаких гонений на партию левых эсеров как таковую» [10, с. 196]. Я.М. Свердлов заявил о том, что большевики оставят места в новом ВЦИК только для тех левых эсеров, которые подадут заявления о несолидарности с действиями своего ЦК [10, с. 197].

В избранном съездом ВЦИК V созыва вопрос об участии левых эсеров в деятельности советов также был рассмотрен. В ходе его обсуждения Свердлов заявил, что решение съезда о невозможности работы в советах для левых эсеров относится только к той части партии, которая открыто поддержала убийство Мирбаха. По отношению к остальным представителям ПЛСР(и) он отметил, что большевики не предрешают участия левых эсеров в советах [11, с. 61]. В контексте понимания позиции его по этому вопросу представляется важной речь,

произнесенная в последний день работы V съезда Советов. Свердлов заявил, что «мы (большевики) знаем, что уход целого ряда товарищей — левых эсеров тяжело отразится на местной работе, поэтому мы должны дать возможность тем из левых эсеров, которые могут работать с нами, привлекать их к работе, а не руководствоваться соображениями, что никого из левых эсеров допускать к работе невозможно. Мы должны здесь, на съезде, решить, что на местах мы будем вести борьбу только с теми элементами из левых эсеров, которые будут прямо или косвенно поддерживать авантюру своего ЦК партии» [11, с. 61]. Таким образом, председатель ВЦИК считал возможным продолжение совместной работы в местных органах власти.

Важной представляется политика советских государственных и партийных органов по отношению к взаимодействию большевиков и левых эсеров на местах. Так, Наркомат внутренних дел направил в местные советы телеграмму, в которой говорилось: «Всех, поддерживающих авантюру ЦК, немедленно устранять, доводя до сведения избирателей. От оставшихся требовать отношения к авантюре» [3, с. 2]. 19 июля наркомвнудел также потребовал от местных губисполкомов немедленно отстранить левых эсеров (без уточнения о поддержке восстания) со всех руководящих постов, включая местные комиссии по борьбе с контрреволюцией [7, с. 198].

Похожим образом действовали партийные органы РКП(б). Особенно активным в данном направлении оказался Московский областной комитет РКП(б), который обеспечивал управление партийными организациями Московской области, охватывавшей губернии Центрального промышленного и Центрально-Черноземного регионов России. 9 июля Московский обком разослал в местные парторганы циркулярное письмо, в котором содержались следующие указания: «Ни в коем случае не допускайте, чтобы на ответственные посты выбирались Губернскими исполнительными комитетами левые эсеры». Далее говорилось о том, чтобы большевики «всегда и везде старались иметь большинство, не стесняясь и избегая конфликтов с левыми эсерами» [12, л. 46]. Несмотря на отсутствие официального решения высших органов власти по отношению к левоэсеровской партии руководители РКП(б) уже определили основы своей политики в этом вопросе.

Руководство Мособкома и далее вело по отношению к левым эсерам жесткую линию. 22 июля в региональные организации был направлен циркуляр о том, что, «поскольку левые эсеры заявляют письменно, что они осуждают действия своего ЦК, постольку их можно оставлять в Советах, но при этом не назначать их на ответственные должности». Одновременно подчеркивалось, что «с левыми эсерами, не отмежевавшимися от своего ЦК, необходимо придерживаться непримиримой тактики, а с теми, которые осуждают свой ЦК — примиряющей» [12, л. 54].

В историографии существуют две противоположные точки зрения по данной проблеме. В советской литературе авторы придерживались позиции, согласно которой руководство РКП(б) исключало из советов только представителей партии левых эсеров, открыто поддерживавших убийство германского посла и восстание, организованное ЦК ПЛСР(и) [7, с. 202]. В постсоветской историографии распространилась точка зрения об исключении левых эсеров из советов только за принадлежность к этой партии [16, с. 171].

Взаимодействие большевиков и левых эсеров в советах после 6 июля 1918 г. имело несколько типов. Первым из них являлось устранение тех левых эсеров, которые открыто не осудили действия своего ЦК, и оставление членов ПЛСР(и), выразивших отрицательное отношение к московским событиям. Такой тип взаимодействия можно назвать фильтрацией делегатов местных советов. По данному принципу был, например, проведен «отсев» сотрудников Тверского губернского исполкома. 12 июля на его заседании был поставлен вопрос об исключении из исполкома фракции левых эсеров. От фракции РКП(б) последовало предложение, что левые эсеры могут остаться членами исполкома в случае осуждения политической линии своего ЦК [4, л. 86]. На следующем заседании этот вопрос был рассмотрен более детально. Члены левоэсеровской фракции, которые представили письменные заявления о несогласии с политикой своего ЦК, остались на своих постах. Уклонившиеся от оценки московского восстания или поддерживавшие его были исключены [4, л. 88 об.]. Однако, исходя из текстов протоколов заседания, далеко не у всех требовали заявления о несогласии с политикой своего ЦК. Так, члена исполкома Носова оставили на своем посту, как «не внушающего к себе подозрения в солидарности к выступлению левых эсеров». Активисты ПЛСР(и) Никифоров, Стрельцов и Филиппов отсутствовали на заседании и были исключены «как явные сторонники выступления Центрального комитета левых эсеров» [4, л. 89]. Подобный принцип отсеивания потенциально нелояльных большевикам левых эсеров применялся и в других губернских или уездных советах.

Вторым типом взаимодействия явилось исключение левоэсеровских фракций из местных органов власти. Это происходило в первую очередь вследствие позиции региональных активистов ПЛСР(и) или подозрений большевиков. Так, на заседании Новгородского губисполкома левоэсеровская фракция изначально заявила о благожелательном отношении к убийству Мирбаха и предложила резолюцию, в которой этот шаг одобрялся и подчеркивалось, что партия левых эсеров не должна оставлять постов в советах [4, л. 36]. В дальнейшем на заседании Новгородского ГИК представительница фракции левых эсеров Бочарова в ответ на предложение большевиков дать подписку о том, что фракция осуждает убийство, заявила: «Никакой подписки давать не бу-

дем. ЦК действовал не единолично, а выражал волю всей партии» [15, с. 46]. Это стало сигналом для удаления из исполкома всей фракции.

В некоторых случаях местные большевики действовали еще более жестко, даже не пытаясь определить отношение левых эсеров к восстанию в Москве. 8 июля фракция РКП(б) Рязанского губисполкома исключила левых эсеров из ГИК в полном составе [1, с. 203]. В тот же день решение «исключить их из состава советских организаций» принял Тульский губисполком [19, с. 161]. Вероятно, такие действия местных большевиков были связаны со значительным влиянием левых эсеров на крестьянство в отдельных губерниях.

Стоит отметить, что действия местных большевиков в ряде случаев вызывали критику со стороны центральных органов власти. Так, в Козловском уезде Тамбовской губернии группа местных большевиков во главе с Лавровым выступила против исключения левых эсеров из совета, чем чуть не внесла раскол во фракцию. Благодаря действиям Лаврова левые эсеры не были удалены со своих постов, однако впоследствии местные члены РКП(б) потребовали от каждого из них подписку об отмежевании от своего ЦК, несмотря на тот факт, что местная фракция ПЛСР(и) вынесла резолюцию с порицанием политики руководства своей партии [5, л. 11]. С вопросом о необходимости таких действий местные большевики обратились во ВЦИК. Из секретариата ВЦИК им последовал ответ, что резолюции о несогласии с курсом ЦК ПЛСР(и) достаточно для сохранения за ними постов в местном исполкоме [5, л. 14]. Тем не менее местные большевики все же отстранили всех левых эсеров и переизбрали президиум исполкома. Это было связано с тем, что они одобрили позицию Лаврова, который выступал за продолжение сотрудничества двух партий [5, л. 15]. Свердлов подверг критике решение местных членов РКП(б) и в телеграмме, направленной в Козловский совет, сообщил, что отстранение членов исполкома из бывших левых эсеров нецелесообразно [5, л. 16]. Несмотря на это местные большевики не восстановили прежний состав исполкома и в ответной телеграмме заявили, что «отстранение левых эсеров, поддержавших политику Лаврова, по местным условиям целесообразно» [5, л. 17]. Таким образом, в ряде регионов местные большевики могли не считаться с рекомендациями высших органов власти и проводить собственную линию по отношению к бывшим союзникам.

Третьим типом взаимодействия стало сохранение за левыми эсерами своих постов в исполкомах после вынесения ими резолюций о несогласии с политикой своего ЦК. Данная процедура могла и не подразумевать под собой предоставление подписок от каждого делегата, а ограничивалась декларациями местных фракций ПЛСР(и). Так, 15 июля фракция Костромского губисполкома осудила восстание в Москве и вынесла резолюцию с призывом «работать в Советах

в полном контакте с товарищами коммунистами» [8, с. 179]. Большевики сохранили за левыми эсерами их посты (хотя впоследствии они все же были исключены из ГИК за изменение отношения к убийству Мирбаха). Леоэсеровская фракция Вятского губисполкома, незадолго до восстания в Москве вышедшая из его состава, заявила об отмежевании от политики ЦК ПЛСР(и) и была возвращена большевиками в его состав [13, с. 240]. Некоторые представители бывшей партии левых эсеров работали в советах вплоть до осени 1918 г.

Четвертым типом взаимодействия двух партий на местах являлся роспуск исполкомов. Такая тактика применялась в случае, когда большевики не располагали большинством, чтобы принять решение о снятии членов ПЛСР(и) с их постов. Так, 17 июля 1918 г. Олонецкий губернский партийный комитет принял резолюцию о роспуске губисполкома, в котором левые эсеры составляли большинство. По приказу местных большевиков члены ПЛСР(и) были отстранены с ответственных постов, включая пост председателя ГИК. Вместо левого эсера Балашова главой ГИК был назначен большевик Анохин [2, с. 268]. Таким же образом было отстранено леоэсеровское руководство Казанского губисполкома, которое отказалось осудить восстание в Москве. 18 июля большевики от имени отдельного Совета рабочих и красноармейских депутатов вынесли решение о роспуске ГИКа и передаче всей власти в губернии в руки ревкома [18, с. 602].

Аналогичную тактику большевики использовали и на уездном уровне. Некоторые советы Тверской, Новгородской и Курской губерний, где преобладали левые эсеры, отказались осудить восстание 6 июля или же заняли выжидательную позицию. Так, левые эсеры, составлявшие большинство в Калязинском уездном исполкоме, отказались осудить восстание в Москве. Большевики не располагали возможностью легально устранить ПЛСР(и) от власти в уезде и пошли на создание ревкома, состоявшего из членов РКП(б), который распустил УИК [17. С. 228]. Аналогичная ситуация имела место в Старицком уезде Тверской губернии [6. л. 94].

Таким образом, процесс исключения левых эсеров из региональных советов не был централизованным и зависел от условий, в которых находились местные большевики. В тех губерниях, где они располагали достаточными силами и возможностями для повсеместного устранения левых эсеров из советов, ликвидация двухпартийности была осуществлена уже в июле 1918 г. В губерниях, где РКП(б) не имела достаточной поддержки населения или не располагала силами для подавления левых эсеров, взаимодействие двух партий продолжилось вплоть до сентября-октября. Удаление левых эсеров из советов было основано на инструкциях, исходивших от высших партийных и государственных органов, однако местные большевики могли действовать самостоятель-

но, не считаясь с рекомендациями из Москвы. После левоэсеровского восстания местные члены РКП(б) стали неприязненно относиться к бывшим союзникам, что отрицательно сказалось на совместной работе большевиков и левых эсеров. Давление на оставшихся в советах членов ПЛСР(и) в конечном счете привело к их уходу из органов власти или же к отказу от своих политических убеждений ради вступления в РКП(б).

Список литературы

1. Борьба за установление и укрепление советской власти в Рязанской губернии. 1917—1920. Сборник документов. — Рязань: Приокская правда, 1957. — 447 с.
2. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. — Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1957. — 638 с.
3. Вестник Народного комиссариата внутренних дел. — 1918. — № 18—19.
4. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 395.
5. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 523.
6. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 415.
7. Кононов Н.К. Борьба коммунистической партии против левых эсеров за крестьянство в первый год советской власти (по материалам Центрально-Черноземных губерний): дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1968. — 279 с.
8. Осипова Т.В. Изменение партийного состава Советов в 1918 г. (по материалам Московской области) // Борьба за победу и укрепление советской власти в 1917—1918 гг. — М.: Наука, 1966. — С. 155—199.
9. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. — М.: Стрелец, 2001. — 397 с.
10. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет: Москва, 4—10 июля 1918 г. — М.: Издательство ВЦИК, 1918. — 254 с.
11. Пятый созыв Всероссийского центрального исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Стенографический отчет. — М.: Издательство ВЦИК, 1918. — 312 с.
12. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 27.
13. Садырина Е.С. Октябрь в Вятской губернии. — Киров: Кировское книжное издательство, 1957. — 243 с.
14. Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской революции. — М.: Наука, 1977. — 320 с.
15. Сокольников О.Ф. Большевики Северной области в борьбе за политическое руководство Советами в 1918 г. // Борьба коммунистической партии за защиту социалистической революции и построение социализма в СССР. Вып. 4. — Л.: Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена, 1976. — С. 25—56.
16. Смирнова А.А. Партия левых социалистов-революционеров (эсеров) в октябре 1917—1918 гг. (На материалах Северной области): дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 1993. — 284 с.
17. Тихомиров Н.В. Левые эсеры Верхневолжья в 1918 году // Демидовский временник: исторические исследования в Ярославском государственном университете. Сборник научных трудов. — Ярославль, 2004. — С. 223—230.
18. Упрочение советской власти в Татарии (октябрь 1917 — июль 1918 гг.). Сборник документов. — Казань, 1964. — 708 с.
19. Упрочение Советской власти в Тульской губернии. Год 1918. Сборник документов. — Тула: Тульское книжное издательство, 1961. — 439 с.

Чекисты и Русская Православная церковь: роль ВЧК в реализации религиозной политики на Юге в 1920—1921 гг.

Аннотация. В статье проанализированы роль ВЧК в реализации направлений религиозной политики на юге РСФСР в 1920—1921 гг. в контексте поиска центральной властью вариантов отношений с Русской Церковью. Продемонстрировано, что в условиях завершения борьбы с казачьей оппозицией органы использовали санкцию на применение карательно-репрессивных мер против всех социально-опасных элементов, в ряды которых включалось духовенство.

Ключевые слова: советский период, религиозная политика, ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия), Русская Православная Церковь, Кубанская епархия.

VCHK and Russian Orthodox Church: the role of the CHEKA in the implementation of religious policy in the South in 1920—1921

Abstract. The article analyzes the role of All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution and Sabotage in the religious policy implementation in the south of the RSFSR in 1920—1921. in the context of the central authority's search for relation options with the Russian Church. It is demonstrated that because of the end of the fight against the Cossack opposition, the authorities used the sanction to apply punitive and repressive measures against all socially dangerous elements, included the clergy.

Keywords: soviet period, the religious policy, VChK (All-Russian Extraordinary Commission), Russian Orthodox Church, the Kuban diocese.

Окончательное установление в марте 1920 г. советской власти на территории Кубано-Черноморской области стало началом нового периода в истории Русской Православной Церкви юга РСФСР, ознаменованного усилением влияния партийно-чекистских структур на ход и интенсивность церковной жизни.

Завершение в основном боевых действий позволило центральному советскому и партийному руководству заняться проблемой опре-

---

* **Никита Витальевич Кияшко** — секретарь Комиссии по канонизации святых Екатеринодарской епархии, аспирант кафедры истории России XX—XXI вв. Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: kiyashkonv@gmail.com

Nikita V. Kiyashko — Secretary of the Commission of Canonization of the Saints of Ekaterinodar Diocese, Post-graduate student in the Department of History of Russia of XX—XXI centuries, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

деления целей религиозной политики и сформулировать ее основные направления. В этот период Политбюро РКП(б) оказалось перед выбором между «однопланово-репрессивным» подавлением Церкви и компромиссным путем ослабления давления с целью создания масштабной идеологической дифференциации разных внутренних сил. В контексте этого поиска началось противостояние между основными исполнителями решений руководства страны — V отделом Наркомата юстиции (НКЮ) и ВЧК [15, с. 230]. При этом, по мнению Н.А. Кривовой, несмотря на существовавшее противостояние между НКЮ и ВЧК, 1920—1921 гг. характеризуются относительным равновесием в области формирования политического курса отношений с Церковью [19, с. 35]. Особенную актуальность анализ формирования религиозной политики приобретает в региональном аспекте, отражающем не только изменение подходов в руководстве страны, но и отношение к ним на местах в свете социально-политических условий региона.

В региональной историографии тема религиозной политики 1920-х гг. получила рассмотрение в контексте исследований кампании по изъятию церковных ценностей и эволюции обновленческого раскола и вряд ли может быть признана всесторонне изученной [7, 8]. В моих более ранних публикациях затрагивались отдельные аспекты проведения религиозной политики в Кубано-Черноморской области [15, 16, 17], однако роль и место в ее реализации органов госбезопасности анализируются впервые.

О начале деятельности Кубано-Черноморской ЧК известно из протоколов областного ревкома, когда в мае 1920 г. ее председателем был назначен т. Долгов [21, с. 142]. Необходимость централизации репрессивной политики в регионе привела к тому, что 15 июля 1920 г., с санкции Президиума ВЧК, аппараты КубЧерЧК и Особый отдел IX Кубанской армии были реорганизованы и объединены под руководством председателя комиссии и Реввоентрибунала армии Д.П. Котляренко [23, л. 3; 24, л. 56]. «Требовательно относился Котляренко к выяснению и уточнению всех обстоятельств при выполнении сотрудниками любого задания. Как-то привезли в ЧК подозрительную личность — монаха. Документы он имел на имя Дышлевого Трифона, проживавшего в одном из монастырей. Кроме документов, носил он собой послание патриарха московского и всея Руси Тихона, в котором тот выступал против законодательных актов новой власти... Тщательным расследованием этого дело было установлено, что Дышлевой никогда монахом не был, ни в одном из монастырей не проживал, а принадлежал к партии монархистов и выполнял ее задания», — вспоминала сотрудница ЧК В.В. Павлова [21, с. 146].

Для полного разоружения населения области и «ликвидации контрреволюционных элементов» 4 сентября 1920 г. на объеди-

ненном заседании особоуполномоченных ВЧК и ВЦИК, коллегии КубЧерЧК и особого отдела IX армии было принято решение о создании центральной тройки с командированием в каждый отдел подчиненных ей троек в составе представителей КубЧК и военкомов армейских частей, наделенных правом немедленных расстрелов [20, с. 59]. Категоричность принятых областным центром решений иллюстрирует инструкция председателям троек на местах, согласно которой по прибытии в станицу населению объявлялся ультиматум о немедленной сдаче всего оружия, причем через три часа в населенном пункте вводился комендантский час. «Появляющиеся [на улице] — расстреливаются, а тройка приступает к обыску с целью нахождения хотя бы одного предмета из оружия, владельцы которых расстреливаются немедленно» [20, с. 60].

Важно отметить, что организация административного аппарата не позволяла областной власти приступить к проведению в жизнь положению Декрета об отделении Церкви от государства. Об этом свидетельствует отчет о деятельности подотдела юстиции КубЧероблревкома за 26 апреля — 15 июля 1920 г., в котором указывается, что «чисто организационная работа и пополнение личного состава» не позволили приступить к организации областной ликвидационной комиссии (по отделению Церкви от государства) [13, л. 1]. К тому же имел место страх «единолично брать на себя ответственность за политическую линию поведения в этом вопросе» [13, л. 22].

Поэтому чекисты, имея санкцию на борьбу с контрреволюцией, использовали ее для устранения всех «классово опасных элементов», в т.ч. и православного духовенства. В рамках кампании по разоружению и ликвидации сторонников Врангелевской армии в августе-сентябре 1920 г. были расстреляны священники станицы Батуринской Сергей Каменноградский и станицы Нижнебаканской Алексей Коробков [3, л. 2]. В сентябре в станице Дондуковской казнены священник Петр Сперанский, диакон Сергей Пронин и псаломщик Владимир Надеждин [1, л. 10]. 13 сентября в рамках карательной операции расстреляли священника станицы Мингрельской Андрея Пашина и псаломщика Константина Соколова [22, л. 1], 14 сентября священника г. Ейска Виктора Розанова, а в декабре иеромонаха Илью (Вракова) [2, л. 18].

Не менее важной стороной деятельности Кубано-Черноморской ЧК стал анализ общественно-политической и социально-экономической обстановки региона, проводимой в рамках информирования высшего руководства о положении в стране. Официальным актом, регламентировавшим статус работы ВЧК, стала телеграмма председателя ВЦИК М.И. Калинина губернским партийным комитетам от 17 марта 1921 г., в которой сообщалось об усилении «новой волны контрреволюционного движения», в связи с чем объяснялась

необходимость своевременной передачи информации через органы госбезопасности советским и партийным властям в центре и на местах. Окончательно характер информационной деятельности органов госбезопасности закрепил приказ заместителя председателя ВЧК И.С. Уншлихта от 12 мая 1921 г. «О порядке предоставления госсинсводки», согласно которому в течении трех дней в местные ЧК должна была поступать информация от аппаратов гражданских и военных учреждений, направляемая затем незамедлительно «телеграфно, коротко и ясно» в центр [26, с. 42—43].

Информирование органов региональной и центральной власти частично проводилось уже с 1920 г., когда фиксация положения духовенства и состояния церковной деятельности стала одним из основных разделов информационных материалов, отправляемых с мест в ВЧК. Зафиксированные в материалах информационных сводок сведения становятся важным источником при реконструкции положения Церкви в первые годы советской власти. При этом, как подчеркивал Н.Н. Покровский, важно учитывать, что информационные материалы ВЧК-ГПУ — не только тенденциозный исторический источник, отражающий четкую схему партийных директив, но и псевдореальная картина местных событий, ожидаемая и желаемая руководством страны [6, с. 61]. В этих материалах маркерами обвиняемых для чекистских сотрудников являлись социально-политические характеристики, а не реальное отношение обвиняемых к событиям конфликта. Этим объясняется ярлык «контрреволюционности», приписываемый духовенству, участвовавшему в любых проявлениях религиозной активности со стороны населения.

Как следует из информационного бюллетеня № 41 Особого отдела IX Кубанской армии от 19 декабря 1920 г., «особенно чувствительно относится казачество, да и крестьянская темнота к вопросам религии». Далее сообщалось, что в результате происшедшего чуда в станице Пашковской «народ, полный ожидания сверхъестественного, идет толпами на поклонение иконам», которое якобы искусственно создано «происками» духовенства, а описанные события являются «прекрасным термометром, указывающим точку политического развития масс» [25, л. 266]. Местные советские органы, считая происшедшее событие «новой авантюрой контрреволюции», предписали станичному ревкому немедленно пресечь «подобного рода шарлатанства», выслав главных зачинщиков в КубЧерЧК [12, л. 161]. Контрреволюционный характер был присвоен происшедшему 21 января 1921 г. обновлению иконы на одном из монастырских подворий г. Краснодара. На стечение большого количества верующих в храм незамедлительно обратило внимание КубЧерЧК, в результате чего были арестованы несколько иеромонахов подворья [18, с. 3].

В сводке КубЧерЧК о политическом состоянии региона с 15 апреля по 15 мая 1921 г. сообщалось об отсутствии изменений в жизни духовенства. В качестве особенно важного для центра примера приводились сведения о сложении сана двумя священниками, которые «заявили народу, что не хотят обманывать народ и т.д., один из них подтвердил, что делает это не под давлением Соввласти, а по личным убеждениям» [9, л. 62]. Причем далее отмечалось, что позднее священники обратились к епископу с просьбой оставить их в сане, что подчеркивает искаженный характер сообщенных фактов.

Немалое внимание в информационных сводках уделялось отношению духовенства к советской власти, «контрреволюционному» характере его деятельности, о произведенных в связи с этим арестах и судах. Областная ЧК, причисляя священнослужителей к участникам антисоветских восстаний, стремилась продемонстрировать его «реакционность», тем самым оправдывая аресты и репрессии. В майской сводке 1921 г. комиссия отчитывалась о начале публичного судебного процесса в областном ревтрибунале над священником Н. Загоруйки и несколькими казаками, которые будто бы объявили некоего человека князем Михаилом [9, л. 62].

В сводке полномочного представителя ВЧК на Юго-Востоке России за период с 1 августа по 1 ноября 1921 г. отмечалось наступление среди населения религиозного подъема, связанного с возросшим значением в деле церковного управления приходских советов, которые «даже пробуют влиять на перемещение священников», а также сообщалось об организации духовенством хоров, библейских кружков, ремонтах храмов [20, с. 65]. Одним из крупных мероприятий стало проведение общей регистрации приходского и монашеского духовенства региона. Впервые организация регистрации духовенства называлась в перечне мероприятий по реализации Декрета на объединенном заседании отдела юстиции, совнарсуда и совета народных судей 31 января 1921 г. [13, л. 228 об.]. Сотрудниками КубЧК были разработаны специальные анкеты для учета духовенства (в количестве 7 тыс. экз.), которые 15 апреля поступили в отдел управления, а затем рассылались по отделам области. Однако на местах к проведению учета отнеслись инертно, поэтому к июню анкеты поступили всего лишь с нескольких отделов. В письме от 24 июня председатель КубЧК, замечая, что «отделы преступно затягивают учет духовенства, тем самым не давая урегулировать работу по духовенству», требовал от отдела управления решительных мер к окончанию учета до 1 июля [9, л. 76, 76об.]. Из последовавших затем событий ясно, что по результатам этого учета определялись группы «нежелательного» духовенства, которое впоследствии было расстреляно или выселено за пределы региона.

Другим «церковным» направлением деятельности чекистов стал контроль над исполнением циркуляра НКВД от 18 сентября 1920 г. о ликвидации епархиальных советов. При непосредственном участии и контроле облЧК проводилась ликвидация Кубанского временного церковно-приходского управления в г. Краснодаре и Черноморского епархиального совета в г. Новороссийске. В рамках ликвидационных мероприятий 9 апреля 1921 г. комиссия в составе заведующего облотделом юстиции П.К. Краснушкина, чекистов В. Набешкова и В. Алексева, представителей облпарткомитета и членов церковно-приходского управления священномученика И. Яковлева, Я. Левицкого и Д. Боголюбова описала и опечатала здание управления со всем имуществом [10, л. 2—2 об.]. В тот же день сотрудники ЧК провели обыски и изъятие епархиальных документов в квартирах членов управления протоиереев Г. Виноградова и И. Яковлева, и священника А. Пречистенского [10, л. 6, 19, 33, 34].

Аналогичным образом прошла в июне ликвидация Черноморского епархиального совета в г. Новороссийске. При формальном участии заведующего окружным отделом юстиции М.Г. Романенко сотрудники Черноморского отделения ЧК конфисковали имущество совета, расположенного на территории Николаевского кафедрального собора. Затем состоялись обыски у членов совета [11, л. 3, 12, 13, 33, 43, 49—51 об.]. Активное участие чекистов в ликвидации церковных административных органов и обысках его участников иллюстрирует возросшую роль ЧК в реализации религиозной политики на местах.

Одновременно развернулась масштабная агентурная работа, в т.ч. установлено негласное агентурное наблюдение за известными священниками г. Краснодара и региона: протоиереем И. Яковлевым, священниками А. Ковалевым и Г. Троицким, И. Бойко, Л. Дмитриевским, В. Судницыным и В. Жогиным, и др. [4, л. 32; 5, л. 17, 36]. Результатом работы, которой руководил уполномоченный ЧК по духовенству Пикман, стали репрессии в отношении священнослужителей, не поддержавших возвращение на Кубанскую кафедру епископа Иоанна (Левицкого), лояльного советской власти.

Конструирование возможных «заговоров» с тенденциозным указанием на «контрреволюционеров», «ненавистников власти» и «спекулянтов» стало характерной чертой секретных агентурных донесений о деятельности духовенства Кубани. Причем безобидное для власти нежелание отдельной группы священников мириться с властью епископа Иоанна намеренно усиливалось агентами через сообщения с высказываниями клириков о слабости авторитета ближайших помощников епископа, которые «при случае, если придется объявить борьбу сов. власти на религиозной почве... не смогут

повести за собой население области» [5, л. 16]. В донесениях предлагалось известных священников «изъять из пределов Кубани», тем самым нанеся сильный удар по духовной жизни региона [5, л. 17]. Терминология агентурных сообщений характерна для лексикона и образа мышления чекистов, выполнявших директивы центра по предотвращению любых угроз советской власти.

Усиление агентурно-осведомительной работы и проведение учета и регистрации духовенства позволили чекистам сформировать полную картину положения священнослужителей в регионе и планомерно «изымать» особенно «опасных» из них.

Новые возможности появились у отделений ВЧК (с февраля 1922 г. — ГПУ) в результате проведения в 1922 г. кампании по изъятию церковных ценностей. Мартовские события в Шуе дали центральной власти необходимый предлог для усиления партийно-чекистского диктата и проведения жесточайших репрессий против любых форм сопротивления. Именно благодаря В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому ГПУ получила санкцию на проведение «охоты» за православным духовенством, и в деятельности чекистов начался новый период [19, с. 73]. Контроль за исполнением законодательства и определение направлений религиозной политики постепенно перешли от советских органов к органам госбезопасности. Более того, ЧК на местах, помимо ответственности за борьбу с контрреволюцией и шпионажем, стали осуществлять и контрольно-надзорную работу в отношении советских и партийных органов.

Не имея возможностей для организации программной кампании наступления, КубЧерЧК ограничилась «точечными» ударами по отдельным священнослужителям, последовательной работой по выявлению настроений во внутрицерковной среде и характера взаимоотношений духовенства и епархиальной власти, учетом прибывавших на юг священнослужителей из центральных регионов страны.

Список литературы

1. Архив Екатеринодарской епархии. Д. С 71/8.
2. Архив Управления ФСБ по Краснодарскому краю. Д. П-77445.
3. Архив Управления ФСБ по Краснодарскому краю. Д. П-63376.
4. Архив Управления ФСБ по Краснодарскому краю. Д. П-83537.
5. Архив Управления ФСБ по Краснодарскому краю. Д. П-83538.
6. Архивы Кремля. В 2 кн. — Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. — М., 1997.
7. Бабич А.В. К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. — Вып. 6. — Краснодар, 2012. — С. 319—331.

8. Беликова Н.Ю. Русская Православная Церковь на Кубани в 1920-е гг. по материалам федеральных и региональных архивов // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа — Ставрополь, 2012. — С. 22—25.
9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138.
10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 245.
11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 248.
12. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 3.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 73.
14. Кашеваров А.Н. Православная российская церковь и советское государство (1917—1922). — М., 2005.
15. Кияшко Н.В. Религиозная политика на Кубани в первые годы советской власти: проблемы и противоречия правоприменительной практики // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы III Всероссийской научной конференции (г. Славянск-на-Кубани, 20—23 октября 2017 г.) / Под ред. Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова. — Славянск-на-Кубани, 2017. — С. 55—63.
16. Кияшко Н.В. Репрессии как инструмент борьбы против православного духовенства и мирян в 1920-е гг. // Церковь. Богословие. История: материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2—4 февраля 2017 г.). — Екатеринбург, 2017. — С. 73—79.
17. Кияшко Н.В. Церковь и советская власть на юге в 1920-е гг.: взаимоотношения на местах в контексте государственной политики // Церковь. Богословие. История: материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8—10 февраля 2019 г.). — Екатеринбург, 2019. — С. 66—72.
18. Красное знамя. — 1921. — 7 июля.
19. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. — М., 1997.
20. Кубанская ЧК: органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / Сост. Н.Т. Пашчишкин, В.В. Гусев, Н.В. Сидоренко. Под общ. ред. Е.Л. Воронцова. — Краснодар, 1997.
21. Найти и обезвредить: очерки и воспоминания о чекистах Кубани / Сост. А.И. Дергачёв, В.А. Кулаков, Н.С. Новоставский. — Краснодар, 1985.
22. Отдел спецфондов ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Д. 16433.
23. Российский государственный военный архив. Ф. 192. Оп. 1. Д. 94.
24. Российский государственный военный архив. Ф. 192. Оп. 1. Д. 123.
25. Российский государственный военный архив. Ф. 192. Оп. 1. Д. 140.
26. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) / Сост.: Н.М. Перемышленникова и др. Т. 1, ч. 1: 1922—1923 гг. — М.: Институт российской истории РАН, 2001.

Формирование партийно-советской элиты Сибири в 1920-е гг.**

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания партийно-советской элиты Сибири, выработка и последующая эволюция принципов и механизмов ее формирования. Показано, что в начале 1920-х годов она назначалась ВЦИК и ЦК РКП(б). Сделан вывод, что, несмотря на произошедший в середине десятилетия переход от назначенства к выборности областных органов власти, ЦК продолжал контролировать персональный состав партийно-советской элиты Сибири вплоть до конца 1920-х годов.

Ключевые слова: политическая элита; партийно-советская элита, Сибревком; Сиббюро ЦК; Сибкрайком; Сибкрайисполком; Сибирь.

Formation of the party and soviet elite of Siberia in the 1920s

Abstract. The paper studies the process of creation of the party-soviet elite of Siberia. Consideration is given to the development and subsequent evolution of the principles and mechanisms of elite formation. In the early 1920s, the elite was appointed by the All-Russian Central Executive Committee and the Central Committee of the RCP(b). Although regional authorities began to be elected in the middle of the decade, the Central Committee continued to control the cadres of the party-soviet elite of Siberia until the end of the 1920s.

Keywords: political elite; party-soviet elite, Sibrevkom; Sibbyuro of the Central Committee; Sibkraikom; Sibkraispolkom; Siberia.

Политические элиты, как правило, составляют лишь небольшую долю общества. Однако именно они являются важнейшей частью общественно-политического и интеллектуального потенциала любого государства, определяют направления и перспективы его развития. Взгляды, установки, ценностные ориентиры и, как следствие, политическое поведение элиты в значительной мере определяются ее составом, который в свою очередь, зависит от источников и способов формирования этой специфической страты. Поэтому без понимания того, как и из кого складывается элита, невозможно ни

* **Татьяна Игоревна Морозова** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия). e-mail: mti137@yandex.ru

Tatyana I. Morozova — Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher in the Sector of the History of Socio-Political Development, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00100 мол_а

получить адекватное представление о ее качественном составе, ни убедительно объяснить проводимую ей политику.

Впервые о существовании в Советской России правящего меньшинства заявил еще в середине XX в. югославский политик и исследователь М. Джилас, считавший, что после революции 1917 г. начался процесс становления «нового класса». В 1970-е гг. эта концепция получила развитие в книге эмигранта М.С. Восленского, обосновавшего существование в СССР «господствующего класса» — партийно-советской номенклатуры. Несмотря на выводы, сделанные за рубежом, советская историография долгое время отрицала наличие в Советском Союзе политической элиты. Признание этого факта произошло только после 1991 г.

На протяжении последних десятилетий исследования развивались в двух направлениях. Одни авторы сосредоточились на партийно-советской номенклатуре в целом. Другие — на анализе ее высшего эшелона. Ученые, избравшие второй путь, изучили процессы прихода к власти, трансформации и радикального обновления политической элиты, произошедшего в результате репрессий. Один из важнейших выводов заключался в том, что партийно-советская верхушка не обладала теми качествами, которые традиционно считаются элитарными [12, с. 9]. Важнейшим критерием для назначения на ответственные должности являлось не обладание специальными знаниями, опытом или управленческими навыками, а исключительно преданность существовавшему режиму.

Но кто и как определял эту «преданность»? Каковы были источники, принципы и механизмы рекрутирования элиты? Являлись они универсальными для всей Советской России или же в каждой республике, области или крае имела место своя специфика? Дать убедительные ответы на поставленные вопросы можно только путем специального изучения партийно-советской элиты разных регионов и последующего сравнения полученных результатов. Попыткой внести вклад в решение этой непростой задачи является данная статья, посвященная формированию партийно-советской элиты Сибири на протяжении 1920-х гг.

Начало исследуемому процессу положило постановление президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов «Об организации гражданского управления Сибири», принятое 27 августа 1919 г. Согласно этому документу, ВЦИК утвердил «на правах областного органа» Сибирский революционный комитет в составе председателя И.Н. Смирнова и членов — В.М. Косарева и М.И. Фрумкина [16, с. 88]. Спустя два месяца в Челябинске группа руководящих партийных работников приняла решение о создании Сибирского организационного бюро, членами которого были избраны Д.К. Гончарова, А.П. Спундэ и В.И. Хотимский. Единственной

задачей учрежденного органа являлось распределение кадров [13, с. 240]. Однако уже 6 ноября на очередном заседании ответственных работников Сибири оргбюро было реформатировано в Сибирское областное бюро РКП(б), объявленное «руководящим и объединяющим партийным центром Сибири». В его состав оказались избраны Косарев, Смирнов, Спундз, И.Н. Стуков и Хотимский. Еще двух человек планировалось выбрать из членов Западно-Сибирского областного исполкома Советов. Постановление о создании и составе Сибоблбюро было решено «оформить через ЦК партии», направив соответствующее сообщение в Москву [13, с. 241—242].

В двадцатых числах ноября Сибревком и Сибоблбюро РКП(б) переехали из Челябинска в Омск. Отдаленность Сибири от Москвы и нарушенная в условиях Гражданской войны инфраструктура заметно осложняли как работу областных органов, так и их коммуникацию с высшим партийно-советским руководством. На первом заседании облбюро, которое состоялось только 3 декабря, Смирнов сообщил, что «сведения о вновь избранном областном бюро, по-видимому, еще не дошли до ЦК». Основанием для такого предположения служил тот факт, что ЦК РКП(б) учредил Сибирскую комиссию ЦК в составе Косарева, Смирнова и Фрумкина. Считая параллельное существование двух аналогичных органов нецелесообразным, Смирнов предложил «ввести в состав областного бюро тов. Фрумкина» и вторично обратиться в ЦК с просьбой теперь уже не только утвердить состав избранного органа, но и ликвидировать Сибкомиссию [4, с. 157]. В протоколе заседания бюро зафиксировано, что по докладу Смирнова были открыты прения, участники которых «пришли к мнению, что областное бюро надо сохранить в составе Смирнова, Косарева, Спундз, Хотимского и Фрумкина» [1, л. 3]. Информация о принятом решении была направлена в ЦК.

Таким образом, можно утверждать, что первоначально партийно-советская элита Сибири была сформирована двумя разными способами: члены Сибревкома назначены из Москвы, а члены Сибоблбюро РКП(б) — избраны на месте с последующим утверждением ЦК партии.

8 апреля 1920 г. пленум ЦК принял решение о преобразовании Сибоблбюро в Сибирское бюро ЦК, придав ему тем самым статус своего территориального отдела. С этого времени вопрос о составе областных органов Сибири стал решаться исключительно в столице. Члены и кандидаты в члены Сибревкома назначались ВЦИК, обычно с санкции Совнаркома или ЦК. Решения о составе Сиббюро принимал непосредственно ЦК, а именно — его Оргбюро. Статус областных бюро как чрезвычайных органов, назначаемых ЦК и ответственных только перед ним, *de jure* был закреплен в новой редак-

ции Устава РКП(б), принятой XII Всероссийской партийной конференцией в августе 1922 г. [14, с. 577—578]

Но это вовсе не означало, что областная партийно-советская элита не принимала никакого участия в формировании своего состава. Анализ протоколов Оргбюро ЦК свидетельствует о том, что назначение членов Сиббюро или Сибревкома нередко осуществлялось по ходатайству самих этих органов или их председателей. Так, 18 августа 1920 г. Оргбюро удовлетворило просьбу Сиббюро о введении в число его членов начальника политуправления войск Сибири Н.К. Гончарова [8, л. 2]. 30 августа так же решился вопрос о введении в состав Сибревкома отозванного из Дальневосточной республики Б.З. Шумяцкого, о чем ходатайствовал Смирнов, являвшийся к тому времени не только председателем сразу двух областных органов Сибири, но и членом ЦК РКП(б) [9, л. 5]. Еще одна просьба Смирнова была удовлетворена 1 января 1921 г., когда Оргбюро согласилось ввести одновременно и в состав Сиббюро ЦК, и в состав Сибревкома заместителя наркома финансов РСФСР С.Е. Чуцкаева, откомандировав его из Москвы в Омск [10, л. 3]. Аналогичные случаи прослеживаются и в последующие годы.

Распространенным явлением были также обратные примеры, когда члены бюро или ревкома обращались в Оргбюро ЦК с просьбой отозвать их из Сибири. Однако ходатайства, исходившие не от областных органов, а от конкретных лиц, выступавших от своего имени, удовлетворялись заметно реже.

Несмотря на то, что принятый в августе 1922 г. Устав РКП(б) легитимировал существование областных бюро, примерно полгода спустя в партийной среде стало высказываться мнение о необходимости отказа от чрезвычайных методов руководства. На состоявшемся в апреле 1923 г. XII съезде РКП(б) член Политбюро ЦК А.И. Рыков предложил начать осторожный переход к выборным областным партийным органам [2, с. 477—478]. Поддержав эту идею, съезд принял решение, что «областные органы, как советские, так и партийные, должны быть реорганизованы в направлении постепенной замены назначения их членов выборностью на областных конференциях» [2, с. 697—698].

Время для провозглашения такого курса было выбрано не случайно. Тот же самый съезд принял резолюцию по организационному вопросу, в которой говорилось о необходимости усиления партийного руководства советскими, хозяйственными и другими органами путем «правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций» [2, с. 705]. Руководствуясь этой установкой, ЦК немедленно приступил к составлению «номенклатурных списков» — перечней должностей, назначе-

ния на которые производились либо непосредственно ЦК, либо с его согласия. По данным учетно-распределительного отдела ЦК, только в мае-июне 1923 г. в указанные перечни было внесено 3797 должностей [5, с. 32]. Внедрение номенклатурной системы учета и распределения кадров позволяло высшему партийному руководству напрямую контролировать персональный состав сначала центральных учреждений, а затем, по мере ее разрастания, также республиканских, областных и краевых партийных, советских и хозяйственных органов. Это означало, что данная XII съездом РКП(б) установка на своего рода демократизацию власти являлась не более чем маскировкой реальных процессов, имевших прямо противоположную направленность.

В этих условиях летом 1923 г. Сиббюро возбудило перед ЦК вопрос о создании областного комитета, состав которого не назначался бы из Москвы, а избирался на месте. Рассмотрев поступившее предложение, 1 октября Оргбюро, а 3 октября — Политбюро постановили созвать «общесибирскую партконференцию», на которой «были бы произведены выборы областного парторгана» [11, л. 1; 10, л. 4]. Стремясь в то же время сохранить контроль за персональным составом высшей партийной инстанции Сибири, Политбюро особо оговорило, что «список кандидатов, подлежащих голосованию, должен быть предварительно согласован с ЦК» [10, л. 4].

Первая Сибирская партийная конференция состоялась в Ново-николаевске 8—11 мая 1924 г. На заключительном заседании вместо завершившего работу Сиббюро был создан Сибирский краевой комитет РКП(б). В отличие от своего предшественника новый орган имел более сложную, двухуровневую структуру: пленум, созывавшийся раз в несколько месяцев, и постоянно действующее бюро. Пленум Сибкрайкома избирался на краевых партийных конференциях путем открытого голосования по заранее подготовленному списку, в который наряду с руководителями партийных и советских органов края в обязательном порядке включали рабочих и/или крестьян. Их избрание в состав пленума позволяло краевому комитету позиционировать себя как орган диктатуры пролетариата. На первом же заседании пленум Сибкрайкома избирал из числа своих членов бюро крайкома — как правило, из ответственных работников краевого масштаба. В задачи данного органа входило принятие ключевых решений по вопросам общественно-политического, социально-экономического и культурного развития региона [подробнее см.: 3]. На этом основании к партийной элите Сибири правомерно относить членов и кандидатов в члены не всего крайкома, а только его бюро — как людей, обладавших реальной политической властью.

Описанная реорганизация привела к тому, что с формальной точки зрения партийная часть краевой элиты Сибири стала вы-

борной. Однако в реальности речь шла лишь о замене прямого назначения чуть более сложным механизмом: ЦК рекомендовал подходящие кандидатуры, которые внешне демократическим путем избирались сначала на конференции, а затем на пленуме. Наглядным подтверждением формальности выборов является тот факт, что семь из восьми членов Сиббюро — П.С. Заславский, С.В. Косиор, М.М. Лашевич, И.П. Павлуновский, Б.Д. Пинсон, Н.В. Rogozинский и Ю.П. Фигатнер — были 11 мая 1924 г. единогласно избраны в первый состав бюро Сибкрайкома. Таким образом, ликвидация Сиббюро, вопреки ожиданиям, не оказала существенного влияния на персональный состав партийной элиты.

В конце сентября 1925 г. Оргбюро, а в середине октября того же года Политбюро приняли постановление, которое закрепило номенклатурный принцип формирования бюро Сибкрайкома РКП(б), а также президиумов Закавказского и Северо-Кавказского комитетов, бюро Уральского обкома и ЦК Белоруссии, Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У. Отныне составы перечисленных органов в обязательном порядке должны были утверждаться Центральным комитетом [7, л. 7, 15]. На основе этого постановления в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) внес дополнение в партийный Устав, в соответствии с которым утверждаться должны были бюро или президиумы не только вышеперечисленных, но вообще всех краевых и равнозначных им партийных комитетов [15, с. 19]. На практике это означало, что Оргбюро ЦК не только рекомендовало ответственных работников нижестоящим партийным органам, но и утверждало затем решения их пленумов, проверяя тем самым точность соблюдения данных рекомендаций.

Номенклатурная система учета, подбора и распределения кадров распространялась как на партийные, так и на советские и хозяйственные органы. Это обстоятельство, вероятно, упростило задачу ликвидации Сибревкома. По крайней мере внешне судьба советской элиты Сибири почти в точности воспроизводила судьбу элиты партийной. Так, 3—9 декабря 1925 г. в Новониколаевске был созван первый Сибирский краевой съезд Советов, который подвел итоги деятельности Сибревкома и избрал вместо него Сибирский краевой исполнительный комитет Советов. Так же, как Сибкрайком РКП(б), новый орган имел двухуровневое строение: пленум, обеспечивавший представительство в исполкоме рабочих и крестьян, и президиум, состоявший из ответственных работников и принимавший наиболее важные политические решения. Большинство членов упраздненного Сибревкома было избрано съездом в состав краевого исполкома Советов, а затем пленумом Сибкрайисполкома — в его президиум [17, с. 107]. Тем самым, несмотря на очередную, казалось бы радикальную, реорганизацию, партийно-советская элита вновь сохранила свою преемственность.

Члены и кандидаты в члены президиума Сибкрайисполкома, так же как члены и кандидаты в члены бюро Сибкрайкома, входили в номенклатуру ЦК ВКП(б) и подлежали утверждению им. Вопрос о председателе исполкома решался в Политбюро.

Принципы и механизмы формирования краевой партийно-советской элиты, выработанные в середине 1920-х гг., исправно функционировали вплоть до разделения Сибири на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края летом 1930 г. На протяжении второй половины 1920-х гг. бюро Сибкрайкома и президиум Сибкрайисполкома переизбирались по три раза каждый: в ноябре-декабре 1925 г., марте-апреле 1927 г. и феврале-марте 1929 г. Для изменения состава краевых органов между их перевыборами высшее партийно-советское руководство нередко использовало отзыв одних работников и кооптацию других. Такие приемы иногда были вынужденной мерой, но в целом могут оцениваться как дополнительные методы контроля персонального состава краевой элиты.

Введение номенклатурной системы должно было не только упорядочить перемещение ответственных работников, но и решить проблему кадрового резерва. Однако изучение персонального состава партийно-советской элиты Сибири свидетельствует о том, что какого-то определенного источника, из которого высшее руководство черпало бы кадры для ее формирования, в 1920-е гг. не существовало. В ее состав рекомендовались люди с самых разных этажей властной иерархии. Для одних занятие должности областного/краевого масштаба было несомненным повышением по службе, для других — «почетной ссылкой».

Вместе с тем, имела место как минимум одна ярко выраженная тенденция: большинство ответственных работников не только рекомендовались, но и командировались ЦК. Произведенные подсчеты показали, что из 117 человек, являвшихся в 1920-е гг. членами и кандидатами в члены Сибревкома, Сиббюро ЦК, бюро Сибкрайкома и президиума Сибкрайисполкома, только пятеро родились в Сибири и еще пятеро переехали туда в детском возрасте. Остальные были командированы на ответственные должности из других, чаще всего европейских, регионов СССР.

Таким образом, партийно-советская элита Сибири впервые возникла в конце 1919 г. благодаря созданию сначала Сибревкома, а затем — Сибоблбюро РКП(б). Чрезвычайный характер названных органов и те условия, в которых им приходилось работать, заложили базовые принципы формирования областной элиты: она назначалась из Москвы и была подотчетна ВЦИК и ЦК партии. Областные органы власти время от времени пытались участвовать в формировании своего состава, направляя соответствующие ходатайства в Оргбюро

ЦК, за которым, однако, оставалось право принятия окончательного решения. Намеченный весной 1923 г. курс на отказ от назначенства в пользу выборности руководящих партийных и советских органов выполнял функцию камуфляжа для номенклатурной системы учета и распределения кадров, внедрение которой позволило Центральному комитету полностью сохранить контроль над персональным составом региональных элит. Примерно с середины 1920-х гг. партийно-советское руководство Сибири избиралось на месте, но на основе рекомендаций и с последующим утверждением ЦК РКП(б).

Список литературы

1. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2.
2. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. — М., 1968. — 903 с.
3. Морозова Т.И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)—ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 — август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 2013. — № 1. — С. 45—48.
4. Морозова Т.И. Социокультурные и политические характеристики членов Сибирского областного бюро РКП(б) — Сибирского бюро ЦК РКП(б) (3 декабря 1919 — 11 мая 1924 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых / Отв. ред. Т.И. Морозова. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. — С. 152—169.
5. Отчет учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б) (май-июнь 1923 г.) // Известия ЦК РКП(б). — М., 1923. — № 5. — С. 24—35.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 385.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 523.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 61.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 65.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 108.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 484.
12. Саранцев Н.В. Большевицкая властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900—1939: историко-социологические аспекты. — Саратов: СГСЭУ, 2001. — 259 с.
13. Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918—1920 гг.: сборник документов. — Ч. 1. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. — 352 с.
14. Устав Российской коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — Т. 2. — М.: Политиздат, 1983. — С. 573—583.
15. Устав ВКП(б) с резолюциями партсъездов и ЦК ВКП(б) по вопросам партийного строительства. — М.-Л., 1926. — 196 с.
16. Шишкин В.И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода гражданской войны // Уральский исторический вестник. — 2019. — № 2. — С. 87—95.
17. Шишкин В.И. Сибревком // Историческая энциклопедия Сибири. — Т. 3. — Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. — С. 105—107.

Вопросы репродуктивного поведения на страницах журнала «Работница» в 1917—1927 гг.

Аннотация. В данной статье на материалах «Работницы» рассматривается редакционная политика и представления читательниц о таких аспектах, относящихся к репродуктивному поведению, как трансформация семейного права, гигиена беременности, гигиена детства, женские и детские болезни, предохранительные методы и аборт.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; «Работница»; демографический переход.

The issues of reproductive behaviour on the pages of the “Rabotnitsa” magazine in 1917—1927

Abstract. This article is based on the materials of the “Rabotnitsa” magazine and researches the editorial policy and readers’ ideas about reproductive behaviour aspects, such as the transformation of family law, pregnancy hygiene, childhood hygiene, women’s and children’s diseases, preventive methods and abortions.

Keywords: reproductive behaviour; “Rabotnitsa”; demographic transition.

Периодика является одним из наиболее подвижных индикаторов социальных изменений. В данной статье на материалах журнала «Работница» рассматриваются вопросы репродуктивного поведения. В 125 номерах журнала за 1917—1927 гг. содержится около 190 статей, рассказов и заметок, затрагивающих репродуктивное поведение, гигиену детства, воспитание (за исключением рубрики «Почтовый ящик», куда иногда поступали соответствующие вопросы, рубрики «Малым детям» и статьи про беспризорных детей). Данные темы поднимаются в таких рубриках, как «Что говорит наука», «Советы работницы», «Охрана здоровья», «Работница и дети», «На помощь работнице», «В помощь матери», «Вопросы воспитания детей» и пр.

Первый тип материалов освещал семейное право. Его существенные изменения в советской России привели к трансформации брачного и репродуктивного поведения. Одна из первых статей, затрагивающих проблемы воспроизводства населения, была опубликована

* **Юлия Сергеевна Филина** — младший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: JuliaPhilina@icloud.com
Julia S. Philina — Junior researcher in the Center for studies of the territory and population of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

в № 1 от 1923 г. под названием «Работница и семья». В ней разъясняются основные положения кодекса о брачном, семейном и опекуном праве 1918 г. Новый проект кодекса был представлен уже в следующем, 1924 г., в статье «Проект кодекса законов о браке, семье и опеке» [35, с. 10—11]. Основные его положения повторяли принципы предыдущего: брачный возраст для женщин — 16, для мужчин — 18 лет, при регистрации брака от вступающих в него берется подписка, что они информировали друг друга о состоянии своего здоровья, а также свободный развод. В 1925 г. обсуждались наиболее спорные вопросы, а именно: право нетрудоспособного супруга на получение содержания, определение отцовства и алиментов в случае связи матери ребенка со многими мужчинами [34, с. 17].

Для обсуждения проекта кодекса была инициирована общественная дискуссия, продлившаяся до середины 1926 г. На страницах журнала публиковалось мнение работниц: дети должны получать обеспечение, а вот один из супругов после расторжения брака — вряд ли; отцом ребенка должен считаться только один мужчина; возраст для женщины 16 лет — слишком мало, поднять до 18 [28, с. 17]. Публиковались высказывания о необходимости усложнения процедуры развода, чтобы молодые люди серьезней относились к браку, а также о возможном лишении алиментов той женщины, что имела сношения со многими [55, с. 10]. При следующем обсуждении одна из работниц внесла предложение, чтобы на алименты имела право законная жена или женщина, жившая с мужчиной, у которого нет другой семьи [53, с. 14]. Группа домохозяек предложила ввести ответственность для мужчин, состоящих в отношениях с несколькими женщинами, и для этих женщин тоже [52, с. 16]. Некоторые считали, что ранние браки могут предотвратить половую распущенность [54, с. 15].

Еще одним нововведением в области права стал недопуск женщин к вредным работам. Данному вопросу посвящено две статьи в 1923 г. Во-первых, сообщение президиума ЦК профсоюза химиков об освобождении на два дня во время менструаций от особо опасных производств и новый пункт коллективного договора для работниц печатной промышленности: «Лица женского пола могут быть занимаемы только такими работами, при которых они не подвергаются действию свинцовых паров, газов и ядов. Они не могут работать в частности в отделениях: словолитном, стереотипном, цинкографском (травильном) и бронзирочном» [37, с. 30]. Во-вторых, статья о влиянии профессиональной деятельности на организм женщины, который легче подвергается вредному воздействию, тяжелее переносит, например, малокровие, а также имеет склонность к хроническим болезням, которые приводят к появлению нездорового

потомства и бесплодию. С одной стороны, подчеркивалась необходимость сознательного выбора профессии (с точки зрения здоровья). Но, с другой, этого не требуется, ведь приняты государственные меры: «Законодательством воспрещается применение труда женщины в особенно тяжелых и вредных для здоровья производствах и подземных работах» [12, с. 31].

На страницах журнала активно продвигались институты общественного воспитания. Статьи, заметки о яслях, детских садах, клубах и пр., а также фотоматериалы представлены почти в каждом номере с 1923 г. [39]. Рассказы, например, «Старый груз» [21], в котором, с одной стороны, представлен несчастный неумытый ребенок при матери, а с другой — чистые и здоровые дети в советском детсаду, высмеивают предрассудки, связанные с общественным воспитанием.

Уравнивание прав детей, рожденных в браке и вне брака [38], а также введение социального страхования [6] и алиментов представлялось одной из мер повышения рождаемости в условиях демографической ямы. Вопрос об алиментах отразился и на страницах «Работницы»: редакторы неоднократно разъясняли права работниц в ответ на письма [41]. В 1926 г. появились первые сообщения о злоупотреблении законом об алиментах [1; 22]. В 1927 г. был описан случай убийства отцом своего ребенка, чтобы не платить алименты. Суд приговорил его к 8 годам лишения свободы, но ввиду молодости подсудимого смягчил наказание до четырех [5, с. 19].

Рубрика «Суд и быт» с 1925 г. регулярно публиковала случаи, связанные с детоубийством, избиением и подкидыванием детей. В сентябре вышла заметка о матери, которая кинула ребенка в колодец, поскольку он был не от мужа: «Суд признал Захарову виновной по 142 ст., т.е. в убийстве младенца, но, принимая во внимание ряд смягчающих дело обстоятельств — невежество, чистосердечное раскаяние, — нашел возможным применить к ней 27 статью уголовного кодекса, т.е. лишение свободы на два года условно» [50, с. 24]. Еще одна женщина задушила ребенка и зарыла во дворе. Суд дал ей условное наказание в три года [49]. Систематическое избиение детей обернулось для матери лишением свободы на полгода [30]. Убийство по неосторожности закончилось решением о месячном лишении свободы обоих родителей, но матери смягчили до пяти лет условно, а отцу — до двух недель принудительных работ [2]. Интересный случай был описан в декабре 1926 г.: к ответственности за детоубийство, помимо матери ребенка, оказались привлечены его отец и родительница отца. Суд приговорил каждого к 8 годам лишения свободы, но смягчил до одного года матери ребенка, до полутора лет отцу, и трех лет условно его матери [3].

Социальной проблемой было подкидывание детей [33]. Оно каралось законом: одну мать суд приговорил на год и 6 месяцев, но смягчил до полугода [4]. В 1926 г. вышла заметка с ответами рабочих на вопрос о борьбе с подкидыванием: их предложением было укреплять брачные узы, а также вводить наказание и для матери ребенка, и для отца. На вывод, сделанный несколькими работницами, что главными методами борьбы с подкидыванием являются контрацепция и аборт, редакция ответила, что это «слишком уж упрощенное решение вопроса — с топора, что называется» [56, с. 20].

Второй тип публикаций был направлен на повышение грамотности населения в вопросах репродуктивного поведения. Статьи, чаще всего в рубрике «Что говорит наука» освещали вопросы женской физиологии, рассказывали о менструациях [16], зачатии, развитии плода и пр. [48], описывались физиологические аспекты беременности [8; 26].

Третий тип направлен на формирование нового цикла семейного поведения. Первый пункт в построении социалистической семьи, а именно — вступление в брак, не стал предметом внимания журнала (за исключением вопросов обрядовости). Правда, некоторыми авторами отстаивалась крепость новых браков: «Если имеется сейчас много разводов, то это потому, что старые браки, заключенные не по взаимному согласию супругов, а из всяких материальных соображений, при свободе разводов держаться не могли и развалились» [25, с. 4]. Гораздо больше внимания уделялось беременности и рождению детей. Активно пропагандировались обращение к акушерам, врачам, избегание услуг повитух [45; 46], организация женских консультаций и Домов матери и ребенка на местах [7; 51]. Говорилось о необходимости отдыха, прогулок, запрете на тяжелые работы, описывались также токсикоз и возможные отклонения [27]. Воспоминания рабочих были призваны провести границу между «старым» и «новым», демонстрировали всю тяжесть положения матери в царской России: «Два раза родила на фабрике. Принимал один раз табельщик, хотелось доработать смену, но не тут-то было. Пришла к табельщику отпрашиваться, говорю ему: «Отпусти домой, муж, говорю, пьяный». Чтобы легче родить, у наших баб есть примета — никому не сказывать, ну и я никому правды не сказала... Забрала в грязные бабьи юбки и поплелась домой» [59, с. 39].

Ежегодно выходил специальный выпуск «Работницы», который более чем наполовину был посвящен женщинам Востока. В нескольких статьях описывались жуткие обычаи родов [23]: «Роженицу во время тяжелых родов подвешивают и раскачивают. Обыкновенно это не помогает, приходится звать бабку, которая, в целях ускорения родов, давит живот» [29, с. 22].

Вопросы гигиены детства и воспитания также занимали много полос. Большинство советов связаны с поддержанием чистоты; матерей призывали не свивать (пеленать) ребенку конечности, чтобы не изуродовать их развитие [45, с. 37]. Приветствовалось грудное кормление, которое должно совершаться раз в три часа [46, с. 32], альтернативой ему предлагалось молоко коровы или козы [24, с. 32], описывалось введение прикорма [47, с. 44; 40, с. 47]. Помещались также вопросы матерей с ответами редакции. В основном, это консультации на правовые темы, но попадаются и такие: «Вопрос: как влияют на ребенка спиртные напитки? У меня девочка, пошел второй год, а она пьет водку. Сразу целую рюмку выпивает, отдохнет и кричит, чтобы дали еще. Может, это болезненное явление, или требуется ей; можно ли ей это давать? Ответ: Для маленького ребенка — это верная гибель» [31, с. 20]. На вопрос журнала о многодетных семьях в 1927 г. большинство читательниц отвечали неготовностью иметь таковую [17]. Вызывали интерес работниц бездетные браки: «Очень многих женщин волнует вопрос о причинах бесплодия, вопрос, можно ли вылечиться от этого. Кто виноват в бездетном браке, — только ли женщина, или и мужчина? Причин бесплодия много, и виноваты в нем бывают или мужчина и женщина одновременно, или кто-нибудь один из них» [43, с. 2].

Четвертый тип публикаций направлен на освещение наиболее опасных женских и детских болезней. Из женских болезней представлены: гонорея или триппер (1923, № 3; 1925, № 5), дурная болезнь или сифилис (1923, № 9; 1926, № 16), бели (1925, № 2; 1927, № 29) и женское бесплодие (1926, № 13). В первой статье про сифилис, помимо описания течения болезни, предохранительных мер и направления ко врачу, обращалось внимание на необходимость правильного отношения к больным: «Прежде всего приучиться думать, что сифилис — болезнь не позорная, что сифилис излечивается. К заболевшему сифилисом следует относиться, как ко всякому другому больному» [14, с. 21]. Отмечалось и открытие бесплатных венерологических диспансеров с отдельными приемными для женщин [20, с. 16].

Список детских болезней, представленных на страницах журнала, гораздо шире: летние детские болезни (1923, № 6; 1924, № 9; 1925, № 12; 1926, № 9; 1927, № 15; 1927, № 18), рахит или английская болезнь (1923, № 9; 1925, № 19, 1927, № 7), скарлатина (1924, № 2; 1927, № 2), корь (1923, № 12), дифтерия (1925, № 9), падушая (1926, № 1), глисты (1926, № 17), грыжа (1926, № 7), детский грипп или инфлюэнца (1927, № 4), чахотка или туберкулез в различных вариациях — золотуха, волчанка, костно-суставный туберкулез (1927, № 15), судороги (1927, № 15). Летние болезни (детская холера, дизентерия) выделены отдельно и повторялись столь часто ввиду большого процента детской смерт-

ности от них: авторы приводили цифру смертности в 2 млн в год грудных детей, причем большая часть этих смертей приходилась на лето [15, с. 27]. Следует выделить стремление к предупреждению наследственных болезней — например, в статьях, осуждающих пьянство, обязательно описываются последствия для детей [57; 58]. Отдельное внимание уделялось наследственным болезням — эпилепсии, туберкулезу, сифилису, душевным заболеваниям [13].

Пятый тип публикаций связан с абортами и предохранительными мерами. Первое упоминание аборта относится к 1923 г. в статье отдела охраны материнства и младенчества: «Изменение к худшему за последние годы экономического положения работницы, рост числа покинутых женщин, вызвал сильный рост аборт, грозящих прекратить прирост населения» [9, с. 19]. Аборт признавался вынужденным злом, преодолеть которое можно с помощью оказания материальной помощи матерям, а также просвещения на тему вредности аборта. Данное отношение к абортам сохранится и далее [18]. В то же время развернулась дискуссия о легализации аборт. В каждой статье, где упоминался аборт, говорилось о его вреде для организма женщины, а также о совершавшихся в царское время и совершающихся в европейских странах подпольных абортах, калечащих женщин [60]. Данное обстоятельство являлось аргументом за легализацию, но непременно сообщалось, что «аборт есть величайшее зло для отдельной женщины и для всего трудового государства, потому что в конечном счете он ведет к вырождению» [18, с. 29].

Тема аборта вызвала наибольший отклик со стороны читательниц среди всех вопросов репродуктивного поведения. Одни обращались за практическими советами — так, работнице Виноградской объясняли, чем руководствуется Комиссия по разрешению аборт при вынесении решения [36]. Читательницам Гнициной, Альман и Крикуновой отвечали, кто имеет право на бесплатный аборт и какие документы нужны для его совершения [32]. В 1926—1927 гг. увеличилось количество статей и заметок с упоминанием аборта, все они носили осуждающий характер. Читательница Верагина писала: «Я вполне понимаю пожелание работниц расширить сеть яслей, консультаций, домов матери и ребенка, но меня поражает просьба работниц расширить абортные отделения» [10, с. 14]. Работница Ковалева задавала вопрос наркому здравоохранения Семашко, почему не запретят аборт, если они такое зло? Он дал ей ответ — разрешением аборта советская власть вывела его из подполья и уменьшила опасность, но с абортами нужно бороться, наряду с улучшением материального положения, «большую роль должны играть консультации для женщин, которые... могут... дать ей наиболее верное и безвредное средство, которым она могла бы предохранить себя от беременности» [44, с. 17].

Однако на страницах журнала предохранительным методам уделялось мало внимания. Несмотря на большое количество практических советов по вскармливанию ребенка, предотвращению болезней, контрацепция появлялась очень «мимолетно», а женщины для определения возможных предохранительных мер направлялись в консультацию: «Меры против частых беременностей существуют. Они не дают полной гарантии, но до известной степени на них можно рассчитывать. Это доказывает большое число бездетных и малодетных браков. Врачи в консультациях для беременных, в родильных домах, консультациях для матерей, *должны* указывать и научать работницу ими пользоваться» [18, с. 29]. Аборту противопоставлялись противозачаточные методы, однако это не право женщины на регулирование рождаемости, а «тоже зло, но меньшее» [60, с. 32]. В 1925 г. редакция «Работницы» сообщала, что ее задача — ознакомить женщин с возможными контрацептивными методами, чтобы уменьшать количество аборт, и «зная, насколько читательницы “Работницы” интересуются этим вопросом, редакция в библиотечку “Работницы” включила книжку “Аборт”, написанную специально д-ром Гофмеклером. Книга эта отвечает как раз на все вопросы читательниц об аборте и предупредительных средствах» [11, с. 21]. В 1927 г. в рубрике «Новости медицины» сообщалось о новом противозачаточном средстве, изобретенном профессором Габерляндтом на основе гормонов [19, с. 16].

Производился разбор народных методов контрацепции. Один из основных — длительное кормление грудью — признавался, с одной стороны, действенным, но автором отмечается, что возможность беременности остается [26, с. 31]. Следует отметить, что представление о разнице между абортом и предохранительными мерами было не совсем четким. На вопрос читательницы: «Годится ли употреблять хмель, как противозачаточное средство, и вредно ли это для здоровья?» [31, с. 20] редакция ответила перечнем вредных народных средств для вызывания менструаций: употребление хинина, сабура, ртути, мышьяка, фосфора, принятие горячих ножных ванн и падение (или прыжок) с высоты. Естественно, что все эти средства объявлялись крайне опасными. Первая специальная статья о противозачаточных средствах вышла только в конце 1927 г., однако в ней употребление данных средств осуждалось: «Мы должны с самого же начала оговориться, что применение всякого рода средств с целью предупредить беременность является приемом ненормальным. Здоровая женщина должна быть матерью, ибо лишь материнство дает полное развитие ее физическим и духовным силам; другими словами, результатом полового сношения должно быть зачатие» [42, с. 16]. Методов контрацепции в ней не приведено, только крайне вредный способ с йодовым спринцеванием — как демонстрация того, что делать не нужно.

Таким образом, различные вопросы репродуктивного поведения широко представлены на страницах журнала «Работница». Большинство материалов носили просветительский характер и базировались на достижениях медицины и гигиены своего времени. В то же время, материалы демонстрируют, что в 1917—1927 гг. процесс демографического перехода был еще не завершен. Редакционная политика журнала заключалась в продвижении образа женщины-матери, но уже по социалистическим стандартам.

Список литературы

1. А.Е. Авошь, да небось, да пять алиментов // Работница. — 1926. — № 9. — С. 23.
2. А.Е. За двухлетнего «уголовника» // Работница. — 1926. — № 15. — С. 24.
3. А.Е. Мать-убийца // Работница. — 1926. — № 24. — С. 24.
4. А.Е. Уличное знакомство // Работница. — 1926. — № 6. — С. 22.
5. А.С. Попятился Ваня от огня в пламя // Работница. — 1927. — № 23. — С. 19.
6. Авдеев. Работница и социальное страхование // Работница. — 1923. — № 4. — С. 16.
7. Барон А.А. Что такое консультация // Работница. — 1923. — № 8. — С. 26.
8. Беременность // Работница. — 1924. — № 15. — С. 27.
9. В.Г. К 5-летию охраны материнства и младенчества // Работница. — 1923. — № 8. — С. 19.
10. Верагина. Увеличивать или уменьшать число абортных коек? // Работница. — 1927. — № 19. — С. 14.
11. Генс А. Аборт (у нас и за границей) // Работница. — 1925. — № 22. — С. 21.
12. Гинзбург. Влияние профессии на женский организм // Работница. — 1923. — № 11. — С. 31.
13. Гольденберг. Наследственность // Работница. — 1923. — № 9. — С.
14. Гофмеклер. «Дурная болезнь» // Работница. — 1923. — № 4. — С. 21.
15. Гофмеклер. Летние детские болезни // Работница. — 1923. — № 6. — С. 27.
16. Гофмеклер. О менструациях // Работница. — 1926. — № 11. — С. 20—21.
17. Е. Л-я. О «болячках нашего быта» (письма с мест) // Работница. — 1927. — № 30. — С. 16.
18. Золотавин Н.А. Что такое искусственный выкидыш (аборт) // Работница. — 1924. — № 10. — С. 28—29.
19. И.С. Новости медицины. Новое противозачаточное средство // Работница. — 1927. — № 10. — С. 16.
20. Игнатьева П. Бич женщины — гоноррея (триппер). // Работница. — 1923. — № 3. — С. 16.
21. Ильина М. Старый груз // Работница. — 1923. — № 4. — С. 9—11.
22. Искательница алиментов // Работница. — 1926. — № 18. — С. 24.
23. Как калечат женщин на Востоке (Киргизия) // Работница. — 1925. — № 21. — С. 11.
24. Как кормить ребенка, если у матери не хватает молока? // Работница. — 1924. — № 12. — С. 32.
25. Калыгина. Семейно-брачное право // Работница. — 1925. — № 17. — С. 4.

26. Лагутиева А. Что должна знать женщина о родах // Работница. — 1924. — № 16. — С. 29—31.
27. Лурье А. Гигиена беременности // Работница. — 1926. — № 12. — С. 22.
28. М.Г. Что предлагают работницы по проекту семейно-брачного кодекса // Работница. — 1926. — № 5. — С. 17.
29. Материнство женщин востока // Работница. — 1925. — № 21. — С. 22.
30. Мать-истязательница // Работница. — 1925. — № 20. — С. 23.
31. Наши ответы на вопросы читательниц // Работница. — 1927. — № 7. — С. 20.
32. Наши ответы читательницам // Работница. — 1925. — № 21. — С. 25.
33. Не забывайте беспризорную мать // Работница. — 1924. — № 17. — С. 24—25.
34. Новый законопроект о семье и браке // Работница. — 1925. — № 22. — С. 17.
35. Ножкина З. Проект кодекса законов о браке, семье и опеке // Работница. — 1924. — № 3. — С. 10—11.
36. Ответы нашим читательницам // Работница. — 1925. — № 17. — С. 25.
37. Охрана труда женщин // Работница. — 1923. — № 8. — С. 30.
38. П.Б. В Советской России нет «внебрачных» детей // Работница. — 1923. — № 9. — С. 17.
39. По Советской России. Открытие детских яслей // Работница. — 1923. — № 7. — С. 34.
40. Полезные советы. Как готовить прикорм для ребенка // Работница. — 1924. — № 13—14. — С. 47.
41. Почтовый ящик // Работница. — 1924. — № 11. — С. 33.
42. Противозачаточные средства // Работница. — 1927. — № 38. — С. 16.
43. Протоклитов. Отчего бывают бездетные браки // Работница. — 1927. — № 38. — С. 2.
44. Семашко Н. Ответ на письмо тов. Ковалевой // Работница. — 1926. — № 19. — С. 17.
45. Советы работницы // Работница. — 1923. — № 4. — С. 37.
46. Советы работницы // Работница. — 1923. — № 5. — С. 32.
47. Советы работницы // Работница. — 1923. — № 7. — С. 44.
48. Советы работницы // Работница. — 1923. — № 9. — С. 38.
49. Стыд погубил // Работница. — 1925. — № 19. — С. 23.
50. Суд и быт // Работница. — 1925. — № 18. — С. 24.
51. Фигуровский. Работнице нужны дома матери и ребенка // Работница. — 1923. — № 9. — С. 18—19.
52. Что предлагают работницы (по вопросам семейно-брачного кодекса) // Работница. — 1926. — № 15. — С. 16.
53. Что предлагают работницы (по вопросу о проекте семейно-брачного кодекса) // Работница. — 1926. — № 13. — С. 14.
54. Что предлагают работницы (по проекту семейно-брачного права) // Работница. — 1926. — № 14. — С. 15.
55. Что предлагают работницы о проекте семейно-брачного права // Работница. — 1926. — № 10. — С. 10.
56. Что предлагают работницы по вопросу о подкидывании детей // Работница. — 1926. — № 17. — С. 20.
57. Шевченко. Алкоголизм — народное зло // Работница. — 1925. — № 15. — С. 23—24.
58. Шевченко. Пьянство — народное зло // Работница. — 1923. — № 5. — С. 17.
59. Шурыгина. Из воспоминаний о родах // Работница. — 1923. — № 6. — С. 39.
60. Яхнина Р. Об абортax (в ответ на письма работниц) // Работница. — 1925. — № 2. — С. 32.

Детский дом как основной институт социализации сирот и беспризорных в Карелии в 1920-х — первой половине 1930-х гг.**

Аннотация. В статье рассматриваются детдомовские практики воспитания «нового человека» в Карелии в 1920-х — первой половине 1930-х гг. На основе разнообразных источников предпринята попытка выделить основные составляющие воспитательной работы в детских домах и проследить реализацию принципа воспитания «нового человека» в данных учреждениях, рассмотреть различия между декларируемыми задачами в вопросах воспитания детей и реальным положением данной работы в детских учреждениях Карелии.

Ключевые слова: охрана детства; детский дом; воспитание «нового человека»; дети-сироты; беспризорные дети; Карелия.

Orphanage as the principal institution for orphans and street children's socialization in Karelia in the 1920s and the first half of the 1930s

Abstract. The article looks into the methods of the New Man's upbringing in orphanages in Karelia in the 1920s and the first half of the 1930s. Through a variety of sources we attempt to identify the main components of educational work in orphanages, review the realization of the principle of the New Man's upbringing and examine the differences between the objectives and reality in childcare facilities in Karelia.

Keywords: Child Welfare; orphanage; New Man's upbringing; orphans; street children; Karelia.

В условиях становления советского государства важнейшей задачей представлялось воспитание молодого поколения. Поэтому в первые годы советской власти был сформулирован основополагающий принцип образования — воспитание «нового человека», активного участника социалистического строительства, преданного идеям коммунизма. На это ориентировалось содержание обучения, внедрялись новые методы работы с детьми, предпринимались усилия для ознакомления учи-

* Александра Вячеславовна Чебаковская — младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск, Россия). e-mail: chebakovskaja@yandex.ru
Aleksandra V. Chebakovskaya — Junior researcher in the Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

** Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190093-9).

тельства с политикой власти в данной сфере. В систему воспитания «нового человека» включались все учреждения, в том числе и детские дома. Непосредственным организатором этой работы выступал Наркомат просвещения РСФСР (Наркомпрос) во главе с А.В. Луначарским, а реализация принципов возлагалась на сотрудников детских учреждений.

Интерес к теме воспитания «нового человека» отразился в трудах теоретиков и практиков 1920—1930-х гг.: государственных деятелей, педагогов, психологов (П.П. Блонского, Н.И. Бухарина, А.М. Коллонтай, Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, А.С. Макаренко и др.). Среди них разворачивались дискуссии об идеале человека, путях изменения системы образования, методах воспитания и обучения и др. Некоторые полагали, что именно воспитанники детских домов будут полезны для страны. Так, Луначарский считал, что «если этих беспризорных детей пригреть и накормить, из них выйдут такие государственные дети», которыми можно будет гордиться [3, с. 28].

Помещение несовершеннолетних в детские дома являлось основным способом решения проблемы беспризорности. Реализация государственной политики по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе с детьми-сиротами и беспризорными в данных учреждениях также происходила по принципу воспитания «нового человека». Под этим понятием подразумевали «борца за укрепление завоеваний пролетариата, строителя социалистического общества» [19, с. 9]. Луначарский в лекции «Воспитание нового человека» (1928) отмечал: для того, чтобы сыновья нынешних рабочих смогли в будущем руководить страной на социалистических началах, им необходимо обладать широким политическим образованием, высоким уровнем общего и специального образования. Именно поэтому важнейшей задачей руководителю системы просвещения виделся «вопрос о выработке нового человека — нового, ибо воспитание для нас означает воспитание именно нового человека, поскольку старый человек, воспитавшийся в хаотическом и акультурном капиталистическом обществе, является неудовлетворительным» [2, с. 15]. Содержание внешкольной работы должно было определяться, в первую очередь, задачами воспитательного порядка: развивать в детях нужные черты характера, воспитывать мировоззрение, прививать общественные, технические и другие навыки [19, с. 9].

В настоящее время тема воспитательной работы в детских домах изучается на уровне отдельных регионов. В Карелии поднятая тема на данный момент не получила достаточного освещения. Цель статьи — охарактеризовать детдомовские практики воспитания «нового человека» в регионе, выделив основные составляющие воспитательной работы в 1920-х — первой половине 1930-х гг. Привлечение источников разнообразного характера позволило проследить, как происходила реализация названного принципа, в чем состояли различия между де-

кларифицируемыми задачами в вопросах воспитания подрастающего поколения и реальным положением данной работы в детских учреждениях.

Детские дома находились в ведении Наркомпроса РСФСР и отделов народного образования на местах. В обозначенный период на территории Карелии действовали 6 детских домов, к концу 1925 г. — 17, из них 10 школьного типа (8 русских и 2 карело-финских) и 7 дошкольного (6 русских и 1 карело-финский). Стоит заметить, что в детучреждениях велась дифференциация по следующим группам: нормальные дети, «дефективные», трудновоспитуемые и несовершеннолетние правонарушители. В массе своей «исходный материал» плохо согласовывался с идеалом «нового человека». Когда сироты, беспризорники, дети-правонарушители становились «государственными детьми», с ними приходилось много работать.

Детский дом признавался лучшей формой учреждения, отвечающей цели социального воспитания детей. Детдом полностью охватывал жизнь, воспитание и обучение ребенка в общественной обстановке «без разлагающего влияния индивидуалистической семьи» и организовывался «в пролетарском государстве не как педагогическая прихоть, а как единственно возможная и рациональная форма общественного спасения детей» [15, с. 3].

Воспитание детей-сирот и беспризорных в Карелии имело определенные трудности. Для проведения успешной работы требовались квалифицированные кадры. Из отчетов Наркомпроса Автономной Карельской советской социалистической республики (Наркомпрос АКССР) следовало, что специалистов не хватало, поэтому проблему пытались решить через организацию курсов по подготовке и переподготовке работников детских учреждений. Так, с 1920 г. стали проводиться губернские двухмесячные курсы по подготовке руководителей детдомов. Программа курсов включала дисциплины от организации самих учреждений до знания психологии ребенка. Из отчета отдела охраны детства следовало, что из посещавших в 1920 г. 60 человек свидетельство об окончании получили 34 [6, л. 35]. В том же году были организованы пятидневные курсы на 70 человек, больше половины слушателей которых стали работать в учреждениях в качестве практикантов. Проблемой организации данных курсов являлся квартирный кризис в Петрозаводске, не позволявший разместить всех желающих в имеющихся помещениях.

Кроме местных курсов, Наркомпрос АКССР отправлял делегатов на обучение в Москву или Петроград. Так, в 1920 г. «из губернии были командированы 11 человек в Петроград на курсы по подготовке руководителей детских домов-коммун, 2 человек — на курсы при санатории проф. Кащенко Института изучения ребенка в Москве» [6, л. 9]. В отчетах начала 1920-х гг. говорилось о малом количестве желающих поехать на курсы в центр, что объяснялось недостаточным финансированием

поездки и необходимостью оставления работы на местах без замещения. Уровень квалификации педагогических кадров был препятствием для качественной организации воспитательной работы в детдомах. Знаний, получаемых на курсах, оказывалось явно недостаточно.

Оказавшись в детском доме, педагоги и воспитатели должны были реализовывать государственную политику по воспитательной, медико-санитарной и просветительской работе с детьми, которая заключалась в трудовом, физическом (включая спортивные и медицинские аспекты) и общественно-политическом (антирелигиозном и интернациональном) воспитании.

Одним из существенных элементов воспитания считался труд — причем с точки зрения не только подготовки к трудовой деятельности, но и создания у воспитанников настроения, которое соответствовало бы идеологии рабочего класса [18, с. 4]. Основным способом подготовки к трудовой деятельности воспитанников была организация мастерских в детских учреждениях. По уставу детского дома для детей школьного возраста при нем должны были действовать «одна или несколько мастерских, например, починочная, переплетная, корзиночная, столярная, слесарная и др.» [7, л. 2]. На средства Деткомиссии при Карельском ЦИК в 1924 г. функционировало 19 мастерских: столярная, сапожная, швейная, переплетная, чулочновязальная. В обучение ремеслам было втянуто примерно около трети воспитанников детдомов Карелии [9, л. 57].

Мастерские старались собственными силами обеспечить воспитанников необходимой одеждой и обувью, однако в их работе встречались такие трудности, как отсутствие сырья, помещений или специальных работников для обучения детей. Например, в 1920 г. Единое потребительское общество оказало помощь детдомам Петрозаводска, отпустив мануфактуру для белья и одежды детям. В результате воспитанники учреждений имели по три смены носильного и постельного белья, по два платья, которые были сшиты самостоятельно. Отсутствие специальных помещений для мастерских решалось совмещением комнат для разных видов занятий. Например, в Кемском детдоме столовая являлась еще и комнатой для занятий и работ швейной мастерской. Отдельной проблемой был вопрос грамотного руководства мастерскими: обычно в них работали учителя школ или сами воспитатели детдомов. Часто деятельность мастерских останавливалась именно из-за отсутствия работников.

Отчеты детских домов Карелии показывают, какие объемы работ выполнялись воспитанниками учреждений. Так, в обувной мастерской Пудожского детдома за первую половину 1921 г. было сшито новых сапог 46 пар, починено старых — 85 пар. Швейная мастерская изготовила 187 предметов из белья, половина которых направлялась

для нужд детского дома, другая половина — для местного населения, которое активно обращалось в детдом за заказами. Например, мастерская второго Повенецкого детдома завоевала авторитет среди населения изготовлением изделий из карельской березы.

В сельской местности трудовое обучение проводилось не только в мастерских, но и на сельскохозяйственных участках. По уставу «каждый детский дом должен был иметь в распоряжении участок земли для сада и огорода, а если возможно, то и для опытного поля» [7, л. 2]. Например, в Пудожском детдоме огородно-полевое дело оказалось поставлено на высокий уровень. «Огород мог служить показательным и стоял намного выше школы крестьянской молодежи», — так характеризовал положение дел проверявший учреждение инспектор Наркомпроса АКССР [12, л. 22]. В 1924 г. воспитанниками детдомов г. Петрозаводска было засеяно 4970 кг (305 пудов) картофеля и до 5000 ростков капусты и брюквы, скошено около 8150 кг (500 пудов) сена [11, л. 66]. Огород являлся жизненной необходимостью, однако содержать его каждый детдом позволить себе не мог.

В первой половине 1930-х гг. из фондов Деткомиссии при КарЦИК стали отпускаться средства на развитие подсобных хозяйств при детских домах. В этот период в хозяйствах некоторых детских домов имелся домашний скот: куры, гуси, утки, кролики, свиньи, лошади. Картофель, морковь, лук, репа, свекла, брюква, полученные с огорода, дополняли рацион питания. Например, в 1932 г. Повенецким детдомом для трудновоспитуемых было получено от своего огорода 1785 кг картофеля [14, л. 3]. В хозяйстве дошкольного детдома в Повенце в 1934 г. было 10 кур, 5 кроликов, огород на 4 тонны картофеля [8, л. 55]. Развитие подсобных хозяйств в последующие годы отчасти было связано с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». В разделе об улучшении состояния детских домов и трудовых колоний говорилось о необходимости «отнести всем детским домам, в первую очередь, в сельских местностях и небольших городах, земельные участки для обработки их самими воспитанниками и обеспечить развитие животноводческого хозяйства» [17].

Помимо труда важным средством воспитания «нового человека» была физическая культура, которая включала в себя, в том числе, и заботу о телесности ребенка. Занятия физкультурой, спортом, ставшие массовыми в эти годы, предполагали решение трех связанных задач: организацию производства в коллективе, подготовку физически сильного здорового защитника родины, а также формирование советского человека как гармонической, всесторонне развитой личности [5, л. 100].

В детском доме выделялись следующие задачи физического воспитания: забота о здоровье детей путем использования всех медико-санитар-

ных и врачебно-педологических средств (использование воздуха, солнца, воды для закаливания и лечения, физические упражнения, спорт, санитарное просвещение и т.д.); общественно трудовая задача (способствовать внедрению дисциплинирующего начала, привитию навыков труда к общественной работе, а в более старшем возрасте — привитию навыков военного порядка); физкультура как средство для выявления в процессе педагогической работы и патологического изучения всех особенностей детской психики и организма [1, с. 16]. Также в рекомендациях для детских домов говорилось, что физкультура должна «проходить непрерывной красной нитью через всю жизнь его [детдома]: в общем режиме дня, в общественно-полезной работе, в учебных занятиях, труде, досуге, в каждом без исключения моменте коллективной жизни детей физкультура должна составлять органическую его часть» [1, с. 17].

В исследуемый период сотрудники Наркомата здравоохранения РСФСР ставили следующие задачи в области охраны здоровья детей и подростков: санитарно-гигиенический надзор, обеспечение психофизического развития подрастающего поколения, физическую культуру (игры, физические упражнения, спорт) и правильную постановку врачебного контроля в этой области, санитарное просвещение [16, с. 9]. В системе оздоровительных мероприятий в детдоме физкультуре принадлежала одна из главных ролей. Врачи говорили о необходимости заботы о том, «чтобы физкультура получила самое широкое распространение среди подрастающего поколения, и чтобы она была направлена по надлежащему пути» [16, с. 9]. Рекомендовались следующие формы физкультурной работы в детдомах: «Занимательные физкультурные развлечения, организуемые взамен игр отрицательного с педагогической точки зрения порядка, регулярные антропометрические измерения детей в целях контроля их здоровья, летняя оздоровительная кампания, выезд коллективами в лагерь, в колонию или длительную экскурсию, организация санкома, выработка рационального режима времени, устройство показательного суда над нечистоплотностью, живая газета, составленная на санитарно-гигиенические темы» [16, с. 17] и др.

Кружки физкультуры, организуемые в детдомах, оказывали положительное влияние на здоровье и быт детдомовцев, помогали рационально организовывать их досуг и содействовать получению коллективистических навыков в работе. Однако детдомовские практики физического воспитания (формирование тела «нового человека») были осложнены, например, уровнем продовольственного обеспечения воспитанников. Дефицит продуктов (недопоставки, воровство и др.) не позволял детям иметь полноценное питание для роста и развития. Отсутствие постоянного контроля врачей, необходимых санитарных условий в детских учреждениях оказывало отрицательное воздействие на общую картину медико-санитарного обслуживания воспитанников детдомов.

Общественно-политическое воспитание в детском доме осуществлялось не только в его стенах, но и в школе, поскольку воспитанники обучались совместно с детьми, которые имели родителей, и в семьях, которые воспитанники посещали иногда на выходных. Детей старались приобщить к коммунистической идеологии, частью которой являлось антирелигиозное воспитание, проходившее «красной нитью» через всю работу. В статье И. Флерова «Пора начать!» отмечалось, что оно «будет тогда по-надлежащему поставлено, когда оно даст ребятам зарядку на действие, будет закрепляться целым рядом практических дел, идущих по линии всего нашего социалистического строительства» [20, с. 28].

Одним из самых популярных методов проведения антицерковной и антирелигиозной пропаганды было празднование комсомольских рождества и пасхи. Они представляли собой демонстрации с ряжеными, оркестрами, транспарантами с коммунистическими лозунгами, пение революционных песен и антипоповских частушек в дни, когда верующие отмечали Рождество и Пасху [4, с. 354]. Дети участвовали в демонстрациях, копируя стиль поведения старших товарищей. Кроме того, в противовес Рождеству организовывался праздник Зимы, в противовес Пасхе — праздник Весны. Следующим образом выглядел план проведения праздника «Елка»: «Дети всех детских домов с педагогическим персоналом собираются в театре “Триумф” к 12 часам. Праздник открыт пением Интернационала, далее речь [сотрудника Наркомпроса] к детям с пояснением смысла и значения настоящего праздника, затем идет детская пьеса в 3-х действиях “Своим трудом”, после чего дети вводятся в фойе, где вокруг елки устраивают хороводы и игры, между которыми дети выступают с декламациями. Для детей старшего возраста, желающих танцевать, освобождают от стульев часть зрительного зала. Праздник закончится к 5—6 часам» [10, л. 155].

В детских домах Карелии читались лекции, направленные на антирелигиозное воспитание. Так, в 1924 г. на Пасхальной неделе в первом детском доме г. Петрозаводска были проведены лекции на следующие темы: «Как рождаются боги», «Наука и религия», «Религия на службе ... и капитализма», «Происхождение пасхи и религиозные предрассудки» [10, л. 223]. Руководителям и воспитателям предлагалось ответственно относиться к формам проработки антирелигиозного материала через проведение вечеров, диспутов, викторин, митингов, спектаклей и т.п. Местные ячейки общества «Друг детей» и ячейки «Безбожник» в первой половине 1930-х гг. участвовали в проведении антирождественской кампании, в которую также включали чтение лекций [13, л. 4].

Но, несмотря на предпринимавшиеся усилия, такие празднования не носили систематический характер, так как кампании проводились только по определенным датам. В отчетах детских домов Карелии фиксировалось, что антирелигиозное воспитание шло «из рук

вон плохо». Отмечалось, что особенно плохо велась плановая работа над воспитанниками, доставленными из семей с «религиозными предрассудками и суевериями». Ребята часто попадали «на удочку церковников в большие религиозные праздники — Пасха, Рождество», посещая в эти дни родственников и привлекаясь «внешней торжественностью, праздничностью угощений».

Считалось, что воспитание в детдомах, имея тесную связь со школой, должно было быть «прямым выполнением и укреплением интернационального воспитания, используя для этого все ценные педагогические возможности» [21, с. 35]. Предлагались следующие формы и методы воспитательной работы в этом вопросе: доклады, беседы не только с детьми, но и взрослыми; организация кружков текущей политики; установка связи детских домов с национальными школами и детдомами, заграничными детскими коммунистическими группами, Красной армией; проведение международных праздников (особенно таких, как 1 мая, День парижской коммуны, юношеский день, 8 марта, Октябрьской революции), устройство специальных интернациональных утренок и вечеров.

Однако в отчетах детских домов Карелии не говорилось о необходимости усиления работы в деле интернационального воспитания, что было связано с наличием в крае национальных учреждений и смешанного состава воспитанников в них. Кроме того, этот участок работы являлся одним из слабых в воспитательной практике детдомов. В докладе на Всероссийской конференции по охране детства (1930) отмечалось, что ни в школах, ни в детдомах до сих пор не были выработаны конкретные методы для его реализации. В большинстве случаев эта работа проходила «от случая к случаю, “кампанейски” по различным событиям и т.д.» [21, с. 35]. «Корни национальной розни» среди детей находились в среде, которая окружала их. Семья, родители в этом отношении имели большее влияние, чем детский дом и воспитатели. Дети, даже находясь под постоянным длительным воспитательным воздействием сотрудников детских домов, все равно имели в своей среде «проявление религиозности и антисемитизма, получая эту зарядку от случайных периодических посещений своих родственников и отчасти своих сверстников из уличной среды» [21, с. 34].

Таким образом, в исследуемый период в основу работу детских домов был положен основной принцип советского образования — воспитание «нового человека», который старались реализовывать в каждом направлении. В детдомах старались создать условия для воспитания, обучения и подготовки несовершеннолетних к самостоятельной жизни. Все составляющие воспитательной работы испытывали сложности в организации и реализации основного принципа. Прежде всего, особое внимание уделяли трудовому воспитанию, по-

тому что труд считался необходимым элементом при подготовке воспитанников к взрослой жизни. Дети, выпускавшиеся из учреждений Карелии, определялись на различные работы или в места обучения, но были и случаи оставления некоторых воспитанников в детских домах в качестве воспитателей или нянь. Трудовое воспитание реализовывалось через организацию мастерских и подсобных хозяйств в детских домах, которым не хватало инструментов, сырья, помещений, работников и др. Физическое воспитание было направлено на подготовку гармонической и всесторонне развитой личности, однако и в этом вопросе ощущался недостаток квалифицированных кадров и необходимых условий в самих учреждениях. Общественно-политическое воспитание не имело четкой плановой и систематической работы, позволявшей проводить все рекомендованные мероприятия.

Список литературы

1. Еще о физкультуре // Детский дом. — 1930. — № 5. — С. 16—17.
2. Луначарский А.В. Воспитание нового человека. — Л.: Прибой, 1928. — 48 с.
3. Луначарский А.В. Доклад Наркомпроса // Народное просвещение. — 1924. — № 9—10. — С. 7—38.
4. Макарова Ю.В. Антирелигиозное воспитание пионеров в 1920-х гг. в СССР // Преподаватель XXI век. — 2015. — № 3. — С. 353—358.
5. Мигачев А.В. Теория и практика воспитания «нового человека» в СССР в 1930-е гг. (на материалах Ставрополя) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Общественные науки. — 2017. — № 1. — С. 99—103.
6. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 52.
7. НА РК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 81.
8. НА РК. Ф. Р. 5207. Оп. 1. Д. 797.
9. НА РК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 10.
10. НА РК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 57.
11. НА РК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 96.
12. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 1. Д. 17.
13. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 1. Д. 32.
14. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 2. Д. 2.
15. О новом курсе работы охраны детства // Детский дом. — 1930. — № 2—3. — С. 3—8.
16. Семашко Н.А. Очередные задачи в области охраны здоровья молодой смены // Детский дом. — 1930. — № 2—3. — С. 9—12.
17. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934 г. — № 56. URL: <http://istmat.info/node/42490> (дата обращения: 20.07.2019)
18. Тизанов С. Очередные задачи в работе по охране детства // Детский дом. — 1928. — № 3. — С. 3—5.
19. Угарова Е. Новые пути борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью (О внешней работе) // Детский дом. — 1928. — № 3. — С. 8—15.
20. Флёров И. Пора начать! (Об антирелигиозном воспитании в детдомах) // Детский дом. — 1930. — № 2—3. — С. 25—28.
21. Чукаев С. Интернациональное воспитание в детдомах (К докладу на Всероссийской конференции по охране детства) // Детский дом. — 1930. — № 4. — С. 33—37.

«Великий перелом» в жизни Л.С. Боголеповой. К вопросу о реструктуризации системы здравоохранения в Московском регионе в начале 1930-х гг.

Аннотация. В статье анализируются последствия сталинского «Великого перелома» для московской системы охраны здоровья. История московского здравоохранения показана через призму жизни и деятельности Л.С. Боголеповой. В период с 1917 г. по 1931 г. она занимала ряд ключевых должностей в структурах Мосздравотдела и была видным пропагандистом московской диспансеризации.

Ключевые слова: история медицины, гигиена труда, Мосздравотдел, ленинизм, марксизм.

“The Great Break” in the Bogolepova’s life. On the question of restructuring a health system in the Moscow region in early 1930s.

Abstract. The article analyzes the consequences of the Stalinist Great Break for the Moscow health care system. The history of Moscow healthcare is shown through the prism of life and activity of Ludmila Bogolepova. In the period from 1917 to 1931, she held some key posts in the structures of the Moscow Health Department and was a prominent propagandist of the Moscow medical Screening.

Keywords: history of medicine, occupational hygiene, Moszdravotdel, Leninism, Marxism.

Приказом Московского областного отдела здравоохранения с 1 июля 1931 г. произошла смена директора в Институте по изучению профессиональных болезней имени В.А. Обуха. Вместо Л.С. Боголеповой новым руководителем стал Г.Д. Арнаутов. У этого довольно рутинного факта (эта не первая и не последняя смена директора данного института) есть важная политическая характеристика. Отставка Боголеповой произошла «в связи с выявлением в работе Мособлздравотдела и Института ошибок правооппортунистического характера». Перед Арнаутовым стояла задача «мобилизовать кол-

---

* **Всеволод Николаевич Сергеев** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова (Москва, Россия). e-mail: sergeew.w@irioh.ru
Vsevolod N. Sergeev — Candidate of Historical Sciences, Senior researcher in the Izmerov research institute of occupational health (Moscow, Russia).

лектив научных работников на изжитие ошибочных теоретических установок в работе» [3, л. 34] и организовать «перевод от “созерцательной” работы по изучению профвредностей на путь разработки оздоровительных мероприятий» [3, л. 12]. Чтобы понять, в чем заключаются «ошибки» Боголеповой, необходимо проанализировать основные этапы ее биографии в контексте развития системы здравоохранения в Московском регионе после 1917 г.

Людмила Сергеевна имела типичную революционную биографию. Она родилась в 1889 г. в Москве. В Российской империи женщинам был затруднен доступ к получению высшего образования, а следовательно, и к возможности зарабатывать умственным трудом. Наиболее массовыми сферами деятельности, где допускался женский умственный труд, были педагогическая и врачебная. Выбор Боголеповой пал на вторую. В 1913 г. она окончила медицинский факультет Высших женских курсов в Москве [6, с. 59] и в том же году начала работать в 1-й Градской больнице (Хамовники), где лечила население рабочих окраин. Помимо ознакомления с проблемами московского пролетариата, работа в данной больнице привела ее к знакомству с известным большевиком В.А. Обухом, который работал там же врачом-терапевтом. Именно благодаря его влиянию Боголепова заинтересовалась марксистскими идеями. В ряды большевиков она вступила в феврале 1917 г., с этого времени началось совмещение врачебной и революционной деятельности.

В период между февралем и октябрём 1917 г. во главе нескольких районных управ встали врачи-большевики. Пятницкий район возглавил Н.А. Семашко (нарком здравоохранения в 1918—1930 гг.), Замоскворечье — М.Ф. Владимирский (нарком здравоохранения в 1930—1934 гг.), Хамовники — З.П. Соловьев (замнаркома здравоохранения в 1918—1928 гг.), Сокольники — И.В. Русаков. Боголепова тоже не осталась в стороне от большевизации муниципальных органов власти, но свои организаторские способности проявила во время Октябрьской революции. Хамовники в начале XX в. был социально неоднородным районом Москвы. В нем можно было найти и богатые, и пролетарские кварталы, а также «городок» медицинского факультета на Девичьем поле. В задачи Людмилы Сергеевны входила организация «летучих» медико-санитарных отрядов и координация всей медицинской работы на уровне района в период перехода власти к советам [4, с. 49].

Полученный опыт организационной работы пригодился Боголеповой уже скоро: в 1918 г. она возглавила отдел здравоохранения Хамовнического района. На этом посту Людмиле Сергеевне пришлось столкнуться с рядом проблем. Во-первых, Первая мировая война обострила эпидемическую ситуацию, что, в совокупности с острым

дефицитом лекарств и обеззараживающих средств, сделало положение критическим. Во-вторых, сказывалась открытая враждебность Пироговского общества и Центрального врачебно-санитарного совета по отношению к Советской власти. На местном уровне это проявлялось в отказе многих врачей заниматься своей работой и закрытием разного рода лечебных заведений. В-третьих, строительство советской системы здравоохранения шло в ситуации дискуссий о характере «новой» медицины (степень централизации, роль общественных объединений, источники финансирования и т.д.). Несмотря на эти трудности, за два года работы Боголепова зарекомендовала себя хорошим организатором, что привело к переводу ее на городской уровень. В 1920 г. Людмила Сергеевна вошла в состав коллегии Московского отдела здравоохранения (МОЗ) и, одновременно, в правление Московского губернского отдела Всесоюзного союза рабочих и служащих лечебно-санитарных учреждений (Всемередикосантруд).

Постепенное окончание Гражданской войны и переход к НЭПу поставили перед Мосздравотделом проблему политики в сфере здравоохранения. Активно дискутировался вопрос о страховой (рабочей) медицине и возможностях создания системы здравоохранения, доступной для всех. МОЗ под руководством Обуха выступил за создание общегородской системы охраны здоровья. Именно в Москве в 1922—1923 гг. появился лозунг «От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда и быта», впоследствии поддержанный Семашко и другими руководителями Наркомздрава РСФСР. Важным элементом московского здравоохранения стала система диспансеризации, которая в середине 1920-х гг. в основном касалась промышленных предприятий. Но уже к концу десятилетия, благодаря созданию «единых диспансеров» (аналог современных территориальных поликлиник), начался переход от производственного к производственно-территориальному принципу оказания медпомощи.

Диспансеризация имела и политическое измерение. Строительство единой системы здравоохранения позволило создать альянс между частью большевиков и бывшими земскими врачами, стоявшими на позициях «общественной медицины». Примером такого сотрудничества был бывший земский санитарный врач Я.Ю. Кац, который в 1920-е гг. возглавлял санитарное подразделение МОЗ и был одним из главных пропагандистов диспансеризации. Опора на «общемед» позволила противостоять сторонникам «рабмеда», выступавшим за создание отдельной системы медицинских организаций для застрахованных работников (рабочая или страховая медицина).

Руководство МОЗ ставило перед собой целью создание такой системы диспансеризации, которая позволяла бы уже на низовом

уровне выявлять острые социальные и профессиональные заболевания и оперативно направлять больных в профильные лечебные учреждения. Венчать эту систему должны были специализированные научные центры, сочетавшие научную и лечебную деятельность. Одной из площадок, где происходила апробация этих идей, стала Московская губернская организация Всеобщей медицины труда. В 1922 г. под руководством Боголеповой появилось Научно-консультативное бюро, в задачи которого входило изучение условий труда медработников и выявление профессиональных вредностей. При активной работе Людмилы Сергеевны в 1923 г. организуется другой научный центр — Институт профессиональных болезней (Институт им. Обуха), который должен был заниматься научным обобщением практики лечения профессиональных заболеваний и отравлений. Первоначально Боголепова была только членом Ученого совета института, но уже в 1925 г. стала его директором.

Институт им. Обуха в 1920-е гг. соединял в себе три части. Во-первых, это клиническая часть, сформированная на базе бывшей Евангелической больницы, благодаря чему Институт на протяжении всей своей истории имел развитую специализированную клинику, поликлинику и врачебную периферию. Во-вторых, санитарная (гигиеническая) часть, которая обобщала полученный материал и производила научные изыскания. В-третьих, просветительская работа. Немаловажным было создание Научного музея, где на регулярной основе проводились лекции и занятия с рабочей молодежью, студентами и врачами. Также Институт выпускал периодическое издание под общим названием «Оздоровление труда и революция быта». Данный альманах публиковал научные статьи по проблемам профессиональных заболеваний, просветительские и программные тексты. Например, в первом номере напечатаны статьи Обуха «От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда» и Боголеповой «От амбулаторного объединения к Институту профессиональной заболеваемости».

Еще одной особенностью проведения диспансеризации в московском регионе в 1920-е гг. стала опора на общественные организации. На начальном этапе диспансеризации (1923—1924 гг.) МОЗ столкнулся с постоянным дефицитом финансирования всей системы здравоохранения региона. Выход из этой ситуации нашелся в привлечении к работе районных и уездных отделов здравоохранения пролетарских масс, которые объединялись в две структуры. Во-первых, это здравячейки или санячейки при промышленных предприятиях, сформированные на основе комиссий по чистоте. В их функции входили помощь санитарному контролю (санитарным инспекторам труда и санитарным врачам) и реализация комплекса

мер по профилактике профессиональных заболеваний. Во-вторых, это комиссии по оздоровлению труда и быта (КОТиБ), заменившие административно-хозяйственные совещания при лечебных учреждениях. В их задачу входило помочь при проведении профилактических мероприятий и распределение медико-социальной помощи (диетические столовые, дневные и ночные санатории, дома отдыха и т.д.). Курированием всей сети КОТиБ занимался Институт им. Обу-ха во главе с Боголеповой, так как Центральная комиссия была создана при этом учреждении, а директор принимала самое активное участие в работе данной организации. В случае с здравячейками и КОТиБ ленинские идеи об опоре на широкие массы рабочего клас-са удачно совпали с потребностью в удешевлении медицины. Часть бюрократических функций была переложена на общественные орга-низации, что позволило компенсировать сокращение администра-тивного персонала.

Несколько особняком в системе московского здравоохранения стояло научное общество «Ленинизм в медицине». Его главной за-дачей было не производство нового научного знания как такового, а выработка «правильной позиции» в актуальных медицинских дискуссиях. Обращение [1] с призывом ко всем московским вра-чам создать марксистскую медицину появилось в феврале 1924 г. и было подписано В.А. Обухом, Б.С. Вейсбродом, Л.С. Боголеповой и С.Н. Волконской (заведующая Санпросветом МОЗ в 1920-е гг.). Окончательное оформление общество получило в ноябре 1924 г., когда была его сформирована внутренняя структура. Председателем правления Общества стал Обух, заместителем — Вейсброд, секретарями — Боголепова, С.А. Гуревич и С.М. Швейцер. Внутри общества действовало несколько секций. Обух был председателем Профилак-тической секции, членами которой являлись видные организаторы профилактической медицины (А.Н. Сысин, Я.Ю. Кац, С.А. Гуре-вич, А.В. Мольков, С.Н. Волконская). Боголепова возглавляла дру-гую важную секцию — биолого-физическую (Кружок им. Лесгаф-та). Ее миссия заключалась в подведении под медицинку фундамента «подлинного материализма». На ее заседаниях с докладами высту-пали известные физиологи А.А. Богомолец (президент АН Украин-ской ССР в 1930—1946 гг.) и И.П. Разенков.

В 1920-х гг. в СССР шло множество научных, в том числе меди-цинских и биологических дискуссий. Для данной работы важны, прежде всего, две из них: соотношение профилактической и кли-нической медицины; влияние внешних (среда обитания) и внутрен-них (генетические особенности, работа эндокринной системы и т.д.) факторов. Общество «Ленинизм в медицине» пропагандирова-ло главенство профилактики и идей о доминирующем влиянии на

здоровье человека факторов внешней среды. Противники общества концентрировались на медицинских факультетах двух московских университетов. Клинические кафедры не признавали первенства профилактики над лечением. Главными антагонистами в споре о доминировании внешних и внутренних факторов выступали Кружок врачей-материалистов I МГУ [2] и Русское евгеническое общество.

К концу НЭПа Боголепова была «левой рукой» Обуха в системе московского здравоохранения. На Людмилу Сергеевну через Институт по изучению профессиональных заболеваний была замкнута научная и практическая работа по гигиене и патологии труда, а через комиссии по оздоровлению труда и быта — часть деятельности по социально-медицинской помощи населению. Параллельно с этим через общество «Ленинизм в медицине» и его биолого-физиологическую секцию шло распространение идей одной из марксистских концепций в естествознании. К концу 1920-х гг. Боголепова была важным игроком в практической работе, науке и марксистской теории.

«Великий перелом» во всей советской медицине начался 18 декабря 1929 г., когда ЦК ВКП(б) принял постановление «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян». «Постановление обязывало органы здравоохранения строго дифференцировать медицинское обслуживание отдельных ведущих групп промышленных рабочих и социалистического сектора сельского хозяйства» [5, с. 61]. На практике это означало свертывание довольно дорогостоящего упора на развитие профилактической медицины и переход к опоре на лечебное дело. Отныне медицина не должна была ограничивать «ударничество» (а затем «стахановское движение»), но заниматься оздоровлением труда и помогать в преодолении «случайных» заминок (болезни и травмы). Первым практическим последствием постановления стала отставка части руководителей здравоохранения из числа старых большевиков. В 1929—1930 гг. свои посты покинули Обух и Семашко.

Другим последствием явилась широкая дискуссия о положении «на фронте здравоохранения» (1930—1931 гг.). Важно отметить, что обсуждение судьбы советской медицины проходило на фоне других идеологических сражений рубежа 1920—1930-х гг. Для гигиены труда наиболее важными была борьба с «правым уклоном» в партии, процессы над «буржуазными специалистами» (Шахтинское дело, дело Трудовой крестьянской партии, дело Промпартии и т.д.) и две философские дискуссии (о механицизме и о меньшевистствующем идеализме). В случае с «правом уклоном» была важна органическая связь научно-исследовательских институтов с Наркоматом труда и профсоюзами, руководство которых заняло «неправильную позицию». Процессы над «буржуазными специалистами» могли затро-

нуть большинство московских и ленинградских институтов, так как в них трудилось много старых спецов или ученых с не совсем «правильным» партийным прошлым (бывшие меньшевики, бундовцы и т.д.). Философские дискуссии, прежде всего, затрагивали общество «Ленинизм в медицине», постоянно обвиняемое в ламаркизме или механико-ламаркизме.

Изменения в жизни Боголеповой надвигались постепенно. Первой ощутимой потерей стало сворачивание деятельности общества. На протяжении всего 1930 г. шла оживленная полемика между группой Обуха-Боголеповой и «врачами-материалистами» из Комакадемии. Итоги были подведены постановлением Московского областного комитета ВКП(б) от 13 марта 1931 г., в котором говорилось о присоединении общества «Ленинизм в медицине» к Обществу врачей-марксистов при Коммунистической академии. Ни Обух, ни Боголепова не видели возможности продолжать свою теоретическую деятельность в стенах Комакадемии и отошли от сферы марксистской теории.

В ответ на сворачивание системы диспансеризации Институт им. Обуха во главе с Боголеповой попытался адаптироваться к новым реалиям. Началась переориентация на исследование и медицинское обслуживание промышленных гигантов Московской области. Внутри Института в 1931 г. произошла реорганизация исследовательских подразделений. Вместо Санитарной части был создан Гигиенический отдел, который разделялся на профильные секции. Однако у нового руководства Московского областного отдела здравоохранения Боголепова ассоциировалась с Обухом и системой диспансеризацией. Заканчивать первую пятилетку Институт им. Обуха уже должен был с новым руководством и с новым мировоззрением.

Смена руководства в московском институте произошла наиболее резко. В отличие от ленинградского и харьковского института, где соответственно Н.А. Вигдорчик и Э.М. Каган, потеряв посты директоров, смогли сохранить за собой статус научных руководителей, Боголепова была вынуждена полностью сменить специализацию. После непродолжительной переквалификации она с 1932 г. занималась преподаванием санитарно-химической защиты в медицинских ВУЗах.

Взлет и падение в карьере Боголеповой были непосредственно связаны с ее партийной принадлежностью и ориентацией на развитие профилактической медицины. Реструктуризация советской системы здравоохранения предполагала оптимизацию и концентрацию затрат на медицинское обслуживание населения. Отсюда и сворачивание затратной системы диспансеризации, и ориентация на первостепенное обслуживание крупных промышленных предприятий. С другой стороны, научно-исследовательские институты по

гигиене и охране труда не должны были мешать «героическим порывам трудящихся», которые находили выражение в соцсоревновании, ударничестве или стахановском движении.

Список литературы

1. Ко всем московским врачам // Еженедельник Мосздравотдела. — 1924. — 18 февраля.
2. Медицина и диалектический материализм. Труды Кружка врачей-материалистов 1 МГУ. — М., 1926—1927.
3. Научный архив Научно-исследовательского института медицины труда (НА НИИ МТ). Ф. Личные дела. Оп. 1. Д. Арнауты Г.Д.
4. Очерки истории здравоохранения в СССР (1917—1956 гг.) / Под ред. М.И. Барсукова. — М.: Медгиз, 1957.
5. Сорок лет советского здравоохранения / Под ред. Ковригой М.Д. — М.: ГИМЛ, 1957.
6. Хухрина Е.В. Врачи-большевики у истоков гигиены труда // Теоретические, исторические и этические проблемы медицины труда (Актовые речи ведущих ученых НИИ медицины труда РАМН). — М.: МП «МАР», 1994. С. 53—63.

Власть и человек: свободный и несвободный труд на золотых приисках Дальстроя (1930—1940-е гг.)

Аннотация: В статье представлены результаты исследований проблемы сосуществования заключенного и вольнонаемного персонала в золотодобывающей промышленности Дальстроя в 1930—1940-е гг., выделены экономические факторы этих категорий работников в контексте экономики всей отрасли.

Ключевые слова: СССР, Дальстрой, золото, золотодобыча, принудительный труд, вольнонаемные работники, заключенные работники, производительность труда.

Power and man: free and prisoner labour on the Dalstroy' gold fields (1930—1940s)

Abstract. This paper explore the problem of the coexistence of the convicts and contracted personnel in the gold mining industry of Dalstroy in the 1930—1940s, identifies the economic factors of these categories of workers in the context of the economy of the entire industry.

Keywords: USSR, Dalstroy, gold, gold mining, forced labor, contracted workers, convicts, labor productivity.

Рост показателей золотодобывающей промышленности с конца 1920-х — начала 1930-х гг. определялся такими факторами, как осуществление программы государственных инвестиций, развитие старательской золотодобычи и повышение удельного веса рудной золотодобычи. Еще одним важнейшим фактором стало обнаружение богатых месторождений на р. Колыма на крайнем Северо-Востоке страны и освоение этого района в 1930—1950-х гг. специализированным государственным институтом «Дальстрой».

Дальстрой был создан в 1931 г. как государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. В 1938 г. он был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР.

---

* **Павел Сергеевич Гребенюк** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института имени Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (Магадан, Россия). e-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Pavel S. Grebenyuk — Candidate of Historical Science, Senior researcher in the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Magadan, Russia).

Структура организации включала Главное управление и производственные подразделения, среди которых был и Северо-восточный трудовой лагерь [7, с. 248].

Дальстрой действовал на огромной территории в 2,8 млн км², и за 25 лет проделал колоссальный объем работ — только геологоразведка охватила более 1,9 млн км². Объем государственных капиталовложений с 1932 по 1956 г. составил 13,7 млрд руб. в сметных ценах. С конца 1930-х гг. результаты Дальстроя приблизились к показателям треста «Главзолото» (Главное управление золотоплатиновой промышленности), а пик золотодобычи — 80 т — пришелся на 1940 г. За 20 сезонов (с 1931 по 1950 г.) Главзолотом (с 1946 г. «Главспеццветмет») и Дальстроем было добыто 2029,4 т золота, при этом добыча Главзолото составила 1116,2 т (около 55%), а остальное пришлось на Дальстрой (913,2 т — около 45%). Это внушительный показатель.

Вольнонаемные работники Дальстроя формировались на основе завоза из других районов страны. Главными источниками являлись вербовка и организованный набор, а также направления по линии комсомола, коммунистической партии, НКВД и других организаций. Оргнабор также включал комсомольцев и молодежь, направленных на комсомольскими организациями Москвы, Ленинграда и других городов по указанию ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. Тем не менее, ежегодное пополнение за счет вербовки не обеспечивало потребности в квалифицированных специалистах. Например, в 1939 г. прибыло 3 654 человека, в 1940 г. — 5 589, в 1941 г. — 1 006. В 1942 г. из 144 специалистов, выделенных для Дальстроя, на 1 декабря прибыли только 29 [5, л. 6]. Как видно, работа на Дальнем Севере была непопулярна в центральных регионах страны, а с началом войны и традиционные методы пополнения персонала перестали действовать.

Вольнонаемных специалистов Дальстрою всегда не хватало. В основном они занимали руководящие и инженерно-технические должности, а также работали служащими. По законодательству 1930-х гг. для лиц, работавших в отдаленных местностях, устанавливалась десятипроцентная надбавка за каждый год работы, всего можно было получать до 100% надбавки. В Дальстрое действовали все льготы, предоставлявшиеся работникам золотодобывающей промышленности СССР, а также северные льготы. Вольнонаемные работники имели право на двухмесячный отпуск, льготы по санаторно-курортному лечению, при приеме на работу и подписании трудового договора им выплачивались «подъемные», суточные, а также по специальному разрешению оплачивался проезд членов семьи [8, с. 120]. С 1942 г. выполнявшим план более чем на двести процентов предоставлялось право приобретения продуктов сверх карточного лимита, допускалась выплата премий за перевыполнение плана.

Однако условия на Колыме и Чукотке были тяжелы. В районах золотодобычи, поселках вольнонаемные проживали в палатках, землянках, бараках и немногочисленных стандартных домах. Жилья не хватало, бытовое обслуживание практически отсутствовало, население плохо обеспечивалось одеждой и продуктами. Питание было однообразным (консервы), не было свежих овощей и фруктов. С 1 октября 1942 г. работникам Дальстроя было прекращено начисление процентных надбавок за работу в районах Крайнего Севера и отменены прочие льготы (удлиненные отпуска, единовременные пособия, оплата проезда) [12, с. 402]. Изменения объяснялись нуждами фронта.

Во время войны все работающие были закреплены в Дальстрое. Однако начиная с 1943 г., с изменением положения на фронте, а в особенности после победы многие ставили вопрос об увольнении из Дальстроя и выезде в Москву и другие города страны или предоставлении отпусков, однако получали отказ. Они направляли жалобы в центральные партийные и советские органы, в том числе в НКВД/МВД. Стремление к выезду на прежнее место жительства в центральные районы страны получило название «материковских настроений» [5, л. 15].

Для борьбы с ними в 1945 г. всем категориям вольнонаемного персонала были повышены оклады, введены новые правила премиальной оплаты труда, было восстановлено право на отпуск, введены дополнительные отпуска для северян, а выплата десятипроцентной надбавки к окладу стала проводиться через шесть месяцев работы на Севере. Работники получали право на пенсию по достижении пятидесятилетнего возраста и двадцатилетнего стажа работы в Дальстрое, при начислении трудового стажа один год работы на Севере засчитывался за два. Работавшим пенсионерам пенсия по старости выплачивалась независимо от получаемой зарплаты.

Руководство Дальстроя стремилось закрепить квалифицированных рабочих и специалистов, для чего по всему СССР открывались специальные отделения Дальстроя, а также уполномоченные, которые вербовали специалистов и заключали с ними трудовые договора на трехлетний срок. Руководство треста также пополняло кадровый состав за счет бывших заключенных, вышедших из лагеря, но не имевших разрешения на выезд или по собственному желанию оставшихся на Колыме. Подсчеты показывают, что вольнонаемной состав работников в 1938—1945 гг. увеличился с 19 тыс. до 102 тыс. человек, или более чем в 5 раз, и это увеличение произошло в основном за счет бывших заключенных. При этом общая численность работающих с 1941 по 1945 гг. уменьшилась с 210 тыс. до 189 тыс., а численность заключенных — с 148 до 87 тыс. [2. Л.52]. В целом к 1945 г. из всех специалистов с высшим образованием, прибывших по направ-

лениям и договорам, более половины работали на Крайнем Севере свыше 5 лет, а 42% — более 3 лет.

Всего в 1946 г. в Дальстрое работало 204 150 человек, из них вольнонаемных 104 730, заключенных 65 453, специальный контингент (так в отчетных документах именовались послевоенные репатрианты — советские граждане, по разным причинам в годы войны оказавшиеся на вражеской территории; в эту группу включались командиры Красной армии из числа бывших военнопленных, а также лица, служившие рядовыми в немецкой армии, армии Власова, национальных легионах, полиции и т.д. [11]) — 29 515 человек. Среди вольнонаемного состава 20 620 человек прибыли по договорам и направлениям партийных и советских органов и членов их семей, 1 110 являлись представителями коренных национальностей, кроме того насчитывалось 73 324 человек бывших заключенных [6, л. 10]. Согласно расчетам, к 1945—1946 гг. около 70% всего вольнонаемного состава работников Дальстроя составляли бывшие заключенные Северо-восточных лагерей, остальная часть — в основном прибывшие на работу по договорам и направлениям еще до начала войны.

Первые заключенные прибыли на Северо-Восток в 1932 г. на том же пароходе, что и руководство Дальстроя. Большинство исследователей называют режим содержания заключенных при первом директоре Э.П. Берзине в 1932—1937 гг. относительно «мягким». Они использовались на дорожном строительстве, сооружении морского порта, возводили склады, производственные и жилые здания. На золотодобыче широкомасштабное использование труда заключенных началось с 1934 г.

Нормы продовольственного обеспечения вольнонаемных и заключенных первоначально существенно не отличались. До конца 1937 г. заключенным начислялась и выдавалась заработная плата, хотя она была на 13—36% ниже в зависимости от категории [8, с. 138]. Заключенные могли потратить деньги в специальных «ларьках», также имелась возможность переводить деньги семьям. С 1936 г. из заработка заключенных 85% удерживали на их содержание, а оставшаяся часть зарплаты выдавалась на руки. Следует отметить, что до декабря 1937 г.) премиальные вознаграждения заключенным северо-восточных лагерей Дальстроя были на 60% выше, чем в лагерях системы ГУЛага. Только после смены руководства эта практика была признана вредительской и система премиальных вознаграждений была приравнена к общелагерной [3, л. 27 об].

После смены руководства и передачи Дальстроя в 1938 г. в ведение НКВД СССР режим содержания и условия оплаты труда заключенных постоянно ухудшались, особенно тяжелым оказалось военное время. Заключенные проживали в брезентовых палатках, бараках временного типа, плохо питались, часто болели, медицин-

ское обслуживание находилось на минимальном уровне. С конца 1930-х гг. действовала система зачетов, когда при 100-процентном и выше выполнении плана за месяц заключенному сокращали дни отбывания срока. Действовала и система наказаний за невыполнение планов, несоблюдение режима: уменьшение питания, штрафная изоляция, физическое воздействие, запугивание, повторное осуждение. Если в течение сезона план выполнялся не менее чем на 120%, Дальстрой мог ходатайствовать о сокращении срока наказания заключенного и досрочном освобождении. Досрочно освобожденные могли устраиваться на работу в качестве вольнонаемных, но покидать территорию треста было запрещено.

В 1938 г. в Дальстрое была установлена дифференцированная шкала питания. Особая категория предусматривалась для заключенных, выполнявших план на 110% и более, повышенная норма — от 100 до 110%, улучшенная — от 90 до 100%, производственная — от 75 до 90%, общая — от 59 до 75%, штрафная — до 59%. Как отмечают исследователи, более 70% заключенных в 1938 г. не справлялись с нормами выработки [8, с. 139—140]. А.Н. Пилясов отмечает, что в 1936—1937 гг. суточная норма питания вольнонаемного работника составляла 3800—3900 килокалорий, а заключенного — почти в два раза меньше, в среднем 2100—2200 килокалорий. При тяжелом физическом труде заключенные недополучали от 20 до 40% калорий [10, с. 74].

Нечеловеческие условия существования, отсутствие нормально-го питания и медицинской помощи, тяжелый изнурительный труд, суровый климат были причинами высокой смертности заключенных. В первые годы войны наблюдались максимальные показатели смертности заключенных. Если в 1932—1937 гг. умерло 4 тыс. человек, то в 1941 г. — 15,7 тыс., в 1942 г. — 14,9 тыс. [8, с. 143—144]. Руководство Дальстроя и его кураторы в центральных органах власти напрямую связывали количество металла с численностью заключенных. Как отмечает Е.Д. Кочегарова, не брались в расчет преждевременная гибель людей, бессмысленное расточительство в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу в нормальных условиях [9, с. 135—136].

Годовой намыв на работника золотодобывающей отрасли Дальстроя в 1940 г. составил 868 грамм чистого золота, или 977 долларов в соответствии с ценой на золото, установленной казначейством США. Согласно архивным данным, зарплата вольнонаемного персонала составила 12,1 млн руб., премиальное вознаграждение заключенных — 23,8 млн руб., при этом расходы по содержанию и этапированию заключенных составили 130,7 млн руб. Общие расходы на оплату труда персонала Дальстроя (вольнонаемных и заключенных) составили 6,5% от коммерческой себестоимости золота (524,1 млн

руб.). Однако если включить в расчет расходы по содержанию и этапирования заключенных, то доля всех затрат, связанных с оплатой труда и обеспечением рабочего режима, составит в структуре коммерческой себестоимости золота почти $\frac{1}{3}$ (31%).

В 1940 г. совокупные расходы на одного заключенного (1732 руб.) были в 2,6 раза меньше, чем на одного вольнонаемного работника (4 585 руб.). Средняя заработная плата вольнонаемного рабочего в Дальстрое составила 4 203 руб. в год, среднее премиальное вознаграждение заключенного в 15 раз меньше — 266 руб. [Подсчитано по: 4, л. 9]. Если принять во внимание коммерческую стоимость золота (6,55 руб. за грамм чистого золота) и цену золота, установленную казначейством США (35 долларов за тройскую унцию), доход на одного вольнонаемного рабочего по нашим расчетам составил в среднем около 720 долларов США в год, на одного заключенного — около 45 долларов.

С началом войны охрана лагерей была переведена на военное положение, от заключенных жестко требовали выполнения суточных планов, ужесточилась «шкала питания», выполнение плана поощрялось дополнительным питанием, сокращением срока наказания. В годы войны возросла механизация труда, к работе с техникой также привлекались заключенные. С лета 1945 г. применялось денежное поощрение труда заключенных, а с 1949 г. для них были введены выплата заработной платы, гарантированное обеспечение питанием и вещевым довольствием. В связи с этим интересны таблицы норм продовольственного снабжения заключенных и норм суточного довольствия для вольнонаемного состава и военных в 1949 г., опубликованные ранее И.Д. Бацаевым [1, с. 69—71]. Следует также учитывать, что из заработной платы заключенных удерживалась стоимость питания, одежды, обуви и подоходный налог, а оставшаяся сумма зачислялась на счет. Заработанные средства заключенные могли потратить на покупку товаров в «ларьке», переводить семьям и родственникам или накапливать до освобождения.

Итак, на протяжении истории Дальстроя на вольнонаемных работников распространялись льготы для золотодобывающих предприятий СССР, северные льготы, а также льготы, введенные специально для предприятий треста, включающие надбавки к зарплате после каждого года работы (10—20% в зависимости от категории работника). Исследователи выделяют относительно мягкий период 1931—1937 г., когда заключенным начислялась и выдавалась заработная плата, которая была примерно на 30% ниже, чем у вольнонаемных работников, однако во второй половине 1930-х гг. большая часть заработной платы заключенных (до 85%) удерживалась на их содержание. Период 1938—1941 гг. характеризуются ужесточением политики в отношении заключенных. В период военного времени 1941-1945 гг.

их положение было наиболее тяжелым. Для свободного населения в этот период действовали заборные документы по трем категориям граждан, на основании которых можно было получать хлеб, посещать столовую и приобретать продукты, рабочие перевыполнившие установленные нормы могли получать дополнительное питание. Только в 1949 г. для заключенных были введены выплата зарплаты и гарантированное обеспечение питанием и вещевым довольствием.

В Дальстрое в 1930—1940-е гг. совокупные расходы на одного заключенного были примерно в 2 раза меньше, чем на одного вольнонаемного работника. Средняя заработная плата заключенного в 1940-е гг. была примерно в 10, а в начале 1950-х гг. — в 2,5 раза меньше, чем вольнонаемного работника. Зарботная плата вольнонаемных была значительно выше, чем в других районах СССР, однако это не покрывало издержки жизни на Севере. Следует отметить, что использование труда заключенных на золотодобыче и в других отраслях промышленности северных регионов СССР среди прочего было обусловлено экономическим расчетом в сравнении с использованием вольнонаемных. Этот фактор играл ключевую роль в 1930—1940-е гг.

Список литературы

1. Бацаев И.Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. — С. 46—72.
2. Государственный архив Магаданской области (ГА МО). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3.
3. ГА МО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 362.
4. ГА МО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 958.
5. ГА МО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348.
6. ГА МО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1718.
7. ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918—1960. — М.: МФД, 2000. — 888 с.
8. Зеляк В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928—1991 гг. — Томск: Издательство Томского университета, 2015. — 466 с.
9. Кочегарова Е.Д. Государственная политика в золотодобывающей промышленности Дальнего Востока России (1917—1940 годы). — Новосибирск: Сибпринт, 2011. — 223 с.
10. Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. — 145 с.
11. Чернолуцкая Е.Н. Спецпоселенцы-«власовцы» на советском Дальнем Востоке (1945—1955 гг.) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. — 2011. — № 2. — С. 106—113.
12. Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930—1950-е гг.). — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 654 с.

Украинский коллаборационизм в г. Сталино (Донецке) в начале германской оккупации (1941 г.)

Аннотация. Статья посвящена проблеме украинского коллаборационизма в городе Сталино (Донецке) в начале германской оккупации Донбасса (октябрь — декабрь 1941 г.). Автор анализирует различные источники (включая материалы местных архивов) относительно «Организации украинских националистов» (ОУН) и её деятельности в Сталино в конце 1941 г.

Ключевые слова: Сталино, Донецк, германская оккупация, нацисты, коллаборационизм, украинские националисты.

Ukrainian collaboration in the city of Stalino (Donetsk) at the beginning of the German occupation (1941)

Abstract. The article deals with the problem of the Ukrainian collaboration in the city of Stalino (Donetsk) at the beginning of the German occupation in Donbass region (October-December, 1941). An author analyses different sources (including the local archives' files) concerning to the "Organization of the Ukrainian Nationalists" (OUN) and its activities in the city of Stalino in late 1941.

Keywords: Stalino, Donetsk, German occupation, Nazis, collaboration, Ukrainian Nationalists.

В 2019 г. исполнилось 150 лет русскому городу-герою Донецку (в 1924—1961 гг. — Сталино). Одной из наиболее драматических страниц его истории является период нацистской оккупации (октябрь 1941 г. — сентябрь 1943 г.), когда город понес максимальные человеческие и материальные потери за все время своего существования. Современная война в Донбассе и националистическая ревизия истории Великой Отечественной войны на Украине побуждают к осмыслению и объективному научному исследованию трагических событий прошлого, связанных с оккупационной политикой нацистской Германии и деятельностью украинских коллаборационистских организаций.

Проблема организации украинских коллаборационистских учреждений в городе Сталино (Донецке) на начальном этапе германской оккупации частично затрагивалась в работах В.Н. Никольского [16], Д.Н. Титаренко [22], А. Добровольского [8] и ряда других ис-

---

* **Алексей Сергеевич Мартынов** — свободный исследователь (г. Донецк, Донецкая Народная Республика). e-mail: project2070@mail.ru
Aleksey S. Martynov — free researcher (Donetsk City, Donetsk People's Republic).

следователей — преимущественно украинско-националистической ориентации. Так, Никольский характеризовал «Организацию украинских националистов» (ОУН) как «национально-освободительное движение», боровшееся за независимость «против немцев и большевиков» [16, с. 14—26, 131]. В то же время в донецких краеведческих работах коллаборационизм ОУН в Сталино, как правило, либо не рассматривается вообще [9], либо характеризуется достаточно кратко [6]. Например, авторы исторического фотодокументального очерка «Сталино глазами солдата вермахта» в социально-бытовом очерке оккупации города обошлись без рассмотрения деятельности ОУН [21]. Таким образом, в региональной историографии военной истории Донбасса 1941—1945 гг. ощущается необходимость обстоятельного анализа коллаборационистской деятельности украинских националистов в Сталино в первые недели и месяцы германской оккупации.

Целью настоящей статьи является исследование организационных и политических мероприятий ОУН в г. Сталино в октябре-декабре 1941 г., а также определение степени причастности оуновцев к созданию местных «вспомогательных» учреждений при оккупационной администрации. Исследование основано на документах Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР) и других историко-краеведческих материалах, относящихся к данной проблеме.

Появление украинских националистов в Донбассе и создание ими местной организационной структуры стало возможным лишь в ходе наступления гитлеровских войск в Донецком бассейне осенью 1941 г. В середине октября немецкие и итальянские части подошли к Сталино и после тяжелых боев в 20-х числах октября захватили город. В советском краеведческом очерке истории Донецка отмечалось, что бои развернулись в самом городе, гитлеровцы потеряли до 50 тыс. убитыми и ранеными. Почти 700 дней, с 26 октября 1941 г. по 8 сентября 1943 г., Сталино находился под оккупацией [9, с. 184—185]. В действительности Сталино был оккупирован уже 20 октября 1941 г. передовыми частями немецкого 49-го горнострелкового корпуса, которые повесили флаги со свастикой в центре города [21, с. 36—37]. Издававшаяся украинскими националистами «Днепропетровская газета» (официальный орган местной городской управы с изображением трезубца) в номере от 23 октября сообщала на первой полосе: «Немецкие войска успешно продвигаются в Донбассе. Взято Сталино и Таганрог».

В газете приводилась немецкая военная сводка «из главной квартиры фюрера» от 21 октября 1941 г., где говорилось: «Немецкие и итальянские соединения, продвигаясь вперед в южной части Вос-

точного фронта, взяли Сталино, один из важнейших центров военной промышленности в Донбассе. Город Сталино был взят горными частями. На одном из значительных промышленных предприятий этого города развеивается немецкий военный флаг. Во время столкновения на поле боя был убит главнокомандующий 50-й советской армией, генерал Петров, член Верховного Совета и относившиеся к его штабу несколько офицеров». Далее заявлялось: «Наступление немецких и итальянских войск в Донецком бассейне продолжается успешно». В той же заметке приводилась ссылка на Берлинское радио, которое 22 октября сообщило: «Взятие Москвы неминуемо, но это взятие не так даже важно, как взятие Донбасса» [7, с. 1]. Можно отметить, что «Днепропетровская газета» в числе первых оккупационных изданий на Украине проинформировала о захвате Сталино.

В ноябре гитлеровцы возвратили городу Сталино дореволюционное название Юзовка, организовали Юзовскую городскую управу и другие оккупационные органы, за возможность участия в которых сразу же началась конкурентная борьба между украинскими и русскими коллаборационистами. По данным Управления НКВД Сталинской области на 15 ноября 1941 г., к тому времени в городе уже были созданы органы местной власти, сотрудничавшие с немецкой комендатурой, а предатели из местного населения стали выдавать оставшихся коммунистов и комсомольцев, которых расстреливали без суда и следствия [4, л. 25—28]. В такой обстановке первых недель оккупации в Сталино в составе «походных групп» из Западной Украины начали прибывать представители обеих конкурирующих фракций ОУН — бандеровцев и мельниковцев. Странники «проводника» С. Бандеры и «вождя» А. Мельника сразу же поступали на службу гитлеровцам и активно содействовали им в создании «украинской вспомогательной полиции», местных управ и пропагандистских газет. Как пишет работавший с местными архивами японский исследователь истории Донбасса Г. Куромия, идеология украинского национализма была чуждой для Донбасса, а сами националисты «были такими же расистами и фашистами, как их аналоги в Германии, Италии или ещё где-то. Они, безусловно, были коллаборационистами. Нацисты использовали их как противовес советам» [15, с. 395—396].

В Сталино сначала обосновались сторонники фракции А. Мельника, которые организовали полицию в форме с трезубцем и желто-синей повязкой [15, с. 399]. Группа мельниковцев под руководством О. Зибачинского, в которую входили его жена М. Зибачинская-Мойсюк и мельниковец Михальчевский, в конце 1941 г. заняла полицейские участки в Сталино, но вскоре гестапо раскрыло мельниковцев и депортировало их из Донбасса [8, с. 53]. В конце ноября в оккупацион-

ной газете «Донецкий вестник» была опубликована статья «Охрана порядка в городе» о создании на добровольных началах «украинской вспомогательной полиции», которая была разделена на 15 участков и обеспечивала «выполнение распоряжений военных и гражданских властей» [11, с. 2]. Согласно отчету немецкой полевой комендатуры Юзовки от 4 декабря во вспомогательной полиции служило 400 полицейских; также была организована заводская охрана, носившая желто-голубые нарукавные повязки полиции [22, с. 156—157]. Вспомогательная полиция также несла охранную службу в устроенном в Юзовке концлагере для советских военнопленных (сохранились десятки архивных документов из этого лагеря) [1]. Следует добавить, что немецкими оккупантами в Сталино были созданы серьезные карательные органы, включая 4 комендатуры, 2 карательных отряда, несколько особых команд и групп жандармерии под руководством гестапо. Действовала система коллективной ответственности «за преступления против армии»: так, за убийство немецкого военнослужащего расстреливали 100 человек, за убийство полицейского — 10 человек [9, с. 186]. Юзовская городская управа 20 декабря 1941 г. издала приказ об обязательном учете населения города от 16 лет и старше, одновременно введя расстрел для тех, «кто дает приют советским военным или работающим по заданию Советов». Документ, подписанный председателем управы Петушковым, оговаривал: «Наблюдение за выполнением данного приказа возлагается на Юзовскую Городскую Полицию» [14, с. 4]. Таким образом «украинская полиция», исполняя преступные приказы оккупантов, соучаствовала в гуманитарных преступлениях последних. Соответственно оуновцы являются военными коллаборационистами и не могут рассматриваться в качестве антифашистов.

Бандеровцы, прибывшие в Донбасс почти одновременно со своими конкурентами — мельниковцами, изначально ограничивались в своих действиях германской администрацией, жестко пресекавшей чрезмерные проявления «самостийности» со стороны ОУН. Наиболее радикальных сторонников Бандеры гестапо впоследствии даже частично репрессировало, но большую часть националистического актива гитлеровцы использовали в своих интересах. Сами бандеровцы, провозгласившие 30 июня 1941 г. в Львове «Украинскую державу» (впрочем, не признанную нацистами), стремились закрепиться в местных органах власти и распространить «самостийное» движение на восточные области Украинской ССР, которые считали частью «Великой Украины». В 1942—1943 гг. резидентуру ОУН в Донбассе курировал представитель «главного провода» на востоке Е. Стахив — младший брат соратника Бандеры В. Стахива, отвечавшего за внешнеполитические контакты (т.е. связи с немцами). В мемуарах Стахив называл себя создателем подпольной антифашистской организации

«Молодая гвардия», отрицая её советское происхождение и обвиняя писателя Александра Фадеева и советских историков в присвоении ее имени [19; 20]. В своей фальсификаторской книге «Последний молодогвардеец» (2004) Стахив даже заявил: ««За два года немецкой оккупации мы на Донбассе вообще не встретили ни одного приверженца Сталина» [20, с. 273]. Между тем уже в конце 1941 г. в Буденовском, Калининском, Сталинозаводском, Куйбышевском и Кировском районах г. Сталино действовало 7 подпольных советских организаций числом около 500 человек. В Куйбышевском районе обком КП(б)У создал подпольно-патриотическую организацию под руководством коммунистов П.Ф. Батулы и С.Я. Цуркановой в составе около 100 человек [9, с.188]. Стоит добавить, что образованная гитлеровцами и оуновцами «украинская вспомогательная полиция» боролась именно с просоветским подпольем.

В мемуарах Стахива отмечается, что, еще находясь в Кракове, бандеровские активисты уделяли серьезное внимание направлению «походных групп» на Восток, и после обустройства своих ячеек в Днепропетровске направились в Ясиноватую, Горловку и Сталино для организации подполья ОУН в Донбассе [19, с. 103—108]. Примечательно, что сам Стахив, по его же словам, открыто перемещался через немецкие военные и гестаповские патрули, пользуясь документом переводчика немецкой армии [19, с. 109—110]. Еще одним интересным признанием Стахива является пересказ его дискуссии с одним из сторонников ОУН в Сталино о том, «какой должна быть украинская самостийная держава». Стахив не смог четко сформулировать, будет ли это «образец гитлеровской Германии или Италии Муссолини» и в итоге сказал: «приблизительно как франкистская Испания», на что его собеседник ответил: «Да вы же фашисты! А я думал, что вы — патриоты-демократы». После этого Стахив решил, что имеет дело с коммунистами и нужно поскорее убираться вон [19, с. 131]. Таким образом даже в оправдательных мемуарах бандеровского «проводника» не скрывается, что программа подполья ОУН в Донбассе была пронацистской.

Несостоявшийся «молодогвардеец» Стахив не знал, что в областной штаб («провод») бандеровской ОУН еще осенью 1941 г. был внедрен сотрудник НКВД Р. Головатый, работавший в среде националистов под псевдонимом «Дорошенко», благодаря чему удалось получить ценные агентурные сведения о ее деятельности [6, с. 6—12]. Впоследствии, в 1943 г., Головатый сумел стать помощником главаря бандеровской организации в Сталинской области, благодаря чему органы НКГБ смогли вскрыть заготовленные бандеровцами склады с оружием и не допустить создания вооруженных отрядов ОУН в Донбассе после освобождения региона Красной Армией [6, с. 30—32]. Согласно докладу Головатого, его работа среди украин-

ских националистов велась с 14 ноября 1941 г. по 5 сентября 1943 г. т.е. практически все два года оккупации. Так, агент «Дорошенко» сообщал: «Через 5—6 дней после занятия немцами города Сталино, в город приехала группа 10—12 человек украинских националистов, под руководством Болгарского Владимира Александровича — 27 лет, украинец, сын украинского эмигранта, последнее время проживавшего в Праге и Берлине» [8, с. 58]. Сразу же по прибытии часть бандеровцев поступила на службу в фельдкомендатуру как переводчики или же во вспомогательную полицию, остальные пятеро выехали в Марьинку, Мариуполь, Краматорск, Красноармейск и Горловку для проведения националистической работы. Головатый, войдя в контакт с бандеровцами, старался саботировать их антисоветские мероприятия, предлагая постепенно вести агитацию против немцев как противников «самостийной Украины». В январе 1942 г. часть бандеровцев арестовало гестапо, предложив им возвратиться обратно во Львов, другие перешли на нелегальное положение [6, с. 20—24].

Впоследствии в Донбасс прибывали новые группы бандеровцев из Западной Украины, которые продолжали внедряться в германскую администрацию и полицию. В докладе Головатого сообщается, что Болгарский нашел сторонников-националистов в Индустриальном институте Сталино и на встрече с ними заявил: «Почти во всех районах Сталинской области нами организованы группы ОУН. Власть в районах в основном находится в руках украинцев и еще только в Сталино в руководстве областью и управой находятся не наши люди» [8, с. 60]. Согласно документам УНКГБ Сталинской области, украинские националисты во главе с Болгарским с конца 1941 г. вели активную пропагандистскую деятельность, в том числе используя зверства фашистов в отношении советских людей для привлечения в свои ряды новых участников. Оуновцы стремились «показать украинскому населению, что русские — враг № 1, а немцы — враг № 2» и создавали свои ячейки по районам области [18, с. 317—318]. Как следует из показаний арестованных впоследствии оуновцев, во время оккупации Сталино украинские националисты стремились занимать ответственные посты в учреждениях и на предприятиях, вытесняя русских, и проводили националистическую пропаганду [17, с. 146—147].

Коллаборационисты развернули в Донбассе широкую деятельность, используя возможности официальных оккупационных газет. Так, в одном из первых номеров «Донецкого вестника» была опубликована статья «Задачи украинской интеллигенции», в которой критиковались сталинские порядки и содержался призыв к созданию «новой, полнокровной, национальной украинской культуры» [10, с. 1]. В начале декабря 1941 г. «Донецкий вестник» напе-

чатал статью «Пусть прошлое зарастет чертополохом», в которой утверждалось: «Мы склоняем головы перед великой освободительной миссией великой Германии. Как некогда воинственный германский народ освободил римских рабов от тирании патрициев, так теперь он освободил Украину от кровавого жидовско-коммунистического ига. Каждый из нас... должен всемерно помогать германской армии и её командованию окончательно добить остатки вооруженных сил большевизма и его незрелый плод — партизанщину» [12, с. 3]. Как явствует из данного воззвания, важным лейтмотивом пропаганды коллаборационистов являлась дискредитация советских партизан (в конце 1941 г. партизанские отряды в Сталинской области понесли серьезный урон от репрессий оккупантов). В середине декабря «Донецкий вестник» разместил на первой полосе большой портрет «вождя германского народа Адольфа Гитлера» и новую пропагандистскую статью «Конец диктатора» (с критикой Сталина), где говорилось: «Народ освобожденной Украины продолжает жить, жить настоящей, свободной, полнокровной жизнью, восстанавливая с помощью германского военного командования разрушенные фабрики и заводы» [13, с. 1]. Пропаганда «национального возрождения» и «восстановления», вообще характерная для идеологической политики ведомства Геббельса в оккупированных районах СССР, в Сталино получила выражение не только в газетных публикациях, но и в симуляции местной украинской культурной жизни. Был учрежден «Украинский музыкально-драматический театр», исполнявший фактически функцию «фронтальной оперы» для немецких солдат и офицеров: так, программы театральных постановок готовились на немецком языке, артисты театра регулярно проводили выступления для оккупантов [2]. При Украинском театре был открыт «отдел народного воспитания и культуры», занимавшийся «украинизацией» театрального репертуара и пропагандистской работой [3]. Сам театр начал работу с 25 декабря 1941 г., презентовав украинские пьесы «Запорожец за Дунаем» и «Наталка Полтавка», также начали работу кинотеатры «Красный» и имени Шевченко. В Сталино и Макеевке были открыты молитвенные дома [4, л. 142].

Подводя итог коллаборационистской деятельности украинских националистов в городе Сталино в октябре-декабре 1941 г., следует констатировать, что данная деятельность осуществлялась при активном сотрудничестве активистов ОУН с нацистами (включая прямое пособничество оккупантам и пропагандистское обеспечение проводимой ими политики). При этом сами оуновцы не отказывались от своей основной идеи построения «самостийной Украины» по нацистскому образцу. Основой для сотрудничества между националистами и нацистами являлись антисоветизм, русофобия

и определенная общность прагматических интересов сторон в условиях ведущейся войны против СССР. ООН практиковала четыре основных вида коллаборационизма: политико-идеологический, военный, гражданский (административный) и культурный, а также пыталась создать независимую от нацистов региональную структуру, ориентированную на координирование групп националистов, инкорпорированных в местные вспомогательные учреждения. Общее участие резидентов ООН в организации оккупационного аппарата и формирований «украинской полиции» в Сталино надо признать значительным, что позволяет говорить о серьезной сопричастности националистов к гуманитарным преступлениям гитлеровцев на территории Сталино в период оккупации город.

Список литературы

1. Государственный архив Донецкой народной республики (ГА ДНР). Ф. Р-1576. Оп. 1. Д. 7.
2. ГА ДНР. Ф. Р-1580. Оп. 2. Д. 5а.
3. ГА ДНР. Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 6.
4. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20.
5. Герои невидимого фронта. Историко-документальные очерки. — Донецк: «Промінь», 2007. — 400 с.
6. Дніпропетровська газета. Офіційний орган міста Дніпропетровська. — 1941. — 23 октября.
7. Добровольський О. Українське відродження на Донбасі в роки Другої світової війни // Діяльність підпілля ООН на Сході України. Збірник статей. — Дніпропетровськ: «Спадщина», 2010. — С. 50—68.
8. Донецк. Историко-экономический очерк. — Донецк: «Донбасс», 1969. — 288 с.
9. Донецкий вестник. Орган Юзовской городской управы. — 1941. — 23 ноября.
10. Донецкий вестник. — 1941. — 27 ноября.
11. Донецкий вестник. — 1941. — 4 декабря.
12. Донецкий вестник. — 1941. — 14 декабря.
13. Донецкий вестник. — 1941. — 25 декабря.
14. Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі. Українсько-російське прикордоння. 1870—1990 роки. — Киев: «Основи», 2002. — 510 с.
15. Нікольський, В.М. Підпілля ООН(б) у Донбасі. — Киев, 2001. — 177 с.
16. ООН на Донеччині (збірник документів та матеріалів). — Т. I. — Коломия: Коломийська друкарня ім. Шухевича, 2014. — 352 с.
17. Сергійчук В. Український здвиг. Наддніпрянщина. 1941—1955. — Киев, «Українська видавнича спілка», 2005. — 836 с.
18. Стахів Є. Кризь тюрми, підпілля й кордони. Повість мого життя. Літературна редакція Валентини Пашенко. — Киев, «Рада», 1995. — 319 с.
19. Стахів Є. Останній молодогвардієць. — Киев, 2004. — 496 с.
20. Степкин В.П., Третьяков С.В. Сталино глазами солдата вермахта. — Донецк: «Апекс», 2013. — 208 с.
21. Титаренко Д.М. Юзівка (Сталино) у перші дні окупації: мовою німецьких документів // Літопис Донбасу. — № 13. — 2005. — С. 155—162.

Повседневность рабочей молодежи из отдаленных областей и республик на предприятиях СССР в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. В исследовании отражена проблема социокультурной адаптации подростков, мобилизованных из сельской местности и национальных республик на промышленные предприятия страны и в учебные заведения системы трудовых резервов. Рассматриваются факторы, способствовавшие социализации привозной молодежи. Несмотря на то, что ввиду ряда особенностей данная категория рабочих была наиболее уязвима, государство посредством определенных механизмов помогло подросткам социализироваться, в результате чего большая часть новых кадров закреплялась на предприятиях.

Ключевые слова: подростки; рабочая молодежь; социокультурная адаптация; трудовые резервы; сельская местность; национальные республики.

Daily lives of working youth from remote areas and republics at the Soviet enterprises during the Great Patriotic war

Abstract. The study reflects the problem of sociocultural adaptation of adolescents mobilized from rural areas and national republics to industrial enterprises of the country and to educational institutions of the labour reserve system. The factors contributing to the socialization of imported youth are considered. Despite the fact that, due to a number of peculiarities, this category of workers was the most vulnerable, the state, through certain mechanisms, helped teenagers socialize, as a result of which most of the new cadres were assigned to enterprises.

Keywords: adolescents; working youth; sociocultural adaptation; labour reserves; countryside; national republics.

Современная историография представлена рядом активно развивающихся направлений, одним из которых является военная повседневность детей и подростков [3, 15]. Однако различные аспекты повседневной жизни подростков, мобилизованных на заводы и фабрики СССР в период Великой Отечественной войны, требуют специального исследования. Так, отдельную категорию молодых

---

* Наталья Эдуардовна Анисимова — аспирантка Центра социальной истории России Института Российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: linley2012@list.ru

Natalya E. Anisimova — Post-graduate student of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

рабочих, нуждавшуюся в особом отношении со стороны руководящих органов, составляла молодежь, поступавшая на предприятия из сельской местности. Этим юношам и девушкам предстояло адаптироваться в совершенно новых для них условиях крупного индустриального центра, а тяготы военного времени, острая нехватка материальных и трудовых ресурсов налагали на повседневность подростков особый отпечаток.

Ряд аспектов повседневной жизни заводских подростков рассмотрен в работах общего характера, вышедших в советский период: в частности, по истории рабочего класса (М.С. Зинич [11], А.В. Митрофанова [18], Э.С. Котляр [13] и др.) и комсомола в годы войны [4, 9, 16]. Проблема подросткового труда в промышленности исследуется в работах российских историков Р.Е. Романова [27], В.А. Сомова [28], А.В. Швецова [33]. Зарубежная историография вопроса представлена трудами О. Кучеренко [15], Дж. де Граффенрид [8] и Д. Фильцера [32]. Данные исследования, бесспорно, внесли существенный вклад в освещение изучаемой проблемы, однако вопрос социокультурной адаптации сельских подростков в городской среде рассмотрен в них лишь фрагментарно, а проблема культурных и этнических различий заводских подростков не затронута вовсе.

Источниковую базу данной работы составляют документы трех архивов. Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН) содержит материалы Комиссии И.И. Минца — стенограммы и записи бесед с работниками промышленных предприятий Москвы и учебных заведений при них; приказы и распоряжения Государственной системы трудовых резервов, стенограммы совещаний глав местных управлений ГУТР и проч. хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ); документы и материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) представлены отчетами, докладами и справками комсомольских органов.

Научная новизна исследования заключается в попытке изучения факторов социокультурной адаптации юных заводчан Москвы, прибывших из сельской местности, а также рабочей молодежи двух национальных республик — Узбекской и Азербайджанской ССР. Под факторами социокультурной адаптации в данном случае подразумеваются явления повседневности, помогавшие юным заводчанам привыкнуть к новым условиям действительности, нивелировавшие негативные тенденции и ускорявшие социализацию подростков.

Юные сельчане попадали на предприятия чаще всего через систему трудовых резервов, созданную в 1940 г. для решения кадровой проблемы. Посредством оргнабора в сеть ремесленных училищ (РУ) и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) поступала сельская

молодежь в возрасте 13—18 лет. Оргнабор проводился в колхозах, которые, обеспечив мобилизованных запасом еды на несколько дней, верхней одеждой и обувью, а также двумя сменами белья, отправляли их на пункты сбора. Затем молодежь разными способами добиралась до предприятий, причем в ходе одного пути иногда приходилось плыть на пароходе, идти пешком до железнодорожного вокзала, далее ехать поездом до станции и снова идти пешком через территорию другого завода [2]. Для молодых рабочих, призванных из таких регионов, как Средняя Азия и Кавказ, дорога осложнялась тем, что ребята ввиду секретности зачастую не знали ни точного названия своего завода, ни его местонахождения [14, с. 78]. Такой путь изнурял новые кадры, озлоблял их, и нередко получалось так, что часть подростков попросту не достигала места назначения.

Мобилизация на предприятия означала для подростков разрыв связей с привычной социальной средой, причем значительная их часть впервые оказывалась в городе и не была знакома с городским укладом жизни. В этих принципиально новых для себя условиях молодые люди начинали самостоятельную жизнь и кардинально меняли вид трудовой деятельности. Для прибывших из национальных республик и занимавшихся до отправки в город преимущественно сельским хозяйством, по словам начальника УТР Таджикской ССР Таировой, специальность слесаря или токаря была «еще слишком не понятна и, по их убеждению, бесперспективна [7, л. 183—184]».

Соотношение городской и сельской молодежи, мобилизованной в учебные заведения системы трудрезервов в 1941—1943 гг., демонстрирует таблица:

Год	Всего	Городская молодежь	Сельская молодежь	Процент сельской молодежи от общего числа принятых подростков
Июль 1941 г.	807 420	738 297	69 123	8?5
1942 г.*	583 095	142 209	445 886	76
1943 г.	711 718	218 974	492 744	69

* Данные только по приему в ФЗО.

Источник: ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 203. Л. 90—100, Д. 206. Л. 56—67.

В самом начале войны заводы и фабрики страны не были готовы к приему увеличенных контингентов новых рабочих. Этим объясняется относительно малый процент сельской молодежи в июле 1941 г. Начальникам городских, областных, краевых, республиканских управлений трудрезервов даже было разрешено в случаях затруднения с помещениями уменьшать количество молодежи, призываемой

в сельских местностях, за счет соответствующего увеличения доли городской молодежи мужского и женского пола [25, л. 82].

На официальном уровне признавались и культурные отличия, и особое психологическое состояние сельской молодежи. Руководители всех звеньев УТР должны были всячески помогать подросткам в их адаптации к новым условиям, добиваться особенного отношения к ним со стороны коллективов ремесленных училищ и школ ФЗО, прибегать в случае возникновения проблем к помощи органов партии и комсомола, а в целом стараться заменить таким ребятам родителей [30, л. 21—22, 256].

В документах можно выявить примеры, демонстрирующие социокультурные отличия привозной молодежи от горожан. Так, характерна цитата заведующей учебной частью школы ФЗО московской фабрики им. Фрунзе Н.Н. Трусовой, в которой описываются ребята, привезенные из Тамбовской области: «В первом наборе, который нам прислали, люди до такой степени не были ни с чем знакомы, что, когда они были в кино и в кино-журнале показывались военные действия, они прятались под стул, пугались, боялись, что в зале начнет стрелять. Когда кровати были приготовлены, они снимали все с кроватей, ложились на матрац, без простыни. Они боялись лечь на кровать, как бы они не упали» [19, л. 2]. Директор той же школы ФЗО М.Т. Халова говорила: «Невольно вспоминаешь, какими их привезли — сплошные вши, в лаптях, полубосые, грязные. Трудно сейчас представить ту грязь, которую мы обрабатывали. Привезут их 200 человек. Соберешь их, проведешь беседу. Говоришь им, не стеснясь: “Вы сейчас грязные, у вас волосы не убраны, платком накрыты. Через месяц вы будете совершенно иными. Будете такими-то и такими-то”. Они не верят: “Как же так?” Через месяц спрашиваю: “Ну как?” Смеются. Говорила им, что “даже разговаривать будете по-иному”. Через полгода это совершенно другие люди» [20, л. 3 об.]. Из этих цитат можно выявить у юных сельчан из Тамбовской области отличия в культурном уровне (не были знакомы с кинематографом) и в повседневном укладе (не привыкли спать на кроватях). Кроме того, подростки, по-видимому, были утомлены дорогой и внешне выглядели не лучшим образом.

Особым было и психологическое состояние ребят. В беседе с Трусовой отражено, насколько по-разному молодёжь воспринимала новую действительность: «Есть девушки бодрые, которым все нипочем. Они радовались, что попали в Москву, получают квалификацию. Если другие плакали, они смеялись над ними и учились с большим желанием, овладевали своей профессией. Часть людей была таких, которые очень скучали, беспокоились о своих родных. Почти у всех был кто-нибудь на фронте: брат, отец. Они беспокоились, как

справляется с хозяйством мать, которая осталась дома. По приезде первое время были слезы... Были такие, которым все было безразлично, они молчали» [19, л. 3]. Травмированные разрывом с прежней средой проживания и разлукой с родными, подростки были вынуждены привыкать к новой повседневности индустриального города.

Еще труднее приходилось ребятам, прибывшим из национальных республик. Они не только меняли место жительства, но и оказывались в инокультурной среде, многие из них плохо говорили по-русски и даже внешне отличались от городских сверстников. Ряд эпизодов, произошедших с подростками, привезенными из Узбекской ССР, наглядно демонстрируют эти различия: «Привозят туда [в школу ФЗО № 11. — *Н.А.*] ребят-узбеков, одетых в белое, на головах тибетейки, в туфлях. ...бросают ребят в общую массу... Ребята теряются, не находят себе места, как говорят, а к ним на помощь никто не приходит, и ребята просто начинают плакать. Выяснилось, что когда эти ребята идут в столовую, то местные ребята обижают их, срывают тибетейки, высмеивают, не дают им прохода... есть такие девушки, которые при встрече с мужчиной уходят из строя, одевают паранджу, а потом идут обратно, становятся в строй и идут дальше» [5, л. 21—22].

Подобные случаи часто заканчивались социокультурной дезадаптацией и уходом молодежи с предприятий, как произошло, к примеру, в июле 1942 г. с ребятами из Азербайджана, мобилизованными на одно из предприятий г. Куйбышева. Тяжелые бытовые условия, скудное питание и плохое знание русского языка привели к тому, что они отказались работать и потребовали отправки в Баку. Усмирить ребят и отправить их на работу удалось только органам НКВД, однако существенная часть новых рабочих все же разбежалась [12, л. 53]. То, что существенную часть дезертировавших рабочих составляли молодые люди местных национальностей, не раз отмечалось в отчетах местных УТР и комсомольских органов [22, л. 6; 25, л. 183—184]. Ввиду ряда особенностей, отличавших эту категорию рабочих, бытовые трудности сказывались на таких ребятах более остро.

Осознавая сложность положения привозной молодежи в промышленности и будучи заинтересовано в выполнении производственного плана, государство старалось помочь таким подросткам в их социокультурной адаптации посредством соответствующих структур — администраций промышленных предприятий и системы трудовых резервов.

В первую очередь стимулировать приток молодежи из деревни была призвана пропаганда. В средствах массовой информации активно продвигалась идея города как своего рода трамплина к луч-

шей жизни: подросток, мобилизованный для труда в промышленности и уехавший в город, оказывается в более выгодном положении, чем его сверстники, оставшиеся в деревне, «он посещает театры, признанные лучшими в Европе, читает классическую литературу Европы и старой России, бывает в концертах, посещает музеи, изучает свою страну» [6, л. 53]. Повышение культурного и разнообразительного уровня новых кадров также стало одним из факторов социокультурной адаптации. Постановлением СНК СССР «Об обучении подростков, работающих на предприятиях» (15 июля 1943) с 1 октября 1943 г. создавалась сеть школ для подростков, работавших на предприятиях и желавших продолжить образование. Позднее эта сеть стала известна как школы рабочей молодежи, которые должны были в целом повысить образовательный уровень молодых рабочих, улучшить знание русского языка для подростков из национальных республик, а также воспитать их в духе советской идеологии [21, с. 389]. Делая определенные успехи в обучении, подростки могли завоевать авторитет у своих товарищей и завести друзей. Данная реформа сыграла определенную роль в повышении образовательного уровня городского и сельского населения СССР в период с 1939 по 1959 г. [10]

Важным фактором преодоления социальной и культурной дезадаптации была художественная самодеятельность. Даже обладая скромными познаниями в русском языке и невысоким образовательным уровнем, юные выходцы из нацреспублик могли проявить себя и в дальнейшем социализироваться в кружках национальных танцев или пения, создание которых стимулировалось государством. К примеру, в ремесленных училищах и школах ФЗО Азербайджанской ССР «работало большое количество кружков художественной самодеятельности, литературных, технических, рукоделия, ансамблей песни и пляски и др.», кроме того «в Орджоникидзевском районе были организованы встречи молодежи с лауреатом Сталинской премии поэтом т. Самед-Вургуном и с героем Советского Союза т. Хадыр-Мустафаевым», а в Шаумяновском районе создано восточное трио для выступлений в общежитиях [28, л. 1 — 16].

У большинства ребят, трудившихся на заводах и фабриках страны, кто-то из близких находился на фронте. К тому же, вклад в победу внесли представители всех национальностей страны. Рассказы об их подвигах, встречи с фронтовиками служили одним из факторов социокультурной адаптации молодых рабочих: «В Сталинском районе после беседы агитатора “О героических подвигах сынов азербайджанского народа на фронтах отечественной войны” была организована встреча с Героем Советского Союза товарищем Мустафаевым» [28, л. 1—16].

Еще один фактор — стахановское движение. Ребята, которые оставались на предприятиях, могли быстрее социализироваться, перевыполняя производственные показатели и получая соответствующие преимущества: уважение, знаки отличия и материальные поощрения различного рода. В Отчете о работе комсомольской организации завода № 154 им. Сталина (Узбекская ССР) сообщается, что «в числе рабочих местных национальностей на заводе работает около 500 человек узбеков, татар, армян комсомольского возраста. Абсолютное большинство из них ранее не знали производство... Среди них 175 стахановцев (Ахунджанов, Акбаров, Захретдинова). 12 работают надстройщиками и 6 мастерами (Азизов, Салиев и др.). 18 стахановцев-узбеков обучаются на курсах мастеров по холодной и горячей обработке металлов... В 1944 г. 6 комсомольцев-узбеков награждены орденами и медалями СССР» [22, л. 6].

Существенные улучшения были невозможны без повышения качества питания и преобразований в жилищно-бытовой сфере. Здесь изменения происходили медленно и неравномерно. Поэтому упор делался на пропаганду в СМИ, культурно-просветительную работу, поощрение художественной самодеятельности и стахановского движения. Перечисленные явления шли в русле идеологии и воспитательной политики государства, направленной на создание нового — советского — общества. Оно, в свою очередь, в период войны обрело новый объединяющий фактор (подвиг народа на фронте и в тылу), который объединил не только очевидцев военных событий, но и несколько послевоенных поколений [17, 30].

Несмотря на то, что новые рабочие, привезенные из областей и республик, обладали разным психологическим состоянием, иной (по сравнению с горожанами) культурный и образовательный уровень, а также ряд этнических особенностей, большинству из них удавалось преодолеть социальную и культурную дезадаптацию и отвечать высоким требованиям воюющего государства [15, 8]. Тем не менее, вышеуказанные особенности наряду с жилищно-бытовыми трудностями и недостаточным питанием (явления, характерные для большинства предприятий страны в годы войны [23, 1]) делали эту категорию рабочих наиболее уязвимой.

Список литературы

1. Анисимова Н. Э. Повседневная жизнь заводской молодежи Москвы в годы Великой Отечественной войны // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IX международной конференции

- молодых ученых и специалистов «Сlio-2019» / [Отв. ред. А. К. Сорокин]. — М., 2019. — С. 23.
2. Букин С.С., Романов Р.Е. Адаптация молодых рабочих оборонных предприятий Западной Сибири к индустриальному труду и быту в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. — Вып. 1. — Новосибирск: Параллель, 2006.
  3. Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941—1945). — Новосибирск: Параллель, 2012.
  4. В труде как в бою. Из истории комсомольско-молодежных бригад в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. — 216 с.
  5. ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 77.
  6. ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 158.
  7. Годовой отчет Республиканского управления трудовых резервов Таджикской ССР за 1943 г. // ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 296.
  8. де Граффенрид Дж. Мобилизую юность: труд советских детей в военное время. // Советский тыл 1941—1945: повседневная жизнь в годы войны / Отв. сост. Б. Физелер и Р.Д. Марквик. — М., 2019. — С. 126.
  9. Ерёмин В.Г. Молодежь в годы Великой Отечественной войны. — М., 1984. — 285 с.
  10. Жиромская В.Б., Поляков Ю.А. Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 2. 1940—1959. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
  11. Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса в 1941—1945 гг. — М.: Наука, 1984. — 232 с.
  12. Из беседы с начальником Кировского отделения НКВД Коноваловым от 17 марта 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 59.
  13. Котляр Э.С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. — М.: Высшая школа, 1975.
  14. Краг М. Советские законы о труде в период Второй мировой войны (на примере предприятий военной промышленности) // Советский тыл 1941—1945: повседневная жизнь в годы войны / Отв. сост. Б. Физелер и Р.Д. Марквик. — М.: Политическая энциклопедия, 2019. — С. 78.
  15. Kucherenko O. State vs Danila Kuz'mich: Soviet desertion laws and industrial child labor during World War II // Russian Review. № 71 (July 2012). — P. 400.
  16. Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. Сборник статей. — М.: Молодая гвардия, 1975. — 334 с.
  17. Лурье С.В. “Дружба народов” в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Общественные науки и современность. — 2011. — № 4. — С. 145—156.
  18. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. — М.: Наука, 1971. — 574 с.
  19. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 5. Оп. 50. Д. 3.
  20. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 5. Оп. 50. Д. 17.
  21. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917—1973 гг. // Сост.: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырёв, Л.Ф. Литвинов. — М., «Педагогика», 1974.
  22. Отчет о работе комсомольской организации завода № 154 им. Сталина (май 1942 г. — октябрь 1944 г.) // РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 24.

23. Парамонов В.Н. Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941—1945 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2015. — № 4. — С. 150—162.
24. Приказ начальника Главного управления Трудовых резервов при СНК СССР № 496-а от 9 июля 1941 г. «О проведении досрочного призыва городской и колхозной молодежи в ремесленные и железнодорожные училища» // ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 17.
25. Республиканское управление трудовых резервов Таджикской ССР. Годовой отчет за 1943 г. // ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 296.
26. Романов Р.Е. Социально-психологические аспекты адаптации молодых рабочих на оборонных предприятиях западносибирского тыла (1941—1945) // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Сборник научных трудов. — Вып. 2. — Новосибирск: Параллель, 2007. — С. 70
27. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. — М.: АИРО-XXI, 2015. — 176 с.
28. Справка о работе комсомольских организаций предприятий промышленности и транспорта от 16 октября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 168.
29. Стенограмма совещания начальников городских, областных, краевых республиканских управлений трудовых резервов от 6 января 1943 г. // ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 77.
30. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. — М.: Наука, 2013.
31. Filtzer D. The hazards of urban life in late Stalinist Russia: health, hygiene, and living standards, 1943—1953. — Cambridge, Cambridge University Press, 2010.
32. Швецов А.В. Миграция молодежи с предприятий оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. — Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1992.

Второй фронт в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны по материалам газеты «Правда»

Аннотация. В статье показано, каким образом проблема Второго фронта использовалась в советской пропаганде, как менялась интенсивность появления и содержание соответствующих пропагандистских материалов на примере газеты «Правда» в 1941—1944 гг. При помощи таблиц и ключевых тезисов в работе отражена направленность советской пропаганды по вопросу открытия второго фронта и ее изменения ввиду внутривнутриполитического и военного положения СССР.

Ключевые слова: второй фронт; союзники; вторжение на Европейский континент; советская пропаганда; изменение тезисов о втором фронте.

The Second Front in the Soviet propaganda during the Great Patriotic war on the materials of the “Pravda” paper

Abstract. The article illustrates the way in which the problem of the second front was used in the Soviet propaganda, how changed the intensity of inception and contents of related promotional material on the example of the “Pravda” paper from 1941 to 1944. The work reflects the direction of the Soviet propaganda and its developments regarding the second front in connection with domestic political and military situation by the use of tables and key thesis.

Keywords: the second front; the allies; an invasion on the European continent; the Soviet propaganda; the modification of thesis about the second front.

Открытие второго фронта в Европе явилось одним из важных событий Второй мировой войны. Начавшиеся в 1941 г. переговоры между США, Великобританией и СССР приобрели затяжной характер, а вторжение на севере Франции состоялось лишь 6 июня 1944 г. Проблема второго фронта была предметом пристального внимания советских граждан, которые связывали с помощью союзников надежды на облегчение ситуации на фронте. Учитывая такие массовые настроения, советское руководство активно использовало вопрос об открытии Второго фронта в пропаганде.

---

* Элина Андреевна Кочерещенко — студентка 3-го курса бакалавриата образовательной программы «История» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). e-mail: eakochereschenko@edu.hse.ru

Elina A. Kochereschenko — 3rd-year student of a bachelor's degree of the educational program “History”, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia).

Таблица 1

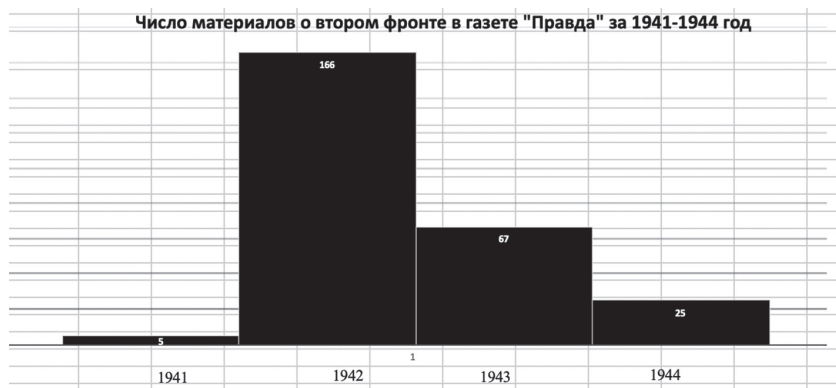

Таблица 2

**НЕСМОТЯ НА ОТСУТСТВИЕ
ВТОРОГО ФРОНТА, АРМИЯ
ПРОТИВОСТОЯЛА ГИТЛЕРУ**

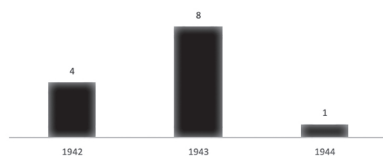
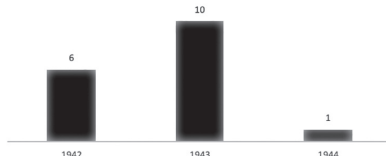

Таблица 3

**ВТОРОЙ ФРОНТ СТАЛ
ПРИЧИНОЙ НЕУДАЧ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ**

В отечественной историографии военно-дипломатическая история Второго фронта изучена в достаточной степени. Также существует немало научных работ, фокусирующихся на изучении советской пропаганды. Данная статья рассматривает проблему Второго фронта как объекта советской пропаганды и написана на стыке двух вышеописанных историографических направлений. Для написания работы был использован количественный анализ, который заключался в подсчете опубликованных в газете «Правда» материалов на исследуемую тему (см. табл. 1; 4; 8), а также упоминания в этих материалах того или иного тезиса о Втором фронте (см табл. 2—3; 5—7)*. За единицу материала была принята статья, информация или публикация официальных документов.

* Все таблицы составлены по: Правда. 1941—1944 // East View: полный электронный архив (222 файла). URL: <https://dlib-eastview-com.ezproxy.usr.shpl.ru/> (дата обращения: 01.11.2018).

В дальнейших исследованиях предполагается изучить восприятие советскими гражданами проблемы Второго фронта на основе личных дневников и информационных материалах НКВД.

Начальный этап войны и формулировка идеи второго фронта

Публичное заявление о важности Второго фронта Сталин впервые сделал на заседании в честь очередной годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1941 г. По его мнению, одна из причин неудач Красной армии заключалась в отсутствии военных операций на Европейском континенте [3, с. 1]. Он подчеркнул, что «отсутствие Второго фронта в Европе против немцев значительно облегчает положение немецкой армии» и заверил, что его открытие союзниками состоится в ближайшем будущем [3, с. 1]. Организация вторжения в Европу оказалась важным геополитическим вопросом. Английская и американская печать внимательно следили за тем, что об этом писали в СССР. Откликаясь на этот интерес, 8 ноября в «Правде» были опубликованы выдержки из газет «The Times», «Daily Express», «The New York Times», в которых обсуждался доклад Сталина.

В связи с тем, что открытие Второго фронта затягивалось, советская пропаганда начала приобретать более жесткий тон. В опубликованном приказе наркома обороны от 23 февраля 1942 г. прозвучало утверждение, что на СССР возложены все тяготы войны в одиночку. Немецкая армия имеет поддержку в виде Италии, Румынии, Финляндии, а Красная армия — нет. Несмотря на это, «хваленая немецкая армия терпит поражения, а Красная армия имеет серьезные успехи» [4, с. 1]. Был выдвинут важный тезис, который постоянно повторялся в советской пропаганде (см. табл. 2).

Таким образом, начиная с 1941 г. до весны 1942 г. пропагандой формировалась концепция Второго фронта, из-за чего в «Правде» было опубликовано наименьшее количество материалов (см. табл. 1). Пропаганда выдвинула несколько важнейших идей: Второй фронт скоро появится (см. табл. 5); отсутствие Второго фронта стал причиной неудач Красной армии (см. табл. 3), однако, вопреки этому, она смогла противостоять Гитлеру (см. табл. 2). Важнейшей чертой пропаганды стала повторяемость тезисов, которые оглашал Сталин. Такой метод распространения информации способствовал тому, что идеи оставались в памяти у целевой аудитории.

ЧИСЛО МАТЕРИАЛОВ О ВТОРОМ ФРОНТЕ В 1942 ГОДУ

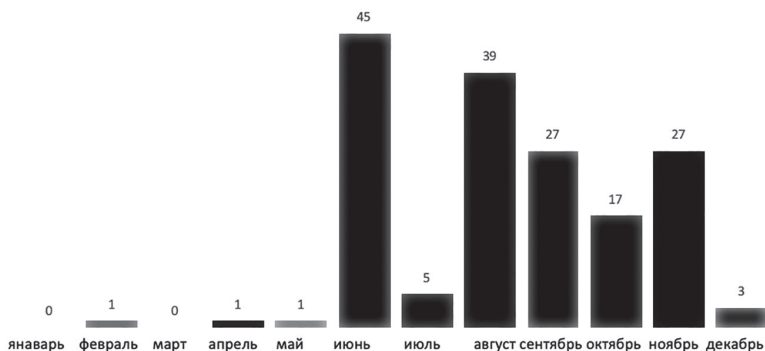
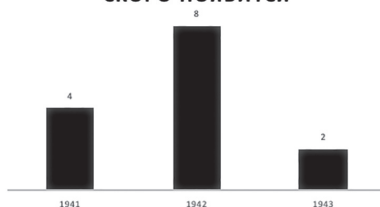

Таблица 5

ВТОРОЙ ФРОНТ ДОЛЖЕН СКОРО ПОЯВИТСЯ

Военные неудачи Красной армии весной и летом 1942 г. Активизация требований открытия Второго фронта

В 1942 г. газета сфокусировала на проблеме Второго фронта больше всего внимания (см. табл. 1).

После заключения договора с США и Великобританией о совместных действиях против Германии в июне 1942 г. пропаганда широко освещала вопрос о Втором фронте в положительном ключе. Была развернута кампания митингов, на которых советским гражданам обещали скорое его открытие, что внушало надежды на благоприятный поворот событий, несмотря на поражения, которые терпела Красная армия летом. «Правда» освещала митинги и использовала их как еще один метод пропаганды. Было необходимо поднять энтузиазм советских граждан. Чаще всего новость о Вто-

Таблица 6

Таблица 7

ром фронте сообщали простые рабочие: слесари, обрубщики и т.д., способные донести мысль простым языком. Для правдоподобности впервые была опубликована фотография с данных мероприятий. В качестве агитации фото имели «исключительное значение для пропаганды» [17, с. 108].

Сообщалось также о митингах рабочих США и Великобритании. В публикации от 17 июня митингующие приветствовали работников Советского Союза [4, с. 4]. В отчетах о проведении митингов указывалось, что рабочие пели гимн «Интернационал» [17, с. 640]. Освещая митинги, «Правда» доносила до читателей две идеи: Второй фронт скоро появится (см. табл. 5), военная операция в Европе необходима.

В июле Красная армия оставила Севастополь и Ростов-на-Дону. К августу требования начать вторжение в Европе усилились. На митингах участились требования открыть Второй фронт и звучали критические высказывания в адрес союзников. В этом месяце опубликовали второе по количеству число материалов о Втором фронте за весь год (см. табл. 4).

«Правда» начала сообщать о количестве собравшихся рабочих, показывая, что митинги были массовыми. Тон выступающих изменился: они требовали начать военную операцию на Западе, отправляя резолюции на имя Черчилля или Рузвельта. Утверждение же, что Второй фронт скоро будет открыт, почти исчезло и в течение 1943 г. звучало лишь эпизодически (см. табл. 5).

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод, что пропаганда использовала испытанные методы агитации, однако ввиду того, что вопрос Второго фронта относился к проблемам международного значения, для донесения советской позиции активно задействовались зарубежные средства массовой информации. Митинги, о которых «Правда» сообщала в июне и августе, носили полярный характер.

Начало коренного перелома в 1943 г. Ослабление критики союзников

Отношения между тремя державами улучшились в ноябре, когда Красная армия начала наступление под Сталинградом, а союзники — в Северной Африке. В выступлении от 6 ноября 1942 г. Сталин подчеркнул, что Гитлер ввиду отсутствия военных операций в Европе направил все резервы против Красной армии и благодаря этому продвинулся в районы Сталинграда, Воронежа, Новороссийска, Пятигорска [5, с. 2]. Это было не очень завуалированное обвинение союзников в поражениях Красной армии (см. табл. 3). Второй фронт же, по его мнению, способен отвлечь 60 немецких дивизий [5, с. 2]. Эта мысль регулярно звучала в «Правде» в 1943 г. в качестве контраргументу квазивторому фронту, образовавшемуся на Сицилии.

Второй тезис — организация Второго фронта привела бы Гитлера к катастрофе в 1942 г. [5, с. 2]. По мнению «вождя», на данный момент важно правильно распределить и использовать ресурсы для достижения военных целей. Это высказывание могло быть связано с тем, что Сталин изначально не верил в успех операции «Факел» в Северной Африке [1, с. 239]. Несмотря на критику, он дал положительные прогнозы, сказав, что Второй фронт «рано или поздно, но будет», потому что США и Великобритания осознают необходимость его организации не только для Советского Союза, но и для самих себя [5, с. 1] (см. табл. 6). Здесь Сталин повторил свою мысль, высказанную еще во время летних митингов.

13 ноября Сталин дал интервью агентству «The Associated Press». Его оценка действий союзников оказалась намного одобрительнее по сравнению с прошлыми ответами в интервью от 5 октября 1942 г. Он высоко оценил кампанию в Африке и подчеркнул, что она «создает условия для вывода из строя Италии» и «предпосылки для организации Второго фронта в Европе поближе к жизненным центрам Германии» [6, с. 1]. Идея о том, что операции в Италии станут прологом Второго фронта, неоднократно будет звучать в 1943 г. (см. табл. 7). После публикации этого интервью в «Правде» появилась точка зрения, что подлинный Второй фронт образуется в Италии [5, с. 4]. Из вышеприведенных цитат Сталина нельзя точно сказать, подразумевал ли он Италию как начало вторжения на Европейский континент. Однако иностранная печать интерпретировала его слова подобным образом, а советская пропаганда, и в частности «Правда», донесла их до публики.

Так, в данный период Сталин критиковал союзников, в то же время он старался делать благоприятные прогнозы на предстоящий 1943 г. Пропаганда вторила мнению высшего руководства и публиковала соответствующие тезисы.

Завершение коренного перелома. Трансформация некоторых идей второго фронта

В январе 1943 г. Красная армия начала операцию по ликвидации немецкой группировки в районе Сталинграда. После этого армия Гитлера была изгнана из Северного Кавказа и Донбасса.

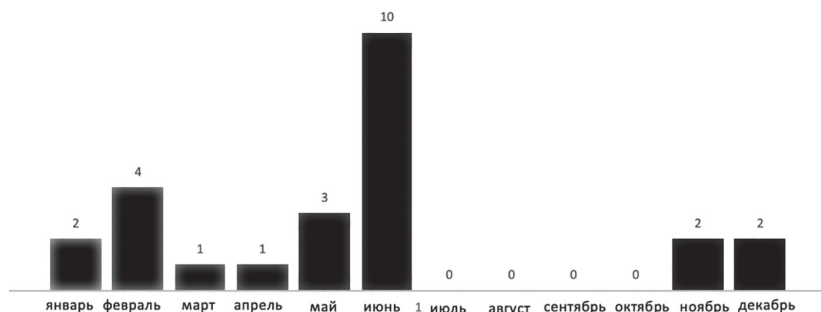
В приказе Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1943 г. Сталин констатировал, что Советский Союз несет на себе всю тяжесть войны [7, с. 1] Он повторил, что, несмотря на отсутствие Второго фронта, «Красная армия не только устояла против натиска немецко-фашистских полчищ, но и стала в ходе войны грозой для фашистских армий» [7, с. 1] (см. табл. 2).

Опубликованные в конце февраля выдержки из иностранной печати сообщали, что, в связи с победами под Сталинградом и Харьковом, необходимо закрепить успехи Красной армии, открыв Второй фронт [7, с. 3]. В марте Красная армия потерпела неудачи под Харьковом, и немецкая армия начала контрнаступление. «Правда» писала, что Советский Союз почти два года ведет войну в одиночку, а Гитлер, пользуясь этим, перебрасывает войска с оккупированных территорий [8, с. 4]. Цитаты из английских газет сообщали, что попытки снова овладеть Харьковом «являются суровым напоминанием о тяжелой ответственности, лежащей на западных союзниках СССР» [9, с. 4] После освобождения Харькова в статье «Высокая честь, завоеванная на поле брани», напротив, подчеркивалось, что, несмотря на отсутствие Второго фронта, Красная армия достигла успеха, освободив Орел, Белгород и Харьков [10, с. 4].

Таким образом, полярные высказывания о союзниках в марте и в августе являются наглядным примером прямой зависимости нарастания критических отзывов в газете от изменений положения на фронте. Однако в приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1943 г. это никак не отразилось. Сталин выделил две предпосылки, которые предвещают появление Второго фронта в Европе: воздушная бомбардировка Германии, осуществлявшаяся Великобританией; военные операции в Тунисе. Он заключает: «Удар по врагу с востока... слился с ударом с запада, со стороны наших союзников — в единый общий удар» [11, с. 1].

В июле «Правда» начала публиковать и критиковать политиков, которые высказывали альтернативные точки зрения о проблеме Второго фронта. Звучали уже знакомые контраргументы, которые повторяли слова «вождя». В статье «Американская печать о положении на фронтах», опубликованной 18 июля, с одной стороны, утверждалось, что успешные операции на Сицилии можно назвать началом второго фронта. С другой же — что Сицилийская операция

ЧИСЛО МАТЕРИАЛОВ О ВТОРОМ ФРОНТЕ В 1944 ГОДУ

способна отвлечь небольшое количество немецких солдат, а основные силы Гитлера по-прежнему остаются на советско-германском фронте. Газета, в очередной раз указывая на противоположность Второго фронта и военных операций в Сицилии, привела более нейтральный тезис, предложенным Сталиным: сицилийская операция даст возможность союзникам начать наступление на Южную Францию [11, с. 4] (см. табл. 7). Таким способом «Правда», называя операцию в Сицилии предпосылкой второго фронта, мягко критиковала союзников, но в то же время подчеркивала, что она не выполнила своей главной функции — отвлечения 60 дивизий Гитлера с советско-германского фронта.

В октябре «Правда» написала, что «отсутствие Второго фронта позволило Гитлеру удержать за собой весной 1943 г. часть Кубани, Новороссийска, большую часть Донбасса, Белгородско-Орловскую дугу» [12, с. 2]. Как и в 1942 г., пропаганда перекладывала неудачи Красной армии на союзников. Несмотря на это, уже не говорилось о неудачах в Сталинграде, Кавказе и Москве, а подчеркивались поражения нынешнего года (см. табл. 3).

На выступлении в честь 26-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1943 г. Сталин оценивал действия союзников только с положительной точки зрения. Он отметил, что Антигитлеровская коалиция стала крепче, подчеркнул важность операций в Средиземном море, впервые указав, что «нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как Второй фронт. Но это все же нечто вроде Второго фронта» [13, с. 2]. Таким образом,

начиная с опубликованного 1 мая 1943 г. приказа, Сталин воздерживался от публичной критики действий союзников, в то время как в пропаганде (в частности в «Правде») появлялись тезисы с противоположной точкой зрения. Кроме того, в отличие от 1942 г., в 1943 г. о Втором фронте писали в два с половиной раза меньше (см. табл. 1). Однако контраст наименьшим образом отразился на идеях, которые продвигала пропаганда: в неудачах по-прежнему обвинялись союзники (см. табл. 3).

1944 г. Изменение оценок союзников и второго фронта

После Тегеранской конференции у Сталина оставались сомнения по поводу намерений союзников. От Наркомата государственной безопасности поступали разнящиеся сведения по поводу подготовки вторжения во Францию [2, с. 131]. Вопреки этому, зимой 1944 г. «Правда» публиковала политиков и военных, которые сообщали о готовившейся операции. Эйзенхауэр, Бенеш, Дитмар заверяли, что Второй фронт будет открыт [14, с. 4]. В приказе Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1944 г. Сталин напомнил, что «Советский Союз один на один не только выдержал натиск германской военной машины, но и нанес немецко-фашистским войскам решающие поражения» (см. табл. 2). Но теперь, когда вступят главные силы союзников, против Германии развернется мощное наступление [15, с. 1].

Вторжение союзников широко афишировалось в печати (см. табл. 8). 7 июня был дан военный обзор действий англо-американской армии. «Правда» акцентировала внимание на том, что в Сицилии и Северной Африке союзники сражались лишь с частью немецкой армии, в то время как операция в Европе заставляла Гитлера оказывать всю силу сопротивления.

До окончания 1944 г. публиковались только положительные отзывы Сталина об операции в Европе. Выступая 6 ноября 1944 г. в честь 27-й годовщины Октябрьской революции глава Советского правительства подчеркнул, что Красная армия теперь сражается не в одиночестве, а с союзниками. Он утверждал, что коллизии по поводу высадки войск на Европейском континенте существовали, однако были разрешены [16, с. 1]. Вслед за Сталиным в декабре «Правда» подводила итоги 1944 г. Подчеркивалось, что постановления Тегеранской конференции исполнены, а Второй фронт сделал антигитлеровскую коалицию еще крепче [16, с. 3].

Из вышеописанного следует, что в 1944 г. ни Сталин, ни пропаганда уже не подвергали союзников какой-либо критике. В «Правде» широко освещалось начало вторжения, в то же время по сравнению

с 1943 г. писать о данной проблеме стали значительно реже (см. табл. 1).

Таким образом, за четыре года войны, несмотря на то, что советская пропаганда была производным от установок Сталина, в вопросе Второго фронта наблюдалось некоторое разделение более сдержанных публичных заявлений лидера и критических статей «Правды». С 1941 по 1944 г. глава Советского правительства в публичных заявлениях преподносил проблему в более положительном контексте. Пропаганда же оценивала действия США и Великобритании в негативном ключе, причем критика была неотъемлемой частью подачи темы Второго фронта. Однако в 1944 г. страны-союзники выполнили свои обещания, а Красную армию сопровождали колоссальные успехи на фронте. В совокупности этих фактов пропаганда изменила направление, не оставив и следа от неблагоприятных заявлений.

Список литературы

1. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2 т. — Т. 1. — М.: Просвещение, 2017. — 656 с.
2. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2 т. — Т. 2. — М.: Просвещение, 2017. — 768 с.
3. Правда. — 1941. — 7 ноября. — С. 1.
4. Правда. — 1942. — 23 февраля. — С. 1; 17 июня. — С. 4.
5. Правда. — 1942. — 7 ноября. — С. 1; 7 ноября. — С. 2; 19 ноября. — С. 4.
6. Правда. — 1942. — 14 ноября. — С. 1.
7. Правда. — 1943. — 23 февраля. — С. 1; 28 февраля. — С. 3.
8. Правда. — 1943. — 5 марта. — С. 4.
9. Правда. — 1943. — 14 марта. — С. 4.
10. Правда. — 1943. — 27 августа. — С. 4.
11. Правда. — 1943. — 1 мая. — С. 1; 18 июля. — С. 4.
12. Правда. — 1943. — 8 октября. — С. 2.
13. Правда. — 1943. — 7 ноября. — С. 2.
14. Правда. — 1944. — 19 января. — С. 4.; 5 февраля. — С. 4.; 10 февраля. — С. 4.
15. Правда. — 1944. — 23 февраля. — С. 1.
16. Правда. — 1944. — 7 ноября. — С. 1; 31 декабря. — С. 3.
17. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. — М.: РОССПЭН, 2007. — 806 с.

«На кладбище интервентов и захватчиков»: Тарутинский мемориальный комплекс в исторической политике России (XX—XXI вв.)

Аннотация. Исследование посвящено проблеме объединения мнемонических мест в исторической политике советской и постсоветской России. На примере мемориального комплекса в селе Тарутино Калужской области автор демонстрирует эволюцию историко-политических практик российского государства, в центре которых находятся Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

Ключевые слова: историческая политика; коллективная память; мнемоническое место; мемориал; Отечественная война; Великая Отечественная война

“At the cemetery of intervenors and invaders”: memorial complex of the Tarutino village in the Russian politics of memory (XX—XXIst centuries)

Abstract. The study is devoted to the problem of combined mnemonic places in the politics of memory of Soviet and post-Soviet Russia. By means of an example of the memorial complex in the village of Tarutino, the Kaluga Region, the author demonstrates the evolution of historical and political practices of the Russian state, in the center of which are the Patriotic War of 1812 and the Great Patriotic War of 1941—1945.

Keywords: politics of memory; collective memory; mnemonic space; memorial; Patriotic war; Great Patriotic War

Великая Отечественная война занимает особое место в исторической памяти россиян. Фактически она является основой гражданской идентичности [2]. Однако проведенные ВЦИОМ и Левада-Центром опросы показывают, что не все так однозначно. Например, в последние годы зафиксировано значительное падение интереса к истории ВОВ [8]. Это можно объяснить усталостью от официального исторического мононарратива. Возникает эффект «злоупотребления памятью» [15, с. 15], и негативная реакция социума на него требует расширения официального символического репертуара.

---

* Елена Анатольевна Косован — кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). e-mail: ekkade@gmail.com

Elena A. Kosovan — Candidate of Historical Sciences, Associate professor of Post-Soviet States Department, Institute for Post-Soviet and Transregional Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Специфика российской исторической политики такова, что расширение возможно в первую очередь за счет однозначных и неконфликтных исторических событий, которые к тому же не только не противоречили бы стратегии придания ВОВ сверхценности, но подкрепляли ее. Одно из таких событий — Отечественная война 1812 г., тем более, что в советское время уже имело место определенное идеологическое слияние двух войн и даже объединение мест памяти о них.

Типичным примером объединенного места памяти можно считать мемориальный комплекс в селе Тарутино Калужской области.

Начало Тарутинскому мемориальному комплексу было положено в 1834 г. Тогда в память об Отечественной войне 1812 г. здесь воздвигли 22-метровую триумфальную колонну (предположительно по проекту графа С.П. Румянцева-Задунайского). Правда, через пять лет колонна лопнула, и в 1852 г. ее заменили новой — по проекту А. Антонелли. Колонну украсила надпись «На сем месте Российское воинство под предводительством фельдмаршала М.И. Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу». В 1912 г. на памятнике разместили также мемориальную доску, на которой перечислялись участники Тарутинского марш-маневра.

После распада Российской империи судьба памятника оказалась под вопросом. Новая власть сразу принялась очищать символическое пространство страны от имперских символов. 12 апреля 1918 г. вышел декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг и выработке проектов памятников Российской социалистической революции», а чуть позже появилась особая комиссия, приступившая к составлению списка монументов, подлежащих сносу [6, с. 11]. В число последних попали и памятники, посвященные войне 1812 г., которая стала расцениваться как «борьба реакционной России с прогрессивной наполеоновской армией» [12, с. 206]. Советская «война с памятниками» обрекала Тарутинский мемориал на уничтожение, однако он чудом сохранился. В 1932 г. уже начали обсуждать возможность его разборки, но дело застопорилось из-за бюрократических проволочек, а тем времени историческая политика Кремля стала меняться.

Осознав, что отказ от истории до 1917 г. означает потерю серьезного ресурса легитимизации, сталинский режим в середине 1930-х гг. приступил к осторожной реабилитации досоветской исторической эпохи и начал осваивать имперское историко-культурное наследие, в том числе и 1812 г. Как результат, ленинский образ схватки «грабителя Наполеона и грабителя Александра I» уступил место концепции, согласно которой Отечественная война стала борьбой мирной России с агрессивной Францией и ее алчным императором [21, с. 98—99]. Реабилитация войны изменила отношение к местам памяти о ней. Тарутинский мемориал стал символом героизма тех, кто отразил натиск захватчика и тем спас не только свою страну.

Принципиально новым этапом в исторической политике советской России стала Великая Отечественная война. Прочная символическая связь между нею и войной 1812 г. оформилась уже летом 1941 г. В первых же выступлениях советских лидеров прозвучали однозначные отсылки к 1812 г. [18, с. 152]. Их смысл сводился к тому, что первые неудачи не помешают в конце концов разбить врага и изгнать его с территории СССР. Победа в неопределенном будущем гарантировалась уже имеющимся опытом — победой 1812 г. Использование такого идеологического инструмента оказалось более чем эффективным. Недаром образ Отечественной войны был практически сразу эмоционально присвоен широкими массами.

Бои 1941 г. в районе Тарутина не приобрели такой же известности, как Тарутинский марш-маневр, несмотря на то, что они были гораздо более тяжелыми и кровопролитными и имели гораздо более драматичное значение: если осенью 1812 г. Москва уже была занята врагом, то осенью 1941 г. необходимо было любой ценой не пропустить его к столице.

Несмотря на усилия советских войск, 22 октября 1941 г. Тарутино было оккупировано и оставалось занято гитлеровцами до конца декабря того же года. Факт освобождения села отметила центральная пресса. Специальный корреспондент газеты «Известия» Е.П. Петров писал: «Наша отечественная война с немцами все время наводит на воспоминания о Первой Отечественной войне 1812 года... Вероятно, сто двадцать девять лет назад российское воинство сушило в тарутинской избе на печи свои валенки, и курило махорку, и ело такой же ржаной хлеб и добрые щи и кашу, и так же шло на смерть, чтобы спасти Россию и Европу» [13]. Символический посыл этого пассажи однозначен: ключ к спасению России и Европы находится на московских рубежах; укрепившись здесь, советский солдат отпор Гитлеру точно так же, как некогда его солдат русский дал отпор Наполеону.

По следам вытеснения гитлеровцев с Московских рубежей, в 1942 г. Государственное издательство литературы по легкой промышленности выпустило открытку «На кладбище интервентов и захватчиков», на которой художник Н. Головин изобразил Наполеона, восставшего из могилы и уговаривающего своих соратников «потесниться»: «Вы видите: идет сюда арийцев битая орда» [3]. «Кладбище интервентов и захватчиков» можно считать символом Тарутина. И это не фигура речи. На территории Тарутинского мемориала в период оккупации села было устроено настоящее немецкое кладбище. По воспоминаниям тарутинцев, погибших хоронили в неглубоких могилах и непосредственно возле триумфальной колонны, и под нею, и несколько поодаль [1, л. 12].

Правда, в конце 1941 г., после освобождения села, у подножия триумфальной колонны был похоронен политрук К.А. Гусев. В письмах семье погибшего его однополчане подчеркивали, что сле-

лано это было, чтобы после войны можно было легко найти могилу [14, л. 1]. Утилитарное использование колонны как памятного знака не исключает и символического подтекста: тарутинский памятник маркировал триумф «тарутинских победителей» и фиаско явившихся в село врагов, вне зависимости от того, в какой кампании одни победили, а другие — проиграли. Новый мемориал как бы проступал сквозь ландшафт имперского памятника.

В послевоенный период значимость Тарутинского рубежа в советской исторической политике существенно выросла. Мы вполне солидарны с мнением Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, которые отмечают, что в отличие от патриотического дискурса начала XX в., акцентировавшего почти в равной степени тему героизма и страдания, для советской ретроспективной военной пропаганды страдания и жертвенность были ценны в гораздо меньшей степени [16, с. 71]. Соответственно, символический капитал Бородинского сражения, за которым последовало оставление Москвы, уменьшился, тогда как ценность Тарутинского марш-маневра, наоборот, возросла. Это не замедлило сказаться на местном мемориале, который в 1950—1970-е гг. пережил ряд трансформаций.

В середине 1950-х гг. произошло разделение памятников Отечественной и Великой Отечественной войн. Напротив имперского мемориала были устроены братские могилы, в которые перенесли останки красноармейцев и партизан, погибших в боях осени-зимы 1941—1942 г. и захороненных на Тарутинском кладбище и в окрестных деревнях. Могилы покрыли дерном, вокруг них соорудили кованую ограду, над ними установили надгробие (автор — Н.Г. Асатур) [20, л. 1]. Перенос останков К.А. Гусева в общую могилу означал окончательную сепарацию мемориала ВОВ от имперского памятника. Последний в 1956 г. был отреставрирован, у подножия триумфальной колонны появилась доска с выдержкой из письма М.И. Кутузова к владелице Тарутина А.Н. Нарышкиной с просьбой не разрушать воздвигнутые в селе укрепления.

Новый ландшафт Тарутинского мемориала был выстроен таким образом, что триумфальная колонна 1812 г. оказалась четко напротив советского мемориала. Символическая коммуникация («диалог») между ними отвечала главным принципам советской коммеморации «побед русского оружия» и способствовала слиянию двух войн в единый победоносный образ — основу «коллективной идентичности советского общества» [16, с. 71—72].

Затем, в юбилейный 1962 г., имперский мемориал был дополнен военно-историческим музеем Отечественной войны 1812 г. [19]. А в 1971 г. по проекту Е.Н. Киреева было полностью реорганизовано ландшафтно-архитектурное пространство советского мемориала. Братским могилам придали менее «могильный» вид, выровняв насыпи над ними и

придав им форму прямоугольных клумб. На крайнюю клумбу возложили плиту с надписью: «Вечная память солдатам, сержантам и офицерам 17 и 53 стрелковых дивизий, павшим в бою за независимость нашей родины. Октябрь-декабрь 1941 г.». Затем был убран памятник Асатура. На смену помпезности и скорби пришла триумфальная и лаконичная композиция: танк Т-34 на высоком постаменте, к которому была прикреплена памятная доска с надписью «Здесь, защищая Родину и человечество от фашизма, стоял насмерть советский солдат» [20, л. 1]. Рядом на мемориальном стенде разместили имена погибших, высеченные в граните.

В соответствии с идеей родовой схожести Отечественных войн, триумфализация советской части комплекса символически приблизила ее к имперскому памятнику, выровняв их смысловую наполненность. Преобразования завершились решением Калужского обкома КПСС и облисполкома, в соответствии с которым Тарутинский мемориал объединил в единый комплекс памятники Отечественной и Великой Отечественной войн, а также военно-исторический музей.

В постсоветский период ландшафт и композиция Тарутинского мемориального комплекса не претерпели существенных изменений: в 2005 г. на братской могиле по инициативе Тарутинского колхоза имени М.А. Гурьянова установили плиту с надписью «В память о наших земляках, погибших в годы Великой Отечественной войны». В 2012 г. в ходе реставрации комплекса был заменен стенд 1971 г. с именами погибших, а доска 1912 г. была снята с постамента имперского памятника и отправлена в музей. Однако в последнее десятилетие Тарутино довольно активно вовлекается в новые коммеморативные практики (помимо традиционных — экскурсий, открытых уроков и т.п.): военно-исторические реконструкции (октябрьский праздник «Тарутино — поле русской славы», проводится с 2012 г.), гражданско-патриотические акции («Бессмертный полк», проводится с 2015 г.), федеральные музейные и информационные проекты («Территория Победы», проект стартовал в 2017 г.).

В целом это соответствует главным принципам российской исторической политики: сближению историко-политических практик с советскими образцами (с поправкой на возможность информационного общества и исключения из мемориального канона особенно спорных сюжетов) и использованию советской «инфраструктуры памяти»; повышению значения ретроспективной военной пропаганды в целом и коммеморации «побед русского оружия» в частности; эстетизации войн. Тарутинский мемориал посвящен солдату — спасителю России и Европы, а ведь это именно тот образ, который активно используется российскими властями в «войнах памяти» со странами Восточной Европы по крайней мере с 2013 г.

При этом Тарутинский мемориальный комплекс демонстрирует поистине уникальную символическую пластичность: его компози-

ция и смысловое наполнение таковы, что могут использоваться при любой политической погоде и сочетаться с самыми разными версиями официального исторического нарратива. Транслируя послание «агрессору — от защитника» («кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет»), «кладбище интервентов и захватчиков» и т.п.), мемориал в сущности даже не требует каких-то новых и сложных интерпретаций, коммеморативных ритуалов, которые помогли бы «перевести» этот посыл на язык новых поколений.

О том, что Тарутинский мемориал приглянулся местным и федеральным властям, свидетельствует обустройство мемориалов-дублеров на Чернишенско-Нарском рубеже, будь то крупный военно-исторический мемориал «Кузовлево» или более скромный в деревне Тетеринки (Троицкий административный округ Москвы). Отметим, однако, что в исторической политике России последних 20 лет Отечественная война 1812 г. отсутствует как самостоятельный сюжет. Ее использование в мемориализации «побед русского оружия» носит чисто утилитарный, формальный характер и нацелено на «удревнение» истории этих побед и расширение «кладбища интервентов и захватчиков». Как значимый, равноценный ВОВ элемент историко-политической стратегии войны 1812 г. не воспринимается и не используется. Российский исторический нарратив охватывает в основном XX в., и даже проект «Территория Победы» нацелен на создание «единого пространства военной истории» лишь XX в. [16]

Немудрено, что в современном российском обществе символическая ценность войны 1812 г. крайне низка. Так, в 2018 г. только 5% респондентов ВЦИОМ сочли, что Отечественная война является «важнейшим историческим событием, о котором помнит каждый из нас» [4]. Аналогичные результаты дало исследование, проведенное в 2016 г. сотрудниками Института психологии РАН Т.П. Емельяновой и А.В. Мишариной и посвященное отражению эпохальных событий отечественной истории в памяти россиян: по данным опроса, первое место уверенно заняла Великая Отечественная война (ее назвали 55% опрошенных), тогда как Отечественная война 1812 г. оказалась на одном из последних мест (менее 5%) [5]. Таким образом, обширный символический потенциал памятников 1812 г., в том числе и совмещенных с памятниками ВОВ, остается невостребованным, а характер его использования — весьма ограниченным.

Список литературы

1. Воспоминания Е.С. Володиной 1928 г.р. (записано Н.В. Ивашко в 1987—1990-х гг.) // Архив Тарутинского военно-исторического музея. События 1941 г. в селе Тарутино. Воспоминания местных жителей. Л. 11—12.

2. Головашина О.В. Победа образа: идентификационные риски коммеморативных практик // Международный электронный научный журнал «Studia Humanitatis». — 2017. — № 1. URL: <http://st-hum.ru/content/golovashina-ov-pobeda-obraza-identifikacionnye-riski-kommemorativnyh-praktik> (дата обращения: 11.07.2019).
3. Головин (Горький) Н. «На кладбище интервентов и захватчиков». М.: Искусство, 1942 // Галерея Антиквариум. URL: <http://anticvarium.ru/lot/show/25395> (дата обращения: 24.08.2019).
4. Единство нации: что нас объединяет? // ВЦИОМ. 02.11.2018. № 3805. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404> (дата обращения: 19.07.2019).
5. Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. — 2016. — Т. 9, № 47. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n47/1280-emelyanova47.html> (дата обращения: 10.07.2019).
6. Ивашко Н.В. Неустрашимым сынам Отечества // Балабаново. — № 33. — 2012. — С. 8.
7. Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920-1930-е годы: Социально-архитектурное микроисторическое исследование. — СПб.: Крига, 2016. — 250 с.
8. История России // Левада-Центр. 22.03.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-gossii/> (дата обращения: 11.07.2019).
9. Макарова Т.А. Отечественная историография внешней политики Александра I (европейское направление): дисс. ... канд. ист. наук. — Волгоград, 2012. — 229 с.
10. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 207 с.
11. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. — 2013. — № 1. — С. 114—130.
12. Огоновская И.С. Отечественная война 1812 г.: правда и вымысел на страницах школьных учебников XIX—XXI вв. // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. (Екатеринбург, 14—15 декабря 2012 г.) / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. — С. 201—219.
13. Петров Е. Ответ огнем // Известия. — 1941. — 30 декабря.
14. Письмо С.К. Гусева В.Я. Синельщикову. 13 июня 1978 г. // Архив Тарутинского военно-исторического музея. Л. 1—2.
15. Рикёр П. Память, история, забвение. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
16. Сабурова Т., Родигина Н. 150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в СССР: практики коммеморации // Два века в памяти России. 200-летие Отечественной войны 1812 года: сборник статей / Отв. ред. В.В. Лапин. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — С. 67—91.
17. Территория Победы // Музей Победы. URL: <https://victorymuseum.ru/projects/territory--of-victory/> (дата обращения: 26.08.2019).
18. Тихонов В.В. Образ войны 1812 года в советской пропаганде конца 1930-х — начала 1950-х годов // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. — Вып. 4. — М., 2013. — С. 186—194.
19. Тюрина Е.Г. Домыслы и неблизцы, бытующие среди местного населения о памятнике в Тарутине, а можно сказать достопамятные истории о Тарутинском памятнике // Архив Тарутинского военно-исторического музея. Л. 1—2.
20. Тюрина Е.Г. История создания мемориального комплекса в селе Тарутино // Архив Тарутинского военно-исторического музея. Л. 1—3.
21. Шеин И.А. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930—1950-х годов // Отечественная история. — 2001. — № 6. — С. 97—108.

Участие эмигрантской организации «Союз русских патриотов» в борьбе против восточных войск Вермахта во Франции (1943—1944 гг.)

Аннотация. Статья посвящена деятельности Союза русских патриотов против Восточных войск вермахта в годы Второй мировой войны. Союз русских патриотов — организация французского движения Сопротивления, состоявшая из русских эмигрантов, придерживавшихся левых взглядов. В работе подробно описывается история, структура и примеры деятельности этого эмигрантского союза против советских граждан-коллаборационистов, оказавшихся во Франции в составе германского вермахта.

Ключевые слова: Вторая мировая война; движение Сопротивления во Франции; Союз русских патриотов; Восточные батальоны вермахта; русские эмигранты; коллаборационизм; советские военнопленные во Франции.

Participation of the emigrant organization “Union of Russian patriots” in the fight against the Eastern troops of Wehrmacht in France (1943—1944)

Abstract. The article is devoted to the activities of the Union of Russian patriots against the Eastern battalions of the Wehrmacht during the Second World War. The Union of Russian patriots is an organization of the French Resistance movement, which consists of Russian left-wing emigrants.

Keywords: The Second World War; Resistance movement in France; The Union of Russian patriots; Eastern battalions of the Wehrmacht; Russian emigrants; Russian members of the Resistance; collaboration.

Участие русских эмигрантов и советских граждан во французском движении Сопротивления до настоящего времени остается вопросом, слабо изученным как в отечественной, так и в зарубежной исторической литературе. Первые упоминания о самой крупной эмигрантской организации — Союзе русских патриотов (СРП) [9], несмотря на табуированность темы, появились в отечественной историографии еще в период оттепели. Однако такие упоминания зачастую ограничивались лишь краткими сведениями о самой организации, но не затрагивали при этом основную ее деятельность.

---

* **Степан Владимирович Решетников** — магистрант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). e-mail: reshehistorien@gmail.com

Stepan V. Reshetnikov — undergraduate in the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Между тем, с началом Великой Отечественной войны эмигрантам предстояло сделать для себя важный политический выбор: примириться с немецкой агрессией против СССР, что означало вольную или невольную поддержку нацистов, либо сопротивляться в пассивной или активной форме, либо просто выживать. Нацистская пропаганда старалась перетянуть эмигрантов на свою сторону, старательно формируя у них образ «войны против СССР» как «освобождения России от большевиков» [6, с. 22]. Для противопоставления этой пропаганде и привлечения внимания к антифашистской позиции существенной части русской эмиграции, группа будущих известных участников Сопrotивления* провела одну из первых своих акций. Они написали обращение (в виде листовки) с напоминанием о «долге русских людей быть вместе с Родиной в эти грозные дни» [16, с. 22] и разослали его по почте местным официальным учреждениям.

Движение Сопrotивления приняло организованные формы только в 1943 г., когда союзниками был признан Французский комитет национального освобождения (ФКНО — временное правительство, сформированное лидерами Сопrotивления как альтернатива режиму Виши). Переломным моментом также стало поражение Германии в Сталинградской битве, когда со всей очевидностью обозначился будущий военный крах врага. Важным фактором для разворачивания деятельности русского движения Сопrotивления стало прибытие во Францию с начала 1943 г. массы советских граждан. Среди них были как военнопленные, так и мирные люди, принудительно привезенные для работы на различных тяжелых производствах [15, л. 33—34]. Также во Францию были передислоцированы «восточные батальоны» вермахта, сформированные в 1942—1943 гг. из советских граждан. Эмигрант и участник Сопrotивления И.А. Кривошеин** связывал с их прибытием начало второго этапа русского движения Сопrotивления [12, с. 96].

Летом 1943 г. Сопrotивление и союзники узнали о переброске «восточных батальонов» и были обеспокоены возможностью их применения против партизан в карательных операциях. Полковник Б.

---

* Среди которых были Н.В. Борисов, Г.М. Арнольди, В.Н. Бухало, А.М. Кульшер, И.И. Бунаков-Фундаминский.

** Кривошеин Игорь Александрович (1899—1987) — сын государственного деятеля А.В. Кривошеина. Участник Сопrotивления, в июне 1941 г. находился в лагере Компьень. Принимал участие в спасении евреев от вывоза в Германию. Собирал военную информацию для Сопrotивления. В июне 1944 г. арестован, подвергнут пыткам, приговорен к пожизненному заключению, которое отбывал в концлагерях Бухенвальд и Дахау. В мае 1945 г. освобожден и вернулся во Францию. После войны принял советское гражданство. Был репрессирован. После освобождения вернулся во Францию.

Матлин (Гастон Ларош)*, ставший в годы войны главным связующим звеном между русскими эмигрантами и Сопротивлением, оценивал численность личного состава этих батальонов в 30—40 тыс. человек [19, с. 238]. Этот факт побудил руководство Сопротивления заинтересоваться возможной помощью русских эмигрантов в борьбе с ними.

В мае 1943 г. один из лидеров русских эмигрантов-сопротивленцев Г.В. Шибанов (Андре, Жорж)** стал регулярно контактировать с Матлиным, уполномоченным представителем Национального фронта — подпольной коалиции левых политических партий (Французской коммунистической партии, французской секции Рабочего Интернационала и Партии республиканцев, радикалов и радикал-социалистов). В парижской квартире Шибанова 3 октября 1943 г. состоялась встреча, на которой было принято название организации — Союз русских патриотов. Он должен был действовать как русская секция МОИ*** под первоначальным руководством Михневича (Тарасыч) [17, с. 445]. Общее руководство и координацию его действий вел Матлин. Несмотря на это, сами ветераны союза после войны отмечали, что, несмотря на подчинение французскому руководству, СРП «всюду вел русскую линию» [4, л. 2].

Основой организации СРП стали эмигранты левых взглядов, участники Союза возвращения на Родину, многие из которых участвовали в Гражданской войне в Испании в составе интернациональных бригад [17, с. 442]. Союз также характеризовался как русская секция, состоящая из левых эмигрантов с большим процентом молодежи [16, с. 382]. Деятельность СРП более всего отражала настроения просоветского крыла русской эмиграции. Участники сою-

* Матлин Борис (1902—1964) — полковник FTP (Вооруженная организация Коммунистической партии Франции), один из лидеров французского Сопротивления, глава русской секции МОИ — организации, объединяющей коммунистов-иностранцев во Франции. Пережил облаву на евреев в Париже 16—17 июля 1942 г. Вступил в Сопротивление в 1942 г. Член ЦК Французской компартии. Вступив в FTP за период с 10 сентября 1943 г. по 20 августа 1944 г. участвовал минимум в восьми нападениях на гитлеровцев в Париже и его пригородах.

** Шибанов Георгий Владимирович (1900—1970) — гардемарин, эвакуирован из Крыма в 1920 г. В 1922 г. переехал во Францию. После оккупации 1940 г. участник Сопротивления, распространял листовки. В 1943 г. организовал Союз русских патриотов, Центральный комитет советских военнопленных. В парижском восстании был в составе группы людей, водрузивших над зданием советского посольства флаг СССР. После войны участвовал в репатриации перемещенных лиц. Жил в СССР.

*** *Main-d'œuvre immigrée* (МОИ) — «наемный труд эмиграции». Организация, объединявшая коммунистов-иностранцев во Франции. Состояла из трех секторов: французов из интербригад, иностранцев, сражавшихся также в Испании, молодых коммунистов. В годы Второй мировой войны было создано военное крыло организации FTP-МОИ, занимавшееся актами саботажа.

за рассматривали себя как «единицу Красной Армии», сражавшуюся в тылу врага, полностью лояльную политическому строю СССР [4, л. 2]. По воспоминаниям Борисова, численность организации составляла 120 человек [6, л. 3]. Участники СРП начали издавать свой печатный орган — газету «Русский патриот», затем переименованную в «Советский патриот» (после создания Центрального комитета советских военнопленных газета стала его печатным органом).

Важно отметить, что организационная структура СРП была построена по аналогии со структурой МОИ. Строго соблюдалась централизация. Только члены организации со специальным заданием имели доступ к центру напрямую. Устанавливались жесткие правила, требовавшие от участников безоговорочного соблюдения конспирации*. Их нарушение грозило участнику союза отстранением от порученного ему участка подпольной работы. Создание системы автономных троек позволило в дальнейшем продолжать подпольную работу, несмотря на допущенные ошибки и провалы. МОИ поручил Шибанову организовывать лагерные комитеты среди советских военнопленных, осуществлять их побеги, а также создавать партизанские отряды [6, л. 3].

Руководство Национального фронта поручило СРП вести работу прежде всего против «восточных батальонов» [4, л. 3]. Союз видели в качестве полезного помощника на этом участке борьбы, так как сами французы не могли достаточно эффективно коммуницировать с советскими гражданами [4, л. 3]. «Восточные батальоны» принимали участие в боевых действиях в немецком тылу против советских партизан. Но в связи с военными неудачами немецкой армии на фронте к сентябрю 1943 г. их чины начали искать встреч с партизанами, чтобы перейти на их сторону и тем самым заслужить прощение. Такие переходы повлияли на позицию германского командования относительно дальнейшего использования этих частей — их стали перебрасывать на второстепенные театры военных действий, а примерно 5—6 тыс. добровольцев оказались разоружены как ненадежные [2, с. 219]. К началу 1944 г. большинство русских частей вермахта было переброшено во Францию. Основная часть подразделений располагалась в районах Нормандии и полуострова Бретань. Отношение к новоприбывшим частям со стороны немцев было негативным, так как они не считали их равноправными и смотрели на них как на резерв, чтобы «сэкономить немецкую кровь». Моральное состояние солдат «восточных батальонов» было шатким, многие понимали, что вернуться домой им едва ли удастся.

---

* А.Ю. Вовк ставит под сомнение строгость конспирации СРП (См.: Вовк А.Ю. Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам Архива Дома русского зарубежья). — М.: Русский путь, 2015. — С. 149).

Здесь стоит коснуться вопроса о встречающемся в «сопротивленческой» историографии именовании солдат «восточных батальонов» «власовцами». Употребление этого термина ошибочно. Стоит учесть, что некоторые из солдат батальонов сами причисляли себя ко «власовцам», даже если впоследствии не оказались в формировании КОНР [13]. Но, по словам В.П. Артемьева, близко сошедшего с А.А. Власовым, тот не имел никакого отношения к этим формированиям [1, с. 21—22].

Созданные в СРП «тройки» выполняли ряд задач: вели пропаганду, добывали разного рода сведения, необходимые Сопротивлению, собирали вещи и продовольствие, предоставляли убежище сбежавшим из плена и создавали новые группы [4, л. 3]. Борисов упоминал, что первоначально «тройки» планировали создавать преимущественно в рабочей среде [6, с. 26]. В деятельность троек входило распространение газеты «Русский патриот», первый номер которой вышел 7 ноября 1943 г. под редакторством М.М. Бренстедта. Но на первом месте стояла работа с контингентом «восточных батальонов». Соответствующий отдел СРП возглавил А.Н. Кочетков. Он пользовался доверием, так как имел опыт подполья и воевал в составе интербригад в Испании (где был помощником пулеметчика, артиллеристом, переводчиком и начальником штаба одной из бригад). Был сформирован штат особых разъездных инструкторов, занятых исключительно на этом направлении. Их было пять человек — опытных подпольщиков, имевших боевой опыт, работавших в районах дислокации батальонов. Члены СРП находились в этих городах с фальшивыми документами и перевозили антифашистскую литературу [6, с. 28]. Из русских эмигрантов, работавших по преимуществу в Бретани и на побережье Ла-Манша, вербовались сочувствующие движению люди. Затем через них устанавливалась связь с солдатами батальонов. Зная язык, психологию, бытовые и культурные особенности чинов «восточных батальонов», эти люди с риском для жизни методически вели их «обработку», распространяли среди них антифашистские газеты и листовки, получали важные разведсведения [6, с. 28]. Сами инструкторы СРП в это схеме работы выступали посредниками между уже распропагандированными солдатами и локальными организациями Сопротивления.

Работа продолжалась с конца 1943 г. по лето 1944 г. Иногда инструкторы СРП участвовали непосредственно в совершении бунтов и массовых побегах солдат. Было издано несколько призывов к солдатам с напоминанием об их военном и моральном положении. Они советовали солдатам довериться французам, несмотря на языковой барьер.

Гестапо, обеспокоенное активностью Союза, начало работу по поиску и уничтожению организации. Активно использовался прием

«доброволец-provokator». Таким путем за первую половину 1944 г. было арестовано одиннадцать членов СРП [6, с. 29], кроме того в марте нацисты разгромили типографию и арестовали всю редакцию «Русского патриота» [18]. Также была арестована Шербурская группа секции Кочеткова.

После этого провала организация оказалась в кризисе. Кривошеин критиковал конспирацию СРП и считал ее недостаточной; по его словам, только мужество на допросах арестованного главного редактора газеты Бренстедта спасло группу от еще более тяжелого удара [11, с. 39]. Несмотря на это, организации удалось восстановить типографию, но было возобновлено только издание «Советского патриота» [18]. Газету «Русский патриот» восстановили позднее. Всего за первую половину 1944 г. СРП пережил 6 провалов [6, с. 28]. Из-за этого руководство Национального фронта стало более осторожным и не доверяло руководству СРП [4, л. 3]. Теперь любые сомнительные или подозрительные связи Союз должен был сразу обрывать.

Важно подчеркнуть, что Матлин имел основания организовывать взаимодействие с Союзом подобным образом, так как имел больший, чем другие, опыт подпольной и военной работы. Он пользовался авторитетом среди французских членов ФТР, снабжал русских эмигрантов необходимыми контактами и связями от ФТР-МОИ, координировал операции с французскими партизанами, проверял биографии различных лиц и нес главную ответственность за работу с «русским сектором».

Провалы СРП снизили эффективность работы секции Кочеткова, однако ее деятельность продолжилась. Была установлена связь с группой армянских и азербайджанских легионеров, которая требовала связи с руководством ФТР или партизанами, а также утверждала, что может вывести из подчинения вермахту весь легион. Кочетков доложил о группе Матлину, но тот побоялся повторения мартовской трагедии и предложил выждать, пока будут проверяться сведения об участниках группы.

К сожалению, скудная источниковая база не позволяет в полной мере исследовать деятельность СРП против «восточных батальонов». Результаты деятельности Союза по их разложению нельзя назвать в полной мере успешными, поскольку она встречала серьезное и эффективное противодействие со стороны оккупационных властей. В то же время, деятельность союза внесла вклад в общее антинацистское движение. Несмотря на все трудности в своей деятельности, СРП выполнял функцию своеобразного «буфера» между «восточными батальонами» и Соппротивлением. Его работа позволяла желающим солдатам дезертировать из вермахта и влиться в партизанское движение.

Список литературы

1. Артемьев В.П. Первая дивизия РОА. — Канада: СБОНР, 1974.
2. Дробязко С.И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941—1945. — М.: ЭКСМО, 2004.
3. Архив Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына (Архив ДРЗ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 101.
4. Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 105.
5. Блок М. Странное поражение / Пер. с франц. Е.В. Морозова. — М.: РОССПЭН, 1999.
6. Борисов Н.В. «Пароль — Франция! Девиз — Советский Союз!» // Отчизна. — 1990. — № 3.
7. Вовк А.Ю. Основание и издание газеты «Русский патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопротивления. — М.: Дом Русского Зарубежья имени А. Солженицына, 2017.
8. Вовк А.Ю. Просоветские организации первой волны // Новый журнал. — Нью-Йорк, 2014. — № 276.
9. Кокорин М.А., Стручков А.А. О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 гг. // Вопросы истории. — 1960. — № 3.
10. Кочетков А.Н. Красный верблюд ест желтую землянику. URL: <https://sites.google.com/t-n-v.com/ангу/произведения/1967?authuser=0> (дата обращения: 25.10.2018).
11. Отчет о резистанской работе И.А. Кривошеина // Вестник Русского Сопротивления. — Париж, 1946.
12. Кривошеин И.А. Русские участники Сопротивления во Франции // Новое село. — № 35—36. — Нью-Йорк, 1947.
13. Николаев А.В. Так это было. — Frankfurt a. M.: Posev, 1982.
14. Рапорт Петра Лисицына от 20 июля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 4. Л. 155—157. URL: <https://aru.t-n-v.com/п-лисицын/20-июля-1945-г> (дата обращения: 25.10.2018).
15. РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 4. URL: <https://aru.t-n-v.com/п-лисицын/23-сентября-1944-г> (дата обращения: 25.10.2018).
16. Русское Зарубежье против фашизма: [антология] / Сост., вступ. ст., коммент. Ю.С. Цурганов, отв. ред. А.А. Безбородов. — М., 2005.
17. Шибанов Г.В. Красное знамя на улице Гренель // О чем не говорилось в сводках. — М., 1962.
18. Шибанов Г.В. Это было во Франции. — Т&В Медиа, 2017. URL: <https://gsru.t-n-v.com/произведения/1966>. (дата обращения: 25.10.2018).
19. Ibis Laroche G. On les nommait des etrangers. — Paris: Les editeurs francais reunis, 1965.

Проблема «сибирского интернирования» в работах зарубежных историков

Аннотация. В статье анализируется освещение зарубежными историками проблемы «сибирского интернирования» — эпизода отечественной и японской истории, связанного с пленением японских солдат и офицеров после завершения Второй мировой войны. Делается вывод об общих тенденциях, существующих в зарубежной историографии темы и перспективах ее дальнейшей разработки.

Ключевые слова: военнопленные, МВД, НКВД, Япония, Сибирь, зарубежные историки, японские военнослужащие.

“Siberian Internment” in the researches of foreign historians

Abstract. The article deals with the analysis of papers issued by non-Russian historians devoted to the problem of the “Siberian Internment” — a mutual episode of the Russian and Japanese history, associated with surrender of Japanese military personnel shortly after the end of the WW2. The author concludes about general patterns which are reflected in non-Russian historiography of the subject and about perspectives of its further study.

Keywords: prisoners of war, internees, MVD, NKVD, Japan, Siberia, foreign historians, Japanese military personnel.

В истории российско-японских отношений присутствует ряд недостаточно изученных тем. Среди них — «сибирское интернирование»: одна из дискуссионных тем российско-японских отношений, связанных с завершением Второй мировой войны. Тогда произошли сначала разоружение, а затем отправка на территорию СССР японских военнослужащих, прекративших сопротивление Красной армии после проведения Маньчжурской наступательной стратегической операции в конце августа 1945 г. Японские военнослужащие были отправлены в лагеря для иностранных военнопленных, большей частью специально организованные и построенные в Сибири и на советском Дальнем Востоке. Возвращавшиеся из лагерей рассказывали о трудностях своей жизни в «сибирских лагерях», дав таким образом название проблеме.

* **Сергей Петрович Ким** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: sergeypkim@gmail.com
Sergey P. Kim — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Military History department, Institute of the Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Однако понятие «интернирование» имеет черты неопределенности. В источниках международного права оно отсутствует. Из текстов Женевских конвенций об обращении с военнопленными и о защите гражданского населения (обе приняты 12 августа 1949 г.) следует, что это — процесс перемещения групп лиц (гражданских или военнопленных) на чью-либо территорию [2, 3]. В Большой российской энциклопедии, а также в Оксфордском словаре под ним понимается изоляция или ограничение свободы по политическим причинам или на время военных действий [4, 8]. Следует отметить, что понятие «сибирское интернирование» в зарубежной историографии обозначает не только пребывание японцев на территории СССР, но и их разоружение и репатриацию. Еще более сложный вопрос — правовое положение разоруженных советскими войсками японских солдат и офицеров: большинство японских исследователей считает их интернированными лицами, сложившими оружие по приказу императора Хирохито от 15 августа 1945 г., но не военнопленными. Американские историки также охотно используют понятия «сибирское интернирование» и «интернированные». Для отечественной историографии сначала также было характерно использование обоих понятий, однако в последнее время разоруженные японцы часто считаются военнопленными, а период их заключения в лагерях НКВД (МВД) СССР — пленом, хотя при этом признается дискуссионность вопроса об их юридическом статусе.

Пребывание японских военнопленных на советской территории исследуется в зарубежной историографии с конца 1970-х гг., в отечественной — с конца 1980-х гг. Попытки осмыслить «сибирское интернирование» как феномен японской послевоенной истории и как трагичный эпизод российско-японских отношений предпринимались самими репатриантами, вернувшимися из СССР и оставивши воспоминания. Однако количество научных исследований сравнительно невелико. Традиционно рассматриваются проблемы пленения, лагерного быта, досуга, идеологической индоктринации и репатриации на родину.

За последние несколько десятков лет в Японии был опубликован ряд работ, посвященных этой теме, авторами которых выступали как профессиональные историки, так и журналисты. Общей их чертой, как представляется, является не только схожесть изучаемых сюжетов (размещения, репатриации, быта, досуга), но и их единая оценка. Согласно ей, советские власти не предпринимали меры для устранения проблем, связанных со снабжением, размещением и организацией труда японцев. В настоящее время в японской историографии формируются два основных подхода. В рамках первого «сибирское интернирование» исследуется как одно из событий по-

слевоенного периода истории Японии, характерной чертой которого являлось отсутствие государственного суверенитета и господство американских оккупационных властей во главе с главнокомандующим оккупационными войсками союзников Д. Макартуром. Второй подход предполагает рассмотрение «сибирского интернирования» как элемента другой, более обширной проблемы, касающейся демобилизации и репатриации всех японских военнопленных, оказавшихся к моменту подписания Акта о капитуляции (2 сентября 1945 г.) за пределами Японии.

Одним из первых исследований стала работа Я. Вакацуки под названием «Лагерь военнопленных в Сибири» [14]. Исследователь попытался объективно подойти к оценке численности побывавших в лагерях НКВД (МВД) и рабочих батальонах Министерства вооруженных сил СССР бывших японских солдат и офицеров, предположив, что всего их было около 600 тыс. человек. До сих пор историки приводят разные данные о количестве японцев, вывезенных на территорию Советского Союза, однако оценка Вакацуки часто встречается среди зарубежных исследователей. Эта работа стала первой, в которой предпринята попытка осмыслить «сибирское интернирование» с исследовательских позиций. Примером работы, выполненной непрофессиональным историком, является «Японские интернированные в Сибири. Неоконченная трагедия» Т. Курихары [15], в которой автор, опросив непосредственных участников событий и членов их семей, в концентрированном виде представил основные факты и обозначил ключевые проблемы «сибирского интернирования»: быт, труд, репатриация, снабжение. Работа стала популярна среди массового читателя.

В 2005 г. была издана работа Г. Абэ «Факты насильственного интернирования в Сибири» [16]. Она также основана на источниках личного происхождения. Исследователь значительную часть своей работы посвятил проблемам содержания и размещения, условиям труда, снабжению помещенных в лагерь японцев. Часть выводов была использована Абэ при написании коллективного труда под названием «Японские военнопленные и принудительный труд в СССР после Второй мировой войны», изданного ограниченным тиражом при поддержке Общественного фонда мира и согласия («Public foundation for peace and consolation») [9]. В нем впервые использовались опубликованные документы из сборника «Военнопленные в СССР, 1939—1956: документы и материалы», что позволило авторскому коллективу опираться не только на мемуары и интервью, но и на статистические данные о заболеваемости и смертности по отдельным лагерям, представленные в виде таблицы.

За последнее время количество работ, опирающиеся на документальные источники, возросло. Одним из примеров таких работ явля-

ется исследование Т. Томита «Сибирское интернирование: правда о сталинском “архипелаге ГУЛАГ”» [19], в которой активно использованы документы из российских архивов. Одно из несомненных преимуществ работы — освещение темы в контексте проблем всей системы лагерей для иностранных военнопленных в СССР в период с 1945 по 1956 гг., в связи с чем Томита сравнил положение японцев с положением немецких военнопленных, чего до него японские авторы не делали. Исследователь, как следует даже из названия, отождествил систему военного плена с системой исправительно-трудовых лагерей, считая ее карательной. В концептуальном плане он повторил тезис об исключительно репрессивном характере политики в отношении японских военнопленных, хотя в одной из статей, опубликованных на русском языке, отметил, что с 1947 г. условия их содержания стали улучшаться [6, с. 456].

В 2015 г. в университете Хосэй в Токио А. Кобаяси была защищена диссертация на соискание степени доктора политологических наук [18], которая стала первым диссертационным исследованием по теме. В ней наглядно показано, что проблема «интернированных» в Японии актуальна не только в исторической науке, но и в политологии. Работа анализ российской, японской и американской историографии, обзор российских архивов, в которых хранятся документы по теме. Опираясь на опубликованные и неопубликованные материалы, а также на документы архивного комплекса в г. Колледж-парк (штат Мэрилэнд, США), диссертантка проследила, как решался вопрос о военнопленных в Японии, СССР, какова была позиция США. На данный момент А. Кобаяси — единственный исследователь, привлечший документы из американских архивов.

Работой, выполненной в рамках другого подхода, является исследование Ё. Игараси «От поражения до послевоенного устройства: солдаты, что вернулись поздно» [17], в которой возвращение японцев из СССР рассматривается как часть репатриационного процесса, затронувшего японских военнослужащих, находившихся за пределами Японии. Исследователю не удалось уделить много внимания анализу «сибирского интернирования», однако следует отметить, что он одним из первых интегрировал проблему «сибирского интернирования» в общую проблематику возвращения демобилизованных японцев. Аналогичный подход применен и в статье С. Ёкотэ «Советская репатриационная политика, оккупационные власти и вступление Японии в «холодную войну» [13]. Автор пришел к выводу, что Япония оказалась втянута в «холодную войну» из-за того, что ее правительство вынуждено было обратиться к оккупационным властям за помощью в решении вопроса о репатриации из СССР соотечественников. Затягивание же ответа со стороны Советского Со-

юза облегчило налаживание сотрудничества Японии и США в сфере безопасности, отодвинув на второй план разногласия [13, р. 50].

Необходимо отметить, что, несмотря на актуальность проблемы «сибирского интернирования», выделенные выше направления историографии пока весьма условны. Количество научных исследований значительно меньше количества воспоминаний, изданных в разных форматах. Этот факт Томита объясняет тем, что проблема до конца 1990-х гг. сохраняла политизированность, что усугубило разделение по убеждениям, существовавшее среди бывших японских военнопленных, вернувшихся из лагерей НКВД (МВД) [5, с. 593]. Малоисследованными являются документы, хранящиеся в японских архивах. Они также составлены на основе свидетельств репатриантов, зафиксированных чиновниками. Нельзя также упускать из виду и то, что информация в некоторых видах документов, составленных сотрудниками правительственных организаций или представителями штаба главнокомандующего войсками союзников Макартура, не может считаться беспристрастной из-за времени их возникновения — начала «холодной войны». Часть этих документов использовалась представителями США в целях критики политики СССР в отношении Японии. Немало архивных документов засекречены до сих пор.

Концентрируясь на реконструкции пребывания японцев в лагерях, японские исследователи в своих работах не рассматривают механизмы функционирования советской системы военного плена, сложившейся к концу 1945 г. Ряд других вопросов, среди которых, например, оценка вклада в экономику СССР принудительного труда японцев, организация следственной и политической работы в лагерях для военнопленных, остаются практически неисследованными.

Помимо российских и японских историков «сибирское интернирование» изучалось и в США. Так, в 1988 г. вышла небольшая по объему монография У. Ниммо «За железным занавесом безмолвия: японцы, подвергшиеся тюремному заключению в СССР, 1945—1956» [12]. В условиях почти полного отсутствия научных работ по теме она внесла определенный вклад в зарубежную историографию. В ракурсе процессов, затрагивавших послевоенное японское общество, проблему рассмотрел английский историк Ш. Муминов [10, 11]. По его мнению, японские военнопленные оказались жертвами не только советской политики, но и советско-американских разногласий, и оставались таковыми многие десятилетия [11, р. 441].

В монографии Э. Баршэя «Боги первыми оставили нас: плен и репатриация японских военнопленных в Северо-Восточной Азии, 1945—1956» [7] представлен анализ некоторых воспоминаний, посвященных «сибирскому интернированию». Автор изучил несколько

наиболее известных в Японии мемуаров и выявил мотивы, которые побудили мемуаристов написать свои воспоминания. «Интернирование», как считает исследователь, оставило глубокий след в жизни мемуаристов, поскольку они переосмыслили свои прежние взгляды, касавшиеся войны и того политического курса, который проводил японское правительство до и во время Второй мировой войны. Эта работа, несмотря на наличие некоторых спорных утверждений (в частности, исследователь полагает, что какой-либо устоявшейся историографии по исследуемой теме пока не существует [7, р. 42]), является одним из первых источниковедческим исследованием воспоминаний бывших военнопленных.

Другим исследованием источниковедческого характера является книга Э.-Б. Гучиновой «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных» [1], в которой автор на основе ряда воспоминаний, рисунков и картин осмысливает травматический опыт. Интересен вывод о том, что японцы, рисуя по памяти лагерный быт, проходили таким образом терапию, позволявшую преодолеть тяжелые воспоминания о плене [1, с. 206].

Ограниченный объем статьи не позволяет уделить внимание всем работам, вышедшим по теме за рубежом. Тем не менее анализ показывает, что сложился общий подход к изучению темы как к проблеме гуманитарного и политического характера, которая по сей день влияет на современные российско-японские отношения. В общих чертах обозначена проблематика пребывания японцев на территории СССР. Однако вне поля зрения остались сюжеты, связанные с размещением и использованием труда бывших японских военнослужащих, с организацией медицинского обслуживания, репатриации. Тогда как их изучение необходимо для выявления характера политики, проводившейся советским руководством в отношении японских военнопленных. Представляется, что дальнейшие исследования по этой проблеме должны учитывать проблематику системы военного плена в СССР.

Список литературы

1. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь: язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. — Саппоро: университет Хоккайдо, 2016. — 220 с.
2. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. // Конвенции и соглашения [сайт ООН]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 25.09.19).
3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // Конвенции и соглашения [сайт ООН]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 25.09.19).

4. Кудашкин А.В. Интернирование // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/law/text/2014763> (дата обращения: 25.09.19).
5. Томита Т. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945—1956 г. (перевод Кузнецова С.И.) // Сибирская ссылка. — Вып. 6. — Иркутск, 2011. — С. 592—609.
6. Томита Т. Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка. // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. — Вып. 8. — Иркутск: Оттиск, 2017. — С. 453—463.
7. Barshay A. The Gods left first: the captivity and repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945—1956. — Berkley: University of California Press, 2013. — 272 p.
8. Internment // Lexico. Powered by Oxford. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/internment> (дата обращения: 25.09.19)
9. Japanese internees and forced labor in the USSR after the Second World war. — Tokyo: Public Foundation for Peace and Consolation, 2008. — 800 p.
10. Muminov S. From imperial revenants to Cold War victims: “red repatriates” from Soviet Union and the making of the new Japan, 1949—1952 // Cold War history. — 2017. — Vol. 17, № 4. — P. 425—442.
11. Muminov S. Categorizing victimhood: Manchukuo and the Gendered National History of the Japanese Empire’s violent collapse in Northeast Asia. // Situations: cultural studies in the Asian Context. — 2017. — 10.1. — P. 23—40.
12. Nimmo W.F. Behind a curtain of silence: Japanese in Soviet Custody, 1945—1956. — N.Y.: Greenwood Press, 1988. — 149 p.
13. Yokote Shindji. Soviet repatriation policy, U.S. occupation authorities, and Japan’s Entry into the Cold War // Journal of Cold War Studies. — Vol. 15, issue 2. — 2013. — P. 30—50.
14. Вакацуки Я. Сибэриа хорё сюёдзё. — Токио: Саимару Сиппанкай, 1979. — 228 с. (на яп. яз.)
15. Курихара Т. Сибэриа ёкурою: микан но хигэки. — Токио: Иванами Сётэн, 2009. — 214 с. (на яп. яз.)
16. Гундзи А. Сибэриа кёсэй ёкурою но дзитаи. — Токио: Сайрюся, 2005. — 687 с. (на яп. яз.)
17. Игараси Ё. Хайсэн то сэngo но аида дэ: Окурэтэ каэриси монотати. — Токио: Тикума Сёбо, 2012. — 332 с. (на яп. яз.)
18. Кобаяси А. Сэнго но сорен-ни окуру нихондзин гундзи хорё 1945—1953. — канкэй но нака-ни но «Сибэриа ёкурою» мондай: дисс. ... докт. полит. наук. — Токио, 2015. — 152 с. (на яп. яз.)
19. Томита Т. Сибэриа скурою: сугарин докусай-ка, «сюёдзё гунто»-но джитсудзо. — Токио: Чуокорон синся, 2016. — 262 с. (на яп. яз.)

К вопросу о периодизации продовольственных затруднений в СССР в начале 1950-х — первой половине 1960-х гг.

Аннотация: В статье предпринята попытка проследить динамику состояния продовольственной сферы СССР в период «хрущёвской оттепели». Избранный хронологический период разделен на несколько периодов, каждый из которых обладает специфическими характеристиками. Выделены основные меры правительства в каждый из периодов и их последствия. Кроме того, затронуты причины действий советского руководства (в первую очередь Н.С. Хрущёва).

Ключевые слова: СССР, сельское хозяйство, продовольствие, Хрущёв, цена, протесты

On the issue of periodization of food shortages in USSR during early 1950s — first half of 1960s

Abstract. The article concerns itself with the periodization of problems with food supply in the Soviet Union during the years of N. Khrushchev's rule. It breaks the years between 1951 and 1965 into distinct periods that have their own characteristics of Soviet regime's political course and their consequences. Also, the reasons for actions of Soviet leaders (mainly Khrushchev) are touched upon.

Keywords: USSR, agriculture, food supply, Khrushchev, virgin soil, social unrest

Обеспечение населения продовольственными товарами — традиционно вопрос первостепенной важности для любого политического режима. В первую очередь, конечно, потому, что от наличия продуктов питания зависит само выживание населения. Для советского периода отечественной истории этот аспект имеет особое звучание вследствие огосударствления сферы производства продовольствия и его сбыта. Как следствие, забота «о продовольствии народном» (и ответственность за его состояние) легла непосредственно на власть. Учитывая же, что советский режим являлся идеологическим, степень успешности обеспечения наличия продуктов питания на при-

---

* **Владимир Николаевич Круглов** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: vladimirkruglov2007@yandex.ru

Vladimir N. Kruglov — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center of Social History of Russia, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

лавках магазинов во многом определяла степень успешности воздействия идеологических постулатов на сознание граждан. Т.е. можно говорить о политическом значении данной проблемы.

Рассматриваемый хронологический отрезок стоит в истории СССР особняком: руководство страны, столкнувшись с тяжёлым кризисом продовольственного снабжения, не просто не проигнорировало его (как являлось обыкновенным ранее), но сделало его преодоление одной из главных целей своего курса и предприняло масштабные, в чем-то судьбоносные усилия для ее достижения. Пожалуй, именно в эти годы произошел перелом в позиции государства по отношению к своим обязанностям перед населением страны, первые лица, наконец, признали, что могут требовать успехов и свершений, только давая что-то взамен.

Представляется обоснованным выделить три основных периода, на которые делится курс власти в рассматриваемой сфере в эти годы.

Первый период в целом совпадает с пятой пятилеткой (1951—1955 гг.). В его рамках выделяются два этапа — сталинский (1951—1953 гг.) и послесталинский (1953—1955 гг.). На первом застарелая проблема продовольственного обеспечения начала обостряться, оказывая влияние на настроения населения и, в конечном итоге, оказавшись в поле зрения высшего руководства страны. Причины оказались в равной степени связаны с уровнем производства продуктов питания, климатическими условиями и проводившимся в отношении аграрной сферы курсом [подробнее см.: 6]. Однако Сталин ситуацию фактически игнорировал. Лишь после его смерти «коллективное руководство» смогло достаточно реалистично оценить ситуацию — чему, без сомнения, «помогли» как нараставшее напряжение внутри СССР [подробнее см.: 7], так и волнения в странах соцлагеря (ГДР, Чехословакия, Болгария). Не стоит сбрасывать со счетов и необходимость набора очков в борьбе за лидерство.

В рамках второго этапа оформились два подхода к если не решению проблемы, то улучшению ситуации на потребительском рынке. Первый олицетворял глава правительства Г.М. Маленков, делавший упор на облегчение положения сельскохозяйственных производителей (в первую очередь колхозников), а также техническое переоснащение обрабатывающих отраслей промышленности. Его подход можно назвать интенсивным, он концентрировался на использовании наличных ресурсов. Глава партийного аппарата Н.С. Хрущёв предложил второй, экстенсивный подход: расширение посевных площадей («целинная эпопея»). Предполагалось быстро получить большое количество зерна и тем самым снять остроту проблемы (прежде всего в городах). Оба подхода при всей разнонаправленности сходились в том, что необходима поддержка села (хотя первый больший упор де-

лал на непосредственно колхозниках, а второй — на организованных формах: колхозах и особенно совхозах). В целом главная характеристика первого периода — осознание того, что проблема продовольственного обеспечения начала угрожать стабильности строя, и лихорадочный поиск быстрого и эффективного решения.

Второй период приходится на 1956—1961 гг. Здесь также можно выделить два этапа. Первый — 1956—1958 гг., когда целина дала наибольшую отдачу. Перед этим полностью использовать возможности, предоставленные распашкой колоссальных земельных массивов в Средней Азии, мешали организационные и транспортные трудности, а также неблагоприятные климатические условия (в первую очередь засухи, особенно сильная — в 1955 г.). Однако погодные условия 1956 г. оказались столь удачны, что привели к сбору самого крупного на тот момент урожая зерновых в истории страны. Та же ситуация повторилась в 1958 г. В целом этот этап — самый успешный в аграрной сфере: за период с 1953 по 1958 гг. валовая продукция увеличилась на 50%, в том числе зерновых — на 54%, животноводства — на 24% [9, с. 172].

Это породило преждевременную уверенность, что продовольственная проблема решена. Главной чертой второго этапа (1958—1961 гг.) явилась его яркая идеологическая окрашенность («строительство коммунистического общества»), которая привела к серии решений, мотивированных соображениями не производственными, а пропагандистскими. Главным, пожалуй, оказалось упразднение государственных машинно-тракторных станций, ранее обслуживавших колхозы. Теперь колхозы обязаны были выкупить технику МТС и содержать ее на своем балансе — что, по сути, означало перекачку колхозных финансовых средств в госбюджет. Убыточными в результате оказались даже ранее преуспевавшие хозяйства [11, с. 169]. Началось наступление на приусадебные хозяйства колхозников, до того времени дававшие большую часть производства почти всех видов продовольственных товаров (кроме зерновых). Поначалу оно носило характер усиления налогового давления, затем осложнил положение колхозников курс на укрупнение колхозов и их огосударствление путём превращения в совхозы. Кроме того, в конце 1959 г. на селян распространилась начавшаяся годом ранее в городах кампания по изъятию («выкупу») скота. Наконец, происходил лихорадочный поиск чудодейственных средств быстрого и стабильного роста урожайности и, как следствие, решения проблемы снабжения. Развернулись шумные кампании по насаждению кукурузы, сахарной свеклы и бобовых культур, призванные изменить структуру сельскохозяйственной деятельности (ранее базировавшуюся на культивации зерновых) и стимулировать рост поголовья скота через получение массива дешевых, быстрорастущих кормов.

Формально второй период окончился на бравурной ноте: статистика фиксировала увеличение производства зерновых, молока и мяса и прочих продовольственных товаров. Однако эти успехи оказались достигнуты насилием над природой и жителями страны ради лозунгов, выдвигавшихся с целью воздействовать, прежде всего, на «международную общественность» (например, самый известный, но далеко не единственный в своем роде «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», призванный «заставить замолчать буржуазных пропагандистов»).

Третий период — 1961—1965 гг. — достаточно гомогенен. Интересно, с какой быстротой оказались утрачены непрочные, во многом иллюзорные достижения предыдущего периода. Собственно, рост сельскохозяйственного производства достиг пика в 1959 г., после чего началось снижение; падала и урожайность. Контрольные цифры на «семилетку» 1959—1965 гг. предусматривали рост валовой продукции агропрома на 70%, фактически же он составил лишь 10% даже по официальным данным [14, с. 242, 244] — а поскольку в начале 1960-х гг. на партийных форумах не раз бичевались «незаконные манипуляции с отчетностью», можно предположить, что на деле производство падало. Большой резонанс получили пыльные бури на целинных землях, нанешие огромный урон плодородному слою земли. Наконец, в 1963 г. СССР постигла масштабная засуха, ставшая «последним гвоздем в крышу гроба» хрущёвской аграрной политики.

Параллельно нарастали кризисные явления в снабжении населения продуктами питания. В 1962 г. руководство страны вынуждено было пойти на повышение цен на мясомолочные и ряд других продовольственных товаров, что вызвало волну недовольства по всей стране [подробнее см.: 5]. В 1963 г. в крупных городах пришлось ввести нормированное распределение продовольствия, а для компенсации недобора и потерь урожая — закупить огромную партию зерна за рубежом. Новых инициатив в этой сфере советской лидер выдвинуть не успел, будучи осенью 1964 г. отстранен от власти.

Итак, менее 15 лет — с 1951 по 1965 г., именуемые «хрущёвским десятилетием», «оттепелью», «послесталинским периодом», — оказались настоящей эпохой для сельского хозяйства Советского Союза, для напрямую связанного с ним продовольственного снабжения, для всей социальной сферы. В ее рамках ясно выделяются ранний период, связанный с упадком прежней модели и попытками найти пути изменения ситуации к лучшему, середина, характеризующаяся лихорадочной активностью и вызванным ей кратким взлетом, и финал, когда сказались все ошибки принятых ранее решений.

Привлекает внимание, прежде всего, спрессованность событий, которую можно охарактеризовать понятием «ускорение (сжатие,

уплотнение) исторического времени». Процессы, в иных условиях занимавшие десятилетия между их началом и проявлением результатов, занимали годы, которые можно буквально пересчитать по пальцам. Так, облегчение давления на сельское население в 1953 г. почти сразу дало рост показателей и привело к тому, что иногда оптимистично называют «золотым пятилетием» аграрной сферы (по крайней мере, с количественной точки зрения). Но и роковые решения давали эффект практически сразу — так, последствия дискриминационных мер 1958—1959 гг. уже в начале 1960-х гг. проявились во всей своей тяжести. В целом на каждую инициативу — положительную или отрицательную — приходится 3—4 года: от яркого, наполненного оптимизмом начала до печального завершения.

Объяснить это явление можно с нескольких позиций. Начать стоит с характера системы, «запускавшей» те или иные инициативы. К началу 1950-х гг. путем многочисленных административных реструктуризаций, роста управленческого аппарата и огосударствления сфер жизни удалось добиться почти тотального контроля над общественными процессами. Теперь каждая мало-мальски важная инициатива озвучивалась властными структурами (а инициировалась структурами партийными). В результате у каждой кампании имелись четкое начало и завершение — менее, правда, четкое, но очередная кампания, как правило, означала прекращение предшествующей. Кампании же в конкретно-исторических условиях рассматриваемого периода запускались первым лицом властной иерархии — Хрущёвым. Он отличался нетерпеливым характером и быстро реагировал на издыхание той или иной инициативы, оперативно выдвигая ей на замену новую идею.

Однако нельзя сбрасывать со счетов и общественные настроения — причем под «обществом» в данном случае стоит понимать не столько интеллигенцию (как это очень часто делается), а широкие круги заинтересованного населения (назовем их «сельским обществом» и «городским обществом»). Они ждали перемен к лучшему и готовы были поддержать любую инициативу, направленную на отказ от явного угнетения (коим характеризовался сталинский период). В то же время, предыдущие десятилетия приучили смотреть на очередные кампании правящего режима со скепсисом, ожидая подвоха. Это само по себе сказывалось на эффективности властных инициатив — и не в лучшую сторону.

Хрущев конкретно и режим в целом, конечно, не могли отказаться от проверенных временем и, казалось бы, показавших свою эффективность подходов и практик. Возвращение к ним было лишь вопросом времени (и состоялось на рубеже 1950—1960-х гг.). На это жители ответили сопротивлением. Сельские — пассивным. Благодаря произошедшему в эти же годы облегчению паспортного режима

началась массовая миграция в города, и в 1961 г. впервые зафиксирован перевес горожан над селянами в населении страны. Причем из деревни уходила, прежде всего, молодежь — что пагубно влияло на аграрное производство и всю жизнь сельского социума в долгосрочной перспективе. Оставшиеся фактически отказывались от работы в колхозах (из-за чего укоренились ежегодные осенние отправки «на картошку»), кроме того началось массовое распространение пьянства и иных видов отклоняющегося поведения, ранее для деревни нехарактерного.

У горожан, в массе своей прекрасно осознававших причины «временных трудностей и перебоев» в продовольственном снабжении, нарастало недовольства, все чаще срывавшегося в открытые выступления (Новочеркасск — лишь самое яркое и трагическое звено цепи). Интересно в этой связи проследить за «волнами» возмущений. Такой своеобразный срез общественного мнения, как материалы уголовных дел за «антисоветскую агитацию» [1], показывает удивительную синхронность настроений с выделенными выше периодами властной активности. Первые послесталинские годы (в особенности 1953 и, менее, 1954) характерны высокой степенью недовольства условиями жизни — и, в одну из первых очередей, трудностями с продуктами питания (показательная цитата: «Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди. Есть нечего. Магазины пусты»). Затем, однако, место «быта» занимают политические выступления — в частности, очень эмоциональной оказалась реакция на события в Польше и Венгрии). Но как раз с 1961 г. набирает силу очередная волна — в которой проблема продовольствия (точнее, его частого отсутствия на прилавках) не просто поднимается вновь, десять лет спустя после прежней, но и все чаще соединяется с «антисоветчиной».

То же самое явление хорошо просматривается по источникам личного происхождения: если в дневниковых записях второй половины 1950-х гг. жалобы на трудности в покупке продуктов встречаются достаточно редко, то с начала 1960-х гг. они порой лейтмотив, причем как у простых жителей страны, так и у «элитариев» [подробнее см.: 12, 13]. Если бы не расколотасть советского общества и отсутствие альтернативных центров силы, можно было бы с полным основанием говорить о складывании в стране революционной ситуации. И здесь власть оказала самой себе медвежью услугу — характерные для рассматриваемого периода кампании по освоению целины, строительству и т.д., сопровождавшиеся агитационно-идеологической шумихой, создавали у жителей СССР завышенные ожидания, которые не смогла бы оправдать никакая система. Уж точно не советская с ее хроническими экономическими проблемами и кризисами.

Как следствие, падение Хрущёва и свертывание его преобразований связаны не только с многочисленными промахами и неудачами, но и с этой, все более беспокойной для «правящего класса» ситуацией. Уместно напомнить, что падение самодержавия трактовалось в коммунистической идеологии как «восстание обнищавших масс». По иронии судьбы, именно эта боязнь социального беспорядка из-за общего падения уровня жизни, заставлявшая действовать сталинских преемников (и Хрущёва в особенности), спустя десятилетие заставила действовать обновленную партийную верхушку, которая (что, без сомнения, веяние времени и следствие «оттепельного» десятилетия) решила не дожидаться естественного ухода обанкротившегося лидера, а сама инициировала его замену — а также демонстративные, широко разрекламированные меры по исправлению положения — в видах избежания потрясений и отведения угрозы потери власти.

При этом может показаться удивительным, как, подвергнув сталинский курс порицанию, Хрущёв осознанно или неосознанно повторил его. В том, что он руководствовался лучшими побуждениями, в частности заботой о благосостоянии населения, исследователи не сомневаются [3, 4, 14]. Однако он при этом был ярко выраженным коммунистом, для которого победа идеи стояла неизмеримо выше насущных потребностей отдельно взятого человека (хотя сама идея и понималась в утрированно приземленных образах — «какой же коммунизм без горячих лепешек!»). Что касается ужесточения политики в отношении села, то при всей своей кажущейся алогичности и губительности она имела твердое укоренение в коммунистической догматике, рассматривавшей среду сельских производителей как потенциально мелкобуржуазную, а значит представляющую прямую угрозу «завоеваниям социализма». В условиях «строительства коммунистического общества» необходимо было предпринять все усилия, чтобы отвести эту угрозу, подорвав «частнособственнические инстинкты» крестьян, в идеале — превратив их в еще один «отряд пролетариата»: сельхозрабочих.

Кроме того, не следует забывать, что политически Хрущёв был учеником Сталина и рано или поздно должен был обратиться к его методам. «Раз меньше коров, значит, меньше мяса, меньше масла, меньше кожи», — говорил он в 1953 г. [8, с. 95] Но именно массовым забоем коров, свиней и птицы обернулась кампания по изъятию личного скота у граждан в конце 1950-х гг. Поддержав ощутимое снижение налогов на хозяйства колхозников в том же 1953 г., он уже в 1956 г. инициировал постепенное, но неуклонное их повышение. Заботясь о быте и удобстве жителей села, форсировал укрупнение колхозов, из-за чего центральные усадьбы укрупненных хозяйств значительно отделились от окраин, в них стало труднее добираться. Характерно и то, что многочисленные кампании в сельской сфере

инициировались им безо всякой подготовки — в результате «целинное» зерно негде было хранить, как и негде было содержать скупленный у населения скот, распашка земель в зоне рискованного земледелия, сильно подверженного «капризам природы», имела тяжелые последствия для экологии и хозяйства, и т.д.

Все это — яркие черты именно сталинского стиля, и неудивительно, что они начали проявляться у Хрущёва по достижении им безраздельной власти — с 1957 г. (что тоже яркий водораздел, после которого действия режима сделались все более и более резкими, радикальными и непредсказуемыми — причем как внутри страны, так и вне ее). Может закрасться подозрение, что Хрущёву было выгодно как раз не решение проблемы, а поддержание ее существования (естественно, в облегченном, вялотекущем виде, не приводящем к обострениям). Ведь это позволяло регулярно «укреплять руководство» тех или иных регионов, где положение с продовольствием обострялось до степени открытого недовольства (коллективных писем в ЦК КПСС, забастовок и т.п.) [такие письма и оргвыводы по итогам их проверки см., например: 10], меняя неугодных партийных секретарей на собственных ставленников (а затем, при необходимости, разделяваясь и с ними), имея таким образом гарантированный предлог и убийственный компромат, обеспечивающий лояльность со стороны подчиненных. В том же духе и население отвлекалось от ненужной активности необходимостью постоянно заботиться о пропитании, стоять в очередях. Такое предположение вполне укладывается в логику системы, воспитанником которой был Хрущёв и которую он в конце концов возглавил. И если сработало для Сталина, то почему не работает для него?

Подводя итог, следует отметить закольцованность обозначенной в заголовке проблемы, характерную как для советского периода вообще, так и для периода правления каждого советского лидера. Все они начинали в обстановке продовольственных трудностей и недовольства, все предпринимали те или иные действия — и все «приходили туда, откуда уходили». Несмотря на все усилия, не стал исключением и Хрущёв: выступая на июльском пленуме ЦК КПСС (1953), он был нелюбезен: «Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем. А какой же коммунизм без горячих лепешек, если говорить грубо... Ведь к нам придут и скажут: слушайте, дорогие товарищи, вы нас учите, как строить социализм, а вы у себя картошки выращивать не умеете, чтобы обеспечивать свой народ, капусты у вас в столице нет» [8, с. 95—99].

В свете этого злой насмешкой звучат фразы из документа, известного как «доклад Полянского» — своего рода подведения итогов, подготовленного в ЦК к октябрьскому пленуму 1964 г.: «Серьезные трудности с хлебом, а также с фуражом вынудили нас пустить

большое количество скота под нож. В результате сейчас сложилось тяжелое положение с мясом, маслом, яйцом и другими продуктами... Уже сегодня торговля мясными продуктами почти повсеместно идет с большими перебоями, а в ряде промышленных центров этих продуктов в этом году вообще почти не было... Мы все еще очень далеки от того, чтобы удовлетворить потребности народа в продовольствии, и даже в таких продуктах первой необходимости, как хлеб, мясо и молоко, картофель и овощи» [2]. Несмотря на более чем десятилетнюю дистанцию, разница в положении — мизерная. И, среди прочего, указывающая на то, что правящие круги испытывали дефицит идей, на каких путях добиваться исправления положения, не отказываясь при этом от «социалистического выбора».

Список литературы

1. 58/10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991. Аннотированный каталог. — М.: Международный фонд «Демократия», 1999. — 944 с.
2. Доклад Президиума ЦК КПСС на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС (Вариант). URL: <https://on-island.net/History/1964.htm>
3. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945—1964 гг. — М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993. — 200 с.
4. Иванова Г.М. На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). — М.: ИРИ РАН, 2011. — 284 с.
5. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе: 1953 — начало 1980-х гг. — М.: РОССПЭН, 2009. — 462 с.
6. Круглов В.Н. «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник 2013. — М.: РОССПЭН, 2014. — С. 403—446.
7. Круглов В.Н. Кризис продовольственного снабжения в СССР и настроения населения. 1951—1955 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. Материалы VII Международной научной конференции. Тверь, 4—6 дек. 2014 г. — М.: РОССПЭН, 2015. — С. 117—125.
8. Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма Июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. — М.: Материк, 1999. — 512 с.
9. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. — 692 с.
10. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 110. Л. 66—70 (Новосибирск, 1958), 72—91 (Томск, 1959), 97—105 (Удмуртия, 1958)
11. Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории, 1941—1999. — М.: Высшая школа, 1999. — 415 с.
12. Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Вступ. статья Ю.Г. Буртина, публ. В.А. и О.А. Твардовских // Знамя. — 2000. — № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/rabochie-tetradi-60-h-godov-3.html>
13. Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. — М.: Квинтэссенция, 1994. — 612 с.
14. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. — М.: Наука, 2006. — 293 с.

Восприятие статей о семье, разводах и «матерях-одиночках» в письмах советских читателей (1950—1960-е гг.)

Аннотация: В публицистике 1950—1960 гг. активно обсуждалась проблемы, связанные с брачно-семейной сферой: отсутствие имени отца в метриках детей, рожденных вне зарегистрированного брака, материальное обеспечение «матерей-одиночек» и право на установления отцовства в суде. Гуманистические, но не лишённые противоречия идеи публицистов, по-разному переосмыслились и трактовались читателями в их письмах и кликах. Возникает вопрос о том, что в статьях вызывало наибольший энтузиазм у граждан, а что резко критиковалось. Это позволит установить палитру мнений относительно брачной политики в советском обществе в преддверии принятия семейного кодекса 1969 г.

Ключевые слова: письма во власть, советский гендерный порядок, Указ 1944 г., Брачно-семейный кодекс 1969 г.

The perception of articles about the family, divorces and “single mothers” in Soviet citizens’ letters (1950—1960s).

Abstract. The problems related to the family sphere were actively discussed in the Soviet periodic press of 1950—1960s. The humanistic but contradictory ideas of publicists were interpreted differently in letters from readers. The article examines whether some articles caused greatest enthusiasm or sharply criticized by citizens and why. This will explain a palette of opinions on marriage policy in Soviet society in anticipation of the new Family Code.

Keywords: letters to authorities, soviet family, The Family Code of 1969.

3 января 1963 г. в «Литературной газете» вышел текст под заголовком «И молчание не золото, и отписка не серебро» [7, с. 2]. В нем перечисляются все статьи, вышедшие за период с 1954 по 1963 гг., посвященные отмене Указа от 8 июля 1944 г. [18, с. 3] и призывавшие скорректировать нормы в брачном законодательстве, и, в частности, отменить прочерк на месте отца в метриках детей, рожденных в незарегистрированном браке: «Почти уже 9 (девять!) лет назад писательница Елена Серебровская написала статью о “прочерках в метриках”,

* **Екатерина Андреевна Воронова** — аспирантка Центра социальной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: kathy-voronova@yandex.ru

Ekaterina A. Voronova — Post-graduate student of the Social History Departure, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

о несовместимости понятия “незаконнорожденный” с нашей совестью, с нашей моралью. Потом редакция получила тысячи написанных, что называется, кровью сердца писем. Ну и что же? А ничего! Ровно ничего. Не слышат! Многие мы успели за эти 9 лет: построили атомоход, запустили спутник, сфотографировали обратную сторону Луны, познакомились с четырьмя космонавтами... А вот договориться, что прочерки в метриках не нужны, как-то не сумели» [7, с. 2].

В публицистике 1950—1960 гг. активно обсуждалась проблема «детей-безотцовщины» и «матерей-одиночек». Корнем этой, как считали авторы статей, общественной проблемы, был Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям...» Именно он, несмотря свой на явный патерналистский характер по отношению к женщинам и детям, освобождал мужчин от экономической и этической ответственности за ребенка, рожденного вне зарегистрированного брака. Такие солидные издания, как орган ЦК КПСС «Правда», орган Верховного совета «Известия», орган Союза писателей «Литературная газета», публиковали статьи на тему брачно-семейных проблем в обществе и недостатков Указа. Этому способствовал и тот факт, что проект нового Кодекса о браке и семье обсуждался в комиссиях при Верховном Совете и при Совете Министров еще в конце 1940-х гг. (его первый проект был представлен уже в 1949 г.) [6, с. 19—51]. Тон повествования и анализа, тематика и критический пафос разнились от статьи к статье, однако, отношение к Указу и его последствиям оставалось критическим. Способы решения проблемы несовершенства брачного законодательства сводились к двум: 1) равенство детских метрик, с указанием имени и матери, и отца ребенка 2) возможностью установления отцовства в суде.

Однако противоречия и недостатки брачно-семейного законодательства и проблемы «неполных семей» заботили не только публицистов. Активно включались в это обсуждение и простые граждане. Отчасти потому, что они были читателями упомянутых тематических статей, а отчасти из-за личного опыта. В центре моего внимания — наиболее резонансные публицистические статьи, которые получили множество откликов. Некоторые письма публиковались в журналах, некоторые остались в архиве отдела писем, а некоторые перенаправлялись «во власть» — в Комиссию законодательных предположений при Верховном совете СССР.

Безусловно, письма граждан, которые получал отдел писем редакции, сортировались. Те, которые годились для печати, публиковались, те же, что не отвечали публицистическим требованиям, отсылались в Комиссию при ВС. По сути, создавался некоторый круговорот идей, тенденций, и даже некоторых устойчивых фраз и словесных клише, который проникал в повседневную жизнь граждан. Сами читатели довольно ак-

тивно высказывали мнение в отношении то или иной проблемы, затронутой в статье, отчасти повторяя довольно популярные тезисы, но и привнося что-то свое. На эти письма могли отвечать сотрудники отдела писем, а могли — известные юристы или публицисты, причем дискуссия переносилась уже в публичное пространство газеты или журнала.

В рамках данного исследования я предлагаю проследить, как нормы в отношении брака и семьи, пропагандируемые в периодической печати 1950—1960 гг., воспринимались и преломлялись в письмах граждан. Имела ли место трансляция идей, мнений, требований? На что больше обращали внимание? Какие аргументы, а также высказывания авторов вызывали наибольшее неприятие публики? Какие идеи и требования, бытовавшие среди простых граждан, публицистика отметала или отказывалась публиковать, и чем она это объясняла?

Особый интерес представляют именно критические отзывы, поскольку они подразумевают несогласие с пропагандой и уверенность в том, что власть и интеллектуалы не понимают нужд и потребностей «простых граждан». Они показывают также, что граждане чувствуют себя в компетенции участвовать в законотворческих и этических дискуссиях, хотя цензура работала как со стороны сотрудников, читавших корреспонденцию, так и со стороны авторов писем (самоцензура).

Начать стоит с того, что отклики на публицистику посылали не только в сами печатные издания, но и напрямую «во власть» — с целью выразить несогласие со статьей или поддержать ее, но уже в диалоге со властью. Яркий пример — письмо бдительного слесаря-лекальщика, «члена КПСС с 1942», который считал, что открыто обсуждать недостатки семейного законодательства в печати недопустимо: «Итак, внесение фамилии фактического отца в метрическое свидетельство ребенка оснований не имеет. Это будет разрушать основы сов. семьи и способствовать распушенности. Прошу разъяснить: не является ли тенденциозным освещение данного вопроса на страницах «Лит. Газеты»? возможно ли осуждение сов. законов на страницах открытой печати?» [1, с. 300].

Наибольший резонанс вызвали статьи за авторством Е. Серебровской и коллективное обращение С.Я. Маршак, Г.С. Сперанского, Д.Д. Шостаковича и И.Г. Эренбурга «Это отвергнуто жизнью».

Статья Серебровской «Жизнь вносит поправку» вышла 9 января 1954 г. и стала одной из первых громких публикаций, посвященных недостаткам брачного законодательства и неравноправию детских метрик. В ней рассказана история мальчика Шурика, который понял, что является представителем маргинальной группы «безотцовщина», когда пришел в первый класс школы и у него спросили об отце [16, с. 2]. Однако такая риторика не вызвала сочувствия у прокурора и юриста 2-го класса из Челябинска, который отверг и с идеи автора, и публицистические средства выразительности, кото-

рые она использовала: «Тов. Серебровская действует на психику, на сердце читателя, но не на разум... поэтому у Е. Серебровской мальчика “без отца” зовут не просто Шура, Шурик. В общем чистейший душещипательный сентиментализм. А если бы у Шурика в метрике был записан отец, который бросил их с матерью... Разве в этом случае Шурик был бы доволен своим положением и радостно ответил бы соседу по парте об отце? Нет! Если это не отец, а подлец и он своей фамилией будет позорить невинного ребенка» [14, с. 2—7].

Эту позицию поддержала пенсионерка из Москвы, дискутируя с общим посылом статьи о толерантном отношении к «матерям-одиночкам» и их детям: «На месте матери бы лишила его (ребенка — *Е.В.*) фамилии отца и дала бы свою фамилию, а ребенку дала понять, что папы у него нет. В большинстве своем матери-одиночки это женщины или девушки, которые вмешиваются в семейную жизнь супругов, внося разлад в их жизни. Именно им в первую очередь квартира, их ребенок первый кандидат в дет-ясли, им государство помогает материально. Не помогать надо им, а презирать» [14, с. 19—31].

Спустя два года «Литературная газета» опубликовала другую статью Серебровской «Еще раз о метриках» [17, с. 2], на которую также поступила масса читательских отзывов (несколько сотен за 1956 г.). К сожалению, не все письма читателей сохранились в архиве, однако по сводкам можно судить о том, какие настроения читателей вычленили заведующие отделом писем Е. Сташевская и Е. Любимова. Они сообщали, что многие поддерживают идеи равноправия детских метрик, а также установления отцовства в судебном порядке, однако, «после опубликования обзора писем увеличилось количество откликов, авторы которых не согласны с мнением редакции об изменении существующего закона о браке и семье. Хотя по-прежнему большинство читателей горячо поддерживают предложения, содержащиеся в статье Е. Серебровской... около одной трети авторов писем считают, что не следует изменять существующий закон: “Обратитесь к статистике, и Вы увидите, что не настал еще час отменять закон от 8 июля 1944 года, — пишет т. Светлов, — сколько этот закон сохранил отцов для детей, мужей для жен и сколько предотвратил незаконных браков» [13, с. 48].

В 9 октября того же 1956 г. «Литературная газета» опубликовала обращение С.Я. Маршака, Г.С. Сперанского, Д.Д. Шостаковича и И.Г. Эренбурга, которое впечатлило современников тем, что в пользу отмены указа выступило сразу несколько известных людей. В нем затрагивались те же темы, что и в статьях Серебровской: «Появилось и вошло в наш обиход неправомерное, как нам думается, официальное наименование “мать-одиночка”... в результате возникли тысячи трагедий, ломающих жизнь женщин, которых именуют “матерями-одиночками”, и детей их, на которых обыватели смотрят как на “неза-

коннорожденных”. Огромный фактический материал со всей очевидностью говорит о тяжелом, двусмысленном положении тех женщин и детей, на которых распространяется действие Указа» [9, с. 2].

И в данном случае мнения читателей разделились. Некоторые даже подвергли сомнению авторитет подписавшихся под статьей — как, например, воспитательница спецшколы интерната: «Извините, пожалуйста, но мне и многим моим коллегам по работе не совсем понятна мысль Больших людей с мировым именем, как т. Шостаковича, Маршака, проф. Сперанского и др. в своем письме “это отвергнуто жизнью”. В судьбе ребенка без отца часто виновницей является сама женщина — мать, а именно, часто встречаются факты когда женщина... ставила само-цель пожитья по эгоистическим расчетам, поиздеваться над чужим горем, принести травму чужим детям» [14, с. 12—14].

Впрочем, статьи на тему изменения брачного законодательства критиковались далеко не противниками отмены Указа 1944 г. Иногда читатели высказывались против риторики и некоторых выражений, даже будучи в целом согласными с посылом статьи. Так, на реплику статьи «Молчание не золото?» («Я говорю, разумеется, о пресловутом прочерке в метрике, грубо искажающем судьбы детей, ни в чем не повинных, беспомощных и беззащитных») одна 26-летняя, по собственному признанию, беременная женщина, ответила: «Беззащитных! Это сказано скорее с расчетом вызвать жалостью то и слезу наиболее сердобольных. Кто дал право унижать детей, пусть даже не имеющих отца» [14, с. 36—41].

Как можно заметить, публицисты зачастую выступали с гуманистических позиций, призывая относиться к матерям-одиночкам и к «незаконнорожденным детям» толерантно. Тем не менее, семья из одного взрослого и ребенка по определению считалась «неполной» и неполноценной, неблагополучной: «Ребенок растет в семье. Он растет или в большой семье, в которой две опоры — мать и отец, или в печальных случаях, в маленькой, где опора — одна» [16, с. 2]. «Слова мать-одиночка не имеют права на существование, хотя и личная жизнь той или иной женщины сложилась неудачно и ей приходится растить ребенка без отца» [12, с. 2].

В рубриках, отведенных под письма читателей, или в основанных на них статьях публицисты приводили подчеркнуто бодрые письма матерей, которые, несмотря на все трудности, не бедствовали, поскольку чувствовали за спиной поддержку коллектива и государства: «Ну какая я мать-одиночка, когда ко мне после рождения ребенка так чутко отнеслись все окружающие. В заводском садике к сыну относятся очень хорошо, да и дома ему материально неплохо» [12, с. 2]. «Одним словом, они совсем не одиночки, они постоянно чувствуют локоть товарищей, поддержку коллектива, заботу партии и правительства» [11, с. 15]. Такие

письма публиковались редакцией наиболее активно, поскольку демонстрировали, что советская женщина ни в чем не нуждается и окружена заботой государства и коллектива. Однако и среди неопубликованных материалов немало писем от матерей-одиночек, схожих по духу и риторике: «Поскольку я сама мать одиночка но лично для себя ничего не хочу обеспечиваю себя и ребенка и не нуждаюсь в гос пособиях не оформлялась и не только я, но и много таких» [3, с. 97—98].

При обсуждении дискриминации семьи, состоящей из матери и ребенка, авторы стремились вызвать в читателях сочувствие к детям, но не к их матерям, которых частично признавали «виноватыми» в том, что произошло: «Накажите отца, накажите мать, если она этого заслуживает, но не наказывайте ребенка, он не виноват в своем рождении» [3, с. 97—98]. Иногда в статьях проскакивали и намеки на двойственное отношение к таким женщинам («Никому в голову не приходило, что полковник пятнадцать лет живет не со своей женой, а с какой-то “матерью-одиночкой”» [8, с.2]). Однако само понятие «мать-одиночка» не проблематизировалось, и то, что в их отношении в обществе существует стигма, подавалось как данность. Это, по мнению публицистов, явление случайное, а не системное, и с ним бесполезно бороться: «Вот почему нам кажется также, что отдельные факты недостаточного уважения к незамужним матерям бывают порой обострены неудачным оформлением метрики их детей» [16, с. 2].

Внимание концентрировалось на наличии метрик с прочерками, ограничении прав внебрачного ребенка, многоступенчатой и унижительной процедуре развода [5, с. 2]. В письмах женщин во властные структуры, а также в газеты и журналы, такая позиция, в отличие от «оптимистической», преобладала, что неудивительно, если учитывать жанр обращений: «Меня как мать одиночку интересует самый наболевший самый обидный самый унижительный вопрос. Сколько может писать в своих газетах статей о положении матерей одиночек и их детей. Сколько можно терпеть такое унижение, что бы каждый тыкал пальцем что ребенок незаконно рожденный даже не имеет право носить фамилию отца. И как эти дети в такой грустью, имея такую позорную метрику на руках пойдут в военкоматы, пойдут на службу в армии. Как тяжело девушки устроить личную жизнь имея такую метрику» [2, л. 8—9]. «И в результате я осталась с ребенком одна и попала в мало-приятное наименование мать-одиночка. А ребенок — незаконно рожденный. Мне 26 лет — я только начала жить, но моя жизнь уже оборвана. Я не имею высшего образования и поэтому не имею приличных средств к существованию [4, с. 72].

Если женщин, воспитывающих детей в одиночку, публицистика поддерживала и призывала общество относиться к ним уважительно

(или снисходительно), то к мужчинам, которые оставляли женщину с ребенком, отношение было резко отрицательным, их порицали довольно единодушно: «Общественное осуждение — большая сила, но в полную ли меру используется она, когда речь заходит о нарушении отцовского долга? Вместо гневного осуждения сочувственные улыбки или добродушные приятельские шутки — вот порой и все, что “терпит” от товарищей по работе такой папаша-беглец» [12, с. 2]. В письмах граждан такие мужчины обозначались более грубо — «отцы-подлецы», причем они осуждались как женщинами, так и мужчинами: «Эти отцы живут без забот о детях. Это прожигатели жизни! “Все взять от жизни и ничего ей не дать” — вот их девиз! Они уродуют детей: портят их характер, а это отражается на их здоровье... Ведь уход отца из дому это страшная душевная трагедия для ребенка! Брошенные дети хилы и нервные, они не могут нормально развиваться. Пусть не живут эти отцы отщепенцами от народа, как суслики в своей норе облаканные своими сожительницами, но проклинаемые своими детьми!» [2, с. 19]

Однако среди граждан осуждение мужчин, ведущих «вольный» образ жизни, сосуществовало с осуждением матерей-одиночек, которых также винили за появление на свет «незаконнорожденного ребенка». Как писал в редакцию газеты «Правда» директор детского дома из Белгородской области: «Да не только об отцах, бросающих своих детей по многим городам и селам, надо подумать как создать... нетерпимое мнение и о матерях-одиночках, легкомысленно поддающихся пошлякам. Потомство от таких отцов и детей изранено со дня рождения, дети таких родителей морально не устойчивые... и большинство могут следовать их примеру» [2, с. 15—17].

Освещение в публицистике темы алиментов и алиментщиков в 1950—1960 гг. сильно менялось. Если раньше писали только про злостных неплательщиков, то теперь внимание обратилось и на потребности и проблемы семейных мужчин, добросовестно платящих алименты. Однако фокус внимания по-прежнему сосредотачивался на потребностях детей — например, на потребностях детей от второго брака, которые растут в семье, в которой отец платит алименты другой семье. Так, читательница, жившая с таким мужчиной, в опубликованном письме в «Литературную газету» отмечала несправедливость в процентной ставке для мужчин, которые вынуждены платить алименты и одновременно содержать детей от текущего брака. На этот вопрос ответил один из экспертов комиссии по принятию Кодекса, юрист Свердлов. Он признал непропорциональность выплат на детей от первой и второй семьи, однако, такое положение ему виделось справедливым: «Не надо, впрочем, преувеличивать само противоречие, как это делает Н.Ж. Надо считаться с повышенными трудностями для матери, воспитывающей ребенка без отца: уменьшение же

бюджета семьи, в которой муж платит алименты, в немалой степени компенсируется тем, что в этой семье есть и отец, и мать» [15, с. 2].

Алиментщики, наряду с матерями-одиночками, являлись самими частыми авторами писем «во власть». Разумеется, они были недовольны сложившимся негативным образом в общественном восприятии, но больше негодования вызывал процент выплат на ребенка от первого брака, и отсутствие возможности оспорить их процент. Однако иногда читатели напрямую обращались к авторам статей и спорили с ними. Так, в ответ на статью, порицавшую разводы и безответственность мужчин по отношению к женщинам [10, с. 3], поступило письмо с таким вопросом: «Миرونкин, ответьте: почему я не имею права на самостоятельное воспитание ребенка без жены, без матери? Я хочу ребенка с пеленок сейчас» [14, с. 74—78].

Читатели, впрочем, выказывали готовность обратиться не только к автору статьи, но и к высокопоставленному лицу. Так, инженер из Саратова писал министру юстиции К.П. Горшенину: «Я случайно прочел Вашу беседу с корреспондентом в литературной газете за август месяц 1950 г. В этой статье как я понял, Вы пишете, что в настоящее время разрабатывается ряд законов, направленных против злостных неплательщиков алиментов. Этому способствовало и то обстоятельство, что на страницах “Литературной газеты” было опубликовано ряд статей или корреспонденций в которых также подверглись критике злостные неплательщики алиментов». Далее он высказал отношение к алиментам, довольно сильно отличавшееся от официальной позиции как журнала, так и законодателей: «На фронте... мужчина, в силу общего закона природы, нуждался в женщине и поэтому искал случайной встречи с женщиной. Обвинять его в этом никак нельзя. Закон всецело стоит на стороне женщины т.е. Матери и ребенка. Вот почему многие офицеры платят алименты, и эти алименты зачастую портят настроение» [4, с. 7—9].

Подводя итоги, отмечу, что в публицистике 1950—1960-х гг. активно обсуждались проблемы, связанные с советской семьей, а также воспитанием детей и восприятием «матерей-одиночек». Это было связано как с недостатками существующего брачно-семейного законодательства, так и с модернизацией семьи и возникновением ее новых форм, отличных от традиционной семьи. Статьи рассматривали эти проблемы с позиций гуманизма — они выступали за равенство метрик, толерантное отношение к матерям-одиночкам, а также призывали мужчин к ответственному и осмысленному отцовству. Наблюдалось и смягчение позиций в отношении мужчин: например, образ алиментщика из резко-отрицательного становился более нейтральным.

По сравнению с авторами статей граждане, которые писали письма «во власть», в большинстве придерживались более традиционных взглядов на семью, материнство и отцовство, хотя инициативы по

детским метрикам, в основном, вызывали у них поддержку. Однако значителен и процент скептически настроенных отзывов. Неконформность некоторых читателей и их устойчивость к господствующим в периодической печати взглядам, с одной стороны, черта «оттепельных» лет, а с другой — следствие внутреннего противоречия самих публикаций, в которых идеи «новой семьи» сочетались с традиционными представлениями. Тем не менее, и статьи публицистов, и письма граждан, и общественное обсуждение этих обращений отразили не конфликт интересов, а синтез идей, взаимопроникновение и взаимообогащение. И с той, и с другой стороны можно заметить некоторую гибкость и восприимчивость, которая в процессе обсуждения проблем в семейном законодательстве выразилась в том, что наиболее радикальные идеи отсеивались и уже в 1960-х гг. для общества была очевидна необходимость принятия нового Кодекса о браке и семье.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218.
2. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 272.
3. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232.
4. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229.
5. Ваксберг А. Возвращаясь к старой теме // Литературная газета. — 1964. — 30 июля. — С. 2.
6. Денисова Л.Н. Политическая спираль семейного законодательства // Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. — М., 2007. — С. 19—51.
7. Зверев И. И молчание не золото, и отписка не серебро // Литературная газета. — 1963. — 3 января. — С. 2.
8. Каверин В. О расколовшихся семьях // Литературная газета. — 1960. — 17 декабря. — С. 2.
9. Маршак С.Я., Сперанский Г.С., Шостакович Д.Д., Эренбург И.Г. Это отвергнуто жизнью // Литературная газета. — 1956. — 9 октября. — С. 2.
10. МIRONKIN А. Жизнь и загосский бланк // Известия. — 22 января. — С. 3.
11. Они не одиночки! // Работница. — 1957. — № 1. — С. 15.
12. От имени сына (письмо читательницы) // Литературная газета. — 1954. — 28 августа. — С. 2.
13. РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 1509.
14. РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488.
15. Свердлов Г.М. Справедливо ли это? (Ответ читательнице) // Литературная газета. — 1964. — 25 июля. — С. 2.
16. Серебровская Е. Жизнь вносит поправку // Литературная газета. — 1954. — 16 января. — С. 2.
17. Серебровская Е. Еще раз о метриках // Литературная газета. — 1954. — 6 июля. — С. 2.
18. Указ Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного совета СССР. — 1944. — № 37.

«Вползает в юные умы микроб коричневой чумы»: (нео)фашизм в советской политической карикатуре 1970—1980-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается трансформация понятия «(нео)фашизм» в советской пропаганде на примере политической карикатуры. К середине 1970-х годов фашистская угроза перестала восприниматься как реальная. Художники обращали внимание на внешнюю атрибутику неонацистов — свастика, флаги, факельные шествия, — но не отражали суть движения. Произошло искажение понятия, которое к концу 1980-х гг. привело к его профанации.

Ключевые слова: имагология; образ врага; карикатура; советская идеология; пропаганда; неофашизм; Ф.И. Штраус.

«The microbe of the brown plague is creeping into young minds»: (neo)fascism in the Soviet political caricature of the 1970—1980s

Abstract. The article talk about the transformation of the concept of “(neo) fascism” in Soviet propaganda, which using the example of a political caricature. To the middle of 1970s, the fascist threat was no longer perceived as real. Artists paid attention to the external attributes of (neo)Nazis: swastikas, flags, torchlight processions — but didn’t represent the «heart» of the movement. The concept was distorted and these led to its profanation the end of the 1980s.

Keywords: imagology; image of the enemy; caricature; Soviet ideology; propaganda; neo-fascism; F.Y. Strauss.

Проблема нацизма в советской пропаганде приобрела актуальность еще до прихода А. Гитлера к власти в начале 1930-х гг. [7, с. 108—144]. Естественно, с наибольшей силой она раскрылась в годы Великой Отечественной войны [4, 32]. Советские карикатуристы с азартом изображали в нелепых позах и комических ситуациях лидеров Третьего Рейха: А. Гитлера, Й. Геббельса, Г. Геринга и др. Однако разгром нацистской Германии отнюдь не означал гибель нацистской идеологии. В Европе сохранялись режимы, которые открыто исповедовали приверженность или, по крайней мере, симпатию к идеям Гитлера

---

* **Руслан Юнадиевич Червяков** — студент 1-го курса магистратуры исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: tcherviakov.ruslan@yandex.ru
Ruslan Yu. Chervyakov — 1st-year undergraduate of the Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

При издании книги ФРГ авторам пришлось пережить человеческое-животное обращение Гитлера «Мой народ», а также различные «жидурки», прославляющие фашистский рейх.

НОВЫЕ ДУШЕГУБКИ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Рис. 1. Черепанов Ю. Новые душегубки // Крокодил. — 1985. — № 16.

зал, что их настроения радикализируются и они превращаются в «горючий материал, способный к спонтанному самовозгоранию» [5, с. 349—350]. Ситуация с иммигрантами из бывших колоний европейских государств подогревает националистические настроения. Уловив их, ультраправые партии начинают насаждать под видом рецептов по решению социальных проблем концепции расизма и национализма, к которым прибавляются и антикоммунистические настроения.

С теоретической точки зрения Галкину удалось емко сформулировать сущность ультраправых объединений, возникших в Европе и Америке в 1970—1980-х гг. Теперь посмотрим, каким образом расставляли акценты советские художники-карикатуристы и фельетонисты.

Основным сюжетом стала тема ностальгии в ФРГ по Третьему Рейху. Она выражалась в съемках фильмов о Гитлере [36], тиражиро-

(например, в Испании и Португалии, странах Латинской Америки). Даже в самой Германии, несмотря на процесс денацификации, многие деятели режима сохранили руководящие посты в созданной в 1949 г. ФРГ. Поэтому тема сохраняла актуальность, распространившись на все западные страны, в том числе и на бывших союзников [32].

«Фашизм, хотя и в модифицированном виде, остается явлением современности, а следовательно, представляет собой актуальную угрозу. Чтобы парализовать ее, важно быть во всеоружии — иными словами, знать идейный и политический арсенал фашизма, его тактические приемы, сильные и слабые стороны» [5, с. 349], — писал социолог, крупнейший в Советском Союзе исследователь феномена фашизма А.А. Галкин. Отмечая, что в результате экономического развития и ускорения научно-технического прогресса многие жители Европы и Америки оказались в положении маргиналов, он указал,

Рис. 2. Лисогорский Н. Ангелы-хранители // Крокодил. — 1977. — № 2.

вании мемуаров приближенных фюрера — от генералов до поваров [15, 17], повальном коллекционировании нацистской атрибутики [22, 24], открытии стилизованных развлекательных заведений [14]. На карикатуре «Новые душегубки» [34] (рис. 1) обыгрывалось переиздание рядом издательств книги Гитлера «Mein Kampf» («Моя борьба»). По одной из немецких улиц, выехав из здания с табличкой Verlag (нем. «издательство»), движутся грузовики-душегубки. Однако газа в них нет, вместо него они везут книги с портретами Гитлера на обложке. Такой же портрет «крысоподобного человечка» красуется на крыше грузовика вместе с транспарантами «Kaufen Sie Hitlers Tagebücher» (нем. «покупайте дневники Гитлера»), «Lesen Sie „Mein Kampf“ von Hitler» (нем. «читайте «Мою борьбу» Гитлера»). Водители явно разделяют призыв — на их плечах повязки со свастикой, — а вот обычные немцы в ужасе прячутся по домам во время следования подобных колонн. Таким образом, показывается пропасть между последователями неонацизма и рядовыми немцами, противящимися их экспансии.

Отдельным явлением в жизни немцев были неонацистские шествия. На карикатуре «Ангелы-хранители» [16] (рис. 2) изображено шествие по улицам Мюнхена. По ночной улице марширует колонна людей в нацистской форме со свиньими рылами вместо лиц, а в одном из последних рядов колонны вообще марширует скелет. Если присмо-

Рис. 3. Старчиков Б. ...и приговорить к пожизненному освобождению // Крокодил. — 1981. — № 6.

треться к их ногам, то можно увидеть копыта вместо обуви, а у некоторых рога на головах. В руках они держат кружки с пивом, трости и косяки. Впереди марширует офицер с нацистским орденом на животе, его открытый рот обнажает три оставшихся зуба, в руках он едва удерживает штандарт с надписью «Реванш!», на еще одном штандарте написано «Хайль Гитлер!», а в центре колонны — портрет фюрера. Лица участников демонстрации выражают растерянность. Складывается впечатление, что они уже не помнят, зачем сюда пришли. Колонну охраняет с неба группа полицейских в белых кителях с крылышками, их ангельский облик дополняется блаженным выражением лиц. Попустительство или даже поддержка полицией подобного рода шествий нашли свое отражение в стихотворном комментарии Н. Энтелеса «Круг почета» [39] о шествии одного нациста по улицам Лондона: «Какая честь его особе! / Он гордо шествует, как лорд. / Три тысячи английских бобби — / Его почетнейший эскорт. / Собрать вокруг такую силу / Не удалось никому... / Но бобби одного б хватило, / Чтоб проводить его в тюрьму!» Стихотворение дополняется карикатурой, состоящей из двух картинок: на первой человек в тройном окружении полицейских вскидывает руку в нацистском приветствии, а на второй тот же человек сидит за решеткой и охраняется одним полицейским [42].

Особое внимание пропагандисты уделяли немецкой образовательной политике. Говорилось, что с самого раннего детства в сознание подрастающего поколения внедрялись нацистские идеи. Способствовало этому изготовление своеобразных игрушек: так, на одной из карикатур датского художника Х. Бидструпа дети играют в концлагерь, за-

Рис. 4. Черепанов Ю. Его «борьба» // Крокодил. — 1977. — № 33.

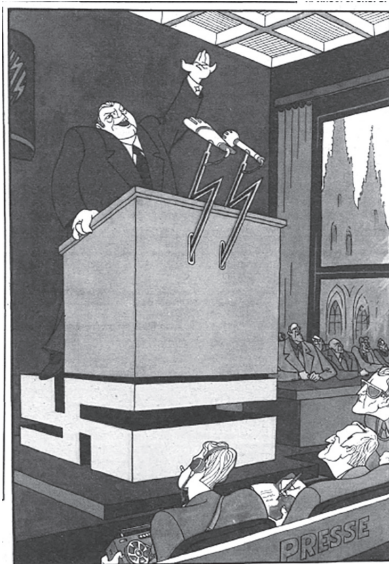

Рис. 5. Горохов Л. У нас есть основное требование пересмотра границ // Крокодил. — 1985. — № 12.

гоня «несколько сот недочеловеков в газовую камеру» [2]. Потом они попадают в объединения, где разглядывают портрет «крысообразного человечка», листают «Майн кампф», слушают рассказы генерала-ветерана о «покорении Франции и уничтожении поляков» [25], смотрят героические фильмы о фюрере, после чего их бросают на избиение антифашистов и захват оружия [19], а в сочинениях подростки потом пишут, что самым памятным событием в их жизни было посещение сходки ветеранов СС [38]. Этот процесс прекрасно отражает карикатура, на которой директор немецкой школы хвалит учителя истории за то, что его ученики отлично усваивают уроки прошлого. Главная деталь — одинаковые лица учеников с характерными усиками и зачесом. Пропаганда показывала, как под благодушное молчание полицейских и вскрики «Это же дети!» [26] в ФРГ взращивается новое поколение последователей Гитлера. Таким образом, волна ностальгии по временам Рейха, активно насаждаемой среди молодежи, должна была показать тупиковость и реакционность подобной модели развития.

На волне этой ностальгии начался процесс реабилитации пособников гитлеровского режима. Несмотря на денацификацию, многие видные деятели Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) сумели избежать уголовного преследования. Оправдательные

Рис. 6. Абрамов М. Усиливается опасность... // Крокодил. — 1985. — № 17.

приговоры европейских судов в отношении военных преступников — еще одна тема, обсуждавшаяся на страницах «Крокодила». На карикатуре Б. Старчикова [30] (рис. 3) коллегия судей, вскидывающих руки в нацистском приветствии, приговаривает плешивого нацистского генерала... к пожизненному освобождению. Генерал приветствует эту новость сидя, с сигарой в зубах, которую ему заботливо зажигает конвоир.

Попустительству немецкого правосудия посвящена карикатура «Его “борьба”» [33] (рис. 4), на которой изображен мирно дремлющий за своим рабочим столом судья. Свисающий со стола указ

«О борьбе с неофашизмом» тем временем доедают крысы в фуражках и касках со свастикой. Подпись гласит, что при благодушном попустительстве правосудия неонацисты «заметно активизировались» [35]. Можно дополнить: они не просто активизировались, но и перешли в контрнаступление. Так, в фельетоне «Смех в зале № 111» [31] рассказывается о деятельности бывшего военного прокурора Бромберга Г. Штольдинга, в новое время переквалифицировавшегося в адвоката надзирателей концлагеря Майданек. Он разваливает одно за другим дела об убийстве евреев и поляков, вызывая разнообразные эмоции зала: «Свидетельница падает, обливаясь слезами. Ухмыляются дамы и господа на скамье подсудимых. В 111-м зале земельного суда Дюссельдорфа звенит смех. Здесь в передних рядах сидят несколько аккуратно причесанных молодых людей из «Викинг-югенда». В задних рядах, скучаяще пожевывая резинку, томятся восьмиклассники. Они отсиживают тут урок истории» [34]. Те самые школьники, которые в будущем должны стать учителями, врачами, полицейскими и чиновниками. В результате воспроизведение идеологии человеконенавистничества вновь встанет на поток. А дальше возможна и угроза новой войны.

Отдельным сюжетом, связанным с темой нацизма и фашизма, является идея немецкого реваншизма. Договоренности по послевоенным границам в Европе советская сторона рассматривала как важнейшее достижение своей внешней политики, поэтому идея пересмотра этих границ не могла не отразиться на страницах прессы. Реваншистов изображали в виде ведьм, сидящих верхом на погранич-

ных столбах с надписью «границы 1937 года» [36], дикторов радиовещания ФРГ, читающих с листа воззвание к пересмотру установленных границ [37], уважаемых пожилых бюргеров, радующихся переименованию улиц в честь бывшего немецкого города Данцига [13]. В карикатуре «У нас есть основание требовать пересмотра границ!» [8] (рис. 5) художнику Л. Горохову удалось заложить несколько отсылок, которые не сразу бросаются в глаза. На первый взгляд это банальное выступление на пресс-конференции влиятельного немецкого политика. Однако тумба, на которой он стоит, сделана в форме свастики, тот же символ явно читается в очертаниях его ладони и на потолке. Стойки микрофонов и рисунки на люстре сделаны в виде двух молний, отсылающим к эзэсовской символике.

Полна символов и карикатура М. Абрамова на ту же тему [1] (рис. 6). На больничной койке, сложенной из ракет и увенчанной орлом со свастикой, лежит пациент. Лицо больного скрывает челка, однако в целом узнаваемы гитлеровские черты, на табличке перед кроватью указано его имя — «Реваншизм», ниже нарисованы две молнии. Реваншизм тяжело болен: на грудь ему поставили банки в форме маленьких ракет, в вену введен шприц с капельницей, закрепленной на пресловутом пограничном столбе с надписью «границы 1937 года». Однако пациент уже идет на поправку, поскольку может крикнуть «Хайль» в сторону врача, бережно отсчитывающего пульс больного. У врача на плече красуется аббревиатура US. Кажется, что скоро больной достанет из-под кровати каску, наденет свои сапоги-танки и отправится в новый поход — туда, куда ему прикажет добрый американский доктор.

Продолжая разговор о международных «связях» германского неонацизма, необходимо сказать, что эти контакты не ограничивались Соединенными Штатами. Лидер Христианско-социального союза (ХСС) Ф.Й. Штраус, который из-за своих крайне консервативных взглядов ассоциировался у советской пропаганды с националистами и даже неонацистами, изображался то в виде пухленького человечка в баварском национальном костюме, кружащегося в хороводе «противников разрядки» [12], то в облики почтового голубя, летящего на поклон пекинской утке [10]. Не обошли Штрауса вниманием и фельетонисты, писавшие о визите председателя ХСС в Чили: «Все коричневое представляется ему голубым, а все красное — черным... Заболевание носит хронический, стойкий характер... Медицина тут бессильна» [6]. Также советская пропаганда пыталась обвинить Штрауса в поддержке атомного проекта ЮАР [26, с. 72—91]. Очевидно, комментаторы журнала помнили об обвинениях, которые выдвигались в адрес политика во время его пребывания на посту министра обороны ФРГ. Тогда журнал «Шпигель» не раз выступал с разоблачительными материалами о коррупции в Бундесвере, в том числе — о незаконных поставках вооружения Израилю [18].

С той же целью публиковались карикатуры военного времени — работы Кукрыниксов [21], И. Семенова [28], В. Васильева [3]. К этой же теме относится серия карикатур, связанных с попытками пересмотра вклада Советского Союза в дело победы над фашизмом [11] и разговорами об исключительной роли Второго фронта [9]. На первой карикатуре кучка немецких журналистов и генералов, подобно крыловской Моське, пытается облаять огромную медаль «За оборону Москвы», в их возгласах слышится: «Никакой битвы под Москвой не помним! Не большевики, а морозы помешали Гитлеру взять Москву! Под Эль-Аламейном — вот это была победа!» На второй карикатуре западный ученый пытается «увеличить» значимость Второго фронта при помощи лупы. Однако остается очевидным, что подобные фальсификации не выдерживают никакой критики и меркнут по сравнению с фактами.

Таким образом, в разговоре о неонацизме главными темами стали проблемы ностальгии по Третьему Рейху, поддержка подобных идей США и другими капиталистическими странами, культивирование чело­веконенавистнических идей в школах и опасность потенциального реванша со стороны ультраправых сил. Фельетоны и карикатуры про­никнуты верой в неизбежную гибель «фашистской гидры», которая может прекрасно себя чувствовать «в атмосфере антикоммунистической истерии» [27]. Материалы забавны, местами очень остроумны, однако не отражают всей опасности этого явления. Возможно, сами пропагандисты не относили его к разряду серьезных, поэтому сводили разговор о нем к рассказам о коллекциях нацистской символики, сходках неонацистов и битью стекол в лавках торговцев неарийского происхождения. Несмотря на актуальность сюжетов, многоликость образов и сравнений, карикатура не исполняла свою важнейшую функцию — мобилизующую. В итоге образ переставал быть орудием пропаганды и становился мультипликационной картинкой.

Нацизм был той силой, борьба с которой воспринималась как нечто естественное и необходимое. Советской пропаганде удавалось поддерживать идею, что это мировое зло и враг всего человечества. Но наполнить понятие конкретным смыслом не было необходимости, поскольку главным потребителем пропаганды было поколение победителей и их детей, знавших о войне не по кадрам кинохроники [29, с. 123].

Список литературы

1. Абрамов М. Усиливается опасность... // Крокодил. — 1985. — № 17.
2. Бидstrup Х. Ганс и Грета... // Крокодил. — 1979. — № 18.
3. Васильев В. Смотр войскам, участникам «похода на Москву» // Крокодил. — 1981. — № 34.

4. Вейн Д.К. Образ врага в карикатурах Кукрыниксов в годы Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Правда» // Известия Алтайского государственного университета. — 2017. — № 2. — С. 63—66.
5. Галкин А.А. Германский фашизм. — М., 1989.
6. Глазами Штрауса // Крокодил. — 1978. — № 1.
7. Голубев А.В. «Подлинный лик заграницы». Образ внешнего мира в советской политической карикатуре 1922—1941 гг. — М.—СПб., 2018.
8. Горохов Л. У нас есть основание требовать пересмотра границ. // Крокодил. — 1985. — № 12.
9. Горохов Л. Через преувеличительное стекло // Крокодил. — 1985. — № 13.
10. Ефимов Б. «Почтовые голуби» противников разрядки // Крокодил. — 1977. — № 18.
11. Ефимов Б. За оборону Москвы // Крокодил. — 1981. — № 34.
12. Ефимов Б. Приняли в свой круг // Крокодил. — 1978. — № 25.
13. Ефимовский Ж. Теперь и на нашей улице праздник! // Крокодил. — 1985. — № 1.
14. Коричневая ностальгия // Крокодил. — 1979. — № 21.
15. Кухонные сказки Сьюлхаузена // Крокодил. — 1978. — № 21.
16. Лисогорский Н. Ангелы-хранители // Крокодил. — 1977. — № 2.
17. Лисогорский Н. Условный рефлекс // Крокодил. — 1982. — № 18.
18. Мой комментарий // Крокодил. — 1977. — № 29.
19. На коричневой тропе // Крокодил. — 1978. — № 14.
20. На уроке истории в ФРГ // Крокодил. — 1978. — № 28.
21. Например: Три года войны, / Беспощадно разгромим и уничтожим врага, / Участь любого агрессора, / Последняя линия немецко-фашистской обороны // Крокодил. — 1982. — № 6.
22. О, это просто коллекционер! // Крокодил. — 1978. — № 20.
23. Петелин Б.В. Франц Йозеф Штраус // Вопросы истории. — 2000. — № 6. — С. 72—91.
24. Плата за дух // Крокодил. — 1978. — № 32.
25. По следам свастики // Крокодил. — 1979. — № 20.
26. Повторение пройденного // Крокодил. — 1978. — № 13.
27. Самойлов Л. Обречены на вымирание. В «Красную книгу» не заносить! // Крокодил. — 1978. — № 4.
28. Семёнов И. Всего с собой не возьмешь, 1945 // Крокодил. — 1985. — № 13.
29. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. — М., 2006.
30. Старчиков Б. ...и приговорить к пожизненному освобождению // Крокодил. — 1981. — № 6.
31. фон Тюмпинг Х. Смех в зале № 111 // Крокодил. — 1978. — № 33.
32. Федосов Е.А. Фашизация образа врага в советской визуальной пропаганде начального периода холодной войны (1946—1964 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 418. — С. 163—171.
33. Черепанов Ю. Его «борьба» // Крокодил. — 1977. — № 33.
34. Черепанов Ю. Новые душегубки // Крокодил. — 1985. — № 16.
35. Черепанов Ю. Произвели в «святые» // Крокодил. — 1977. — № 34.
36. Черепанов Ю. Слетаются на шабаш // Крокодил. — 1981. — № 4.
37. Черепанов Ю. Ценный работник... // Крокодил. — 1980. — № 35.
38. Шифферс А. Огорчение герра Мейсе // Крокодил. — 1978. — № 7.
39. Энтелис Н., Самойлов Л. Круг почета // Крокодил. — 1977. — № 35.

«Вправе ли мы вообще вмешиваться в природу...»: дискуссии о генной инженерии в позднем СССР**

Аннотация: В статье анализируется дискуссия по этическим проблемам генной инженерии, прошедшая в СССР в 1960—1980-е гг. Делается вывод, что идея «улучшения» человека при помощи генетики вызвала активную полемику, расколов научный мир на две части. Генная инженерия противоречила базовой установке советской идеологии о примате социального над биологическим, поэтому закономерно не нашла поддержки.

Ключевые слова: генная инженерия, советская идеология, В.П. Эфроимсон, И.Т. Фролов.

“Do we have the right to interfere in nature...”: discussions about genetic engineering in the late USSR

Abstract. The article analyzes the debate on the ethical issues of genetic engineering, held in the USSR in the 1960—1980s. The conclusion is that the idea of “improvement” of the person using the genetics have generated considerable debate, dividing the scientific world into two parts. Genetic engineering contradicts the basic installation of the Soviet ideology of the primacy of the social over the biological, so naturally did not find support.

Keywords: genetic engineering, Soviet ideology, V.P. Efroimson, I.T. Frolov.

Проблема биологического «улучшения» человека в современном мире стоит достаточно остро. Если социальные проекты усовершенствования человеческой природы уже не вызывают прежнего энтузиазма, то биотехнологические, наоборот, пользуются все большей популярностью [19]. Так, появился проект трансгуманизма, предполагающий улучшение человека и его возможностей за счет современных достижений науки и техники. Ученые активно обсуждают вопросы продления жизни при помощи новых технологий, перспективы и возможные проблемы симбиоза человека и машины и т.д. Многие специалисты по биоэтике крайне насторожено относятся к

* **Виталий Витальевич Тихонов** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: tihonovvitaliy@list.ru
Vitaly V. Tikhonov — Doctor of Historical Sciences, Leading researcher in the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества» (№ 18-78-10018) на базе ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России.

подобным перспективам, указывая, что возможных проблем и опасностей в случае реализации таких проектов будет намного больше, чем позитивных достижений [16; 7; 20].

В СССР после разгрома евгеники в конце 1930-х гг. и разоблачения нацизма проекты «улучшения» человека биологическими методами оказались под запретом [6]. Вторая половина 1950-х гг. считается временем зарождения в мире движения «улучшения» человека на новом уровне. В 1957 г. Дж. Хаксли опубликовал знаменитое эссе «Трансгуманизм», в котором призывал начать переход на новый уровень развития человечества [20, с. 10—12]. Как следствие, в 1960-е гг. интерес к теме «улучшения» человека в СССР возродился. Значительную роль в этом сыграла научная фантастика. На волне возрождения генетики, которая вновь заняла почетное место в науке, возродился интерес и к проблеме «улучшения» человеческой природы. Одним из самых активных исследователей стал генетик В.П. Эфроимсон. Это был человек с непростой судьбой. Будучи во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. активным противником Т.Д. Лысенко, он подвергался арестам, ему не давали работать по специальности [21]. В 1948 г. он защитил диссертацию на степень доктора биологических наук, но был лишен степени. Только в 1962 г. ВАК восстановил свое решение. Постепенная реабилитация генетики после смерти И.В. Сталина позволила ему вернуться в профессию, а бешеный общественный темперамент и независимость суждений превратили в заметную фигуру научной и культурной жизни 1960—1970-х гг. Он активно сотрудничал с медиками, в частности подготовил курс «Введение в медицинскую генетику», изданный в 1964 г. и переиздававшийся в 1968 г.

Эфроимсона сильно интересовали проблемы наследственности человека и ее улучшения. В 1960-е гг. он подготовил доклад «С чего началась человечность и что такое сверхгуманизм?», в котором выступил за раннее развитие заложенных в человеке потенциалов. Но «осознание неисчерпаемого разнообразия наследственных потенциалов человечества, громадного значения их раннего развития, распознавания и предоставления возможности реализации — такова та программа, осуществление которой обеспечит любой нации лидерство. И величайшей угрозой человечеству станет монополия этого лидерства и злоупотребление им» [2, л. 10]. Перспективы раскрытия этих потенциалов он сравнивал с атомной энергией, которая может быть использована как на благо, так и во вред [2, л. 11].

Эфроимсон активно ратовал за возрождение евгеники. 20 сентября 1966 г. на заседании секции химико-технологических и биологических наук Президиума АН СССР он сделал доклад «Практические и этические проблемы генетики человека». Анализируя перспекти-

вы применения негативной евгеники (использующей карательные методы в улучшении человечества), Эфроимсон категорически выступал против насильственных мер. С его точки зрения, возможны только медико-генетическое консультирование семей и ранняя диагностика генетических дефектов. Но и позитивная евгеника должна применяться осторожно: «Все евгенические мероприятия должны учитывать права индивида, родившегося или неродившегося. Это выдвигает в качестве первоочередной задачи предоставление каждому индивиду возможности полной реализации его положительного генетического потенциала; это заранее сужает рамки позитивной евгеники» [1, л. 2]. В заключение он подчеркнул, что ученые, политики и социологи должны проявить величайшую осторожность для предупреждения генетических, эволюционных и социальных трагедий.

Работы Эфроимсона, посвященные проблемам евгеники, долгое время не публиковались в официальной печати, однако вышли в самиздате, в частности в знаменитом журнале Р.А. Медведева «Политический дневник» [4, с. 226]. Резонанс вызвала статья «Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека)», опубликованная им в 1971 г. в главном советском массовом интеллектуальном журнале «Новый мир» [18]. В ней ученый доказывал, что альтруизм возникает из-за закона естественного отбора, поскольку предполагает выживание популяции, для чего и требуется самопожертвование. Такой взгляд заметно выбивался из стандартных для СССР подходов, постулирующих примат социального над биологическим. Статья вызвала бурную полемику. Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И. Вавилова академик Б.Л. Астауров в целом поддержал Эфроимсона [4, с. 229]. Статья стала толчком к публичной дискуссии о соотношении биологического и социального в развитии человека [4, с. 227—228].

В 1972 г. американским биохимиком П. Бергом и его сотрудниками была получена первая рекомбинантная ДНК. Это событие считается началом генной инженерии. Во всем мире начались дискуссии о том, можно ли при помощи генетического вмешательства совершенствовать человека. В 1975 г. в Калифорнии прошла Асиломарская конференция, посвященная возможным рискам, связанным с вмешательством в ДНК. По ее итогам был объявлен мораторий на проведение экспериментов.

В СССР к потенциальным возможностям генной инженерии отнеслись неоднозначно. Быстро выделились два противоположных лагеря. Биолог А.А. Нейфах призывал советскую власть активно использовать методы генетической инженерии для развития способностей своих граждан (в частности, пересадку ядер клеток). Особенно успешно такие подходы, по его мнению, будут реализовы-

ваться в совершенствовании творческих способностей человека [15, с. 52]. Кроме того, он призывал сохранять генетические комбинации выдающихся людей. Ряд ученых (например, А.А. Малиновский, В.П. Эфроимсон и др.) высказались за осторожное использование таких методов при условии жесткого контроля [12, с. 209—214].

Однако подобные идеи встретили скептическое отношение со стороны научного сообщества. Против использования генной инженерии выступал известный советский генетик, академик Н.П. Дубинин. С его точки зрения, нужно развивать имеющийся потенциал человека, который во многом остается нереализованным [5]. Схожей позиции придерживались член Академии медицинских наук В.Д. Тимаков и член-корреспондент АМН Н.П. Бочков [9, с. 59—69]. Последний указывал, что избавление человечества от груза патогенных мутаций может негативно сказаться на работе генов [8, с. 14]. Категорически против использования генной инженерии выступал А.Ф. Шишкин [17].

И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин задавались вопросом: «Вправе ли мы вообще вмешиваться в природу и продлевать жизнь той генетической комбинации, которая должна была бы естественно умереть вместе с носителем? Вправе ли женщина вынашивать ребенка, генетически не своего? Как воспитывать таких детей-«близнецов»? Правомочно ли, в частности, сразу нацеливать их на определенную область занятий? Наконец, не может ли метод трансплантации ядер быть использован во зло человечеству? Не создадим ли мы какую-то избранную элиту и не приведет ли появление такой элиты к вытеснению людей, родившихся “обычным способом”?» [15, с. 51—52].

По мнению ученых, вмешательство в генетику опасно. Не исключено, что генетика станет в руках диктатора (как это уже было при нацистах) инструментом контроля и репрессий. Кроме того, авторы, следуя марксистским постулатам, считали, что к улучшению человека приведут только социальные преобразования, но не генетические эксперименты [14]. Впрочем, Фролов осторожно допускал применение методов генной инженерии — в будущем, когда генетика достигнет должного уровня развития, а наши знания о генах станут достаточными [13, с. 160—175]. В интервью ТАСС в 1982 г. он указал на теоретическую возможность использования генной инженерии в будущем, но утверждал, что сейчас, в условиях «расколотого мира», это очень опасно, антигуманно и способно принести только беды [10, с. 419—422].

По утверждению Фролова, проблемы генной инженерии не всеми в СССР воспринимались серьезно. «У нас не знали тогда, с чем это “есть”... Когда в 1978 г. у нас был опубликован большой сборник работ по проблемам генной инженерии, мою статью, в которой я выступал с критических позиций, просто выбросили... Сказали,

что все разговоры об этических проблемах и опасностях, связанные с проведением генно-инженерных работ, — это “шум, поднятый на Западе, козни империализма”, что якобы это специально подброшено нам с целью затормозить у нас генно-инженерные работы, что вообще все это — “поповщина”» [11, с. 46].

Следует отметить, что в СССР действовала Межведомственная комиссия по разработке Правил безопасности работы с рекомбинантными ДНК, председателем которой являлся академик А.А. Баев. В 1978 г. появились временные правила, а в январе 1989 г. они были официально утверждены [3]. В обсуждении проблем регулирования экспериментов с генами активное участие принимали И.Т. Фролов и возглавлявшийся им Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Философские и социальные проблемы науки и техники». Но, в отличие от комиссии Баева, он не имел права непосредственно влиять на принятия решений в этой области [4, с. 262].

Тема генетического «улучшения» человека вызвала большой интерес среди ученых и философов. В этом смысле советская научная общественность не отставала от мировых тенденций. Но дискуссии приобрели характерные для советского общества черты. Правда, идея биологического совершенствования человека при помощи генной инженерии вряд ли могла получить серьезную поддержку, поскольку противоречила марксистским постулатам о примате социального над биологическим (только совершенствование социального строя способно улучшить человека). Препятствием также стали разгром евгеники в 1930-е гг. и ассоциация идей биологического «улучшения» человека с нацистскими преступлениями. Значительный удар был нанесен генетике в конце 1940-х гг., что затормозило ее развитие вплоть до 1960-х гг. Отбиваясь от многочисленных критиков, обвинявших генетиков в приверженности биологизму и делавших параллели между генетикой и нацистскими экспериментами над людьми, ученые и философы науки вынуждены были особое внимание уделять этическим вопросам науки. В этом плане дискуссии о генной инженерии стали стимулом для развития отечественной биоэтики. Являясь приверженцами марксистской философии, они также с настороженностью относились к генной инженерии. Как следствие, все эти факторы вкупе с техническим отставанием советской науки от западной, серьезно затормозили развитие генетических исследований в СССР.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук. Ф. 2024 (В.П. Эфроимсон). Оп. 1. Ед. хр. 68.
2. Архив РАН. Ф. 2024. Оп. 1. Ед. хр. 89.

3. Безопасность работы с рекомбинантными молекулами ДНК. Санитарно-противоэпидемические правила URL: <https://www.lawgu.info/dok/1989/01/18/n1179346.htm> (дата обращения - 26.08.2019)
4. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. — М.: Политиздат, 1991. — 480 с.
5. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. — М.: Политиздат, 1982. — 304 с.
6. Кременцов Н.Л. От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе // Историко-биологические исследования. — 2014. — Т. 6. — № 2. — С. 25—54.
7. Михель И.В. Биоэтика в контексте истории: философские исследования биоэтического движения. — Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2015. — 248 с.
8. Современная наука и гуманизм // Вопросы философии. — 1973. — № 3. — С. 3—15.
9. Тимаков В.Д., Бочков Н.П. Социальные проблемы генетики человека // Вопросы философии. — 1973. — № 6. — С. 59—69.
10. Фролов И.Т. Генная инженерия и этика науки // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Материалы. — М.: Наука, 2001. — С. 419—422.
11. Фролов И.Т. О науке // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Материалы. — М.: Наука, 2001. — С. 40—49.
12. Фролов И.Т. Перспективы человека. — М.: Политиздат, 1979. — 336 с.
13. Фролов И.Т. Прогресс науки и будущее человека. — М.: Политиздат, 1975. — 224 с.
14. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. — М.: Политиздат, 1986. — 399 с.
15. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этические аспекты биологии. — М.: Знание, 1986. — 64 с.
16. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. — М.: АСТ, 2004. — 349 с.
17. Шишкин А.Ф. Человеческая природа и нравственность. — М.: Мысль, 1979. — 272 с.
18. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. — 1971. — № 10. — С. 34—56.
19. Юдин Б.Г. Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. — М., 2013. — С. 10—24.
20. Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. Этика и методология науки; философия технонауки; гуманитарная экспертиза; биоэтика как практический философский проект; проблемы «улучшения» человека. — М.: Прогресс-традиция, 2018. — 472 с.
21. Ясман З.Д. Сражавшийся генетик (Материалы В.П. Эфроимсона в ГИМ) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры (Труды государственного исторического музея. Вып. 119). — М.: ГИМ, 1999. — С. 314—328.

Политика ЦК КПСС в отношении советских немцев и крымских татар в годы перестройки**

Аннотация: В статье проанализирована политика ЦК КПСС в отношении крымских татар и советских немцев в годы перестройки. Автор утверждает, что именно в годы перестройки у репрессированных народов впервые появилась возможность свободно говорить о проблемах своих народов, но предпринимать конкретные шаги к восстановлению автономии. Однако взаимодействие партийно-государственных институтов с крымскими татарами и немцами проводилась традиционным практиками, сложившимися еще в эпоху позднего социализма. Это привело не только к затягиванию в решении проблем, но и заметно радикализовало настроения двух народов.

Ключевые слова: ЦК КПСС, советские немцы, крымские татары, перестройка, автономия, реформы, национализм.

Policy of the Central Committee concerning the Soviet Germans and the Crimean Tatars in the years of “perestroika”

Abstract. The article analyzed the policy of the CPSU Central Committee in relation to the Crimean Tatars and Soviet Germans in the years of perestroika. The author argues that it was during the years of perestroika that repressed peoples first had the opportunity to speak freely about the problems of their peoples, but to take concrete steps to restore autonomy. However, the interaction of the party and state institutions with the Crimean Tatars and Germans was carried out by traditional practices established in the era of late socialism. This led not only to a delay in solving problems, but also significantly radicalized the mood of the two peoples.

Keywords: Central Committee, Soviet Germans, Crimean Tatars, perestroika, autonomy, reforms, nationalism.

Социально-экономические реформы, инициированные руководством КПСС в середине 1980-х гг., способствовали возрождению надежд среди репрессированных народов. Для подавляющего большинства репрессированных народов важно было получить от государства до-

* **Никита Юрьевич Пивоваров** — кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива новейшей истории (Москва, Россия). e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Nikita Yu. Pivovarov — Candidate of Historical Sciences, Chief specialist of the Russian State Archive of Modern History (Moscow, Russia).

** Статья подготовлена в рамках Программы ФНИ государственных академий наук «Культурно-сложные общества: понимание и управление», проект «Советский народ: между реальностью и утопией (1950—1980-е гг.)» (руководитель Е.Ю. Зубкова).

полнительные льготы, а также признание правового статуса репрессированных. Но для крымских татар и советских немцев не менее важно было восстановить свою государственность, ликвидированную в годы Второй мировой войны. Надо отметить, что исследования, посвященные движениям этих народов, уже составляют солидную историографию [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 32, 33, 34, 35]. Однако никто из авторов не изучал механизмы принятия решений по национальному вопросу в годы перестройки. Цель данной статьи — на основе документов бывшего архива ЦК КПСС (ныне Российского государственного архива новейшей истории — РГАНИ) показать, какие шаги предпринимались властями и репрессированными народами для восстановления своей государственности, а главное — почему в итоге это привело к обострению межнациональных отношений.

Советские немцы-«автономисты» (т.е. сторонники восстановления АССР Немцев Поволжья) и наиболее радикальная часть крымских татар традиционно находились под контролем руководителей ЦК КПСС. Например, в 1966 г. в совместной записке Прокуратуры СССР, КГБ при Совете министров СССР и Министерства общественной безопасности РСФСР они назывались в качестве трех главных внутренних угроз единству советского общества (вместе с баптистами-инициативниками). Руководство КГБ неоднократно предлагало усилить «контроль и внимание» за деятельностью немцев и крымских татар. Но ЦК проводило не только репрессивную политику. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. на заседаниях Политбюро рассматривался вопрос о создании немецкой автономии на территории Казахстана и образовании автономного округа крымских татар в Узбекистане. И хотя эти проекты так и не были воплощены в жизнь, показательно, что власть задумывалась об альтернативных путях решения проблем этих народов.

Перестройка способствовала демократизации советского общества и, как следствие, заметно увеличила низовую активность немцев и крымских татар. Со второй половины 1987 г. резко возрос поток писем и телеграмм в ЦК КПСС, президиум Верховного совета и Совет министров СССР, центральные СМИ. Чаще всего это были коллективные письма. Обращения шли из разных уголков страны, но можно выделить несколько основных центров: немцы писали из Поволжья, Казахстана, Юга Западной Сибири, татары — из Узбекистана и Крыма. Чего же они добивались? Главной темой было восстановление автономных республик, также звучали жалобы на факты ущемления национальных прав и свобод, приводились примеры бытовых конфликтов на национальной почве [17, л. 22; 19, л. 105; 23, 71, 74, 75].

Руководство ЦК партии внимательно следило за настроениями двух народов, о чем свидетельствуют многочисленные записки

КГБ, секретарей обкомов, крайкомов и союзных республик. В районы наиболее напряженной национальной обстановки выезжали комиссии ЦК. Однако позиция Москвы в отношении двух народов различалась. В решении проблем советских немцев руководство партии проявляло сдержанность и выступало против кардинальных перемен. В частности, комиссия ЦК КПСС, обследовавшая в августе-сентябре 1987 г. отдельные районы Саратовской и Волгоградской областей, предложила решить вопрос о воссоздании автономии лишь по прошествии ряда лет, когда численность немецкого населения заметно возрастет [18, л. 29—29 об]. Иной была линия в отношении крымских татар, которые проявляли активность, граничившую, по мнению властей, с экстремизмом. В Узбекистане, Киргизии, Крыму, Краснодарском крае, Москве проходили их несанкционированные собрания. Так, только в разных районах Узбекистана, по информации административного отдела ЦК, во второй половине 1987 г. состоялось около 100 различных сходов и собраний, в которых приняли участие более 13 тыс. человек. На абсолютном большинстве из них выражалось недоверие деятельности партии и правительства в решении национальных проблем. Для охраны общественного порядка в том же Узбекистане в наиболее сложные периоды привлекались до 14 тыс. сотрудников милиции и 16 тыс. дружинников. Под усиленную охрану брались полиграфкомбинаты, множительная техника и склады с оружием, а аэропорты и железнодорожные вокзалы находились под оперативным прикрытием сотрудников МВД. Во всех районах, областях, краях органы внутренних дел активно проводили учебно-тренировочные занятия по пресечению нарушений общественного порядка, а в Узбекистане и в Крыму совместно с армейскими подразделениями прошли командно-штабные учения.

Активизация деятельности татар, а также усиление связей между инициативными группами Узбекистана, Киргизии, Крыма и Краснодарского края заставили власть более внимательно прислушаться к их требованиям. После того, как в апреле 1987 г. в Ташкенте состоялось Первое всесоюзное совещание представителей инициативных групп, куда съехались представители татар со всего СССР, Политбюро приняло решение о создании комиссии для рассмотрения поднимаемых ими вопросов. Возглавил ее А.А. Громыко. Однако деятельность комиссии протекала неспешно. В итоге на очередной встрече представителей татарских инициативных групп было принято решение о проведении в конце июля демонстрации в центре Москвы. Масла в огонь подлили письма советских писателей в Верховный совет СССР, в которых они просили Громыко и Горбачева встретиться с представителями татар. 22 июля татары устроили возле

комплекса зданий ЦК КПСС на Старой площади несанкционированную демонстрацию. В итоге их представители были приняты заместителями заведующих отделами ЦК, но достигнуть компромисса не удалось. Спустя несколько дней — 25 июля — состоялся знаменитый митинг крымских татар на Красной площади, после которого о проблемах татар узнал уже весь мир. Почти 500 человек заполнили главную площадь столицы с изображениями Ленина, Горбачева и лозунгами. Они скандировали: «Родина! Родина!» и «Горбачев! Горбачев!». Именно этот митинг стал поворотным пунктом в постепенной радикализации настроений крымских татар [20, л. 37].

Менялось отношение власти и к советским немцам, которые стали самоорганизовываться по примеру татар. Центром притяжения сил активистов стало «Общество по возрождению АССР Немцев Поволжья» — официально незарегистрированная и поначалу малочисленная общественная организация. Но именно от имени этого общества в Москву направлялись первые перестроечные делегации. Уже в июле 1988 г. прибыла одна из самых многочисленных и наиболее представительных делегаций за всю послевоенную советскую историю. По распоряжению секретаря ЦК А.И. Лукьянова с ними встретился председатель Совета национальностей Верховного совета СССР А.Э. Восс. Беседа была продолжительной, но ее итог оказался предсказуем: Восс заявил, что проблемы немцев будут внимательно рассмотрены и рекомендовал больше делегаций не присылать.

Представители советских немцев остались недовольны такой встречей. В начале августа 1988 г. они послали очередное письмо М.С. Горбачеву и членам Политбюро Н.И. Рыжкову и А.Н. Яковлеву, в котором просили уделить особое внимание их проблемам. В аппарате ЦК КПСС также фиксировались тревожные сигналы. В сентябре 1988 г. Отдел организационно-партийной работы направил в Секретариат записку «Об обстановке среди граждан немецкой национальности», в которой отмечалось резкое усиление среди них религиозности. Другой проблемой стал рост эмиграции: только за последние десять лет существования СССР его покинули около 50 тыс. немцев, в основном высококвалифицированных рабочих. Больше всего выезжало из Казахстана, Таджикистана, Молдавии, а в РСФСР — из Кабардино-Балкарии, Волгоградской и Новосибирской областей. Руководство Отдела организационно-партийной работы ЦК считало, что на эмигрантские настроения влияла «подстрекательная деятельность зарубежной пропаганды и контакты с выехавшими родственниками». Дабы сбить растущую волну недовольства, решением ЦК в центральной печати были опубликованы статьи по истории немецкой автономии и вообще по истории немцев в России и СССР. Наибольший интерес среди немецкого насе-

ления вызвала статья В.А. Аумана и В. Чернышева «Советские немцы перед войной и сегодня», вышедшая в «Правде».

Но основанное внимание по-прежнему уделялось проблемам крымских татар. Ежемесячно в Отдел оргпартрabоты поступали сообщения с мест, а также предложения местных партийных руководителей о работе с татарским населением. Впрочем, последние сводились лишь к двум вещам — усилить контроль органов внутренних дел и незначительно улучшить культурно-бытовую сферу жизни. Например, руководство Узбекистана планировало увеличить количество школ, где преподается татарский язык, а также издать дополнительными тиражами политическую, художественную и детскую литературу для крымско-татарского населения. Аналогичные шаги предлагались руководством Киргизии.

На фоне этих косметических мер особое раздражение татар вызвало решение комиссии Громыко в июле 1988 г. о том, что оснований для восстановления Крымской АССР нет. Они посчитали себя обманутыми. Некоторые связывали решение комиссии с фигурой ее главы. Одни заявляли, что Громыко защищает интересы украинцев, другие, что он «всегда относился негативно к татарам» [23, л. 42—44]. Раздавались призывы продолжить борьбу за свои права. Некоторые активисты проводили агитацию среди соседей, родственников, призывая их к противоправным действиям. Особенно остро негативно сообщение комиссии было воспринято в Краснодарском крае, где представители татар стали проводить несогласованные митинги, формировать делегации для поездки в Москву.

Впоследствии протестное движение только ширилось. Наиболее крупные митинги прошли в Узбекистане, Крыму. Люди выходили с лозунгами: «Долой последователей сталинизма!», «Государственная комиссия — рупор шовинизма!», «Работа Государственной комиссии направлена против татар!», «Родину — народу!» [23, л. 125, 129, 142]. Наиболее отчаявшиеся заявляли, что будут захватывать детские сады и держать детей в заложниках, пока власть не объявит о восстановлении автономии. Крымско-татарский вопрос осложнился большим влиянием мусульманского духовенства, особенно незарегистрированного (бродячих мулл, меджауров). В радикальные исламские круги вовлекалось много молодежи, они выступали против властей. Среди радикальных исламских групп населения целенаправленно распространялись антирусские настроения, идеи превосходства тюркоязычной группы населения над другими нациями и народностями [20, л. 54—61].

Власть поняла, что затягивание решения проблем становится все более опасным. В апреле 1989 г. на заседании Политбюро было принято решение о создании специальной комиссии при Верховном

совете СССР для решения проблем советских немцев и крымских татар. В течение почти полугода комиссия функционировала при Совете национальностей. В конце октября в ЦК была рассмотрена записка депутата Верховного совета СССР Г.И. Янаева, в которой предлагалось пересмотреть прежний взгляд власти на проблемы двух народов. В частности, критиковались решения комиссии Громыко. В ноябре 1989 г. постановлением председателя Верховного совета при Совете министров СССР была сформирована еще одна комиссия «для решения практических вопросов, связанных с восстановлением прав советских немцев и крымско-татарского народа» [22, л. 70—71].

Параллельно с деятельностью комиссий вопрос о немцах стал активно разрабатываться в недавно созданном Отделе национальных отношений ЦК КПСС. В частности, местным партийным руководителям поступило указание подготовить служебные записки с предложениями практических шагов для решения проблем немецкого населения [26, л. 186—193]. Но, как и в случае с татарами, местные руководители предложили лишь косметические меры. Например, Саратовский обком предлагал к 1995 г. выработать программу развития сети немецких национальных школ и детских дошкольных учреждений. Челябинский обком предлагал провести неделю немецкой культуры и организовать митинг-встречу. Пожалуй, только руководство Оренбургского обкома решилось на конкретные шаги. Так, в Переволоцком и Александровском районах области — местах наиболее компактного проживания немцев — был проведен опрос о создании национальных районов. Результаты получились довольно неожиданными: «за» высказалось только 42% населения. Большинство немцев расценили идею как запоздалую и были настроены эмигрировать в ФРГ. В то же время местное руководство почти во всех записках жаловалось на деятельность общества «Возрождение», которое, по их мнению, мешало решать проблемы советских немцев [30, л. 22—23].

Действительно, деятельность «Возрождения» заметно радикализировалась. На его второй конференция в январе 1990 г. присутствовали представители оппозиционных движений, настойчиво звучали предложения перейти к открытой политической борьбе, проводить демонстрации на Красной площади и даже самопровозгласить автономию. В аналитической записке КГБ, направленной в Отдел национальных отношений ЦК, отмечалось сближение позиций части руководства «Возрождения» с экстремистским крылом крымских татар. Власть пыталась сбить градус радикализма. В марте 1990 г. в аппарате ЦК КПСС, видимо, под влиянием секретаря ЦК КПСС Г.П. Разумовского, родилась идея создания Ассоциации советских

немцев — переходной формы национальной жизни и развития перед воссозданием автономии. Это был первый за долгие годы конкретный шаг, предложенный структурами власти. Но в начале 1990 г. руководство страны столкнулось с новой проблемой. В ряде районов Саратовской и Волгоградской областей стали формироваться комитеты по защите прав местного населения, а в конце января был создан межобластной комитет «Россия». Саратов и Волгоград буквально захлестнула волна протестных митингов. Отдельные городские и районные советы Саратовской области приняли постановление о том, что в случае восстановления автономии они оставляют за собой право остаться в составе области. Пикетировались встречи рабочих групп по восстановлению автономии. Причем лозунги пикетчиков становились все более радикальными. Наиболее массовыми были «кричалки»: «Немцам — да, автономии — нет», «Не развешивай немецкий рот на саратовский огород», «Отстояли Волгу в 43-м, отстоим и сегодня». Появились и откровенно провокационные лозунги — такие, как «Лучше СПИД, чем немцы» [29, л. 61].

Обострилась и обстановка в Крымской области, куда стремительно заезжали татары с разных уголков Советского Союза. К концу 1990 г. туда переселилось почти 100 тыс. человек. Основная масса давила на местную власть, используя пикеты, разбивая палаточные городки и даже захватывая землю под строительство жилья. Практически за всеми несанкционированными акциями стояла Организация национального движения крымских татар во главе с М. Джемилевым. Ее активисты назвали свою деятельность политической и объявили себя партией всех крымских татар. Они призывали увеличить число самозахватов не только земель, но и жилых домов на бывших территориях крымских татар. В частности, в некоторых селах татары захватывали дома, выселяя из них жителей под угрозой оружия, а затем выкапывали возле них траншеи [27, л. 111—112]. ЦК, в свою очередь, попытался внести раскол в деятельность Организации и стал открыто поддерживать Национальное движение крымских татар, встреча с лидерами которого состоялась в октябре в Отделе национальных отношений ЦК. Но на местах партийные комитеты, милиция, суд, прокуратура бездействовали. В ответ русское население ответило антипикетами, участвовало в формировании комитетов самообороны. В некоторых селах и деревнях Крымской области участились случаи перестрелок, убийств на национальной почве. Русское население требовало изменить статус Крыма — придать ему общесоюзный статус (объявить всесоюзной здравницей) или вернуть в РСФСР [27, л. 30—36].

Несмотря на явное обострение обстановки, в 1991 г. «татарский» и «немецкий» вопросы отошли для руководителей страны на вто-

рой план. Главным в политической повестке дня было удержание власти. Решение проблем двух народов перекладывалось на плечи местных властей, неопытных в таких делах. Предоставленные сами себе, народы выбрали путь эмиграции — внутренней, как в случае с крымскими татарами, и внешней, как в случае с немцами. Так, в 1989 г. из СССР выехало около 100 тыс. немцев, в 1990 г. — 150 тыс., а в 1991 г. — уже около 400 тыс. Лишь после падения коммунистического режима власти России и Украины попытались разрешить проблемы двух народов. Но эти попытки имели ничтожный эффект. В 1992 г. президент России Б.Н. Ельцин подписал указ о восстановлении автономии немцев Поволжья, но он так и не был реализован. Попытки властей Украины решить проблемы крымских татар оказались столь же безуспешны. Пока не дала положительного эффекта и политика президента РФ В.В. Путина после присоединения Крыма, о чем свидетельствует всевозрастающая эскалация национальной напряженности на полуострове.

Таким образом, перестройка, открыв шлюзы демократии и гласности, позволила немцам и крымским татарам не только свободно говорить о проблемах своего народа, но и предпринимать конкретные шаги по восстановлению автономий. Однако партийно-государственные институты, провозгласив необходимость обновлений, проводили реформы традиционным способом, нехотя и во многом декларативно. Это приводило к затягиванию принятия важных решений и заметно обостряло настроения заинтересованных народов. Это лишь усиливало межнациональную напряженность и привело в ряде случаев к острым и затяжным конфликтам, некоторые из которых (например, в Крыму) не удалось решить до сих пор.

Список литературы

1. Бекирова Г.Т. Крымские татары. 1941—1991. Опыт политической биографии. — Симферополь, 2008.
2. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941—1955 гг. Историко-правовое исследование. — Новосибирск, 2003.
3. Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России — М., 2005.
4. Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. — М., 2002.
5. Бугай Н.Ф. Дискуссионные аспекты в изучении проблемы принудительных переселений народов в Союзе ССР // Белые пятна российской и мировой истории. — 2015. — № 4—5. — С. 40—73.
6. Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» — М.: «АИРО-XX», 1995.

7. Бугай Н.Ф. Принудительные переселения — технология управления советским обществом, соотношение целей, использование мировой практики // Историческое место советского общества. — М., 2016. — С. 29—38.
8. Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитация граждан: история и историография (XX в. — начало XXI в.). — М., 2012.
9. Герман А.А. Немцы СССР на спецпоселении // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. — 2014. — Т. 14. — № 2. — С. 39—47.
10. Герман А.А. Послевоенное общественное движение российских немцев (1954—2014 гг.): попытка системного анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2015. — Т. 15. — № 3. — С. 34—40.
11. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. Хрестоматия. — М., 2005.
12. История российских немцев в документах (1763—1992 гг.) // Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарёва. — М.: МИГУП, 1993.
13. Ключина О.Е. «Советские немцы»: проблемы современной историографии // Немцы на Урале и в Сибири (XVI—XX вв.). Материалы научной конференции «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI—XX вв.» — Екатеринбург, 2001. — С. 416—424.
14. Кригер В. Kolonisten, Sowjetdeutsche, Aussiedler. Eine Geschichte der Russlanddeutschen. — Bonn, 2015.
15. Кригер В. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути. — М.: АИРО-XXI, 2010.
16. Принудительное переселение крымских татар: путь к реабилитации // Сост. Н.Ф. Бугай. — М., 2015.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 100. Д. 49.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101. Д. 218.
19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101. Д. 221.
20. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101. Д. 231.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101. Д. 255.
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 519.
23. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 103. Д. 947.
24. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 103. Д. 973.
25. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 103. Д. 975.
26. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС. В 3-х т. — М., 2000—2004.
27. Рославцева Л.И. Крымские татары. Историко-этнографическое исследование. — М., 2008.
28. Хунагов А.С. «Выслать без права возвращения...» — Майкоп, 1999.
29. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. — М.: РОССПЭН, 2009.
30. Шахбанова М.М. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века). — М., 2006.

Разногласия в Политбюро ЦК КПСС по вопросу о свободе слова в культуре и СМИ в 1986—1989 гг.

Аннотация. В статье анализируются разногласия в Политбюро ЦК КПСС по вопросам реформ идеологии и культурной политики, возникшие в переломные для СССР 1986—1989 гг., а также влияние этой борьбы взглядов и мнений на общие процессы поляризации общества в СССР в данный период.

Ключевые слова: «перестройка»; гласность; реформы; культурная политика; свобода слова; политическая борьба; Политбюро.

The controversy about the freedom of expression in the culture and media in the Politburo of the Communist Party's Central Committee in 1986—1989

Abstract. The article reviews the controversy of views about the reforms of ideology and cultural policy which arose in the Politburo of the Communist Party Central Committee at the critical point in USSR history in 1986—1989, and also the influence of this differences of views and opinions on the processes of the polarization of the Soviet society at that period of time.

Keywords: “perestroika”; openness; reforms; cultural policy; freedom of speech; political struggle; Politburo.

Для понимания процессов, происходивших в культурной жизни и культурной политике СССР в конце 1980-х гг., и их результатов немаловажное значение имеет анализ атмосферы, в которой принимались решения по вопросам, связанным с реформами в культуре и идеологии, и особенно разногласий между сторонниками различных подходов к осуществлению реформ. До 1986 г. в руководстве СССР царил внешне единодушие. После 1989 г. процессы гласности стали уже практически неконтролируемыми, и решения Политбюро потеряли свое значение. Говоря о спорах вокруг культуры (в частности, литературы и публицистики), отметим, что корень всех разногласий лежал гораздо глубже — речь шла о возможности реформы всей системы. Однако, поскольку культура всегда была в СССР важной частью идеологической системы, между сторонниками сохране-

* **Сабина Мурад-кызы Мусаева** — свободный исследователь, преподаватель Компании КМТ МММ (г. Баку, Азербайджан). e-mail: sabmus@hotmail.com
Sabina M. Musayeva — free researcher, teacher in the KMT MMM company (Baku, Azerbaijan). e-mail: sabmus@hotmail.com

ния *status quo* и радикальной реформы шли не менее ожесточенные споры, чем о политической реформе.

При отсутствии специальных исследований тема затрагивается в отечественной и зарубежной историографии в различных контекстах: как часть политической борьбы в ЦК КПСС [4, 5], как борьба за контроль над прессой [2], с точки зрения роли руководства страны в расколе прессы и творческой интеллигенции [3, 1].

Одной из первоочередных задач команда реформаторов считала обеспечение поддержки реформ со стороны представителей центральных и региональных органов власти. С этим связаны перестановки в руководящих органах страны, партии, творческих союзов и СМИ, попытки минимизировать возможную оппозицию реформам, заменив многих ставленников прежнего руководства своими сторонниками или просто лояльными к реформам кандидатурами.

Однако серьезных разногласий в руководстве страны избежать не удалось. На первом этапе, когда целью «перестройки» провозглашалось ускорение экономического развития, сопротивления реформам, по крайней мере, открытого, внутри правящего аппарата практически не было. С провозглашением же политики гласности в стане реформаторов наметились конфликты. Е.К. Лигачев, один из главных сторонников первого этапа реформ, поддерживал политику гласности только до определенного предела, пока гласность не представляла угрозы государству, партии и социалистическим идеалам. Он резко отрицательно относился к бесконтрольной критике прошлого, считал, что слишком много внимания к разоблачению ошибок прошлого мешает серьезно работать над «перестройкой». Выступал против почти всех крупных публикаций того периода, считая, что слишком много шума поднимается вокруг некоторых имен, критиковал Ч.Т. Айтматова, В.М. Астафьева, В.В. Быкова за религиозные и богоискательские мотивы в последних произведениях. Выступая за контролируемую гласность, заявлял: «Нас провоцируют на то, чтобы мы влезли в спор с художественной интеллигенцией, чтобы ЦК диктовал, какое произведение удачно, а какое нет. Мы на эту провокацию не пойдем. Надо, чтобы оценка художественного творчества шла от самих художников, делалась через них под руководством партии, под ее контролем» [6, с. 95]. Можно сделать вывод, что Лигачев выступал за осторожное изменение культурной политики, обновление руководства творческих союзов, выдвижение молодых кадров, но при этом всячески пытался сохранить систему.

На тех же позициях стояли председатель КГБ В.М. Чебриков и старейшина Политбюро А.А. Громыко. Можно привести в пример следующие слова первого: «Хуже обстоит дело с тем, что наши тол-

стые журналы стали буквально соревноваться, кто, если можно так сказать, сильнее “плюнет” в Советскую власть. Многие писатели стараются сейчас, как они сами говорят, рассчитаться с Советской властью за беды своих родителей... Я не за то, чтобы писались оды в честь прошлого или настоящего, но если мы выпустим из-под контроля литературный процесс, то получится, что за 70 лет Советской власти у нас не было ни одного светлого дня» [6, с. 95]. Позиция Чебрикова определялась отношением к начавшимся реформам со стороны его ведомства, которое, по словам А.Н. Яковлева, «как и раньше, продолжал направлять в ЦК записки о враждебной деятельности интеллигенции, а также литературные “обзоры”, разумеется, определенного содержания и подготовленные агентурой из писателей. В записке КГБ от июня 1986 г. (уже шла перестройка) перечисляются фамилии многих известных писателей, которых якобы “обрабатывают” иностранные разведки» [14, с. 194]. М.С. Горбачев, по мнению Яковлева, выступал на первом этапе за дозированную гласность: «Судя по его словам и действиям, он выстроил некую логическую цепочку поэтапных решений: информация — гласность — свобода слова. Был вынужден маневрировать, учитывая сопротивление аппарата партии» [14, с. 395].

На публику разногласия в ЦК старались не выносить, по отношению к конфликтам в среде творческой интеллигенции официальной позицией был призыв соблюдать культуру дискуссий и не скатываться до склок и дразг в борьбе различных сил в творческих союзах. Однако конфронтация усилилась в 1987 г., когда развернулись процессы пересмотра и критики прошлого. Наиболее активно в этот процесс включилась творческая интеллигенция и деятели культуры. В культурной жизни общества основная борьба развернулась по отношению к прошлому, оценке Октябрьской революции, дальнейшему пути развития страны и по отношению к Западу и к западной культуре.

Противоречия по вопросу о гласности обнаружили еще на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г. Горбачев вспоминал, как с самого начала пленум прений многие выступавшие стали выражать опасения из-за происходящего в идеологии и культуре. Так, И.К. Полозков беспокоился, что общество зачитывается произведениями, которые критикуют прошлое, вскрывая проблемы, отрицают все, что было достигнуто, ниспровергают идеалы, но не утверждают новые. Об этом говорили и другие участники пленума, выступавшие против злой критики, постоянного поиска недостатков при малом освещении положительного опыта. По мнению Горбачева, эти высказывания были «тревожными признаками того, что партийная верхушка не станет безропотно мириться с потерей возможности по своему стан-

дарту и к своей выгоде формировать духовную жизнь общества» [8, с. 310].

Многие члены Политбюро выступали против того, чтобы писатели и журналисты оценивали исторические события как им вздувается, призывали к взвешенной оценке и фактам. А.И. Лукьянов: «Нельзя отдавать на откуп литераторам оценку политических событий»; В.М. Чебриков: «Многие навязывают свою правду... В литературе господствуют Рыбаков, Бек, Дудинцев. Почему художественные произведения у нас стали основами марксизма-ленинизма?!» По мнению некоторых, наблюдались перегибы в оценке творчества определенных деятелей культуры. А.А. Громько считал недопустимым, что многих подвергшихся репрессиям писателей возводят в ранг святых. Д.Т. Язов подвергал сомнению современное искусство: «Беспокоят некоторые тенденции в сфере культуры. Высоцкий... Какой такой подвиг он совершил? Картины: какое в них видение мира, если ничего на них не видно?» [6, с. 304].

Основными оппонентами во властных структурах стали Лигачев и Яковлев. Первый со временем занимал все более консервативную позицию, выступал за контролируруемую гласность. Вторым выступал за полную свободу слова и свободу творчества, за то, чтобы творческие деятели, редакторы журналов и газет, журналисты сами решали, о чем писать, что публиковать, иначе «перестройка была обречена на провал» [13, с. 395]. «Руководителям местных инстанций Главлита стало “трудно работать” в новых условиях. На свои недоуменные вопросы, адресованные, естественно, “директивным органам”, т.е. идеологическим структурам КПСС, они перестали получать “однозначные” ответы; им советовали действовать “по обстановке”. Растерянность царила еще и потому, что впервые руководители партии стали говорить как-то не в унисон. С одной стороны, нужно слушаться генсека, призывающего к гласности, открытости, к “приоритету общечеловеческих ценностей перед классовыми”, говорящего о каком-то не совсем понятном “человеческом факторе”. А с другой стороны, второй человек в партийной иерархии, заведующий идеологией Егор Лигачев, периодически собирая руководителей средств массовой информации, предостерегает их от “чрезмерного критиканства”, призывает следовать принципу партийности и ни в коем случае не посягать на ценности, завоеванные социализмом» [3, с. 230].

Признавая необходимость замены главных редакторов, которые не могли работать в новых условиях, Лигачев тем не менее ставил в вину Яковлеву намеренный выбор кандидатов, способствовавших появлению в прессе публикаций, которые накаляли общественную атмосферу, без разбора очерняли прошлое страны, ее армию и

т.д. «Острота радикальных публикаций все чаще переходила в разнузданность. Трудно припомнить такие заседания Политбюро, на которых стихийно не возникали бы вопросы по СМИ... В ЦК потопом шли письма людей, возмущенных публикациями, оскорблявшими нашу партию, армию, ветеранов» [11, с. 95]. По его мнению, эта «диктатура праворадикальных средств массовой информации» и жестокий пропагандистский террор нанесли огромный ущерб «перестройке» и процессу демократизации. На встрече с художественно-творческой интеллигенцией в Саратове 4 марта 1987 г., говоря о гласности и свободе слова, Лигачев резко раскритиковал и негативные явления, отметив, что «некоторые газеты и журналы сосредоточили свое внимание лишь на публикации материалов, отражающих ошибки прошлого. Но это только часть правды. Есть и другая сторона правды. Она, прежде всего в том, что наш народ под руководством партии совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, 70-летие которой мы готовимся отмечать, победил в Великой Отечественной войне, построил социалистическое общество, успешно ведет созидательную работу, активно борется за мир во всем мире. Правда о свершениях и противоречиях должна быть полной» [10, с. 192].

Сам же Яковлев считал эти разногласия в высшем эшелоне власти абсолютно не опасными, даже полезными: «В результате в общественном сознании начало складываться представление о двух “политических краях” в партии, о возможности альтернативных взглядов даже в высшем руководстве. Наступило время, когда каждый должен был определять личные позиции. С этой точки зрения фактический раскол “наверху” имел положительное влияние на демократизацию жизни. При этом каждый из участников совещаний брал для себя те положения, которые ему больше нравились. В итоге постепенно рушилось одномыслие. В газетах, журналах, на радио и телевидении нарождалась новая журналистика, новый стиль письма, на страницы изданий и в эфир все чаще прорывались свежие, смелые материалы проблемного характера». Яковлев считал своей особой заслугой то, что пресса может теперь печатать абсолютно все, и не нужно больше «бегать за разрешениями, что публиковать, а что нет» [14, с. 396]. Редакторы наиболее радикальных изданий часто искали защиты и поддержки у реформаторов в ЦК [7]. Сам Яковлев вспоминал, что сложились негласные правила, когда ему заранее сообщали о готовящейся к печати острой публикации, а он прикрывал редакторов, если разгорался скандал.

Горбачев в целом поддерживал позицию Яковлева, однако в официальных выступлениях соблюдал нейтралитет. Например, на встрече с руководителями средств массовой информации и творческих

союзов 10 июля 1987 г., объявив о наступлении нового этапа «перестройки» и необходимости реформ во всех сферах жизни страны, он обратился к творческой интеллигенции с просьбой консолидироваться, подняться выше эмоций и собственных удобств. Он подчеркнул, что все разногласия в обществе происходят в рамках борьбы за социализм и его совершенствование, и поэтому не вызывают беспокойства у руководства страны [12]. По мнению Лигачева, генсек не предпринимал никаких усилий для стабилизации обстановки, ограничиваясь лишь беседами с редакторами. По собственному признанию Горбачева, он тоже был обеспокоен положением дел в СМИ: «На перекосы я и сам обратил внимание: критика стала приобретать оскорбительный, разносный характер, нередко публиковались откровенно клеветнические материалы, основанные на искажении и подтасовке фактов» [8, с. 317]. Однако он назвал эти явления побочным эффектом, «отходами» слишком долго сдерживаемой гласности, и считал опасными для реформ какие-то строгие запреты, которые не менее вредны, чем вседозволенность, и призывал найти определенную меру. А в отношении к истории страны призывал уважать все, что было выстрадано и создано народом, но в то же время и объективно оценивать прошлое «с позиции правды и с позиции ответственности» [6, с. 239], избегая относиться к нему с безразличием, неуважением, цинизмом. Занимавший пост главного редактора журнала «Огонек» В.А. Коротич вспоминал о странном поведении Горбачева, который время от времени устраивал журналистам разнос как будто просто для вида, кричал, грозился снять с должностей, не позволял никому что-то сказать в свое оправдание, а потом как будто забывал об этом. Складывалось впечатление, что эти нагоняи были способом успокоить консерваторов в ЦК [9, с. 184].

Возникали споры у реформаторов и с КГБ, который по привычке пытался заниматься идеологией. Чебриков так характеризовал общественные силы в стране: «Организации, группы, объединения делятся на три части. Всего их сейчас по стране 32 тысячи. Первая — и главная — это активные участники процессов обновления, активные помощники партии. Будят творческую мысль. КГБ видит их, но — не чтоб искать там врагов... Вторая группа. Их несколько десятков. В каждой есть здоровое ядро, которое, однако, не всегда берет верх. Третья группа. В ней всего 600 человек. Заслуживает того, чтобы за ней внимательно следить, работать с ней. “Инструктируются” из-за рубежа. Выпускают листовки, открытки посылают, рассовывают их и по почтовым ящикам» [6, с. 235]. Эти попытки сохранить контроль над общественными силами побудили Горбачева высказаться на заседании Политбюро: «Не путать функции ЦК и КГБ! Идеологическая и политическая работа — это ЦК. А КГБ пусть занимается

государственной безопасностью. Идеологической жандармерии нам не нужно» [6, с. 167].

Пресса того времени была зеркалом этой борьбы. Газеты и журналы разделились на консервативные, радикальные, националистические и т.д. Основными рупорами «перестройки» были журналы «Огонек», «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», газета «Московские новости». Противоположные взгляды выражались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва». Они воспринимались многими «как “креатуры” противоборствующих группировок в Политбюро (условно говоря, горбачевско-яковлевской и лигачевской)» и «олицетворяли собою две идеи, между которыми общество все еще совершает мучительный выбор, — идею Свободы и идею Равенства, восходящие к знаменитой триаде Великой французской революции “Свобода — Равенство — Братство”, но утратившие былое триединство. Ибо ныне одни полагают, что главной причиной плохого “социального самочувствия” страны стало отсутствие демократических прав личности, гарантированных политических и экономических свобод; а другие, напротив, убеждены, что дело исключительно в нарушении социалистического принципа равенства, когда одни живут лучше других и свою волю противопоставляют “общему делу” большинства» [1, с. 225].

Неспособность представителей власти к конструктивным диалогам друг с другом и творческой интеллигенцией, неспособность руководить процессами в культуре и в СМИ в новых условиях спровоцировали в обществе непримиримую борьбу взглядов и мнений, которая перерастала в дразги и склоки. Призывая творческую интеллигенцию и деятелей культуры воздержаться от групповых пристрастий и нетерпимости, мести за прошлые обиды и критику и консолидировать силы в творчестве, борьбе за гласность, демократию и духовное развитие общества, руководство страны не могло выработать единого четкого подхода к происходящим процессам.

В результате фактической победы в этом вопросе группировки Яковлева-Горбачева критика советского прошлого еще более обострилась и вскоре стала неподконтрольна даже самим инициаторам «перестройки». Одновременно обострилось и противостояние между представителями творческой интеллигенции, стоявшими на разных политических позициях. Но главное — оказался нарушен баланс внутри не только системы, но и самой команды реформаторов, что не могло не повлиять на успешный ход самих преобразований. Результатом стали потеря авторитета властей и, вследствие этого, неспособность их бороться против негативных эффектов реформы. Ни общество, ни творческая интеллигенция, ни руководство страны оказались не готовы к переменам, связанным со свободой слова.

Список литературы

1. Архангельский А.Н. Между свободой и равенством // Новый мир. — 1991. — № 2. — С. 225—241.
2. Атнашев Т.М. Переключая режимы публичности: как Нина Андреева содействовала превращению гласности в свободу слова // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19758/ (дата обращения: 01.07.2019).
3. Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. — СПб.: Академический проект, 2005. — 296 с.
4. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994. — М.: Международные отношения, 1996. — 320 с.
5. Верт Н. История Советского государства. 1900—1991. — М.: Прогресс-Академия, 1992. — 480 с.
6. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991) / Составитель А.С. Черняев. — М.: Горбачёв-Фонд, 2008. — 800 с.
7. ГА РФ. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 507. Л. 2.
8. Горбачёв М.С. Жизнь и реформы: в 2 кн. — Кн. 1. — М.: АО Издательство «Новости», 1995. — 600 с.
9. Коротич В.А. Зал ожидания. — N.Y.: Liberty publishing house, 1991. — 184 с.
10. Лигачёв Е.К. Избранные речи и статьи. — М.: Политиздат, 1989. — 318 с.
11. Лигачёв Е.К. Кто предал СССР. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. — 288 с.
12. Справочник партийного работника. — Вып. 28. — М.: Политиздат, 1988. — 703 с.
13. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. — М.: Новости, 1991. — 368 с.
14. Яковлев А.Н. Сумерки. — М.: Материк, 2005. — 672 с.

Празднования юбилеев сибирских городов в переломную эпоху: историческая политика и память (1985—1993 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена истории празднований юбилеев сибирских городов во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. Автор сравнивает юбилеи Иркутска (1986 г.), Омска (1991 г.) и Новосибирска (1993 г.). В статье раскрываются, отразившиеся в планах мероприятий и самих торжествах, перемены в сфере политики памяти в период слома старых идеологических и культурных установок и вызревания новой общественной системы ценностей. Выявляются черты исторической преемственности и изменения в организации масштабных праздничных мероприятий. **Ключевые слова:** сибирские города; историческая память; политика памяти; юбилеи; коммеморация; перестройка.

Celebrations of anniversaries of Siberian cities in a critical era: historical politics and memory (1985—1993)

Abstract. The article is devoted to the history of celebrations of anniversaries of Siberian cities in the second half of the 1980s — early 1990s. The author compares the anniversary of Irkutsk (1986), Omsk (1991) and Novosibirsk (1993). The article reveals the changes in the sphere of memory policy in the period of breaking the old ideological and cultural attitudes and maturing of the new social system of values reflected in the plans of events and celebrations. The features of historical continuity and changes in the organization of large-scale celebrations are revealed.

Keywords: Siberian cities; historical memory; politics of memory; anniversaries; commemoration; perestroika.

В современных междисциплинарных исследованиях особую актуальность приобрело обращение к сюжетам коллективной памяти. Этот интерес объясним, поскольку именно политика памяти, ее об-

* **Сергей Сергеевич Наумов** — аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск, Россия). e-mail: naumov_s_s@mail.ru

Sergey S. Naumov — Post-graduate student of the Department of modern national history and historiography, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russia).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-31114) «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX — начала XXI в.)».

разы и символы способствуют формированию различных стратегий развития общества. Одной из важнейших составляющих реализации этих стратегий является проведение праздничных торжеств, как нельзя лучше иллюстрирующих процессы динамики исторической памяти. При этом следует заметить, что провинциальные коммеморативные практики пока еще малоизученны и потому представляют живой интерес для исследователей.

Все больше авторов в своих трудах обращаются к разнообразным аспектам советской праздничной культуры. Юбилейные торжества в сибирских городах, их значение для формирования коллективной памяти нашли отражение в работах историков М. Рольфа [23], Е.И. Красильниковой [17], П.Е. Азаровой [1], краеведов Т.М. Назарцевой [20], Л.А. Кузменкиной [18] и др. Лучше изучены юбилеи, пришедшиеся на первую половину XX в. Торжества, проходившие в период 1960—1980-х гг., исследованы меньше. Времена перестройки и постперестроечный период пока слабо привлекают исследователей, хотя именно во второй половине 1980-х гг. в нашей стране утвердилась практика празднования Дней городов в привычном сегодняшнем формате.

Цель данной статьи — раскрыть специфику исторической динамики политики памяти, транслируемой в рамках празднования юбилеев сибирских городов в условиях радикальных перемен в жизни страны во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. На этот период пришлось несколько масштабных юбилеев: 300-летие присвоения Иркутску статуса города (1986 г.), 275-летие Омска (1991 г.), 100-летие Новосибирска (1993 г.). Основными источниками исследования, отражающими процессы подготовки и проведения юбилеев, стали делопроизводственные документы из государственных архивов Омска, Новосибирска и Иркутска, а также материалы сибирской периодики рассматриваемого периода. С помощью газетных публикаций удалось восстановить хронику празднования дней городов, а также раскрыть смыслы политики памяти, заложенные организаторами мероприятий.

Политика гласности, начавшаяся вскоре после прихода к власти М.С. Горбачева и его команды реформаторов-«перестройщиков», выявила огромное количество проблем во всех сферах жизни советского общества. Решение этих проблем требовало открытости, решительности и известного «ускорения». Большинство регионов откликнулись на новый лозунг и активно взялись за его претворение в жизнь. Показателен пример Иркутска, власти которого одними из первых в Сибири сумели связать процессы демократизации с юбилейными коммеморациями. Очевидно, что именно необходимость решения социальных проблем стала причиной обращения руковод-

ства области к сюжетам прошлого, выразившегося в организации «второго трехсотлетия» города.

В 1983 г. впервые за несколько десятилетий на пост первого секретаря обкома КПСС был назначен сибиряк — В.И. Ситников, уроженец Алтайского края, проработавший много лет в партийных органах Западной Сибири. Приход «местного» руководителя, хорошо знакомого с проблемами и чаяниями региона, совпал с завершением эпохи «застоя». Накануне 1985 г. на местах пока негромко, но уже уверенно говорили о противоречиях «развитого социализма», непростом экономическом положении в провинции, трудностях в обеспечении граждан продовольствием, жильем и т.д. С началом перестройки новое руководство области, заручившись поддержкой местной интеллигенции (историков, краеведов, журналистов, общественников), обратилось к полузабытой дате — 300-летию со дня присвоения Иркутску статуса города. Как и в годы «оттепели», когда праздновалось 300-летие основания Иркутска, областные власти использовали формальный повод (по типу «достойной встречи XXII партсъезда» в 1961 г., [8, л. 138.]), чтобы решить ряд социально-инфраструктурных задач. Основной идеологический «посыл» праздника мало отличался от аналогичного четвертьвековой давности: Иркутск позиционировался как молодой, развивающийся, устремленный в будущее город. Программа праздничных мероприятий не предполагала прямых обращений к прошлому, масштабных реконструкций памятников истории, открытий новых мест памяти. 300-летие стало расширенным вариантом классического позднесоветского праздника, когда все ключевые и знаковые даты были связаны с событиями Октября 1917 г. и гражданской войны, Великой Отечественной войны. В юбилейную неделю 21—29 июня 1986 г., согласно программе мероприятий, были предусмотрены: возложение цветов к обелискам, памятникам и мемориальным доскам в честь героев Гражданской войны, митинг у мемориала Славы в честь иркутян, погибших в годы Великой Отечественной войны, возложение цветов к памятнику борцам революции у Белого дома и венков на могилы воинов, умерших в иркутских госпиталях в 1941—1945 гг. и т.д. [28, с. 4].

Однако в юбилее нашел отражение гуманистический пафос перестройки, проявившийся уже на первоначальных ее этапах. Постепенный переход от жестких доктрин к более мягким формам трансляции исторического знания, где важная роль отведена просвещению, постепенно освобождавшемуся от пропаганды, усилил такое «несоветское» явление как ностальгия по старине. 27—28 марта 1986 г. в городе состоялась научно-практическая конференция «Иркутск — исторический город», в которой приняли участие уче-

ные, преподаватели и активисты Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) [11, л. 2]. На страницах газеты «Восточно-Сибирская правда» прозвучал призыв «сберечь бесценное достояние сибирской культуры», который автор предупредила высказыванием: «Деревянные памятники требуют постоянного внимания, своевременной реставрации» [6, с. 1].

В 1986 г. сохранение объектов историко-культурного наследия осуществлялось в рамках советской практики увековечения памяти выдающихся деятелей революционного движения. Иркутским краеведам и активистам ВООПИиК в 1985—1986 гг. были «особенно дороги» памятники, связанные с революционным движением и борьбой за установление советской власти: могила защитников Белого дома, старое здание клинической больницы, откуда хоронили погибших в декабрьские дни 1917 г., Гора коммунаров [10, л. 1]. Активно обсуждался вопрос о необходимости выявления памятных мест, связанных с событиями Первой русской революции, 1917 г., деятельностью Иркутского комсомола и т.д. [9, л. 14]. В 1985 г. началась реставрация ледокола «Ангара» — памятника техники и истории гражданской войны в Сибири [12, л. 1-12].

Официальный рупор празднования 300-летия Иркутска, газета «Восточно-Сибирская правда», 29 июня 1986 г. представила читателям репортаж о праздновании дня города на центральном стадионе «Труд». Подробно рассказывалось, как прошел художественно-спортивный праздник «Шагай вперед, мой город дорогой!» Корреспондент А. Рослов описал и «историческую» часть театрализованного действия. Зрителям были представлены главные вехи истории Иркутска: основание казаками Илимского и Братского острогов, Яков Похабов закладывает Иркутский острог; затем — сюжет о ссыльных декабристах, составивших славу Иркутску (над стадионом звучит стихотворение «Во глубине сибирских руд...»); защита Белого дома — один из эпизодов борьбы в за власть Советов; минута молчания в память о погибших на полях Великой Отечественной войны, поздравление ветеранов-иркутян [24, с. 4.]. Этими сюжетами, собственно, и ограничилась историческая часть празднования «второго трехсотлетия».

Иначе в 1991 г. проходили торжества по случаю 275-летия Омска. Произшедшие за пять лет перемены способствовали постепенной замене идеологических догм общечеловеческими ценностями. В то же время, к 1991 г. большинство образов и символов, связанных с советским периодом, оказались дискредитированы в результате гласности, а новый «пантеон героев» не успел сформироваться. Деконструкция привычных символов исторической памяти и смена идеологической конъюнктуры актуализировали стремление восста-

новить утраченные связи с дореволюционным прошлым, с памятью ушедших поколений за счет обращения к забытым и замалчиваемым сюжетам истории. В основу праздновавшегося в июне 1991 г. 275-летия Омска легла идея воссоздать картины прошлого, показать быт горожан дореволюционной России.

Летом 1991 г. экономическая обстановка в Омской области, как и во всей стране, была весьма напряженной. В городе бушевали политические митинги, местная власть находилась в состоянии растерянности, началось резкое снижение объемов производства. Настоящее было трудным, будущее казалось туманным — и люди все больше обращались к прошлому. Грандиозное празднование 23 июня 275-летия города стало для его жителей днем без политики, радостной передышкой [4, с. 7]. При большом стечении народа были подняты колокола на звонницу Никольского Казачьего собора (в советское время — органного зала Омской филармонии). В ходе празднования проявилась тенденция к театрализации праздника: на улицах появились люди в костюмах персонажей из прошлых эпох, становящихся на время праздника полноправными жителями Омска [2, с. 51]. По улице Ленина прошли праздничное шествие конницы Сибирского казачьего войска, «парад дворников», одетых на дореволюционный манер, «омская купчиха Мария Шанина» приветствовала омичей с балкона своего особняка, в котором в советское время разместился Центральный универсальный магазин.

Начиная с празднования 275-летия Омска, набирает популярность реконструкция исторических событий с воспроизведением различных бытовых деталей прошлого. На слиянии рек Омь и Иртыш, напротив речного вокзала, прошла театрализованная реконструкция высадки отряда основателя первой Омской крепости И.Д. Бухгольца. Затем состоялась официальная часть: к омичам с поздравлениями обратились председатель исполкома Омского городского Совета народных депутатов Г.А. Павлов, народный артист СССР, уроженец Омской области М.А. Ульянов. Там же, на площади Бухгольца, в честь основания Омска был открыт памятный знак в виде двуглавого орла [14, с. 1]. Вечером на территории культурно-спортивного комплекса «Зеленый остров» состоялось одно из последних выступлений известного певца И.В. Талькова, а на территории парка прошла водная феерия.

Начиная с 1991 г. День города в Омске отмечался ежегодно. Значение празднования 275-летнего юбилея возрастает, если учесть, что 270-летие Омска в 1986 г. отмечалось скромно и, по сути, праздник свелся к публикации ряда исторических материалов в периодической печати и решению о присвоении площади напротив речного вокзала имени Бухгольца [27, с. 143]. В 1990-е гг. роль праздника

усилилась: в условиях атомизации и разобщенности постсоветского общества он на долгое время стал днем единения.

К 275-летию Омска была приурочена реализации ряда знаковых проектов в области культуры. Были открыты два новых городских музея: «Искусство Омска» и «Омский музей Кондратия Белова», завершилась реконструкция Музейного комплекса воинской славы омичей. Был решен вопрос о передаче одного из корпусов автодорожного института (здание бывшего Городского торгового корпуса) под размещение областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля. Отличие омского юбилея 1991 г. от других сибирских праздничных коммемораций советского периода заключается и в том, что мощное инициативное движение шло не только «сверху», но и «снизу». Важную роль в организации новых мест и фигур памяти сыграли созданные, либо получившие «второе дыхание» в период перестройки культурно-просветительные организации: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Советский фонд культуры, общество «Мемориал». Стараниями общественности на историческом месте были восстановлены Тарские ворота Омской крепости [19, с. 1]. Деньги на восстановление памятника истории собирали «всем миром», среди горожан распространялись благотворительные билеты [15, л. 2.]. Воссоздание Тарских ворот стало одним из первых символических актов возрождения культурного наследия. В юбилейный год увидели свет качественно новые издания, посвященные дореволюционной истории Омска, его архитектуре, скульптуре, живописи [13; 22; 26].

Если празднование 275-летия Омска, во многом, можно считать спонтанным юбилеем, чья внезапная масштабность была обусловлена бурным течением перестроечных процессов, то празднование 100-летия Новосибирска (1993 г.) позиционировалось как глобальное событие местного масштаба за много лет до самого юбилея. Бюро горкома КПСС приступило к рассмотрению этого вопроса еще в 1984 г. Ежегодно день рождения своего города новосибирцы стали отмечать в годы перестройки: 6 апреля 1987 г. городским исполкомом было принято постановление «Об учреждении ежегодного празднования Дня города Новосибирска». Одной из причин появления нового городского праздника являлось приближение векового юбилея Новосибирска. Но 1987 г. советская традиция еще сохраняла силу, и праздник официально был приурочен к грядущему 70-летию Октября.

Программа мероприятий в 1987 г. мало чем отличалась от стандартных праздников советской эпохи вроде 1 мая и 7 ноября. Поскольку праздник проводился осенью, то начался он с субботника, посвященного юбилею революции. Начало непосредственно Дня

города было ознаменовано общегородской утренней физзарядкой. В 10 часов утра на площади Ленина состоялся парад духовых оркестров, прозвучали речи официальных лиц, затем прошли «Звездная эстафета», «Час памяти», концерты, театрализованные представления, парад автомобилей. Запланированные автобусные экскурсии оказались мало связаны с историей города и делали упор на индустриальный потенциал Новосибирска, перспективы застройки города и т.п. Были проведены и оригинальные мероприятия вроде экскурсий на самолетах «Новосибирск с высоты птичьего полета» [18].

В 1988 г. День города было решено праздновать летом. Торжества 1988—1991 гг. являлись, по сути, репетициями намеченного на 1993 г. грандиозного праздника. В 1990 г. решением горсовета была создана комиссия по истории города Новосибирска во главе с историком Л.М. Горюшкиным. Это решение оказалось во многом обусловлено разразившимися на страницах печати «баталиями» между различными специалистами (историками, краеведами, писателями, архитекторами) по поводу даты основания Новониколаевска-Новосибирска, а также личностей его основателей [25, с. 3; 3, с. 6—7]. Одной из задач комиссии стало научное обоснование и юридическое оформление даты столетнего юбилея. Комиссия дала рекомендацию при подготовке 100-летнего юбилея учитывать дату высадки первого отряда строителей железной дороги — 30 апреля (12 мая) 1893 г. Комиссия по топонимике внесла предложение о первоочередном присвоении улицам имен исторических лиц, имевших прямое отношение к основанию города и проектированию в районе современного Новосибирска Транссибирской магистрали.: К.Я. Михайловского, В.И. Роецкого, Н.А. Белелюбского, Г.М. Будагова, Н.М. Тихомирова, Н.П. Меженинова [21, л. 8].

Однако распад СССР и демонтаж политических, экономических и социальных институтов оказали прямое влияние на реализацию проекта. Уже в начале 1990-х гг. стало понятно, что экономическая ситуация вносит свои коррективы в план юбилейных мероприятий. Деятельность фонда 100-летия Новосибирска, созданного для сбора средств на праздник, ограничилась проведением субботника [5, с. 4]. Так и не появился в городе памятник его «официально признанному» основателю Н.Г. Гарину-Михайловскому, в ненадлежащем состоянии оказались и существующие памятные места [16, с. 3]. Изменилась и сама идеология праздника. Сценарий торжеств создавался еще в советскую эпоху, а воплощать его в реальность пришлось в другой обстановке. Этим, вероятно, можно объяснить некоторую озадаченность, в состоянии которой город встречал свой юбилей. Корреспондент газеты «Наука в Сибири» так описал 100-летие Новосибирска, праздновавшееся 3—4 июля 1993 г.: «Что же до самого праздника Дня

города... он мало чем походил на юбилеи и прочие торжества времен не столь отдаленных, когда лейтмотивом любого публичного действия была пресловутая заорганизованность. Говорят — во всем видны приметы времени, и, по-моему, нынешний праздник как нельзя более отражал наше «полное отсутствие всякого присутствия» — наше смутное и сумбурное настоящее, с его политическими и прочими шатаниями, хаотическими течениями, когда каждый от чего-то зависим, и в то же время предоставлен самому себе... Чего-чего, а вот организованности на Дне города, пожалуй, не хватало, и, в сущности, весь праздник вылился в массовые и стихийные гуляния по центральной площади и прилегающим к ней улицам» [7, с. 5].

Политические и социально-экономические процессы 1985—1991 гг. оказали серьезное влияние на динамику политики памяти, проявившуюся в празднованиях юбилеев сибирских городов. Все рассмотренные юбилеи объединяет фактор политизированности торжеств и их исторической «включенности», когда праздник должен акцентировать внимание на проблемах города и помочь улучшить социальную инфраструктуру. Однако идеологическое наполнение подобных коммемораций за рассматриваемый исторический период претерпело коренные трансформации. Если Иркутск в свой юбилей 1986 г., обращаясь к прошлому, брал то небольшое, что с гордостью можно было показать в будущем, то спустя пять перестроечных лет Омск в 1991 г. искал в том же самом прошлом успокоение, утешение и надежду. Пережившее радикальную ценностную ломку советское общество на какое-то время потеряло ориентиры и дальнейшее движение вперед оказалось затруднительным. Это особенно хорошо заметно на примере юбилея Новосибирска. Пережив трудный переходный период, общество обратилось к поиску новых идеалов и образцов. Возможно, важнейшим результатом этих исканий стало устройство нового формата праздников, получивших широкое распространение — дней городов. Одно из новых течений коллективной памяти, выраженное в выявлении особенностей и неповторимости региональных центров, требует исследовательского внимания со стороны представителей самых разных научных дисциплин.

Список литературы

1. Азарова П.Е. Городские праздники Западной Сибири 1920—1930-х гг. в аспекте ценностно-знаковой системы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2017. — № 26. — С. 12—18.
2. Блинова О.В., Котовщикова О.В. Омску 300 лет: традиция празднования дня города // Омский краевед. — 2017. — № 7. — С. 48—54.

3. Брат А. С чего начинается Родина? // Молодость Сибири. — 1987. — № 64—66.
4. Васильева С. Главный праздник всех омичей // Омская правда. — 2015. — № 30.
5. Венцимерова Т. Под обаянием мифа // Вечерний Новосибирск. — 1992. — № 248.
6. Верещагина С. Страницы истории // Восточно-Сибирская правда. — 1986. — № 129.
7. Вишняков Д. Столетие «сибирского Чикаго» // Наука в Сибири. — 1993. — № 29.
8. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 159. Оп. 25. Д. 56.
9. ГАНИ ИО. Ф. 3238. Оп. 1. Д. 254.
10. ГАНИ ИО. Ф. 3238. Оп. 1. Д. 266.
11. ГАНИ ИО. Ф. 3238. Оп. 1. Д. 310.
12. ГАНИ ИО. Ф. 3238. Оп. 1. Д. 394.
13. Девятьярова И.Г., Селюк В.И. Прогулки по старому Омску. — Омск: НТО «Феникс», 1991. — 64 с.
14. Иртышский В. На площади Бухольца // Омская правда. — 1991. — № 123.
15. Исторический архив Омской области (ГИА ОО). Ф. П-9587. Оп. 1. Д. 197.
16. Квевинская Т. Слово в защиту памятников // Вечерний Новосибирск. — 1990. — № 54.
17. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. — 572 с.
18. Кузменкина Л. 25 лет назад в Новосибирске впервые отпраздновали День города // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/25-let-nazad-v-novosibirske-vpervye-otprazdnovali-den-goroda> (дата обращения: 20.08.2019).
19. Куницын В. Секрет мастеров // Омская правда. — 1991. — № 123.
20. Назарцева Т.М. 250-летие Омска. По страницам газеты «Омская правда» // Омский краевед. — 2017. — № 7. — С. 55—60.
21. Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 745. Оп. 1. Д. 29.
22. Омск. Городские мотивы / Сост.: В.Ф. Чирков, Г.Е. Чиркин. — Омск, 1991.
23. Рольф М. Советские массовые праздники. — М.: РОССПЭН, 2009. — 440 с.
24. Рослов А. «Шагай вперед, мой город дорогой!» // Восточно-Сибирская правда. — 1986. — № 150.
25. Стариков В. Писать не легенду — историю // Вечерний Новосибирск. — 1989. — № 137.
26. Старый Омск. Почтовая открытка рубежа XIX—XX веков / Ред. Г.Н. Орлов. — Омск: Омское книжное издательство, 1991.
27. Улицы города Омска: справочник / Сост. Г.Ю. Гурьев, Л.И. Огородникова. — Омск: Издательство ОмГПУ, 2008. — 280 с.
28. Юбилею посвященные // Восточно-Сибирская правда. — 1986. — № 142.

Деятельность Учебно-тренировочного отряда Магаданского управления гражданской авиации в условиях начавшейся перестройки

Аннотация. В статье на основе протокола собрания коллектива рассматривается вопрос дальнейшего развития УТО-23 в результате планировавшегося сокращения учебных часов и преподавательского состава. Для создания более наглядного представления приведен большой объем цитат из выступлений участников. Их анализ позволяет увидеть состояние дел в подразделении и столкновение точек зрения сотрудников и руководства относительно дальнейших действий по стабилизации ситуации.

Ключевые слова: авиация; самолет; тренажер; отряд; преподаватель; учебный процесс; Магаданская область.

Activities of the training squad of the Magadan Department of civil aviation in the beginning of “perestroika”

Abstract. The article discusses further development of UTO-23 as a result of the planned reduction in teaching hours and teaching staff on the basis of the record of the collective meeting. To create a more visual presentation, we have given a large volume of quotes from the speeches of the participants. Their analysis allows us to trace the real situation in the squad and the clash of points of view of employees and administration regarding further actions taken to stabilize the situation.

Keywords: aviation; airplane; training apparatus; squad; teacher; studying process; Magadan Region.

Северо-Восток СССР к середине 1980-х гг. был достаточно хорошо развитой в промышленном отношении территорией: велась добыча драгоценных металлов, по графику выполнялся северный завоз всего необходимого оборудования и товаров народного потребления. Регион отличался от областей центральных районов страны

---

* **Максим Викторович Третьяков** — кандидат исторических наук, и.о. научного сотрудника лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института имени Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук; член Молодежной общественной палаты при Магаданской областной Думе VI созыва (г. Магадан, Россия). e-mail: maximgn@mail.ru

Maksim V. Tretyakov — Candidate of Historical Sciences, acting Researcher in the Laboratory of History and Economics, North-Eastern Scientific and Research Institute Named after N.A. Shilo, Far Eastern Department of Russian Academy of Science; Member of the Youth Public Chamber at the Magadan Regional Duma of the VI session (Magadan, Russia).

отдаленностью и суровым климатом, что требовало от государства больших затрат для создания комфортных условий проживания населения. На протяжении полувека все межрегиональные и часть внутриобластных перевозок выполнялись самолетами Магаданского управления гражданской авиации (далее — МУГА). Пассажирские перевозки осуществлялись на должном уровне, хотя отмечались задержки вылетов и некоторое снижение качества предоставляемых услуг. На высоком уровне находилась безопасность полетов, особенно транспортной авиации. Сеть маршрутов охватывала все населенные пункты Колымы и Чукотки, обширной была география полетов за ее пределы (Хабаровск, Владивосток, Иркутск, Алма-Ата, Ташкент и др.), но беспосадочные рейсы из Магадана и Анадыря в Москву и обратно выполнялись Московским транспортным управлением ГА на Ил-62М.

В рассматриваемый период МУГА состояло из нескольких авиаотрядов (Магаданский, 2-й Магаданский, Сеймчанский, Билибинский, Чаунский и Анадырский), отдела материально-технического снабжения, Центрального агентства воздушных сообщений, аппарата управления и Учебно-тренировочного отдела (УТО-23), созданного в 1957 г. для переподготовки и повышения квалификации летного и технического состава, переучивания их на более современную технику, что было возможно осуществить на месте. В фонде Р-27 Государственного архива Магаданской области (ГАМО) обнаружен незаурядный документ — протокол собрания коллектива этого подразделения, состоявшегося 18 декабря 1985 г., когда со сменой идеологического климата в стране сотрудники начали понемногу говорить о реальных проблемах своих предприятий, ставить перед руководством насущные вопросы. Безусловно, что он отражал лишь часть вопросов и не мог характеризовать положение дел по всему управлению, поскольку в самих авиаотрядах ситуация была несколько иной. В самом УТО также не приходилось ожидать одномоментных изменений к лучшему. Но этот первый документ, принятый на заре «гласности» и «перестройки», действительно обозначил внутренние противоречия и моменты, требовавшие исправления. В докладах выступавших, выдержки из которых будут приведены, еще прослеживается апелляция к роли КПСС и принятым ею программам, хотя очевидно, что это не отражало реального положения дел. Имеющийся материал позволяет проследить внутреннюю ситуацию, то, как сотрудники пытались найти пути выхода из непростого положения, определить программу дальнейшего развития. Сейчас, по прошествии времени, уже известно, что само управление и входившие в его состав подразделения не пережили распада СССР и ликвидации Министерства гражданской авиации. В результате резкого

изменения экономических устоев на их месте образовались самостоятельные предприятия, которые впоследствии по различным причинам также прекратили свое существование*.

Несмотря на то, что УТО-23 не занимался авиаперевозками, что делало его положение менее выгодным в условиях начавшихся перемен, в нем прошли переобучение (и неоднократное) немало специалистов летного и технического состава, выполнявших регулярные полеты и ремонт самолетов и вертолетов. Тем более неожиданной перед ним оказалась перспектива сокращения вплоть до полной ликвидации еще при наличии самого управления, что особенно взволновало преподавательский состав — опытных специалистов, имевших немалую летную либо техническую практику, на подготовку которых ушло немало времени. Они оказались на грани конфликта с руководством с целью защитить свои права и отстоять рабочие места.

К 1985 г. УТО-23 был, в общем, крупным предприятием, относясь ко 2-й группе, исходя из численности специалистов и имевшейся учебной базы. Отряд возглавлял командир (А.В. Ильин), также имелись заместитель по учебной подготовке (Н. Иванова), начальник штаба (отвечавший за хозяйственную часть, общежитие и канцелярию) и старший инструктор тренажеров. Летно-методические подразделения, бухгалтерия, экономист и инспектор первого отдела подчинялись командиру напрямую. На рассматриваемом собрании (председатель — зам. начальника МУГА по наземным службам И.В. Бородулин, секретари В.А. Ермакова, В.К. Никитинских) присутствовали, помимо 72 членов коллектива, начальник МУГА А.А. Ершов, его заместитель по летной службе В.Г. Трезубов, председатель теркома профсоюза Ю.А. Янюшкин, начальник политотдела А.Л. Бабяк, инженер летно-штурманского отдела Т.А. Быкадорова.

Собрание началось с выступления Ильина с докладом «Отчет о проделанной работе руководством УТО-23 по планированию производственно-учебного плана на 1986 г. и задачи коллектива по его выполнению». Он проинформировал, что «на 1986 г. в плане-графике утверждено 87 сборов, 13 тыс. час. педнагрузки... Задачи летно-методической АЭ состоят в том, чтобы лучше организовать летную и методическую работу управления в соответствии с требованиями МГА. Это разработка и осуществление профилактических мероприятий по повышению безопасности и регулярности полетов как транспортной

---

* Единственным исключением оказался Магаданский ОАО, имевший в своем составе а/п Магадан, который в 1990-е гг. стал его преемником федеральной формы собственности (позднее акционировался), и осуществляет свою деятельность и сейчас как ПАО «Аэропорт Магадан».

авиации, так и авиации ПАНХ*, повышение уровня профессиональной подготовки летного состава, совершенствовании организации летной работы... Эскадрилья в 1986 году будет заниматься полетами по программе ШВЛП на самолете Ан-12, подготовкой к полетам в высокоширотной экспедиции на самолете Ан-2**, оказывать практическую помощь подразделениям МУГА в подготовке знаний по видам работ, в прохождении тренировок, в повышении в классе, а также уже в выполнении методических полетов по всем типам самолетов и вертолетов... Для выполнения наших планов, нам необходимо иметь прежде всего тот необходимый штат людей, который мог выполнить поставленные перед нами задачи» [1, л. 2—3]. По мнению руководителя, «при хорошо организованном соцсоревновании, при высоком уровне трудовой дисциплины, полной отдачей каждого работника на своем рабочем месте коллектив УТО нацелен на безусловное выполнение плана с хорошим качеством» [1, л. 3].

Согласно решению Министерства ГА, большее внимание уделялось тренажерной подготовке летного состава, в связи с чем МУГА также приобрело ряд таких комплексов по типам самолетов Ту-154, Ан-24 (Ан-26) и вертолетов Ми-8. После заданных вопросов и полученных ответов выступил командир летно-методической эскадрильи (ЛМАЭ) Б.П. Комков. Согласно его докладу, в 1985 г. в эскадрилье было 19 специалистов летного состава, но 7 человек уволились по различным причинам и тенденция к уменьшению сохранялась. В то же время подобранные на вакансии специалисты в УТО не приняты. Более обширным оказалось довольно эмоциональное выступление преподавателя Ермакова. В нем обращалось внимание на недостатки в планировании годовой учебной нагрузки и неполное использование всех возможностей отряда по переподготовке специалистов. При общей нехватке диспетчеров (до 40% в целом по МГА), при наличии базы и персонала никто не предусмотрел проведение в 1987 г. сборов первоначальной подготовки при отряде. Такая же ситуация сложилась и с авиатехниками, которые были обязаны повышать квалификацию 1 раз в 3 года, однако этот вопрос не проработан, исходя из чего количество курсов уменьшилось. Неравномерность учебных часов создавала ситуацию с переполненными группами по ряду специальностей, в том числе при переучивании на Ан-12, что нарушало инструкции, и такая ситуация не являлась редкой, из-за чего снижалось качество подготовки, что приводило к авариям, поломкам и катастрофам. «Вместе с правами управлению даны и обязанности...

---

* Применение авиации в народном хозяйстве.

** Эти работы выполнялись в 1986 г. впервые, и многие из участников были поощрены руководством управления.

по определению перспективы развития УТО-23, его технического перевооружения. А ведь именно в этом вопросе сделана наиболее крупная ошибка командования УТО-23. Приобретено оборудование на сумму около 300,0 тыс. руб., которое почти не используется. Планируется его использование всего на 1,5—2%» [1, л. 9].

Далее — еще более резкие суждения: «Оскорбляет отношение к преподавателям, какое-то оно потребительское. Преподаватели переучились на Ту-154, произведена огромная подготовительная работа по использованию схем, установлены стенды класса Ту-154, а теперь, оказывается, ни сами преподаватели, ни их схемы, ни стенды никому не нужны. При этом использование всего этого в ближайшие годы не предполагается» [1, л. 9]. Собравшиеся были обеспокоены сложившейся ситуацией, поскольку в целом имелась перспектива уменьшения часов и сокращения штатов, и люди, разумеется, не хотели остаться без работы. В середине своего выступления Ермаков высказал главную мысль: «Это собрание нужно для того, чтобы ответственные руководители управления более четко определили, по какому направлению в дальнейшем будет развиваться наше УТО, или наоборот сокращаться его деятельность, если это экономически и социально целесообразно и отвечает линии партии и правительства» [1, л. 9]. И далее, обращаясь к руководству МУГА и УТО-23: «Пора уже, давно пора перестраиваться и начать работать по-новому, вдумчиво, реально воспринимая сложившуюся ситуацию. А не сглаживать и затушевывать недостатки. Вам даны большие права, но с Вас и спрос большой. Вы должны за каждой строкой приказа, распоряжения, за каждой цифрой научиться видеть живых людей, с их нуждами, их проблемами, их претензиями. Оцените трезво, проанализируйте состояние дел и наведите порядок... И не спешите сегодня переубеждать, что все не так» [1, л. 11].

Вполне возможно, что своего рода «сглаживание» и замалчивание имевшихся проблем имело место, но даже если на это обращалось внимание «снизу», то должной поддержки это не находило. Принимая во внимание выступление Ермакова, равно как и суждения его коллег, отмечу, что в сложившейся ситуации люди часто апеллировали к только что провозглашенной «гласности», и были возмущены тем, что волнующие их вопросы — педагогическая нагрузка, планирование дальнейшей работы и т.д. — решались «кабинетно», «по-старому», а руководство управления не спешило ломать стиль работы, подменяя реальные действия общими формулировками издаваемых приказов. Камнем преткновения оказалось принятое Министерством ГА указание № 620/У, имевшее, по-видимому, цель оптимизации учебного процесса. Однако с точки зрения большинства сотрудников руководство УТО-23 и МУГА не захотело

снизить напряженность, заняв выжидательную позицию либо все самоустранившись, что и вызвало такую реакцию собравшихся, ждавших конкретных действий.

В том же ключе выступил преподаватель А.И. Губанов. Согласно предоставленным им данным, предполагалось общее сокращение 6 тыс. час. нагрузки, или 15 человек, что также вызывало справедливое возмущение, поскольку «подготовить преподавателя — это очень дорого и долго» [1, л. 12], а вот расстаться с ним с точки зрения руководства — легко, и вопрос о его последующем принятии в случае необходимости никак не затрагивался. Также он заявил об отсутствии необходимой технической литературы и озвучил иные недостатки в обучении.

Наиболее жесткую позицию занял преподаватель цикла «Двигатель» В.В. Пуеров. Из его выступления видно, что в УТО-23 сложилась противоречивая ситуация. Дело в том, что, согласно программе развития УТО до 1990 г., наряду с получением оборудования для обучения специалистов должно было начаться освоение новых типов техники. Однако «ветры перемен», наоборот, поставили вопрос о сокращении базы и преподавательского состава. По мнению Пуерова, причина всей ситуации была в том, что «Магаданскому управлению невыгодно или хлопотно иметь УТО с большим объемом работ. Зачем готовить работников других управлений, проводить их тренировку, готовить работников всех авиаспециальностей? Оставить только курсы ПК летного состава МУГА по профилирующим типам авиатехники (Ан-12, Ан-24, 26, Ми-8), ну и по необходимости отдельные группы ИТС по этим же типам, а также соответствующие тренажеры. Такой объем работы легче выполнять, при необходимости проще вносить корректировки в план работы, уменьшается численный состав УТО, но требуются затраты на новое оборудование, освобождаются помещения, которые можно использовать для размещения тренажеров» [1, л. 13]. Он также обратил внимание на то, что в случае расширения объемов работ управление неизбежно столкнется с отсутствием грамотного преподавательского состава, которое уже не сможет восполнить, и что вопрос сокращения нужно проработать более основательно.

Кроме того, в отряде имелись нестыковки в вопросах подготовки специалистов службы организации перевозок и бортпроводников, что, по мнению оратора, неизбежно вело к снижению качества предоставляемых услуг и жалобам пассажиров. Но особое внимание он уделил качеству подготовки летного состава, проходившего в УТО-23 переучивание на Ан-12 по программе Школы высшей летной подготовки. Пуеров обратил внимание на переполненность групп и неравномерное распределение слушателей, что также шло в ущерб

качеству, хотя пилоты переучивались с Ан-2, Л-410, Ил-14, т.е. менее сложной техники, что требовало большего внимания. Кроме того, в отряде сложилась ненормальная обстановка, при которой нельзя требовать должной отдачи от труда каждого работника. Его выступление дополнил преподаватель Н.Я. Никитин, прямо отметив, что «центральные люди в УТО — это преподаватели и инструкторский состав. И это главное, а наш командир этого не понимает. Жизнь конкретна и поставит вопросы необходимости сбережения УТО» [1, л. 16]. Главная его мысль заключалась в том, что при создавшейся ситуации руководство МУГА могло потерять сработавшийся коллектив.

Следующим выступил преподаватель П.И. Горбунов. Помимо констатации положения дел он внес ряд предложений, в первую очередь для повышения уровня безопасности полетов при более тщательной подготовке летного состава. С его точки зрения (возможно, что так оно и было), подготовка транспортных экипажей была лучше, чем у пилотов, занятых в обслуживании народного хозяйства. Исходя из этого, он предлагал изменить порядок прохождения курсов экипажами ПАНХ, а также более тщательно подойти к формированию тренажерного комплекса. По его мнению, приобретенные тренажеры и оборудование для учебных классов Ту-154 и Ил-76 простаивали, в то время как не было тренажера Ми-8 — основного типа техники в авиации ПАНХ в рассматриваемый период. Отдельно стоит остановиться на его точке зрения по вопросу уменьшения нагрузки. С одной стороны, из-за указаний «сверху» о снижении продолжительности курсов она падала, но, по его мнению, снижение должно было быть не более четверти, а не наполовину. В данном случае он видел обычную «гонку» за экономией средств, что могло обернуться «увеличением летных происшествий, а, следовательно, убытками» [1, л. 18]. Как и предыдущие докладчики, он считал, что командование УТО ведет к сворачиванию учебного процесса и ликвидации подразделения. В случае снижения нагрузки он предлагал трудоустроить преподавателей внутри управления на подходящие должности, особенно в период приемных кампаний абитуриентов в училища ГА, разработать положение о премировании преподавателей — т.е. принять меры, находившиеся в компетенции начальника управления, которые могли помочь сохранить педагогический состав в непростое время. В целом ситуация с трудоустройством сокращаемых была непростой даже с моральной точки зрения, поскольку преподавателям предлагали должности из категории младшего обслуживающего персонала, что, безусловно, никого устроить не могло. Общая ситуация в подразделении становилась негативной.

Вопрос использования тренажерного комплекса озвучил старший инструктор Ю.С. Брусенцов. Согласно принятым правитель-

ственным и министерским постановлениям, в связи с усовершенствованием техники большое внимание уделялось тренажерной подготовке. УТО-23 было в целом обеспечено необходимым оборудованием для проведения занятий, имелись тренажеры Ту-154, Ан-12, готовились к вводу в строй Ми-8 и Ан-26, определен объем тренировок более 7 тыс. час. Но в целом внутренняя обстановка там тоже была нерадужной. Последним из выступивших от коллектива стал преподаватель, секретарь партбюро В.А. Мещеряков, который выразил согласие с предыдущими докладчиками, придя к выводу, что «в коллективе не было уверенности в завтрашнем дне» [1, л. 20].

После этого слово предоставили заместителю начальника МУГА Трезубову. В силу принятия МГА и правительством документов, ломавших прежний порядок подготовки специалистов, взяв курс на сокращение количества часов обучения и преподавателей, но качество требовалось по-прежнему высокое. Кроме того, развитие авиатехники вело к сокращению количества членов экипажей, соответственно требовалось перепрофилирование освобождаемых специалистов. Как результат, руководство управления оказалось «между молотом и наковальней». Трезубов был очень осторожен в прогнозах, выразив согласие с прозвучавшими замечаниями и резюмировав, что при планировании работы на 1986 г. все они будут учтены.

В завершение выступил начальник МУГА Ершов, который признал неизбежным сокращение педагогических часов и увеличение тренажерной подготовки летного состава. Вместе с тем он выразил несогласие с изысканием нагрузки по иным управлениям для подготовки специалистов, считая неправильным организовывать сборы только для выработки педагогических часов либо создавать их искусственно. Согласно его заверению, летно-методическая эскадрилья оставалась подразделением в составе УТО-23, и планировалось оказать помощь в ее укомплектовании кадрами командного состава. Также он обещал пересмотреть план на 1986 г., изучить перспективу исходя из высказанных замечаний и приложить все усилия для сохранения преподавательского состава и УТО-23 в целом.

Отдельного внимания заслуживает постановление общего собрания трудового коллектива. В нем говорилось, что «план учебных курсов 1986 г. не полностью отражает действительную потребность Магаданского УГА и других управлений ГА в подготовке авиаспециалистов, не использован анализ учебных планов предыдущих лет, а также имеющийся план развития УТО-23 до 1990 г. не соответствует действительному состоянию дел в УТО и в МУГА» [1, л. 23]. Также отмечено, что имевшаяся база УТО использовалась не в полном объеме, простаивали классы, оборудованные для обучения на Ту-154, Ил-76. Имелись нарушения количественного состава групп при

переучивании на Ан-12, велась непродуманная кадровая политика. Как ход собрания, так и его итоги обозначили клубок противоречий между коллективом и руководством управления.

Исходя из этого, собрание постановило: принять к исполнению утвержденный МУГА учебно-производственный план УТО-23 на 1986 г., добиться повышения качества обучения авиаспециалистов. Также был принят ряд обращений к совету Управления и лично Ершову на предмет проведения анализа потребности авиапредприятий в подготовке и повышении квалификации всех авиаспециалистов, с выездом в подразделения представителей отделов МУГА и УТО-23. Помимо этого, предлагалось установить связь с иными УГА, в которых эксплуатировались Ан-12, в целях обучения их специалистов, а также диспетчеров УВД первичной подготовки, решить вопрос о выделении иных тренажеров Ми-8, бортинженера Ту-154, навигационного тренажера «Двина», провести по их получению переподготовку инструкторов. Также требовалось утвердить штатное расписание и принять конкретные меры по устранению имевшихся недостатков, заслушать на следующем общем собрании заместителя командира УТО-23 по учебной подготовке Иванову по данному вопросу.

Таким образом, при изучении данного документа видно, что в УТО-23 в 1985 г. сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, в условиях жесткой централизации МУГА не имело возможности проигнорировать приказы и распоряжения, которые зачастую противоречили ранее принятым документам, в том числе и по нагрузке преподавательского состава и срокам подготовки авиаспециалистов по различным специальностям. С другой — ростки демократических преобразований вселяли в людей надежду на исправление ситуации, более внимательное отношение к их нуждам и проблемам, но на практике это было далеко не всегда. Сотрудники, безусловно, были заинтересованы в сохранении своих рабочих мест и подразделения в целом, имевшего к тому времени уже почти 30-летний опыт работы и кадровый потенциал. Разумеется, что от руководства МУГА требовали конкретных действий, хотя оно тоже не имело всех полномочий для сиюминутного решения накопившихся проблем.

Отдельно хотелось бы привести итоговую резолюцию начальника МУГА, сделанную им на протоколе собрания: «Необходимо по каждому пункту критических замечаний и предложений разобраться досконально. Дать четкие и полные ответы — письменно. На основе анализа фактического положения дел и исходя из перспектив развития МУГА внести коррективы в перспективный план развития УТО на XII пятилетку. Срок 20.01.86 г. А. Ершов. 04.01.86 г.» [1, л. 1]. Последующие годы показали, что как подразделение УТО-23 продолжал

заниматься своей основной деятельностью [2, л. 93; 3, л. 67], будучи на рубеже 1980—1990-х гг. реорганизован в Учебно-тренировочный центр (УТЦ), и прекратил свое существование после упразднения сначала МУГА, а впоследствии и образованного на его месте Магаданского авиаконцерна. Тем не менее, представленный документ позволил нам показать сложившуюся внутреннюю ситуацию в управлении с иной стороны, отличающуюся от сухих цифр отчетов наличия самолетного парка и перевезенных пассажиров и грузов.

Список литературы

1. Государственный архив Магаданской области (ГА МО). Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 416а.
2. ГА МО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 427. Т. 1.
3. ГА МО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 428. Т. 2.

«Павловская» денежная реформа 1991 г. по материалам Смоленской области

Аннотация: данная статья посвящена проводимой в Советском Союзе денежной реформе, получившей в народе название «павловской». Суть данного мероприятия заключалась в прекращении прием по все виды платежей денежных знаков Госбанка СССР образца 1961 г. и обмене их на денежные знаки других достоинств и на новые банкноты 50- и 100-рублевого достоинства образца 1991 г. Главным последствием данной реформы стала утрата доверия населения к действиям партии и правительства.

Ключевые слова: банкноты; Госбанк СССР; денежные знаки; денежная реформа; купюры нового образца; обмен денег; 50 и 100 рубленные купюры.

“Pavlovian” monetary reform (1991) in Smolensk region

Summary: This article is devoted to the ongoing currency reform in the Soviet Union, known popularly as “Pavlovskaya”. The essence of this event was ending reception on all kinds of banknotes USSR 1961 sample and exchange them for money other merits and the new banknotes 50-and 100-ruble dignity sample 1991. The main consequence of this reform was the loss of public confidence in the party and Government’s actions.

Keywords: banknotes; The State Bank Of USSR; banknotes; monetary reform; bills of the new design; Exchange of money; 50 and 100 denominations chopped.

22 января 1991 г. началась последняя советская денежная реформа. Это была конфискационная акция, которая преследовала цель избавиться от «лишней» денежной массы, находившейся в наличном обращении, и хотя бы частично решить проблему дефицита на товарном рынке. Реформа получила название «павловской» в честь проводившего ее главы правительства СССР В.С. Павлова. Он инициировал ее еще летом 1990 г., занимая пост министра финансов.

* **Екатерина Кирилловна Аксёнова** — студентка 2-го курса Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (г. Смоленск, Россия). e-mail: nata.dragonfly@yandex.ru

Александр Михайлович Иванов — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (г. Смоленск, Россия). e-mail: Aleks-I-82@yandex.ru

Ekaterina K. Aksenova — student of the Smolensk branch of the Saratov State Law Academy (Smolensk, Russia).

Alexander M. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of Faculty of humanitarian, economic and informational-legal disciplines, Smolensk branch of the Saratov State Law Academy (Smolensk, Russia).

Тогда он направил президенту СССР М.С. Горбачёву и председателю Совета министров СССР Н.И. Рыжкову секретную записку, в которой изложил соображения в пользу ее проведения. По его сведениям, крупно-купюрные советские денежные знаки в большом количестве сконцентрировались за рубежом и в руках теневого капитала.

22 января 1991 г. Горбачёв подписал указ «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 г. и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан». В соответствии с этим решением с 0 часов 23 января 1991 г. прекращались расчеты в купюрах старого образца, а также вводились ограничения на выдачу наличных денег со вкладов граждан в учреждениях Сберегательного банка и всех других банков максимальной суммой 500 руб. в месяц [14]. Эта мера должна была заморозить нетрудовые доходы, средства спекулянтов, коррупционеров, теневого бизнеса и фальшивые деньги, сжать денежную массу и остановить инфляцию.

С целью проведения реформы были выпущены новые купюры 50 и 100 руб. Купюры образца 1991 г. достоинством 1, 3, 5, 10, 200, 500 и 1000 руб. поступили в обращение позже. Новая купюра 25 руб. не выпускалась. Также Госбанк выпустил новые монеты образца 1991 г., отличавшиеся от прежних размеров номиналом 10 коп. (железо), 50 коп. (никелевый сплав), 1 руб. (никелевый сплав), 5, 10 и 50 руб. (биметалл).

По условиям реформы, обмен изымаемых купюр сопровождался сильнейшими ограничениями: граждане могли обменять 50- и 100-рублевые купюры на новые только в течение трех суток — с 23 по 25 января. Поменять деньги после указанного срока можно было только по решению специальных комиссий. Обменять можно было только наличными сумму не более 1000 руб. на человека — возможность обмена остальных купюр рассматривалась в специальных комиссиях до конца марта 1991 г. В Сбербанке со вклада можно было получить только 500 руб. новыми, кроме того, устанавливался порядок оплаты товаров и услуг в безналичном порядке без ограничения сумм.

Об указе было сообщено в программе «Время», когда практически все финансовые учреждения и магазины уже закрылись. Поскольку обмен денег проводился в очень сжатые сроки, в сберкассах моментально выстроились длинные очереди. Обмен осуществлялся также по месту работы граждан и на почте. Реформа ударила по всем слоям населения: и по тем, кто держал рубли «в чулке», и по вкладчикам Сбербанка. Рухнули состояния в 15—30 тыс. руб., копившиеся десятилетиями.

В Смоленске, как и по всей стране, указ Президента и постановления Кабинета министров стали полнейшей неожиданностью. Ничего

толком не поняв из переданного по телевидению и радио, смоляне заволновались и многие с расцветом хлынули к отделениям Сбербанка. Домыслы и предположения только усиливали нервозность и напряжение. К полудню 23 января банковские работники провели среди возбужденных граждан (в основном это были пенсионеры) разъяснения, что несколько успокоило желающих обменять деньги.

Наиболее настойчивые руководители и бухгалтеры, первыми дозвонившиеся в банки и финансовые управления и получившие там необходимые консультации, создали в своих коллективах комиссии, и начали принимать на обмен деньги не только в пределах среднемесячного заработка, но и по «вторым ведомостям», заводившимся на членов кооперативов. Однако работа эта разворачивалась медленно, и тогда во второй половине дня 23 января в Доме Советов Смоленска открылось совместное заседание президиума и исполкома областного Совета народных депутатов под председательством первого заместителя председателя облисполкома, начальника Главного планово-экономического управления С.И. Богатырёва. На него пригласили ответственных работников обкома КПСС, руководителей банков, управлений связи, внутренних дел и КГБ по области, ведущих специалистов ГлавПЭУ.

Перед участниками заседания с сообщениями о проводимом обмене крупных купюр выступили начальник облуправления Госбанка Ф.П. Кирилко, начальник управления связи Н.Ф. Чугунков, зам. начальника облуправления Сбербанка В.Г. Хвостанцева. Депутаты возложили на Кирилко ответственность за координацию работы всей банковской системы в области и почтовых отделениях. Банки обязывались составить график обмена денег крупным предприятиям и мелким организациям. В отделении Сбербанка должно было в случае необходимости своевременно отправлять «подкрепления», чтобы из-за недостатка денег не приостанавливался проводимый обмен. Вводился особый режим работы — до 22 часов, организовывались вечерние кассы, а в райисполкомах — кассы, обменивающие деньги командированным и другим приезжим гражданам.

Президиум и исполком облсовета организовали депутатскую комиссию, которая возглавила всю работу по обмену денег. Ее председателем комиссии стал зам. председателя совета В.Ф. Ермоленко [9, с. 1]. Прием денег от предприятий и учреждений продлевался до 17 часов 23 января. С 23 по 26 января устанавливался круглосуточный режим работы финансово-кредитных учреждений и прием собранных на обмен денежных знаков от предприятий и организаций до 22 часов [1, л. 10-11].

По замыслу Президента и Кабмина страны внезапность и краткосрочность проведения обмена крупных купюр должны были

обеспечить успех изъятия денежных капиталов у мафиозных дельцов, воротил теневой экономики и спекулянтов. Чрезвычайно малые сроки проведения этой работы требовали от банковской системы, связи, социального обеспечения, местных властей предельной мобилизации сил, высокого напряжения, организованности и ответственности. Именно о такой работе и договорились участники совместного заседания президиума и исполкома облсовета. У получившего особые полномочия координатора проведения акции «Обмен» Кирилко спросили тогда, нужна ли ему и местной банковской системе помощь. Он ответил, что не нужна.

Вечером 23 января руководители банков и других организаций, осуществлявших обмен, подтвердили свою готовность начать работу с утра 24 января без нервозности и напряжений. Однако, едва открылись почтовые отделения, оказалось, что во многих из них нет денег. Престарелые пенсионеры толкавшиеся с костылями и заветными узелками у своих почтовых отделений, не могли сдать государству 50- и 100-рублевые ассигнации, которыми государство же и выплачивало им в последнее время пенсию.

Банки, обросшие в период застоя непробиваемым панцирем инструкторий, превратились в тяжелую, неповоротливую систему. Так, например, Промстройбанк, который возглавлял В.В. Юрицын, объяснил отказ вовремя дать «подкрепление» многим почтовым отделениям тем, что это «связано с внутренним технологичным циклом банка». Малоподвижных и больных пенсионеров обслуживал кооператив «Инвапомощь». Он обратился к начальнику Жилсоцбанка Д.И. Родину с просьбой выдать деньги для обмена крупных купюр. А тот потребовал сначала предоставить ему составленные по всей форме ведомости. На заседании исполкома он просил, чтобы его правильно поняли [2, с. 18]. Кирилко, решивший убедиться, как идет обмен денег, позвонил в 15 отделений связи. В 10 из них ответили, что обменных денег не имеют. Эти деньги туда начали поступать лишь к 14—15 часам 24 января. Дело доходило до того, что в одном из учреждений за сутки смогли обменять свои купюры только 23 человека. Такую «организацию» работы члены исполкома справедливо назвали издевательством над людьми. В очередях нарастало недовольство, к утру 24 января напряжение стало предельным. Возмущенные люди звонили в местные советы, другие организации. Как сказал на заседании облисполкома председатель горсовета В.И. Анисимов, «Смоленск, оказался у черты социального взрыва».

Специальный корреспондент областной газеты «Рабочий путь» в дни обмена писал: «Уже на выходе из квартиры меня поджидала старушка-соседка. В руках пять бумажек по 100 руб., накопленных на похороны. Раз в год она приходила ко мне с просьбой обменять десятки

на новую сотню, которыми нам иногда давали зарплату. Даже в стенах редакции чувствовалась паника и ажиотаж. “У тебя сколько?” — спрашивали друг друга люди вместо приветствия. Хирург скопил 6 тыс. на машину, и тоже не “трешками”. Коллега, ожидающий открытку на телевизор, имеет 1200 руб. У другой сотрудницы — всего 200 руб. крупными, мелкими осталось только 5 руб. Как дожить до обмена? Один сотрудник редакции весьма высоко отозвался о самой акции и ее внезапности. Однако, почесав затылок, добавил, что у самого лежит 2 тыс. на кухонную мебель. У другого негативную реакцию вызвал факт, что его финансовое положение будет решать комиссия» [4, с. 3].

Тем не менее, на вечернем заседании облисполкома 24 января было отмечено, что из острой критики руководители банков и других организаций сделали правильные выводы. Оперативная обстановка в области, вызванная денежным обменом, была признана нормальной [10, с. 1].

По словам Кирилко, «акция “Обмен” в Смоленске и области на 28 января 1991 г. в основном завершилась, но остались еще неудовлетворенные люди. Согласно закону после 28 января мы имеем право принимать крупные купюры от моряков, чабанов (на отгонных пастбищах), рыбаков, железнодорожников, нефтяников (вахтовых), а также всех других граждан, пребывающих за границей в служебных командировках. Для этих категорий советских людей срок обмена продлевается на три дня после их возвращения к месту постоянного жительства» [2, с. 20].

Начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР А.И. Гуров назвал указ о реформе «залпом по мафии». Акция «Обмен» была объявлена неожиданно и проведена быстро. Банковским работникам пришлось действовать в экстремальных условиях, никто заранее не был подготовлен. В ночь с 22 на 23 января они узнали о предстоящей работе. Клиентура банков также была застигнута врасплох и недостаточно проинформирована, что, как и где надо делать. И поэтому в некоторых бухгалтериях вместо того, чтобы сдавать в банк остатки кассы, начинали собирать у своих работников и сдавать их как наличный остаток. Так, например, в кассе СПТУ-3 на 23 января оставалось 24 руб., а сдали в банк сумму в 17 500 руб. Крупные суммы сдавали кооперативы, так как у них всегда было много денег. Но доходило и до парадоксов: один из смоленских кооператоров предъявил к сдаче как «остаток кассы» сумму, превышающую весь месячный оборот. 22 января 1991 г. с 22:00 до 24:00 с центрального телеграфа и телеграфа на железнодорожном вокзале было отправлено денежных переводов на сумму 96 тыс. руб. На рынке 23 и 24 января можно было купить денежные купюры достоинством 100 руб. по цене 10 и 25 руб., 50 рублевку за пятерку [3, с. 1].

Общая цифра обмениваемых сумм не подлежала публикации. Но только 23 января в облуправлении Государственного банка было принято денег от 539 предприятий, учреждений, кооперативов (от граждан не принимали). А 24 января было обслужено 667 клиентов. Какие только причины не предъявлялись для обмена денег запоздалыми гражданами: один в собственной квартире потерял кошелек и долго не мог найти его, другой обнаружил 5 тыс. руб. в вещах умершей бабушки, третьему друг привез 3 тыс. руб. из дальних краев, где заявитель оставил эту сумму в свое время на покупку ценных вещей [2, с. 22—23]. На кассовые аппараты банков легла большая нагрузка — от 5- до 10-кратной. Начальник управления Жилсоцбанка Родин говорил: «Не забывайте, что в это же время мы совершали и обычные операции. Суммы выражались в миллионах. Работали почти круглосуточно» [5, с. 1]. Банки активно сотрудничали с комиссиями райисполкомов. При каждом исполкоме организовывались выездные кассы. Деньги были завезены в 11 банков, в том числе в девять районных. Предоставлялись разовые подкрепления Сбербанку.

Но имелись и серьезные огрехи. Финансовые органы оказались не готовы к обмену денежных знаков. Так, например, комиссия Ленинского райисполкома только 24 января в 12 часов дня начала производить обмен денег населения. В этот же день, в 17 часов, в редакцию «Смоленских новостей» позвонили из Красного бора и сообщили, что 22-е почтовое отделение к работе еще не приступило. В эти же дни не работало и 27-е отделение связи. Причина — отсутствие обменных денег. Сами финансисты охарактеризовали ситуацию так: «проспали». Также имела место задержка в обмене денег пенсионерам, хотя в этом была и доля вины связистов, которые не запросили вовремя требуемые суммы. Так, например, 4-е Смоленское отделение на 24 января запросило 40 тыс. руб. Главпочтамт, который получал деньги в банке, выдал ему 20 тыс., которых хватило всего на 1,5 часа работы. А потом пенсионеры были вынуждены стоять в очередях и ожидать «подкрепления».

Стрессовые условия проведения обмена оказали влияние на показатели работы медицинских служб. Дежурный старший врач городской «Скорой помощи» привел статистику за 23 января 1991 г.: на 16% увеличился вызов врача по гипертонии, на 3% так называемые безрезультатные вызовы, когда человеку в очереди на улице становилось плохо, вызывали врачей, но еще до приезда бригады медиков он «приходил в себя» (обычно таких вызовов бывает 1—1,5%). Зарегистрирован был и смертельный случай: 54-летний мужчина, проживавший по 4-му Свердловскому переулку, сел в свою машину и умер. Родные сказали, что он собирался ехать обменивать деньги. [12, с. 1]

Областная депутатская комиссия, решение которой, как было предусмотрено постановлением Кабинета министров СССР от

22 января, «окончательное и обжалованию не подлежит» [10, с. 1], рассмотрела полученные заявления, руководствуясь принципом, что каждый заработанный или сбереженный рубль должен быть возвращен человеку. Поэтому большинство просьб были удовлетворены. Заявления граждан которые указали неубедительные мотивы запоздалой просьбы поменять деньги, рассматривались после тщательной проверки. А некоторым просителям комиссия отказала. Так, например, один заявитель выехал за границу 26 января (в последний день обмена) а после возвращения у него нашлось 4 900 руб. крупными купюрами. Насторожило и заявление работницы одного из спирт-заводов, у которой вдруг обнаружилось 7 тыс. руб. В результате некоторые нетрудовые накопления удалось отфильтровать. 16 февраля комиссия сообщила населению, что рассмотрела все заявления и обращения граждан по обмену денег и решения нижестоящих комиссий, и прекратила свою работу. Списки граждан для обмена денег и в отказе от обмена были представлены в главном управлении банков РСФСР по Смоленской области. Обмен производился 18 и 20 февраля включительно в учреждениях банков по месту жительства [6, с. 1]. В заключение координатор проведения акции «Обмен» Кирилко говорил: «Мы рассчитываем всех участников этого ответственного дела поощрить материально. Надеемся, что и райисполкомы выделят какие-то дефицитные товары, пусть самые скромные, дабы отметить труд людей» [5, с. 1].

В результате денежной реформы планы правительства реализовались лишь частично: конфискационная процедура позволила изъять из обращения 14 млрд наличных руб. (приблизительно 10,5% от всей массы или чуть менее 17,1% от запланированных к изъятию 81,5 млрд). Однако имелись многочисленные негативные последствия. Так, в апреле повысились в 2—4 раза цены на продовольственные товары, транспорт, коммунальные услуги. Например, в рыбном отделе магазина № 70 по ул. Кирова г. Смоленска мелкий минтай, который стоил 41 коп. за кг, уже со 2 апреля стал стоить 76 коп. [13, с. 1] В городской столовой стоимость обедов возросла в 2—3 раза. Подорожание мяса и новая 25% наценка в рабочих столовых привели к том, что стоимость комплексных обедов поднялась до 1 руб. 40 коп. и 1 руб. 60 коп., тогда как до повышения цен обеды стоили 70—80 коп. [11, с. 2]

В декабре 1991 г. эксперты газеты «КоммерсантЪ» подвели итоги уходящего года и выяснили, что с учетом «павловской» реформы цены выросли в 7,8 раза. При этом наибольший вклад в ценовую гонку внесли отнюдь не рыночные факторы, а различного рода форс-мажорные обстоятельства, такие как обмен купюр и официальные заявления о предстоящих катаклизмах в денежном обраще-

нии. Но главным последствием реформы стала утрата доверия населения к действиям правительства. Многие политики и историки считают, что неуклюжие действия союзного руководства оказали значительное влияние на дальнейшие события (августовский путч, Беловежское соглашение).

Список литературы

1. Государственный архив Смоленской области (ГА СО). Ф. 2361. Д. 1739. Т. 1. Л. 10—11.
2. Аксёнова Е.К., Иванов А.М. Денежная политика Советского Союза на примере Павловской денежной реформы по материалам г. Смоленска. Актуальные проблемы юриспруденции: единство теории и практики // Материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции (для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов) (Смоленск, 6 декабря 2018 г.). — М.: Международный юридический институт, 2019. — С. 13—26.
3. Денежная реформа: первые итоги // Смоленские новости. — 1991. — 26 января. — С. 1.
4. Иванова Т. Плакали наши денежки // Рабочий путь. — 1991. — 26 января. — С. 3.
5. Кулагин Г. Хотите одеваться с базара? // Смена. — 1991. — 12 октября. — С. 2.
6. Муравьёв Е. Акция «Обмен» окончена // Рабочий путь. — 1991. — 30 января. — С. 1.
7. Муравьёв Е. Многие лики реформы цен, или горечь необходимости // Рабочий путь. — 1991. — 11 апреля. — С. 1.
8. Николаева О. Почем нынче тюль? // Рабочий путь. — 1991. — 13 февраля. — С. 1.
9. От комиссии по обмену денежных знаков // Рабочий путь. — 1991. — 16 февраля. — С. 1.
10. Решение окончательное. Статья из «Советской газеты» // Рабочий путь. — 1991. — 8 февраля. — С. 1.
11. Томашов Н. Не пропадет ни рубля, честно заработанного или сбереженного // Рабочий путь. — 1991. — 25 января. — С. 1.
12. Томашов Н. Тяжелы на подъем банки // Рабочий путь. — 1991. — 26 января. — С. 1.
13. Томашов Н. Дотации на обед // Рабочий путь. — 1991. — 1 мая. — С. 2.
14. Указ Президента СССР от 22 января 1991 г. № УП-1329 «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. — 1991. — 30 января. — Ст. 117.

Проблема переустройства Союзного государства в августе-декабре 1991 г.

Аннотация. В работе исследуется разработка и согласование союзными республиками модели государственного устройства после поражения ГКЧП. На основе документальных источников показано, что этот процесс носил нелинейный характер и прошел в своем развитии несколько стадий. Неудача переговоров определялась отказом Украины от любых форм интеграции, а также несовместимостью позиции российского руководства и руководства остальных республик.

Ключевые слова: СССР; РСФСР; Украина; Союзный Договор; Государственный Совет; ССГ.

The problem of reorganization of the Union state in August—December 1991

Abstract. The article studies the development and negotiations by the Union republics of a model of government after the defeat of the State Emergency Committee. Based on documentary sources, it is shown that this process was non-linear and went through several stages in its development. The failure of the negotiations was determined by Ukraine's refusal from any forms of integration, as well as by the incompatibility of the position of the Russian leadership and the leadership of other republics.

Keywords: USSR; RSFSR; Ukraine; Union agreement; Council of state; USS.

Острый политический кризис августа 1991 г. привел к формированию условий, в которых союзные республики обрели реальную возможность проведения самостоятельной политики. Взаимоотношения между ними перестали определяться логикой политической борьбы с центром, и судьба межреспубликанских экономических, политических, культурных и других связей стала строиться на основе межреспубликанских договоренностей. Несмотря на явное стремление к самостоятельности, большинство республик продолжило работу в союзных органах власти (Съезд народных депутатов СССР, Верховный совет СССР, Государственный совет СССР). Основным направлением их деятельности являлась выработка компромиссной модели государственного устройства. Проявившиеся в

---

* **Илья Сергеевич Логвенков** — аспирант кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: ilya.logvenkov@gmail.com

Илья С. Logvenkov — Post-graduate student in the Department of State and Municipal Government, Faculty of Public Administration, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

ходе совместной работы особенности межреспубликанских взаимоотношений предопределили неудачу этой работы, они же в немалой степени влияют на темп интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в наши дни. Учет этих особенностей открывает возможности более глубокого анализа текущих проблем взаимодействия России и ее ближайших соседей.

История последних месяцев существования СССР редко оказывалась в фокусе внимания ученых. Вероятно, это обусловлено двумя обстоятельствами: представлением о предопределенности развития ситуации в стране после поражения ГКЧП и «тенью» двух масштабных событий (августовский политический кризис и прекращение существования СССР), в которой политические и экономические процессы осени 1991 г. стали малозаметными.

Уместно выделить три направления, в рамках которых затрагивалась проблема реформирования союзного государства. С условно «либеральных» позиций (Р.Г. Пихоя [14], Е.Т. Гайдар [5] и др.) этот процесс изначально был обречен на провал из-за неспособности социалистического строя ответить на экономические вызовы постиндустриальной эпохи, общей нереформируемости Советского Союза. С позиций, которые столь же условно можно назвать «консервативными», поиск компромисса между союзным и республиканским руководством в сфере преобразования федеративных основ СССР сам по себе видится мощным разрушительным фактором. (И.Я. Фроянов [18], Д.А. Лукашевич [10] и др.). Авторы научных работ условно нейтрального толка (А.С. Барсенков [1], А.В. Лукашин [11] и др.), делая акцент, в первую очередь, на изучении правовых и политических аспектов процесса реформирования советского федерализма, в целом, сходятся на том, что после начала новоогаревских переговоров в апреле 1991 г. СССР терял шансы сохраниться в качестве федеративного государства, а после поражения ГКЧП — и в качестве конфедерации.

Несмотря на глубокую проработку вопросов, связанных с попыткой обновления основ государственного единства СССР в годы «перестройки», сам переговорный процесс, динамика позиций руководства республик внимания практически не удостоились. Между тем, недавно опубликованные документы, в частности, стенограммы заседаний Государственного совета СССР, показывают, что этот процесс не был линейным, а его результат определялся сложной комбинацией факторов.

Поражение ГКЧП резко углубило кризис союзной государственности. Несмотря на то, что реальная борьба против путчистов велась только в России, в течение двух недель после ее завершения Украина, Азербайджан, Узбекистан, Армения, Киргизия и Молдавия из-

дали декларации независимости (Литва, Латвия, Эстония и Грузия объявили об этом значительно ранее). На внеочередной сессии Верховного совета СССР (26—31 августа) республики получили возможность обозначить отношение к путям реформирования Союза, и их позиции сразу же обнаружили существенные расхождения.

По отношению к вопросам, связанным с разработкой Союзного договора и признания новообразованных государств, можно выделить три основные стороны: Казахстан, Азербайджан и республики Средней Азии; Украина; Россия.

Президент Казахской ССР Н.А. Назарбаев отверг идею федеративного государства, настаивая при этом на необходимости заключения всесторонних экономических договоров, а также на сохранении некоторого функционала за союзными органами: охрана границ, контроль над ядерным оружием, союзная транспортная система наряду с республиканскими, межреспубликанская связь [2, с. 63]. При этом республики получали полноценные внешнеполитические ведомства, Вооруженные силы и пр., а новообразованную конфедерацию было предложено назвать Свободным Союзом Суверенных республик. Схожие тезисы прозвучали в выступлении председателя Верховного совета Азербайджанской ССР Э.М. Кафаровой, которая подтвердила необходимость объединения Союза на конфедеративных началах [2, с. 65].

Наиболее радикальную позицию изложил министр охраны окружающей среды Украины, член Верховного совета СССР Ю.Н. Щербак, который ознакомил депутатов с принятым 24 августа актом о провозглашении независимости Украины и предложил ликвидировать институты Президента, Верховного совета, Съезда народных депутатов и Кабинета министров СССР, так как, по его мнению, они не отражали «реального политического соотношения сил и интересов общества» [3, с. 71].

Официальная позиция России в изложении исполняющего обязанности председателя Верховного совета Р.И. Хасбулатова существенно отличалась как от радикального украинского подхода, так и от умеренного азиатского. ВС РСФСР одобрил (с рядом оговорок и поправок) новоогаревский проект Союзного договора, и работа по достижению «чистоты» этого документа могла быть закончена в течение сентября, включая подписание. При этом российский парламент должен был осуществлять контроль над расстановкой высших должностных лиц российской центральной и местной администрации (в сочетании с экономическим суверенитетом республики это означало контроль над большей частью союзной экономики) [2, с. 38-41].

В дни работы Верховного совета российское руководство успешно твердо заявило о своих амбициях, резонно полагая, что в ситуа-

ции, когда Россия контролирует всю экономику в пределах своей территории, ее вполне устроит существование союзных Верховного совета и Президента, предусмотренных новоогаревским проектом Союзного договора. Печатный орган ВС РСФСР, «Российская газета», 28 августа назвала сторонников ликвидации центра «разного рода сепаратистами», обвиняя их в призывах к распаду государства и угрожая припомнить долги республик [12]. Незадолго до этого, 26 августа, пресс-секретарь Ельцина П.И. Вошанов выступил с заявлением, в котором сообщил, что Россия оставляет за собой право о пересмотре границ с некоторыми республиками, которые стремятся выйти из состава СССР без каких-либо договоренностей [8].

В течение нескольких дней радикализм публичных заявлений пошел на спад: Россия не стала пересматривать границы с другими республиками, а те, в свою очередь, не форсировали конкретных мероприятий, направленных на выход из Союза. Уже 1 сентября Президент СССР и руководители и представители 10 республик (России, Украины (по телефону), Казахстана, Грузии (в качестве наблюдателя), Армении, Узбекистана, Азербайджана, Туркмении, Кыргызстана, Таджикистана) в рамках Совета безопасности СССР начали подготовку к предстоящему V Съезду народных депутатов СССР, которая заключалась в выработке совместной компромиссной позиции. Результатом стало совместное заявление Президента СССР и высших руководителей республик, суть которого сводилась к трем предложениям: все желающие республики должны были подготовить и подписать договор о создании Союза суверенных государств со свободной формой участия, заключить экономический союз и договор о коллективной безопасности с целью сохранения экономических связей и единых вооруженных сил.

Курс на скорейшее подписание договора был закреплен решениями V Съезда. Одновременно с этим утверждалась и новая конфигурация высших органов власти страны в «переходный период»: ответственность за обеспечение преемственности власти и управления возлагалась на три института: Президента, Верховный и Государственный советы СССР (в последний входили Президент Союза и главы союзных республик). Именно характер работы последнего в наибольшей степени определял перспективы переговорного процесса.

Первое заседание Госсовета состоялось 6 сентября. Участие приняли представители 10 республик: РСФСР, Украины, Белоруссии, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, Армении, Таджикистана и Киргизии. В ходе переговоров разделение республик на три стороны в целом сохранилось.

На заседании 16 сентября Ельцин обозначил текущую позицию РСФСР: «Подписать [договор] хотя бы в более общем виде. Чтоб

была, конечно, значительно большая независимость республик, государств». При этом он заметил, что определенные группы начали продвигать вариант отделения России для самостоятельного решения своих проблем [7, с. 322]. Казахстан и среднеазиатские республики (в ходе заседаний Назарбаев говорил и от лица руководителей среднеазиатских республик, которые, в основном, молчали, изредка высказываясь в поддержку его позиции) настаивали на скорейшем подписании экономического договора, но демонстрировали меньшую заинтересованность в создании сколько-нибудь влиятельных политических структур. Тем не менее, ради скорейшего выхода на решение экономических проблем Назарбаев предложил немедленно подписать договор в составе трех-четырёх республик, чтобы начать сам процесс [7, с. 322].

Наибольшие опасения этой стороны вызывало усиление России, возможное превращение ее в новый центр. Стремление обозначить равный статус отчетливо проявлялось в риторике многих республиканских лидеров: 26 августа на заседании ВС СССР Назарбаев заявил, что «Казахстан никогда не будет “подбрюшьем” ни одного региона и никогда не будет ни для кого “младшим братом”. Мы войдем в Союз только с равными правами и равными возможностями» [2, с. 64]. Российское руководство, в свою очередь, стремилось зафиксировать свое особое положение в новом объединении. К примеру, в середине октября оно предложило внести поправку в разрабатываемый экономический договор, которая вводила для Ельцина должность Президента-координатора, предупредив при этом, что с республиками, которые не подпишут договор (кроме Украины и Белоруссии), РСФСР перейдет на отношения по мировым ценам [15].

Самую неконструктивную позицию в отношении любых договоренностей заняла Украина в лице председателя ВС УССР Л.М. Кравчука: во-первых, он настаивал на конфедеративном варианте организации Вооруженных сил [7, с. 320], во-вторых, отказывался от любых вариантов политического союза. По словам его заместителя В.Б. Гринева, Кравчук отказывался принимать какие-либо решения самостоятельно без парламента [7, с. 128], на тот момент настроенного на решительный выход из состава Союза. Украина отказывалась от участия в формировании интеграционных структур даже экономического характера, если в них предусматривалось создание каких-либо руководящих органов.

К концу сентября стало понятно, что расхождения в позициях членов Госсовета быстро преодолеть не удастся, что привело к изменению российской политики. На тот момент в окружении Ельцина шла борьба двух групп, отстаивавших разное виденье дальнейшего пути развития России. Первая, во главе с государственным секре-

тарем РСФСР Г.Э. Бурбулисом, продвигала идею самостоятельного проведения экономических реформ, отказа от участия в межреспубликанском экономическом объединении и подписания «мягкого» политического соглашения, которое исключало бы любые ограничения российской политики [7, с. 587]. Вторую возглавлял сначала председатель Совета министров РСФСР И.С. Силаев, а после его ухода — ответственный за экономическую реформу министр экономики Е.Ф. Сабуров. Они защищали различные варианты межреспубликанского экономического соглашения. В частности, Сабуров предполагал включение в договор положений о создании единого межгосударственного эмиссионного банка для рублевой зоны, свободы передвижения товаров, капиталов и услуг, согласованной экспортной и таможенной политики, причем этот проект получил одобрение Ельцина [17].

Неудачи в закреплении исключительного места России в будущем межреспубликанском объединении, рост понимания, что Украина может отказаться от членства в конфедерации (в середине октября она перестала принимать участие в заседаниях Госсовета по политическим вопросам [13], одновременно развернув мощную антисоветскую и даже антироссийскую агитационную кампанию для достижения желаемых результатов референдума по вопросу собственной независимости, назначенного на 1 декабря) [9], а также необходимость срочного определения понятного курса развития страны, способного обеспечить ее консолидацию, повышали привлекательность пути, предложенного группой Бурбулиса.

28 октября в докладе на открытии Съезда народных депутатов РСФСР Ельцин раскрыл содержание грядущих экономических реформ, которые не предполагали никакого взаимодействия с другими республиками [16, с. 4]. Реализация этой реформы, подготовка к которой началась в начале ноября, полностью обесценивала любые межреспубликанские экономические соглашения. В соответствии с новым курсом изменился и характер работы в рамках Госсовета: российское руководство стремилось ускорить раздел союзных структур управления, необходимый для проведения реформ, и торпедировало разработку договора, требуя пересмотра ранее согласованных положений в пользу их ослабления [4, с. 749].

Очевидный тупик переговоров в рамках Госсовета, результаты референдума на Украине и рост самостоятельности республик создали все условия для начала этапа демонтажа союзного государства в начале декабря. 8 декабря между Россией, Белоруссией и Украиной было подписано соглашение, в котором констатировалось прекращение существования СССР, а сами республики образовывали Содружество независимых государств, которое на тот момент представляло собой

лишь переговорную площадку. О создании интеграционных институтов экономического или политического характера речи уже не шло.

Итак, политический процесс в августе–декабре 1991 г. можно разделить на три этапа:

1. Радикальный, в ходе которого республики массово объявляли о независимости, что вело к взрывному росту конфликтности между ними и РСФСР.
2. Оптимистический, характеризовавшийся позитивными ожиданиями от работы Государственного совета СССР (начало сентября — середина октября).
3. Деструктивный, в ходе которого российское руководство взяло курс на форсированный демонтаж союзных структур.

Союзные республики на основе их вовлеченности и особенностей участия в процессе разработки новой модели государственного устройства можно разделить на три группы:

1. Литва, Латвия, Эстония, Грузия и Молдавия сразу отказались от участия в любых формах политической интеграции; в октябре к ним присоединилась и Украина.
2. Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Армения, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан были готовы к мягкой политической интеграции, предусматривавшей наличие общих вооруженных сил, но сильнее тяготели к экономическому союзу.
3. Россия изначально настаивала на подписании договора, но убедившись в невозможности скорого завершения этого процесса, под влиянием внутривнутриполитических конфликтов перешла в первую группу.

Наиболее характерными особенностями межреспубликанских взаимоотношений изучаемого периода стали, во-первых, неготовность России заключать полноценные союзы с другими республиками на равных правах и, соответственно, неготовность других республик к неравноправным объединениям, а во-вторых, противоположная реакция республик на важнейшие факторы. Так, среднеазиатские видели выход из экономического кризиса в создании экономического союза, тогда как Россия предпочла самостоятельный, ни с кем не согласованный курс реформирования экономики.

Список литературы

1. Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985—1991. — М.: Издательство МГУ, 2001. — 364 с.
2. Бюллетень совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей. — № 1. — 26 августа 1991 г. — М.: Известия Советов народных депутатов СССР, 1991.

3. Бюллетень совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей. — № 2. — 26 августа 1991 г. — М.: Известия Советов народных депутатов СССР, 1991.
4. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991) / Сост. А.С. Черняев. — М., 2008.
5. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: РОССПЭН, 2006. — 439 с.
6. Горбачёв М.С. Собрание сочинений. — Т. 27. — М., 2017.
7. Горбачёв М.С. Собрание сочинений. — Т. 28. — М., 2018.
8. Заявление пресс-секретаря Президента РСФСР // Российская газета. — 1991. — 27 августа.
9. Исаков В.Б. Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века. — М., 2012.
10. Лукашевич Д.А. Юридический механизм разрушения СССР. — М.: Алгоритм, 2016. — 520 с.
11. Лукашин А.В. Разработка руководством СССР Союзного договора: дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2012. — 253 с.
12. На пороге самороспуска // Российская газета. — 1991. — 28 августа.
13. Ново-Огарево-2 без Украины? // Известия. — 1991. — 15 октября.
14. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. — М.: АСТ, 2007. — 554 с.
15. Президент-координатор // Независимая газета. — 1991. — 17 октября.
16. Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 10—17 июля, 28 октября — 2 ноября 1991 г. Стенографический отчет. — Т. II. — М.: Издательство «Республика», 1992. — С. 4.
17. Российская реформа меняет второго куратора за год // Известия. — 1991. — 10 октября.
18. Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). — СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. — 800 с.

Роль руководителей Миннаца России в формировании российской национальной политики в 1989—2001 гг.

Аннотация. В статье отражена проблема создания новой периодизации российской национальной политики, которая основана на изучении роли личности в исторический период времени (1990-е гг.), когда политические институты государства были ослаблены, и личностный фактор имел особое значение. В конкретном исследовании изучаются личности руководителей Миннаца России в 1989—2001 гг. и их влияние на изменение вектора развития российской национальной политики.

Ключевые слова: институциональная история; роль личности; национальная политика; межнациональные отношения; межнациональные конфликты; Миннац России; Концепция национальной политики России.

The role of the leaders of the Minnats of Russia in shaping of the Russian nationality policy during 1989-2001

Abstract. The article reflects the problem of creating Russian national policy new periodization, which is based on the study of the personality role in the historical period (1990s), when the political institutions of the state were weakened, and the personality factor was of particular importance. In a specific study the identities of Minnats Russian leaders during 1989—2001 are studied. Also in this study the author revealed the leaders influence on changing the vector of Russian national policy development.

Keywords: institutional history; role of personality; national policy; interethnic relations; ethnic conflicts; Minnats of Russia; The Concept of national policy of Russia.

На протяжении многих десятилетий интерес к изучению «личности в истории» не угасает. В данной статье я предлагаю изучить роль руководителей Миннаца России в трансформации развития российской национальной политики и на этой основе создать ее новую периодизацию. Рассматривая Миннац России как один из основополагающих органов проведения национальной политики, мы неизбежно начинаем рассматривать его как политический институт.

* **Матвей Дмитриевич Пищук** — ведущий специалист отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Государственного архива Российской Федерации (Москва, Россия). e-mail: pishuk.mat@yandex.ru

Matvey D. Pishchuk — Leading specialist in the Department of Acquisition, departmental archives and records management, The State Archive of the Russian Federation (Moscow, Russia).

В этом случае следует сказать, что исторический институционализм изучает институты общества. Но что происходит, когда институты ослабевают или вовсе разрушаются? [1, с. 117].

Известно, что в кризисные периоды, сопровождающиеся трансформацией властных институтов, значительно возрастает роль личности в общественном процессе [5, с. 186—189]. В 1990-е гг. Россия переживала процесс такой трансформации — одна система институтов менялась на другую и, пока новая система не сложилась, для государственной национальной политики было характерно повышенное влияние личностного фактора [9, с. 60].

Государственный комитет РСФСР по национальным вопросам был создан в ноябре 1989 г. [7, с. 1024—1025]. Его первым председателем 17 марта 1990 г. стал Анатолий Михайлович Беляков [16, с. 271] — представитель партийной номенклатуры, в 1984—1990 гг. первый секретарь Бурятского обкома КПСС. По мнению некоторых исследователей, будучи русским по национальности, он пользовался поддержкой русского большинства в республике, благодаря чему проводил довольно консервативную политику, в частности вел активную борьбу с национальными движениями и интеллигенцией [33, с. 82—108]. Эти утверждения спорны, поскольку в 1970—1980-х гг. доля национальных кадров в Бурятской АССР росла.

Беляков считал, что инициаторами его назначения были члены Политбюро ЦК КПСС А.В. Власов, В.И. Воротников и Н.И. Рыжков [11]. Некоторые исследователи также считают, что его назначение было связано с поддержкой со стороны ЦК [2, с. 67]. Руководство РСФСР было вынуждено уступить партаппарату право назначить своего ставленника. Беляков появился как надежный, исполнительный управленец, отлично подходящий на роль «охранителя» национального вопроса. Поэтому реальное политическое влияние Госкомнаца при нем было скромным.

В ноябре 1990 г. место председателя комитета занял Леонид Прокопьевич Прокопьев, который пробыл на этом посту до 5 декабря 1991 г. [17, с. 2034—2035]. К тому времени руководство РСФСР осуществляло меры по поиску более «мягкой» кандидатуры на пост председателя Госкомнаца РСФСР. Прокопьев был чувашем, и менее консервативным политиком, чем Беляков. Занимая ранее пост председателя Совета министров Чувашской АССР, он умел быть более гибким. Это вызывалось различиями характера межнациональных отношений в автономных республиках Белякова и Прокопьева. Если в Бурятии русские были в большинстве и это давало возможность проводить консервативную политику, то в Чувашии большинство населения составляли чуваша, в результате чего необходимость сохранять межнациональный мир требовала более компромиссного курса.

Прокопьев возглавлял Госкомнац в момент сильнейших потрясений и стремился минимизировать участие комитета в политической борьбе. При этом в отношении национальной политики он достаточно жестко отстаивал гласный и правовой подход разрешения межнациональных конфликтов. Ярким примером такой линии стал конфликт Госкомнаца с Президентом РСФСР в отношении событий в Еврейской АО осенью-зимой 1991 г. [12, с. 127—136]. Население АО выступило против решения областного Совета народных депутатов о выходе из состава Хабаровского края и образовании Еврейской республики. Вопреки требованиям населения провести референдум по этому вопросу, областные депутаты хотели добиться *de facto* признания самостоятельности у Президента, который их поддержал. Госкомнац, наоборот, последовательно отстаивал необходимость проведения референдума, из-за чего и возник конфликт.

«Перестроечный период» национальной политики был характерен восприятием национального вопроса как, прежде всего, административно-территориального, культурного, и лишь потом как этнического комплекса проблем. И все-таки разница между двумя руководителями комитета видна: Беляков так и не смог ответить на вызовы новой эпохи, а Прокопьев осознал происходящие изменения, но был сильно ограничен системой старых институтов управления и борьбой политиков.

После ухода Прокопьева в декабре 1991 г. место председателя оставалось свободным вплоть до 27 февраля 1992 г., когда новым председателем Госкомнаца был назначен Валерий Александрович Тишков [18, с. 673]. Под его руководством начался «научный период» национальной политики России. Тишков был далек от политики, а сфера его интересов лежала в этнологии стран Северной Америки. По его воспоминаниям, назначение оказалось совершенно неожиданным [14]. Кроме того, оно было необычным — после партийно-советских деятелей председателем комитета назначался ученый.

К тому времени СССР больше не существовало, Россия стала суверенным государством, внутри которого накопилось множество нерешенных проблем. Руководство страны понимало, что в условиях формирования новой системы власти нужно выработать комплексную национальную политику, которая установила бы правовые и концептуальные основы нового государства. Во многом это удалось сделать: под руководством Тишковым комитет стал работоспособным органом, на работу в нем были привлечены научные кадры [3, л. 76], налажены связи с Институтом этнологии и антропологии РАН и сформированы сильные аналитические отделы.

Тишков разработал «Концепцию государственной национальной политики России», в которой выдвинул идею создания нации

сограждан на основании наднациональной надстройки. России следовало строить будущее не на основании этничности, а на основании культурных автономий (т.е. предполагался отказ от этнического принципа территориального деления) и на общегосударственных правовых нормах (равенство всех субъектов Федерации). Концепция встретила сильное сопротивление со стороны сторонников усиления «этнического фактора» в развитии Федерации (Р.Г. Абдулатипов, Г.В. Старовойтова и др.). Они считали Концепцию угрозой для национальной идентичности народов России, видя в ней игнорирование нации как естественной общности, и активно противодействовали ее принятию.

Противостояние между Тишковым и главой Совета национальностей Верховного совета РФ Абдулатиповым привело к тому, что Концепция не была одобрена [15, с. 21—22]. Отсутствие политической поддержки привело к отставке Тишкова в октябре 1992 г. [19, с. 1504]. Но исследователи высоко оценили его вклад в формирование научных основ национальной политики [6, с. 717]. Хотя ему и не удалось добиться принятия своей Концепции, он за короткий период своего руководства смог создать в комитете полноценную базу для работы. Была запущена дискуссия о будущем национальной политики и о ее принципах.

4 ноября 1992 г. новым руководителем Госкомнаца России стал Сергей Михайлович Шахрай [20, с. 1790]. Это ознаменовало новый этап — период «политического администрирования»: привлечение на пост руководителя данного органа соратника Ельцина означало неминуемое вовлечение комитета в противостояние ветвей власти. Шахрай был прагматиком, он рассматривал национальную политику как политическую деятельность, которая давала бы дополнительные «политические очки» Ельцину от национальных регионов. При Шахрае ведомство расширило региональные контакты и углубил взаимодействие с тамошними властями. Национальная политика стала инструментом контроля политической лояльности: при создании министерства в январе 1994 г. были значительно расширены полномочия нового органа в области финансирования региональных программ. «Политическое администрирование» проявилось еще и в том, что комитет стал основой для создания Партии российского единства и согласия (ПРЕС), которую возглавил сам Шахрай [10, с. 87].

Но в мае 1994 г. он был освобожден от должности министра [21]. Рост популярности в регионах и заявления о том, что он собирается участвовать в выборах Президента России привели к охлаждению отношений с Ельциным, который в итоге лишил Шахрая его основной политической опоры. Еще одной возможной причиной отстав-

ки могла быть борьба «ястребов» и «голубей» в политических верхах вокруг Чеченского конфликта. Шахрай не был сторонником начала боевых действий — в отличие от сменившего его в мае 1994 г. Николая Дмитриевича Егорова.

Он был представителем консервативной группы политиков и считал, что военная операция может стать решением «чеченской проблемы». Во время боевых действий Егоров находился непосредственно в зоне конфликта и координировал работу правительственных структур по восстановлению конституционного порядка на территории Чечни. Некоторые политики указывают на его исключительную роль в начале первой чеченской кампании [34]. При такой позиции его отношения с собственным министерством складывались неудачно: научную работу и контакты с регионами минимизировали, сократилась подготовка аналитических материалов. Поддержка Егоровым силовых методов в национальной политике критиковалась представителями регионов [4, л. 6—11], была потеряна и поддержка «ястребов», искавших в этот момент виновного в неудачах военной операции. Поэтому провал декабрьского штурма Грозного и последующие события в Буденновске определили судьбу Егорова — 30 июня 1995 г. он был снят с поста [22].

Новым руководителем Миннаца стал Вячеслав Александрович Михайлов [23]. Впервые новый министр был выбран из сотрудников ведомства (ранее — первый заместитель министра). Руководство страны понимало, что нужно найти кандидатуру на пост министра, которая не будет столь одиозна, как предыдущие. Ситуация на Северном Кавказе ухудшилась из-за боевых действий и нужно было реорганизовать министерство так, чтобы оно занималось своими непосредственными задачами, а не участвовало в «концептуальных батаях» (Тишков), политических играх (Шахрай) или в подготовке к боевым действиям (Егоров).

В советское время у Михайлова был значительный опыт работы в партийных органах в сфере агитации и формирования «интернационального сознания», что на современном этапе могло быть полезным для «успокоения» межнациональных отношений. Не являясь ни эпатажным политиком, ни крупным теоретиком, Михайлов стал компромиссной фигурой между сторонниками «ликвидации» и сторонниками «углубления» национального вопроса. На то, что Михайлов оказался эффективным руководителем, может указывать самый долгий срок его полномочий среди всех министров по делам национальностей — почти три года (с июля 1995 г. по май 1998 г.). Ему удалось вернуть утраченное доверие регионов и развернуть широкую сеть аналитических центров. В 1996 г. Михайлову удалось продвинуть ряд концептуальных документов в области межнацио-

нальных отношений, прежде всего, Концепцию государственной национальной политики России (по разработкам Тишкова, но со многими принципиальными отличиями — прежде всего в отношении этнического принципа формирования Федерации) [24].

Но к весне 1998 г. под давлением внутривнутриполитических конфликтов (противостояние Государственной думы и Президента, борьба «младореформаторов» и «консерваторов») начался процесс реорганизации Миннаца. В прессе его окрестили «национальной контрреволюцией 1998 г.» [8]. С приходом правительства «младореформаторов» во главе с С.В. Кириенко было принято решение об упразднении Миннаца и создании на его основе Министерства региональной и национальной политики России, которое возглавил Евгений Саулович Сапиро [25] — человек без связей в регионах и ранее не занимавшийся национальной политикой. Он был инженером и «вел» в парламенте Пермской области экономические вопросы. Кандидатуру Сапиро поддержали В.Б. Христенко, Б.Е. Немцов, А.Б. Чубайс, Е.Т. Гайдар и Е.С. Строев [13].

Сапиро действовал в духе экономического прагматизма, считая своим приоритетом минимизацию конфликтов интересов между регионами, а не между нациями. Более того, новый министр вообще стремился убрать национальный фактор из актуальной политической повестки. Однако уже в сентябре он ушел в отставку в связи с упразднением самого министерства [26]. После того, как новым главой правительства стал Е.М. Примаков, Миннац был восстановлен и его возглавил Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов [27]. Новое правительство заменило «региональный подход» к национальной политике на «национально-федералистский». Абдулатипов был крупной и колоритной фигурой: на протяжении многих лет занимался национальной политикой и отстаивал принципы полноценной многонациональной Федерации. Он реанимировал контакты министерства с региональными властными кругами, активно сотрудничал с общественными движениями и приложил значительные усилия для стабилизации обстановки на Северном Кавказе. Миннац стал более публичным: при нем создавались консультативные и экспертные советы, открылась горячая линия и сайт в сети Internet. Абдулатипов не просто искренне занимался национальной политикой, но и, будучи лицом заинтересованным, всячески подогревал к ней интерес.

Те временем страна менялась и острота национального вопроса в некоторой степени снижалась, общество стремилось к стабилизации и примирению. В мае 1999 г. Абдулатипов сложил полномочия вместе с правительством Примакова [28] и министром снова стал Михайлов [29]. Наступил период «заката самостоятельности» наци-

ональной политики. Руководство страны взяло курс на подготовку военной операции в Чечне. В этих условиях на посту министра требовалась лояльная фигура.

Михайлов оказался «переходным» министром: к началу 2000 г. успехи в Чечне поставили судьбу Миннаца под вопрос. Упразднить министерство предполагалось в несколько этапов. 6 января 2000 г. его новым главой был назначен Александр Викторович Блохин [30]. То, что новым министром стал бывший дипломат, неслучайно: в мае 2000 г. Миннац был реорганизован в Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики, получив часть функций упраздненного Министерства по делам СНГ. Блохин же имел богатый опыт работы со странами СНГ (был дипломатом в Азербайджане). Предпринималась попытка «перестроить» министерство в миграционный орган, однако 16 октября 2001 г. было принято решение о его окончательном упразднении [31]. Так завершилась необычная и бурная эпоха в истории российской национальной политики. Ее судьба в 1990-е гг. оказалась прочно связана с деятельностью отдельных личностей. Особое значение имели руководители Миннаца, каждый из которых открывал новую главу национальной политики, отражая актуальные на тот момент общественные настроения и трансформации государственного мышления.

На основании изучения деятельности руководителей Миннаца России я предлагаю следующую периодизацию национальной политики России в 1989—2001 гг.: 1) «перестроечный период» (март 1990 г. — декабрь 1991 г.); 2) период «научного подхода» (февраль — ноябрь 1992 г.); 3) период «политического администрирования» (ноябрь 1992 г. — май 1994 г.); 4) период «силового подхода» (май 1994 г. — июнь 1995 г.); 5) период стабилизации (июнь 1995 г. — май 1998 г.); 6) период кризиса: регионализм вместо национального вопроса (май 1998 г. — май 1999 г.); 7) период завершения самостоятельности национального вопроса (май 1999 г. — октябрь 2001 г.). Стоит отметить, что даже ликвидация Миннаца как органа реализации национальной политики во многом символична — в начале 2000-х гг. Россия вступила в новую эпоху, в которой «национальный вопрос» на долгие годы оказался покрыт недосказанностью. Лишь в последние годы предпринимаются попытки реанимировать его как самостоятельное направление государственной политики.

Список литературы

1. Белькова А.А. Исторический институционализм — новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — №. 7. — С. 117—121.

2. Будаев Б.С. Институциональные факторы развития современных политических партий в российских регионах: на материалах Республики Бурятия: дисс. ... канд. полит. наук. — Чита, 2009. — 168 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10121. Оп. 1. Д. 82.
4. ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 76.
5. Гринин Л.Е. Роль личности в истории: история и теория вопроса // *Философия и общество*. — 2011. — № 4. — С. 175—193.
6. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 811 с.
7. Закон РСФСР от 29 ноября 1989 г. «Об утверждении указов Президиума Верховного Совета РСФСР об изменениях в системе органов государственного управления РСФСР и о внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О Совете Министров РСФСР» // *Ведомости ВС РСФСР*. — 1989. — № 49, Ст. 1445. — С. 1024—1025.
8. Камышев Д. Окончательное решение национального вопроса // *Коммерсантъ Власть*. Интернет-газета. — 1998. — 30 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/14511> (дата обращения 15.07.2019).
9. Козлова О.В. Национальная политика Российской Федерации в 90-е гг. XX века: исторический аспект: дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2004. — 186 с.
10. Красных М.А. Становление и развитие «партии власти» в современной России: дисс. ... канд. полит. наук. — Пермь, 2008. — 226 с.
11. Никитина Т. Беляков: с Модогоевым на курорте не отдыхал // *Газета РБ — Интернет-газета Республики Бурятия*. — 2014. — 12 января. URL: <https://clck.ru/HmR3a> (дата обращения: 15.07.2019).
12. Пищук М.Д. Республики не будет. Еврейская АО и ее путь к самостоятельности в 1990-1991 гг. // *Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник избранных статей участников IX международной конференции молодых ученых и специалистов «Сiо-2019»*. — М.: РОССПЭН, 2019. — С. 127—136.
13. Сапиро Е.С. Трактат об удаче [Электронный ресурс]: Воспоминания и размышления. СПб.: Маматов, 2009. Глава «День Победы». URL: <https://clck.ru/HmSiP> (дата обращения 15.07.2019).
14. Тишков В.А. Я был министром // Валерий Тишков — личный сайт. URL: <https://clck.ru/HmS8Y> (дата обращения: 15.07.2019).
15. Тихомирова Г.М. Валерий Александрович Тишков / Авт. вступ. ст. Т.Б. Уварова, Е.Н. Викторова. — М.: Наука, 2016. — 221 с.
16. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.03.1990 «О назначении Белякова А.М. Председателем Государственного комитета РСФСР по национальным вопросам» // *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. — 1990. — № 12, Ст. 355. — С. 271.
17. Указ Президента РСФСР от 5.12.1991 «О членах бывшего Совета Министров РСФСР» // *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. — 1991. — № 50, Ст. 1788. — С. 2034—2035.
18. Указ Президента РФ от 27.02.1992 № 195 «О назначении Председателя Государственного комитета Российской Федерации по национальной политике» // *Ведомости СНД РФ и ВС РФ*. — 1992. — № 10, Ст. 515. — С. 673.
19. Указ Президента РФ от 15.10.1992 № 1236 «О В.А. Тишкове» // *САПП РФ*. — 1992. — № 16, Ст. 1289. — С. 1504.

20. Указ Президента РФ от 4.11.1992 № 1332 «О Шахрае С.М.» // САПП РФ. — 1992. — № 19, Ст. 1606. — С. 1790.
21. Указ Президента РФ от 16.05.1994 № 941 «О Министре Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSTH> (дата обращения: 12.07.2019).
22. Указ Президента РФ от 30.06.1995 № 656 «О Егорове Н. Д.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSww> (дата обращения: 12.07.2019).
23. Указ Президента Российской Федерации от 5.07.1995 № 671 «О Министре Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSc7> (дата обращения: 12.07.2019).
24. Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSdn> (дата обращения: 12.07.2019).
25. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.1998 № 504 «О Сапиро Е.С.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSgi> (дата обращения: 12.07.2019).
26. Указ Президента РФ от 22.09.1998 № 1142 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSjr> (дата обращения: 12.07.2019).
27. Указ Президента Российской Федерации от 25.09.1998 № 1157 «О Министре национальной политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSmf> (дата обращения: 12.07.2019).
28. Указ Президента РФ от 25.05.1999 № 651 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSoS> (дата обращения: 12.07.2019).
29. Указ Президента Российской Федерации от 25.05.1999 № 665 «О Министре по делам федерации и национальностей Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSqH> (дата обращения: 12.07.2019).
30. Указ Президента Российской Федерации от 06.01.2000 № 16 «О Михайлове В.А.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSrm> (дата обращения: 12.07.2019).
31. Указ Президента Российской Федерации от 06.01.2000 № 17 «О Министре по делам федерации и национальностей Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSuM> (дата обращения: 12.07.2019).
32. Указ Президента РФ от 16.10.2001 № 1230 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://clck.ru/HmSzY> (дата обращения: 12.07.2019).
33. Хамутаев В.А. Национальный вопрос в Бурятии: 1980—2000-е гг. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2008. — 384 с.
34. Хлыстун В. Павел Грачёв — меня назначили ответственным за войну // Газета Труд. Общественно-политическая интернет-газета. — 2001. — 15 марта. URL: <https://clck.ru/HmSU3> (дата обращения: 15.07.2019).

Роль банковской системы в реализации аграрной политики государства в начале XX в. и в современной России

Аннотация. Статья посвящена изучению роли отечественного банковского сектора в осуществлении аграрной политики государства в дореволюционной России, в «перестроечное» время, а также в 1990-е — начале 2000-х гг. В частности, рассматривается деятельность Крестьянского поземельного банка (до 1917 г.) и Агропромбанка (начиная со второй половины 1980-х гг.).

Ключевые слова: банковская система, аграрная политика, Крестьянский поземельный банк, Агропромбанк, государственные специализированные банки.

The role of the banking system in the implementation of the agrarian policy of the state in the early XXth century and in modern RUSSIA

Abstract. The article is concerned with the study of the role of the domestic banking sector in the implementation of the national policy in pre-revolutionary Russia, during “perestroika” and in the 1990s — early 2000s. In particular, the article deals with the activities of the Peasant land Bank (til 1917) and Agroprombank (since the second half of the 1980s).

Keywords: banking system, agrarian policy, Peasant land Bank, Agroprombank, state specialized banks.

Начатые во второй половине 1980-х гг. перестройка базиса экономической системы и переход к рынку затронули все сферы общественной жизни России. Реформа была призвана вывести страну из кризиса, который поразил экономику Советского Союза. Анализируя различные варианты смены парадигмы организации и функционирования производительных сил, представляется интересным обращение не только к западноевропейским экономическим моделям, но и опыту дореволюционной России. Применительно к перестройке сельского хозяйства вполне логично обратиться к эпохе столыпинских реформ и, в частности, изучить опыт работы банковских учреждений.

---

* **Роман Геннадиевич Кирсанов** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: romankirsanov@yandex.ru

Roman G. Kirsanov — Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Поскольку основным содержанием столыпинских преобразований являлось разрешение крестьянам выхода из общины и развитие частной земельной собственности, приобретало особое значение ипотечное кредитование. Такие кредиты выдавал учрежденный в 1882 г. Крестьянский поземельный банк, находившийся в ведении Министерства финансов. Помимо Крестьянского банка существовала ещё сеть коммерческих ипотечных, или акционерных земельных (если пользоваться терминологией того времени), банков, сложившаяся в начале 1870-х гг. К началу 1917 г. в Российской империи действовало 10 подобных учреждений. Средства для выдачи ссуд банки получали путем выпуска и реализации акций и ипотечных облигаций (закладных листов), которые затем продавались на фондовых биржах. Однако, в отличие от таких банковских учреждений, кредиты, выдаваемые Крестьянским банком, носили целевой характер и использовались исключительно для покупки крестьянами земли.

В 1906 г. Крестьянский банк приобрел особое значение, став важным инструментом столыпинской аграрной реформы. Если ранее он выдавал кредиты преимущественно сельским обществам и товариществам, то теперь основными заемщиками стали отдельные домохозяева. В период с 1906 по 1916 гг. банк скупил более 4,6 млн десятин; 54,6% этой земли было продано крестьянам, выходящим на отруба, 23,4% — выходящим на хутора. Надо отметить, что включение крестьянского населения в ипотечное кредитование и активная скупка Крестьянским банком помещичьих землевладений (такое право он получил в 1895 г.) имели и обратный эффект, выражавшийся в росте цен на землю: с 1896 по 1914 г. цена за одну десятину выросла в среднем в 2,8 раза. Не все крестьяне справлялись со ссудными платежами. Так, за годы реформ было отобрано 0,6 млн десятин. Но в целом деятельность банка создала прочные условия для функционирования в стране земельного рынка, удовлетворявшего потребностям выходявших из общины крестьян.

Декретом СНК РСФСР от 25 ноября (8 декабря) 1917 г. «Об упразднении Государственного Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков» [2] главный ипотечный банк страны прекратил существование, успев реализовать к этому времени 61% своего земельного запаса. 24 декабря 1918 г. были ликвидированы акционерные земельные банки.

Начавшаяся в середине 80-х гг. «перестройка» выдвинула на повестку дня реформу банковской системы. Уже первые шаги реформаторов — такие, какие как признание частной собственности и допущение свободного предпринимательства, — выявили полную неспособность финансово-кредитного механизма и, прежде всего, системы кредитных организаций, удовлетворить потребности фор-

мировавшихся рыночных отношений. В этих условиях первоочередными задачами стали реформа банковской системы и выработка банковского законодательства.

Несмотря на то, что и до начала реформ существовала разветвленная система банковских учреждений, банковское дело по сути складывалось заново. Это было связано не только с тем, что наряду с государственными должны были возникнуть коммерческие банки. Коренным образом изменялись условия, в которых работают банковские учреждения, а следовательно, становились иными и их функции, задачи, методы деятельности, характер выполняемых ими операций, вся система их функционирования. Но не была отменена монополия Госбанка СССР, частный сектор отсутствовал как таковой, отсутствовала соответствующая законодательная база.

За образец реформы была взята уже прошедшая в странах Восточной Европы «апробацию» схема построения банковской системы. Там с начала 1980-х гг. осуществлялся переход на двухуровневую структуру с выделением Центрального банка (первый уровень) и экономически самостоятельных банков (второй уровень), которые создавались на базе ранее действовавших банков с соответствующим разделением и преобразованием их функций. Эти преобразования в каждой стране имели свои особенности. Общим было то, что банки второго уровня, непосредственно занятые обслуживанием народного хозяйства, переводились на коммерческие принципы функционирования и должны были работать на основе привлеченных ресурсов.

В соответствии с постановлением № 821 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики» [5] создавалась сеть государственных специализированных банков, включавшая Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк и Сбербанк. Каждый из спецбанков должен был обеспечивать кредитование соответствующих отраслей народного хозяйства.

Первым председателем союзного Агропромбанка стал первый зампред Госбанка СССР А.А. Обозинцев. Сразу же началось формирование сети республиканских, областных, а затем и районных филиалов. В итоге, только в РСФСР Агропромбанк открыл 1800 своих отделений.

С 1 января 1988 г. новая система спецбанков вступила в действие. Однако вскоре стало ясно, что никакой специализации не произошло. В каждом районе функционировало по два-три спецбанка, которые фактически дублировали друг друга. В отношении Агропромбанка ситуация усугублялась тем, что на его балансе находились все сельскохозяйственные предприятия страны, причем часть из них брали кредиты в Промстройбанке и Жилсоцбанке. Но поскольку Агропромбанк распределял для сельхозпредприятий лимиты

на определенные суммы, то на него автоматически «вешалась» вся ссудная задолженность. В результате было принято решение оставить по одному спецбанку на каждый район — в большинстве случаев таковым оказался Агропромбанк.

Ситуация немного нормализовалась с появлением первых коммерческих банков, многие из которых открывались на базе государственных. Так, Агропромбанк принял участие в создании Хлебного банка, Токобанка (для поддержки оптовой торговли) и ряда других. Тем самым специализация постепенно воплощалась в жизнь. Но впереди было новое испытание: в июле 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР закрыл все спецбанки на территории республики, а на месте их филиалов были открыты мелкие коммерческие банки. Второй удар по банковской системе (а, следовательно, и народному хозяйству) был нанесен, когда начала реализовываться концепция двухуровневой банковской системы. 2 декабря 1990 г. Верховный совет РСФСР принял два специальных банковских закона — «О банках и банковской деятельности в РСФСР» [1, ст. 188] и «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» [1, ст. 189]. Для государственных банков в новых законах не нашлось места, и они должны были акционироваться. Как показала дальнейшая практика, это явилось большой ошибкой. Под угрозой оказалась кредитно-финансовая система сельского хозяйства. В РСФСР система кредитования села перестала функционировать, т.к. новоявленные мелкие банки были не в состоянии кредитовать крупные предприятия агрокомплекса. Особенно сложной ситуация сложилась в сельских районах, где ощущалась большая потребность в кредитах. Эти банки, по существу, превращались в кредитные кооперативы, т.к. они кредитовали своих клиентов за счет ресурсов, привлекаемых там же. Но поскольку специального законодательства о кредитных кооперативах не было (хотя за царское время был накоплен богатый опыт), то к таким банкам предъявлялись такие же требования, что и к остальным. В итоге многие кредитные учреждения, созданные на базе филиалов АПБ, вынуждены были закрыться.

Однако на союзном уровне выход был найден. Девять бывших республик СССР (без РСФСР) совместно с Агропромбанком СССР объединились в единый Агропромышленный банк. Вскоре и Российская Федерация была вынуждена обратиться в него за кредитами. Но ресурсы АПБ СССР были ограничены, и на Третьем (Внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР аграрии выступили с предложением о создании Российского республиканского сельскохозяйственного банка, что не замедлило осуществиться [4]. После распада СССР Россельхозбанк получил в свое ведение все филиалы союзного Агропромбанка (в некоторой степени это помогло сохранить систему сельского кредита бывшего Союза).

Когда началось обсуждение вопроса о введении частной собственности на землю и внесении соответствующих изменений в земельное законодательство, было принято решение о создании еще двух банков аграрной направленности. Первым должен был стать Российский акционерный земельный банк, содействующий проведению аграрной политике и развитию фермерских хозяйств (в некоторой степени его можно было назвать наследником Крестьянского банка). Затем предполагалось организовать Инвестиционный земельный банк, однако проекты создания этих банков остались на бумаге. В конечном счете дальнейшее развитие получил лишь Россельхозбанк, который в 1994 г. был переименован в Агропромбанк (т.к. государство брало большую плату за использование в наименовании слова «Российский»).

В 1996 г. он вошел в состав печально известной банковской группы «СБС-Агро», чья аббревиатура наряду с девальвацией рубля и дефолтом ГКО давно стали символом кризиса 1998 г. После объединения министерство экономического развития публично выразило веру в светлое будущее аграрного дела в стране. Однако к 1996 г. баланс Агропромбанка оставлял желать лучшего и требовал финансовых вложений. Да и кредитование села оказалось для «СБС» новым видом деятельности. Сельская клиентура была ему непривычна, технологии работы с ней отрабатывались в спешке. В обеспечение сельских кредитов принимались даже гарантии сельских клубов. А между тем «СБС-Агро» подписывал соглашения со странами СНГ о межбанковском сельскохозяйственном сотрудничестве, о поставках хлопка и пшеницы.

После 17 августа 1998 г. правительство объявило о моратории на выплаты внутреннего долга, оформленного в государственные краткосрочные облигации (ГКО). «СБС-Агро» прекратил платежи еще 12 августа. В тот день из-за нервозности на рынке внутренних долгов сильно обесценился пакет государственных ценных бумаг в портфеле банка, которые он использовал как залог по синдицированному кредиту, привлеченному от ряда европейских банков в марте 1997 г. Когда котировки ценных бумаг, использующихся в качестве залога, падают, кредитор просит банк-заемщик внести дополнительное денежное обеспечение. Так же поступили западные кредиторы «СБС-Агро». В этот момент и выяснилось, что финансовых средств в банке уже нет. Кроме этого, летом 1998 г. в некоторых регионах случилась засуха, и многие заемщики из сельскохозяйственного сектора не смогли вернуть вовремя кредиты. А вкладчики, которых у банка было более 2,5 млн человек, бросились в спешном порядке отзываться свои деньги, едва пошли слухи о трудностях «СБС-Агро». Таким образом, дефолт 17 августа лишь окончательно добил неплатежеспособный банк.

В июне следующего года «в связи с неисполнением... требований федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, а также нормативных актов Банка России, задержкой представления ежемесячной отчетности, неспособностью удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей и учитывая неоднократное применение мер в порядке надзора» [3, с. 55] у Агропромбанка была отозвана лицензия. Аграрный сектор вновь лишился своего основного кредитора.

В начале 2000 г. было принято решение о создании нового аграрного банка с государственным участием в уставном капитале — Россельхозбанка, — который должен заниматься кредитованием сельского хозяйства и продвигать банковскую сеть в сельскую местность. Эта задача стоит перед ним и поныне.

Сейчас, оглядываясь назад, следует признать, что в этот начальный период рыночных реформ в России было допущено немало непростительных ошибок, многие из которых можно было бы избежать, обратившись к реформаторскому опыту начала XX в. В то время, несмотря на революционные потрясения и русско-японскую войну, банковская система смогла обеспечить проведение в жизнь аграрных реформ. В этой связи опыт работы органов власти и координационной деятельности Государственного банка не может оставаться невостребованным современным поколением реформаторов.

Список литературы

1. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 54.
2. Декрет СНК РСФСР от 25 ноября 1917 г. «Объ упраздненіи Государственнаго дворянскаго земельного и Крестьянскаго поземельнаго банковъ» // Газета Временного Рабочего и Крестьянскаго Правительства. — № 20. — 1917. — 28 ноября.
3. Приказ Центрального банка Российской Федерации от 30 июня 1999 г. № ОД-220 «Об отзыве лицензии на осуществление банковских операций у акционерного коммерческого агропромышленного банка (Открытого акционерного общества) (Агропромбанка) (г. Москва)» // Вестник Банка России. — 1999. — № 39.
4. Распоряжение Первого заместителя Председателя ВС РСФСР от 29 июля 1991 г. № 1605-1 «О создании Российского республиканского сельскохозяйственного банка (Россельхозбанка)» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1 августа 1991. — № 31, ст. 1047.
5. Свод законов СССР. — 1990. — Т. 5. — С. 390—14.

Российско-финляндский научный семинар

Численность и состав служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в.: источники и их интерпретация**

Аннотация. В статье представлен анализ материалов систематического учета чиновничества и их информационных возможностей для изучения численности и состава провинциальных служащих первой половины XIX в. На материалах Олонецкой губернии автор отражает специфику работы с групповыми формулярными списками и обращает внимание на те их особенности, которые необходимо учитывать при анализе численности и состава местной бюрократии.

Ключевые слова: групповые формулярные списки; штатное расписание; чиновничество; гражданская служба; местное управление; кадровое обеспечение; провинция; Олонецкая губерния.

Number and composition of public servants of the Olonets province in the first half of the XIX century: interpreting the historical sources

Abstract. The article presents an analysis of the materials of the systematic accounting of bureaucracy and their information capabilities for studying the number and composition of provincial officials in the first half of the 19th century. On materials of Olonets province the author reflects specifics of work with group service records and draws attention to those features that must be taken into account when analyzing the number and composition of the local bureaucracy.

Keywords: group service record; staff list; bureaucracy; civil service; local governance; staffing; province; Olonets province.

В современной науке изучение провинциального чиновничества Российской империи выделилось в самостоятельное направление исследований. Выводы, к которым приходят авторы, позволяющие говорить о том, что социокультурный облик местной бюрократии во многом зависел от региона, с которым была связана ее деятельность [2; 3; 4; 31]. Прослеживается это и на материалах местных учреждений Европейского Севера России первой половины XIX в., особен-

* **Олеся Анатольевна Плех** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: plekh@mail.ru
Olesya A. Plekh — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-1194.2018.6).

ности кадрового обеспечения которых были связаны со спецификой данной периферийной малонаселенной территории [21]. Однако более полно представить эти процессы можно, лишь обращаясь к количественным и качественным показателям, характеризующим провинциальный аппарат управления, в том числе к данным о численности и составе чиновничества.

В центре внимания настоящего исследования — служащие Олонецкой губернии первой половины XIX в. Ввиду того, что в указанных хронологических рамках их численность и состав еще не становились предметом научного анализа, а в пределах данной статьи не представляется возможным в полном объеме раскрыть эти вопросы, остановлюсь на некоторых источниковедческих сюжетах и попытаюсь отразить информационный потенциал материалов систематического учета чиновничества. Документальную основу исследования составили материалы архивной коллекции Российского государственного исторического архива (далее — РГИА), включающие групповые формулярные списки (ф. 1349). Несмотря на то, что историки, занимающиеся разработкой проблем кадрового обеспечения, активно обращаются к этим источникам, данные формулярных списков олонечких чиновников еще не вводились в научный оборот.

Первое, на что необходимо обратить внимание — особенности работы с документами. Фонд 1349 объединяет групповые формулярные списки, включавшие чиновников местных учреждений и по отдельным ведомствам, и по всей губернии. Целью составления этих документов являлся учет служащих, имевших классные чины (независимо от того, занимали они классные, канцелярские или выборные сословные должности). С конца XVIII в. по 1845 г. губернской администрации предписывалось ежегодно присылать групповые формулярные списки в Герольдмейстерскую контору при Сенате, а с 1846 г. — в Инспекторский департамент гражданского ведомства при I отделении Собственной Е.И.В. канцелярии (упразднен в 1858 г.). Однако по Олонецкой губернии представлены материалы далеко не за каждый год. За период до 1845 г. по губернии сохранились групповые формулярные списки только по 26 годам, в особенности их мало за первую четверть XIX в. (см. табл. 1).

Документы, поступившие в Герольдию Сената, должны были включать всех служащих чиновников губернии, но добиться этого на практике, как правило, не удавалось. И если сведения по основным присутственным местам (губернское правление и палаты, совестный суд, уездные и земские суды, уездные казначейства, городские полиция) находили более-менее полное отражение, то информация, касающаяся специальных отраслей управления (лекари, землемеры, винные и соляные приставы и т.п.), попадала в эти списки нерегулярно.

**Групповые формулярные списки, поступившие в Герольдию Сената
с 1803 по 1845 г. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4)**

	Год, номер дела по описи
Олонецкая губерния	<i>1803 г. № 54; 1813 г. № 85; 1814 г. № 116; 1817 г. № 170; 1818 г. № 246; 1824 г. № 206; 1825 г. № 171; 1826 г. № 133; 1827 г. № 85; 1828 г. № 73; 1829 г. № 71; 1830 г. № 78; 1831 г. № 92; 1832 г. № 94; 1833 г. № 128; 1834 г. № 227; 1836 г. № 349; 1837 г. № 441; 1838 г. № 467; 1839 г. № 458; 1840 г. № 174; 1841 г. № 313; 1842 г. № 415; 1843 г. № 458; 1844 г. № 514; 1845 г. № 442</i>

С 1846 г., когда функция учета чиновничества перешла к Инспекторскому департаменту гражданского ведомства, изменился порядок предоставления групповых формулярных списков: они стали поступать по каждому ведомству обособленно. Причем составлялись на служащих либо по линии всего министерства (внутренних дел, финансов и т.д.), либо по отдельным учреждениям (губернского правления, казенной палаты и т.д.), либо по структурным подразделениям отдельных учреждений (к примеру, за определенные годы встречаются формулярные списки отдельно по лесному и по хозяйственному отделениям палаты государственных имуществ). Такое дробное представление информации из местных учреждений значительно увеличило общую численность дел, поступивших в 1846—1857 гг. В итоге, чтобы получить сведения о чиновничестве той или иной губернии, необходимо выявить не один групповой формулярный список за определенный год, а целый комплекс документов. И хотя с 1846 по 1857 г. по Олонецкой губернии они представлены за каждый год, в некоторых случаях отсутствуют материалы по основным присутственным местам (так, за 1851 г. из учреждений, подведомственных МВД, есть сведения только по губернской строительной и дорожной комиссии, за 1852 и 1856 гг. отсутствуют данные о чиновниках судебных учреждений, за 1856 г. — об учреждениях, подведомственных Министерству финансов) (см. табл. 2).

Для настоящего исследования отобраны групповые формулярные списки за 1803, 1826, 1844 и 1850 гг. [22, л. 1 об.—175; 23, л. 1 об.—314; 24, л. 1 об.—644; 25, л. 1 об.—450; 26, л. 1 об.—24; 27, л. 1 об.—70; 28, л. 1 об.—690; 29, л. 1 об.—532; 30, л. 1 об.—305]. Попытаюсь представить информационные возможности этих материалов для изучения численности и состава служащих Олонецкой губернии.

При изучении местного аппарата управления одной из наиболее сложных является проблема определения его количественных показателей. Исследователям еще не удалось выявить источники, позволяющие получить исчерпывающие данные о численности

Таблица 2

Групповые формулярные списки, поступившие в Инспекторский департамент гражданского ведомства при I отделении С. Е. И. В. К. с 1846 по 1857 г. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5)

	Год	Номер дела по описи			
		Формулярные списки чиновников по линии министерства:			
		внутренних дел	финансов	юстиции	госимуществ
Олонецкая губерния	1846	4079	4144	4144	4144
	1847	920	366	366	366
	1848	884	885	886	887
	1849	3659, 7059	7303, 8516	8517	8516
	1850	78, 6972	7589	7951	7589
	1851	6644	8715	9192	8715
	1852	2328, 4838	4215	—	—
	1853	2763, 2969, 3364, 7097	3093	2968	2967, 3102
	1854	1566, 1567, 1579, 8735	1564	1565	1563
	1855	2086, 9069	9005	8934	9091
	1856	1895, 2065, 2795, 3650	—	—	2668
	1857	3499, 3500, 3594, 8187	3497	3498	—

провинциальных служащих первой половины XIX в. Групповые формулярные списки также не могут сообщить точных показателей, поскольку в них предписывалось включать служащих чиновников, а сведения о лицах, не имевших классов чинов (городские и сельские выборные, канцелярские служители), присылать не требовалось. Конечно, в отдельных списках встречается подобная информация, однако такие случаи следует расценивать как исключение. Поэтому при определении численности служащих наиболее предпочтительным представляется подход, апробированный на материалах Вологодской губернии [21, с. 94—104]: сопоставление данных, полученных в результате обработки групповых формулярных списков, со штатными расписаниями, закреплявшими предполагаемый правительством состав местных учреждений. Следует, конечно, учитывать, что штаты, издававшиеся в первой четверти XIX в., фиксировали только должности присутствующих лиц и секретарей и не отражали численность канцелярских служителей. В процессе усложнения структуры местных учреждений в штатные расписания постепенно включались и канцелярские должности, однако и к середине века их список был неполным, а на протяжении всего изучаемого периода за управляющими учреждениями сохранялось право регулировать численность этих служащих «по мере надобности». Следова-

тельно, предлагаемый подход не позволяет получить точные данные. Однако он дает возможность частично компенсировать пробелы основного источника.

Так, формуляр 1803 г. — самый ранний из поступивших в Герольдию Сената. Причем он включают не только чиновников, но и канцелярских служителей, что является, как уже упоминалось, большой редкостью для данного вида источника. По всей видимости, это список, в котором нашли отражение результаты укомплектования местных учреждений на момент восстановления губерний*. Всего в него включено 266 служащих: 160 чиновников, в том числе 68 канцелярских чиновников, и 106 лиц, чинов не имевших [22, л. 1 об.—175]. В то же время в списке пропущены служащие врачебной управы и уездные лекари, губернский прокурор и стряпчие (всего — 22 должности). Кроме того, не по всем учреждениям, включенным в список, имелся полный комплект служащих, что, по всей видимости, связано с наличием вакантных мест (10 должностей). Также в списки не попадали лица, служившие по городским и сельским выборам (36 должностей). Таким образом, путем сопоставления данных формулярного списка 1803 г. с действовавшим в этот период штатным расписанием от 31 июля 1802 г. [5, с. 210] удалось установить, что в начале XIX в. численность служащих Олонецкой губернии достигала 334 человек.

Архивные материалы 1826 г. отразили результаты кадровой политики правительства Александра I. Формулярный список включает в себя всего 105 чиновников [23, л. 1 об.—314]. При этом среди них насчитывалось только 15 служащих канцелярии (все занимали секретарские должности). Такую ситуацию можно связать с неполнотой источника, когда при составлении списка губернская администрация сознательно не включила прочих канцелярских чиновников. Однако более вероятно, что это связано с острой нехваткой служащих в изучаемой губернии. Современники еще применительно к началу века указывали на то, что «оседлых (местных) чиновников вовсе не было. Начиная от канцеляриста, на все должности приглашались чиновники из разных губерний. Часто, за неимением желающих, даже видные должности, как напр., вице-губернатора, председателя палаты и т.п., не замещались по полугоду и более... (Чиновники. — *О.П.*) избегали приезда в Олонецкую губернию, а закинутые сюда, как ничем не связанные с местностью, старались как бы скорее пристроиться в более приветливом крае» [1, с. 188].

---

* Известно, что Олонецкая губерния была упразднена при Павле I и восстановлена при Александре I по указу от 9 сентября 1801 г. «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам».

К 1820-м гг. ситуация усугубилась: многие должности пребывали незаполненными, хронический недостаток ощущался не только в канцелярских служителях, но и среди классных чиновников и специалистов. Неслучайно, правительство обратило особое внимание на эту проблему (в частности, в 1826 г. было разрешено принимать «в канцелярское звание» людей податного состояния [11, с. 922—924], а с 1828 г. стали вводиться льготы для лиц, изъявивших желание служить в губернии [12, с. 959—960]).

Возвращаясь к данным списка за 1826 г., подчеркну, что численность служащих, конечно, была несколько больше, чем 105 человек. Однако, учитывая кадровый голод, в условиях которого приходилось функционировать местным учреждениям, установить даже примерные показатели крайне сложно. При сопоставлении состава учреждений, включенных в групповой формулярный список, со штатными расписаниями обнаруживаются 106 пропущенных должностей (будем считать, что большинство их было вакантными). Кроме того, в список не попали служащие по лесному ведомству, уездные правления питейного сбора, соляные приставы, врачебная управа и уездные лекари (всего 77 должностей, из которых, по всей видимости, часть также пребывала вакантными) [5, с. 210; 6, с. 148; 7, с. 60; 8, с. 1322—1325; 9, с. 390; 10, с. 395]. Также следует учитывать и 36 выборных городских и сельских должностей, которые не находили отражение в списках.

Групповой формулярный список за 1844 г. также представляет собой редкий образец документа, поскольку включает сведения и о чиновниках, и о канцелярских служителях. Всего в него включен 471 человек: 272 чиновника, в том числе 130 канцелярских чиновников, и 199 лиц, чинов не имевших [24, л. 1 об.—644; 25, л. 1 об.—450]. Вакантными пребывало 70 штатных мест. В эти материалы не попала информация о служащих по лесному ведомству, губернской строительной комиссии, губернском прокуроре и стряпчих, губернском и уездных землемерах (45 должностей); а также о городских и сельских выборных лицах (34 должности) [13, с. 821, 825, 830, 842—843, 886—887; 14, с. 1035, 1038, 1041, 1054—1055, 1039—1040; 15, с. 1035—1036, 1038—1039, 1142—1143; 16, с. 387—388; 17, с. 87—88]. Следовательно, к середине 1840-х гг. численность служащих Олонецкой губернии могла достигать 620 человек.

Групповой формулярный список за 1850 г. включает в основном чиновников (407 служащих, из них 8 не имевших классных чинов) [26, л. 1 об.—24; 27, л. 1 об.—70; 28, л. 1 об.—690; 29, л. 1 об.—532; 30, л. 1 об.—305]. При этом в нем пропущено 192 должности: учитывая данные за 1844 г., следует полагать, что только часть, причем меньшая (не более 25%), пребывала вакантной, а подавляющее

большинство было занято канцелярскими служащими, которые в 1850 г. не попали в материалы учета [13, с. 830, 842—843, 886—887; 14, с. 1035, 1038, 1041, 1054—1055, 1039—1040; 16, с. 387—388; 17, с. 87—88; 18, с. 16; 19, с. 110; 20, с. 57]. В списке отсутствуют сведения о служащих по лесному ведомству, комиссии народного продовольствия, губернском прокуроре и стряпчих (25 должностей), а также информация о лицах, служивших по городским и сельским выборам (30 должностей).

Групповые формулярные списки являются при изучении состава служащих ценным источником, сообщаящим сведения о сословном происхождении, возрасте и уровне образования. Проанализированные в ходе исследования материалы отражают весьма специфичную сословную их принадлежность. Установлено, что на протяжении первой половины XIX в. довольно высок удельный вес потомственных дворян (варьировался от 25 до 37%) и выходцев из податных состояний (17—26%). Дети чиновников («обер-офицерские дети») и канцелярских служащих составляли от 35 до 40%, а доля выходцев из духовенства была довольно скромной (10—15%) [22, л. 1 об.—175; 23, л. 1 об.—314; 24, л. 1 об.—644; 25, л. 1 об.—450; 26, л. 1 об.—24; 27, л. 1 об.—70; 28, л. 1 об.—690; 29, л. 1 об.—532; 30, л. 1 об.—305]. Такой состав, в первую очередь, обусловлен кадровыми проблемами, которые испытывали местные учреждения изучаемой губернии, и отражал результаты предпринимавшихся правительством мер, направленных на их решение (назначение на должности чиновников из центральных учреждений и других губерний; установление льгот и преимуществ по службе, привлекавших служащих из других губерний; разрешение заполнять канцелярии выходцами из податных состояний). В связи с этим удельный вес уроженцев губернии в местных учреждениях был таков: в 1803 г. — 56%, в 1826 — 45, в 1844 — 51, в 1850 — 42%.

Любопытны данные по возрастному составу: в начале XIX в. 27% чиновников были в возрасте от 21 до 30 лет, 39% — от 31 до 40, 16% — от 41 до 50, средний возраст равнялся 38 годам. В 1826 г. эти показатели составили, соответственно, 25%, 28%, 20% и 42 года [22, л. 1 об.—175; 23, л. 1 об.—314]. В других губерниях в начале XIX в. основная масса чиновников являлись лицами, поступившими на службу во время открытия присутственных мест в ходе губернской реформы 1775 г.; на протяжении первой четверти XIX в. происходило постепенное омоложение состава и к 1826 г., когда абсолютное большинство относилось к лицам не старше 40 лет, «смена поколений» завершилась. В Олонекской губернии эти процессы не были ярко выражены, скорее, наблюдалась иная тенденция, что, опять же, следует связывать с кадровыми проблемами. Во второй четверти

XIX в. введение преимуществ по службе привело к притоку в губернию молодых людей: в 1844 г. 24% чиновников были в возрасте от 21 до 30 лет, 33% — от 31 до 40, 25% — от 41 до 50, средний возраст равнялся 39 годам; в 1850 г. — эти показатели составили: 45%, 24%, 20% и 35 лет [24, л. 1 об.—644; 25, л. 1 об.—450; 26, л. 1 об.—24; 27, л. 1 об.—70; 28, л. 1 об.—690; 29, л. 1 об.—532; 30, л. 1 об.—305].

Изучение уровня образования служащих осложнено тем, что эта информация стала обязательной к внесению в формулярные списки только с 1849 г. (до этого сведения были фрагментарны и сообщались, главным образом, для имевших аттестаты учебных заведений). Поэтому полные данные можно получить лишь по материалам за 1850 г., которые открывают следующую картину: 10% служащих посещали высшие учебные заведения, 35% — средние, 29% — низшее, а 26% имели домашнее воспитание [22, л. 1 об.—175; 23, л. 1 об.—314; 24, л. 1 об.—644; 25, л. 1 об.—450; 26, л. 1 об.—24; 27, л. 1 об.—70; 28, л. 1 об.—690; 29, л. 1 об.—532; 30, л. 1 об.—305].

Итак, характеристика материалов систематического учета олонечского чиновничества позволила отразить специфику работы с этими архивными документами и выделить те их особенности, которые необходимо учитывать при анализе численности и состава бюрократии. Предложенный подход к определению количества служащих предоставил возможность получить цифровые показатели: в частности, установить, что за изучаемый период рост аппарата управления достиг 45%. Данные о сословном происхождении, возрасте и уровне образования служащих выявили, с одной стороны, кадровые проблемы, с которыми сталкивались местные учреждения, а с другой — результаты предпринимавшихся правительством мер, направленных на их решение.

Список литературы

1. Благовещенский И. Образование Олонечкой губернии, управление ею за столетие (1802—1902) // Памятная книжка Олонечкой губернии на 1902 год. — Петрозаводск: Губ. тип., 1902. — С. 185—218.
2. Вакилев Т.Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. — Пенза, 2017. — 370 с.
3. Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дисс. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 1997. — 228 с.
4. Павлюк Ю.Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2001. — 240 с.

5. Полное собрание законов Российской империи: Собрание I (ПСЗ—I). — СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. — Т. 27. — № 20 353.
6. ПСЗ—I. — Т. 34. — № 26 764.
7. ПСЗ—I. — Т. 36. — № 27 668.
8. ПСЗ—I. — Т. 38. — № 29 694.
9. ПСЗ—I. — Т. 39. — № 29 953.
10. ПСЗ—I. — Т. 39. — № 29 961.
11. Полное собрание законов Российской империи: Собрание II (ПСЗ—II). — СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. — Т. 1. — № 570.
12. ПСЗ—II. — Т. 3. — № 2 394.
13. ПСЗ—II. — Т. 15, отд. 2. — № 14 105.
14. ПСЗ—II. — Т. 15, отд. 3. — № 14 107.
15. ПСЗ—II. — Т. 15, отд. 3. — № 14 108.
16. ПСЗ—II. — Т. 16, отд. 1. — № 14 552.
17. ПСЗ—II. — Т. 19, отд. 2. — № 17 657.
18. ПСЗ—II. — Т. 20, отд. 1. — № 18 580.
19. ПСЗ—II. — Т. 20, отд. 1. — № 18 608.
20. ПСЗ—II. — Т. 23, отд. 2. — № 22 768.
21. Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2016. — 400 с.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 54.
23. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 133.
24. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 514. Ч. 1.
25. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 514. Ч. 2.
26. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78.
27. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6644.
28. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6972.
29. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7589.
30. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7951.
31. Токмакова Ю.Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801—1861 гг. (на материалах Курской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. — Курск, 2011. — 190 с.

Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Н.В. Адлерберга (1866—1881) в оценке историка М.М. Бородкина

Аннотация. М.М. Бородкин — один из самых знаменитых авторов многочисленных публикаций по «финляндскому вопросу» в Российской империи в конце XIX — начале XX в. Автор статьи рассматривает то, как именно историк и политический деятель оценивал роль своего старшего современника Н.В. Адлерберга в качестве финляндского генерал-губернатора во второй половине 60-х — 70-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Н.В. Адлерберг; Великое княжество Финляндское; генерал-губернатор; М.М. Бородкин; «финляндский вопрос»

Governor-General of the Grand Duchy of Finland Nikolai Adlerberg (1866—1881) in historian Mikhail Borodkin's Estimation

Abstract. Abstract: Mikhail Borodkin is one of the most prolific authors who published various articles on the “Finnish Question” in the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries. The present article examines how the historian and politician characterized the role of his older contemporary Nikolai Adlerberg as the Governor-General of Finland in 1860—1870.

Keywords: Nikolai Adlerberg; the Grand Duchy of Finland; Governor-General; Mikhail Borodkin; “Finnish Question”

Огромный вклад в изучение истории Финляндии XIX в. внес известный историк и политический деятель Российской империи М.М. Бородкин. Он выпустил объемное издание «История Финляндии» в шести томах. Эта и другие его работы, как, например, «Справки о “конституции” Финляндии», имели большое влияние на читающую публику того времени. Во многом они направляли развитие «финляндского вопроса», то есть дискуссии о месте Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, его привилегиях и особенностях устройства. Пройти мимо его работ при изучении данной темы просто невозможно и по сей день.

* **Марина Григорьевна Загора** — магистр истории, аспирантка кафедры истории России XIX — начала XX вв. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: umna.marinka@yandex.ru

Marina G. Zagora — Master in History, Post-graduate of the Department of Russian history of the 19th — early 20th century, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

В 1908 г. вышел том «Время императора Александра II» [2], где Бородкин подробнейшим образом описал историю Финляндии с 1855 по 1881 г. Уделил он внимание и генерал-губернатору Велико-го княжества Финляндского Н.В. Адлербергу, который занимал этот пост с 1866 по 1881 г. Цель статьи — охарактеризовать отношение историка к действиям упомянутого генерал-губернатора и узнать, почему Бородкин, младший современник Адлерберга, придерживался именно своих взглядов. Каким, с точки зрения историка, начальником края был Адлерберг? Что ему ставилось в вину? Насколько обоснованными были претензии? Были ли у Адлерберга заслуги?

Говоря об исследовании личности Адлерберга и его службы, следует сказать, что отдельной русскоязычной монографии о нем нет. Существует лишь небольшая брошюра 1914 г. того же Бородкина «Из прошлого: граф Н.В. Адлерберг» [1]. Она представляет собой краткую характеристику чиновника. В ее основе лежат вышедшие к 1914 г. переводы отрывков мемуаров товарища министра статс-секретаря К. Пальмрота и архитектора Я.Ю. Аренберга. Историк подчеркнул близость Адлерберга к императору Александру II, благо-склонность монарха к графу, однако авторских суждений и оценок в работе достаточно мало. Карьера характеризовалась как заурядная: он имел награды, но Отечеству ничем не помог и нигде особо не отличился.

Следует отметить, что мнение Бородкина для других дореволюционных исследований было определяющим. Так, военный писатель Л.Л. Драке в своей статье, посвященной жизни русских войск в Финляндии, опираясь на слова «Историю Финляндии», отмечал, что в отношении знакомства с жизненными условиями края Адлерберг был «не мало грешен» [4, с. 587], имея в виду, что плохую осведомленность чиновника об особенностях Великого княжества. Влияние оценок Бородкина достаточно сильно и в наши дни — даже на тех историков, кто не разделяет его категоричные установки. Так, известный финский историк О. Юссила, который не ставит в вину Адлербергу многие проблемы между Великим княжеством и империей, иногда соглашается с Бородкиным. Например, в том, что Адлерберг не желал негативного образа княжества в глазах Петербурга и не проявлял себя именно как русский представитель в Финляндии в тех случаях, где, вероятно, мог и должен был.

Работы М.М. Бородкина — это не только вклад в историографию, но и уникальный источник различных сведений и деталей. Историк владел несколькими языками и имел доступ к различным источникам информации — таким, как, например, архив статс-секретариата Великого княжества. Тем не менее, стоит отметить, что нередко он приводил ценные сведения в кавычках, но без сносок.

Например, при описании обсуждения сокращения межсеймовых периодов писал: «“О разногласии в комитете (Финляндских дел. — М.З.) ни слова не упомянуто и особого мнения будто не существовало”, — читаем в записках современника» [2, с. 401]. Однако остается неясным, кто имеется в виду.

Изучая тексты исследователя, можно выделить несколько пунктов критики Адлерберга. Один из них — невнимание генерал-губернатора к русским правительственным интересам в Великом княжестве. Важнейшим событием в Финляндии в течение первых лет нахождения Адлерберга в должности являлось учреждение Сеймового устава 1869 г. Он регламентировал работу Сейма и являлся тем законом, который был разработан и принят специально для Финляндии. Работа над его проектом началась еще в 1864 г. Юссила полагает, что «именно Адлерберг развеял, в конце концов, опасения императора и убедил его одобрить законопроект» [7, с. 356]. Об этом же ранее писал и Бородкин, но с обвинительных позиций. Дело в том, что в его заключительную часть после подписей предводителей сословий попал следующий абзац: «Сохраняя за Собою принадлежащее Нам право в том виде, как оно установлено в формах правления 1772 г. и 1789 г. и неизменно точными словами в вышеизложенном сеймовом уставе, Мы Высочайше одобряем и утверждаем сей устав, как неизменный основной закон. Для вящего же удостоверения подписали Мы сие собственноручно» [2, с. 355]. Эта фраза из-за упоминания о шведских формах правления впоследствии дала повод говорить о том, что император утвердил чуть ли не конституцию. Бородкин особенно винил Адлерберга в этой оплошности.

Однако, разумеется, все обстояло не так однозначно. Нет доказательств того, что генерал-губернатор знал истинное значение всей подготовительной работы, в которой участвовало много финляндских политических и общественных деятелей, самой формулировки и ее перевода. Нет прямых доказательств и того, что он подтолкнул императора подписать итоговую редакцию устава. Кроме того, ключевой вопрос заключается в трактовке финнами и русскими принимаемых реформ и мер. Это стало острее замечаться к рубежу веков, с пересмотром отношений «центра» и «окраин». А. Каппелер полагает, что финляндская «верхушка обычно интерпретировала все снисходительные заявления и уступки царя как конституционные гарантии» [5, с. 193], в то время как «русская сторона», учитывая языковые барьеры и сложности перевода, в принципе могла не принять во внимание какую-то деталь.

Критика Бородкина в адрес Адлерберга за неуважение к русским интересам в крае сильнее всего заметна при описании принятия устава о воинской повинности в Финляндии в 1870-е гг. Историк

сообщает, что генерал-губернатор внимательно следил за ходом обсуждения на Сейме и был недоволен изменениями, сделанными в правительственным проекте. Вместе с тем, по мысли историка, он дал себя убедить в том, что изменения необходимы. Однажды ему доложили, что земские чины, заседавшие на очередном Сейме, согласились признать его «начальником финских войск». На это последовало возражение одного русского генерала, однако Адлерберг ответил, что никакой разницы нет, ведь войска в любом случае подчиняются ему. Бородкин полагает, что при этом губернатор не понимал «различие в значении подчинения войск гражданской или военной власти» [2, с. 496]. Получалось так, что новые финляндские войска в любом случае подчинялись ему. Но коль скоро они не подчинялись ему как командующему войсками Финляндского военного округа, то и не подчинялись через него Военному министерству. Вскоре Сенат одобрил статью, предложенную Сеймом. Думается, как и в случае с Сеймовым уставом, сущность дела снова была в конкретных фразах, на основании чего позже строились различные трактовки и интерпретации.

Говоря о принятой формулировке о главкомандовании войск, следует отметить, что с точки зрения логики фраза: «Генерал-губернатор, который командует теми российскими войсками, которые могут быть расположены в Финляндии» может быть тождественна фразе «Генерал-губернатор как командующий войсками финляндского военного округа». Дело в том, что российские войска в Финляндии — это и есть Финляндский военный округ. Возможно, так думал и Адлерберг, не находя в формулировках особой разницы. Тем более что должность командующего войсками военного округа за ним сохранялась вплоть до отставки. Однако именно эта точная формулировка не была «протащена» в устав о воинской повинности. Эти тонкости отчетливо проявились в 1890-е гг., когда устав о воинской повинности начали пересматривать. И Бородкину, и позже Юссилю все эти различия и важность формулировок видны и понятны. Это и дало право обвинять Адлерберга в создании отдельной армии. Не оправдывая Адлерберга, хочется отметить, что обвинения основательны в том смысле, что он не был хорошо осведомлен о важности принятия точных формулировок. То, что не противоречило логике в умах русских, чаще всего воспринималось и понималось финнами диаметрально противоположно.

Отрицательно оценивая Адлерберга на посту финляндского генерал-губернатора за недалёковидность и неспособность к управлению, историк все же отмечал постройку железной дороги Санкт-Петербург—Риихимяки в первые годы нахождения его в должности. Это событие совпало с серьезным неурожаем и голодом в крае, и

так были организованы работы для нуждавшихся. Историк писал, что «личная инициатива в приведении в исполнение петербургского железнодорожного вопроса принадлежала» [2, с. 291] именно Адлербергу. Кроме того, он сообщил, что при решении дел, связанных с организацией строительных работ, губернатор сумел «победить» известного финского политического деятеля, сенатора И.В. Снельмана. Последний не хотел, чтобы крестьяне оставляли свои дома и «скоплялись в большом количестве около строящейся линии», очевидно, видя в этом угрозу общественному спокойствию.

В то же время Бородин привел данные, согласно которым дополнительные работы по постройке линии привели к тому, что дороги от Гельсингфорса до Петербурга «представили ценность... почти 60% сверх первоначального капитала» [2, с. 292]. Историк обвинял Адлерберга в том, что он действовал в интересах Финляндии при приобретении земли под станцию железной дороги и при преждевременном прошении ассигнования ему в размере 750 000 руб.* Этим генерал-губернатор «досаждал русским» и, в конечном счете, получил отказ от министра финансов. Таким образом, здесь можно выделить еще один повод для критики: растрачивание средств, неумелое распоряжение финансами.

По сведениям Бородинкина, за содействие при постройке железной дороги до Санкт-Петербурга «финляндцы выхлопотали» генерал-губернатору «право пользоваться экстренными поездами бесплатно», пока он оставался в должности [2, с. 293]. Не находя пока подтверждений именно этому факту, можно отметить, что благодарности за работу в то непростое время действительно поступали. В письме к графу от 8 (20) мая 1868 г. сенаторы выразили ему искреннюю благодарность: «С самого начала бедственного состояния, тяготеющего вследствие последнего сильного неурожая над краем, которого главное управление высочайшим... доверием возложено на Ваше Сиятельство, Вами посвящена неусыпная заботливость обо всем, что могло содействовать к устраниению и смягчению настоящего бедствия» [8, б/л].

Помимо того факта, что средств, потраченных на постройку железной дороги, куда больше, чем планировалось, Бородин указывал и на то, что дорога в первое время совершенно не окупалась. Любопытно также отметить, что в брошюре «Из прошлого» Бородин высказал мысль, что участие Адлерберга в организации постройки железной дороги до Петербурга больше основывалось на желании угодить финнам, чем на стратегической или логистической важности предприятия. Такое утверждение вызывает сомне-

---

* Вероятно, имеется в виду одна из частей суммы, положенной в один из трех периодов, предусмотренных для строительства железной дороги.

ние, поскольку важность железнодорожного сообщения для такой большой страны, как Россия, а в особенности для связи столицы с пограничными территориями, очевидна. Кроме того, при участии генерал-губернатора был отклонен вопрос о строительстве железной дороги по европейским стандартам, т.е. с более узкой колеей. Такая дорога приходила бы в разлчие с железными дорогами на основной части империи. Как отмечают современники, прежде всего, это был стратегический вопрос [3, с. 5]. В самом деле, при подобной ситуации терялся бы смысл в железнодорожном сообщении между столицами, когда основная часть поездов просто не смогла бы проехать весь путь. Более того, первая железная дорога в Финляндии, Гельсингфорс-Хямеенлинна, также была ширококолейной, и, если бы решили сооружать узкоколейку, то пришлось бы прокладывать отдельный путь от Риихимяки до Гельсингфорса. В итоге было решено строить от станции Риихимяки до Петербурга именно железную дорогу «пятифутовой ширины» [6, л. 2 об], (или 1524 мм).

Результаты деятельности Адлерберга на посту финляндского генерал-губернатора русский историк клеймил как «скудные итоги!» [2, с. 493], поскольку, по его мнению, за 15 лет нахождения в крае тот не принес «существенной пользы» русскому правительству. Тем не менее, завершая характеристику чиновника, исследователь все-таки признал, что тот «оставил по себе некоторую память», так как при нем были созданы такие учреждения, «в которых несколько оживился дух православной веры, русский язык и русское имя» [2, с. 498]. Хотя при этом он не придавал большого значения одному из них — русскому театру в Гельсингфорсе, подчеркивая, что тот был открыт представлениями «плохой итальянской оперной труппы». Историк упомянул и о неудачном выборе генерал-губернатором людей, ответственных за постройку здания театра.

В целом Бородин оценивал действия Н.В. Адлерберга на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского негативно. Из-за них, а также из-за образа княжества, созданного им для императора, край получил невиданные привилегии. Однако представляется, что историк склонен делать ответственным за положение края практически одного Адлерберга. Ответственность на императора он, разумеется, «не возлагает». К тому же нельзя не учитывать время, когда были созданы его работы, в особенности «История Финляндии». Действительно, из 1890-х гг. и начала XX в., когда национальный вопрос в Российской империи встал во весь рост, а противоречия с «финляндской окраиной» стали раздражать представителей правительства, события 1860—1870-х гг. могли казаться поворотным моментом. Именно это — правда, не всегда последовательно — делал и Бородин.

Однако если учитывать отношение имперской власти, которое постепенно складывалось в течение 50 лет (с 1809 г. до начала 1860-х гг.), и принятие сеймового устава, и исключительный устав о воинской повинности в Финляндии выглядят в целом соответствующими тому привилегированному положению, которое она занимала в составе Российской империи. Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что не один лишь Адлерберг определял и выработывал политику империи в отношении Великого княжества.

Список литературы

1. Бородкин М.М. Из прошлого: граф Н.В. Адлерберг. — Гельсингфорс: типография «Финляндской газеты», 1914. — 14 с.
2. Бородкин М.М. История Финляндии: время императора Александра II. — СПб.: Гос. тип., 1908. — XVIII, 571 с.
3. Вопросы дня 1870-х годов: Выдержки из рукописных мемуаров бывшего товарища министра статс-секретаря Великого Княжества Финляндского Казимира Пальмрота. Со шведского из журнала «Finsk Tidskrift» (июль-август 1913 г.) с примечаниями переводчика / Сост. Э. Шюбергсон. — СПб.: Государственная типография, 1914. — 33 с.
4. Драке Л.Л. Из жизни русских войск в Финляндии в 70-х и 80-х годах // Русская старина. — 1909. Март. — С. 587—603.
5. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с немецкого С. Червонной. — М.: Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. — 342 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152. Оп. 7. 1867. Д. 841.
7. Юссилла О. Великое княжество Финляндское 1809—1917 / Пер. с финского; под ред. А.Ю. Румянцева. — Хельсинки: Ruslania, 2009. — 844 с.
8. Kansallisarkisto. Ahvenkosken kartanon arkisto. 19. Arkistoyksikkö 3. Bernhard Indrenius (1839—1882).

«Isoviha» в исторической памяти Финляндии

Аннотация. В статье исследуется память о периоде русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны (1714—1721 гг.), который в финляндской историографии получил название «Isoviha» (дословно «Большая ненависть»). Автор ставит своей целью деконструкцию идеологических импликаций, включенных в период «Isoviha» как создающего идентичность символа, а также исследование инструментов формирования и поддержания памяти о нем.

Ключевые слова: Великая Северная война; Isoviha; Великое Лихолетье; кивики; кивикесы; историческая память.

«Isoviha» in historical memory of Finland

Abstract. The article is a research of the recollection of the period of Russian occupation of Finland that took place during the Great Northern War (1714—1721) and became known in Finnish historiography as «Isoviha» (lit. «the Great Hatred»). The author aims to deconstruct the ideological implications included in the Isoviha period as an identity-shaping symbol and also to study the tools used to form and preserve memories of the period.

Keywords: the Great Northern War; Isoviha; the Great Hatred; kivekkää; historical memory.

Во время Северной войны на территории Финляндии развернулись боевые действия между Россией и Швецией (1710—1714 гг.), после завершения которых последовал период русской оккупации (1714—1721 гг.). В финляндской историографии он получил название «Isoviha» (дословно «Большая ненависть»); в российской — «Великое лихолетье». В процессе формирования финской нации исторический опыт периода «Isoviha» оказался отделен от конкретных условий его формирования и преобразован во вневременное повествование, стал одним из национальных мифов [16, с. 38]. Цель данной работы — деконструкция идеологических импликаций, включенных в период «Isoviha» как создающего идентичность символа, а также исследование инструментов формирования и поддержания памяти о нем.

Исследуемый период занимает заметное место в творчестве С. Топелиуса, что не случайно. Один из его предков, сын таможен-

* **Игорь Геннадиевич Лиман** — магистрант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск, Россия). e-mail: igorlim@gmail.com

Igor G. Liman — Master's student of the Department of World History, Political Science and International Relations, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

ника Кристоффер, в 1714 г. был пленен в Оулу, а спустя некоторое время отправлен в имение русского дворянина в Ингерманландии. Условия его жизни были весьма приличными, но тревога не покидала Кристоффера, поэтому во время одной из школьных поездок он сбежал. Его пытались поймать, но он смог добраться до Финляндии даже с незначительными запасами пищи благодаря помощи добрых людей, которые встретились ему по пути; затем он отправился в Стокгольм, где смог быстро найти свою мать. Данная история не уникальна, она имеет множество аналогов в семейных историях крестьян XIX—XX вв. — современников Топелиуса: все они повествуют о предках, сбежавших из русского плена. Особенностью таких историй является то, что нахождение в русском плену не являлось чем-то отвратительным, страшным, но их общая черта — тоска пленников по Родине даже в хороших жизненных условиях. Данное обстоятельство позволило писателю превратить свою семейную историю в инструмент воспитания в финнах любви к родному краю [12, p. 519]. Она нашла воплощение в сказке «Березка и звезда» («Koivu ja tähti») [24] — одной из самых известных в его творчестве.

В историческом романе «Рассказы фельдшера» («Välskärin kertomuksia»), повествующем о важнейших событиях финско-шведской истории XVII—XVIII вв., Топелиус вновь уделил особое внимание периоду «Isoviha». Он подробно рассказал о разрушениях, которыми сопровождалось завоевание Финляндии, причем указал, что разрушали города как русская, так и шведская армии. Ключевым моментом в обороне края стала осада Выборгской крепости, которая являлась единственным препятствием на пути к завоеванию остальной части Финляндии, но, несмотря на мужество финских солдат, проявленное во время обороны крепости, и их желание до последнего защищать ее, шведский военачальник Г. Любекер не решился вступить в бой с русской армией [11].

Топелиус пришел к выводу, что к 1714 г. война потеряла смысл и продолжалась лишь как отчаянная попытка Швеции вернуть былое величие. Но предстояло еще 7 лет оккупации, подобных которым Финляндия никогда не знала прежде. Автор подчеркивал атмосферу страха, которая пришла в Финляндию вместе с русской армией; теперь никто не мог быть уверен, что доживет до утра [11]. Сохранение в исторической памяти народа информации о преодолении им трудных времен — это один из ключевых факторов его единения в настоящем.

Несколько позднее Б. Эльфвинг в своем первом историческом романе «Härkmanin pojat» [1] (1887 г.) похожим образом освещала период «Isoviha». Особенностью ее произведения стало наличие подробных исторических справок, которые погружают читателя в кон-

текст событий, в результате чего историческая реальность и художественный вымысел переплетаются, создавая новый образ прошлого.

Период «Isoviha» превратился в символ, который указывал на противопоставление «мы — они», в результате чего сложился образ исторического врага в лице русской нации. В этом смысле исторический опыт оказался весьма функциональным, потому что ни один национализм не развивается вне противостояния другому, а иногда и целому ряду других национализмов [21, с. 129]. В свою очередь, преувеличенный финский «героизм» выступал средством пробуждения духа финнов, чтобы в момент «опасности» они были готовы восстать против русских [17, с. 74]. Данный символ был понятен каждому финну, но его развитие по пути радикализации с момента появления во второй половине XIX в. шло постепенно, под влиянием общественной ситуации.

В начале XX в. в нарративе «Isoviha» произошли изменения, которые нашли отражение в историческом романе К. Вилкуны «Приключения Тапани Лёвинга», вышедшем в двух частях в 1911—1912 гг. В предисловии автор обращал внимание читателя на важность этого периода в истории Финляндии, подчеркивая, что это один из этапов многовековой борьбы финнов за создание собственного независимого государства [13].

Вилкуна повествует о знакомых нам из творчества Топелиуса и Эльфвинг сюжетах: всеобщий страх населения и поток беженцев на запад, вызванный наступлением русской армии; ошибки шведского военачальника Любекера, который не смог организовать оборону Финляндии. Кроме того, описывался ущерб, который нанесла русская армия мирному населению. В ранних работах этот сюжет только намечен, но в произведении Вилкуны освещен весьма подробно. Читатель узнает о многочисленных грабежах, принуждении финнов воевать против своих соотечественников [13]. Появление данной информации свидетельствовало о радикализации общественных настроений в начале XX в., что связано с попытками ограничить автономию Великого княжества Финляндского.

Важное место в художественной литературе занимает партизанское движение, участники которого известны как «кивикесы», или «кивики». Внимание национальных писателей было сосредоточено на успехах партизан в военных действиях. Соответственно, читателю предлагался их весьма симпатичный образ: храбрые, сообразительные герои, которые безупречно знали все окрестности и без сомнения шли на бой с более сильным врагом. Указывалось на то, что именно эти отряды более чем кто-либо спутали хорошо продуманный план действий противника [11].

В своей «Книге о нашем крае» («Maamme kirjja»), которая вплоть до 1940-х гг. являлась школьным учебником [19, с. 185], Топелиус

посвятил одну из глав Т. Лёвингу [10, р. 375], а в историческом романе Вилкуны партизан стал центральным персонажем. Основу их произведений составляют сведения из «Дневника» Лёвинга [4], в котором содержатся краткие заметки о событиях, произошедших с ним за период его партизанской деятельности. Национальные писатели создали его романтизированный образ, в котором читатели должны были увидеть не просто «одного из многих» представителей финской нации, а того, кто воплотил в себе ее лучшие качества. Вилкуна отмечала, что мирное население материально поддерживало Лёвинга и сообщало ему сведения о русской армии, что происходило наперекор распоряжению властей не помогать партизанам — обратное грозило жестокой расправой [13]. Основная мысль Вилкуны сводится к тезису о единстве народа перед лицом врага.

Еще один фрагмент символического целого — нарратив о братьях Херпман, партизанах, действовавших в период «Isoviha» на территории Центральной Финляндии, в окрестностях Кеуруу. Их случай в некоторой степени исключительный, потому что большинство их подвигов не подтверждаются источниками, а известны из народных преданий. Соответственно ключевую роль в легитимации памяти о них выполнила именно художественная литература. В романе «Härkmanin pojat» Б. Эльфвинг они главные персонажи — истинные патриоты Финляндии. Защиту Родины считают своей обязанностью, остаться безучастным в такой момент — «грех и позор» [1]. Даже после поражения регулярной армии партизаны не намерены сдаваться; вернувшись в Кеуруу, они продолжают борьбу, а предложения прекратить сопротивление считают предательством.

Почти столетие спустя появилась книга А. Мартинхеймо «Kolme sissää» (1980), в которой братья Херпман вновь стали центральными персонажами. Автор сместил акцент в сторону подвигов партизан, которые хотели «защитить свою Родину» [5, р. 6]. В то же время описаны и негативные последствия их деятельности: жестокость русской армии по отношению к мирным жителям, которая стала ответом на действия партизан [5, р. 39—40], хотя описания тех разрушений, которым подверглась Финляндия в период «Isoviha», практически исчезают из поля зрения автора. На первое место выдвинуты личные качества партизан, проявленные в борьбе с врагом, в образе которого русская армия утратила свое прежнее значение.

Инструментом утверждения памяти о партизанах послужила не только художественная литература, но и другие способы коммеморации — в первую очередь организация музейных выставок и сооружение памятников, которые являются проводником государственного дискурса, что говорит о сознательном закреплении в памяти определенного исторического опыта, который играет важную роль

в «воображении» нации. Например, в 2014 г. — в юбилейный год «Isoviha» — в некоторых городах Финляндии прошла музейная выставка, посвященная братьям Херпман [7, р. 34]. Личность Лёвинга также не была забыта — с 1957 г. ежегодно проводятся лыжные гонки, названные в его честь, а усадьба партизана в Порвоо стала музеем памяти [8, р. 8].

В настоящее время историки сходятся во мнении, что вклад партизанского движения в военные действия оказался незначительным, а достоверность подвигов братьев Херпман вызывает сомнения. Но коммеморация партизанской деятельности оказалась гораздо важнее для самоидентификации финнов как нации. Ценностно-смысловые ориентиры, обозначенные в работах национальных писателей, помогли им в борьбе за независимость; исторические, а не абстрактные герои их произведений стали примером для многих поколений.

Исторический роман — одна из форм выражения того вида ображаемого сообщества, которым является нация, — выполнил роль «приглашения» широких масс в историю [15, с. 46]. Это было необходимо для их вовлечения в национальное движение, но также важно обратить внимание на активную роль профессиональных историков как «инженеров-конструкторов» исторического нарратива и «изобретателей» традиции, создающей и поддерживающей идентичность [26, с. 12]. В настоящий момент я выделяю три периода в развитии финляндской историографии «Isoviha»: 1) «функциональный» (1865—1943 гг.); 2) «постфункциональный» («постпамять», 1944 г. — начало XXI в.); 3) «дисфункциональный» (с начала XXI в.). Основным критерием классификации стало характерное для каждого отношение к формированию национальной идентичности.

В процессе становления финской нации историки сыграли важную роль в конструировании памяти о периоде «Isoviha». Он превратился в национальный миф, что нашло отражение в работах И.С. Ирвё-Коскинена [14], К.У. Линдеквиста [3] и В. Раута [6]. Внутри данного периода также можно выделить отдельные этапы. Важный рубеж — 1917 г. и обретение Финляндией независимости. В изменившихся условиях произошла радикализация освещения «Isoviha», а также возросло влияние этого периода как символа прошлого.

Его образ, характерный для данного периода развития финляндской историографии, нашел отражение в работе Линдеквиста «Suomen historia» [3]. Исследованию «Isoviha» была посвящена диссертация историка, что говорит о его сосредоточенности на данной проблеме. Он обладал не только обширными знаниями о ее «содержании», но и мог в должной мере оценить символическое значение для современности.

Историк подчеркивал малочисленность армии в Финляндии на этапе завоевательной кампании. Из-за активного привлечения финнов к участию в войне за границей ее было недостаточно для ведения оборонительных действий, поэтому когда при вторжении не нашлось достаточного количества мужчин. В свою очередь, мобилизованные солдаты не смогли за короткий промежуток времени (4—5 недель) получить необходимые навыки [3, р. 330]. Также Линдеквист отметил недостаточное снабжение армии, слабость ее вооружения. В этих условиях возникло партизанское движение, которое он рассматривал только с положительной стороны, а его представителей характеризовал как «храбрых», «славных» воинов [3, р. 330]. Здесь заметно влияние образа кивикесов из творчества национальных писателей. Однако признавалось, что их деятельность не могла быть регулярной — что ставит под сомнение значимость их вклада в ход военных действий. Впрочем, Линдеквист высоко оценил прежде всего побуждения партизан.

Особый акцент сделан на жестокости русской армии, страх перед которой явился причиной потока беженцев, а ее продвижение по территории Финляндии сопровождалось разрушениями, которые в разной степени затронули все ее области. Историк привел сведения по каждой из них, подчеркивая общность судьбы всех финнов в этой войне. По мнению Линдеквиста само название периода — «Isoviha» — вполне соответствует действительности [3, р. 332—334]. Вывод, к которому он пришел, таков: «Участь финского народа выглядит наиболее мрачно, чем когда-либо» [3, р. 339].

Таким образом, в XIX в. появились национальные мифы, которые осваивали прошлое путем выделения наиболее значимых моментов внутри нарратива, формирующего идентичность. Исторические исследования, со своей стороны, зачастую превращались в инструмент формирования национальной памяти [16, с. 41]. Историография в течение «функционального» периода была одним из инструментов утверждения памяти об «Isoviha», который стал особой частью национального нарратива, потому что смог создать эмоциональные основы нации — страдания и траур объединяют сильнее, чем триумф и успех [16, с. 41]. Период «Isoviha» обладал мощной объединительной силой, а также превратился в символ исторической враждебности между русскими и финнами. В свою очередь, если нация возникает как сообщество для достижения политических целей, то главной из них становится достижение свободы, залогом и символом которой является суверенное государство, в котором нация находит выражение [15, с. 32]. Соответственно, присутствие периода «Isoviha» в национальном нарративе и увеличение его влияния как символа прошлого после обретения Финляндией

независимости предопределило конфронтационный вектор развития отношений с восточным соседом.

Под влиянием результатов Второй мировой войны в национальном нарративе произошли изменения. Начался новый период развития историографии, точкой отсчета которого является 1944 г., хотя отатки «ненависти к рюссия» («*Ryssäviha*») сохранились до 1960-х гг. [17, с. 152]. Соответственно, его можно обозначить как «постфункциональный», или период «постпамяти» — что указывает как на характер историографии (переходный), так и на специфику отношений между ее поколениями [23, с. 161].

На некоторое время период «*Isoviha*» был забыт, что стало важным проявлением политики памяти [22, с. 7], а возродившись, утратил прежнее символическое значение. Появились исследования по истории отдельных местностей в период «*Isoviha*» (М. Юва, А. Оя и др.), потому что положение сильно менялось в разных частях страны в разные годы, что, по мнению Э. Ютиккала, сильно затрудняет создание общей картины периода «*Isoviha*» [18, с. 12—14]. Вновь заметное место заняли описания жестокости русской армии, даже говорилось о «политике террора», проводившейся оккупационной властью. Однако указывалось, что данные действия имели стратегическую подоплеку [20, с. 55], а оценивались они с точки зрения эффективности, как правило признаваясь бессмысленными из-за вызывавшихся ими сложностей с обеспечением русской армии [2, р. 319]. Историки не предпринимали попыток актуализировать результаты своих научных исследований.

Нарратив о кивикесах претерпел кардинальные изменения. Теперь акцент делался на отрицательных сторонах партизанского движения, в частности вызывавшихся ими жестокими наказаниях мирных жителей со стороны русской армии. Появились указания на отсутствие их повсеместной поддержки и даже на ненависть к ним [9, р. 266], причем часто эта враждебность была направлена ко всей прежней шведской власти, которая привела страну к гибели [18, с. 15]. Также оказалось признано, что действия партизан не внесли значительного вклада в ход военных действий [9, р. 266].

В 2005 г. появилось исследование К. Вилкуны «*Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta*» [12], которое демонстрирует новое восприятие периода «*Isoviha*» как символического элемента прошлого. Одной из его задач стало изучение причин, которые побуждали финнов назвать период именно так. Речь идет об исторических нарративах, которые способствовали утверждению «мифа», превращению периода в эпоху [12, р. 13], что позволяет охарактеризовать исследование как открывающее качественно новый период в развитии историографии. Изучать традицию значит быть более не в

силах однозначно распознать ее носителей [25, с. 23]; финны больше не идентифицируют себя с наследием «Isoviha». Соответственно, данный период я обозначил как «дисфункциональный», но его хронологические рамки весьма условны, потому что в данном случае в развитии историографии не произошло разрыва, а наблюдается континуитет.

Я прихожу к заключению, что в своем символическом значении период «Isoviha» обладал мощной объединительной силой. Он указывал на историческую враждебность между русскими и финнами, а важным его элементом как символического целого стали партизаны — кивикесы, образ которых задал критерии принадлежности к единому сообществу: финской нации. В настоящее время они не исчезли из исторической памяти финнов, а их образ продолжает выполнять идентификационную функцию. Однако сам нарратив «Isoviha» оказался дисфункционален, но даже его забвение является важным маркером ценностно-смысловых ориентиров национально-го сообщества.

Список литературы

1. Elfving B. Härkmanin pojat // The Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/15637/pg15637.html> (дата обращения: 29.08.2019).
2. Karonen P. Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521—1809. — Porvoo, Helsinki, Juva: WSOY, 1999. — 533 p.
3. Lindeqvist K.O. Suomen historia. — Porvoo: WSOY, 1926. — 558 p.
4. Löfving S. Päiväkirja // The Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/22361/pg22361.html> (дата обращения: 29.08.2019).
5. Martinheimo A. Kolme sissää. — Helsinki: Kirjayhtymä, 1980. — 88 p.
6. Rauta V. Isoviha. — Helsinki: Sanatar, 1943. — 139 p.
7. Rokkonen H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa. URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297> (дата обращения: 29.08.2019).
8. Ruohonen M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna // Karunan Kynttilä. — 2016. — № 18. — P. 7—8.
9. Suomen historian pikkujättiläinen / Ed. by S. Zetterberg. — Helsinki: WSOY, 2003. — 960 p.
10. Topelius Z. Maamme kirja: lukukirja suomen alimmille oppilaitoksille. — Porvoo: WSOY, 1929. — 511 p.
11. Topelius Z. Välskärin kertomuksia // The Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/36328/pg36328.html> (дата обращения: 29.08.2019).
12. Vilku K.H.J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. — 623 p.
13. Wilkuna K. Tapani Löfvingin seikkailut // The Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html> (дата обращения: 29.08.2019).
14. Yrjö-Koskinen Y.S. Lähteitä ison vihan historiaan. — Helsinki, 1865. — 474 p.

15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. — 288 с.
16. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
17. Вихавайнен Т. Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 248 с.
18. Кууйо Э. Финляндия во время Великой Северной войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. — Л.: Наука, 1985. — С. 12—15.
19. Лескинен М.В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // Одиссей: человек в истории. — М.: Наука, 2010. — С. 175—204.
20. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. — М.: Весь Мир, 2017. — 256 с.
21. Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 146 с.
22. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. — 2009. — № 3—4. — С. 6—23.
23. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 220 с.
24. Топелиус С. Березка и звезда // Скандинавские сказки. URL: <http://s-skazka.org.ua/index.php?id=topelius&sk=15> (дата обращения: 29.08.2019).
25. Франция—память. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с.
26. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.

Дореволюционная история финской колонии Верхний Суэдук в Восточной Сибири

Аннотация. В статье рассматривается история колонии для уголовных ссыльных Верхний Суэдук в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Автор выявляет особенности заселения колонии, формирования элементов социальной инфраструктуры: церкви и школы, связи с исторической родиной. Выявляются факторы, которые способствовали сохранению национальной идентичности сибирскими финнами. Дается характеристика имперской политики в отношении финского населения Енисейской губернии.

Ключевые слова: финны, Енисейская губерния, лютеране, национальная идентичность, конфессиональные школы, имперская политика.

Pre-revolutionary history of the Finnish colony Verhnij Suetuk in the Eastern Siberia

Abstract. The article deals with the history of colony for criminal exiles Verhnij Suetuk in the Yenisei region in the second half of the XIX-early XX centuries. The author reveals peculiarities of development of the colony, the formation of elements of social infrastructure: churches and schools, ties with the historical homeland. The factors that contributed to the preservation of national identity by Siberian Finns are revealed. The author characterizes the policy in relation to the Finns.

Keywords: Finns, Yenisei region, Lutherans, national identity, confessional schools, imperial policy.

Одним из последствий присоединения Великого княжества Финляндского к Российской империи в начале XIX в. стало распространение на «финляндских уроженцев» такой меры уголовного наказания, как ссылка в Сибирь. Вследствие этого в регионе появились населенные пункты с преимущественно финским населением, в том числе колония Верхний Суэдук на территории Енисейской губернии. Немногочисленные дореволюционные публикации представляют собой описание истории основания колонии, быта и нравов ее жителей. Советская историческая наука за редкими исключениями не занималась изучением финского населения Сибири. Несмотря на появление с конца 1980-х гг. значительного количества публикаций,

* **Денис Юрьевич Хоменко** — старший преподаватель Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (г. Красноярск, Россия). e-mail: khomenko_denis@mail.ru

Denis Yu. Khomenko — Senior lecturer in the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia).

рассматривающих историю лютеран за Уралом, авторы акцентируют внимание на прибалтийских народах и немцах. История финнов изучена значительно хуже. Кроме того, представляется недостаточно изученной история становления и развития лютеранской инфраструктуры в Сибири. Специально посвященная данному вопросу работа касается в основном западносибирских поселений [15].

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление особенностей становления и развития финского поселения Верхний Суэтук, способов сохранения финнами национальной идентичности, формирования лютеранской инфраструктуры и характеристика политики империи в отношении финского населения Сибири.

При водворении ссыльных финнов власти учитывали их вероисповедание: в начале XIX в. в Западной Сибири была основана колония Рыжково для лютеран. Первыми ее поселенцами были финны-ингерманландцы из Санкт-Петербургской губернии. Позже власти стали водворять туда лютеран других национальностей: латышей, эстонцев и финнов из Великого княжества. В Восточной Сибири до середины XIX в. специального поселения для лютеран не существовало. В 1845 г. Николай I принял решение о направлении в колонию «маловажных преступников Евангелического исповедания». Других, «более важных преступников Евангелического исповедания... отправлять в Енисейскую губернию, где образовать для всех их в Минусинском округе одну или две колонии» [8, с. 55—56]. На следующий год после указа енисейский губернатор издал официальное приглашение для лютеранских поселенцев водвориться в Минусинском округе. На это приглашение откликнулись пять лютеранских семей, в том числе семейство Ю. Кульдема. Весной 1850 г. он поселился в местности на побережье речки Суэтук. Это событие считается датой основания нового лютеранского поселения: Верхний Суэтук. Посетивший его в начале 1857 г. дивизионный пастор Косманн выступил с предложением водворять всех лютеран, сосланных в Восточную Сибирь, в данную колонию. Енисейским губернатором согласился и первая партия ссыльных прибыла в конце марта того же года [3, с. 62].

Среди прибывших в 1857 г. было «небольшое число латышей». На следующий год они основали отдельную колонию, в 20 верстах от Верхнего Суэтука. [3, с. 65]. Кроме финнов и латышей, в Верхний Суэтук в конце 1850-х гг. водворялись эстонцы. Однако через некоторое время, «во избежание национальной розни с тамошними финнами, они перебрались на новое место» [7, с. 28]. Таким образом, к началу 1860-х гг. в лютеранских колониях юга Енисейской губернии произошло национальное размежевание: Верхний Суэтук стал местом проживания финнов и эстонцев, Верхняя Буланка — эстонцев, Нижняя Буланка — латышей и немцев.

О численности финского населения имеются следующие сведения. К 1861 г., по данным генерал-губернатора Восточной Сибири, в Верхнем Суэтуке проживало до 300 «уроженцев Финляндии» [14, л. 13 об., 14 об.]. В 1880 г., во время инспекции колоний генерал-суперинтендантом Московской евангелическо-лютеранской консистории А. Юргенсоном, численность финнов установлена на уровне 280 человек [13, л. 1—2 об.]. Данные о населении за 1902 г. — 357 человек — привел пробст сибирских финнов Й. Гранё [15, с. 199—200].

Существуют описания лютеранских колоний Минусинского округа, представляющие их скопищем преступного элемента, а «внешний вид» — крайне непривлекательным. «Нравственность колонистов, в особенности финнов, незавидна... дело нередко доходит до ножей, даже убийства... Воровство и конокрадство часто повторяется» [3, с. 72]. «Деревни... поражают своим нищенским видом и грязью, а жители — низким уровнем нравственности и преступностью» [16, с. 161—162]. «Колонии отличаются нищенским видом и низким нравственным уровнем... слывят приютом преступного элемента» [1, с. 38].

О частоте и характере преступлений, совершавшихся в лютеранских колониях, позволяют судить архивные документы. В апреле 1913 г. житель Верхнего Суэтука изнасиловал девушку 16 лет [5, л. 16 об.]. В июне того же года трое жителей колонии «нанесли тяжкие побои проходившему по улице сотскому» [5, л. 154 об.]. В сентябре 1914 г. в той же колонии у одного из жителей сгорел сарай, ущерб был оценен в 126 руб. 55 коп. В поджоге подозревали односельчанина [6, л. 53 об.]. Таким образом, в лютеранских колониях совершались как имущественные, так и особо тяжкие преступления против личности.

Вскоре после основания Верхнего Суэтука власти озаботились вопросом организации духовной жизни ссыльных лютеран. В 1858 г. Генеральная евангелическо-лютеранская консистория обратилась в Министерство внутренних дел с предложениями по устройству «духовного призрения ссыльнопоселенцев сего исповедания в Восточной Сибири» [14, л. 66]. К решению этого вопроса подключилась администрация Великого княжества Финляндского. В 1861 г. тамошний сенат обратился к императору с ходатайством «об определении в Восточной Сибири одного финского пастора и одного катихизатора, который вместе с тем исправлял бы обязанности кистера, с производством им содержания из финляндских статных сумм». Поскольку в Енисейской губернии уже было поселение Верхне-Суэтуки [так в тексте. — *Д.Х.*], куда ссылали «исключительно... финляндских поселенцев», то сенат предлагал сделать местом их пребывания этот поселок [14, л. 1—3]. Финская администрация проявляла заботу о своих соотечественниках, а не о всех лютеранах (в прошении упоминаются только «финляндские уроженцы»). Такая позиция может

говорить о высоком уровне национального самосознания. Ее предлагается назвать экстерриториально-национальной.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, отвечая на запрос министра внутренних дел по данному вопросу, сообщал, что ссыльные финны действительно проживали компактно в селении Верхний Суэтук. Однако вместо экстерриториально-национального принципа предлагал руководствоваться конфессионально-территориальным: по назначении пастора в Верхний Суэтук подчинить его духовному попечению всех лютеран Енисейской губернии без учета национальной принадлежности. В первую очередь будущий пастор должен был осуществлять духовное призвание лютеран из Нижней и Верхней Буланок. При этом отмечалось, что «означенный пастор и катехизатор [должны быть] ...знакомы с языками упомянутых выше племен» (т.е. латышским и эстонским) [14, л. 13—15 об.].

21 марта 1863 г. вышел указ Александра II о создании лютеранского прихода в селении Верхний Суэтук [9, с. 247]. В соответствии с ним пастор назначался финляндским сенатом и «должен иметь свое главное местопребывание в поселении Верхнее-Суэтук, Шушальской [так в тексте, вероятно, Шушенской. — Д.Х.] волости Минусинского округа и знать шведский, финский, русский и немецкий языки. На пастора возложить духовное назидание не только находящихся в Верхнее-Суэтуке финнов, но и латышей и эстов лютеранского вероисповедания, проживающих в смежных с Суэтуком поселениях Верхней и Нижней Буланках, и вообще всех лютеран в Енисейской губернии». Жалование пастору устанавливалось в размере 1000 руб. в год с оплатой проезда в обе стороны. Источником финансирования были названы финляндские штатные суммы. Этим же решением в Верхний Суэтук назначался помощник пастора — катехизатор.

Таким образом, император удовлетворил все просьбы финляндской администрации, но вместе с тем учел и предложения генерал-губернатора Восточной Сибири и Генеральской консистории — прежде всего в вопросе духовного попечения эстонцев и латышей. Систему духовного попечения лютеран Енисейской губернии следует признать компромиссной: хотя будущему пастору и было предписано окормлять всех лютеран (конфессиональный подход), предполагалось, что он будет иметь финское происхождение, ему предписывалось знать финский язык (но не латышский и эстонский), и преимущества по службе он мог получить только в Финляндии (национальный подход).

Данная система духовного попечения лютеранского населения оказалась недееспособной. Генерал-суперинтендант Юргенсон отмечал «упадок церковной и нравственной жизни, особливо в латышской поселении Нижней Буланке, вызванный тем обстоятель-

ством, что ни один из прежних проповедников не владел латышским языком». Он предложил создать для латышей и эстонцев отдельный приход, а также перенести «штаб-квартиру» финляндского пастора из Верхнего Суэтука в такое место, «откуда он имел бы возможность посещать ежегодно многочисленных поселенных в Западной Сибири финляндских уроженцев» [13, л. 1—1 об.]. Таким образом, представитель лютеранской консистории отошел от конфессионально-территориального подхода при организации лютеранских приходов в Сибири и предложил учитывать национальную специфику.

Финляндский сенат ожидаемо поддержал мнение о необходимости переноса «штаб-квартиры» пастора. Наиболее подходящим населенным пунктом для его размещения был осчтен г. Омск. Сенат предполагал вменить новому пастору в обязанность «ежегодно посещать все населенные финляндцами места в Западной Сибири до Верхнего Суэтука» [13, л. 7 об. — 8 об.]. Т.е., как и в начале 1860-х гг., речь шла о создании экстерриториально-национального прихода.

Результатом усилий по реформированию системы духовного пощения сибирских лютеран стало Высочайшее объявление 23 декабря 1884 г., сделанное в Гельсингфорсе. Александр III распорядился «по назначении особого эстонско-латышского проповедника для поселений в окрестностях Верхнего Суэтука, постоянное местопребывание финляндского проповедника впредь до времени перенести в Омск» [13, л. 81 об.]. По неизвестным причинам данное объявление не вошло в Полное собрание законов Российской империи. Исследователю текст объявления известен из архивной копии. Император удовлетворил все просьбы финляндской администрации: о переносе «штаб-квартиры» финляндского проповедника, об оставлении катехизатора в Верхнем Суэтуке, о жаловании, о разъездных расходах и т.д.

Жители колонии находились под постоянной опекой своих соплеменников. Это выражалось и в деле организации школьного образования. В Верхнем Суэтуке существовали две школы — одна (для финского населения) основана в 1864 г., а вторая (для эстонцев) — около 1895 г. [7, с. 24—25]. На содержание финской школы деньги выделялись из финляндской казны (2000 марок в год) [16, с. 161; 7, с. 24], на ее же средства. было построено помещение для школы. Современники отмечали, что оно соответствовало всем требованиям. В нем были даже «кое-какие наглядные пособия, особая от кирхи фисгармония для обучения пению» [7, с. 25].

Все три катехизатора в лютеранских колониях выписывали «по несколько газет на национальном языке и по 1—2 газеты на немецком» [7, с. 26]. Данное замечание представляется весьма важным, т.к. демонстрирует желание жителей колоний получать новости с исторической родины, чувствовать единство со своим народом. Ка-

техизаторы становились проводниками между исторической родиной и поселенцами.

В свете актуальной для конца XIX — начала XX в. политики и практики русификации окраин, иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин в 1895 г. предложил реорганизовать школы, существовавшие в лютеранских колониях юга Енисейской губернии, передав их в ведение Министерства народного просвещения и переведя преподавание на русский язык (кроме Закона Божия) [10, л. 1]. Однако идеи генерал-губернатора не нашли понимания в Министерстве финансов, которому пришлось бы взять на себя расходы по их содержанию [10, л. 7]. Таким образом, школы в Верхнем Суэтуке, Верхней и Нижней Буланки остались национальными. В 1905 г. они не учтены в качестве министерских [11], однако в данных 1913 г. уже числятся таковыми [12]. Надо полагать, что за означенный период они все-таки были реорганизованы.

В 1915 г. при Верхне-Суэтуцкой школе существовала воскресная школа, которую посещали 10 мужчин и 12 женщин. Ее программа была рассчитана на 72 учебных часа, распределенных на 24 дня. Среди предметов числились: Закон Божий, чтение, письмо, арифметика [2, с. 46]. Другой формой образования взрослых были воскресные чтения. В Верхне-Суэтуцком училище за 1915 г. прошло 12 чтений, во время которых читались статьи из «Сельского Вестника» и «Деревенского хозяйства». В Нижне-Буланском училище за тот же период было проведено 30 чтений о трезвости и войне. Проводились чтения усилиями учащихся школ [2, с. 52].

Жизнь финских колонистов в Верхнем Суэтуке была объектом внимания не только государственных органов, но и финской общественности. В 1884 г. «некоторые частные лица в Гельсингфорсе приобрели на собранные ими средства орган для употребления при богослужении и школе для сказанных колонистов [жителей Верхнего Суэтука. — Д.Х.]» по ходатайству учителя из Верхнего Суэтука [13, л. 73]. Это замечание крайне важно, т.к. демонстрирует наличие связей между лютеранской колонией и исторической родиной. Кроме того, показательно, что если в 1860-х гг. интересы ссыльных финнов отстаивали государственные структуры в лице сената, то в 1880-х гг. фиксируется внимание к жизни и судьбам соплеменников общества. Этот интерес может быть расценен как показатель высокого уровня национального самосознания как сосланных финнов, так и жителей Финляндии.

Сожительство финнов и эстонцев в Верхнем Суэтуке всегда было напряженным. Очередной конфликт произошел в 1915 г., когда Верхне-Суэтуцкий евангелическо-лютеранский церковный совет обратился к Енисейскому губернатору с просьбой упразднить финский приход. Это было связано с тем, что «финский катизатор (так в тексте,

имеется в виду катехизатор. — Д.Х.) подстрекает наших прихожан от обязанностей» по содержанию эстонского училища [4, л.1]. Соперничество между приходами носило не религиозный, а во многом этнический характер, хотя причины разногласий и крылись в экономических обстоятельствах (необходимости обслуживания училища). Как уже отмечалось, этническая идентичность была для жителей колоний важнее религиозной, и власть была вынуждена с этим фактором считаться.

Подводя итог существованию финской колонии к 1917 г., следует сослаться на слова В.Ю. Григорьева о том, что «колонисты сохранили в полной чистоте свой язык и национальные особенности» [7, с.28]. Этому способствовали следующие факторы: изоляция колонии от русского населения; создание и деятельность элементов социальной инфраструктуры (церковь и школа); поддержка со стороны администрации и общественности Великого княжества Финляндского. Политику империи в отношении сибирских финнов следует признать достаточно гибкой.

Список литературы

1. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края (Отдельный оттиск из «Сибирского Торгово-Промышленного Календаря» на 1904 год). — Томск, 1904. — 61 с.
2. Березовский Н.П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 г. Общие сведения. — Красноярск, 1916. — 57 с.
3. Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850—1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865—1866 гг. — СПб., 1865. — С. 58—78.
4. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. 595. Оп. 48. Д. 1042.
5. ГА КК. Ф.827. Оп.1. Д.1467.
6. ГА КК. Ф.827. Оп.1. Д.1471.
7. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. — Т. IV, вып.2. — Иркутск, 1893. — 176, 55, 129 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1846. — Т. XX—II. — 850 с.
9. ПСЗ РИ. — СПб., 1866. — Т. XXXVIII—I. — 940 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 172. Д. 746.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 187. Д. 1185.
12. РГИА. Ф. 733. Оп. 187. Д. 1203.
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159.
14. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1218.
15. Эспер И.М., Сярг С.С. Рыжково (первое лютеранское поселение в Сибири) и лютеранская церковь. — СПб.: Гйоль, 2013. — 390 с.
16. Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций Минусинского музея // Описание Минусинского музея. — Вып. 4. — Минусинск, 1900. — 212 с.

Советская дипломатия на мирных переговорах с Финляндией в Тарту (1920 г.)

Аннотация. В статье преимущественно на архивных материалах рассмотрен процесс подписания Тартуского (Юрьевского) мирного договора между Советской Россией и Финляндией в 1920 г. Особое внимание уделено тактике советской делегации и инструкциям, приходившим из Москвы. В работе делается попытка дать оценку характеру переговоров и степени влияния различных ведомств на его ход.

Ключевые слова: история международных отношений, история Советской России, история Финляндии, Печенга, Тартуский мир

Soviet diplomacy during peace negotiations with Finland in Tartu in 1920

Abstract. The main focus of this article is on the process of signing the Tartu (Yuryevsk) peace treaty between Soviet Russia and Finland in 1920. The work is basically based on archival materials. Particular attention is paid to the tactics of the Soviet delegation and the instructions that came from Moscow. The research attempts to assess the nature of the negotiations and influence degree of various departments on its course.

Keywords: History of foreign policy, history of Soviet Russia, history of Finland, Petsamo, Tartu peace.

14 октября 2020 г. исполняется сто лет с момента подписания Тартуского (Юрьевского) мирного договора, урегулировавшего отношения между Советской Россией и Финляндией. Ненормальной ситуации, сложившейся после объявления Финляндией независимости в декабре 1917 г. и характеризовавшейся постоянными военными стычками на границе, а также неопределенностью позиции новообразованного государства во время Гражданской войны, был положен конец.

Однако сам процесс переговоров не был легким — советской дипломатии пришлось выдержать испытание, с которым она не сталкивалась со времен переговоров с Германской империей в Бресте. Работа конференции в Тарту шла на протяжении четырех месяцев, обсуждался широкий спектр вопросов, а позиции сторон зачастую

---

* **Никита Иванович Николаев** — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). e-mail: niknipsbu@gmail.com

Nikita I. Nikolaev — Post-graduate student of the Institute of History, Saint-Petersburg State University (St Petersburg, Russia).

были диаметрально противоположными. На фоне относительно безболезненных переговоров с другими лимитрофными государствами (за исключением Польши, с которой велись полномасштабные военные действия), история заключения мира с Финляндией стоит особняком.

1920 г. — время начала переговоров Советской России с западными державами. Ее внешняя политика лишь только нащупывала свой путь. Первые делегаты на мирных конференциях и в различных комиссиях не являлись профессиональными дипломатами — зачастую это были дилетанты, волею судеб оказавшиеся ключевыми фигурами в системе отношений РСФСР с внешним миром. В этой связи рассмотрение частного случая — мирных переговоров с Финляндией — может оказаться полезным при характеристике советской внешней политики эпохи становления государства. Кроме того, оценка степени влияния глав делегации, Я.А. Берзина и П.М. Керженцева, на окончательный итог переговоров в Эстонии, также представляется важной при анализе советско-финляндских отношений рассматриваемого периода.

Мирные переговоры начались 12 июня 1920 г. Советскую делегацию возглавлял секретарь Исполкома Коминтерна, бывший полпред РСФСР в Швейцарии Берзин. В делегацию входили ответственный руководитель РОСТА Керженцев и член РВС армии Советской Латвии Н.С. Тихменев, назначенный на эту должность 23 июля и прибывший в Эстонию уже после перерыва. Советских представителей сопровождали эксперты: В.Н. Егорьев по военным вопросам, Е.А. Беренс — по военно-морским, А.М. Смирнов — по пограничным. Помощником Егорьева был П.К. Удалов, секретарем делегации — А.С. Черных, являвшийся в 1918 г. сотрудником миссии Советской России в Швейцарии. Финскую делегацию возглавлял Ю.К. Паасикиви. Кроме того, туда входили генерал Р. Вальден, В. Таннер, В. Войонмаа, Ю.Х. Веннола, А. Фрей, В.Г. Кивилинна. Военным экспертом стал майор А. Сомерсало, специалистом по вопросам международного права — К.Г. Идман, восточнокаральский вопрос курировал легационный советник Л. Ханникайнен.

С самого начала работы конференции вскрылись основные противоречия между сторонами, которые, тем не менее, в общих чертах прозвучали еще в апреле на переговорах о перемирии в пограничном местечке Раяйоки [8, с. 102—104]. Это вопросы возмещения экономического ущерба за период с 1918 по 1920 г. и будущих государственных границ. Споры также возникли по проблеме состояния войны между странами — ведь в зависимости от его признания или непризнания менялась основа, на которой строили свои требования делегации.

Работу конференции условно можно разделить на два этапа. Первый, длившийся с 12 июня по 14 июля, характеризуется тяжелыми дебатами на пленарных заседаниях и в комиссиях. Члены советской делегации подробно знакомили советское руководство с позицией финской стороны и давали характеристики складывавшейся обстановке. Стоит отметить, что среди некоторой части делегатов РСФСР царили шапкозакидательские настроения. Например, говоря о территориальном вопросе, Берзин писал: «После нашего заявления, что мы им ничего не дадим, и будем твердо отстаивать старую границу 1917 года, они не решились поставить вопрос и согласились на наше предложение — поболтать об этом в территориальной комиссии» [7, с. 326]. Налицо довольно легкомысленное отношение к переговорам.

Несмотря на отсутствие документов, позволяющих в точности описать инструкции, данные делегатам при отъезде в Эстонию, на основе дипломатической корреспонденции можно с уверенностью говорить о том, что Москва поставила четкую задачу — затягивать переговоры. Об этом, в частности, можно узнать из докладной записки Керженцева наркому иностранных дел Г.В. Чичерину от 24 июня, в которой глава делегации указывал, что предложение заключить договор о перемирии было выдвинуто для того, чтобы «выиграть время». И далее, относительно вопроса о государственной границе: «Мы поставили дело таким образом, что вопрос территориальный не может, даже принципиально, разрешаться, покуда не будут выяснены принципиально вопросы экономического порядка» [5, л. 12].

Такая тактика советской стороны неизбежно тормозила ход переговоров. Доведение конференции до грани срыва обуславливалось сложным военным положением Советской России. Польские войска вели успешные действия на Западе, Врангель угрожал с юга. Это была довольно опасная игра, и лишь желание финнов как можно скорее заключить мир (и аналогичные декларации советских дипломатов) удерживало стороны за столом переговоров.

Также немаловажен тот факт, что военные ведомства имели различные интересы в связи с мирными переговорами с Финляндией. Это, по всей видимости, мешало выработать общую линию ведения переговоров. Советский морской представитель при делегации Беренс обратился в Москву с просьбой расставить приоритеты относительно различных территориальных вопросов: карельского, печенгского и Финского залива [4, л. 771]. Безусловно, он был представителем, прежде всего, РВСР, но также транслировал и пожелания морского ведомства. Таким образом, можно говорить о том, что единственной конкретной инструкцией делегации было затягивание переговоров — цель тактическая, но никак не стратегическая.

Стороны не смогли прийти к компромиссу и сделали перерыв в переговорах на две недели. За это время советская делегация получила новые указания относительно дальнейшей тактики на конференции. 23 июля состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б). Одним из рассматривавшихся вопросов был будущий мирный договор с Финляндией. Приняли следующее решение: «Согласиться в принципе на предложенные нашей мирной делегацией условия с тем, однако, чтобы мы абсолютно выговорили себе возможность сухопутных сношений с Норвегией без всякого контроля и без права Финляндии оказывать какое бы то ни было противодействие в отношении проезда людей и провоза товаров. Разрешить нашей делегации пойти на то, чтобы ни одна сторона не производила никаких уплат другой» [6, л. 1—2]. Очень важно в этом постановлении словосочетание «в принципе»: оно указывает на то, что, во-первых, не была определена конкретная величина уступок Финляндии на Мурмане. Во-вторых, сама возможность отдать часть территории РСФСР, по всей видимости, встретила непонимание у некоторых членов партийной верхушки.

После перерыва переговоры продолжились более активно — стороны смогли найти общий язык в вопросе об экономических уступках. Решение Политбюро также позволяло советским дипломатам рассматривать большее количество различных комбинаций, нежели ранее. Однако по одному из главных вопросов — печенгскому — стороны к соглашению прийти не смогли. Первоначально советские представители предлагали удовлетворить требование Финляндии о предоставлении ей доступа к Северному Ледовитому океану с помощью особого экономического коридора. Эту линию отстаивал Керженцев. Он также предлагал рассматривать вопрос о Мурманском побережье в последнюю очередь, чтобы можно было потребовать за передачу территорий определенные уступки. Военное ведомство, например, требовало за Печенгу участок Карельского перешейка. В случае отказа Финляндии от такого «обмена», по мнению начальника полевого штаба РВСР П.П. Лебедева, передача ей территории Мурманского побережья теряла смысл [7, с. 378].

Такие инструкции из Москвы вызвали недоумение главы делегации Берзина. 17 августа в докладной записке Чичерину он напоминал, что «уступка нами территории Печенги не была обусловлена требованием территориальной компенсации со стороны финнов» [7, с. 380], ссылаясь на июльское решение Политбюро. Складывается впечатление, что, запрашивая варианты территориальных требований в обмен на передачу части мурманского побережья, Керженцев не поставил об этом в известность своего коллегу.

В этих условиях переговоры об уступках перешли в плоскость неформальных встреч членов делегаций. 20 августа в Москву была

послана докладная записка [7, с. 381] Керженцева Чичерину, в которой он информировал о переговорах с Веннолой относительно уступок в Печенге. Советский делегат сообщил о достижении устного соглашения и изложил его условия: «Мы отдаем Печенгу в границах меньших, чем в 1918 г., а именно: в южной части границы идет приблизительно от озера Юриярви на Лагнозеро, затем на восток до Ионас, дальше на озеро Гарес по Печенге к Холозеро, дальше по прямой на губу Малый Валок, а оттуда на перешеек Большой Волок, оттуда на губу Бухвайно. Наш вариант с юга по Лутточоки, на севере границы кончается у бухты губы Большая Вальковая, причем эта губа разделяется пополам». Финские компенсации за это сводились бы к следующему: безусловное очищение приходов Реполы и Порос-озеро; передача Сескара и Левансари и нейтрализация остальных островов; военные гарантии на Карельском перешейке; сохранение Аними-Суоярвского лесничества; урегулирование вопроса о судах согласно советскому проекту; согласие на немедленное дипломатическое представительство; принятие всех мер к скорейшему заключению мира и уступка по всем мелким вопросам.

Более того, по мнению главы русской делегации, требовать от Финляндии уступок на Карельском перешейке за предоставление участка на Мурмане немислимо. Керженцев упорно отстаивал свой вариант разрешения проблемы Печенги, аргументируя это, во-первых, получением такого положения в Финском заливе, «о котором нам и не приходилось мечтать в июне» [7, с. 384], во-вторых, разрешением экономических вопросов в пользу Советской России, и, в-третьих, политическим козырем, который дает уступка Печенги (благожелательность к соседней стране, с одной стороны, и пример того, что советское государство может получить больше без какой-либо борьбы — с другой).

Однако в середине августа внешнеполитическая ситуация для Советской России ухудшилась. Во многом это было обусловлено «чудом на Висле» и контрударом польских войск на Западном фронте. Финские представители почувствовали, что от России можно потребовать большего. 31 августа Берзин телеграфировал Чичерину о результатах заседания территориальной комиссии. По его мнению, в сложившейся ситуации имелись два варианта развития событий: крупная территориальная уступка в Печенге и согласие на голосование в восточнокарельских приходах (тогда мир будет заключен немедленно) или ультимативная постановка вопроса — отказ от компенсаций, но русский вариант границы на Мурмане и возвращение приходов РСФСР. Делегация считала наиболее рациональным выставить ультиматум с перерывом, поскольку есть риск увеличения требований со стороны финнов. Чичерин отвечал, что идти даль-

ше «линии Керженцева» никак нельзя, и что плебисцит в приходах Реполы и Порос-озеро также недопустим [7, с. 393]. В целом ин-струкция Москвы заключалась в занятии жесткой позиции, угрозе финнам ультиматумом: в случае перерыва на переговорах уступка Печенги подлежала отзыву.

2 сентября Берзин сообщил Чичерину о разговоре Керженцева с Веннолой. Из нее был сделан вывод, что нужно отказываться от территориальных компенсаций за Печенгу, но настаивать на советском варианте границы и возвращении двух приходов [7, с. 394].

Советская делегация попыталась решить вопрос о дальнейшей работе конференции с помощью неофициальных встреч. Так, 3 и 4 сентября Керженцев тайно от финской делегации встретился с социал-демократом Таннером. Во время первой встречи они пришли к общему решению: Россия отказывается от территориальных требований в обмен на Печенгу, а Реполы и Порос-озеро остается за Россией. Финский социал-демократ писал, что сначала Керженцев пытался добиться уступок на Карельском перешейке, однако вскоре от них отказался [2, с. 137]. После этого разговора Берзин телеграфировал в Москву о результатах встречи, отметив, что считает необходимым согласиться на такой сценарий, и ждал удовлетворительного ответа.

После второй встречи с Таннером Берзин написал Чичерину о согласии Таннера попытаться провести программу, включающую в себя последние уступки по территориальному вопросу. В обмен на Печенгу выдвигалось условие отказа от Карельских приходов и передача Советской России Суоярвского лесничества [7, с. 396]. На ответ давалось три дня. Вечером 4 сентября на территориальной подкомиссии Керженцев, по совету Таннера, огласил русские условия в ультимативной форме: «Это были довольно комичные переговоры, потому что трое мужчин (Паасикиви, Войонмаа и я) знали заранее условия русских и изображали непримиримость только для того, чтобы поддержать мои контакты с русскими. Трое других (Кивилинна, Вальден и Веннола), напротив, были несгибаемы в их общей позиции и хотели отложить необходимые уступки до следующего раза» [2, с. 142].

После этой встречи часть финской делегации выехала в Гельсингфорс для совещания с правительством. В тот же день Чичерин вновь указал Берзину твердо придерживаться «линии Керженцева» в Печенге и настаивать на Суоярвском лесничестве. Он в очередной раз повторил, что в случае перерыва все сделанные уступки берутся назад [7, с. 397].

9 сентября в личном письме заместителю председателя Реввоенсовета Э.М. Склянскому Беренс сообщал, что переговоры теперь идут только между председателями комиссий и эксперты в них не участвуют. Также ни Беренс, ни Зеленой не присутствовали на тех

заседаниях, где предлагались финнам уступки в том виде, в котором они существуют сейчас. Морской эксперт сделал заключение, что в связи с передачей Финляндии участка, намеченного Керженцевым, Россия вынуждена будет принять оборонительные меры на Мурмане, поскольку новый сосед «стремится к расширению». Попытка компенсировать потерю территории Печенги на других участках не имела успеха. В связи с этим, по мнению Беренса, исправление этого положения произойдет лишь «при помощи крайне сильных средств и потрясений» [4, л. 816—818].

24 сентября Беренс сообщил Склянскому о новых претензиях финнов в Печенге — речь шла о небольшом участке Рыбачьего полуострова. Ссылку на необходимость обеспечения прав на рыбную ловлю со стороны финнов он считал не более чем фикцией — ими двигало желание обеспечить себе наиболее благоприятное стратегическое положение на Мурмане [4, л. 816]. 30 сентября Берзин телеграфировал Чичерину о состоянии переговоров [7, с. 405]. Он сообщил о спорных проблемах, выявленных на заседаниях подкомиссий. Финляндия требовала другую границу в Печенге, согласно которой ей переходила вся Большая Волоковая губа, перешеек между Средним и Рыбачьим полуостровами делился надвое, и далее линия проходила на мыс Кекур. Берзин просил немедленный ответ с подтверждением новой уступки в Печенге, отмечая, что она не выходит за рамки инструкций от Политбюро и меньше аналогичной уступки красным финнам в 1918 г.

Между Тарту и Москвой начался обмен телеграммами. Чичерин утверждал, что по вопросу о Мурмане нужно держаться линии Керженцева [7, с. 407]. Берзин попытался добиться поддержки напрямую у Крестинского, грозя разрывом переговоров в том случае, если не будут сделаны упоминаемые уступки. Он также связывал дальнейшую затяжку переговоров с возможным увеличением требований финнов. В заключении Берзин просил поторопить Политбюро в принятии решения. Чичерин, в свою очередь, в сопроводительном письме к докладной записке Берзина Крестинскому доказывал невозможность идти на предлагаемые уступки на Мурмане. Новый вариант границы лишал РСФСР возможности пользоваться кратчайшим путем в норвежский порт Вардо. Предложенная уступка, по словам наркома, «опрокидывает всю нашу комбинацию относительно Печенги» [7, с. 408].

На пленарном заседании 1 октября назрела критическая ситуация. Стороны не шли на уступки друг другу, поэтому было принято решение проконсультироваться с правительствами и собраться вновь через пять дней [4, л. 170]. До следующего пленарного заседания необходимо было решить вопрос о новых уступках в Печенге.

Письмом Крестинскому в обход Чичерина Берзин запустил процесс принятия решения на самом высоком уровне. В отчете после пленарного заседания 1 октября советский представитель писал, что вся делегация единодушно настаивает на уступках и просил о немедленном решении этого вопроса в Политбюро [7, с. 409].

1 октября его члены одобрили проект Ленина о дальнейших инструкциях делегации. Чичерину предписывалось разрешить Берзину идти на уступки, если они не выходят за пределы первоначального постановления Политбюро от 23 июля, и если в результате этой уступки будет заключен мирный договор [7, с. 410]. Чичерин сделал попытку оспорить это решение — в служебной записке Крестинскому он отметил, что 23 июля Политбюро исходило из того, что за Советской Россией останется морской путь на Вардо, Берзин же интерпретирует это решение «несомненно ложно». Также нарком обращал внимание, что этой уступкой нельзя «купить» мир с Финляндией, если о ней не будет сообщено перед самым подписанием договора [7, с. 411].

Однако было уже поздно. Руководствуясь инструкциями из Москвы, Берзин продолжил переговоры с Финляндией на новой основе. Уже 5 октября на 11-м пленарном заседании на суд делегаций был представлен готовый вариант мирного договора. Обе стороны одобрили его без возражений — работа конференции заканчивалась. 14 октября договор был подписан, а уже через 9 дней состоялась его ратификация на чрезвычайной сессии ВЦИК.

Британский историк Д. Кирби оценил Тартуский договор отрицательно, считая, что он касался скорее урегулирования вопроса о границах и не устанавливал основ для будущих добрососедских отношений. Этому установлению также мешала образованная незадолго до этого Карельская трудовая коммуна, которая «могла стать Финской Советской Республикой» [1, р. 61].

В то же время В. Холодковский отмечал, что для Финляндии договор имел важное историческое значение, поскольку стал первым документом, регулировавшим отношения с самым крупным соседом. Для советского государства решения, принятые в Тарту, явились одним из первых успехов политики мирного сосуществования. Каждый договор такого рода «имел серьезное значение как акт фактического признания Страны Советов, как новый шаг к выходу ее из политической и экономической изоляции, одновременно укреплявший безопасность еще на одном участке советской границы, который был или мог стать военным фронтом» [9, с. 236].

Действительно, в краткосрочной перспективе для РСФСР подписание мира с Финляндией стало крупным дипломатическим достижением. На фоне тяжелой войны на Западном фронте Тартуский договор, казалось, решал сразу две проблемы: обеспечивал безопас-

ность Северо-запада и гарантировал невмешательство Финляндии в польские дела. Более того, на фоне аналогичных актов, заключенных к 14 октября 1920 г. с балтийскими государствами, договор выглядел внушительнее и престижнее.

Анализируя историю переговоров в Тарту, можно прийти к выводу, что советская дипломатия металась между двумя путями достижения внешнеполитических целей: «пропагандистским», являвшимся отголоском Брестской тактики, и «буржуазным», принятым в большинстве стран и призванным воплотить в жизнь принцип «мирного сосуществования», провозглашенный еще в конце 1919 г. Действиями делегации фактически руководил нарком иностранных дел Чичерин, становление которого как дипломата пришлось еще на времена Российской Империи. В его действиях отчетливо видно стремление соединить вышеозначенные тактики. Таким образом, подтверждается тезис о том, что в тот период в верхушке РСФСР существовал конфликт между «интернациональным» и «государственным» подходами к ведению внешней политики [3, с. 83].

Однако итог, выраженный в подписании мира, был достигнут в большей степени в результате самостоятельных действий глав делегации Керженцева и Берзина. Линия границы в Печенге, принятая на переговорах, была проведена по их инициативе. По сути, советские представители (которые не были профессионалами) поставили свое правительство перед свершившимся фактом. Кроме того, при принятии решения об уступке территорий на Мурманском побережье игнорировались мнения военных учреждений.

Список литературы

1. Kirby D.G. Finland in the Twentieth Century. — London: C. Hurst, 1979. — 253 p.
2. Tanner V. Tarton rauha: Sen syntyvaiheet ja vaikeudet. — Helsinki: Tammi, 1949. — 258 p.
3. Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917—1933 годах. — М.: Наука, 2004. — 325 с.
4. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 42.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 96.
7. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917—1920. Сборник документов / Отв. сост. М.В. Зеленев. — М.: Научно-политическая книга, 2017. — 502 с.
8. Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918—1938 гг. Очерки истории. — СПб.: Аврора, 2016. — 240 с.
9. Холодковский В.В. Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. — М.: Наука, 1975. — 264 с.

Энтузиасты социалистической Карелии: финские иммигранты на строительстве Карельской республики (1920—1930-е гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются три крупные волны иммиграции финнов на территорию Карелии в послереволюционный период. Представленные группы мигрантов (красные финны, американские финны, финны-перебежчики) рассматриваются с точки зрения их вовлеченности в развитие региона, степени влияния, которое они оказали на формирование региональной и национальной идентичности Карелии.

Ключевые слова: Карелия; красные финны; американские финны; перебежчики; Финляндия; миграция; история XX века.

The enthusiasts of Socialist Karelia: Finnish immigration and the establishment of the Karelian Republic (1920—1930)

Abstract. The article is devoted to three major Finnish immigration waves in 1920—1930s. Those groups are referred to as the Red Finns, the American Finns and the border-crossers. The text focuses on the influence they had on the Karelian national and political identity, industrial and cultural development.

Keywords: Karelia; the red Finns; the American Finns; Finnish border crossers; Finland; migration; XX cent. history.

История Республики Карелия начинается с постановления ВЦИК РСФСР от 7 июня 1920 г. о создании «в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний» национального субъекта — Карельской трудовой коммуны (КТК) [20, л. 59]. С этого основополагающего документа начался и большой «финский период» в прошлом республики: одухотворенные национальной политикой советской России, в КТК приехали финские иммигранты, для которых этот амбициозный национально-политический проект имел двойную ценность — строительство нового государства с коммунистическими идеалами и обретение новой родины. Представление о Карелии как «втором шансе» связало три крупные волны финской иммиграции [27, с. 104], которые прошли в 1920—1930-х гг. и внесли

---

* **Варвара Александровна Маркова** — магистр международных отношений, главный архивист Национального архива Республики Карелия (г. Петрозаводск, Россия). e-mail: Pustelga4444@gmail.com

Varvara A. Markova — Magister in International Relations, Senior archivist of the National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russia).

Участники совещания красных командиров. В первом ряду справа налево: 3. А.Ф. Нуортева, 4. И.А. Ярвисало, 5. Э.А. Гюллинг [1924—1928].

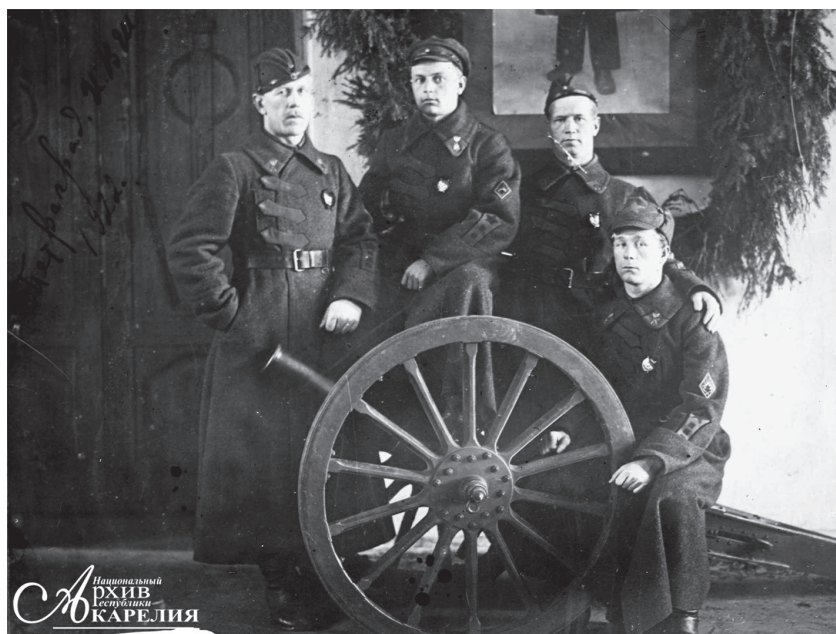
огромный вклад в формирование и развитие политики, экономики и культуры карельской автономии.

КТК включала в себя как большую часть бывшей Олонецкой губернии, населенной примерно поровну русскими и карелами, так и обширный по территории Кемский уезд бывшей Архангельской губернии, который также имел сухопутную границу с Великим княжеством Финляндским. Выходцы из Финляндии на территории обеих губерний в те времена были не слишком многочисленны, хотя между ними и карельским населением в силу родства языков и культуры всегда существовали устойчивые экономические и социальные связи. Революционные события 1917—1918 гг. и сопровождавшая их иностранная интервенция эти связи не оборвали. Напротив, во многом именно разгоревшаяся в Финляндии внутренняя война 1918 г. способствовала усилению миграционных потоков финнов на территорию РСФСР. Преимущественно бежали сторонники коммунизма: бывшие руководители Красной гвардии (Э. Хаапалайнен, А. Тайми), Совета народных уполномоченных (К. Маннер, Э. Гюллинг, Ю. Сирола, О. Куусинен), активисты леворадикальных группировок и профсоюзных организаций индустриальных районов (И. Ярвисало, А. Кийскинен), молодежь и бойцы уличных ополчений и красных вооруженных формирований (Т. и У. Антикайнены, Я. Кокко) и мн.др.

Советское руководство в 1919—1920 гг. внедряло практику создания областных объединений по типу трудовых коммун (например, немцев Поволжья) [23, с. 9], организация которых подразумевала создание политически устойчивых автономных субъектов, сформированных, в первую очередь по национальному признаку. Идея создания такой коммуны на территории бывшей Олонецкой губернии принадлежала [15, с. 29—31] финскому коммунисту и революционеру Гюллингу [13; 32], который после провала революции в Финляндии находился в Швеции. В своем письме университетскому товарищу и видному деятелю Коммунистической партии Финляндии Ю.К. Си-рола он писал: «Из территории Карелии и Кольского полуострова, во всяком случае его западной части, следовало бы образовать особую Карельскую коммуну, границами которой были бы Белое море, Онежское озеро, Финляндская граница и Ледовитый океан. Эта Карельская коммуна пользовалась бы в известной степени особым положением в Российской Советской Республике... причем она имела бы право устраивать свои внутренние дела, советское хозяйство и свое народное просвещение автономно» [19, л. 108—110]. Образование коммуны имело конкретные цели: установление единой власти на экономически однородной территории, создание национальной автономии, способной противостоять пропаганде враждебных коммунистам сил, наконец, формирование будущего форпоста революции во всей Скандинавии (включая Финляндию) [19, л. 109]. На личной встрече с В.И. Лениным идея Гюллинга была одобрена, и в 1920 г. он и другие «красные финны» направились в Карелию.

Карельскому ревкому во главе с «красными финнами» Гюллингом и Я.Ф. Мяки и карелом из Олонецкого уезда В.М. Куджиевым предстояло реализовать колонизационные и экономические амбиции Советской России на территории, имевшей ключевое экономическое значение для удержания власти большевиков. На протяжении двух лет после образования КТК одновременно с ней функционировало советское и партийное руководство Олонецкой губернии, что приводило к частым проблемам в работе. Нехватка кадров, сбои в снабжении, стихийные выступления волостей и отдельных деревень по злободневным проблемам в конечном счете привели к упразднению «двоевластия» и переходу большей части управленческого аппарата губернии в состав органов КТК. Организация единого административно-территориального центра коммуны способствовала разрешению проблемы границ на большей части территории новообразованной автономии, однако на севере оставался нерешенным вопрос о сепаратистском профинляндском движении.

В Кемском уезде еще в 1919 г. был образован Временный комитет Архангельской Карелии, в который вошли представители исконно

Командование лыжного отряда Интервоеншколы. Слева направо: командир 2-й роты Э. Карьялайнен, адъютант С. Сузи, командир 1-й роты и зам. командира И.Э. Хейкконен, командир отряда Т.И. Антикайнен. г. Петроград, 1922 г.

карельских волостей, отличавшихся ярко выраженными антисоветскими взглядами и выступавшими за независимость от России [4, л. 38—39]. В отдельных случаях его агитаторы поддерживали присоединение карельских территорий к Финляндии, обосновывая это традиционными связями северных карелов и финнов, говоривших на одном языке и практически не ощущавших существования государственной границы. Прибывшие в Карелию «красные финны» бросили все силы на деэскалацию конфликта в северной части региона, которая в августе 1920 г. была официально присоединена к КТК (исключая Ребольскую и Поросозерскую волости, судьба которых была впоследствии решена Тартуским мирным договором [21, л. 32—32 об.]). Долгое противостояние завершилось в 1922 г. походом курсантов Петроградской интернациональной военной школы красных командиров во главе с Т.И. Антикайненом на Кимас-озеро [30].

После окончания Гражданской войны «красным финнам» удалось территориально закрепиться в границах, более-менее соответствующих современным очертаниям Республики Карелия. В те годы регион характеризовался слабой населенностью, почти полным от-

сутствием транспортной инфраструктуры и крайней нищетой населения. Предстояло справиться с тяжелым топливным и продовольственным кризисами, с массой негативных социальных явлений, характерных для послевоенных лет, поставить работу советов на местах, для чего необходимо было направлять специально подготовленные кадры в самые отдаленные населенные пункты. Отдельной проблемой стала необходимость постоянной охраны границ и поддержания общественного порядка при почти полном отсутствии снабжения и рабочей силы. Уже в начале 1920-х гг. поднималась тема создания самостоятельных вооруженных сил Карелии [5, л. 343], а в 1923 г. было принято решение об организации Карельской егерской бригады, возглавить которую предложили Э.Г. Матсону [31, л. 317].

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. «красные финны» занялись полномасштабным строительством региона: под их руководством и при постоянном участии начала налаживаться промышленность (построены Кондопожская бумажная фабрика и гидроэлектростанция), впервые проложена важнейшая стратегическая дорога Кемь-Ухта [25, л. 240—240 об.], связавшая карельский север с новым региональным центром, построены электро- и метеостанции, созданы лесопромышленные хозяйства и сельскохозяйственные коммуны, организованы образовательные учреждения для русского и финско-карельского населения, открыты первый научно-исследовательский центр, институт и национальный театр, сформированы союзы деятелей искусств. Важнейшей чертой индустриализации Карелии стало активное привлечение национальных кадров ко всем видам работ, притом к этой категории относились как коренные жители (карелы и вепсы), так и финны, особенно ярко представленные в промышленности региона [22, л. 14—15].

История второй волны финских иммигрантов началась в 1920-х гг. [29, с. 105], когда карельское правительство выступило с инициативой привлечения к развитию карельской промышленности канадских лесорубов и рыбаков. Прологом к массовым приездам финских иммигрантов, проживавших на территории США и Канады, стало установление торгово-экономического сотрудничества между Карельской коммуной и заинтересованными обществами в США. В начале 1920-х г. в Нью-Йорке функционировало представительство уполномоченного КТК, в сферу деятельности которого входили налаживание связей с экономическими партнерами (лесная промышленность и продукты питания) и привлечение иностранных пожертвований для находящейся в глубоком экономическом и продуктовом кризисе Карелии [10, л. 35—35 об.]. Большею частью эти пожертвования — продукты и вещи (зерновые культуры, кофе, потребительские товары и одежда) — собирались неравнодушными

финскими эмигрантами. Впоследствии многие из них приняли участие в переселенческой кампании по найму квалифицированных рабочих для освоения карельских лесов.

В первую очередь американская гуманитарная помощь касалась приехавших в Карелию финских беженцев, которые зачастую не имели при себе ни обуви, ни предметов домашнего обихода [8, л. 156; 11, л. 658]. Их благосостояние относилось к сфере деятельности финской секции регионального комитета РКП(б), главной задачей которой было по мере возможности проводить политику мягкой ассимиляции приезжих, которая трансформировалась со временем в курс на «карелизацию», традиционно понимаемую в исторической литературе как финнизация партийного и советского аппаратов, выраженная во внедрении финского языка в документооборот, систему народного образования и другие сферы жизни. Одна из ключевых фигур карельских органов власти, председатель ЦИК А.Ф. Нуортева, в выступлениях и личной переписке обосновывал политику руководства республики представлением о том, что карельской идентичности как таковой в силу различных исторически обоснованных причин не существует. Вместо нее цементирующей идеей автономии должны стать финская идентичность, язык и культура, дополненные и усовершенствованные догматами марксизма-ленинизма [16, л. 17—21].

Первые организованные группы североамериканских трудовых мигрантов приезжали уже в начале 1920-х гг., однако начиная с 1930 г. привоз «иноспециалистов» и рабочих по приглашению местных органов власти был поставлен на поток [6, л. 1—4; 17, л. 43—48 об.]. Финны, обосновавшиеся ранее в США и Канаде и пострадавшие в годы Великой депрессии, видели в переезде удачную возможность начать жизнь заново [28, с. 33—53] и верили обещаниям местных властей о достойной жизни в республике. Эта волна финской иммиграции носила более системный и организованный характер, чем приход «красных финнов», и имела заметное влияние на развитие региона: лесопромышленные хозяйства Карелии обогатились не только количественно, но и качественно за счет модернизации производства, которая стала возможна с привлечением иностранных специалистов [26]. Однако разруха, слабое экономическое развитие региона, проблемы с поставками продовольствия и одежды и сложные отношения с местным (русским и карельским) населением [3, л. 10—13 об.; 9, л. 19, 22—23] создавали трудности, зачастую вынуждавшие их досрочно покидать Карелию.

Отдельной большой и малоизученной темой является третья категория финских иммигрантов в Карелию, которая пришлась на 1920—1930-е гг. В официальных документах того периода она получила наименование «финперевежчики». Сведения о них можно

почерпнуть, главным образом, в документах отчетного типа, направлявшихся из специальных («карантинных») поселений при лесопунктах Карелии в партийные и государственные органы автономии и Советского Союза, а также в сводках ГПУ. Столь пристальное внимание надзорных органов объяснялось тем, что в большинстве своем бегущие от кризиса финны представлялись инструментом пропаганды враждебного буржуазного государства с целью возбудить очаги сопротивления советской власти в отдаленных приграничных районах. В годы Гражданской войны в ряде волостей Кемского и Олонецкого уездов вспыхивали вооруженные восстания против коммунистов, местное население говорило о карельской самобытности, отмежевании от России, в отдельных случаях — о присоединении волостей к Финляндии: стране, наиболее близкой карелам по языку и быту. Появление в таких местностях нелегально пересекших границу финнов вызывало подозрения. Над перебежчиками устанавливали строгий контроль, не выдавали им документы, выселяли вместе с семьями в специализированные карантинные поселения, принуждали к тяжелому физическому труду [12, л. 35—36].

Приход «финбережчиков» носил хаотичный и бессистемный характер: свидетельства говорят о скудных жилищных условиях, постоянной слежке [7, л. 71—82] и подозрениях в шпионаже [27, с. 92—103]. Все это выступало антитезой декларативному курсу на сплочение братских карельского и финского народов, который защищал «красных финнов» и трудовых американских финнов [24, л. 12].

Середина 1930-х гг. многое изменила для финских иммигрантов: несмотря на широко внедрявшуюся практику двуязычия, распространение литературных и театральных произведений на финском языке, популяризацию народного карельского эпоса «Калевала», собранного финским исследователем Э. Лённротом, в партийном и советском аппаратах нарастало сопротивление «всему финскому». В вину им ставилось пренебрежительное отношение к титульному народу, сознательное замещение карельских и вепсского языков финским, предвзятая кадровая политика и «финляндский шовинизм» ведущих лиц республики и деятелей культуры [18, л. 37—54]. Под пристальным вниманием центра оказались многочисленные донесения о «перегибах по национальной линии»: так, например, утверждалось, что в середине 1930-х гг. Карельский государственный педагогический институт готовил учительские кадры преимущественно из финноязычных граждан, интегрируя карелов и русских в финские группы и игнорируя связанные с этим проблемы в образовательном процессе [14, л. 1—5]. Особо выделялась категория финских перебежчиков и американских финнов, которым якобы отдавался приоритет при приеме на учебу в институт и последующем

трудоустройстве [14, л. 5]. Обвинения в шовинистической политике в конечном счете стали одной из причин снятия большинства «красных финнов» с занимаемых должностей и последующих арестов и расстрелов. В лагерях НКВД погибли Гюллинг, Я.Э. Виртанен [33], которого позже назвали основателем карельской национальной литературы, А.Р. Форстен [2], занимавшаяся организацией народного образования, и мн.др. Политическим преследованиям подвергались и простые граждане. Сегодня их имена можно найти в книгах и тематических российско-финляндских выставках, в открытом доступе имеются книги памяти жертв политических репрессий, включая и отдельные списки финнов [1].

Тема влияния финских иммигрантов на национальное и экономическое строительство Карелии сохраняет актуальность, особенно в преддверии празднования столетнего юбилея республики, запланированного на 2020 г. Десятки отечественных и зарубежных авторов посвятили научные и научно-популярные труды рассмотрению и анализу роли финнов в становлении Карелии, однако многое остается все еще малоизученным и неизвестным широкой публике. В частности, могут стать предметами самостоятельных научных исследований в рамках социально-политических наук, истории и филологии феномен «красных» и американских финнов, тема трудовых переселенцев. Большой научный потенциал имеет изучение «финперебежчиков» как особого явления времен формирования новой идентичности карельского приграничья. В преддверии республиканских празднований вышеуказанная тема приобретает особую важность и интерес для общественности, поскольку не только позволяет пролить свет на историю становления субъекта России, но и представляет собой ретроспективу межрегиональных связей и международного сотрудничества, основанного на долготлетних отношениях народов Северной Европы.

Список литературы

1. Lahti-Argutina E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainonuhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun / Eila Lahti-Argutina; Siirtolaisuusinstituutti; Esipuhe O. Koivukangas; Taitto A. Virtanen. — Turku: S.n., 2001. — 651 s.
2. Айно Форстен. Красные финны в Карелии. Виртуальная выставка документов. НА РК. URL: http://www.rkna.ru/exhibitions/krfn/persons/forsten_a/forsten_a.php (дата обращения: 28.08.2019).
3. Акт проверки представителями Наркомата просвещения АКССР и Кондопожского райкома ВКП(б) корреспонденции директора Кондопожской национальной средней школы Малстрема в редакцию газеты «Punainen Karjala» о проявлении работниками Кондопожского РОНО национализма

- в отношении учителей и учащихся Кондопожской средней школы. 12 июля 1935 г. // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-33. Оп. 1. Д. 140.
4. Воззвание «Карелам» Карельского временного правительства [о национальном самоопределении карельского народа и отмежевании его от Советской России]. 7 февраля 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1/3.
  5. Выписка из протокола заседания Большого СНК от 14 декабря 1923 г. — постановление № 8, п. 20. ЦИК АКССР от 8 декабря 1923 г. об организации Карельской егерской бригады. [21 декабря 1923 г.] // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1/3.
  6. Докладная записка секретаря Карельского обкома ВКП(б) Г.С. Ровио в ЦК ВКП(б) о приостановке въезда рабочих из США и Канады в АКССР. 19 мая 1932 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 790.
  7. Докладная записка уполномоченного ОГПУ АКССР Коскенвирта о состоянии поселков финперевозчиков в Пудожском районе. 24 октября 1932 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 22/254.
  8. Заявление Карельского революционного комитета в Петрокоммуна об отпуске тканей и одежды прибывшим в Карелию финским беженцам. 5 ноября 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 3/33.
  9. Из оперативной сводки № 3 уполномоченного ГПУ АКССР по Петрозаводскому району Громова начальнику ГПУ по вопросу установления взаимоотношения между русскими и иностранными рабочими по состоянию на 25 апреля 1932 г. 7 мая 1932 г. // НА РК. Ф. П-1230. Оп. 6. Д. 9.
  10. Из протокола заседания плановой комиссии КТК от 28 декабря 1921 г. — постановление о назначении Г. Халонена уполномоченным КТК в г. Нью-Йорке и о порядке транспортировки пожертвований (денежного займа и хлеба) от американских товарищей в Карелию. 28 декабря 1921 г. // НА РК. Ф. Р-548. Оп. 1. Д. 1/20.
  11. Из протокола собрания Петрозаводского финского коллектива РКП(б) от 24 ноября 1920 г. — постановление об оказании материально-бытовой помощи финским рабочим, присланным в Карелию из других регионов. 29 ноября 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 2/24.
  12. Из статьи «Условия работы в России: показания, данные под присягой бежавшими из России в Финляндию политическими заключенными» из английского промышленного журнала от 30.03.1930 г. № 2794. Дата не установлена. Перевод // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 15/159.
  13. Красные финны в Карелии. Виртуальная выставка документов. НА РК. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/gulling/gulling.php> (дата обращения: 26.06.2019).
  14. Краткий отчет заместителя директора Карельского государственного педагогического института (КГПИ) т. Марвина о работе учреждения за период с 01 сентября 1937 по 15 мая 1938 гг. 17 мая 1938 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 197/164.
  15. Куджиев В.М. Карельская трудовая коммуна: воспоминания члена ревкома. — Петрозаводск: Карелия, 1970. — 110 с.
  16. Письмо председателя Карельского ЦИК А.Ф. Нуортева профессору Крону в г. Гельсингфорс (Хельсинки) о национальной политике в Карелии. Перевод с фин.яз. И. Шульц. 27 мая 1927 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 24/199.
  17. Письмо председателя СНК АКССР Э.А. Гюллинга в СНК РСФСР о необходимости завоза иностранной квалифицированной рабочей силы в АКССР. 14 августа 1930 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 15/163.

18. Письмо профессора Д.В. Бубриха первому секретарю Карельского обкома ВКП(б) П.И. Иркису по вопросу об экспедиции по изучению карельского языка. 30 апреля 1937 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 175/277.
19. Письмо Э.А. Гюллинга Ю.К. Сирола о причинах и целесообразности создания Карельской коммуны. 24 марта 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1/15.
20. Постановление ВЦИК об образовании Карельской Трудовой Коммуны и поручение Карельскому комитету в составе Э.А. Гюллинга, Я.Ф. Мяки, В.М. Куджиева приступить к подготовке Съезда Советов КТК. 7 июня 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1/15.
21. Протокол 12-го пленарного заседания мирной конференции между РСФСР и Финляндией в г. Юрьеве (Тарту) — обсуждение вопроса о самоуправлении Восточной Карелии (в частности Ребольской и Поросозерской волостей). 14 октября 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 3/31.
22. Протокол заседания комиссии по карелизации при Карельском ЦИК от 11 июня 1929 г. о привлечении в промышленность кадров из карел и финнов и о карелизации дорожного аппарата АКССР. 11 июня 1929 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 14/139.
23. Сидорова Л.А. Советы Карелии в годы восстановления народного хозяйства и начала социалистической индустриализации (1920—1927). — Петрозаводск: Карелия, 1986. — 144 с.
24. Сообщение заведующего управделами СНК АКССР И.В. Хрисанфова народному комиссару труда АКССР Н.М. Глазкову о проведении в жизнь поручения Э.А. Гюллинга о карелизации советского аппарата АКССР. 2 октября 1926 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 6/32.
25. Сообщение Революционного комитета Карельской трудовой коммуны начальнику военных сооружений 7-й армии о постройке дороги Кемь-Ухта. 21 сентября 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1/2.
26. Статья «Работа американских инструментов» в газете «Комсомолец Карелии» об эффективности работы канадскими лесозаготовительными инструментами // Научно-справочная библиотека Национального архива Республики Карелия (НА РК НСБ). Комсомолец Карелии. 1933. 21 октября.
27. Такала И.Р. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск. 1991. — С. 92—103.
28. Такала И.Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. — СПб.: Журнал Нева, 2002. — С. 33—53.
29. Такала И.Р. Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. — С. 95—128.
30. Тойво Антикайнен. Красные финны в Карелии. Виртуальная выставка документов. НА РК. 2018. URL: http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/antikainen_t/antikainen_t.php (дата обращения: 26.06.2019).
31. Ходатайство председателя СНК АКССР Э.А. Гюллинга перед председателем реввоенсовета республики об откомандировании Э.Г. Матсона, выпускника Военной академии РККА, на должность начальника вновь организованной Карельской егерской бригады [17 апреля 1924 г.] // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1/3.
32. Эдвард Гюллинг: у истоков карельской государственности. Виртуальная выставка документов. НА РК. 2016. URL: <http://rkna.ru/exhibitions/gulling/index.html> (дата обращения: 26.06.2019).
33. Ялмари Виртанен. Красные финны в Карелии. Виртуальная выставка документов. НА РК. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/virtanen/virtanen.php> (дата обращения: 28.08.2019).

Московский мирный договор 1940 г. между СССР и Финляндией и деятельность советского полпреда в Швеции А.М. Коллонтай. К вопросу о личном факторе в истории дипломатии XX в.

Аннотация. В статье отражен личный вклад советского полпреда в Швеции А.М. Коллонтай в достижении перемирия между Советским Союзом и Финляндией в «Зимней войне» 1939—1940 гг. Статья написана на основе архивных документов АВП РФ, мемуаров А.М. Коллонтай, ее переписки и воспоминаний о ней современников — дипломата В.И. Ерофеева, министра иностранных дел Финляндии В.А. Таннера и др.

Ключевые слова: Александра Коллонтай; советско-финляндские отношения 1930-х гг.; «Зимняя война» 1939—1940 гг.; Московский мирный договор 12 марта 1940.

Moscow peace treaty of 1940 between the USSR and Finland and the activities of the Soviet ambassador in Sweden A.M. Kollontay. on the issue of the personal factor in the history of diplomacy of the XXth century

Abstract. The article reflects personal contribution of the Soviet ambassador in Sweden A.M. Kollontay in achieving a truce between the Soviet Union and Finland in the “Winter War” of 1939—1940. The article is written on the basis of the archival documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, the memoirs of A.M. Kollontay, her correspondence and memoirs of her contemporaries — diplomat V.I. Erofeev, Minister of Foreign Affairs of Finland V.A. Tanner and others.

Keywords: Alexandra Kollontay; Soviet-Finnish relations of the 1930s; “Winter War” of 1939—1940; Moscow Peace Treaty of March 12, 1940.

Одной из драматических страниц в истории советско-финляндских отношений в XX в. была «Зимняя война» 1939—1940 гг., принесшая обоим странам серьезные моральные потрясения и людские потери. Невероятен тот факт, что страна с населением всего в 3 млн 650 тыс. человек смогла противостоять военной мощи СССР. Это случилось, в том числе, потому, что подготовка к военной операции «велаась в

* **Лина Андреевна Будаева** — соискатель аспирантуры кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: linabudaeva7@yandex.ru

Lina A. Budaeva — Competitor of a scientific degree, Department of the history of social movements and political parties of Russia, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

страшной спешке и очень неорганизованно, без четкого представления о противнике и театре военных действий» [3, с. 31]. Полномочный представитель СССР в Швеции А.М. Коллонтай писала об этом в декабре 1939 г. так: «Продвижение наших войск несколько замедлилось. Эта ранняя зима с ее лютыми морозами! Наши войска менее практично обмундированы для этого северного похода, чем финские. У финнов тулупы подбиты овечьими шкурами и шапки белые бараньи из США... По газетным донесениям с фронта люди гибнут не столько от вражеских снарядов, сколько от лютого мороза и снежных вьюг. Морозы и вьюги прямо косят людей. Замерзают стоя, но не выпуская ружья из рук. Герои наш народ!» [5, с. 479].

Как известно, с первых дней советско-финской войны, начавшейся 30 ноября 1939 г., единственная в то время в мире женщина-дипломат А.М. Коллонтай использовала все имевшиеся у нее возможности для того, чтобы способствовать установлению переговорного процесса между воюющими странами. С этой целью она активно задействовала все свои контакты в политических кругах Швеции, традиционной близкой с Финляндией, страной, с которой ее связывало многое. Ее мать — Александра Александровна Масалина — была дочерью финского лесопромышленника, и Коллонтай проводила детство и юность у своего деда, в его усадьбе в Куузанхови [3, с. 73]. Именно поэтому начало «Зимней войны» она переживала очень эмоционально.

Особое беспокойство у советского полпреда вызывал масштаб военной и экономической помощи Финляндии, которую оказывала этой стране формально нейтральная Швеция. Об этом Коллонтай писала заместителю наркома иностранных дел С.А. Лозовскому 3 января 1940 г.: «Шведы живут под знаком страха, что “события” могут втянуть их в круговорот войны... Тон прессы по отношению к нам пока не изменяется к лучшему, газеты пестрят преувеличенными и явно ложными успехами белофиннов... Сейчас вся буржуазная печать вкупе с социал-демократическими газетами старается представить Финляндию, как образец малого государства, по античному героически готового бороться и умирать за “принципы” независимости, нечто вроде античной Спарты. В первый день нового года отправился в Финляндию третий эшелон добровольцев. Но надо сказать, что, несмотря на всю шумиху в пользу Финляндии, несмотря на антисоветскую пропаганду, эффективность помощи, оказываемой Финляндии со стороны Швеции, весьма незначительна. Собранно в пользу Финляндии около 15 млн крон, отправлен лазарет и готовится к отправке второй. Идет набор врачей. Число добровольцев не доходит и до тысячи» [1, л. 1—4]. В связи с этим 6 января 1940 г. по поручению Советского правительства полпред направила

ноту, где привела факты оказываемой Финляндии помощи, отметив, что действия шведских властей не только противоречат провозглашенной политике нейтралитета, но и «могут привести к нежелательным осложнениям в отношениях между Швецией и Советским Союзом» [8, с 93—94]. Кроме этого, Коллонтай практически постоянно встречалась с представителями шведской общественности и журналистами, разъясняя им позицию СССР по данному вопросу.

Значительным достижением посланника можно считать то, что в середине февраля 1940 г. шведское правительство впервые отклонило очередную просьбу финнов о военной помощи. Дипломат В.И. Ерофеев считал, что «на эту позицию шведского правительства оказывала сильное и постоянное воздействие А.М. Коллонтай» [3, с. 33]. Более того, шведские власти были даже готовы содействовать СССР в заключении мира с Финляндией, чем советская дипломатия в итоге воспользовалась.

Еще в декабре 1939 г. Александра Михайловна надеялась, что «под давлением шведов можно будет добиться того, что инициатива прямого обращения с предложением о мире будет исходить именно со стороны финнов» [5, с. 478]. При этом она рассчитывала и на возможное установление дипломатических контактов с Финляндией через посредничество шведских политических элит. 20 декабря 1939 г. Коллонтай писала о своей встрече с эстрадным певцом и директором политического ревю К. Герхардом, который нанес ей личный визит по поручению члена шведского парламента Г. Меллера. В беседе Герхард особо подчеркнул, что «Финны упрямый и гордый народ, прямо они не обратятся. Это значило бы признать свое поражение. Через посредничество шведов это легче, удобнее» [5, с. 482]. Затем он пригласил Коллонтай на обед с Меллером и его супругой в свою загородную виллу. Запись из дневника гласит: «Меллер заговорил первый. Он начал с того, что так долго продолжаться не может. “Войну на Карельском перешейке надо прекратить не только в интересах русских и финнов, но и ради Швеции. Финны пока сдерживают наступление русских войск. Но если (что неизбежно) Москва начнет побеждать, шведов все труднее и труднее будет удержать на позиции нейтралов. Финские войска показали уже, что они сражаются эффективно, и я добавлю, — сказал Меллер, — геройски, хотя и ваши войска сражаются не хуже. Но мы, шведы, считаем, что довольно кровопролития, пора закончить это безобразное взаимное истребление народа. Надо заключить мир”. Я спросила: “А что говорят финны?” “Высоко конфиденциально скажу вам: в Хельсинки ждут нашего посредничества”. Это большая новость. “Финны хотят мира, — начал Меллер. — Маннергейм пессимистически настроен. Неофициально финское правительство, точнее Таннер, зондирова-

ло меня. Но что скажет Москва, если Стокгольм предложит снова свое посредничество? Момент сейчас подходящий. Выясните срочно этот вопрос, товарищ Александра. Ситуация лабильная, в счет идут не дни, а часы» [5, с. 482—484]. Проинформировав Москву о состоявшейся встрече, она получила ответ от наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, что «мы желаем получить обращение самих финнов о мире» [5, с. 484]. Коллонтай незамедлительно, но в завуалированной форме передала об этом министру иностранных дел Швеции К.Э. Гюнтеру: «Посредничество Швеции может быть эффективным и будет приветствоваться Москвой лишь при условии, если финны уполномочивают шведское правительство выступить посредником. От себя я добавила горячо, что считаю желательным не бросать мысли о посредничестве, а напротив, нажимать на финское правительство и Таннера, пусть запросят мира» [5, с. 484].

Сразу же после этой встречи, прошедшей на вилле Герхарда в Сальшбадене в январе 1940 г., финское правительство направило в Стокгольм своего неофициального представителя — известную писательницу Х. Вуолиоки, относившуюся к Советскому Союзу с большой симпатией. «Министр иностранных дел и премьер-министр Финляндии полагали, что переговоры двух дам должны выглядеть менее официально. Такой вариант налаживания межгосударственных отношений был удобен и для Кремля» [4]. Секретные встречи Коллонтай с Вуолиоки быстро принесли положительные результаты: «Сегодня начало переговоров о мире. Период зондажа позади. Финны официально обратились к шведскому правительству с просьбой о посредничестве. Финны хотят мира. Гюнтер официально это передал мне и просил срочного ответа Москвы: согласны ли мы на посредничество шведов и что ответим финнам на их обращение начать переговоры о мире. Я еще вся дрожу от волнения. Хотя ведь это только запрос о переговорах о мире. А я знаю, что переговоры легко срываются. Но Гюнтер был в радужном настроении. Нет, все же это первый шаг к восстановлению мира. В Москву шифровку с запросом послала», — записала А.М. Коллонтай 24 января 1940 г. [5, с. 487—489] Спустя три дня она получила ответ: Москва была лишь в принципе согласна начать переговоры с финнами, которые, как полагало руководство СССР, уже должны были быть готовы на любые уступки. Несмотря на то, что в телеграмме ничего не говорилось о посредничестве шведской стороны в этом вопросе, Коллонтай пришла к выводу, что «раз телеграмма адресована мне, это косвенно подтверждает посредничество шведов. Иных путей передачи ответа Москвы финнам у меня не имеется» [5, с. 491].

Советский полпред начала действовать по своему усмотрению: через Вуолиоки она пригласила министра иностранных дел Фин-

ляндии В. Таннера в Стокгольм для секретной встречи, которая состоялась 5 февраля 1940 г. Коллонтай решительно убеждала его принять предложения, выдвинутые советской стороной, и поехать в Москву для подписания договора о мире. Она постоянно ссылалась на свою многолетнюю связь с Финляндией, любовь к этой стране. Она вспоминала о том как, много лет назад из-за защиты интересов Финляндии ее преследовала полиция царской России и др. Действительно, полпред хорошо знала Финляндию, была дружна со многими тамошними политиками и дипломатами. Так, знакомство с Таннером состоялось у нее еще во времена международных социалистических конгрессов, проходивших в Копенгагене и в Базеле в 1910 г. Позднее, они встречались уже в Хельсинки в 1917—1918 гг., куда Коллонтай приезжала вместе со И.В. Сталиным для того, чтобы на съезде социал-демократической партии, созданной Таннером, объявить о признании независимости Финляндии со стороны Советской России. «Я напомнила ему, что в Копенгагене и Базеле мы теоретически обсуждали вопросы войны и мира, а сейчас на практике должны помочь найти базу для их воплощения в действительность. Протянула ему руку и призвала его действовать в память боевых дней тех интернациональных конгрессов. Он привстал и пожал мне руку» [3, с. 73—74].

В свою очередь, Таннер вспоминал об этих событиях так: «Во время нашей встречи она держалась очень вежливо, почти сердечно. Родившись в Финляндии, она всегда проявляла особый интерес к финским делам и сейчас сказала мне, что судьба Финляндии ее глубоко печалит. По ее мнению, для Советского Союза война еще толком не начиналась: весной Красная армия перейдет в наступление, а разрушения в стране увеличатся, поскольку авиация будет применять бомбы весом в тонну. Она добавила, что финский ответ не может стать основой для обсуждения» [5, с. 189]. В результате переговоров с финской стороной и главой шведского МИД Гюнтером, длившихся весь февраль 1940 г., только 5 марта Коллонтай смогла сообщить в Москву, что Финляндия согласна на мир. В результате 12 марта был заключен Московский мирный договор, Финляндия приняла все условия Советского Союза и тяжелая война была окончена [3, с. 74]. Как известно, Молотов в этот день послал Коллонтай следующую телеграмму: «Ввиду Ваших больших заслуг во всем этом деле горячо поздравляю Вас с этим новым международным успехом Советского Союза» [7, с. 522]. Подписание этого договора имело поистине историческое значение: «Если сопоставить размер территорий, полученных Советским Союзом по мирному договору, с тем, что он предлагал на переговорах в Москве перед войной, то окажется, что финны в этой войне понесли большие территориаль-

ные потери. Достаточно сказать, что СССР получил от финнов часть территории, по которой проходит единственная в стране водная магистраль — знаменитый Сайменский канал по сплаву древесных и других товаров из центральных районов. Стоит его перекрыть хотя бы на несколько дней, как сразу нарушается хозяйственная деятельность на большей части территории страны» [6].

Серия сложных дипломатических шагов, предпринятых Коллонтай, значительно ускорила процесс достижения мира в «Зимней войне» [2]. Это был заслуженный успех Коллонтай. Многим современникам тех событий тогда казалось, что первой в истории женщине-дипломату удалось сделать невозможное. Ее помощник в 1942—1944 гг. В.И. Ерофеев отмечал, что она всегда мастерски использовала в достижении государственных интересов Советского Союза личные контакты и связи, «как в случае с Паасикиви, а раньше — с Таннером и популярным шведским актером Карлом Герхардом, который сыграл важную роль на начальных стадиях привлечения Швеции к посредничеству в поисках мира между Финляндией и СССР, так и во множестве других» [5, с. 137]. Позднее президент Финляндии У.К. Екконен написал об этом времени так: «Искреннее стремление мадам Коллонтай помочь Финляндии выйти из войны мы вспоминаем с большой благодарностью» [8, с. 94].

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0140. Оп. 24. П. 123. Д. 1.
2. Будаева Л.А. «Своя страна — клубника, чужая — черника»: советский полпред А.М. Коллонтай и особенности взаимоотношений между СССР, Швецией, Финляндией в период Зимней войны 1939—1940 гг. // Клио. — 2018. — № 4. — С. 135—141.
3. Ерофеев В.И. В советском посольстве в Швеции 1942—1944 гг. // Новая и новейшая история. — 1996. — № 1. — С. 130—148.
4. Козлов А.И. Финская война (Взгляд с той стороны). — Рига: Торнадо, 1997. — 46 с.
5. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922—1940. — Т. 2. — М.: Асадемия, 2001. — 543 с.
6. Синицын Е.Т. Резидент свидетельствует. — М.: Гея, 1996. — 288 с.
7. Таннер В. Зимняя война. — М.: «Центрполиграф», 2003. — 349 с.
8. Шейнис З.С. Александра Коллонтай — советский дипломат // Новая и новейшая история. — 1985. — № 4. — С. 83—95.

Научное издание

**История России с древнейших времен до XXI века:
проблемы, дискуссии, новые взгляды**

Материалы Международной научно-практической школы-конференции
молодых ученых

Редактор
В.Н. Круглов

Макет и оформление
Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 1.10.19. Формат 60×90/16. Заказ №
Тираж 500 экз. 31,0 п.л. 35,0 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО «Клаб Принт»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 1
Тел.: +7 (495) 669-5009

Для заметок

Для заметок
